

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

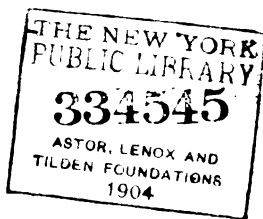
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 сентября 1864 г.

Въ типографіи Рюмина и Комп.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ
ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ.

I.

Уже самый первый историческій актъ—географическое распространение и земско-хозяйственное устройство допетровской Руси объясняетъ его медленное умственное движеніе и развитіе. Вѣковое напряженіе физическихъ силъ народа въ колоссальныхъ завоеваніяхъ земель на востокъ и западъ (отъ 18,000 до 392,000 кв. м.), въ тысячелѣтнемъ распространеніи колонизаціи и агрикультуры среди лѣсовъ и болотъ, въ борьбѣ съ финскими и турко-монгольскими племенами, въ пассивной борьбѣ съ суровой сѣверной природой, въ войнахъ съ западомъ, Польшей и Турціей,— все это богатырское напряженіе физическихъ силъ народа, естественно оставляло мало мѣста для развитія, умственныхъ силъ. Въ научнымъ, умственнымъ занятіямъ, и особенно къ такимъ, которыя требовали естествознанія, русскіе люди обнаруживали не только холодность, но и недоуверіе: они не знали ни земли, ни воды своей, и не хотѣли учиться (*). Отсутствіе умственныхъ интересовъ въ русскомъ народѣ и обществѣ поражало западныхъ путешествен-

*) Петрей (in chronic. moscovitic. p. 311).

никовъ по Россіи *). По причинѣ такой умственной неразвитости, вслѣдствіе отсутствія естественно-научной, реально-познавательной дѣятельности, умственныхъ интересовъ и занятій, духа изслѣдованія и пытливости, — въ народѣ естественно, преобладали одни мускулярныя силы и занятія **), одно воображеніе. Отъ неразвитости умственно-индустриальной изобрѣтательности проистекло преобладаніе въ древней Россіи

*) Олеарій говоритъ: „Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ, тѣмъ менѣе съ охотою занимаются ими... Естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно поддаются ихъ грубому и неразумному сужденію... Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ достопамятными дѣлами своихъ предковъ, не стараясь узнать что-либо о состояніи иностранныхъ земель, русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Всѣ рѣчи ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ; и проч. (Путеш. Олеарія, въ Архивъ Калачева за 1859 г. кн. 3, стр. 25—36).

**) Былины о размашистыхъ подвигахъ богатырей—вполнѣ выразили господствующее развитіе мускулярныхъ силъ въ древней Россіи. Силами не только боролись, но и гордились. Есть особая легенда о силѣ. (См. Историю русской. Словесности—Шевырева Т. 1. Сборникъ народныхъ стиховъ—Кириши Давилова. Сборникъ—Рыбушкина и друг.). Для усиленія развитія силы и вообще тѣлесной крѣпости и полноты въ старину употребляли и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ разныя травы, напримѣръ, девясилъ обыкновенный (*Pulicaria vulgaris*), сушеницу топянистую (*Gnaphalium uliginosum*), и др. (См. Матер. для статист. и географ. Воронеж. Губ. стр. 85). И дѣйствительно, западные путешественники единогласно отзывались о русскихъ, какъ о сильныхъ мускулистыхъ людяхъ. Петрей говоритъ: «Русскіе всѣ вообще люди рослые, сильные, дюжие, тучные...» (Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moskan, S. 583. 593). Олеарій: «всѣ мужчины вообще высоки роста, полны и крѣпкаго сложенія... Русскіе—народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ и жаръ». (Архивъ 1859 г. кн. 3, сочин. Олеарія стр. 20, 25, 45, 55). Мускулярныя силы упражнялись и развивались въ палочныхъ и кулачныхъ бояхъ. Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрныя битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались въ партіи и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бывали жестоко и жестоко.. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. Сверхъ того, молодые люди боролись, бѣгали въ запуски, скакали на лошадахъ въ перегонки, и проч. (См. Костомарова, Очеркъ нравовъ великор. нар. стр. 141—142. Олеарія, Архивъ стр. 40. А. А. Э. Т. III, № 264). О господствѣ силы въ древней Россіи свидѣтельствуетъ также обычай битвы съ полемъ изъ за земли и проч. См. правыя грамоты въ актахъ юридическихъ. Вообще, среднія вѣка, когда господствовало право сильного, главнымъ образомъ характеризуются полнѣйшимъ господствомъ и разгуломъ грубыхъ силъ физическихъ, мускулярныхъ силъ.

такъ называемыхъ *вытныхъ*, хлѣбныхъ промысловъ и сильное развитіе системы кормленія *) Отсюда, при легкости прокормленія хлѣбопашествомъ, при обилии земли хлѣбородной, естественно произошла преобладающая въ древней Россіи—хлѣбопахатная или земледѣльческая колонизація **). Преимущественное развитіе и значеніе мускулярной силы, обусловило способность къ военнымъ занятіямъ и промыслы—«полонь», «добычу», «грабежъ», а потомъ службу *своей силой* за кормъ за хлѣбное и денежное жалованье, за жалованья земли ***). Отсюда

*) Отсюда самая поземельная мѣра выражала представленіе о желудкѣ или насыщеніи человѣка и называлась *вытью*, т. е. такимъ участкомъ земли, съ котораго могло быть сытымъ семейств. (Сошное письмо, во XVII кн. Временника. Неволяна, о Пятин. и погостахъ Новгород. Прилож. V). Количествомъ вытей гордились и измѣряли богатство и знатность. Въ словѣ о правдѣ, приписываемомъ извѣстн. протоп. Стефану Воинянтьеву, хлѣбъ называется „главизною всякъ промысловъ“ (Обзоръ дух. писателей—Филарета подъ словомъ: Стефанъ Воинянтьевъ). Въ одномъ муромскомъ сказаніи также сказано: «главизна всякъ—поля хлѣбородныя» (См. во Владим. Сборн. въ статьѣ о Муромѣ). По народному міросозерцанію, хлѣбопашество—богоопредѣленный источникъ пропитанія, богатства, основанія скотоводства, торговли и всякаго добра.

**) О которой и будетъ дальше сказано подробно.

***) Упражненіе мускулярныхъ силъ въ палочныхъ и джудачныхъ бояхъ приучало къ войнѣ, развивало неустрашимый и храбрый воинственный духъ. (Костомарова, Очеркъ нравовъ великорусскаго народа, стр. 141—142). Чтобы наиболѣе развивалась мускулярная сила, русскіе съ 14-ти лѣтъ учились военнымъ занятіямъ и, кромѣ того, ѣли сырое мясо разныхъ звѣрей, оленину съ саломъ дикихъ звѣрей и проч. Вундслеръ (Reisen nach Dänemark, Russland und Schweden 1589 и 1590, во Frankfurt Archiv, für ältere deutsch. Literatur, u Geschichte, herausgegeben. von J. C. von Fikhardt. Frankf. 1812. Th. I. S. 163—235) на стр. 211 говоритъ: „Такъ-какъ великіе князья ежегодно нуждаются въ большомъ количествѣ военныхъ людей, то чрезъ каждыя три года, всѣ двѣ боярскіе, какъ только достигнутъ 14-ти лѣтъ, записываются въ службу и требуютъ на войну... Самая обыкновенная ихъ пища въ полѣ: олень (Hirsch, Hirsce), приготовленный съ саломъ дикихъ звѣрей (mit Wildt-Thier-Schmalz gekocht), лукъ и чеснокъ, сухая рыба, сырое (wildt, roh) мясо многообразныхъ звѣрей. Вообще здѣшніе жители очень терпѣливы и сносны (sie sind also leidtlich und können sich in alle Zeit schicken)“. Русскіе съ молодю приучались къ разнымъ воинскимъ приемамъ и обычаямъ, развивали особую тѣлесную способность. Наприм. Ст. Какашъ (1602 г.) говоритъ: „московитяне имѣютъ обычай, когда ѣдутъ въ путь (на войну), или стоятъ на посту, свистѣть губами безъ всякаго инструмента; посредствомъ памяти и долговременнаго упражненія съ юности, они приобрѣтаютъ въ этомъ занятіи большое совершенство (Archiv für Geographie, Historie, Staats-und Kriegskunst. 1811. Путеш. Какаша въ №№ 11, 12, 27, 29, 37, 39, 40, 41). Изъ-за хлѣбнаго жалованья служили *своею силою*. Дополн. къ А. И. т. III, № 87 и

привстекала особая военно-служилая колонизация — стратегическая или острожная, стрѣлцкая и казачья, линейно-сторожевая, ландмилицкая и военно-поселенческая *).

ми. др. Первоначальною цѣлью или непремѣннымъ условіемъ всѣхъ древне-русскихъ войнъ, особенно до XII-го в., были — пологъ, грабежъ, добыча, а въ Сибири, въ XVII-мъ в., ясакъ. Въ старину, напримѣръ, чуть происходилъ разладъ между городами или княжествами, тотчасъ начинался грабежъ и пологъ (см. наприм. Соє. Врем. I, 345): „сполчихася на грабежъ, учиниша ратнѣя вси волости пусты, села пожгоша, а города поимаша, а люди въ пологъ поведоша, а имѣнѣя разграбиша, а жита потравиша... Великаго Новгорода разбойницы 70 умкуевъ, съ воеводою Провооомъ, пришедши взяти Кострому градъ разбоемъ, людей взышоша, а иныхъ въ пологъ ведоша, и жены и дѣти ихъ, а товаръ пограбиша“, и проч. (Соф. I, стр. 348—350). Вообще, о каждой древне-русской войнѣ обыкновенно говорится: сожгли или разграбили села и города, пологу, женъ и дѣтей, многое множество вывели, и все богатство ихъ взяли и т. п. (Никон. III, 423, IV, 16, 25 и мног. др.). „Русскіе, говорить Олеарій, весьма способны къ войнѣ и охотно идутъ на нее, такъ-какъ они ведутъ жизнь суровую.. Цѣль войны состоитъ въ грабежѣ, убійствѣ и желаніи обогатиться“. (Архивъ 1869. кн. III, стр. 45). О военныхъ промыслахъ служилыхъ людей въ принятыхъ ясачныхъ земляхъ и людей въ Сибири, о грабежахъ ихъ см. Дополн. къ акт. историч. т. III — VIII.

*) См. „О сторожевой, станичной и полевой службѣ, на польской или степной украинѣ москов. государства“ — соч. Бѣляева, въ чтен. моск. общ. ист. 1845 — 1846. кн. IV. Въ актахъ XVI и особенно XVII в. весьма часто говорится, что такого-то мѣста и въ такомъ-то мѣстѣ (преимущественно въ понизовомъ, заволжскомъ краѣ), „Государь указалъ поставить городъ или острогъ и населить его стрѣльцами, пушкарями и защитниками. Въ Сибири, служилые люди, присылывая немпрныя ясачныя земляцы, ставили и населяли города, остроги и зимовья. См. Дополн. къ акт. истор. т. III — VIII (наприм. т. VI, №№ 1, 5, 10, 21, 89, 118 и 130; т. VII, № 74; т. VIII, №№ 11, 101). Въ XVII в. повсюду около городовъ устроились стрѣлцкія слободы. А. А. Э. т. IV, № 2^о. Владим. Сборн. стр. 78. Доп. къ А. И. III, № 16. Солдатами населяли деревни. Доп. къ А. И. т. III, № 64. Въ началѣ XVIII стол. драгунскими и пѣхотными полками населялись особыя слободы по дистриктахъ и при городахъ. (П. С. З. т. V, №№ 3,899, 3,904; т. VII, №№ 4,611, 5,017, стр. 746; № 5,033, стр. 760; № 5,117, стр. 823). При Аннѣ Ивановнѣ и въ послѣдующее время, казаками населяли особые казачьи города и слободы, на царичинской линіи. (П. С. З. т. VIII, №№ 5,923, 5,868, 6,007, 6,129 и друг.). Военной колонизаціей, въ XVIII в., проведена была также цѣль крѣпостей, слободъ, станицъ и форпостовъ сначала по линіи закамской или черемшанской, потомъ по линіи яицкой: объ эти линіи заселялись казаками, пахатными солдатами, ландмилицкими полками. (П. С. З. т. X, № 7,278. Лексик. Татищева ч. I, стр. 89, 149, 162 — 163, 200, 236; ч. III, стр. 78, 201, 212. Сочин. и перевод. 1759 г. ч. I, стр. 803, 304. 310 — 312, 393.) Jonas Hanway, zuverlässige Beschreibung seiner Reisen von London durch Russland und Persien in den Jahren von 1742 bis 1750. В. I, с. 3. в. 10—11. Тутъ же и карта этой военной стратегической колонизаціи. (Рычковъ, описывая прыго о.ки, крѣпости, редуты, населенныя стрѣльцами и

Результатомъ общей односторонности, обусловившей преобладаніе или исключительное развитіе только земледѣльческихъ, и военныхъ поселеній, былъ крайній недостатокъ въ древней Россіи высшихъ индустріальныхъ способностей и знаній, индустріальной интеллигенціи и изобрѣтательности и вслѣдствіе того, слабое развитіе индустріальныхъ народныхъ ассоціацій, мануфактурно-промышленныхъ, фабрично-заводскихъ и торгово-промышленныхъ поселеній. *). Общая несостоятельность въ области индустріальнаго мышленія, занятія и труда, проистекавшая отъ крайняго недостатка или отсутствія реальныхъ знаній, общій недостатокъ промышленной интеллигенціи и изобрѣтательности—только усиливали численное преобладаніе земледѣльческихъ поселеній, въ ущербъ индустріальнымъ, фабрично-заводскимъ,

солдатами, замѣчаютъ: „Намѣреніе сего поселенія, думаю, состояло въ томъ, чтобы среди иновѣрныхъ народовъ, сдѣлать русскія поселенія, которые бы могли примѣчать всѣ дѣйствія и движенія тогда еще новыя, а притомъ къ возмущенію склонныхъ народовъ. Стрѣльцы были на то весьма способны“, и проч. (Журн. или Дневн. Зап. изд. 1770 г., I, стр. 10.). Наконецъ, извѣстны позавѣщанія военныя поселенія въ южномъ и югозападномъ краѣ и въ губерніяхъ: новгородской, витебской и моголевской, народонаселеніе которыхъ простиралось въ 1858 г. до 571,989 д. м. п. (См. Тургенева, La Russie et les Russes, t. II, въ концѣ).

*) Юрій Крыжанячъ (въ сочин. о Москов. Государствѣ въ царств. Ал. Мих. въ раздѣлѣ III, на стр. 42) говоритъ о земледѣльской и вообще промышленной—недолмычивости русскаго народа: «первое, або нашего народа люди суть коснаго, медлительнаго, небыстраго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ непокажутъ. Второе: або у насъ нѣсть никакихъ книгъ объ тѣхъ (земледѣльч.) и объ иныхъ промыслахъ, какъ суть у иныхъ народовъ. Третіе: або наше людство есць лѣниво и непромысленно; и сами себѣ не хотѣть добра учинить, аще не будутъ никакою силою принужены.» Адм. Мордвиновъ (въ мѣтнѣ о росписи доходовъ и расходовъ на 1821 г.) говоритъ: „Науки не богатели еще всѣхъ сословій народа въ достаточной мѣрѣ тѣми знаніями, которыя къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и къ торговлѣ относятся и даютъ произведеніямъ рукъ человѣческихъ совершенство“. (Чтен. Общ. Истор. 1859 г. Кн. I, Отд. V, стр. 7). Въ мѣтнѣ о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи онъ говоритъ: «Ничто не поощряетъ труда и дѣятельности и не раскрываетъ умственныхъ способностей поселянъ». (Чтен. Общ. Истор. 1860 Кн. I, Отд. V, стр. 30). Въ Горномъ Журн. за 1826 г., кн. I, на стр. 152 тоже замѣчено объ умственномъ состояніи сельскаго народа, по случаю извѣстія о школѣ Сельскаго Хозяйства и Горнозаводскихъ Наукъ: „Россія, обильная всеми дарами щедрой природы, обитаемая трудолюбивыхъ и смысленныхъ народомъ, донинѣ мало пользовалась выгодами, проистекающими отъ приличнаго образованія и обученія людей, занимающихся сельскими работами... Но во сколько кратъ люди сіи были бы полезнѣе, если бы природныя ихъ способности изощрены и усовершенны были ученіемъ, если бы обучать простыхъ земледѣльцовъ разнымъ мастерствамъ, открыть имъ новый путь къ обогащенію въ ремеслахъ, и проч.

мануфактурнымъ и торгово-промышленнымъ ассоціациямъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, земледѣльческія поселенія составляли у насъ $\frac{8}{10}$ всего народонаселенія (тогда какъ въ Англіи $\frac{1}{3}$) и 18 милліоновъ душъ муж. пола сѣяли хлѣбъ, чтобы прокормить только 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителей *). Въ 1826 году Maichus считалъ въ Россіи земледѣльцевъ 79 процентовъ всего народонаселенія, тогда какъ городского, промышленнаго сословія только 6 процентовъ **). Въ настоящее время, земледѣльческое сословіе составляетъ около 88% всего мужескаго народонаселенія, между тѣмъ какъ торговое сословіе меньше $\frac{3}{4}$ %, мѣщане и цеховые около 6 $\frac{1}{3}$ %. Военно-служилый характеръ колонизаціи и военно-стратегическія основы городовъ, естественно, тоже не были благоприятны для широкаго и цвѣтушаго развитія мирныхъ индустріальныхъ занятій.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, въ Россіи, естественно, не развивались цвѣтушія индустріальныя корпораціи труда и населенія. Въ городахъ древней Россіи не только не проявлялось промышленное изобрѣтательное творчество, но чрезвычайно плохо развивалась и простая ремесленность. Извѣстный писатель въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Юрій Крыжаничъ говоритъ: «наиболѣе всего богато, славно и сильно то государство, гдѣ хорошія понятія, смѣлки и убѣжденія, или отъ природы даровиты и домысливы разумы, и гдѣ, потому, цвѣтеть всякое рукодѣлье и ремесло, и великая морская торговля: такъ—въ англичанской и брабантской землѣ... Оказывается, что и русская земля мало имѣетъ торговли... Ремесла до сихъ поръ въ Россіи съ трудомъ заводились. А только ремесломъ умножается земля и наполняются города» ***). Такъ какъ побужденія мускулярныя преобладали въ древней Россіи надъ мыслящими способностями и надъ высшими умственными потребностями и занятіями, то преобладали и промыслы кормовые надъ мастерствами и занятіями умственными, требующими болѣе или менѣе интеллектуальной сообразительности. Напримѣръ, въ самой Москвѣ, въ мѣщанской слободѣ, въ 1677 году, даже такими, самыми простыми умственными занятіями, какъ—ученье дѣтей въ школѣ, книжная торговля, живопись, печатанье листовъ, переписка и переплетъ книгъ,

*) Чтен. Общ. Истор. 1860 г, Кн. 1, отд. V, стр. 29—30.

**) Statistik und Staatenkunde, S. 200.

***) Русское государство въ полов. XVIII в. раздѣлъ I, стр. 7. 8; разд. III, стр. 39. 40.

дѣланье органовъ и насосовъ, садоводство, — промышленяли всего только 8 человекъ, и приходилось только по 1 человекъ на каждое изъ этихъ занятій. Между тѣмъ какъ однимъ мясомъ торговали въ той же мѣщанской слободѣ до 52 человекъ, рыбой болѣе 20, хлѣбомъ печенымъ и калачами до 24, разнымъ харчомъ до 11, ветошьемъ до 12 человекъ, и т. д. И до такой степени не развиты были индустріальныя понятія, что наприм. кормленье именемъ Христовымъ или подъячествомъ официально считалось и записывалось въ числѣ городскихъ ремеслъ и промысловъ *). Кормовыя руководѣлья конечно мѣшали умственнымъ трудамъ **). По отсутствію самостоятельнаго умственного труда и творчества, по совершенному отсутствію реальныхъ знаній, умы русскіе сами собою ничего не могли изобрѣсти, не смотря на богатыя природныя способности, и только легко и быстро могли усвоить чужія изобрѣтенія ***). Естественныя богатства русской земли, напримѣръ, горной природы, долго вовсе не вызывали въ Россіи разумной промышленности единственно потому, что не было естественныхъ знаній, не доставало средствъ къ изслѣдованію, открытію, добычѣ и разработкѣ ихъ ****). Когда устроились горныя заводы, мастера, по словамъ де-Геннина, «были самыя бездѣльные и необученые, и ученья не было» *****).

*) Чтен. Общ. Истор. 1860 г. кн. 2, отд. V, стр. 1—20, опись, кто чѣмъ промышленялъ.

**) Напримѣръ, одинъ грамотникъ — дѣлописецъ XVI или XVII в. говоритъ: „много помышляхъ нѣчто разумѣти и избрати отъ многи дѣла писанныхъ и бытєйскихъ книгъ нужнѣйшая, и возбраняемъ есмь отъ руководѣлья, еже стужати чѣмъ животь кормити“. Сборн. сол. библ. № 861. л. 10 и 11.

***) Олеарій говоритъ о подражательности и переимчивости ума русскихъ ремесленниковъ. См. путеш. его въ Архивъ 1859 г. кн. III, стр. 53. Новѣйшій писатель (de la Russie, 1842 р. 45) замѣчаетъ: „jusqu'ici le Russe n'a montre que des facultés d'imitation. Изъ древнихъ, Юрій Крижаничъ замѣчалъ: „Народа нашего люди суть косна о разума, и не удобно сами что выдумаютъ, если имъ не покажутъ.“ Разд. III, стр. 42.

****) „Наше российское государство, говорилъ Петръ В. въ указъ 10 Декабря 1719 г., предъ многими чужими землями преизобилуетъ и потребнымъ металлами и минералами благословенно есть; которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежить; сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію та, что ваши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оныя въ пользу государственную произвести, неразумны.“

*****) Горный журн. 1826 г. № 4, 5. Біографія и письма де-Геннина историч. начертаніе Горнаго дѣла въ Россіи—Германа.

И въ половинѣ XVIII в. индустриальныя способности русскихъ такъ еще были не развиты, что, напримѣръ, рисовальщики на фабрикахъ могли только списывать готовые рисунки, а своихъ изобрѣсти были не въ состояніи *). Во всей нашей ремесленности мало было разумности и знанія. «Много людей, — писалъ одинъ русскій публицистъ отъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, — много людей имя ремесленниковъ у насъ носить, но мало есть такихъ, которые бы ремесло званія сего достаточно знали. Если избирать только такихъ, которые совершенно его знаютъ, подвергнувши сперва ихъ строгому испытанію, то едва ли изъ тысячи найдется одинъ, который бы достоинъ былъ имени мастера» **). При такой неразвитости нашихъ индустриальныхъ способностей и знаній, протекающей отъ неразвитости и нераспространенности естественно-научныхъ, реальныхъ знаній, — понятно существованіе у насъ множества пустыхъ, безполезныхъ и даже вредныхъ промысловъ, понятна эта ограниченность промышленныхъ идей, отраслей труда и проч. Наконецъ, нужно только взглянуть на географическое распредѣленіе нашихъ мануфактурно-промышленныхъ поселеній, чтобы видѣть, какъ мало и ограничено у насъ влияніе знаній на развитіе и распространеніе этихъ поселеній. Мануфактурно-промышленныя поселенія у насъ сосредоточены главнымъ образомъ только въ центральной возвышенности между верхнею Волгою и Окою, въ губерніяхъ: московской, владимірской, костромской, ярославской и калужской, въ половинѣ нижегородской, тульской и около $\frac{1}{3}$ тверской. И тутъ чисто естественная необходимость обусловила развитіе этихъ поселеній. Именно, когда скудная почва, съ возрастаніемъ населенія, отъ долговременной, расхищающей системы земледѣлія, безъ рациональной обработки и удобренія, въ теченія вѣковъ, истощилась, — крестьяне поневолѣ должны были взяться за мануфактурную промышленность. Близость къ столицамъ и географическое сосѣдство центральныхъ великорусскихъ губерній между собою — способствовали развитію и распространенію мануфактурно-ремесленной промышленности. Но и то не много. Изъ 67 или даже 72 милліоновъ народонаселенія, все-таки мануфактурно-промышленнаго населенія считается только около 6,400,000. И въ этомъ числѣ преобладаетъ сель-

*) П. С. З. № 10, 129.

**) Чтен. Общ. Ист.

скій, земледѣльческій элементъ. Напримѣръ, льняной и пеньковой промышленностью занимаются до 4,500,000 рабочихъ, тогда какъ химическими продуктами только 1,200. Фабрично-заводская промышленность не развивается у насъ именно по самому характеру нашего рабочаго, почти исключительно земледѣльческаго, населенія, лишеннаго знаній, неимѣющаго сложныхъ и дорогихъ машинъ и неумѣющаго обращаться съ ними.

Итакъ, общій взглядъ на самое происхожденіе, географическое развитіе и соотношеніе главныхъ формъ или слоевъ нашего населенія ясно показываетъ, что, вообще, въ *земскомъ строеніи*, или въ социальномъ географическомъ устройствѣ и распределеніи народа—еще слишкомъ слабо, даже вовсе незамѣтно было участіе и дѣйствіе реальныхъ знаній. Если мы глубже и подробнѣе прослѣдимъ естественныя и умственные условія историко-географическаго распространенія и устройства всѣхъ главныхъ формъ поселеній, то еще больше убѣдимся въ этомъ. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе на естественныя и умственные условія географическаго распределенія земледѣльческихъ поселеній въ Россіи.

Зачатки умственнаго стремленія къ выходу изъ общей зоолого-географической области природы, или изъ звѣроловнаго, охотничьяго бродячаго быта, чуть чуть выражающіеся уже въ пастушескихъ, номадныхъ поселеніяхъ, яснѣе и полнѣе обнаруживаются въ происхожденіи и географическомъ распространеніи земледѣльческихъ поселеній *). Охотничьи племена, движимыя потребностью пищи, одежды и защиты отъ вліяній климата, въ своихъ способахъ исканія средствъ для всего этого, а вслѣдствіе того—и по самымъ поселеніямъ своимъ, почти всецѣло входятъ въ общую зоологическую область природы, въ составъ цѣлаго животнаго міра. Потому и самое географическое распространеніе ихъ племенныхъ поселеній получаетъ характеръ общаго географическаго распространенія фауны или животнаго царства, и всецѣло зависитъ отъ зоолого-географическихъ усло-

*) Объ естественныхъ или зоолого-географическихъ и умственныхъ условіяхъ охотничьихъ, пастушескихъ и скотоводческихъ поселеній въ Россіи будетъ подробно сказано въ особой статьѣ.

вій. Они, подобно звѣрямъ, живутъ, по выраженію нашей пачальной лѣтописи, *звѣринскиимъ образомъ*, въ лѣсахъ и горахъ, бродятъ и гоняются, какъ звѣри, за добычей животной пищи, ѣдятъ всѣхъ безъ различія звѣрей, ведутъ съ звѣрями борьбу за существованіе такъ же, какъ и сами звѣри ведутъ ее между собою и съ охотниками. Весь животный міръ, всѣ лѣса и горы, на обширномъ пустынномъ пространствѣ—вотъ ихъ отечество и домохозяйство. Человѣческаго, интеллектуальнаго, сознательнаго самовыдѣленія изъ общей зоологической сферы, или среды, изъ лѣсной и горной фауны, въ началѣ развитія охотничьихъ поселеній—почти вовсе незамѣтно, или оно проявляется смутно. Охотничьи племена и мыслятъ образами зоологическими, животными. Отсюда зооморфизмъ міросозерцанія и такъ называемый животный эпосъ. Не то уже въ пастушескихъ поселеніяхъ. Въ инициативѣ и устройствѣ пастушескихъ или кочевыхъ скотоводческихъ поселеній, умъ дикихъ племенъ даетъ уже первый толчокъ къ преобладанію надъ географическимъ и зоологическимъ началомъ природы и, въ частности, надъ міромъ звѣрей. Въ устройствѣ и географическомъ расположеніи пастушескихъ поселеній, умъ дикихъ племенъ, движимый тоже потребностью пищи, одежды и жилища, уже сумѣлъ концентрировать всѣ необходимые для этого матеріалы, всѣ жизненные угоды въ тѣсныхъ зоолого-географическихъ предѣлахъ природной экономіи, и, вслѣдствіе того, обусловилъ значительную пространственную или зоолого-географическую локализацию пастушескихъ поселеній. Здѣсь, слѣдовательно, есть уже зачатки покоренія природы, хотя безсознательнаго. Умъ дикихъ пастушескихъ племенъ опознается въ общей сферѣ зоолого-географической среды, опознается въ общемъ пространствѣ лѣсной и горной природы и въ общей области животнаго царства. Вслѣдствіе этого, номады-пастухъ, во-первыхъ, распознаетъ и различаетъ индивидуальныя формы и типы географическіе, выходитъ изъ лѣсовъ и выбираетъ тѣ или другія, болѣе удобныя степи, долины рѣчныя или горныя равнины, и такимъ образомъ, хотя немногo, концентрируется въ извѣстной мѣстности, дѣлается господиномъ извѣстнаго, опредѣленнаго пространства или географической области; во-вторыхъ, выдѣляется изъ общей зоологической среды, выбираетъ извѣстный, наиболѣе нужный ему кругъ животныхъ, и млекопитающихъ, приручаетъ, покоряетъ ихъ своимъ нуждамъ, и такимъ образомъ становится хозяиномъ извѣстной зоологической группы, или животной породы. Въ этомъ состояніи, наши

номады, напримѣръ, тунгусы, дѣлятся на оленьихъ, конныхъ, табунныхъ, скотныхъ, собачныхъ и т. п. Поэтому, пастушескія поселенія, выражающія первые признаки умственного стремленія къ локализациі въ пространствѣ природы и къ выходу изъ общей зоологической среды, представляютъ естественный переходъ къ прочно осѣдой земледѣльческой колонизациі. Въ земледѣльческихъ поселеніяхъ, стремленіе къ преобладанію надъ географическимъ началомъ природы и выходъ изъ общей зоолого-географической области, достигаетъ наибольшаго выраженія. Въ земледѣльческой колонизациі, умственные успѣхи народонаселенія выражаются, во-первыхъ, въ ограниченіи пространственнаго или географическаго начала прочно осѣдой локализацией поселеній, во-вторыхъ, въ ограниченіи умственной и бытовой зависимости отъ зоолого-географическихъ условій и данныхъ природы вслѣдствіе зачатковъ хлѣбопашества. Здѣсь уже умъ народный стремится покорить не животную, а растительную природу и почву, и, вслѣдствіе этого, человѣкъ впервые твердо прикрѣпляется къ землѣ. Отсюда является прочная осѣдность, докъ, отчизна или родина, отечество. Земледѣльческая колонизациія и культура, на одномъ и томъ же пространствѣ или плоскости можетъ прокармливать въ 20 и даже 30 разъ больше людей, чѣмъ номадія, такъ же, какъ эта послѣдняя въ 20 разъ больше, чѣмъ охота. Земледѣлецъ уже не имѣетъ никакого основанія, какъ охотникъ и даже пастухъ, бояться приселенія къ себѣ другаго земледѣльца-сосѣда. Вслѣдствіе этого, естественно организуются сельскія общины, міры *). Наконецъ, земледѣльческая колонизациія и культура обуславливается уже не зоолого-географическими, а растительными областями и поясами. Поселенія охотничьи и пастушескія распространяются по зоологическимъ областямъ, въ слѣдъ за звѣрями и животными. А колонизациія земледѣльческая идетъ вмѣстѣ съ колонизацией растений, по растительнымъ областямъ и поясамъ и, вмѣстѣ съ географическимъ распространеніемъ поселеній, распространяетъ культурныя растенія **).

*) Въ древней Россіи потому главнымъ образомъ и колонизовались земледѣльческія общины, что крестьяне, собираясь въ общины, сами охотно «перезывали» къ себѣ «сосѣдей»—вольныхъ охочихъ людей и отводили имъ волостныя порожнія земли, «поговора со всѣмъ міромъ и съ сусѣдами волостными.» См. статью: «Сельскіе міры и мірскіе сходы» въ «Вѣстѣ» за 1862 г. А. А. Э. т. I, № 73. А. Юрид. № 6 А. А. Э. т. I, № 232 и ин. др.

***) Поэтому и исторія и географія растений всегда находилась въ тѣс-

Все умственное развитие земледѣльческихъ поселеній, на пути ихъ географическаго распространенія, зависѣло главнымъ образомъ отъ успѣховъ борьбы съ климатическими и почвенными условіями природы, отъ степени покоренія культурѣ растительнаго царства *), отъ мѣры познанія физическихъ силъ и законовъ и подчиненія ихъ нуждамъ и пользамъ земледѣльской колонизаціи и культуры. Агривкультурной колонизаціи предстоитъ несравненно больше борьбы съ вѣдшею природою, чѣмъ фабрично-заводскимъ, мануфактурно-промышленнымъ или торговымъ поселеніямъ. И чѣмъ меньше она покоряетъ природу, чѣмъ менѣе основывается на естествознаніи, на опытахъ,

ной связи съ исторіей цивилизаціи и переселенія народовъ. Декандоль, указывая на эти факты и доказательства въ своей ботанической географіи, говоритъ: „Après l'histoire géologique du règne végétal, est venue l'histoire, pendant l'époque actuelle, depuis quelques milliers d'années. Et e se lie sous certains rapports avec l'histoire de l'homme. Il est intéressant pour un historien de savoir comment les espèces cultivées étaient réparties à l'origine. Il verra, peut-être avec surprise, qu'elles manquaient à des régions éminemment favorables au développement de l'espèce humaine (p. 985). Il trouvera dans ces faits une des causes de la marche des civilisations, et dans les cultures communes à certains peuples une preuve, tantôt de leurs migrations les plus anciennes (p. 833, 872, 913) ou au moins de communications (p. 882, 953, 957), et plus souvent, par la diversité des cultures primitives, la preuve d'une séparation complète et prolongée entre les anciens peuples (Chap. IX), (M. Alph. De-Candolle, Géographie botanique raisonnée, Paris, MDCCCLV, t. I. p. XXII).

(*) Декандоль такъ опредѣляетъ степени распространенія и культуры растений въ разные періоды и состоянія народныхъ цивилизаціи: „Les premières replades qui se sont répandues sur chaque continent ont porté probablement avec elles quelques espèces de plantes utiles et surtout quelques-unes de ces graines qui s'attachent aux vêtements et aux animaux domestiques, et qui se développent bien dans le voisinage des habitations, près des fumiers, des terrains brûlés et des décombres. Plus une population est faible, plus elle est étrangère aux arts de la civilisation, plus ces premiers transports de graines sont insignifiants. Ensuite, la population devenant plus dense, plus civilisée, l'agriculture ayant pris naissance et étendu son domaine, les occasions de transports se multiplient et s'appliquent à des espèces plus nombreuses. Les peuples chasseurs ou pasteurs parcourent sans doute d'assez vastes étendues de pays, mais les peuples cultivateurs préparent des terrains propres à recevoir des espèces nouvelles, et faisant venir les graines de leurs champs de pays plus ou moins éloignés, il introduisent avec elles des plantes diverses, dont plusieurs naturellement deviennent spontanées. И т. д. Декандоль указываетъ историческіе успѣхи и способы распространенія и культуры растений и замѣчаетъ: Il est clair que, dans les pays civilisés, la culture s'applique à un grand nombre de plantes et fait varier extrêmement la nature physique des terrains“ (Géographie botanique, t. II p. 621—622).

открытіяхъ и знаніяхъ физико-географическихъ, метеорологическихъ, химико-физиологическихъ и вообще естественно-научныхъ, — тѣмъ не-вѣжественнѣе, неправильнѣе и медленнѣе устроятся земледѣльческія поселенія, тѣмъ хуже развиваются *). Посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія, на сколько участвовали и взаимодействовали въ географическомъ распространеніи, устройствѣ и развитіи земледѣльческихъ поселеній умственные и естественныя силы.

1) Уже самый первый толчокъ къ географическому распространенію и устройству земледѣльческихъ поселеній дали не столько умственные понятія и расчеты, сколько естественныя, желудочныя потребности и побужденія. **) На переходѣ отъ охотничьей и пастушеской кочевой жизни къ земледѣльской колонизаціи и культурѣ, первымъ и главнымъ мотивомъ, естественно, служи́тъ инстинктивная потребность хлѣба. Либи́хъ такъ объясняетъ эту чисто-естественную потребность для чело́вѣка хлѣба и земледѣлія: «Ежедневный расходъ дыхательныхъ средствъ, по количеству, составляетъ въ пять или шесть разъ больше, нежели всѣхъ пластическихъ веществъ, и въ голодные годы недостатокъ первыхъ преимущественно чувствуется во всѣхъ классахъ народа. Между тѣмъ какъ цѣна жира, масла, увеличивается по мѣрѣ того, какъ увеличивается цѣна на хлѣбъ,

*) О вліяніи естественныхъ законовъ на судьбы земледѣльческихъ поселеній, см. «Химию въ приложеніи къ земледѣлію и физиологіи растений» — Либи́ха, именно главу: «Земледѣліе и исторія». 1864 г. стр. 60—95. Также «Письма Либи́ха о нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства». Спб. 1861.

*) Либи́хъ говоритъ: «Государственное устройство, социальныя и семейныя связи, ремесла, промышленность, искусство и наука, однимъ словомъ все, чѣмъ въ настоящее время отличается чело́вѣкъ, обуславливается фактомъ, что чело́вѣкъ для поддержанія своего существованія ежедневно нуждается въ пищѣ, что онъ имѣетъ желудокъ и подчиненъ закону природы; по которому долженъ необходимую для него пищу произвести изъ земли своими трудами и искусствомъ, потому что природа сама собою не даетъ ему, или даетъ въ недостаточномъ количествѣ необходимыя питательныя вещества... Всякое нарушеніе равновѣсія, между запасомъ пищи и потребностью народонаселенія, вынуждаетъ людей, для восстановленія равновѣсія, взаимно уменьшать свою численность; тогда одно племя тѣснить другое... Отдѣльный чело́вѣкъ становится воромъ и убійцею, массы выселяются или становятся завоевателями... Для великаго пѣлаго окончательно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, насильственно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣланныхъ неплодородными, въ плодородныя». (Химія, въ приложеніи къ Земледѣлію, стр. 64—65).

а сообразно тому и цѣна на картофель; цѣна мяса обыкновенно не измѣняется, а остается какъ въ дешевые годы. Причина тому та, что хлѣбъ можетъ замѣнить мясо, тогда какъ для потребностей человѣка мясо не вполне можетъ замѣнить хлѣбъ... Питающемуся мясомъ человѣку, для поддержанія себя, необходимо огромное поле, болѣе обширное, нежели льву или тигру, ибо онъ—когда представляется случай—убиваетъ и не употребляетъ въ пищу убиваемой имъ добычи. Толпа охотниковъ, живя на тѣсномъ пространствѣ, рѣшительно неспособна къ размноженію; необходимый для дыханія углеродъ долженъ быть поглощенъ животными, которыхъ на данномъ пространствѣ можетъ жить лишь ограниченное число. Животные эти собираютъ составныя части своей крови и органовъ съ растений и отдаютъ ихъ живущимъ около индѣйцамъ, употребляющимъ ихъ въ пищу безъ веществъ, поддерживающихъ дыханіе этихъ животныхъ въ теченіи ихъ жизни. Индѣйцу для прокормленія и поддержанія своего здоровья въ теченіи нѣсколькихъ дней было бы достаточно одного такого животного, если бы въ пищу его входило столько же по весу крахмала, сколько вѣситъ животное; а между тѣмъ онъ для образованія необходимой на это время теплоты долженъ съѣсть пять такихъ животныхъ. Пища его содержитъ избытокъ пластическихъ питательныхъ веществъ; въ теченіи большей части года въ ней не достаетъ именно дыхательныхъ средствъ; на этомъ-то основано, что человѣкъ, питающійся преимущественно мясомъ, всегда имѣетъ наклонность къ употребленію вина. Какъ нельзя яснѣе понята практическая сторона земледѣлія въ рѣчи предводителя сѣверо-американскаго индѣйскаго племени, переданной французомъ Кривекуромъ. Советуя своему племени заниматься земледѣліемъ, этотъ предводитель обращается къ нему: «Развѣ вы не видите, что бѣлые живутъ хлѣбомъ, а мы мясомъ? Что мясу необходимо 30 мѣсяцовъ для того, чтобы дойти до надлежащаго возраста, и къ тому оно встрѣчается еще рѣдко? Что каждое изъ удивительныхъ сѣмянъ, ими засываемыхъ, имъ приносить въ 100 разъ больше? Что у мяса четыре ноги, чтобы скрыться отъ насъ, а у насъ ихъ всего двѣ? Что сѣмена остаются на томъ же мѣстѣ, куда ихъ сѣютъ бѣлые люди? Что зима, представляющая для насъ время самой затруднительной охоты, для нихъ есть время отдыха? Поэтому я говорю каждому, кто меня хочетъ послушать, что раньше нежели деревья надъ нашими шалашами увянутъ отъ старости и раньше чѣмъ кленовое де-

рево въ долинѣ перестанетъ намъ давать сахаръ, раньше этого времени, говорю я вамъ, порода хлѣбопашцевъ, уничтожить породу мясоядную, если послѣдняя не рѣшится приняться за земледѣіе». *) Поэтому племена человѣческія очень давно уже, еще въ варварскія времена, стали воздѣлывать хлѣбныя растенія, именно по причинѣ питательности ихъ тяжеловѣсныхъ зеренъ. **)

*) Письма о Химін, Либиха. Т. II, стр. 154—156. См. также о химико-физиологическомъ значеніи хлѣба у Молешотта, въ «Ученіи о пищѣ», въ 3 главѣ «О хлѣбѣ», стр. 89—95. Fr. Schoedler, въ своемъ сборникѣ «Das Buch der Natur», тоже ссылаясь на слова предводителя сѣверо-американскаго племени, приведеннаго Либихомъ, замѣчаетъ: *Sehen wir wie die wissenschaftliche Botanik, indem sie die Lebenserscheinungen erforscht und darlegt, berufen ist, der Landwirthschaft die wichtigsten Dienste zu leisten und somit das allgemeine Wohl zu befördern, denn dasselbe ist in dem ergiebigen Ackerbau sicherer gegründet, als durch die Blüthe eines jeden anderen Gewerbes. Wenn erzählt wird, das der Kaiser von China jährlich einmal die Hand an den Pflug legt, sowie dass einst der Kaiser Joseph auf seiner Reise durch Böhmen eigenhändig eine Furche zog, so sind diese Handlungen nur ein Ausdruck der Anerkennung der hohen Wichtigkeit des Ackerbaues. Nicht minder bezeichnend für die cultur-geschichtliche Bedeutung des Ackerbaues erscheint im Alterthum als mythische Gottheit zugleich des Ackerbaues und der Gesittung die Ceres—*
»Die Bezähmerin wilder Blüten,

Die den Menschen zum Menschen gesellt. (Buch der Natur, Th. II. S. 245). Отсюда происходила идеализація и апотеозъ хлѣба, земледѣлія, плуга и проч. Идиллическія похвалы земледѣлію высказаны были классическими писателями, напр. Виргиліемъ, Варрономъ, Горациемъ, Сенекой и др. Наши предки—славяне нѣкогда поклонялись хлѣбу и воспѣвали ему пѣсни, о чемъ свидѣлствуетъ древне-славянская пѣсня: «Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, Слава! Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, Слава!» Подобно, какъ всѣ народы почитали хлѣбъ божіимъ даромъ, какъ нѣмцы называютъ его *Gottes gabe, Gottes gabe*, такъ и у насъ народъ доселѣ съ благоговѣніемъ говоритъ: «Божій хлѣбъ, Божій даръ». Боготвори хлѣбъ, предки наши честь воздавали и плугу. (См. Опытъ первоначальной исторіи земледѣлія—Шеппинга, Чтен. Общ. Истор. 1862 г. отд. V, стр. 81 и далѣе). Хлѣбъ и земледѣіе составляютъ особенный предметъ нашего народнаго міросозерцанія, пословицъ, примѣтъ и проч. (См. Пословицы, изд. Далема въ Чтен. Общ. Истор., подъ словомъ: *земледѣіе*). Но обо всемъ этомъ мы подробнѣе скажемъ въ очеркахъ народнаго земледѣльческаго міросозерцанія.

**) Девандоль, согласно съ: Loiseleur—Deslongchamps, говоритъ: *Les hommes n'auraient pas été tentés de cultiver les espèces de Triticum, Hordeum etc., si les graines de ces plantes n'avaient été pesantes et nourissantes, à peu près comme elles le sont aujourd'hui. Voyons-nous des peuples barbares essayer la culture des Aegilops et de tant d'autres Graminées à graines médiocrement farineuses... Plus on suppose l'agriculture ancienne et remontant à une époque d'ignorance, plus il est probable que les cultivateurs auaient choisi des espèces offrant, à l'origine même, un avantage incontestable... De toutes observations ou*

Какъ естественный, химико-физиологическій, инстинктъ и законъ побудилъ людей ѣсть и воздѣлывать хлѣбъ, такъ естественныя же, географическія условія указали первоначальныя пути и мѣста для земледѣльческихъ поселеній, на природныхъ мѣсторожденіяхъ хлѣбныхъ злаковъ. Не умственные побужденія и расчеты, не естественно-научное изслѣдованіе хлѣбныхъ растений, не высшія, рациональныя понятія о сельскомъ хозяйствѣ побудили какъ германскія, такъ и славянскія племена къ земледѣльческой культурѣ и колонизаціи, а просто самое географическое распространеніе хлѣбныхъ растений, на великомъ проходномъ пути народовъ изъ Азіи въ Европу, невольно обусловило первоначальное происхожденіе и географическое распространеніе земледѣльческихъ поселеній германцевъ и славянъ. Хлѣбныя растенія были распространены въ дикомъ состояніи почти на всея пути великаго переселенія индо-германскихъ народовъ съ востока на западъ, и даже вблизи европейскихъ, дунайскихъ поселеній славянъ нѣкоторые виды хлѣбовъ росли въ природномъ состояніи. *) По изслѣдованіямъ Линка, Дюро-де-ля Мали, Рейнье, Люазелье Делоншампа и Декандоля, дикая пшеница была находима въ Месопотаміи, а въ новѣйшее время—въ средней Азіи; слѣдовательно отсюда, вѣроятно, и распространилась. Можно впрочемъ полагать, что отечество ея въ древности было обширнѣе и доходило до Индіи, судя по климатическимъ условіямъ. По свидѣтельству Оливье, пшеница росла въ Персіи и по правому берегу Евфрата. **) По словамъ Декандоля, культура пшеницы должна была исходить изъ странъ, лежащихъ между горами центральной Азіи и средиземнаго моря. ***)

reflexions il faut conclure que, selon les probabilités, la plupart des formes tranchées (espèces ou races bien distinctes) de céréales, existaient déjà il y a trois ou quatre mille ans, et même avant qu'on eût essayé de les cultiver. (Geographie botanique, t. II. p. 929—930).

*) См. Декандоля, geographie botanique, t. II. p. 928—980; статью I. Ф. Скау — «географическое распредѣленіе хлѣбныхъ растений», въ «Картинахъ природы» стр. 236—264.

**) Nous trouvons, говоритъ онъ,—dans une sorte de ravin, le froment, l'orge et l'épeautre, que nous avons de já vu plusieurs fois en Mesopotamie. (Voyag. dans l'empire othoman. 1807. III. p. 460).

***) M. Alph. De Candolle, Geographie botanique, t. II. p. 931—932. En résumé, говоритъ Декандоль, les assertions sont anciennes et assez nombreuses pour la Mesopotamie; mais celle de M. Balansa, pour l'Asie Mineure, semble plus positive. Peut-être l'habitation primitive s'étendaitelle jadis de ce pays jusqu'au nord-ouest de l'Inde, et un changement de climat aurait diminué la

Двурядный ячмень находили дико растущимъ въ Месопотаміи, на правомъ берегу Евфрата, въ Ширвацѣ, на югозападѣ Кавказа, въ Персіи. Нашъ покойный академикъ Мейеръ видѣлъ двурядный ячмень въ дикомъ произрастаніи между Ленкораномъ и Баку, у южныхъ береговъ Каспійскаго моря. Оттуда именно и, вѣроятно, изъ Персіи онъ и распространился. Рожь до сихъ поръ растетъ полудико въ Трансильваніи, Далмаціи, Австріи, и Декандоль считаетъ вѣроятнымъ отечествомъ ея страну между Альпами и Чернымъ моремъ, особенно же Венгрію, Далмацію и Трансильванію. *) Овесъ тоже находили дико растущимъ въ сѣверной Индіи, на Кавказѣ, въ Китаѣ (по Бунге, *avena nuda var. chinensis*) и даже въ Сибири; онъ росъ, по словамъ писателей, *in cultis et in incultis*. **) Такимъ образомъ славянскія племена, переселяясь изъ Азіи въ Европу, черезъ природную географическую область хлѣбныхъ растений, естественно, могли издавна научиться культурѣ хлѣбовъ. И потому уже на Дунаѣ поселенія ихъ должны были получить характеръ прочной земледѣльской остьдлости***). А когда съ Дуная они переселились на Днѣпръ, то здѣсь уже не только села, но и города ихъ, по свидѣтельству летописи, «дѣлали нивы своя и земли своя»****). Отселъ началась вѣковая и обширная земледѣльская колонизація славянскаго племени по странамъ финскаго, турко-татарскаго и манджуро-монгольскаго сѣверовостоа Европы и Азіи.

fréquence de l'espèce и проч. p. 932. По увѣренію Генцельмана, цитированному Линнеемъ (S p. 1, p. 126), дикая пшеница росла даже у башкирцевъ, но никто не находилъ ее тамъ послѣ того времени. Въ Китаѣ пшеницу воздѣлывали за 2822 г. до христіан. эры. Аристовуль свидѣтельствуетъ, что она водилась и въ Индіи. По словамъ Бероза, въ странѣ между Тигромъ и Евфратомъ, находили *frumentum agreste, hordeum ochron* (Georgii Sincelli, chronogr. fol. 1652, p. 28).

*) De-Candolle, Géographie botanique, t. II, p. 937—938.

**) De-Candolle, Geogr. botanique II, p. 239—242.

**) Славяне хо тя развиваются во всемъ позднѣе германцевъ, однакоже прежде ихъ стали заниматься земледѣліемъ въ теперешнихъ своихъ мѣстахъ поселенія. Уже при Геродотѣ (IV, 108) знали они земледѣліе. Въ качествѣ помазовъ они въ исторіи не являлись уже никогда. (Schafarik, Slavische Alterth. I, S. 537. Palacky, Gesehn von Böhmen I, S. 60).

****) „Лѣсная и разная другая дичь, говоритъ Олсарій, находящаяся у русскихъ въ большомъ изобиліи, не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ... Многихъ птицъ не считаютъ за нужное ловить“ (въ Архивѣ, 16—17). Русское пристрастіе къ хлѣбу, доходящее до благоговѣнія, особенно ясно выразилось въ пословицахъ о Земледѣліи. См. у Даля.

На сѣверѣ, при усиленномъ химизмѣ дыханія, хлѣбъ, какъ дыхательное средство, особенно необходимъ. Мясо для русскихъ незамѣняло хлѣба. Они почти нисколько не цѣнили естественное изобиліе животной пищи *) и только хлѣбъ считали главизною всего «и самой животины». Въ случаѣ неурожая или какого-нибудь недостатка хлѣба, русскіе испытывали страшныя бѣдствія, не смотря на изобиліе животной пищи. Изъ-за хлѣба народъ нашъ не разъ производилъ страшныя бунты. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ во время голодовъ 1605—1608 г. народъ съ остервенѣніемъ кричалъ: «царева ради небреженія бысть голодъ: хлѣба! хлѣба! **).» Въ Псковѣ, въ 1650—1652 г., даже и не въ голодное время, а просто, по случаю выпуска хлѣба за границу, тоже былъ бунтъ изъ-за хлѣба: «учинися, какъ сказано въ актахъ, межъ народа всѣхъ православныхъ христіанъ мятежъ за хлѣбъ». Не умѣя объяснить естественной, химико-физиологической потребности хлѣба, народъ составилъ убѣжденіе и пословицу. «Господь повелѣлъ отъ земли кормиться; все добро за хлѣбомъ; держись за сошенку, сѣй хлѣбъ—не спи; не жди урожая, сѣй жито; кормить долгая полоса; какова пашня, таково и брашно; у кого хлѣбъ родится, тому и веселиться; и животина тамъ водится, гдѣ хлѣбъ родится.» При такомъ народномъ понятіи о хлѣбѣ, и при особенной химико-физиологической потребности его въ холодномъ сѣверо-восточномъ климатѣ, понятно, почему именно хлѣбъ и земледѣліе были первыми, главными, преобладающими рычагами колонизаціи и культуры русской земли. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли гдѣ въ Европѣ другая страна; гдѣ бы была такая обширная земледѣльческая колонизація, какъ въ Россіи. Не говоримъ о нашихъ юго-западныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Отъ Волги хлѣбопахатная колонизація простерлась до Камчатки, и проникла даже въ самую Камчатку. И въ этомъ тысячелѣтнемъ дѣлѣ постепеннаго открытія, земледѣльческой обработки и обстройки русской земли развилось въ Россіи такое многочисленное земледѣльческое сословіе, какого ни въ какой другой странѣ нѣтъ. Какъ только основались два исходныхъ пункта колонизаціи—на сѣверѣ, за увалами, въ полярно-балтійской или сѣверо-поморской водной системѣ—«Славно-Торгъ», починокъ Новгорода великаго, а по другую сторону уваловъ, на волжско-каспійской водной системѣ и низменности—

*) Карамзина XII, прим. 348. Никон. V, 26. Палицына.

**.) Доп. къ А. И т. III, № 74, стр. 265.

«Славянскій конецъ» въ финскомъ городѣ Ростовѣ и потомъ Москва,—такъ началась обширная, вѣковая, страдаемая и богатырская земледѣльческая разработка и колонизація огромныхъ сѣверо-восточныхъ пространствъ русской земли. Повсюду застучалъ топоръ въ «червнхъ дикихъ лѣсахъ», и пошла повсемѣстная «росчисть, раздѣль и распашка лѣсовъ». Повсюду, по словамъ актовъ, «лѣсъ рубили, ронили и чистили, пашни пахали, дворы и деревни ставили людеи называли». Разграничились лѣса «пашенные и непашенные». Повсемѣстно возникали въ лѣсахъ на пашняхъ «починки и сѣдѣнья», и изъ нихъ выростали «хлѣбныя деревни», пашенныя сельца, села и слободы, или, по выраженію актовъ, «распахивались, поставлялись и посажались деревни на лѣсахъ и пустошахъ». И, по характеристическому выраженію актовъ, «куда шелъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха», туда «тянула» и земледѣльческая колонизація; и «гдѣ ея топоры сѣяли», тамъ и разграничивались межи личной и общинной земледѣльческой колонизаціи. Повсюду землевладѣльцы вслѣдствіе чиновъ, получая земли па кормленіе, и князья, и бояре, и владыки, и монастыри, разными льготами и ссудами, «людей называютъ и переэываютъ»—лѣсъ ронить, пашни распахивать, дворы и деревни ставить. Повсюду идутъ «порядные въ крестьянство», опять съ тѣмъ условіемъ, чтобы лѣсъ рубить и чистить, пашни распахивать и дворы рубить и ставить. Повсюду и сами крестьяне «садились на черныхъ дикихъ лѣсахъ и пашни распахивали большія, лѣсъ, раменье расчищали», и потомъ общинами, «поговоря со всѣмъ міромъ», отводили изъ волостныхъ земель участки и садили вольныхъ охочихъ людей на пашни. Повсюду, гдѣ только находили лѣсъ черный, дикой, мѣста пустыя, никѣмъ не занятыя,—сейчасъ били челомъ царю о дозволеніи лѣсъ рубить, ронить, пашни распахивать, дворы ставить и людей называть, и такимъ образомъ земледѣльческая колонизація, исходя изъ двухъ, первоначально раздѣльныхъ пунктовъ, разграниченныхъ увалами и гидрографическими системами, распространяясь долгое время раздѣльно, по двумъ противоположнымъ воднымъ системамъ—полярно-балтійской и волжко-каспійской, группируясь по землѣ и по водѣ, по естественно-расчлененнымъ земско-воднымъ оазисамъ, въ цѣльно-замкнутыя, «особныя, опрочныя» земледѣльческія волости разныхъ родовъ, — въ концѣ XVI вѣка совокупными силами охватила, въ общихъ очертаніяхъ, всю нынѣшнюю великорусскую землю. И въ предгорьяхъ Урала, на вѣковомъ

рубежѣ и застоѣ народовъ Европы и Азіи, соединившись въ одно цѣльное колонизаціонное движеніе въ союзѣ дальнѣйшихъ проводниковъ колонизаціи—сѣверо-поморскихъ новгородскихъ выходцевъ Строгановыхъ и волжско-каспійскаго выходца Ермака, прорубила и отворила вѣковую и широкую дверь въ Сибирь. Хлѣбъ повсюду былъ распространенъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ пашнями, повсюду распространились пашенныя, хлѣбныя деревни и села, даже къ сѣверу, до 65° с. ш. Сошное письмо, земляные списки и писцовыя книги повсюду описывали и сосчитывали земледѣльческіе починки, деревни, сельца, села, слободы и посады, и при нихъ—пашни, пожни, лѣса пашенныя и непашенныя, земли орамыя и страдомыя, сводили итоги, сколько разработано, распахано и заселено земли, означали, гдѣ стали новые дворы и деревни, гдѣ сколько дворовъ прибыло къ старымъ поселеніямъ, и т. п. Между тѣмъ, земледѣльская колонизація, перешедши за Уралъ, пошла съ новою напряженностію дальше на востокъ, и тамъ распространяла хлѣбныя растенія. Потребность хлѣба была сильнымъ рычагомъ ея послѣдовательнаго географическаго движенія и распространенія по Сибири. Поэтому сначала въ Пермскомъ Приуральи, въ одной изъ древнѣйшихъ сибирскихъ колоній — въ Верхотурьи, сосредоточенъ былъ земскій сборный магазинъ или складъ хлѣба для такъ называвшихся тогда „Сибирскихъ хлѣбныхъ отпусковъ“, на первоначальное обезпеченіе и содержаніе служилыхъ людей—пролагателей путей сибирской колонизаціи и первыхъ поселеній *) для распространенія хлѣбныхъ сѣмянъ **), а съ ними и новыхъ земледѣльческихъ поселеній по всей хлѣбородной полосѣ Сибири. Но этотъ сборъ хлѣба, учрежденный только для первоначальной подмоги сибирской колонизаціи, не могъ постоянно обезпечивать всѣхъ служилыхъ людей, принскивавшихъ и покорявшихъ новыя земли въ Сибири, строившихъ остроги и города и проводившихъ пути для дальнѣйшей колонизаціи. Его недостаточно было также и для выдачи первымъ поселенцамъ на сѣмена и ѣмена ». Служилые люди, инстинктивно чувствуя въ суровомъ сѣверо-восточномъ климатѣ особенную потребность дыхатель-

*) А. И. т. IV, № 4; т. V, № 103 и мн. др.

**) Зерновой хлѣбъ отпускался въ Сибирь, по выраженію одного акта „на сѣмена и ѣмена“. Дополн. къ А. И. т. VII, № 74, стр. 352. Исторія сибирской колонизаціи есть, поэтому, вмѣстѣ исторія распространенія хлѣбныхъ растеній.

ныхъ пищевыхъ средствъ, не могли удовлетворяться въ Сибири одной животной пищей, не смотря на все ея изобиліе, и постоянно требовали изъ Москвы, или изъ Верхотурья и Тобольска хлѣба. Между тѣмъ сборъ хлѣба въ Верхотурскія житницы и провозъ его въ Сибирь обходился казпѣ дорого, а крестьянамъ страшно тяжело, такъ что, по жалобамъ ихъ, былъ ужъ «не въ мочь имъ и лошадямъ ихъ» *). И вотъ правительство нашлось вынужденнымъ начать *пашенное дѣло* въ Сибири, и возложило его на воеводъ. Имъ предписано было отыскивать въ Сибири хлѣбородныя мѣста, призывать и прибирать крестьянъ на пашни, строить слободы и населять ихъ пашенными крестьянами, чтобы впередъ продовольствовать служилыхъ людей и колонистовъ «хлѣбомъ сибирской пахоты», а не требовать его изъ Верхотурья и русскихъ городовъ **). Потребность хлѣба толпами погнала гулящихъ людей и пашенныхъ крестьянъ изъ нехлѣбородныхъ и малоземельныхъ мѣстъ Россіи на свѣжія, просторныя и хлѣбородныя земли Сибири ***). За одними челобитчибами, другіе «челомъ били вновь», чтобы дозволено имъ было строиться въ Сибири въ слободахъ на пашни. И всякой новоприхожіи крестьянинъ селся тамъ, гдѣ распахалъ и расчистилъ пашни изъ дикаго поля «собою» ****). Появились особые строители слободъ, такъ называвшіеся *слободчики*, которые строили, одну за другою, слободы и селили крестьянъ на пашняхъ. Многіе изъ нихъ, построивши одну пашенную слободу и прибравши въ нее крестьянъ, «ѣздили съ тѣми новоприборными крестьянами далѣе, отыскивали удобныя пашенныя земли и вновь строили слободы *****). Такимъ образомъ, пашенныя слободы довольно быстро возникали одна за другою: лѣтъ въ 20 устроилось слободъ до 10, и пристраивалось вновь дворовъ до 60*****). Казаки, въ родъ Ивана Смолы, выбирали годныя подъ пашню «пустыя лѣсныя и дубровныя мѣста и поля чистыя»,—и на нихъ стро-

*) А. И. т. II, № 9. т. III, №№ 62, 78, 85. А. Э. т. IV, № 120.

**) А. И. т. III, № 121. Дополн. къ А. И. т. IV, № 20; т. VI, № 1. и ин. друг.

***) Дополн. къ А. И. т. III, № 1.

****) А. И. т. III, № 138.

*****) Доп. къ А. И. т. III, № 46; т. IV, № 20, Грам. II; т. VI, № 89; т. VII, № 74: акты о строеніи и заселеніи слободъ въ Сибири, Грам. XIII, XV и др.; т. VIII, стр. 228; № 71, Грам. II.

*****) Дополн. къ А. И. IV, №№ 68 и 111.

или слободу и крестьянъ называли вновь *). Чуть усматривалось мѣсто «годно слободу строить», — крестьяне тотчасъ «радыли на то мѣсто, потому что пашенныхъ земель много **). Дети боярскіе находили годныя подѣ слободу пашенныя земли, — и также просили дозволенія строить слободу и крестьянъ: прибирать ***). Хлѣбъ и пашни такимъ образомъ мало по малу заманили въ Сибирь тысячи *новоприхожихъ и новоприборныхъ* пашенныхъ крестьянъ, такъ что въ 1709 г. въ ней поселилось уже до 229,227 душъ русскаго народа. Расширилась «хлѣбная пахота», — и вмѣстѣ съ нею умножились земледѣльческія поселенія. Уже въ одномъ указѣ 1632 году сказано: «прежде привозили изъ поморскихъ городовъ на Верхотурье хлѣбные запасы давно, коли въ сибирскихъ городахъ нашему хлѣбу пахота была не велика, а нынѣ на Верхотурье и въ иныхъ сибирскихъ городахъ тобольскаго разряда хлѣбная пахота учала быть большая, и остается у нихъ хлѣба и за окладомъ много» ****). Когда такимъ образомъ, въ верхотурскомъ и тобольскомъ разрядахъ сибирскихъ поселеній, насущная потребность хлѣба была удовлетворена посредствомъ устройства и распространенія пашенныхъ слободъ, селъ и деревень и даже «пашенныхъ городовъ», — большой недостатокъ въ хлѣбѣ чувствовался дальше, въ Сибири, въ областяхъ Томской, Енисейской и особенно Ленской. И вотъ требовалось послать пашенныхъ крестьянъ изъ *тобольскаго разряда* земледѣльческихъ поселеній дальше въ *томской разрядъ* — въ третье звѣно или въ третій узелъ сибирской колонизации, «для того, что — какъ сказано въ указѣ — и безъ тѣхъ крестьянъ въ тобольскомъ разрядѣ пашенныхъ крестьянъ и хлѣба пахоты ихъ много, а въ томскомъ разрядѣ крестьянъ и хлѣба тамошней пахоты мало, почему ежегодно посылаютъ оттуда за хлѣбомъ въ тобольскій разрядъ, отъ чего служилымъ людямъ въ хлѣбномъ жалованьѣ нужна и въ провожаньи хлѣбныхъ запасовъ напрасная тягость» *****). Вслѣдствіе такой необходимости хлѣба, вновь называли, накликали бирючами и всячески набирали пашенныхъ крестьянъ, добрыхъ, заводныхъ, прожиточныхъ и семейнистыхъ, лучшихъ людей и меньшихъ жеребьевъ, съ жена-

*) Доп. т. IV, № 106.

**) Доп. т. V, № 22.

***) Дополн. т. VI, № 89.

****) А. И. т. III, № 172.

*****) *ibid.* А. И. III, № 172.

ми и дѣтьми и со всѣмъ пашеннымъ заводомъ, дальше, на житье на земляхъ томскаго и енисейскаго разрядовъ *). И тамъ, по Оби, Томи, Енисею, Тунгускѣ, Иркуту и проч., опять мало по малу распахивались пашни, а при пашняхъ устраивались новыя пашенныя слободы, села и деревни **). Строился острогъ, въ родѣ Иркутска, — выбирали «мѣсто угожее для пашень» ***). Какъ только собиралось въ острогъ человѣкъ 20 служилыхъ людей, — они тотчасъ распахивали пашню, если вокругъ земля была хлѣбородная. Такимъ образомъ, путемъ распространенія хлѣба и пшеницы, земледѣльческая колонизація еще въ XVII вѣкѣ дошла мало по малу до Лены и Дауриі. Здѣсь, гдѣ служилые люди, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, въ тяжкихъ походахъ по рѣкамъ, отъ зимовья до зимовья, по Ледовитому и Охотскому морю, часто были «холодни и голодни», гдѣ часто имъ «пить и ѣсть было нечего, горько было» ****) — здѣсь потребность хлѣба была особенно ощутительна, и съ каждымъ годомъ увеличивалась. Въ якутскомъ острогѣ служилые люди тѣмъ болѣе терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ, что воеводы не выдавали имъ сполна присыльный казенный хлѣбъ *****). Въ Даурию, на Амуръ и Шунгалъ служилые люди шли, по собственнымъ словамъ ихъ, именно *для ради хлѣба, для ради хлѣбныя скудости и нужи* *****). Хабаровъ, поэтому, совѣтовалъ правительству «завести пашню въ Даурѣхъ» *****). О хлѣбѣ постоянно писались челобитныя съ Лены, и въ одинъ якутскій острогъ хлѣба требовалось большое количество. Напримѣръ, въ

*) А. И. I, № 167.

**) А. И. т. III, № 135. Дополн. т. III, № 15; т. VI, № 93; т. VII, № 74; т. VIII, № 34, № 51, Грам. I, II, VII.

***) Дополн. т. IV, № 104.

****) Доп. III, № 100.

*****) „Нынѣ, — сказано въ одной грамотѣ 1679—1682 г. — намъ великому государю вѣдомо учинилось, что будучи въ Илимскомъ воеводѣ, не радѣя нашимъ дѣломъ и для своей корысти, хлѣбные запасы Илимскихъ слободъ пахоты посылали въ якутской служилымъ всякихъ чиновъ людямъ неполной окладъ, а посылали тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ малое число, и отъ той хлѣбной недосылки въ Якутскомъ нашей казны и ясочному сбору, чинился многой недоборъ и потеря, а служилымъ всякихъ чиновъ людямъ была скудость большая, а многіе люди цыганями и голодомъ помирали! Дополн. т. VIII, № 53, грам. V, стр. 237.

*****) Доп. т. III, № 122, стр. 525.

*****) «И только заведутся въ Даурской землѣ пашни, — писалъ онъ, и тебѣ, государь будетъ прибыль больше, и въ Якутской острогѣ хлѣбъ присылать будетъ не надобно». Дополн. III, № 72.

1653 г. на служилыхъ людей якутскаго острога (на 860 чел.), кромѣ денегъ, нужно было хлѣба 4666 четей съ осьминою ржи, вѣсомъ 21,407 пудъ, 22 гривенни, 72 золотника, 2,486 четей овса, половину крупъ и толокна 1243 четверти съ полуосьминою, вѣсомъ 4973 пуда. Хлѣбъ этотъ надобно было присылать изъ Тобольска, Енисейска и изъ Илимскаго острога, «до тѣхъ мѣстъ, — какъ сказано въ актѣ, — покамѣстъ въ Илимскомъ уѣздѣ по Ленѣ рѣкѣ, по старымъ запякамъ и по новымъ мѣстамъ, будутъ новоприбылые пашенные присыльные крестьяне». Повтому, якутскій воевода писалъ царю: «И только ты, государь, укажешь прислать на Лену, въ Якутскій и Илимскій уѣзды на пашню пашенныхъ семьянистыхъ крестьянъ, и какъ устроены будутъ на Ленѣ присыльные пашенные семьянистые крестьяне, — и отъ тѣхъ крестьянъ будетъ прибыль многая, потому что впередъ тѣ пашенные крестьяне напашутъ хлѣба на жалованье якутскимъ служилымъ людямъ, на всѣхъ на 1,018 человекъ сполна, безъ присылки изъ городовъ, и самымъ тѣмъ пашеннымъ крестьянамъ сытымъ быть будетъ мочно» *). Такъ, крайняя потребность хлѣба необходимо требовала земледѣльческой колонизаціи на Ленѣ. И вотъ, еще въ 1640—1643 г. велѣно было ленскому воеводѣ Головину съ товарищами — «на Ленѣ рѣкѣ смотрѣть пашенныхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, и тѣ мѣста смѣтять, сколько на тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно.» И по смѣтѣ посланныхъ для этого служилыхъ людей, найдены были «многія пашенныя мѣста и сѣнные покосы и угода всякая, по обѣ стороны Илима рѣки до Ленскаго волока, по рѣкамъ Кутѣ, Кирепгѣ и внизъ по Ленѣ, и предположено было «устроить крестьянъ 800 и больши» **). Потребность «хлѣба ленской пахоты» ***) такъ была велика и настоятельна, что не только особыми грамотами, но и въ наказахъ воеводамъ постоянно предписывалось: «а пашенныхъ мѣстъ имъ воеводамъ по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко Лены провѣдывать на крѣпко, чтобъ на Ленѣ рѣкѣ близко того мѣста, гдѣ они воеводы съ служилыми людьми учнутъ жить, пашни завести и крестьянъ на пашни устроить и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ и на оброчниковъ и на всякіе тамошніе расходы напашать, а изъ Тобольска-бъ и изъ Енисей-

*) Дополн. къ А. И. т. III, № 113, стр. 402.

**) Дополн. т. II, № 90.

***) Доп. III, № 83 и др.

ска бы впередъ на Лену хлѣбныхъ запасовъ не посылать, а называть на пашню крестьянъ вольныхъ, всякихъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы» *). Въ 1651 г. снова предписывалось якутскому воеводѣ отыскивать и заселять новыя пашенныя мѣста на Ленѣ: «на Ленѣ въ якутскомъ острогѣ высмотрѣть того на крѣпко, есть ли по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко якутскаго острогу, вверхъ до Чечуйскаго волоку пашенныя угодія и пространныя мѣста? И мочно ли въ тѣхъ угодныхъ пространныхъ мѣстахъ до Чечуйскаго волока пашню завести и крестьянъ на пашни устроить, и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ и на оброчниковъ и на всякихъ людей тамошняго якутскаго острога напахать, чтобъ изъ Тобольска, изъ енисейскаго острога и съ ленскаго волока, впередъ на Лену въ якутскій острогъ хлѣбныхъ запасовъ не посылать! А буде, по вымотру, близко якутскаго острога, на Ленѣ пашенныя угодія пространныя мѣста есть, то имъ воеводѣ и дьяку—въ тѣхъ угодныхъ мѣстахъ крестьянъ въ пашню строить и называть на пашню во крестьяне вольныхъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы, а около ленскаго волока, на низъ по Ленѣ рѣкѣ до Чечуйскаго волока и вверхъ по Ленѣ же рѣкѣ до верхоленскаго, и около верхоленскаго острожку, велѣно было въ пашню крестьянъ строить другому воеводѣ, Богдану Оладьяпу» **). Вслѣдствіе такой крайней потребности хлѣба на Ленѣ, началась я тамъ земледѣльческая колонизація. Потребность хлѣба вызвала и туда охотниковъ на пашенное поселеніе. Предпримчивый Ерофей Хабаровъ, бывший первый земледѣльцемъ на Енисеѣ, при впаденіи Тесса, знаменитый открытіемъ ближайшаго пути на Амуръ, храбрыми походами туда и развѣдкою всего Амура, какъ сибирскій Триптолемъ, первый водрузилъ и водворилъ соху на ленской землѣ, при устьѣ рѣки Киренги, впадающей въ Лену. За нимъ послѣдовали и другіе. Въ отпискѣ ленскихъ воеводъ 7 мая 1641 г. читаемъ: «въ нынѣшнемъ во 149 году, генваря въ 17 день, билъ челомъ промышленный человекъ Ярофейко Павловъ Хабаровъ, а на ленскомъ волоку намъ подаль челобитную, чтобъ ему Ярофейку на Ленѣ рѣкѣ, на Усть-Киренги рѣкѣ, дать подъ пашню земли на льготу, а послѣ льготныхъ лѣтъ пахать ему на государя отъ девяти десятую десятину въ полѣ, а въ

*) Доп. т. II, № 100, стр. 269—270.

**) А. И. т. III, № 83.

дву потому жъ. Да января, въ 27 день, билъ челомъ промышленный человекъ Пантелейко Яковлевъ устюжанинъ, чтобъ ему быть въ пашенныхъ крестьянахъ на Ленѣ рѣкѣ на Тунгусскомъ волоку, гдѣ переходать съ Лены рѣки на Турухань, и мы велѣли ему Пантелейку быть на Тунгусскомъ волокѣ въ пашенныхъ крестьянахъ.... а пахать ему съ перваго году десятая десятина въ поле, а въ дву потому жъ, а сѣмена ржаные и яровые на ту десятину давать государевы. И Ярофейку Хабарову по уговору дали льготы на пашню на годъ, и сѣять государеву пашню по вся годы своими сѣменами. Да въ нынѣшнемъ же, въ 149 г., мая въ 7 день, по уговору сѣлъ въ пашнѣ на Ленѣ рѣкѣ, выше Киренскаго устья, на урочные мѣста, на 10 лѣтъ вологодскаго архіепископа крестьянинъ Ивашко Сверчковъ, и сѣмена ему даны *)). Такимъ образомъ потребность хлѣба вызвала ленскую земледѣльческую колонизацію. И она пошла довольно быстро. Уже къ 1679 году, въ верховьяхъ Лены заселилось 6 пашенныхъ волостей, въ одномъ Илимскомъ уѣздѣ: Усть-Куцкая, Орлецкая, Тутурская, верхняя Киренская, Верхолуцкая, Ангинская, Биргольская **). Хлѣбъ такъ былъ нуженъ и дорогъ въ ленской странѣ и первыя земледѣльческія поселенія такъ были важны и необходимы, что правительство вникало во всѣ подробности первоначальнаго ленскаго хлѣбопашества и первыхъ пашенныхъ поселеній ***).

*) Дополн. т. II, № 92.

***) Доп. т. VIII, № 83.

***) Ibid. т. VIII, № 34. Воеводамъ и служилымъ людямъ велѣно было составлять подробныя росписи «пахатныхъ мѣстъ добрые земли на Ленѣ». Доп. т. II, № 89. Въ 1644 г. сент. 30 ленскіе воеводы Вас. Пушкинъ и Кир. Супоневъ предписывали въ наказной памяти служилымъ людямъ: „чтобъ имъ служилымъ людямъ, на Усть-Куты рѣки государеву десятинную пашню, которую пахали на государя къ прошлому 153 году служилые наемные люди, Исачко, Максимовъ, Мишка Костеношниковъ, Сенка Родіоновъ, Марчко Микитинъ Ондришка Катилонъ. по 3 десятины на человека да вверхъ на Ленѣ рѣкѣ на Орленгѣ государеву же десятину, что пахали Офонка Долгихъ да Панюилло Яковлевъ ко 153 году, измѣрить въ десятины, противъ государева указу, длиннику по 80 десятинь, поперешнику по 40 сажень десятинь, по 3 аршина сажень; а измѣря въ государевы десятины, и сверхъ того ихъ пахоту на займахъ измѣрить въ десятины же, сотсечти, сколько у нихъ на государевыхъ десятинахъ ко 153 г. сотницъ сноповъ на десятинь родилось, да тотъ хлѣбъ велѣтъ на гумнахъ складать въ скирды и въ овинъ, а изъ ихъ пахоты, сколько у кого ихъ десятинь и на десятинахъ родилось, и сколько на той ихъ пашнѣ заѣдетъ въ скирдахъ сятаго ржаного и яроваго хлѣба, да съ тѣхъ ихъ десятинь счетчи въ сотницы же, и съ того ихъ всяка-

Указанныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться, какимъ сильнымъ побужденіемъ къ распространенію колонизаціи русской земли и Сибири была потребность хлѣба. И дѣйствительно, безъ хлѣба, даже въ хорошихъ мѣстностяхъ, представлявшихъ другіе источники жизненныхъ средствъ, поселенія не могли прочно существовать и развиваться, а расходились врознь и разрушались. Недаромъ, русское правительство, заводя земледѣльческія колоніи въ Сибири, немедленно велѣло выдавать изъ казенныхъ житницъ хлѣбъ на сѣмена тѣмъ новоустроившимся поселянамъ, у которыхъ хлѣбъ не родился или «вызѣбъ», «чтобы, по словамъ царскаго указа, ихъ одержать въ волости и врознь неразбрелись бы и пашни незапустили бы» *). И немало было случаевъ, что въ прекрасныхъ мѣстностяхъ, при возможности отличнаго скотоводства и при легкости и сподручности другихъ средствъ жизни, колоніи разрушались единственно отъ безхлѣбья. Такъ въ минусинскомъ округѣ, въ 9 верстахъ въ сторонѣ отъ Енисея, основаны были въ 1730—37 г. мѣдно-плавильные заводы, и въ 1740 по 1750 годъ находились въ цвѣтущемъ состояніи, когда имѣли хорошіе запасы хлѣба. Въ песчаной мѣстности, богатой пихтовымъ лѣсомъ, съ необычайною поспѣшностью были выстроены обширныя зданія съ плавильными печами. Въ луказскомъ заводѣ сооружена была церковь, и къ ней причислены всѣ деревни, устроившіяся вверху по Енисею. Сюда были выписаны плавильщики и рудокопы, набраны рекруты, переселено 100 ссыльныхъ, и поставленъ былъ комендантъ этого мѣста—артиллеріи поручикъ. Красивые дома были построены по образцу екатеринбургскихъ, на Уралѣ; между ними находилась канцелярія, харчевня, мастерская для рабочихъ. Здѣсь былъ устроенъ также и госпиталь. Поселеніе было огорожено палисадами. На видъ оно было цвѣтущимъ. Но что же вы-

го ржаного и яроваго хлѣба выдѣляти на государя десятой снопъ, изверставъ изъ всѣхъ поровну, изъ лучшихъ лучшую, съ средней среднюю, изъ худыхъ худую, да изъ тѣхъ государевыхъ десятинъ и изъ того выдѣльнаго хлѣба, изъ сколькихъ доведется, учинить опытъ, обмотать, да что по опыту въ умологъ того хлѣба будетъ, и имъ изъ того опытнаго хлѣба смѣрить въ пудовую припускную кадъ, и сколько котораго хлѣба по опыту въ мѣрѣ будетъ, о томъ отписать къ воеводамъ Вас. Никитичу Пушкину съ товарища. Дальше требуются подробныя извѣстія о количествѣ хлѣба, побитаго морозомъ, потопленнаго водою, вытертаго льдомъ, и т. п. Дополн. т. II, № 73. стр. 178—179.

*) Дополн. т. VIII, № 34.

шло отъ безхлѣбья изъ всей этой, по видимому, благоустроенной колонизаціи? Ссылные всё разбѣжались; крестьяне, присланные для работъ издалека, также мало по малу разошлись, потому единственно, что, по недостатку хлѣба, должны были питаться исключительно произведеніями стадъ. Такимъ образомъ, поселенія опустѣли, потому что, при обиліи мяса, не было хлѣба, и никто не думалъ воздѣлывать плодородной почвы. Когда Палласъ посѣщалъ эту несчастную колонію (въ 1772 г.), она уже находилась въ развалинахъ, и въ ней обиталъ только одинъ смотритель, состоявшій на пенсіи *).

Степень нужды въ хлѣбѣ и зависящія отъ нея цѣны зерна также имѣютъ вліяніе на движеніе земледѣльской культуры и колонизаціи. Только высокая цѣна зерна дѣлаетъ лѣса и пустыни обработанными и заселенными **). Въ Россіи, въ наибольшей части мѣстностей, цѣна хлѣба большею частію была низкая, и потому самыя плодороднѣйшія полосы оставались незаселенными и необработанными ***). Олеарій писалъ: «рѣдко услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства, гдѣ зерно даетъ малый выходъ, земля мало обрабатывается, такъ какъ крестьяне, запасая себѣ хлѣба на цѣлый годъ, не имѣютъ нужды засѣвать болѣе, и ежегодно употребляютъ только про себя свою богатую жатву. По этому самому, много прекрасной, плодородной земли остается безъ обработки, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, когда мы проѣзжали черезъ нѣкоторыя мѣстности, покрытыя черною, жирною землею ****). Только въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе истощенія давно расчищенной изъ подъ лѣсовъ почвы и частыхъ отъ того хлѣбныхъ недородовъ, а также вслѣдствіе распространенія винокуренія, — цѣна на хлѣбъ возвысилась; часто хлѣбъ былъ дорогъ. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ даже земскихъ людей: отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городахъ, противъ прежняго, хлѣбу дорогая цѣна? Гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ дали отвѣтъ, что цѣна на хлѣбъ возвысилась, между прочимъ, отъ

*) К Ритгера, земледѣніе Азіи, т. III, стр. 529.

***) Уже *Vosguillebert* говорилъ, что цѣна зерна опредѣляетъ, сколь далеко можетъ быть распространена культура (*Traité des grains* II, 2) „Der hohe Kornpreis macht alle Wüsten-oerter fruchtbar“ и пр. (*Philippi Vertheidigter Kornjude*, 1765, S. 116.)

****) А. Э. II, 99. III. С. Т. Тр. III, 362. Ворон. акт. I, 54.

*****) Путеш. Олеарія, въ Архивѣ Калачева 1859 кн. III, 13.

хлѣбныхъ недородовъ» *). Вслѣдствіе такого возвышенія цѣны на хлѣбъ, съ XVII вѣка замѣтно и болѣе сильное стремленіе къ обработкѣ и заселенію пустыхъ и непочатыхъ земель **). Особенно усилилась земледѣльческая культура и колонизація въ Сибири. И здѣсь, однакожь, обиліе земли свѣжей и хлѣбородной, легкость годового запаса хлѣба и простиравшая оттого крайняя дешевизна зерна замедляли успѣхи распространенія земледѣльческой разработки и колонизаціи во многихъ лучшихъ мѣстностяхъ Сибири. Красноярскій округъ, напримѣръ, въ Сибири—самый благодатный край для земледѣлія; минусинскій округъ, гдѣ рождаются и арбузы, считается даже сибирской Италіей ***). Палласъ съ особеннымъ вниманіемъ указывалъ на плодородіе и удобность для заселенія этой прекрасной области Сибири ****). Но цѣны на хлѣбъ здѣсь были поразительно низкія: пудъ ржаной муки стоилъ отъ 2 до 3 копѣекъ, пшеничной отъ 4 до 5 копѣекъ. Не было выгоды въ большихъ размѣрахъ разрабатывать и заселять новыя земли, такъ какъ цѣны на хлѣбъ не обусловливали обширной, выгодной хлѣбной торговли. Поэтому самыя лучшія земли оставались необработанными и незаселенными. Во всей Красноярской области, на протяженіи болѣе 600 верстъ въ длину и ширину, въ 1772 г. считалось только 9228 крестьянъ, 807 поселенцевъ, 2023 горожанъ и посадскихъ, которые всѣ занимались земледѣліемъ *****). Не говоримъ, наконецъ, о степени разработанности

*) Полн. Собр. Зак. № 286.

***) Сознана была необходимость развѣдки и разработки земель: «Добро бы было, — говоритъ Юрій Крыжанничъ, выслать угледниковъ по всему царству или паче державникамъ (правителямъ областей) заповѣдать, да бѣху обыскивали и отвѣдывали и обличали: гдѣ си буйно (изобильно) родить, либо родиться можетъ кое жито, зелье, дровье, или былье, и проч. И дая учинить тетаномъ (земледѣльцамъ) и жителямъ заповѣдь, да бѣху со всякою жарливостью (заботливостью) на тетаніе (земледѣліе) и умноженіе настоялія» (Р. Т. розд. III, 44). По регламенту Камеръ-Коллегіи 1719 г. предписывается — «о состояннн, натурѣ и плодородіи каждой провинціи увѣдомитися, и наипаче о томъ старатися, чтобы какъ возможно запустѣлыя дворы и земли паки населять, такожъ земледѣліе... вездѣ умножать и къ приращенію приводить». П. С. З. № 3466 п. 13.

****) Записки Сибирскаго отдѣла Географич. общ.

*****) Pallas, Reise, Th. III, s. 6. См. также s. 404 и др.

******) Палласъ, описавши плодородіе Красноярской области, говоритъ о степени населенности ея: Ich bin hierin etwas umständlicher gewesen, um ein Beispiel des Ackerbaues im Ostlichen Sibirien zu geben, und zu zeigen, wie glücklich der Landmann in diesen fruchtbaren Gegenden ist, und wie sehr selbige

и населенности нашей юговосточной и югозападной полосы, заключающей въ себѣ до 90 милл. десятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. Эта, по выраженію Гакстаузена, житница Европы во многихъ мѣстахъ представляетъ еще пустыни, ждущія сохи и селитьбы. «Черноземная полоса въ средней и южной Россіи, — говоритъ этотъ писатель, — заключаетъ въ себѣ (считая въ томъ числѣ и ту часть степей, которая еще не воздѣлана, но имѣетъ прекрасную почву) отъ 25 до 25,000 кв. милъ самой плодородной въ мірѣ почвы, но въ настоящее время населена мало и по всей вѣроятности не будетъ густо населена и въ слѣдующемъ столѣтіи. Со временемъ здѣсь образуется огромный хлѣбный магазинъ для Европы» *).

II. Производство хлѣба зависитъ отъ почвы, климата и вообще отъ внѣшней природы. Поэтому земледѣльческая колонизація и культура почти всецѣло подчинена физическимъ законамъ и условіямъ; по самому существу своему она не свободна такъ отъ природы, какъ торгово-индустриальныя, ремесленныя и фабрично-заводскія поселенія. Развитие и распространеніе этихъ послѣднихъ зависитъ отъ живаго оборота капиталовъ, рынковъ, рабочихъ силъ, отъ путей сообщенія, отъ умственной изобрѣтательности и предприимчивости, и т. п. А развитие и распространеніе агрикультурныхъ поселеній всецѣло зависитъ прежде всего отъ почвы и климата, отъ изотермовъ или направленія ровной годовой температуры, отъ изотеровъ или линій одинаковой лѣтней теплоты, отъ изогеотермовъ или линій равной почвенной температуры, отъ химическихъ свойствъ и законовъ почвы, отъ физиологическихъ свойствъ и законовъ провзрастанія, и т. п. Поэтому, всѣ удачи или неудачи земледѣльческой колонизаціи зависятъ отъ значенія географическаго распредѣленія, сущности и значенія этихъ физическихъ условій и отъ умѣнья направлять ихъ въ пользу агрикультуры или приспособлять къ нимъ самую агрикультуру. При незнаніи физико-географическихъ, метеорологическихъ и хлѣ-

stärker bevölkert zu werden verdienen. Das Krasnojarskische Gebiet beträgt in die Länge und Breite bei sechshundert Werste und hat nicht mehr als etwas über fünfzehn Tausend männliche Seelen zur Bevölkerung, worunter noch drei Tausend Tataren und andre sibirische Völker, welche grössentheils keinen Ackerbau treiben, sondern von Jagd und Viehzucht leben, mit eingerechnet sind. (Reise. Th. III, S. 7. См. еще §. 13).

*) Тенгоборскаго, о производительн. силахъ Россіи, ч. 1.

мико-физиологическихъ законовъ агрикультуры, земледѣльческія поселенія не могутъ исполнѣть правильно, рационально-географически распространяться и исполнѣть успѣшно и экономично развиваться. Умственное развитіе и географическое распространеніе ихъ, въ такомъ случаѣ, находится въ рабствѣ у природы, въ пассивной зависимости отъ физическихъ законовъ.

Такъ, во-первыхъ, широты мѣстностей, минимумы и суммы необходимой для культурныхъ растений теплоты опредѣляютъ различныя агрикультуры широты и предѣлы земледѣльческихъ поселеній. Вотъ краткій перечень условій температуры для нѣкоторыхъ европейскихъ растений:

В и д ы.	Крайніе предѣлы въ Европѣ: Minimum страны	Minimum широта необходим. температур.	Сумма минимума.
Hordei spec.	Въ Норвегii	70°	5° 1250°
Виноградъ	— Германii	52½	10 2900
Мансъ	— Idem	51	13 2500
Chamerops humilis	— Ниццѣ	43½	19 2700 до 3000
Atractylis cancellata	— Id.	43½	15 до 16 3000 до 4000
Mesembryanthemum nodiflorum	— Долманii	43	9½ 5730
Succowia baleavica	— Сардинii	41	11 5800
Dattier (Phoenix dactylifera)	— Испанii	39½	18 5100

Культурныя растенія, которыя требуютъ для своего произрастанія отъ 9° до 19° минимума необходимой температуры и отъ 2700° до 5800° суммы необходимаго минимума, очевидно, могутъ обуславливать собою агрикультурную колонизацію только на югѣ Европы, въ странѣ Средиземнаго моря. Виды растеній, требующіе отъ 7° до 13° минимума и отъ 2200° до 3000° суммы, могутъ служить основаніемъ и даннымъ для агрикультурныхъ поселеній въ средней Европѣ, въ Германii и Франціи. Наконецъ, минимумъ необходимой температуры отъ 5° до 8° и отъ 1250° до 2600° суммы минимума, и растенія, довольствующіяся этимъ количествомъ теплоты, могутъ обуславливать собою агрикультурную колонизацію только на сѣверѣ Европы, и притомъ колонизацію и культуру, самую ограниченную, и въ интенсивномъ развитіи, т. е. по количеству и качеству воздѣлываемыхъ растеній, и въ экстенсивномъ, т. е. по географической обширности и пространственному развитію агрикультурныхъ по-

селеній. По этому естественному закону, на сѣверѣ Россіи въ сѣверномъ Поморьи, отъ Мезени до Колы и Лапландіи, никакъ не могли развиваться обширныя земледѣльческія поселенія, не только съ разнообразнымъ растительнымъ сѣвооборотомъ, но и съ однимъ ячменемъ и рожью. Всѣ попытки земледѣлія на крайнемъ русскомъ сѣверѣ полярный климатъ съ замерзлой почвой разрушалъ, и наши сѣверо поморскіе поселенцы въ древней Россіи постоянно жаловались, что «на ихъ поморской украинѣ, на студеномъ морѣ, гдѣ земля пришла каменистая, стужа великая, во все лѣто снѣги мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побивается» *). Только рѣпа могла еще расти на сѣверѣ, и *рѣпница* изстари распространены были на поляхъ сѣвернаго поморья **). Поэтому, вмѣсто земледѣльческихъ колоній, тамъ устроились поселенія оленеводческія, рыболовныя и море-промышленныя.

Съ поясомъ ячменя становится возможнымъ воздѣлываніе нѣкоторыхъ видовъ хлѣбныхъ растений, и потому отселѣ начинается географическая область земледѣльческихъ поселеній. Вотъ средняя температура ура для нѣкоторыхъ предѣловъ и окрестностей ячменя:

Мѣстности	въ апр.	маѣ	іюнѣ	іюль	авгус.	сентяб.	октяб.	лѣто
Ферозь 62°3'	5°55'	7°43'	11°51'	12°83'	12°30'	10°78'	8°08'	12°24'
								отъ мая до сент. 10 97
Альтенъ въ Норвегій 70°0'	3	—0.5	4.81	8.11	11.71	10.55	5.66	—0.28
Улео 65°0'	—3.2	4.9	12.9	16.4	13.7	8.0	3.7	14.34
								отъ мая до сент. 11.18
Архангельскъ 64°32'	0.75	7.25	12.57	15.74	13.39	8.85	2.04	13.9
								отъ мая до сент. 11 56
Якутскъ 62°2'	—8.75	2.75	14.62	20.50	14.50	6.74	—8.50	16.54
								отъ мая до сент. 11.82

Такимъ образомъ метеорологическое состояніе весны, лѣта и осени, во всѣхъ этихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ опредѣляетъ полярный предѣлъ возможности земледѣльческихъ поселеній. Припимая за минимумъ необходимой для хлѣбныхъ растений температуры 5° или 8°, сумма теплоты отъ 1250° до 1930° или отъ 965° до 1700°

*) А. И. т. IV, стр. 545.

**) А. Юрид. № 110: Новгород. сѣверном. купчія и данныя.

обусловливаетъ возможность агриколярныхъ поселеній между 62°2' и 70°0' с. ш. Принимая за minimum необходимой для развитія растеній температуры 5°, полагають, что въ странахъ, гдѣ дни лѣтніе очень долги, культура ячменя и, слѣдовательно, заведеніе поселеній, которые бы воздѣлывали ячмень, требуютъ суммы температуры:

между 59° и 60° с. ш.	1840°
подъ 62°	1780
между 64 ¹ / ₄ и 65	1460
подъ 68 ¹ / ₄	1300
подъ 70°	1250

Такимъ образомъ крайніе полярные предѣлы, гдѣ возможна культура ячменя и, слѣдовательно, земледѣльческая колонизація, обусловливаются:

Суммой температуры, считая отъ минимумовъ

	5°	8°
Подъ 62°2' с. ш. въ Якутскѣ	1930°	1700
— 62°3', въ Фероз		
среднимъ числомъ		
— 64°32', въ Архангельскѣ	1610	1472
— 65°9', въ Улео		
среднимъ числомъ		
— 68°30', въ Еконтекисъ		
(въ Лапландіи)	1305	1165
— 70°0', въ Норвегіи	1250	965*)

Вслѣдствіе такихъ метеорологическихъ законовъ и физико-географическихъ предѣловъ, земледѣльскія поселенія въ Россіи не распространились нигдѣ дальше 66°10' с. ш. (исключая Самарова подъ 70°36', около котораго по словамъ Палласа и Георги, еще сѣяли ячмень и овесъ). Именно въ архангельской губерніи, въ предѣлахъ Усть-Цыльмы, агрикультура и земледѣльскія поселенія оканчиваются подъ 65° с. ш., на границѣ вологодской губерніи къ сѣверу подъ 64¹/₄° с. ш., въ Мезени на сѣверъ отъ Архангельска подъ 65°50' с. ш. на Шижмѣ подъ 66°10' с. ш. Такимъ образомъ физико-географическій и климатическій предѣлъ земледѣльческой культуры и колонизаціи,

(*) De-Candolle, Geograph. botan. t. I, p. 357.

на сѣверѣ Великороссіи, лежитъ между 65°50' и 66°10' с. ш. *) Здѣсь, слѣдовательно, сама природа полагаетъ предѣлъ земледѣльческой колонизаціи. И культурѣ, особенно невооруженной силою знаній, трудно было бороться съ климатическими и почвенными препятствіями и производствіями. Оттого, русскія поселенія здѣсь изнывали въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ и, какъ мы упоминали уже, постоянно жаловались, что мѣсто у нихъ подкаменное, студеное, подошло къ студеному океану—мору, что во все лѣто снѣги мало сходятъ и хлѣбъ по вся лѣта побиваетъ морозомъ. «Во всемъ Поморіи, — говоритъ жизнеописатель Трифона печенгскаго, — бѣше великій гладъ, многіе годы оwoщіе и хлѣбъ побивашеса мразомъ» **) Вслѣдствіе неблагоприятныхъ для земледѣлія климатическихъ условій, населеніе въ сѣверномъ поморьи всегда было рѣдкое; деревни были маленькіе и разбросаны на далекомъ одна отъ другой разстояніи. Не говоримъ уже о кольскихъ и мурманскихъ рыбацкихъ поселеніяхъ, даже южнѣе 64° с. ш., напримѣръ въ лопскихъ погостахъ населенность деревень, въ XVI и XVII в., была самая малая. Такъ въ трехъ уѣздахъ восточной пятины—ладожскомъ, орѣховомъ и корельскомъ изъ 2710 деревень, въ 1419 деревняхъ было только по 1 двору, а отъ 10 до 30 дворовъ только въ 58 деревняхъ, отъ 30 же до 45 дворовъ только въ 4 селахъ, и наконецъ, только въ двухъ селахъ свыше 50 дворовъ ***). Волость отъ волости, погость отъ погоста

(*) Де-Кандоль (Geogr. botan. t. I, p. 335) говоритъ: En Russie, l'agriculture avance moins vers le nord; mais la population est rare dans cette partie de l'empire, et l'on n'a pas encore essayé tout ce que comporterait le climat. M. E. Meyer admettait en 1840 (Plant. Labrad. p. 132) que vers Archangel et Ust-Silma, l'agriculture atteint à peine le 65° degré; elle a fait des progrès depuis quelques années, et M. Trautvetter, qui a puisé à de bonnes sources, indique d'une manière précise la limite des cultures de céréales c'est-à-dire dans ce cas la limite de l'Orge (Pflanz. Geogr. Verhältn. Europ. Russlandt, in-8°, Heft, III, p. 28). Selon cet auteur elle est à Mesen, au nord d'Archangel, sous 65° 50 lat., puis vers l'est, elle passe à Ishemskaia (64 degrés 1/2 environ), et vers l'Oural, elle aboutit au point de contact des deux provinces d'Archangel et de Vologda sous le 64° degré 1/4 de latitude. A Mesen, on sème ou commencement de mai et l'on récolte en août. On essaie encore plus loin, car d'après Stuckenberg, il y a de l'orge à Sjemscha (66° 10') et à Mylo, encore plus au nord, et d'après Schrenk (Traut. ib. p. 62) jusqu'au 66° degré de latitude au N. E. de Mesen. M. Trautvetter admet pourtant comme limite celle indiquée tout à l'heure. Elle oscille de 65° 50' à 66 degrés.

*) Въ рукоп. Солов. библ. Житіе Трифона Печенгск. № 182.

**) Окладн. Новгород. книга въ 11 и 12 кн. Временника за 1852 г.

отстояли верстъ за 70, 80, за 100 и болѣе *). Отъ морозовъ, побывавшихъ хлѣбъ почти повсегодно, многія поселенія пусты, такъ что въ каждомъ погостѣ было деревень 20, 30 и болѣе пустыхъ, а часто цѣлыя погосты и волости опустѣвали отъ хлѣбнаго недорода вслѣдствіе морозовъ **). По суровости климата, огромныя пространства оставались невоздѣланными и незаселенными, и въ тѣхъ рѣдкихъ поселеніяхъ, какія существовали, жители не воздѣлывали и почти не употребляли хлѣба ***). Крайній недостатокъ хлѣба препятствовалъ умноженію народонаселенія и расширенію не только земледѣльческихъ, но и торгово-промышленныхъ и заводскихъ поселеній. Де-Геннинъ, въ 1717 г. ноября 7 писалъ съ петровскихъ заводовъ: «хлѣба нѣтъ и мастерамъ и мастеровымъ людямъ, которые находятся при олонецкихъ заводахъ у разныхъ дѣлъ, на прокормленіе дать нечего... И въ олонецкомъ уѣздѣ, во всѣхъ погостахъ, хлѣбомъ съ нуждою пронимались сами». «У нашихъ лопскихъ мужиковъ, писалъ Геннинъ 17 іюля 1718 г., хлѣба ни горсти нѣтъ, кромѣ того, что питаются сосною корою... И нынѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣбъ растетъ весьма плохъ. Хлѣба-рожь и овесъ принимаются съ трудомъ». ****) По такой трудности земледѣлія, особенно на крайнемъ сѣверѣ поморья, за 64° с. ш., вмѣсто земледѣльческихъ колоній естественно устроились преимущественно поселенія лопарскія, оленеводческія, рыболовныя и особенно морепромышленныя. «Море вотъ наше поле, наша пашня» такъ говорятъ доселѣ поморцы. Отъ хлѣбнаго недорода, поморцы охотно шли на олонецкія петровскія заводы. Іюля 20, 1715 г. де-Геннинъ писалъ: «хотя и тягостна заводская работа, однакоже, при моей бытности, многое число олонецкаго уѣзда мужиковъ пришло жить съ иныхъ уѣздовъ» *****) А въ XVII в. отъ хлѣбнаго недорода Поморцы толпами переселялись въ хлѣбородныя земли Сибири *****). Здѣсь на сѣверѣ Сибири, земледѣльческая колонизація и культура еще до такой степени слаба и такъ мало изслѣдовала и покорила физико-географическую природу, что хорошо неизвѣстны даже изогеометри-

*) Собран. архіер. грам. Рукоп. Солов. подъ № 20. № 40.

**) Неволіна—о пятни. и погост. Новгор. прилож. VI и др.

*) Горн. Журн. за 1826 г. № 11, стр. 143—144 и 152.

****) Regum шo civit. p. 77, 79 и 80.

*****) Дополн. къ А. И. т. III, № 14.

*****) Горн. Журн. 1826 № 1, стр. 103.

ческие и климатические предѣлы агрикультуры. По свидѣтельству Палласа и Георги, ячмень и овесъ сѣяли даже у Самарова, подъ $70^{\circ}36'$ с. ш. и у Сургута, подъ $61^{\circ}25'$, но попытки были неудачны. Бессиліе колонизаціи въ агрикультурной борьбѣ съ климатомъ показалось также въ колоніи Богословской у Урала, подъ $59^{\circ}45'$ с. ш. на высотѣ 822 ф. Неудача здѣсь земледѣлія побудила Купфера помѣстить эту мѣстность внѣ предѣла агрикультуры. Вѣроятно, замѣчаютъ Деандоль, предполагаютъ культуру невозможною безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ, потому что не было болѣе положительныхъ опытовъ. Наролонаселеніе Сибири еще слабо, и его занятія ограничиваются слабыми попытками культуры. У Березова на Оби ячмень очень хорошо родится подъ $63^{\circ}55'$ с. ш. Въ центрѣ Сибири, у Якутска, по словамъ Георги, воздѣлывали ячмень на берегахъ Вилюя, подъ 64° с. ш. *) Вообще подъ 64° и даже подъ 62° с. ш. едва ли не предѣлъ сколько нибудь успѣшной агрикультуры и возможности земледѣльческихъ поселеній. Линія, по которой кончается въ Сибири яровое земледѣліе и земледѣльская колонизація, по болѣе точнымъ извѣстіямъ, идетъ при слѣдующихъ точкахъ: въ Камчаткѣ до шир. 57° , на сѣверномъ берегу Охотскаго моря не далѣе $59^{\circ}30'$, по Ленѣ до широты 62° , по Енисею въ волости Андисеровой почти при 60° , по Иртышу въ селѣ Ряполовскомъ въ ш. 59° , на восточномъ предгорьи Урала еще ближе послѣдней широты. Притомъ по всей линіи не видно возвышающейся

(*) Де-Кандоль говоритъ: „Dans le nord de la Sibirie, la limite est bien peu connue, surtout la limite de ce qui serait possible si la population était moins rare et multipliait les essais. D'après Pallas et Georgi (extr. par E. Mey, plant Labrad. p. 140), on ne cultive près de Samarof (lat. 70° , $36'$, long. 65 degrés E. P.) que de l'orge et de l'avoine, et près de Surguit (lat. 61° , $25'$, long. 70° E. P.) les tentatives faites par les habitants avaient été si malheureuses qu'on a renoncé à semer. A Rogoslovsk, établissement de mines près de l'Oural sous le $59^{\circ}45'$, à 822 p. d'élévation (Erman, Reise t. I, p. 410), on a l'opinion qu'il serait impossible de cultiver des céréales et même des choux et des raves, M. Kupfer place cette localité hors de la limite; mais il paraît plutôt, d'après les expressions du voyageur Erman, que des essais convenables n'ont pas encore été faits. On croit toute culture impossible, peut-être sans en avoir des preuves positives. La population est faible, et ses occupations la détournent des essais de culture. A. Beresow, sur l'Obi, $63^{\circ}55'$ lat. l'Orge réussit très bien (Erman, Reise I, p. 603). Dans le centre de la Sibirie, près de Jakoutsk, on cultive de l'Orge sur les rives de la Wilvim, affluent de la Lena (64° lat), selon Georgi; et près de Amginsk, sous le 61 degré, il ne manque pas de céréales de même que dans le pays qui sépare Jakoutsk du fleuve Aldan, selon le temoignage

постепенности въ хлѣбномъ плодородіи, отъ востока къ западу. Не видно также, чтобы съ углубленіемъ материка въ полярный кругъ, плодородіе простиралось пропорціонально продолженію матерой земли. Страны, выше 62° с. ш., кажутся, обречены только на рѣдкія, малолюдныя и скучныя поселенія кочевыя, оленныя, рыбацкія, звѣроловческія и море-промышленныя. Русскіе тамъ нерѣдко умирали отъ суровости климата и безхлѣбья. Напримѣръ, въ 1759 г. въ отдаленныхъ отъ Якутска острогахъ умерло до 40 человекъ изъ служилыхъ командъ: они, какъ сказано въ указѣ 7 декабря 1760 г., «ли кожи и ремни *»). Правительству стояло значительныхъ хлопотъ поддерживать земледѣльческую колонизацію въ холодномъ, восточномъ поясѣ Сибири, не только подъ 62°, но и до 57° с. ш. Не даромъ оно заботливо освѣдомлялось объ ущербахъ, какіе претерпѣвали отъ морозовъ первыя земледѣльческія поселенія въ верхнихъ Лены. Такъ въ 1644 г. Ленскіе воеводы наказывали служилымъ людямъ «досматривать у новопашенныхъ поселенцевъ, родился ли у нихъ хлѣбъ, и буде родился, и морозомъ тотъ хлѣбъ не побилъ ли, и буде побилъ, сколько десятинъ морозомъ побилъ», и проч. **) Чуть въ какой нибудь новоустроенной пашенной слободѣ морозъ побивалъ хлѣбъ, правительство немедленно велѣло выдавать поселянамъ хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, чтобы они не разбрелись и пашни не бросили. Такъ, въ 1678 г. Биргольскіе пашенные крестьяне били челомъ, что «де въ 186 году, о Ильинѣ дни, въ Бирюльской волости на государевыхъ десятинахъ и на крестьянской пахотѣ хлѣбъ вызябъ весь безъ остатку, а у иныхъ крестьянъ остатки небольшіе отъ морозовъ остались, а у вторыхъ де крестьянъ хлѣбъ вызябъ, и имъ де пынѣ кормиться

du voyageur Sarytschew (cité par E. Mey, ib.) A. Jakoutsk, on a même du froment d'été (Erman, Reise II, p. 253), par conséquent à plus forte raison de l'Orge. S. 335—336). I. Ф. Скау въ статьѣ о географическомъ распредѣленіи хлѣбныхъ растений „говоритъ“: Обращаясь отъ скандинавіи къ востоку, мы находимъ склоненіе линіи хлѣбныхъ растений уже въ Европейской Россіи, сѣвернѣе она идетъ у Архангельска подъ 67°. Замѣтите склоненіе этой линіи въ азиатской Россіи; у Оби сѣверная граница хлѣбовъ проходитъ подъ 67°, у Енисея подъ 58°, у Лены подъ 75° (?) широты; въ Камчаткѣ, въ южной части которой воздымается весьма мало хлѣбовъ, она опускается до 51°.

*) Историч. обозрѣн. Сибири, Слоцова, 11, стр. 323—324.

**) Дополн. къ А. И. т. 11, № 73, стр. 178—179.

нечѣмъ». Вслѣдствіе этого, крестьянамъ велѣно было вытѣдъ хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, «чтобы ихъ одержать въ волостѣ и врознь не разбрелись бы и пашни не запустили бы» *). Если въ верховьяхъ Лены, или подъ 55° 58' с. ш. климатъ затруднялъ распространіе и утвержденіе земледѣльческой колонизаціи, то на сѣверѣ, подъ 62° с. ш. еще труднѣе было ее водворить. Въ 1640—1643 г. ленскій воевода Головицъ отписывалъ: «а въ якутскомъ, по сказкѣ торговыхъ и промышленныхъ служилыхъ людей *хлѣбной пашни нечаятъ*, земля и среди лѣта все не растаиваетъ. Въ якутской области всего яснѣе обнаружилась трудность земледѣльческой колонизаціи, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, безъ пособія науки и искусства. Вотъ что объ этомъ писалъ Н. Щукинъ въ 1844 году: «казаки, проникнувъ съ Сибирь, нашли тамъ жителей незнающихъ земледѣлія, но питающихся мясомъ и молокомъ въ различныхъ измѣненіяхъ. Русскому хлѣбъ столько же необходимъ, сколько свѣтъ дневной. Пища побѣжденныхъ народовъ была непривычна имъ, а въ иныхъ случаяхъ и противна уставамъ церкви. Казаки должны были везти съ собою провіантъ. Сколько разъ писали они, что, плавая по Охотскому морю безъ провіанта осквернили душу свою тюленями и другими морскими звѣрями. Начальство уважило эту крайность и завело хлѣбопашество на рѣкѣ Енисей. Земледѣліе, подаваясь вслѣдъ за успѣхами казаковъ отъ запада къ востоку, достигло береговъ Илима, а потомъ и Лены. Но почва якутской земли никогда не таетъ глубже аршина, и потому ранніе холода лѣтомъ не благопріятствовали земледѣлію. Подъ 57° широты, на устьѣ р. Киренги, заложенъ городъ Киренскъ, и первые опыты земледѣлія тамъ удались, и жители Якутска оставили земледѣліе. Между тѣмъ, къ юговостоку отъ Якутска по р. Амгѣ, впадающей въ рѣку Алданъ, основано русское селеніе. Здѣсь земледѣліе поддерживалось кое какъ. Крестьяне обьякутились и привыкли къ мясной и молочной пищѣ. Мысль, что хлѣбъ не можетъ родиться въ якутской области, сдѣлалась общею и внесена въ географію и статистику. Г. Бардовскій, въ изданной въ 1837 географіи, говоритъ, что рожь родится только въ Енисей, а далѣе къ востоку урожай ненадеженъ. На чемъ основалъ г. Бардовскій столь рѣшительное опредѣленіе, нельзя постигнуть. Если въ статистикѣ

(*) Дополн. т. VIII, № 34. (3) Доп. II, № 90.

г. Зябловскаго и сказано, что иркутская губернія не удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но значительную часть его получаетъ изъ томской губерніи, то показаніе это давно опровергнуто. Хлѣбъ родится худо только за 57° широты, а южная часть иркутской губерніи не только что удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но каждый годъ до 600,000 пудовъ отпускаетъ его въ Китай и въ якутскую область. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ городѣ Олекмѣ, на берегу Лены подъ 60° с. ш. тамошній комиссаръ Звѣревъ, не зная ни о широтѣ мѣста, ни объ улучшенномъ хозяйствѣ, посѣялъ рожь. Опытъ былъ неудаченъ. На слѣдующее лѣто опъ посѣялъ ярицу и ячмень. Первая замерзла въ колосу, второй созрѣлъ совершенно. Такимъ образомъ, изучивъ въ нѣсколько лѣтъ почву и климатъ, опъ дошелъ до того, что сталъ довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Явились подражатели. Хлѣбъ начали сѣять въ другихъ мѣстахъ. Но неудачи охладили рвеніе, а надежда на звѣриные промыслы льстила лучшими въгодами. Земледѣліе оставлено и поддерживалось кое-гдѣ въ ничтожномъ размѣрѣ. Въ 1835 г. одинъ чиновникъ въ Якутскѣ посѣялъ для опыта ярицу, хлѣбъ созрѣлъ и спить благополучно. Здѣсь опять явились подражатели, и земледѣліе шло съ переменнымъ успѣхомъ. Обыкновенно, хлѣбъ, не созрѣвши въ колосѣ, гибнулъ отъ павшихъ въ началѣ Августа ишеевъ. Для полнаго созрѣнія жита не доставало недѣль двухъ теплаго времени въ концѣ лѣта. Многолѣтніе опыты научили, что весною не должно упускать ни одного теплаго дня и сѣять хлѣбъ тотчасъ, какъ скоро снѣгъ сойдетъ съ земли... Вообще опыты земледѣлія, доселѣ производимые, доказали, что хлѣбъ въ якутской области можетъ родиться только при благопріятныхъ случаяхъ; можетъ быть, со временемъ, когда оклиматизируются сѣмена, когда дознанъ будетъ способъ полеводства, земледѣліе и станетъ въ число принадлежностей сельскаго хозяйства; но теперь оно въ страдательномъ положеніи. *) Первый опытъ хлѣбопашества въ якутскомъ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 году, когда сибирскій дворя-

*) Н. Щукина, повѣдка въ Якутскѣ 1844, стр. 241—245. „Вотъ, продолжаетъ онъ, нѣсколько видовъ якутскаго земледѣлія. Въ 1840 г. купецъ Леонтьевъ имѣлъ 17 десятинъ озимаго и 35 яроваго. Снялъ озимаго 137 четв. яроваго 262 четв. Купецъ Шилловъ имѣлъ 7 десятинъ озимаго и 17 десятъ яроваго. Снялъ перваго 21 четв., а втораго 106 четв. Почетная гражданка Колесова съ 15 десятинъ сняла 123 четв. За русскими увлеклись якуты и проч. стр. 245.

нинъ И. Старостинъ получилъ во владѣніе участки земли близъ Якутска. Сначала нѣнытки его были въ самомъ маломъ размѣрѣ, а потомъ, чтобы приохотить другихъ, Старостинъ увеличилъ хлѣбопашество и засѣвалъ свои пашни только яровымъ хлѣбомъ. Въ 1768 г. были поселены отъ Якутска по тракту пркутскому нѣсколько семействъ посеменищевъ и небольшая часть изъ нихъ въ 1775 г. была переведена въ амгинскую слободу, собственно съ цѣлю водворенія тамъ хлѣбопашества. Долина р. Амги представляетъ всѣ выгодныя условія для земледѣлія; съ первыхъ лѣтъ переселенцы занялись обработываніемъ полей, но впослѣдствіи, пережившимися на якуткахъ и свыкшимся съ образомъ ихъ кочевой, скотоводческой жизни, бросили земледѣліе, такъ что оно вовсе тамъ прекратилось. Неудачи, причиняемыя суровымъ климатомъ, ослабляли энергію лѣннихъ русскихъ натуръ, неумѣющихъ рационально и устойчиво бороться съ природою. Только назначенный въ 1800 г. въ амгинскую слободу комиссаръ Неоструевъ, получивъ особое предписаніе о распространеніи хлѣбопашества и преслѣдуя праздность и нерадѣніе переселенцевъ, принудилъ ихъ къ воздѣлыванію земли, и съ тѣхъ поръ, по настоящее время, разведеніе зерноваго хлѣба было производимо на земляхъ амгинскихъ съ постояннымъ успѣхомъ. Во всей якутской области хлѣбопашество производится только въ двухъ округахъ: якутскомъ и олекминскомъ. По свѣденіямъ за 1835 г., всего въ области на 349 десятинахъ посѣяно было озимаго хлѣба $4\frac{3}{8}$ и яроваго $365\frac{5}{8}$; родилось перваго $26\frac{2}{8}$ и втораго $2,241\frac{1}{4}$ четверти. При всей суровости климата *), растительность въ якутскомъ краѣ необыкновенно сильна, развитіе ее совершается съ удивительною быстротою. И въ послѣдніе годы, т. е. съ 1853 г., хлѣбопашество въ Якутскѣ получило значительныя размѣры. Съ переселеніемъ на берега р. Маи забайкальскихъ, верхнеудинскихъ крестьянъ, отличное трудолюбіе ихъ къ воздѣлыванію земель и знаніе этого дѣла поучительно подѣйствовали и на якутовъ. Вслѣдствіе благотельнаго примѣра русской земледѣльческой колоніи, въ 1853 году сдѣланы были въ кутурусскомъ улусѣ небольшіе засѣвы; успѣхъ увѣнчалъ труды якутовъ, удачный урожай рѣшительно приохотилъ ихъ къ разработкѣ полей. Примѣру ихъ послѣдовалъ и со-

*) См. таблицы наблюденій г. Давыдова въ кн. Др. А. Th. V, *Middendatsch Sibirische Reise*, Band I, Theil 1.

сѣвнѣйшій намскій улусъ, въ которомъ весной 1854 г. застыло до 2000 пудъ ячмень, а въ 1855 г. въ намскомъ и бутурусскомъ улусахъ посѣвъ состоялъ изъ 4000 пудовъ ячменя, и также сдѣланы были опыты сѣянія пшеницы и овса. *)

Точно также климатъ затрудняетъ развитіе земледѣльческихъ поселеній въ Камчаткѣ. **) Въ восточной, приморской сторонѣ ея климатъ вовсе неблагоприятенъ для земледѣлія: холодные туманы и морскіе вѣтры мѣшаютъ развитію хлѣбныхъ растений. Крашенинниковъ, довольно подробно описывая климатическое состояніе Камчатки, между прочимъ, говоритъ: «зима и осень составляютъ тамъ большую половину года, такъ что настоящей весны и лѣта не болѣе 4 мѣсяцевъ положить можно: ибо деревья начинаютъ тамъ распускаться въ исходѣ іюня, а иней падать въ началѣ августа мѣсяца... Лѣто (въ большерѣцкомъ вѣдомствѣ по пенжинскому морю) весьма неспокойно, мокро и холодно; а причиною тому великое исхожденіе народовъ, и около лежація, неотающимъ снѣгомъ покрытыя горы. Часто случается, что по недѣль, по двѣ и по три солнца небываетъ видно; напротивъ того не случалось во всю мою бытность, чтобъ недѣлю сряду было ведро. Нѣтъ такого яснаго по тамошнему мѣсту дни, въ который бы съ утра не видно было туману, который какъ сильный мелкій дождь до тѣхъ поръ продолжается, пока солнце близко къ полудню приближается, а отъ того ненастья, также и отъ поминутыхъ горъ, бываетъ въ приморскихъ мѣстахъ такая стужа, что безъ теплаго вѣтра пробыть отнюдь невозможно... Объявленное лѣтнее не спокойство бываетъ причиною неплодородія земли.» ***). Напротивъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ моря, особенно около верх-

*) Записки Сибирск. отдѣла Географич. общества, кн. V, 1858 г. „о началѣ и развитіи хлѣбопашества въ якутской области“—Давыдова. II, стр. 13.

**) Декандоль говоритъ о камчатскомъ климатѣ и земледѣліи: «Sur la côte orientale du Kamtschatka, même sous le 53° 4' lat., le climat est tout à fait contraire aux céréales. Da Chamisso (Linn. I, p. 2) dit qu'à Saint-Paul et Saint-Pierre, localité assez abritée des vents de mer, elles n'ont pas réussi, et que l'on a dû se borner aux pommes de terre et à quelques légumes. Il paraît cependant qu'il y a des points plus favorables à la culture, dans l'intérieur de la péninsule du Kamtschatka. Steller (cité par E. Mey ib. p. 151) mentionne de l'Orge cultivée près d'un couvent par des moines. Le littoral, même au midi, est battu de vents humides, qui empêchent les grains de mûrir convenablement (Malte-Brun, Geogr. III, p. 397. Geograph. botaniqu. t. I, p. 336).

***) Опис. земли Камчатки. Спб. 1786 г. ч. стр. 160—170. См. также Лесенцово путешествіе по Камчаткѣ. 1801 г. ч. I. стр. 17—18.

няго камчатскаго острога, климатъ, по наблюденію Крашенинникова и другихъ, умѣреннѣе, теплѣе, суше, и благоприятствуетъ земледѣлію. Вслѣдствіе такой раздвоенности метеорологическаго состоянія Камчатки, различны были и мнѣнія о возможности земледѣльческой колонизаціи Камчатки. Одни находили климатъ Камчатки рѣшительно неблагоприятнымъ для водворенія и развитія земледѣльческихъ поселеній. И неудачные опыты агрикультуры утверждали это мнѣніе: *) Другіе же вѣрили въ возможность земледѣльческихъ колоній и хлѣбопашества во внутренней, континентальной Камчаткѣ. Крашенинниковъ писалъ: «О состояніи Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли ея больше, или важнѣе преимущества. Что она безхлѣбное мѣсто и нескотное, что великимъ опасностямъ отъ частыхъ землетрясеній и наводненій подвержено, что большая часть времени проходитъ тамъ въ неспокойныхъ погодахъ, и что напоследокъ одно почти тамъ увеселеніе смотрѣть на превысокія и нетающимъ снѣгомъ покрытыя горы, или живучи при морѣ слушать шуму морскаго волненія, и глядя на разныхъ морскихъ животныхъ, примѣчать нравы ихъ и взаимную вражду и дружбу: то кажется, что она страна больше къ обитанію звѣрей, нежели людей способна. Но ежели напротивъ того взять въ разсужденіе, что тамъ здоровый воздухъ и воды, что нѣтъ неспокойства отъ лѣтняго жару и зимняго холоду, нѣтъ никакихъ опасныхъ болѣзней, какъ напримѣръ моровой язвы, горячки, лихорадки, воспы и имъ подобныхъ, нѣтъ страху отъ грома и молніи, и нѣтъ опасности отъ ядовитыхъ животныхъ: то должно признаться, что она къ житію человеческому не меньше удобна, какъ и страны всѣмъ изобильныя, которыя по большой части объявленнымъ болѣзнямъ или опасностямъ подвержены, особливо же, что нѣкоторые недостатки ея со временемъ награждены быть могутъ: а именно, оскудѣніе въ хлѣбѣ введеніемъ пашни, чему начало давно уже положено, и отправлено туда нѣсколько семей крестьянъ съ довольнонымъ числомъ лошадей, рогатаго скота и всякихъ принадлежащихъ къ пашнѣ потребностей. Около вершинъ рѣки Камчатки, особливо же около верхняго камчатскаго острога и вверхъ по р. Козыревской, по мнѣнію Стеллера, могутъ родиться яровые хлѣба и озимь столь же хорошо, какъ и въ другихъ мѣстахъ подъ такою

*) См. въ Сѣверн. Архивѣ 1823 г. ч. VI, № 7 отд. III: „Краткое извѣстіе о Камчатскомъ земледѣліи“.

широкою лежащихъ; для того что земля тамъ широка, снѣги падаютъ хотя глубокіе, однако сходятъ заблаговременно; сверхъ того вѣшняя погода въ тѣхъ мѣстахъ гораздо суше противъ приморскихъ, и не бываетъ тамъ исхожденія паровъ великихъ. Что касается до яровыхъ хлѣбовъ, то какъ въ верхнемъ, такъ и въ старомъ нижнемъ камчатскомъ острогѣ многими опытами извѣдано, что ячмень и овесъ родятся тамъ столь изрядные, что лучшихъ жемать не можно. *)

Съ крайнихъ сѣверо-восточныхъ границъ ячменя обратимся на югъ Россіи, въ поясъ винограда. Здѣсь климатъ благопріятствуетъ произрастанію и созрѣванію винограда: въ Буковинѣ и Могилевѣ подъ 48° с. ш. въ Кременчугѣ подъ 49°, на степяхъ Дона отъ Аксая до Черкаска, въ предѣлахъ Волги до 48°, до колоніи Сарепты, а по словамъ Палласа до Саратова и Царицына, до колоніи Верхней Добрянки. или до Дмитріевска и Камышина, т. е. почти до 50° с. ш. «Ни въ какой части земли, говоритъ Гумбольдтъ, даже на Канарскихъ островахъ, въ Испаніи или южной Франціи, я не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ плодовъ, особенно такого прекраснаго винограда, какъ въ Астрахани, близъ каспійскаго моря (46° 21'). При средней годовой температурѣ около 9°, тамъ средняя лѣтняя температура доходитъ до 21° 2', какъ около Бордо: тогда какъ зимою не только въ Астрахани, но еще гораздо южнѣе, въ Кизлярѣ у устья Терека (подъ широтой Авиньона и Римини) термометръ опускается до 25° и 30° мороза». **) Благопріятствуя такимъ образомъ разведенію винограда, южный климатъ, при этомъ, и въ самыхъ жителяхъ обусловливаетъ другую химико-физиологическую потребность, именно преимущественную потребность пищи плодовой, содержащей въ себѣ гораздо больше кислорода и меньше углерода, чѣмъ содержитъ ихъ полярная, жирно-мясная пища. «Шлоды, говоритъ Либихъ, служащія пищею для южнаго жителя, содержатъ въ свѣжемъ состояніи не болѣе 12 процентовъ углерода, между тѣмъ какъ сало и жиръ, употребляемые жителями полярныхъ странъ, содержатъ отъ 66 до 80 процентовъ углерода.» Этотъ-то химико-физиологическій законъ былъ причиною того, что русскіе люди, поселившись на сѣверѣ, въ Поморья, подъ 60°—68° с. ш., употребляли всѣ усилія на добычу жирной пищи—трески, палтуси-

*) Крашенинникова, описан. Камчатки. 1786 г. ч. II, стр. 150—152.

**) Космосъ, II. стр. 286.

ны, семги и тюленьяго жира и, не смотря на всю бесплодную каменность и мшистость почвы, не смотря на климатическія препятствія, все-таки бились изъ всѣхъ силъ, добывая хлѣбъ, и брались за хлѣбопашество; а поселившись на югѣ русской земли, въ тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и кукурузы, тѣ же русскіе люди явились лѣнвыми къ хлѣбопашеству и предались больше садоводству, культурѣ винограда и фруктовъ. Такимъ образомъ, винограды и вообще садоводство были главными или отличительными мотивами нашей колонизаціи на югѣ, начиная даже съ Дону. На Донъ виноградъ привезенъ моремъ колонистами изъ Греціи. Со времени Петра Великаго разведеніе его завлекло и заняло значительную часть донскаго населенія. Въ царствованіе Елисаветы Петровны, виноградарство на Донѣ получало еще большее развитіе, и ведерниковская станица производила вино въ значительномъ количествѣ. Во время атаманства Платова, выписаны были изъ герцогства нассаускаго нѣмецкіе винодѣльцы-колонисты. Въ настоящее время почти всѣ донскіе виноградники тянутся, по правому нагорному берегу Дона. Виноградъ разводится въ самыхъ сѣверныхъ придоельныхъ станицахъ: въ усть-медвѣдицкой, ирменской, вешенской и казанской; онъ разведенъ даже въ хоперскомъ округѣ. По мѣстонахожденію, главныя виноградарскія поселенія, тянущіяся отъ ниже-чирской станицы до самаго моря, образуютъ три группы. Первая, наименьшая, лежитъ между станицами ниже-чирскою и кобылинскою. Вторая, средняя, какъ по величинѣ, такъ и по мѣстонахоженію, находится между станицами цымлянскою и кумшациною. Третья, наибольшая, начнется отъ константиновской станицы и продолжается черезъ золотовскую, кочетовскую, семикаракорскую, раздорскую, мельховскую станицы до самой бесоргневской. Въ 1859 г. считалось во всей области 2,477 виноградныхъ садовъ, а въ 1848 г. около 5,000 садовъ. *) Въ Астрахани, разведеніе винограда стало привлекать и занимать русское населеніе особенно съ половины XVII вѣка. По свидѣтельству актовъ, всякихъ чиновъ русскіе люди, монастыри, выходцы нѣмецкіе и французскіе и разныя другіе иноземцы селились въ Астрахани и «строили и заводили виноградные сады». **) Въ

*) Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Опис. земли войска донскаго, стр. 318—327.

**) Дополн. къ А. И. т. IV, № 60.

то же время, разведеніе винограда привлекало русскую колонизацію на Кубань и Терекъ. Въ 1652 г., декабря 20 дня, Алексѣй Михайловичъ писалъ астраханскимъ воеводамъ, что «по слухамъ, до него дошедшимъ, на Терекъ растетъ *виноградное кустье*, а потому, выбравъ русскихъ людей, бывшихъ питейнаго дѣла у нѣмецкихъ мастеровъ въ ученьи, и которыми бы витойное дѣло было за обычай, должно послать ихъ на Терекъ для разводки винограда и для винодѣлья. *) Въ концѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII вѣка на Терекъ и Кубань мало по малу бѣжали разные русскіе люди, преимущественно казаки и старообрядцы. Въ 1773 г., на лѣвомъ берегу Терека, въ собственно-русскихъ поселеніяхъ, считалось: гренадерскихъ служащихъ казаковъ 500 чел., семейскихъ 450, волжскихъ 507, кромѣ гарнизонныхъ, солдатскихъ поселеній. Прочіе поселенцы были: казачіе инвалиды, русскіе, татарскіе и арменскіе купцы. Въ Кизлярѣ была смѣсь самыхъ разноплеменныхъ поселенцевъ. Всѣ эти жители Терека, Кизляра, Моздокской линіи и т. д., по видимому, должны бы были усердно заняться земледѣліемъ, такъ какъ земли тамошнія, по словамъ Фалька, «исполнены плодоносными, для земледѣлія весьма хорошими мѣстами, не нуждаются даже въ удобреніи, и неурожая почти никогда не бываетъ; обыкновенная жатва вознаграждала въ 10 и 45 разъ. Фалькъ проектировалъ даже для этого края специальную земледѣльческую колонизацію. **) Но не смотря на то, движимые больше естественною продуктивною особенностью, самородностью мѣста, поселенцы къ земледѣлію были весьма лѣнны, не высѣвали хлѣба даже столько, сколько нужно было для своего расхода и винокуренія. Въмѣсто того, они всѣ больше радѣли къ садоводству. «Садоводства по Тереку, — говоритъ Фалькъ, — болѣе, нежели земледѣлія. Вездѣ при станицахъ, а особливо при Моздокѣ и Кизлярѣ, видно много садовъ и огородовъ. Въ плодоносныхъ садахъ находятся кислосладкія яблоки и разные породы грушъ, растущихъ на горахъ дико. Вишни и сливы, даже абрикосы и персики, растутъ на открытомъ воздухѣ. Во многихъ садахъ есть миндальныя деревья. Есть въ садахъ фики, росшія на открытомъ грунтѣ. Разведеніе винограда составляетъ главную часть садоводства. Сѣяли также во множествѣ сарацынское пшено. Арбузовъ сажали въ ого-

*) А. Н. т. IV, № 63.

**) Собран. Путешеств. академ. т. VI. Путеш. Фалька, стр. 71—79.

родахъ очень много», и пр. *) Въ мѣстахъ нынѣшней Бессарабіи разведеніе винограда первоначально введено было генуезцами, которые, какъ извѣстно, засадили и первые виноградники въ Брыму **). Изъ ханскихъ ярлыковъ, данныхъ въ XIV вѣкѣ православному духовенству на цѣлость ихъ виноградниковъ, видно, что уже въ то время населеніе бессарабской области занималось культурой винограда. Но она, въ наибольшихъ размѣрахъ, развилась съ распространеніемъ русской и особенно западно-европейской колонизаціи. Благодаря благоприятному климату и богатой производительности, Бессарабія привлекала на поселеніе разные національности. Особенно замѣчательна колонизація славянско-европейская. Русскихъ въ Бессарабіи поселилось не менѣе 20,000. Южные уѣзды, преимущественно аккерманскій и часть бендерскаго, заселены особыми обществами колонистовъ: швейцарцевъ, нѣмцевъ, и болгаръ. Разведеніе винограда, персиковъ и проч. завлекло ихъ сюда. Такъ возникла колонія швейцарскихъ французовъ, устроившаяся между 1820 и 1828 годами. Швейцарецъ Карлъ Тарданъ былъ первымъ «осадчикомъ» — основателемъ колоніи. Соотечественниковъ своихъ онъ звалъ въ Бессарабію письмами, убѣждая ихъ не искать счастья въ безвѣстныхъ пустыняхъ и лѣсахъ сѣверной Америки, а спѣшить на плодородныя земли новой Россіи, гдѣ виноградныя лозы, персики, шелковица поспѣваютъ и рано, и съ большимъ успѣхомъ. Швейцарцы прибыли сперва въ 1824 г. въ числѣ только 5 семействъ. Въ 1830 г. ихъ прибыли опять 17 душъ. Теперь число ихъ возросло до 538 душъ. Имъ отведена была прекрасная земля въ Буджакѣ, на самомъ днѣстровскомъ лиманѣ, въ 5 верстахъ отъ Аккермана, урочище Шаба, гдѣ они основали колонію этого имени, весьма цвѣтушую и преуспѣвающую въ своемъ сельскомъ быту. Ихъ виноградники одни изъ лучшихъ въ Бессарабіи. Нѣмцы колонизовались въ степи Буджака частію изъ Виртембергскаго королевства, а болѣе изъ бывшаго герцогства варшавскаго, и составляютъ особыя небольшія общества. Первое заселеніе ихъ было въ 1814 году: тогда перешло ихъ 1,743 семейства. Изъ бывшаго герцогства варшавскаго ихъ перешло сначала 1,143 семейства, которые основали въ 1814 году

*) Собран. путешествій академиковъ т. VI. Путеш. Фалька стр. 71, 72 и слѣд.

**) О винодѣліи академ. Кеппена. Записк. Имп. общ. сельск. хозяйства южн. Россіи 1843 г. № 1.

7 колоній: Бородино, Тарутино, Кульмъ, Малоярославецъ, Красное, Лейпцигъ и Клястицы. Въ 1818 году—колонія Фершампенауъ, Бриенъ, Парижъ и Арсясь. Въ 1817 году—Теплицъ, гдѣ поселилось 96 семействъ, вышедшихъ изъ Германіи. Остальныя нѣмецкія колоніи основаны въ царствованіе Николая, въ періодъ времени отъ 1833 по 1842 годъ. Всѣхъ нѣмецкихъ колоній 24 съ 24,159 д. об. п. Эмиграція или колонизація болгаръ въ Бессарабію, вслѣдствіе гоненій и гнета турковъ, началась съ 1769 г. и особенно съ начала нынѣшняго столѣтія и продолжалась по 1835 годъ. Они поселились въ 43 колоніяхъ, раздѣленныхъ на три округа: верхне-буджакскій (19 колоній), нижне-буджакскій (19 колоній) и измайловскій (5 колоній). Жителей въ этихъ колоніяхъ считается до 48,216 душъ обоихъ половъ. Виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ въ 1819 г. по официалнымъ свѣденіямъ было только около 1997. Съ развитіемъ колонизаціи и культуры, число виноградниковъ возросло до 25,000 *).

По причинѣ холоднаго климата, садоводческія поселенія въ Россіи далеко не распространились такъ, какъ хлѣбопахотныя. До XVII вѣка садоводства у насъ, внѣ Москвы, вовсе не замѣтно. Только въ Москвѣ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ былъ особый разрядъ населенія—*садовники*. **) По словамъ Герберштейна и Гваньини, въ Россіи, за большими холодами, невозможно было найти ни одного хорошаго плода, ни вкуснаго яблока. Только съ XVII вѣка культура садовая стала распространяться по нѣкоторымъ сѣвернымъ областямъ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи,—говоритъ Олеарій, особенно же въ Москвѣ, находится много плодовъ, растущихъ въ садахъ, какъ-то: яблонь, грушъ, вишенъ, сливъ и смородины. Кроме того есть много и другихъ плодовъ. Но въ Москвѣ не растутъ ни греческіе орѣхи, ни виноградъ. Виноградъ только нынѣ начинается выдѣлываться въ Астрахани». ***) У русскихъ не было ни энергіи, ни культурной интеллигенціи и умѣнья распространять садоводство даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ климатъ благопріятствовалъ разведенію плодовыхъ садовъ. «Всякій можетъ видѣть, гово-

*) Матер. для статист. и географ. Россіи. Бессарабская область стр. 270—277 и 159—169.

**) Собран. Госуд. грам. и догов. ч. I, № 40. Упоминаются, кромѣ того, Зворыкинъ садъ, Тереховъ садъ, Бутовъ садъ и проч.

***) Олеарій. въ Архивѣ 12, 16.

рить Олеарій, — что недостатокъ нѣкоторыхъ плодовыхъ деревь и кустарниковъ происходитъ не отъ свойства земли и воздуха, а скорѣе отъ незнанія и нерадѣнія самихъ жителей». *) По причинѣ этого же недостатка земледѣльческой интеллигенціи и нерадѣнья, и доселѣ садоводство плохо развито въ сѣверныхъ областяхъ Россіи. Напримеръ, въ костромской губерніи небольшіе фруктовые (яблочные и вишневые) сады, хотя и находятся въ перектскомъ, юрьевскомъ и отчасти въ костромскомъ и кинешенскомъ уѣздахъ, но служатъ только для прихоти своихъ владѣльцевъ, не принося имъ никакого дохода. Вообще эта отрасль сельскаго хозяйства здѣсь случайная и временная. Плодовые деревья, кромѣ яблони и вишни, не переносятъ вѣшняго климата, и тѣ только въ благопріятные годы, случающіеся здѣсь не часто, даютъ посредственный урожай. Только при знаніи и усиленныхъ трудахъ и издержкахъ возможно здѣсь поддержаніе садовъ. Въ настоящее время, только при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ и училищахъ заведено 13 садовъ. **) Въ такомъ жалкомъ состояніи находится садоводство во всѣхъ сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Въ прошломъ столѣтіи, ботаническіе сады въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ составляли исключительную и рѣдкую достопримѣчательность въ хозяйствѣ богатыхъ земледѣльцевъ. Таковъ, напримеръ, былъ ботаническій садъ Демидова въ Красномъ селѣ, въ 2 верстахъ отъ Соликамска, въ оранжереяхъ котораго родились, между прочимъ, ананасы, лимоны, апельсины, помаранцы, фиги, дули, груши и различныхъ родовъ вишни и яблоки. ***)

Такимъ образомъ, земледѣльческія поселенія въ Россіи, какъ непосредственно-натуральный отпечатокъ климатическихъ условій, представляютъ двѣ характеристическія крайности: полярную границу ячменя и южный предѣлъ винограда. Эта естественная продуктивная противоположность или разность произвели довольно рѣзкія различія не только въ колонизаціи, но и въ самомъ характерѣ сѣвернаго и южнаго населенія. «Исторія произведеній земли, говоритъ Георгъ Форстеръ, тѣсно и глубоко связана съ судьбами человѣчества, со всѣми его чувствованіями, мыслями и дѣйствіями». И дѣйствительно, суровый полярный климатъ и обусловленная имъ исключительная и убогая вѣковая культура ячменя и рѣпы, отсутствіе не только ви-

*) Ibid.

**) Костром. губерн. стр. 248. Матер. для стат. и географ.

***) Журналъ или дневн. Зап. Рычкова II, 100—101.

нограда и фруктовъ, но и высшихъ видовъ хлѣбныхъ растений не остались безъ вліянія на умственную и нравственную жизнь сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеній. «Яблоки, говоритъ Молешотъ, ягоды, вишни, сливы, абрикосы, персики, дыни, огурцы и всѣ съдобные плоды способствуютъ растворенію бѣлковыхъ веществъ и разжигаютъ кровь. Плоды эти менѣе питательны, чѣмъ овощи, еще менѣе, чѣмъ картофель, но имѣютъ предъ послѣднимъ то преимущество, что не отягощаютъ кровь излишнимъ количествомъ жира. Разжиженная кровь бысто течетъ въ жилахъ южныхъ народовъ, обитающихъ въ тѣхъ благословенныхъ странахъ, «гдѣ, какъ говоритъ Форстеръ, была колыбель юнаго человечества, гдѣ люди, неосужденные на рабство, наслаждались правами свободныхъ существъ, гдѣ не платили они трудомъ и истощеніемъ за право жизни.» *) Ячмень, рѣпа, капуста и другіе овощи, потреблявшіеся въ сѣверовосточной Россіи въ большихъ размѣрахъ, при наибольшемъ количествѣ жиροобразовательныхъ началъ, содержать наименьшее количество самаго питательнаго вещества — клейковины, которой даже изъ самыхъ хлѣбовъ всѣхъ видовъ, въ холодныхъ странахъ получается меньше, чѣмъ въ теплыхъ. Такая пища, очевидно, не могла доставлять полной оживляющей питательности мускуламъ, крови и мозгу, ослабляла метаморфозъ, живой обмѣнъ веществъ въ организмѣ и, — не обильно и не вполне питая всѣ части организма, — только часть веществъ въ немъ, притомъ наименѣе важныхъ, приводила въ дѣятельность, слѣдовательно, сдерживала мышленіе, силу воли, энергію, движеніе. Въ суровомъ полярномъ климатѣ, въ снѣжныхъ сугробахъ ледяной тундры, такая бѣдная пища, мало утоляющая голодь, и суровый полярный холодъ могли только въ полуголодныхъ поселенцахъ развивать и поддерживать постоянную раздражительность, грубость, суровость **). Такіе, дѣйствительно, факты и представляютъ сѣверныя земледѣльческія поселенія, въ сравненіи съ южными виноградно-земледѣльческими или садоводческими поселеніями. Въ тепломъ климатѣ на югѣ, въ полосѣ винограда и фруктовыхъ садовъ, въ низовьяхъ

*) Молешотта, ученіе о пищѣ, стр. 112.

**) Парри сообщаетъ любопытное наблюденіе, какъ въ полярномъ климатѣ суровый холодъ порождалъ въ его спутникахъ грубость и раздражительность. См. Опис. его плаванія въ Сѣверн. Арх. 1826 г.

Волги, близъ Саратова и Астрахани, на Дону и въ Крыму, возникли и сильно распространились, напримѣръ, мистико-соціалистическія, до энтузіазма и экзальтаціи свободолюбивыя, демократичныя общины молоканъ или духоборцевъ и такъ называемыхъ людей-Божіихъ. Въ странѣ винограда и фруктовъ, духоборцы и люди божіи расселились свободными общинами среди виноградниковъ и садовъ плодовыхъ, и проповѣдывали полную свободу мыслей, совѣсти и совершенное братство. Ученіе и взаимныя общинныя отношенія духоборцевъ отличаются особенною мягкостью и гуманностью *). Въ сѣверномъ Поморьи, напротивъ, въ суровой странѣ «морозовъ, по вся лѣта побивающихъ хлѣбъ», у «студенаго моря», на границѣ ржи, ячменя и рѣпы, съ конца XVII в. устроились грубые, сурово-аскетическіе скиты поморскіе, выгорѣвціе и другіе, и въ концѣ XVII в. образовали въ лѣсахъ пудожскихъ разбойничьи банды въ борьбѣ съ православнымъ цародомъ **). На югѣ, въ умѣренно-тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и фруктовъ, общины духоборскія, вмѣсто внѣшне-обрядоваго направленія, требуютъ духовнаго—умственного и нравственнаго развитія, и проповѣдуютъ терпимость. Такъ называемые люди Божіи, въ духовныхъ пѣсняхъ своихъ, всѣ символы заимствуютъ отъ садовъ и виноградниковъ: подъ образомъ бѣлаго винограда и виноградныхъ садовъ изображаютъ развитіе своей общины ***). На сѣверѣ, напротивъ, тундреннымъ холодомъ и мертвенностью въ-

*) Лятоп. рус. литерат. 1862 т. IV отд. III, стр. 3—15: объ обществѣ духоборцевъ.

**) А. И. т. V, №№ 223 и 226.

***) Напримѣръ, они поютъ: «Заросли чистыя поля дикимъ полымемъ, заросли дороженьки въ зеленые сады. Изготовилъ батюшка живой ли намъ воды; кипарисныя дрова въ саду насадилъ... Отросли вѣтви благодатныя, расплодился листья благоуханныя, созрѣли ягоды-бѣлый виноградъ, сталъ же по чисту полю все зеленый садъ», и проч. «Ужь ты спой, созрѣвай—въ саду бѣлый виноградъ, до время до поры до студеной до зимы». Или:

Во лугахъ, лугахъ было зеленыхъ,
 На травахъ было, травахъ шелковыхъ
 На росахъ было, росахъ богатыхъ
 На богатыхъ росахъ медовыхъ
Посажень тутъ былъ виноградный садъ.
 И по тому саду виноградному
 Ужь ходилъ гуляль пребогатый гость—
 Сударь сынъ Божій, сударь Духъ святой, и проч.

еть отъ раскольниковъхъ поселеній. Они оледенѣли въ гребности. Напримѣръ, Усть-Сыльмскъ на р. Печорѣ, подъ 65°5' с. ш., населенъ самыми гребными и упрямыми раскольниками. Живя въ гребности невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распрахъ, не зная даже ни одной изъ 10 заповѣдей, эти полярные сектанты считаютъ себя лучше всѣхъ другихъ христіанъ, и воображаютъ, что Богъ для нихъ предназначилъ свое небо, за то, что они сбѣгаютъ себя двуперстными крестомъ, молятся передъ старинными образами, Спасителя зовутъ Ісусомъ, и проч. Когда пріѣхалъ къ нимъ въ селеніе извѣстный оидологъ Кастрень, то усть-сылемскіе раскольники объявили его колдуномъ, отравителемъ рѣкъ и колодцевъ, и ругали и оскорбляли его во время его странствія. Слѣпая ярость ихъ дошла, наконецъ, до того, что они собирались убить его, и онъ счелъ за нужное скорѣе уѣхать отъ нихъ на 100 верстъ южнѣе, въ Ижемскъ на Ижмѣ. И не одни раскольники, но и другіе русскіе поселенцы сѣвера испытывали на себѣ невыгодное вліяніе сѣвернаго климата и скудныхъ произведеній сѣверной почвы. Суровый климатъ и отсутствіе южныхъ плодовъ пріучали сѣверныхъ жителей къ грубой пищѣ, къ излишнему потребленію болѣе грубыхъ овощей и крѣпкой водки. Напримѣръ, Самуиль Кихель въ 1586 г. писалъ о псковитянахъ: «они не разборчивы въ пищѣ и питьѣ и легче переносятъ голодь и жажду, чѣмъ другіе народы. Народъ въ Псковѣ дикъ, суровъ, неблаговоспитанъ. У здѣшнихъ жителей нѣтъ ни яблокъ, ни сливъ, ни другихъ овощей, но они сѣютъ и употребляютъ въ большомъ количествѣ огурцы: они ихъ сѣдаютъ за обѣдомъ отъ 6 до 8 штукъ. Они пьютъ весьма крѣпкую водку, и безъ нея самый лучшій обѣдъ считается ни во что» *).

И не только въ такихъ огромныхъ и различныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, Великороссія, Сибирь и новая Россія, или климатическая область ячменя и винограда, но и въ малыхъ областяхъ климатъ полагалъ рѣзкія продуктивныя и бытовыя различія между земледѣльческими поселеніями. Часто въ одномъ и томъ же уѣздѣ, различный климатъ обусловливалъ различныя степени обезпеченія и благосостоянія земледѣльческихъ поселеній. Такъ, напримѣръ, Рычковъ писалъ о мѣстахъ и земляхъ соликамскаго уѣзда: «мѣста, составляющія всѣ

*) Чтен. Моск. обществ. Истор. 1863 кн. 2, стр. 236.

части соликамскаго уѣзда, болотистыя, лѣсистыя и исполненыя множествомъ горъ, долинъ и пригорковъ, а земли суть песчанныя, пловатыя, изрѣдка и черноземныя, видимыя по большей части посреди расчищенныхъ лѣсовъ. Хлѣбъ сѣютъ тамъ четырехъ родовъ, какъ-то: рожь, ячмень, овесъ и весьма малое число пшеницы; но все сіе въ разсужденіи различнаго воздуха, объемлющаго пространную область сію, приносятъ различное плодородіе. Въ полуденныхъ частяхъ сего уѣзда роятся сѣмена въ шестеро и въ семеро; напротивъ того, въ сѣверныхъ краяхъ едва приносятъ плоды втрое противу посѣяннаго. Посему не только уѣздъ соликамскій, но и сами землевладѣльцы не могутъ пропитаться собственнымъ своимъ хлѣбомъ». *) По причинѣ суроваго климата, неблагопріятствующаго земледѣлію, большая часть сѣверной половины соликамскаго уѣзда составляетъ даже «мѣста уже никѣмъ необитаемыя». **) Въ Алтайскомъ округѣ, всѣ мѣста, лежащія южнѣе, у самаго Алтая, особенно около снѣжныхъ горъ или альпійскихъ бѣлковъ, по причинѣ болѣе холоднаго климата, гораздо менѣе благопріятны для земледѣльской колонизаціи и культуры, чѣмъ болѣе отдаленныя и низменныя равнины при-алтайскія. Уже Палласъ замѣтилъ, что Барнауль, напримѣръ, не смотря на свое сѣверное положеніе, пользуется климатомъ болѣе умѣреннымъ и лѣтомъ болѣе теплымъ, нежели страна, лежащая южнѣе, у самаго Алтая. Въ Барнаулѣ вырѣвваютъ весьма хорошо всякія овощи (даже артишоки), за исключеніемъ, впрочемъ, цвѣтной капусты. Арбузы дозрѣваютъ совершенно, даже на грядкахъ, и довольно рано. Умѣренному климату этой страны, довольно низкой, наиболѣе способствуетъ песчаная почва и защита, представляемая окрестными лѣсами, растущими на сухой мѣстности. По причинѣ близости обильнаго снѣгами Алтая, впрочемъ и въ Барнаулѣ средняя температура очень низка, равняется $1^{\circ},72$; холоднѣйшій мѣсяцъ—январь имѣетъ среднюю температуру— $13^{\circ},28$ —теплѣйшій—іюнь: средняя температура его = $+16^{\circ},57$. По причинѣ очень теплаго лѣта, земледѣліе въ этой колоніи идетъ весьма успѣшно. ***) Съ другой стороны, вотъ поселеніе Камышиковъ-Уймонъ

*) Журн. или днев. Записки изд. 1770 г. стр. 102—103.

**) Ibid. стр. 122.

***) К. Риттера, Землевед. Азіи т. III, стр. 248.

устроилась въ концѣ XVIII стол. при р. Коксунѣ, лѣвомъ притокѣ Катуня, подъ 51° с. ш., на высотѣ 3144 ф. надъ ур. моря. Жители его пшеницу уже вовсе не сѣютъ; рожь послѣдуетъ, также не каждый годъ, какъ напримѣръ, въ 1825 году, когда она вся погибла отъ мороза, и вообще здѣсь уже трудно добывать хлѣбъ, необходимый для пропитанія. Крестьяне по необходимости должны жить только отъ своихъ стадъ и отъ продажи мѣховъ, добываемыхъ ими на охотѣ. И число ихъ не умножалось: всего было 4 двора. *) Между тѣмъ, другая колонія каменьщиковъ, Фыкалка, тогда же устроившаяся въ Бухтарминскихъ горахъ Алтая, только однимъ градусомъ южнѣ Уймона, на высотѣ 3,951 или почти въ 4,000 ф. надъ поверхностью моря, т. е. почти на 1000 футовъ выше Уймона, не смотря на возвышенное мѣстоположеніе, вышла цвѣтущею земледѣльческою колоніею. Здѣсь все еще преуспѣваетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевицы и яровой пшеницы; въ огородахъ же воздѣлываютъ капусту, лукъ, макъ, тыкву, огурцы. Вся причина этого агрикультурнаго различія двухъ алтайскихъ колоній—Уймона и Фыкалки—заключается въ томъ, что деревня Фыкалка, расположенная у южной подошвы высокаго Холсуна, защищена этимъ послѣднимъ, какъ стѣною, отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, и все еще довольно доступна теплымъ, даже жгучимъ, западнымъ и южнымъ вѣтрамъ киргизской степи, а потому ея лѣтняя температура, при большой абсолютной высотѣ, также гораздо выше. Такимъ образомъ подъ 50° с. ш., на такой высотѣ могутъ дозрѣвать лѣтнія растенія, которыя безъ мѣстнаго, весьма благопріятнаго отношенія въ положеніи этой колоніи, не доставляли бы никакого успѣшнаго результата для хлѣбопашества. «Эту мѣстность, замѣчаетъ Риттеръ, по частному преимуществу ея положенія предъ сосѣдственными полосами земли средней Азіи можно сравнить съ особенно благопріятными по своему положенію въ средней Европѣ сѣверными частями долинъ Тейсса и Гернада, въ Кашаускомъ округѣ.» **) Такое же вліяніе на температуру и хлѣбопашество производитъ удаленіе отъ снѣжныхъ горъ и болѣе низкое положеніе другихъ алтайскихъ колоній. Напримѣръ, когда въ Ридерскѣ, по словамъ Ледебуря, хлѣбъ на поляхъ еще

*) Ibid. стр. 334—335.

**) Землевѣд. Азія т. III, стр. 68.

зеленѣль 4 августа, въ окружности Тарханскаго поселенія осьъ уже
былъ сжать. И благодаря этому климатическому удобству для земле-
дѣлія, селеніе Тарханское, хотя основано не ранѣе 1823 года, одна-
кожь уже хорошо устроено и довольно велико; крестьяне, поселив-
шіеся въ немъ, богаты и гостепріимны, занимаются, сверхъ ското-
водства и пчеловодства, не только земледѣліемъ, но и садоводствомъ. *)

*) Ibid. стр. 104.

А. Шамовъ.

Продолженіе слѣдуетъ.)

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXI.

овѣдъ въ мэтчингъ Прейори.

Алиса попала на тотъ конецъ стола, на которомъ предсѣдательствовала лэди Гленбора и, не смотря на принятое ею рѣшеніе поправиться мистеру Паллизеръ, она была рада, что такъ случилось. Мистеръ Паллизеръ велъ къ обѣду герцогиню, а Алиса желала по возможности сидѣть подальше отъ ея свѣтлости. Она очутилась между своимъ нарѣченнымъ другомъ, Джефри Паллизеромъ, и герцогомъ, съ которымъ лэди Гленбора тоже успѣшила познакомить ее, какъ только сѣли за столъ. — Рекомендую вамъ мою кузину, герцогъ, страшную радикалку, — проговорила она.

— Въ самомъ дѣлѣ! мнѣ это пріятно слышать. Партія радикаловъ терпитъ жестокой недостатокъ въ коноводахъ; быть можетъ, мнѣ посчастливится теперь пополнить этотъ недостатокъ.

Алиса вспомнила въ эту минуту про кузена Джоржа и пожалѣла — что не онъ сидитъ на ея мѣстѣ возлѣ герцога. — Но я боюсь, герцогъ, что вы найдете во мнѣ плохаго вождя радикальной партіи.

— По крайней мѣрѣ меня вы поведете куда угодно, проговорилъ онъ.

— Какъ маленькія собачки водятъ слѣпыхъ, замѣтила лэди Гленкора.

— Нѣтъ, лэди Гленкора, не такъ, но какъ хорошенькія женщины водятъ людей, у которыхъ есть глаза во лбу. Ничего я такъ не желаю, миссъ Вавазоръ, какъ сдѣлаться радикаломъ. Если бы только я зналъ, какъ за это приняться.

— Думаю, что узнать это не трудно, отвѣчала Алиса.

— А вы знаете? Я такъ нѣтъ. Повѣрите-ли, я вотировалъ въ обѣихъ палатахъ за всѣ либеральныя мѣры, какія только подвергались серьезному обсужденію съ той самой поры, какъ я началъ свою политическую дѣятельность; а все же до сихъ поръ не пошелъ дальше Вигизма.

— Вотировали ли вы за всеобщую подачу голосовъ? спросила Алиса, сама удивляясь своей смѣлости.

— Нѣтъ, за нее-то я не вотировалъ. Полагаю, что за этимъ и все дѣло стало. Но билль о всеобщей подачѣ голосовъ ни разу не былъ серьезно предложенъ ни одной изъ палатъ, въ которыхъ я засѣдалъ. Я лично питаю противъ этой мѣры такую ожесточенную ненависть, что, право, не знаю, въ состояніи-ли я былъ бы за нее вотировать.

— А между тѣмъ радикалы ее любятъ, сказала Алиса.

— Паллизеръ, заговорилъ герцогъ, возвышая голосъ, съ своего конца стола, говорить, что вы до тѣхъ поръ не получите право называться радикаломъ, пока не объявите себя сторонникомъ всеобщей подачи голосовъ.

— Я не желаю называться радикаломъ, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ, да и вообще не желаю называться чѣмъ-бы то ни было.

— Развѣ канцлеромъ казначейства, проговорила лэди Гленкора въ полголоса.

— Что жъ! Это прекраснѣйшая цѣль, къ которой только можетъ стремиться честолюбіе мужчины, замѣтилъ герцогъ. Человѣкъ, способный управлять финансами нашего отечества, держать въ рукахъ своихъ и все остальное.— Тутъ разговоръ затихъ и герцогъ весь ушелъ въ ѣду.

— Я специально приставленъ къ вашей особѣ съ тѣмъ,

чтобы занимать васъ, обратился къ Алисѣ мистеръ Джефри Паллизеръ. Но когда я принялъ возложенное на меня порученіе, я и подумать не могъ, что вы займетесь строжайшимъ допрашиваніемъ министровъ о ихъ политическихъ убѣжденіяхъ.

— Будто я это дѣлала, мистеръ Паллизеръ? Я думала, что всѣ радикалы стоятъ за всеобщую подачу голосовъ, а потому и сказала такъ.

— Ваше опредѣленіе совершенно вѣрно, только....

— Только что?

— Напрасно лэди Гленнора такъ хлопотала, чтобы вы не соскучились. Это, конечно, не мѣшаетъ мнѣ быть очень благодарнымъ ей съ своей стороны. Но, къ сожалѣнію, миссъ Вавазоръ, я не занимаюсь политикой; не имѣя ни малѣйшей надежды попасть въ парламентъ, я питаю къ политикѣ глубочайшее презрѣніе.

— Женщинѣ тоже недоступна политическая дѣятельность въ нашемъ отечествѣ.

— И слава Богу, что онѣ не могутъ мѣшаться въ политику, по крайней мѣрѣ непосредственно. Могу себѣ представить, что бы это такое было, если бы у насъ завелась женская палата депутатовъ, гдѣ пренія происходили бы между женщинами, конечно, съ свойственною женщинамъ любезностью. Мои кѣзины, Ифи и Фими, конечно были бы членами. Вы еще не познакомились съ ними?

— Нѣтъ еще. Развѣ онѣ занимаются политикой?

— Не специально. У нихъ есть кое-какія воззрѣнія, положительно либеральнаго свойства, да въ родѣ Паллизеровъ и не было ни одного Тори. Но онѣ слишкомъ умны, чтобы заниматься толченьемъ воды. Какъ женщины, онѣ стѣснены во многихъ правахъ и ограничиваются литературою, изящными искусствами, изученіемъ политической экономіи и отвлеченныхъ наукъ. Онѣ пишутъ восхитительныя письма; но, если не ошибюсь, въ настоящую минуту списокъ ихъ корреспондентовъ переполненъ до послѣдней возможности, и вамъ врядъ-ли скоро попасть въ него.

— Но я и не имѣю ни малѣйшаго притязанія на такую честь.

— О, если вы только хотите сказать, что незнакомы съ ними, то это ничего не значить.

— Но я не знаменитость какая нибудь, чтобы со мною вступать въ переписку, не зная меня лично.

— И это все пустяки. Онѣ вовсе не ищутъ выдающихся личностей въ своихъ корреспондентахъ. Девизъ ихъ — свободная коммуникація съ цѣлымъ свѣтомъ. Роулантъ Голь, преобразователь нашихъ почтовыхъ учреждений, ихъ герой. Только онѣ принуждены были нѣсколько поограничить свою корреспонденцію по причинѣ, выходявшаго у нихъ, непомѣрнаго количества бумаги и чернилъ. А вы любите писать письма, миссъ Вавазоръ.

— Да, моимъ друзьямъ: но я предпочитаю получать ихъ.

— Я сильно подозреваю, что онѣ не читаютъ и половины тѣхъ писемъ, которыя получаютъ. Есть ли физическая возможность одолѣть два листа бумаги, исписанныхъ хоть бы вотъ нашею приятельницею герцогинею? Нѣтъ, для нихъ самая суть наслажденія заключается въ томъ, чтобы писать. Тотчасъ же послѣ утренняго чая онѣ садятся каждая за свой письменный столикъ и строчать вплоть до завтрака. Между ними существуетъ извѣстнаго рода соревнованіе, въ которомъ онѣ не сознаются другъ передъ другомъ, но весьма замѣтное для посторонняго наблюдателя. Ифи безспорно поспѣваетъ готовить большее количество писемъ; помарокъ у нея столько же, сколько и у сестры, но за то на ея сторонѣ болѣе четкій и размашистый почеркъ.

— Вы получаете отъ нихъ письма?

— О, нѣтъ, помилуйте! Станутъ онѣ переписываться съ родственниками! До домашнихъ ли тутъ дѣль, когда ихъ занимаетъ архитектура и вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допускать женщинъ къ участию въ общественныхъ должностяхъ. У Ивы есть корреспонденты въ Америкѣ, на которыхъ у нея уходитъ много времени. Но она, по собственному сознанію, не читаетъ ихъ писемъ.

— Въ такомъ случаѣ я конечно не стала бы писать ей.

— Но вы и не американка, надѣюсь. Ненавижу я этихъ мериканцевъ; эта моя единственная политическая страсть.

Разъ какъ-то я съѣздивъ къ нимъ и убѣдился, что мнѣ съ ними ни за что не ужиться.

— Но они живутъ такъ, какъ имъ нравится. Я еще не вижу, почему бы ихъ ненавидѣть за то только, что они не слѣдуютъ нашимъ обычаямъ.

— Я и самъ знаю, что во мнѣ говоритъ одна зависть. Ну не обидно ли, что я не встрѣчалъ у нихъ ни одного извозчика, который не былъ бы въ десять разъ образованнѣе меня. Что же касается женщинъ, то онѣ просто все на свѣтѣ знаютъ. Но я возненавидѣлъ ихъ и буду всегда ненавидѣть. Вы не были въ Америкѣ?

— О, нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ сказать, что у той англичанки, которая проживетъ съ ними мѣсяцъ и не возненавидитъ ихъ, должны быть престранные вкусы. Я утѣшаю себя надеждой, что они рано или поздно искусаютъ другъ другу головы, и тогда народится новая порода людей, совсѣмъ иного закала. Я всегда смотрѣлъ на Соединенные Штаты, какъ на Содомъ и Гоморру; они процвѣтаютъ въ беззаконіяхъ, но рано или поздно на нихъ падетъ сѣрный дождь и истребитъ ихъ до тла.

— Но это—презлое желаніе съ вашей стороны.

— Да я и вправду золъ, очень золъ, какъ говаривала про себя маленькая негрятенка Топси.— Любите вы ѣздить на охоту?

— Нѣтъ.

— Умѣете вы стрѣлять?

— Стрѣлять! т. е. какъ же это, изъ ружья?

— Ну да, изъ ружья; на прошлой недѣли я гостилъ въ одномъ домѣ и видѣлъ тамъ даму, которая очень много занималась стрѣльбой.

— Нѣтъ, я не стрѣляю.

— Ѣздите вы верхомъ.

— Къ сожалѣнію нѣтъ. Я не могла до сихъ поръ ѣздить верхомъ за неимѣніемъ провожатаго.

— По крайней мѣрѣ въ экипажѣ вы умѣете править лошадьми?

— И этого не умѣю.

— Но, если такъ, что жъ вы цѣлый день дѣлаете?

— Я сижу дома и...

— И штопаете чулки?

— Нѣтъ, этого я не дѣлаю, занятіе слишкомъ непріятное. Но я много занимаюсь рукодѣльемъ и порой для развлечения читаю.

— Ну, здѣсь никто не читаетъ. Слыхаль я, что тутъ существуетъ библіотека, но ключъ отъ нея потерянь, и никто не знаетъ, какъ до нея добраться. Вообще я не вѣрю въ библіотеки. Никто не отправляется въ нихъ съ тѣмъ, чтобы читать, точно такъ же, какъ никто не ходитъ въ кладовую съ тѣмъ, чтобы тамъ ѣсть. Разница въ томъ только, что пища, которую мы ѣдимъ, достается дѣйствительно изъ кладовой, между тѣмъ какъ книги, которыя мы читаемъ, достаются не изъ библіотеки. Скажите, миссъ Вавазоръ, вы намѣреваетесь читать все время вашего пребыванія здѣсь.

— Я намѣреваюсь для разнообразія гулять иногда на развалинахъ аббатства.

— Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ гулять при лунномъ свѣтѣ, и я буду вашимъ провожатымъ. Только настоящее время года врядъ ли удобно для такихъ прогулокъ.

— Положительно неудобно, особенно для васъ, мистеръ Пализеръ.

Обѣдъ сошелъ съ рукъ довольно благополучно. Алиса бранила себя за свою робость, которая ничѣмъ не оправдывалась; а между тѣмъ, она все еще не могла вполне отвязаться отъ этого чувства.

— Не правда ли, съ Джеффри никогда не соскучишься? спросила у нея лэди Гленкора, когда дамы встали изъ-за стола и отправились въ гостиную.

— Да это такъ, только онъ ужъ очень насмѣшливъ.

— Вы-то ужъ, кажется, не задумаетесь платить ему тою же монетой.

— Какимъ пріятнымъ тепломъ обдаетъ васъ при переходѣ изъ одной комнаты въ другую, проговорила герцогиня, дѣлая преимущественно удареніе на словахъ «одной» и «другую».

— Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы постоянно переходить изъ комнаты въ комнату, замѣтила мистрисъ Кануэй-Спарксъ, дама писательница, обладавшая когда-то замѣ-

чательной красотой сохранившая до сихъ поръ замѣчательный умъ. Язычекъ у нея былъ что бритва, и герцогиня крѣпко ея побаивалась.

— Надѣюсь, что намъ и сидя на мѣстѣ будетъ тепло, вмѣшалась лэди Гленкора.

— Но не такъ пріятно тепло, проговорила мистрисъ Спарксъ.

— Меня просто въ дрожь видаеть, когда мистрисъ Спарксъ начнетъ трунить надъ нею, признавалась лэди Гленкора Алисъ, разговаривая съ нею въ этотъ вечеръ на-единѣ въ своей комнатѣ. Я знаю, что она пожалуетъ герцогу, а тотъ скажетъ этому высокому рыжему господину, который, какъ вы видѣли, непременно гдѣ нибудь да стоять; а ужъ рыжій непременно насплетничаетъ мистеру Паллизеру, и мнѣ будетъ головомойка.

— Кто такой этотъ высокій рыжій господинъ?

— Онъ служить политическимъ звеномъ между герцогомъ и мистеромъ Паллизеромъ. Имя его мистеръ Боттъ; онъ членъ парламента.

— Но съ какой стати ему вмѣшиваться въ эти дѣла?

— Полагаю, что онъ за этимъ и приставленъ. Говоря откровенно, я и сама путемъ не понимаю, какія тамъ у нихъ отношенія. Чуть ли онъ не будетъ секретаремъ мистера Паллизера, когда его сдѣлаютъ канцлеромъ казначейства. Можетъ статься, онъ и не сплетничаетъ, только я не могу выжить эту мысль у себя изъ головы. Меня онъ всегда называетъ лэди Гленкоуреръ; онъ родомъ изъ Ланкашейра и, пока не вздорюжалъ хлопокъ, занимался издѣліемъ бумажныхъ матерій.

Но разговоръ этотъ происходилъ въ спальнѣ, а намъ предстоитъ еще возвратиться на время въ гостиную.

Герцогиня промолчала на колкость мистрисъ Спарксъ, и такимъ образомъ разговоръ о температурѣ прекратился. Да и вообще разговоръ тянулся довольно вяло, какъ это всегда бываетъ, когда дамы остаются однѣ. Лэди Гленкора любезничала, какъ умѣла, рассказывая герцогинѣ про своихъ любимыхъ фазановъ. Мистрисъ Спарксъ про кого-то чесала язычекъ, подсосѣдившись къ Ефиміи Паллизеръ; между тѣмъ какъ Ифигенія Паллизеръ отважно раскрыла книгу и усѣлась къ столу.

за-

— Алиса Вавазоръ, неожиданно возвысила голосъ лэди Гленкора, — умѣете вы играть на биллиардѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала Алиса.

— Въ такомъ случаѣ вы выучитесь сегодня же; если не найдете другаго учителя, я сама вамъ покажу. Вы, конечно, будете играть, герцогиня?

— Въ биллиардной такъ тепло и уютно, что мнѣ приходитъ охота идти съ вами, отвѣчала герцогиня, но тотчасъ же, въ ожиданіи чего-то недобраго, покосилась въ тотъ уголь комнаты, гдѣ сидѣла мистрисъ Спарксъ.

— Давайте всѣ играть, проговорила мистрисъ Спарксъ, — тогда, пожалуй, будетъ еще теплѣе и уютнѣе.

Пока дамы размѣщались вокругъ биллиарднаго стола, къ нимъ присоединились мужчины, и вся комната наполнилась народомъ. Обязанность показывать Алисѣ игру выпала на долю Джефри Паллизера, и послѣдовавшій за тѣмъ часъ прошелъ довольно пріятно, хотя далеко не такъ пріятно, какъ иные часы въ Швейцаріи. Вообще она чувствовала, что ей жилось полнѣе въ обществѣ Кэтъ и ея брата, чѣмъ въ этомъ великолѣпномъ Мэтчинѣ. Правда, мистеръ Джефри Паллизеръ былъ очень любезенъ и раза два разсмѣшилъ ее до слезъ, передразнивая позы герцогини во время игры.

— А жаль, что я не умѣю играть на биллиардѣ, замѣтила по одному изъ этихъ поводовъ мистрисъ Спарксъ, — очень жаль.

— Вы, кажется, сказали, что идете съ нами играть, или мнѣ послышалось? проговорила съ величественнымъ видомъ герцогиня.

— Я пошла только посмотрѣть, какъ будетъ играть ваша свѣтлость.

— Что же въ моей игрѣ такого необыкновеннаго, чтобы стоило ходить на нее смотрѣть? проговорила герцогиня, но, выигравъ партію, утѣшилась въ только что полученныхъ ею щелчкахъ и съ видомъ побѣдительницы возвратилась въ гостиную.

Часовъ около одиннадцати все общество разошлось по своимъ комнатамъ. — Я приду къ вамъ на минутку, сказала Алисѣ лэди Гленкора, проходя къ себѣ въ спальню. Минуть черезъ

пять она возвратилась. Придвинувъ низенькое кресло къ камину, она расположилась въ немъ и начала разговоръ.

— Я задержу васъ на четверть часа; мнѣ нужно сказать вамъ одну вещь. Но прежде всего я желала бы знать, какъ вамъ нравится здѣшнее общество? — Алиса конечно отвѣчала утвердительно, и тутъ произошелъ между ними вышеописанный разговоръ о рыжеволосомъ господинѣ, мистерѣ Боттѣ.

— Но я еще не сказала вамъ того, съ чѣмъ собственно я пришла, продолжала лэди Гленкора. Подсядьте-ка ко мнѣ, да не глядите мнѣ въ лице, пока я буду говорить.

— Развѣ то, о чемъ вы собираетесь говорить, такъ ужасно.

— Я не скажу вамъ ничего дурного.

— О, лэди Гленкора, если вы...

— Не называйте меня лэди Гленкорою; вѣдь я же зову васъ Алисою. За что вы такъ неласковы со мною? Я не съ тѣмъ пришла, чтобы просить васъ сдѣлать для меня что нибудь такое, чего не оправдываетъ ваша совѣсть.

— Но вы собираетесь сказать мнѣ что-то такое. — Алиса была увѣрена, что лэди Гленкора собирается заговорить съ нею о мистерѣ Фицджеральдѣ, а ей не хотѣлось, чтобы имя Фицджеральда было на губахъ ея кузины.

— Да, я должна сказать вамъ, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ я написала ложь. Но у меня не было намѣренія обмануть васъ; только мнѣ неловко было высказать всю правду въ письмѣ.

— Какую же это правду?

— Вы помните, я винулась передъ вами, что не была у васъ прошлаго года въ Лондонѣ.

— Стоитъ ли упоминать объ этомъ?

— Вамъ все равно, была ли я у васъ или нѣтъ, не такъ ли? Но не объ этомъ рѣчь. И въ самомъ дѣлѣ, для васъ это не важно. Я писала вамъ въ этомъ письмѣ, что не могла быть у васъ за множествомъ дѣлъ.. Но это была ложь.

— Ложь подобнаго рода самое обыкновенное дѣло.

— Но непростительно такъ лгать передъ тѣми, кого желаешь любить. Я рвалась къ вамъ все время, пока была въ Лондонѣ; но я боялась, что, увидившись съ вами, снова за-

говору о немъ, а я дала себѣ слово никогда болѣе не проносить его мени. Послѣднія слова лэди Гленкора проговорила тѣмъ страннымъ, тихимъ голосомъ, который у нея являлся порою.

— Въ такомъ случаѣ, къ чему же теперь заводить о немъ рѣчь, лэди Гленкора?

— Я не хочу, чтобы вы меня такъ называли. Зовите меня Корою, у меня была когда-то старшая сестра, и она всегда звала меня Корою. Если бы она осталась въ живыхъ... Но что объ этомъ говорить; она умерла. А теперь я вамъ скажу, отчего я измѣнила своему слову: держать его выше моихъ силъ. Къ тому же я видѣлась съ нимъ; я была съ нимъ въ одной комнатѣ, и мы говорили другъ съ другомъ. Мое прежнее рѣшеніе потеряло теперь всякій смыслъ.

— И такъ, вы снова встрѣтились?

— Да, онъ, т. е. мистеръ Паллизеръ, зналъ объ этомъ. Когда онъ сказалъ, что повезетъ меня въ этотъ домъ, я шепнула ему, что Борго по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ тамъ.

— Не называйте его такъ, проговорила Алиса, почти содрогаясь.

— Отчего мнѣ и не называть его такъ? Я и мужу называла его этимъ именемъ. Впрочемъ, не помню, быть можетъ, я сказала: Борго Фицджеральдъ.

— И что жъ онъ отвѣтилъ?

— Онъ велѣлъ мнѣ все-таки ѣхать. Онъ сказалъ, что все это пустяки, что надо же мнѣ когданибудь выдержать это испытанье. Хорошо испытанье! И такъ, если я должна встрѣчаться съ нимъ, говорить съ нимъ, глядѣть ему въ лицо, отчего же мнѣ и не упоминать его имени?— Она остановилась какъ бы дожидаясь отвѣта. Что вы на это скажете?

— Что же вы хотите, чтобы я сказала на это? проговорила Алиса.

— Все, что вамъ угодно, только не ложь, я потому-то и просила васъ пріѣхать сюда, потому что не думаю, чтобы вы были способны солгать. О, Алиса! если бы вы знали, какъ мнѣ хочется идти правымъ путемъ и какъ это трудно.—Алиса начинала догадываться, что зазвали ее въ Мэтчингъ Прейори потому, что кузинъ ея нуженъ былъ другъ, и чувствовала, что

не можетъ отказать въ этой дружбѣ, о которой ее просили. Она встала со стула и, сѣвъ на полу у ногъ своей подруги, обратила къ ней лице и поцѣловала ее.

— Я знала, что вы будете добры ко мнѣ, проговорила лэди Гленкора. Говорите, что хотите, я все выслушаю отъ васъ. Но мнѣ невыносимымъ казалось умалчивать о настоящей причинѣ, почему я не была у васъ въ Лондонѣ. Теперь вы будете ко мнѣ ѣздить, не такъ ли, милая?

— Конечно, а вы ко мнѣ пріѣдете? отвѣчала Алиса, давая такимъ образомъ замѣтить, что она не желала бы быть принятой въ домъ мистера Паллизера на той же ногѣ, на какой хотѣла было принимать ее лэди Мидлотіанъ. Но тотчасъ же она почувствовала, что такого рода предосторожность недостойна ея и не великодушна. — Но я во всякомъ случаѣ готова у васъ бывать, хотя бы вы ко мнѣ и не пріѣхали, добавила она.

— Конечно я буду къ вамъ ѣздить, сказала лэди Гленкора. Но вы знаете, что я хотѣла сказать. У насъ будутъ даваться обѣды и вечера, и домъ будетъ полонъ гостей.

— А у насъ этого ничего не будетъ, отвѣчала Алиса улыбаясь.

— Извиненіемъ больше для васъ ѣздить ко мнѣ, или лучше, причиной больше, потому что я не хочу никакихъ извиненій. Какъ легко у меня сдѣлалось на душѣ, когда я все рассказала вамъ! Я просто боялась встрѣчи съ вами въ Лондонѣ. У меня не достало бы духу тогда взглянуть вамъ въ глаза; теперь это чувство миновалось. — И она улыбнулась и поцѣлуемъ отплатила Алисѣ за полученный отъ нея поцѣлуй.

Станнымъ было видѣть ее, стоящую передъ каминомъ во всей пышности вечерняго наряда, но съ закинутыми за уши кудрями и съ глазами красными отъ слезъ; казалось, что вся эта роскошь, даже сдѣлавшись ненужною, все еще лежитъ на ней тяжелымъ гнетомъ.

— А каково! ужь первый часъ въ исходѣ. Покойной вамъ ночи, милочка. Не знаю, пришелъ ли онъ на верхъ; но въ такомъ случаѣ я слышала бы его шаги; поступь у него такая тяжелая. Онъ рѣдко кончаетъ работу раньше часа, а порою сидитъ и до трехъ. Это его единственная страсть. Про-

щайте, Господь съ вами. Мнѣ еще много, много нужно вамъ разсказать; и вы тоже, Алиса, навѣрное разскажете мнѣ что нибудь про себя, не такъ ли, милая? И не дожидаясь отвѣта, лэди Гленкора вышла, оставивъ Алису въ какомъ-то чаду. Она едва могла повѣрить, что все слышанное и видѣнное ею произошло въ такой короткій промежутокъ времени. Вѣдь не далѣе, какъ сегодня утромъ она выѣхала изъ улицы королевы Анны!

ГЛАВА XXII.

ТРИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ДѢТЕЛЯ.

Мистеръ Паллизеръ былъ изъ числа тѣхъ политическихъ дѣятелей, которыми Англія по праву можетъ гордиться, и совокупныя усилія которыхъ, обуславливая стройное сліяніе консерватизма и прогрессивности, служатъ основаніемъ ея величія въ настоящемъ и ручательствомъ безопасности въ будущемъ. Паллизеръ обладалъ тѣмъ терпѣніемъ, котораго требуетъ изученіе государственной науки и тою степенью таланта, которая дѣлаетъ подобное изученіе не безплоднымъ. Окруженный всѣми соблазнами богатства и высокаго общественнаго положенія, онъ работалъ съ неутомимою энергіею молодаго бѣдняка-юриста, который работаетъ изъ за крова и хлѣба для своей безприданной невѣсты. Онъ не обладалъ блестящими способностями и сознавалъ это. Но въ палатѣ общинъ его слушали, какъ добросовѣстнаго труженика, не брезгавшаго въ дѣлѣ собранія фактовъ никакимъ кропотливымъ трудомъ и достойнаго полного довѣрія и вниманія, не смотря на то, что онъ излагалъ свои труды слишкомъ сухо и скучно. А скучноватъ онъ былъ безспорно; но онъ гордился этимъ свойствомъ, соединеннымъ съ нѣкоторымъ умѣньемъ подчинять себѣ слушающихъ. Въ рѣчахъ своихъ онъ никогда не дозволялъ себѣ ни малѣйшей шутки и строго избѣгалъ всякихъ риторическихъ прикрасъ. Онъ былъ того мнѣнія, что ораторское искусство, какъ искусство, есть преступленіе противъ той политической серьезности, которою онъ руководствовался во всей своей дѣятельности.

Если онъ былъ скученъ, какъ государственный человѣкъ, то онъ былъ еще скучнѣе въ частной жизни. Понятно, что тазя женщина, какъ его жена, не могла быть съ нимъ счастлива. Бракъ ихъ, разсматриваемый съ чисто практической точки зрѣнія, былъ вполне удачною операціею; удаченъ онъ былъ и въ другомъ смыслѣ, если принять въ соображеніе тѣ опасности, отъ которыхъ онъ оградилъ какъ леди Гленкору, такъ и самого мистера Паллизера. Что касается леди Гленкору, то читателю уже извѣстно, какъ она чуть не бросилась вмѣстѣ съ своимъ богатствомъ въ объятія молодого человѣка, успѣвшаго составить себѣ репутацію развратника и мота. Близкіе ея успѣшили предупредить это зло, и выдали ее за человѣка, вполне надежнаго и имѣвшаго впереди блестящую будущность. Что же касается мистера Паллизера, то опасность грозила ему со стороны одной замужней женщины, которая успѣла внушить ему мимолетную привязанность, но которая впрочемъ была слишкомъ благоразумна, чтобы благосклонно принимать не слишкомъ-то страстные увѣренія въ любви. Какъ бы то ни было, дядя его перетревожился и тѣмъ съ большимъ одобреніемъ отнесся къ отличной партіи, сдѣланной его племянникомъ.

Самого мистера Паллизера вполне удовлетворяла и семейная его жизнь, и жена, которой онъ себѣ не выбиралъ. Чтобы занять то положеніе, къ которому онъ стремился, ему нужно было большое богатство. Собственное его состояніе до женитьбы было уже очень велико, но, для достиженія своихъ цѣлей, онъ нуждался въ колоссальныхъ средствахъ, которыя позволяли бы ему сорить деньгами направо и налево и распространяли бы слухъ о его богатствахъ въ самые отдаленные предѣлы королевства; только такія средства могли упрочить за нимъ то несокрушимо твердое положеніе, которое необходимо для государственнаго человѣка въ нашемъ аристократическомъ государствѣ. Личность его жены тоже вполне удовлетворяла его. Вообще онъ не былъ слишкомъ ревностнымъ поклонникомъ женской красоты, хотя онъ разъ и забылся до того, что пожелалъ жену ближняго своего. Но самое желаніе это было такого рода, что онъ, пожалуй, остался доволенъ его неосуществленіемъ. Въ то утро, когда онъ былъ отвергнутъ предме-

томъ своей страсти, онъ порѣшилъ съ самимъ собою, что хорошо, что онъ выпутался изъ этой неприятой исторіи. Онъ женился на лэди Гленкорѣ и чувствовалъ себя совершенно довольнымъ. Онъ зналъ о ея отношеніяхъ къ Борго Фицджеральду и былъ того мнѣнія, что нѣтъ дѣвушки, у которой не бывало бы передъ свадьбой романа подобнаго рода. Когда она сказала ему со всею выразительностію, какую только могла придать своему голосу: вы должны знать, что я дѣйствительно любила его,—онъ отвѣтилъ ей, улыбаясь: — а теперь вы *должны* любить меня;—и тѣмъ дѣло покончилось. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что въ семейной его жизни все обстоитъ благополучно. Онъ предоставилъ ей почти неограниченную свободу распоряжаться своими деньгами и рѣдко вмѣшивался въ ея дѣла. Порою только онъ дѣлалъ ей замѣтанія, но по поводу тѣхъ ребяческихъ выходокъ, которыя нарушали скучную чинность, приличествовавшую его положенію; и тогда голосъ его принималъ, безъ его воли и вѣдома, строгую интонацію. Но вообще онъ былъ доволенъ своею женою и любилъ ее, какъ ему казалось, отъ всего сердца, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ кого либо другаго. Одна только забота омрачала его существованіе: онъ было надѣялся въ скоромъ времени узнать, что жена родитъ ему ребенка, но надежда эта пока не сбывалась. Впрочемъ, бракъ ихъ былъ еще слишкомъ недавній, чтобы считать эту надежду погибшей, и забота не успѣла еще сдѣлаться печалью.

Но этотъ бракъ, благоразумный во всѣхъ отношеніяхъ, не удовлетворялъ молодую жену въ той степени, въ какой онъ удовлетворялъ мужа. Быть можетъ, она и смогла бы забыть свою первую любовь, если бы новый ея властелинъ выказывалъ въ обращеніи съ ней больше нѣжности. Сердце лэди Гленкоры врядъ ли было создано изъ того твердаго металла, который упорно хранить слѣды того, что разъ на немъ отпечатлѣлось; но такъ же, какъ и всякое другое сердце, оно требовало пици. Любовь и ласки были необходимыми условіемъ ея счастья. Ей нужны были всѣ эти маленькія, ежедневныя доказательства въ томъ, что она любима; взглядъ, брошенный мелькомъ и выражающій даже и не любовь, а взаимное пониманіе какой нибудь шутки, случайный

поцѣлуй, полупритворное участіе въ ея маленькихъ интересахъ, пожатіе руки, даже маленькая любовная ссора. Но мистеръ Паллизеръ ничего не смыслилъ во всѣхъ этихъ тонкостяхъ, а потому образъ Борго Фицджеральда все плѣнительнѣе рисовался въ ея воображеніи.

Но все это не мѣшало мистеру Паллизеру сознавать себя счастливымъ человѣкомъ. Быть можетъ, ему на роду было написано пережить великое домашнее горе, но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ могутъ подавить семейныя невзгоды. Потерять вліяніе въ средѣ своей партіи было для него гораздо худшимъ ударомъ, чѣмъ потерять жену; пораженіе на политической аренѣ было ему страшнѣе семейнаго позора.

Кругомъ его поговаривали, что вскорѣ должны осуществиться самыя задушевныя его желанія. Ему уже случалось занимать второстепенныя государственныя должности, но еще ни разу онъ не былъ членомъ кабинета. Работалъ онъ на своемъ вѣку гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно работаютъ министры, но до сихъ поръ труды его не получали соотвѣтствующей награды. Имѣть голосъ въ рѣшеніи судебъ народовъ, быть извѣстнымъ своимъ согражданамъ за одного изъ ихъ дѣйствительныхъ вождей, вотъ къ чему стремились его честолюбивыя мечты. И точно, начинало казаться, что онъ близки къ осуществленію. Было почти оффиціально извѣстно, что старый канцлеръ казначейства выйдетъ изъ кабинета и что мистеръ Паллизеръ займетъ его мѣсто. При такихъ обстоятельствахъ онъ могъ помириться съ маленькимъ обиденнымъ несчастіемъ имѣть жену, которая предпочитала ему другого.

Посѣщеніе Мэтчинга герцогомъ Сентъ-Бонгэй казалось вѣрнымъ предзнаменованіемъ приближающагося величія мистера Паллизера. Герцогъ былъ государственный човѣкъ другого закала, но совершившій тоже блистательную аристократическую карьеру. Много лѣтъ сподрядъ исполнялъ онъ должность министра, и такъ же освоился съ своимъ мѣстомъ въ кабинетѣ, какъ другіе съ своимъ кресломъ у домашняго очага. Но труженикомъ онъ никогда не бывалъ. Поговаривали въ свѣтѣ, что онъ могъ бы сдѣлаться первымъ министромъ, если бы самъ не избѣгалъ этой хлопотливой должности. За то во многихъ газетахъ намекали, что очень высоко стоящія особы удо-

стонвали совѣтоваться съ нимъ въ дѣлѣ назначенія первыхъ министровъ. Онъ почему-то считался надежнѣйшимъ оплотомъ либеральной партіи, хотя и очень небольшое было извѣстно изъ его кабинетной дѣятельности. Всѣ занимаемыя имъ должности были такого рода, что съ ними не было сопряжено особенно утомительныхъ обязанностей. При ожесточенныхъ преніяхъ онъ никогда не выступалъ ораторомъ оппозиціи. Парламентскія его рѣчи отличались краткостью и легкимъ пріятнымъ оттѣнкомъ безобидной ироніи. За то онъ постоянно являлся воплощеніемъ здраваго смысла. Онъ никогда не терялъ обычной ровности своего характера, никогда не дѣлалъ промаховъ. Онъ никогда не горячился, но никогда и не охладился въ преслѣдованьи своихъ цѣлей. Въ политикѣ онъ никогда не дѣйствовалъ очертя голову, но никогда и не робѣлъ. Онъ былъ кавалеромъ ордена подвязки и лордомъ намѣстникомъ своего графства. Ему было шестьдесятъ два года отъ роду, а между тѣмъ пицевареніе сохранилось у него отличное и имѣніе было въ превосходномъ порядкѣ. Онъ любилъ покупать картины, въ которыхъ врядъ ли зналъ толкъ, и книги, которыхъ положительно не читалъ. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и это уваженіе было ему такъ же нужно, какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ.

Но даже у этого баловня судьбы была своя серьезная причина, хотя и не слишкомъ удручающаго свойства. Герцогъ находился въ постоянномъ страхѣ за свою жену. Да не подумаетъ читатель, чтобы онъ опасался козней какого нибудь Борго Фиджеральда. Нѣтъ, герцогиня всегда была образцомъ пріличія въ этомъ отношеніи; никогда злословіе не смѣло касаться ея имени. Нельзя было тоже упрекнуть ее въ расточительности или страсти къ игрѣ, или въ какихъ бы то ни было предосудительныхъ наклонностяхъ. Она просто-на-просто была глупа, и вслѣдствіе этого находилась въ постоянномъ страхѣ сдѣлаться предметомъ чьихъ нибудь насмѣшекъ. Въ несчастіяхъ подобнаго рода она постоянно обращалась съ жалобами, подчасъ очень гнѣвными, къ дорогому своему герцогу и защитнику, а дорогой ея герцогъ положительно не зналъ, какъ ему съ нею быть и какъ ее защищать. Не прилично было ему, кавалеру ордена подвязки и герцогу Сентъ-Бонгэй, просить ба-

куюнибудь мистрисъ Конузэй-Спарксъ сжалиться надъ его простушкой женой; и въ то же время не обращаться же ему было по этому поводу съ формальною жалобою къ хозяину и хозяйкѣ дома. — Милая, если тебѣ здѣсь не хорошо, мы можемъ уѣхать, сказалъ онъ ей поздно вечеромъ того дня, о которомъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. — Нѣтъ, отвѣчала она; уѣзжать я не хочу. Я обѣщалась пробыть здѣсь до половины декабря, и въ Лонгройстонѣ ничего не будетъ готово раньше этого времени. Но я думаю, что есть же средство заставить эту женщину молчать. — И она съ ужасающимъ удареніемъ произнесла слово «женщина».

Герцогъ не зналъ никакого средства заставить замолчать мистрисъ Конузэй-Спарксъ. Основнымъ принципомъ всей его жизни было никогда ни на кого не сердиться. — Мнѣ кажется тебѣ всего лучше будетъ не обращаться на нее никакого вниманія, сказалъ онъ женѣ. — Это такъ легко сказать, герцогъ, отвѣчала жена: но живя съ ней подъ одной кровлей, я безпрестанно встрѣчаюсь съ нею и не желаю быть посмѣшищемъ. Мнѣ кажется, что лэди Гленкорѣ не мѣшало бы указать ей на ея мѣсто.

— Милая, лэди Гленкора еще такъ молода.

— Не знаю, съ чего ты взялъ, что она ужъ такъ молода.

Разговоры подобнаго рода повторялись чуть не каждый день; герцогъ находился вынужденнымъ подчасъ заступаться за свою герцогиню; все это порядкомъ докучало ему и онъ отъ души жалѣлъ, что ея свѣтлость не осталась... въ Лонгройстонѣ.

Въ Мэтчингъ-Прејори гостило еще третье лице, посвятившее себя политической дѣятельности. Лице это, не имѣвшее пока еще права называться государственнымъ человѣкомъ, былъ мистеръ Боттъ, рыжеволосый представитель Сентъ-Элленса. Въ жизни мистера Ботта не было недостатка въ успѣхахъ, которыми онъ никому не былъ обязанъ, кромѣ самого себя. Человѣкъ онъ былъ не первой молодости (ему было подѣ пятьдесятъ) и оканчивалъ въ парламентѣ вторую сессию, въ качествѣ отъявленнаго сторонника манчестерской лиги. По видимому, онъ не обманулъ надежды своихъ избирателей; въ Сентъ-Элленсѣ онъ все еще слылъ за честнаго поборника праваго дѣла. Но засѣдавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ парламентѣ знали, что онъ работаетъ себѣ на руку. Онъ былъ небогаты, хотя и за-

нимался производствомъ бумажныхъ матерій и успѣлъ попасть въ парламентъ. Выдавалъ онъ себя за крайняго радикала, а между тѣмъ охотно знался съ аристократами. Его считали знатокомъ въ финансахъ; какъ человѣкъ въ высшей степени сметливый и исполнительный, онъ обѣщаль быть дѣльнымъ помощникомъ для будущаго канцлера казначейства, задумывавшаго различныя преобразованія.

Въ аристократическіе дома часто являются посѣтители, присутствіе которыхъ остается загадкою даже для самой хозяйки. — Къ намъ будетъ мистеръ Боттъ, объявилъ мистеръ Паллизеръ своей женѣ. — Это что за мистеръ Боттъ? воскликнула лэди Гленкора. — Онъ представитель Сэнтъ-Элленса, и человѣкъ, въ своемъ родѣ, очень полезный. — Что же я буду съ нимъ дѣлать? спросила лэди Гленкора. — Думаю, что ты будешь имѣть съ нимъ немного дѣла. Человѣкъ онъ очень занятой и вѣроятно большую часть дня будетъ проводить въ библіотекѣ.

Мистеръ Боттъ пріѣхаль. Но, хотя на имя его и приходилъ каждое утро огромный пакетъ писемъ и бумагъ, онъ не слишкомъ-то много занимался въ библіотекѣ. Быть можетъ, онъ не нашель ключъ отъ этой запущенной комнаты. Раза два онъ ходилъ стрѣлять въ цѣль, но въ первый разъ подстрѣлилъ сторожа, въ другой разъ чуть не застрѣлил самого герцога, послѣ чего на отрѣзъ отказался отъ этого упражненія. Отъ охоты онъ точно также отказался. По видимому, онъ проводилъ время въ томъ, что, по выраженію лэди Гленкору, гдѣ нибудь да стоялъ. Отъ времени до времени онъ запирался съ мистеромъ Паллизеромъ въ его кабинетѣ, и тогда являлся къ завтраку съ пальцами, перепачканными въ чернилахъ. Онъ былъ рослый, неуклюжій мужчина съ плѣшью на головѣ и съ рыжею бородою, сбритою на верхней губѣ. Не будь у него этой обнаженной верхней губы, онъ казался бы не въ такой степени безобразнымъ; ротъ его имѣлъ какое-то подлое выраженіе, и верхняя губа была непомерно длинна. Но онъ убѣдился, что безъ помощи бритвы, ему очень неловко будетъ ѣсть супъ и пожертвовалъ чистоплотности красотою.

— И что мнѣ всего противнѣе въ мистерѣ Боттѣ, признавалась лэди Гленкора своему мужу, это привычка его потирать руки и безпрестанно ухмыляться, точно онъ собирается ска-

зять тебѣ что нибудь, между тѣмъ, какъ въ сущности онъ ничего не хочетъ сказать.

— Съ какой стати, милая, ты обращаешь на него вниманіе, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ.

— Но какъ же мнѣ не останавливаться передъ нимъ, когда онъ такъ на меня смотритъ, что думаешь — вотъ, вотъ, что нибудь скажетъ. А онъ только спроситъ: — Могу ли я чѣмъ нибудь услужить вамъ, лэди Гленкоуреръ.

Тутъ она замѣтила, что мужъ ея хмуритъ брови и продолжала: — Не сердись на меня, другъ мой; ты и самъ долженъ сознаться, что онъ довольно несносный господинъ.

— Я нисколько не сержусь, Гленкора, отвѣчалъ онъ; если ты этого непременно желаешь, я постараюсь такъ устроить, чтобы онъ уѣхалъ отъ насъ и, въ такомъ случаѣ, ужь конечно, не приглашу его въ другой разъ. Но это можетъ послужить мнѣ во вредъ; въ политикѣ онъ человѣкъ надежный и можетъ мнѣ со временемъ очень пригодиться. — Само собою разумѣется, лэди Гленкора отвѣчала, что мистеръ Боттъ можетъ оставаться у нихъ въ домѣ, сколько ему и ея мужу будетъ угодно, и никогда болѣе не упоминала его имени въ разговорахъ съ мистеромъ Паллизеромъ. Но съ этой минуты она стала смотрѣть на мистера Ботта какъ на врага, и чувствовала, что и онъ на нее точно также смотритъ.

Когда въ непосвященныхъ политическихъ кружкахъ сдѣлалось извѣстно, что герцогъ Сентъ-Бонгэй гоститъ въ Мэтчингѣ, всѣ заговорили, что мистеръ Паллизеръ навѣрное сдѣлается канцлеромъ казначейства. По всѣмъ вѣроятіямъ прежній министръ сдавалъ дѣла новому министру. Но я сильно подозреваю, что между нимъ и мистеромъ Паллизеромъ не было и рѣчи о дѣлахъ во все время пребыванія герцога въ Мэтчингѣ. Герцогъ охотился, читалъ газеты, и съ видомъ знатока осматривалъ сельское хозяйство мистера Паллизера. — Славный у васъ управляющій, говорилъ герцогъ. — Это вы про Габбинса говорите? отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ. Да онъ достался мнѣ по наслѣдству отъ дяди, когда тотъ передалъ мнѣ Мэтчингъ. Я имъ очень доволенъ. Само собою разумѣется, онъ не сдѣлаетъ помѣстье доходнымъ, но придаетъ ему такой видъ какъ будто оно дѣйствительно приноситъ доходъ, а это толь-

ко и нужно. Я никогда не могъ добиться доходовъ отъ земель, которыя воздѣлывалъ самъ, не отдавая ихъ въ наймы. — Да, это мудреное дѣло, отвѣчалъ герцогъ, которому собственно до всего этого было очень мало дѣла. Ни одного намека не вырвалось у него касательно видовъ мистера Паллизера на министерство, кромѣ словъ, сказанныхъ имъ лэди Гленкоръ за обѣдомъ.

За то мистеръ Боттъ удостоивался порою слышать кое-какіе намеки отъ герцога.

— На то похоже, ваша свѣтлость, что наша возьметъ, сказалъ ему мистеръ Боттъ какъ-то послѣ обѣда.

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ пойдутъ перемѣны.

— А перемѣны, какъ видно, будутъ?

— О да, непременно будутъ. И вѣтеръ перемѣнится въ вашу пользу.

— И въ пользу Паллизера?

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю, если онъ только самъ не откажется. Кстати... и разговоръ перешелъ въ шопотъ. Мистеру Ботту было дано одно изъ тѣхъ порученій, за которыя лэди Гленкора прозвала его сплетникомъ.

XXIII.

ВЪ КОТОРОЙ УЗНАЕТСЯ КОЕ-ЧТО ИЗЪ ИСТОРИИ СЕМЕЙСТВА
ПАЛЛИЗЕРОВЪ.

По прошествіи десяти дней Алиса успѣла освоиться, какъ нельзя лучше, съ своей новой обстановкой. Она обѣщалась прогостить у Паллизеровъ до половины декабря, т. е. вплоть до того времени, когда ей предстояло отправиться въ Вавзоръ-Кэстль, и съѣхаться тамъ съ отцомъ и кузиною Кэтъ. Паллизеры намѣревались провести Рождество у герцога Омнума, въ Барсетшейрѣ. — Это ужъ такъ заведено у насъ, сказала Алисъ лэди Гленкора. Въ Гэдерумъ-Кэстлѣ Рождество справляется всегда съ большою торжественностью, но вся эта исторія продолжается не больше недѣли. Оттуда мы отправляемся... ай, ай, ай, до чего я договорилась!

— Что значитъ это восклицаніе?

— Видите-ли... ну нѣтъ, лучше я вамъ не скажу.

— Въ такомъ случаѣ, я не стану приставать къ вамъ съ разспросами.

— Какъ я узнала васъ, Алиса, въ этомъ отвѣтѣ! Но я тоже умѣю быть твердою и не скажу вамъ ничего, пока вы сами меня не спросите.— Алиса и не подумала спрашивать, но тѣмъ не менѣе лэди Гленкора не долго устояла въ принятомъ ею твердомъ намѣреніи.

Итакъ, какъ я уже сказала, Алиса совершенно освоилась съ своей новой обстановкой. Она дошла до того, что съ удовольствіемъ выслушивала тѣ немногія слова, съ которыми удостоивалъ обращаться къ ней герцогъ; у нея даже явилось терпѣніе выслушивать болтовню герцогини, такъ что та замѣтила лэди Гленкорѣ: — а ваша кузина премилая дѣвушка, очень, очень милая. Какъ жаль, что съ ней такъ безсовѣстно поступаетъ этотъ джентльменъ изъ Оксфордшейра.— Лэди Гленкора объяснила ей свѣтлости, что джентльменъ былъ изъ Кэمبرиджшейра и что онъ-то ужъ въ жизнь свою ни съ кѣмъ не поступалъ безсовѣстно.— Другими словами, вы хотите сказать, что она его... одурачила? проговорила герцогиня почти со свистомъ и широко раскрывая глаза. Жаль, жаль, этого бы я никакъ отъ нея не ожидала.— И при слѣдующей встрѣчѣ съ Алисой она заговорила строго-величественнымъ тономъ, который впрочемъ очень скоро смягчился, подъ вліяніемъ любезности Алисы.

Алиса научилась между прочимъ и ѣздить верхомъ. Ея постояннымъ спутникомъ въ этихъ верховыхъ прогулкахъ былъ Джефри Паллизеръ. Она сошлась съ нимъ на столько, что могла съ нимъ ссориться и мириться, такъ что разъ лэди Гленкора шутя сказала, что дѣло у нихъ скоро пойдетъ и еще дальше.

— Этого я никакъ не думаю, отвѣчала Алиса.

— Это еще ничего не значить. Кто же когда думаетъ объ этихъ вещахъ?

— По крайней мѣрѣ я объ нихъ положительно не думаю въ настоящую минуту.

— А право, славно бы было, если бы это состоялось. Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день вы сдѣлались бы герцогиней.

— Гленкора! будетъ вамъ говорить такой вздоръ.

— Но я разстроила бы всѣ ваши расчеты и на зло вамъ убила бы себя, чтобы онъ могъ жениться на другой.

— И не стыдно вамъ говорить такіе ужасы?

— Вотъ увидите, что я, рано или поздно, это сдѣлаю. Какое право имѣю я портить всю его жизнь? Еще намедни онъ заговорилъ со мною о томъ, что положеніе Джефри теперь измѣнилось, и я поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, или вѣришь, чего онъ не хотѣлъ сказать, но что было у него въ мысляхъ. Но убить себя, я все-таки не убью.

— Еще бы?

— Есть, правда, еще одинъ выходъ, проговорила леди Гленкора.

— Вы думаете о такихъ вещахъ, которыя никогда не должны бы были приходиться на мысль, сказала Алиса съ жаромъ. Развѣ вы не вѣрите, что Богъ все устроиваетъ къ лучшему?

Мистеръ Боттъ, къ великому удовольствію леди Гленкору, уѣзжалъ изъ Мэтчинча, но, къ сожалѣнію, снова возвратился. По возвращеніи его леди Гленкорѣ снова досталось за неумѣнье предупредить междоусобія между герцогиней и мистрисъ Спарксъ. — Я еще не рассказывала вамъ, обратилась леди Гленкора къ Алисѣ, что мои догадки подтвердились; онъ и въ самомъ дѣлѣ оказывается сплетникомъ.

— Такъ это онъ все наушничалъ?

— Да. Мнѣ была головоломка, и я знаю, что по его милости, хотя мистеръ Паллизеръ этого мнѣ не сказалъ. Но за то онъ сказалъ мнѣ, что герцогиня чувствуетъ себя оскорбленной обращеніемъ *этой женщины*.

— Но вы же не можете за всѣхъ отвѣчать.

— Я ему такъ и сказала. Самъ же онъ велѣлъ мнѣ пригласить мистрисъ Конуэй-Спарксъ. Я совсѣмъ не была рада ей. Она ѣздитъ ко всѣмъ, и всякій считаетъ за особенную честь залучить ее къ себѣ. Но мнѣ, право, было бы все равно, хоть бы она утонула въ Черномъ Морѣ. Когда я ему сказала все это, онъ объявилъ, что я несу дичь, что и было совершенно справедливо, и потребовалъ, чтобы я заставила ее поукоротить ея язычекъ. А я ему, конечно, отвѣчала, что не могу этого сдѣлать. Мистрисъ Спарксъ на меня, конечно,

не обратитъ и вниманія. Если она ко мнѣ станетъ приста- вать, то я, конечно, стумѣю себя оборонить, хотя бы она еще въ десять разъ была умнѣе, чѣмъ теперь, и писала бы стихи лучше самаго Теннисона.

— Нѣкоторые изъ ея стиховъ дѣйствительно хороши, за- мѣтила Алиса.

— О да, еще бы! Я многіе изъ нихъ знаю наизусть, толь- ко я не желала бы доставить ей удовольствіе знать, что я та- кого высокаго мнѣнія о ея произведеніяхъ. За тѣмъ я объя- вила ему, что не могу же ходить нянькой за герцогиней, а онъ сказалъ, что я сущій ребенокъ.

— Онъ сказалъ это любя.

— Нѣтъ, я и въ самомъ дѣлѣ ребенокъ, я и сама это знаю. Его вина, что онъ не женился на какойнибудь свирѣпой бой-ба- бѣ, которая умѣла бы заправлять его домомъ и держать на привя- зи злой язычекъ мистрисъ Спарксъ. Я въ этомъ не виновата.

— Этого вы не сказали ему?

— Нѣтъ, сказала. За тѣмъ онъ поцѣловаль меня и прибавилъ, что ничего, съ годами я конечно поумнѣю. А я ему на это отвѣтила, что съ годами и язычекъ мистрисъ Спарксъ станетъ еще злѣе, и герцогиня еще поглупѣетъ. Съ этими словами я и ушла. Охъ, если бы только я не боялась унижить себя, ужъ какъ бы я проучила этого мистера Ботта. Онъ склалится пе- редо мною и потираетъ свои неуклюжія руки еще усерднѣе, чѣмъ прежде, потому что знаетъ, что виноватъ передо мною. Ну не ужасно ли жить въ одномъ домѣ съ такими людьми?

— Мнѣ кажется, вамъ нечего обращать на него особенное вниманіе.

— Да, но я здѣсь хозяйка, и мнѣ напѣваютъ въ уши, что- бы я была любезна съ гостями. Куда какъ весело любезни- чать съ герцогиней Сентъ-Бонгэй и мистеромъ Боттомъ!

Алиса успѣла до того сблизиться съ леди Гленкорой, что нисколько не стѣснялась читать ей нравоученія и прямо гово- рить ей, что она слишкомъ много думаетъ о пустякахъ, да и не объ однихъ пустякахъ. — Что же касается мистера Ботта, продолжала Алиса, то совѣтую вамъ поступать такъ, какъ будто бы его вовсе не было.

— Но вѣдь это было бы притворствомъ въ особенности въ отношеніи васъ.

— Это не притворство, а та сдержанность, которая въ извѣстныхъ случаяхъ обязательна для каждой женщины, а для женщины, поставленной такъ, какъ вы, болѣе, чѣмъ для всякой другой. — На это леди Гленкора надула губки, объявила Алисъ, что жаль, что не она вышла замужъ за мистера Паллизера, и вышла изъ комнаты.

Въ этотъ же вечеръ мистеръ Боттъ подѣлъ къ Алисъ въ гостиную. Уже не разъ подходилъ онъ къ ней передъ этимъ, потирая руки и обмѣливаясь съ нею двумя, тремя незначущими замѣчаніями. Отъ Алисы не ускользнуло желаніе сблизиться съ нею, и она не щадила усилій, чтобы удержать его на почтительномъ разстояніи. Но мистеръ Боттъ былъ не тотъ человѣкъ, чтобы его можно было запугать холодностью. Напротивъ, чѣмъ неподатливѣе оказывались вы на всѣ его попытки сближенія, тѣмъ назойливѣе становился онъ; самая ваша неподатливость служила въ его глазахъ доказательствомъ, что ваше расположеніе стоитъ взять съ бою.

— Что за очаровательная дама наша общая дорогая знакомая, леди Гленкора! заговорилъ мистеръ Боттъ.

Алисъ пришла почти охота начать ему противорѣчить, или отвѣтить такъ, чтобы разомъ отъ него отвязаться. Но она не рѣшилась дать такой отвѣтъ, который можно было принять за шутку. — Да, отвѣчала она. Какъ холодно сегодня. — Она досадовала сама на себя за свою ненаходчивость и чуть не расхохоталась, выговоривъ эти слова; ей припомнились герцогиня и трубы съ горячей водой, проведенныя по всему дому въ Лонгройстонѣ.

— Да, очень холодно. Если не ошибаюсь, миссъ Вавазоръ, вы очень дружны съ ея сіятельствомъ.

— Мы съ ней кузины, отвѣчала Алиса.

— Ахъ да, какое счастливое стеченіе обстоятельствъ! Мнѣ положительнo извѣстно, что мистеръ Паллизеръ съ величайшимъ удовольствіемъ видитъ ее такъ часто въ вашемъ обществѣ.

Это ужъ было черезъ-чуръ. У Алисы не доставало духу прямо встать съ своего мѣста и уйдти, а между тѣмъ она чувствовала, что надо же ей какъ нибудь отъ него отвязать-

ся. — Въ первый разъ слышу, чтобы она дѣйствительно такъ часто находилась въ моемъ обществѣ, отвѣчала она, но хотя бы оно и такъ было, не могу понять, какое до этого дѣло мистеру Паллизеру.

Но мистера Ботта не такъ-то легко было отвлечь отъ принятаго имъ разъ намѣренія. — Я могу, положительно засвидѣтельствовать вамъ, что таково его воззрѣніе на это дѣло. Конечно, всѣмъ намъ извѣстно, что лэди Гленкора еще молода, очень, очень молода.

— Мистеръ Боттъ, я право не желаю распространяться съ вами о свойствахъ моей кузины.

— Но, дорогая миссъ Вавазоръ, когда мы оба съ вами имѣемъ въ виду одну только цѣль, ея счастье...

— Я не имѣю въ виду этой цѣли, мистеръ Боттъ, совсѣмъ не имѣю. Съ какой стати стану я заботиться о ея счастье? Извините меня, но я право не могу распространяться объ этомъ предметѣ въ разговорѣ съ совершенно постороннимъ лицомъ. — Съ этими словами она встала и ушла. Но, какъ ни поразила мистера Ботта ея смѣлость, онъ все же порѣшилъ попытаться въ другой разъ.

Не знаю, задумывался ли Джефри Паллизеръ о разницѣ между настоящимъ своимъ положеніемъ и тѣмъ, въ которомъ находился бы въ томъ случаѣ, если бы у лэди Гленкоры въ одной изъ верхнихъ комнатъ стояла колыбель съ спящимъ въ ней малюткой. Полагаю, что задумывался. Незавидна была его настоящая доля. Отецъ его, младшій братъ герцога, оставилъ ему въ наслѣдство шестьсотъ фунтовъ годоваго дохода, да привычку знаться съ людьми, у которыхъ въ десять разъ больше. О возможности заработать себѣ пропитаніе трудомъ онъ ни отъ кого не слышалъ. Отецъ его былъ любимымъ сыномъ стараго герцога, который, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, и не глядѣлъ на того, кто сдѣлался теперь главою дома Паллизеровъ. Отецъ Джефри былъ воспитанъ, какъ и подобало опрыску такого знатнаго дома; по смерти стараго герцога у него все же достаточно осталось средствъ, чтобы продолжать жить, не отказывая себѣ ни въ чемъ. Порой ему помогаль братъ. Къ тому же ему случалось занимать не ту, такъ другую высшую государственную должность. Но по смерти его

понадобилось раздѣлить оставшееся послѣ него состояніе между сыномъ и четырьмя дочерьми, такъ что на долю Джефри достался, какъ мы уже сказали, очень ограниченный доходъ. Конечно, жить на эти деньги можно было, а такъ какъ во все продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ ему нечего было заботиться ни о кровѣ, ни о пропитаніи, то онъ могъ даже держать охотничьихъ собакъ и ни въ чемъ не отставать отъ богатыхъ людей; но все-жъ онъ находился въ крайне стѣсненномъ положеніи, пока, благодаря отсутствію колыбели въ замкѣ Паллизеровъ, ему не улыбнулась въ отдаленномъ будущемъ надежда на герцогскую корону. Правда, надежда эта была очень шаткая, такъ какъ тысячи комбинацій могли еще разрушить ее. Лэди Гленнора могла еще народить столько же дѣтей, какъ и сама Гекуба; она могла умереть, и другая, счастливѣйшая женщина могла сдѣлаться матерью наслѣдника его двоюроднаго брата, наконецъ мистеръ Паллизеръ былъ всего только годомъ старше его и могъ прожить еще добрыхъ сорокъ лѣтъ. Но какъ бы то ни было, на него начинали смотрѣть, какъ на приличнаго жениха въ такихъ кругахъ, гдѣ на него не обратили бы и вниманья, если бы лэди Гленнора была счастливою обладательницею маленькой колыбели.

— Какъ жаль, что вы проводите жизнь въ совершенной праздности, сказалъ ему однажды утромъ его двоюродный братъ. Поводомъ къ этому свиданью между ними чуть ли не послужило желаніе Джефри перехватить у двоюроднаго брата сколько нибудь денегъ займа.

— А что жъ мнѣ дѣлать, спросилъ Джефри.

— Ну хоть бы женились вы, что ли.

— Жениться-то не трудно; нѣтъ такого бѣдняка, который не могъ бы жениться; весь вопросъ въ томъ, придется ли мнѣ по вкусу голодать послѣ свадьбы.

— Изъ этого еще не вытекаетъ, что вы должны были бы голодать. Ваше собственное состояніе, хотя оно и не велико, все же больше нуля; а между невѣстами не всѣ же безприданницы.

Джефри вспомнилъ про лэди Гленнору, но не упомянулъ ея имени въ разговорѣ. — Нѣтъ, продолжалъ онъ, я не гожаусь на такія предпріятія; стоило бы родителямъ невѣсты предло-

жить мнѣ нѣсколько вопросовъ о моемъ домѣ и хозяйствѣ, и я непременно бы оплошалъ. Я говорю это не въ похвалу себѣ, а развѣ на оборотъ; но дѣло въ томъ, что во мнѣ жажды приобрѣтенія нѣтъ и слѣда.

— Это очень глупо.

— Совершенно согласенъ съ вами.

— Если бы у людей не было жажды приобрѣтенія, то у нихъ не было бы и хлѣба. Земледѣлецъ, который пашетъ землю, поступаетъ такъ потому, что въ немъ, къ счастью, живетъ жажда приобрѣтенія.

— Это такъ, но вся бѣда въ томъ, что во мнѣ, къ несчастью, нѣтъ тѣхъ стремленій, которыя живутъ въ земледѣльцѣ.

— Между общераспространенными предрасудками нѣтъ предрасудка болѣе ошибочнаго, какъ тотъ, вслѣдствіе котораго на жажду приобрѣтенія смотрятъ, какъ на предосудительное стремленіе. Желаніе быть богатымъ есть источникъ всякаго прогресса. Цивилизація есть продуктъ того, что люди называютъ алчностью. Умѣйте соединить жажду приобрѣтенія съ честностью и не бойтесь тогда ея послѣдствій. Будущій канцлеръ казначейства проговорилъ эту рѣчь съ видомъ глубокой мудрости, какъ и подобаетъ канцлеру казначейства.

— Но этой-то жажды во мнѣ и не достаетъ, отвѣчалъ Джефри.

— Что бы вы сказали, если бы вамъ предложили обработывать ферму въ Шотландіи?

— И платить ренту?

— Само собою разумѣется.

— Я поблагодарилъ бы и отказался. Безчестно было бы съ моей стороны взяться за это дѣло, зная навѣрное, что я никогда не заплачу ренты.

— Вы довольно молоды, чтобы поступить на государственную службу.

— Чтобы поступить писцомъ, за сто фунтовъ годоваго жалованья, конечно я слишкомъ старъ.

— Но нѣтъ ли у васъ самихъ какого нибудь плана?

— Ни одного подходящаго. Думалъ я порой эмигрировать въ новую Голландію.

— Но тамъ вы должны бы были сдѣлаться фермеромъ.

— И не подумаль бы. Я затѣялъ бы оппозицію противъ правительства, которое, чтобы купить мое молчаніе, дало бы мнѣ мѣсто.

— Такой планъ еще куда ни шель бы здѣсь, когда у чело-
вѣка довольно денегъ, чтобы попасть въ парламентъ и вы-
ждать случая, но тамъ вы не далеко бы съ нимъ уѣхали.
А что сказали бы вы о мѣстѣ въ парламентъ?

— Само собою разумѣется, я бы отъ него и очень не прочь;
только я непременно надѣлалъ бы страшныхъ долговъ; пока
ихъ у меня еще не слишкомъ много, не считая того, что я
долженъ вамъ.

— Мнѣ вы не должны, и не говорите объ этомъ. У меня
нѣтъ роднаго брата; что за счеты между вами и мною. Очень
можетъ случиться, Джефри, то я вскорѣ долженъ буду смо-
трѣть на васъ, какъ на моего наслѣдника.

На это Джефри пробормоталъ что-то о слабомъ вѣроятіи
подобнаго оборота дѣлъ и объ отдаленности самаго событія.

— Такъ-то, такъ, отвѣчалъ старшій въ родѣ Паллизеровъ,
но все же... мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы взяли за какое
нибудь дѣло. Подумайте объ этомъ, и если вамъ удастся до
чегонибудь додуматься, скажите мнѣ.

Джефри вышелъ изъ кабинета своего двоюроднаго брата
съ билетомъ въ 500 фунтовъ въ карманѣ. Мѣсто въ парла-
ментѣ! Да, если бы двоюродный его братъ дѣйствительно пу-
стилъ въ ходъ все то вліяніе, которое давали ему деньги и
громкое имя и обезпечилъ младшему представителю своего
имени приличное общественное положеніе, тогда, конечно,
жизнь получила бы въ глазахъ Джефри совсѣмъ иное значеніе.
И въ виду отерывавшейся передъ нимъ возможности умереть
герцогомъ и, по крайнемѣрѣ въ гро бу, облечься въ пур-
пуръ, онъ началъ думать о томъ, что долженъ будетъ, съ своей
стороны, позаботиться о наслѣдникѣ герцогскому имени.

— Вы поѣдете послѣ завтрава верхомъ? спросила его лэди
Гленгора, когда онъ вошелъ въ гостиную.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джефри, я собираюсь приняться за дѣло.

— Что—о? проговорила лэди Гленгора.

— Приняться за дѣло, или, вѣрнѣе, посвятить этотъ день

размышленіямъ о томъ, за какое бы мнѣ дѣло приняться. Мой кузень сейчасъ только внушалъ мнѣ, что я не долженъ оставаться въ праздности.

— Конечно не должны, съ жаромъ подхватила Ифигенія изъ за своего письменнаго столика.

— Жаль только, что онъ и самъ еще не выяснилъ себѣ вопросъ, какого рода дѣятельности я долженъ бы былъ посвятить себя. Двухъ канцлеровъ казначейства за разъ не бываетъ. Мистрисъ Спарксъ, не знаете ли вы, за какое дѣло приняться молодому человѣку, подобному мнѣ?

— Что же можетъ быть лучше парламентской дѣятельности? отвѣчала мистрисъ Спарксъ.

— Такъ, такъ, и онъ того же мнѣнія. Но вотъ вопросъ: какому городу предложу я свои услуги? Развѣ попытаться попасть въ представители лондонскаго Сити? Ихъ цѣлыхъ четверо, а потому и вѣроятія успѣха тутъ вдвое больше, чѣмъ въ другихъ городахъ.

— Но я слыхала, что въ представители Сити преимущественно избираются негоціанты, замѣтила герцогиня.

— Но развѣ вы не видите, что мистеръ Паллизеръ хочетъ прежде составить себѣ состояніе посредствомъ торговли, а потомъ уже предложить себя въ представители Сити? сказала мистрисъ Спарксъ.

— Этого я изъ его словъ еще не вижу, отвѣчала герцогиня.

— Какъ бы то ни было, у меня въ настоящую минуту есть дѣло на рукахъ, и мнѣ не до прогулокъ верхомъ, проговорилъ Джефри.

— Да, пора бы вамъ перестать сидѣть сложа руки, проговорила Ифигенія изъ за своего письменнаго стола.

Два раза во все время этого разговора лэди Гленкора бросила на Алису многозначительный взглядъ, который та хорошо поняла. Вотъ видите, говорилъ этотъ взглядъ, Плантагенетъ начинаетъ принимать участіе въ судьбѣ своего двоюроднаго брата, и понятно: человѣка, который сдѣлается родоначальникомъ будущихъ герцоговъ, не слѣдуетъ оставлять влачить дни свои въ безвѣстности. Если бы у меня на верху стояла колыбелька, никто не сталъ мѣшать бы Джефри бить баклуши.

Само собою разумѣется, что Джефри и не подумалъ оста-

ваться дома, когда все общество отправилось гулять верхомъ. — И такъ, какой же мнѣ родъ дѣятельности избрать? обратился онъ къ Алисѣ. Алиса очень хорошо знала, что лэди Гленгора нарочно устроила, чтобы мистеръ Паллизеръ ѣхалъ съ ней рядомъ. Мистеръ Паллизеръ нравился ей, и она ничего не имѣла противъ этого, но въ душѣ порѣшила, что лэди Гленгора напрасно только хлопочетъ.

— Мистрисъ Спарксъ совѣтуетъ вамъ идти въ парламентъ.

— Какъ же! А добрѣйшая герцогиня чего добраго посоветуетъ мнѣ купить домъ въ Бельгрэвъ-Скверѣ. Но я желалъ бы слышать ваше мнѣніе.

— Я раздѣляю мнѣніе мистера Паллизера.

— Мой двоюродный братъ совѣтывалъ мнѣ жениться.

— И это тоже не дурно, отвѣчала Алиса. Вопросъ только въ томъ, какую вы возьмете себѣ жену.

— Вы хотите, конечно, сказать, сколько у нея денегъ будетъ?

— Не совсѣмъ.

— Если разсматривать женитьбу съ точки зрѣнія моего двоюроднаго брата, одинъ этотъ вопросъ только и имѣетъ значеніе. Не знаете ли вы, кого изъ богатыхъ невѣстъ вывезутъ въ свѣтъ нынѣшній годъ?

— Право не знаю. Да и что, по вашему, составляетъ богатое приданое.

— Для меня, полагаю, десять тысячъ фунтовъ будетъ довольно.

— Ну, это немного, отвѣчала Алиса, собственное приданое которой какъ разъ равнялось этой суммѣ.

— Да, мои требованія, какъ видите, очень умѣренны; но, чѣмъ ниже ставлю я денежный критеріумъ, тѣмъ богаче будетъ выборъ личности и тѣмъ болѣе вѣроятія сдѣлать хорошей выборъ въ другихъ отношеніяхъ.

— Но я не понимаю, что вы выиграете черезъ такую женитьбу.

— Мои здѣшніе родственники сбудутъ меня съ рукъ, а это, по видимому, ихъ главная забота. Если вы услышите о невѣстѣ, имѣющей приблизительно эту сумму и сносную наружность, не слишкомъ молодой, принадлежащей къ хорошему семейству и умѣющей читать и писать, пожалуйста, вспомните обо мнѣ.

— Хорошо, отвѣчала Алиса, которая узнала себя въ этомъ портретѣ;— если мнѣ встрѣтится такая дѣвушка, я непременно дамъ вамъ знать.

— А въ настоящую минуту у васъ нѣтъ такой на-примѣтъ?

— Въ настоящую минуту нѣтъ.

— А право, для него это было бы лучшее, что онъ могъ бы только сдѣлать, замѣтила ей въ этотъ вечеръ лэди Гленкора. У кузинѣ вошло въ привычку каждый вечеръ сходитья въ уборной лэди Гленкору и разговаривать тамъ до поздней ночи.

— Если вы будете говорить такой вздоръ, я уѣду, отвѣчала Алиса.

— Но чѣмъ же это вздоръ? Сложивъ ваши общіе доходы, вы устроились бы какъ нельзя лучше. Человѣкъ онъ, какихъ мало, и вы ему видимо нравитесь. Тогда мистеръ Паллизеръ, навѣрное, сдѣлалъ бы для него что нибудь особенное, если бы я пристала къ нему съ просьбою.

— Жаль только, что два обстоятельства препятствуютъ всему этому осуществиться.

— Какія же именно?

— Что онъ не желаетъ меня имѣть своею женою, а я не желаю имѣть его своимъ мужемъ.

— Это почему? Что вамъ не нравится въ немъ?

— Напротивъ онъ мнѣ очень нравится, но нельзя же идти замужъ за всякаго, кто вамъ нравится.

— Но почему же вамъ нельзя идти за него замужъ?

— Во-первыхъ потому, отвѣчала Алиса, помолчавъ, что я еще слишкомъ недавно разсталась съ человѣкомъ, котораго дѣйствительно любила, и что я не могу такъ быстро переходить отъ одной привязанности къ другой.

Не успѣла Алиса выговорить эти слова, какъ она тотчасъ же пожелала взять ихъ назадъ. Она попала лэди Гленкорѣ не въ бровь, а въ глазъ. Вѣдь и она любила одного человѣка, бросила его и вышла замужъ за другаго, и все это въ какихъ нибудь два мѣсяца. Первая вспыхнула лэди Гленкора; вслѣдъ за нею покраснѣла Алиса и бросила на кузину робкій взглядъ, какъ бы испрашивая у нея прощенія.

— Конечно, такой поступокъ позоритъ дѣвушку, сказала лэди Гленкора чуть слышно и медленно выговаривая слова. Но

мало ли до чего могутъ довести обстоятельства? Порой они вырываютъ съ корнемъ все, что въ насъ есть женственнаго.

— О Гленкора!

— Я и не предлагала вамъ, очертя голову, бросаться въ мужество.

— Гленкора!

— Сама-то я бросилась въ него, очертя голову, я это знаю. Я шла къ алтарю, какъ тварь безсловесная, которую господинъ ея погоняетъ кнудомъ, куда ему вздумается. О, Алиса, если бы вы знали, какъ я ненавижу себя!

— За то я васъ люблю всѣмъ сердцемъ, отвѣчала Алиса. Гленкора! Я успѣла горячо къ вамъ привязаться.

— Въ такомъ случаѣ, вы однѣ только меня и любите. Онъ меня не любитъ, да и не можетъ любить. Вы, да еще, быть можетъ, другой...

— Вы ошибаетесь; онъ, мистеръ Паллизеръ, любитъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Я ничѣмъ не заслужила его любовь. Еще къ матери своего ребенка онъ могъ бы привязаться, но меня ему не за что любить. Онъ женился на мнѣ, потому что его уговорили жениться; когда же ему было привязаться ко мнѣ? Но для него, Алиса, любить и быть любимымъ необходимая роскошь. О, если бы и для меня это было такъ.

Алиса старалась утѣшить ее, какъ умѣла, но слова ея оказались безсильными уврачевать это горе.

— Простить васъ! проговорила наконецъ лэди Гленкора. Мнѣ нечего вамъ прощать. Или вы думаете, что я и сама этого не знаю и не думаю объ этомъ денно и ночью безъ того, чтобы растревляла во мнѣ эту рану случайнымъ намекомъ? Что мнѣ вамъ прощать? Я такъ благодарна вамъ за вашу любовь. Нужно же было, чтобы ктонибудь полюбилъ меня, безъ этого я не могла бы оставаться здѣсь.

ГЛАВА XXIV.

ЛЭДИ МИДЛОТИАНЪ.

Недѣлю спустя послѣ этого разговора, однажды утромъ, Алиса сошла въ столовую къ завтраку и очутилась съ глазу на глазъ съ мистеромъ Боттомъ. Въ Мэтчингѣ существовало обик-

новеніе сходитья всѣмъ къ завтраку, какъ ни попало, и уходитъ, не дожидаясь другъ друга. Мистеръ Боттъ остался на это утро единственнымъ представителемъ своего пола. Мужья и братья мэтчингскихъ дамъ измѣнили имъ ради охоты. Первымъ движеніемъ Алисы при встрѣчѣ съ мистеромъ Боттомъ было обратиться въ бѣгство, но она не могла удалиться изъ комнаты, не обративъ на себя слишкомъ неловкимъ образомъ его вниманіе.

— Долго ли еще вы намѣреваетесь пробыть здѣсь, миссъ Вавазоръ? спросилъ мистеръ Боттъ, улучивъ минуту, когда она дочитала только-что полученное письмо.

— Думаю, еще нѣсколько дней, отвѣчала Алиса.

— Очень пріятно слышать. Самъ я остаюсь здѣсь до отъѣзда нашихъ хозяевъ къ герцогу; ужъ мистеръ Паллизеръ очень упрямивалъ меня объ этомъ. Человѣкъ я, знаете ли, холостой, вольная, значить, птица, могу жить, гдѣ мнѣ вздумается, когда парламентскія обязанности не удерживаютъ меня въ Лондонѣ.

— Вы, конечно, охотно остаетесь здѣсь, отвѣчала Алиса.

— О, да, конечно! Положеніе мое, знаете ли, какъ члена парламента, обязываетъ меня дѣйствовать въ совокупности съ другими. Въ качествѣ политическаго дѣятеля я тогда только могу быть полезенъ, когда напередъ расчищу себѣ дорогу. Мы должны давать, чтобы получать обратно, миссъ Вавазоръ.

На это миссъ Вавазоръ ничего не отвѣчала, и мистеръ Боттъ продолжалъ: — я всегда говорю моимъ политическимъ единомышленникамъ... (само собою разумѣется, я причисляю себя къ партіи крайнихъ радикаловъ).

— Въ самомъ дѣлѣ! замѣтила Алиса.

— Да-съ. На этомъ условіи я былъ избранъ въ парламентъ и до сихъ поръ не имѣлъ еще случая отступить ни отъ одного изъ высказанныхъ мною политическихъ убѣжденій. И такъ, я всегда говорю тѣмъ джентльменамъ, съ которыми дѣйствую за одно, что мы никогда ничего не подѣлаемъ, если не будемъ давать, съ тѣмъ, чтобы получить обратно. Вамъ я могу откровенно сказать, что смотрю на нашего добраго знакомаго, мистера Паллизера, какъ на государственнаго человѣка, идущаго въ гору.

— Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, отвѣчала несчастная жертва, вынужденная дать какой нибудь отвѣтъ.

— Въ качествѣ крайняго радикала я не могу оказать болѣе дѣйствительной услуги своей партіи, какъ плавая въ одномъ съ нимъ челнокѣ, пока въ немъ есть мѣсто для насъ обоихъ. Онъ изъ васъ сдѣлаетъ слѣпое орудіе правительства, сязалъ мнѣ намедни одинъ мой пріятель. А я въ лицѣ его сдѣлаю перваго министра сторонникомъ манчестерской школы, отвѣчалъ я. Вѣдь я тоже, небось, знаю, что дѣлаю. Не такъ ли, миссъ Вавазоръ.

— Вѣроятно, отвѣчала Алиса.

— Да и мистеръ Паллизеръ тоже себѣ на умѣ, и его за носъ не проведешь. Но преудобное это правило, давать съ тѣмъ, чтобы получать обратно; въ политикѣ безъ него шагу ступить нельзя. А что за прелестная женщина ваша родственница, лэди Гленкоуреръ! Я не забылъ того, что вы мнѣ намедни сказали.

— Не забыли? проговорила Алиса.

— Я совершенно согласенъ съ вами, что не слѣдуетъ дозволить всякому встрѣчному слишкомъ откровенно высказывать ся о вещахъ, касающихся нашихъ лучшихъ друзей.

— Еще бы!

— Но, миссъ Вавазоръ, бываютъ обстоятельства, при которыхъ позволено нѣсколько отступить отъ обычныхъ законовъ, которыми мы руководствуемся въ нашихъ сношеніяхъ съ обществомъ.

— Не думаю, чтобы правило это было примѣнимо къ настоящему случаю, мистеръ Боттъ.

— Вы не думаете? Но соблаговолите, миссъ Вавазоръ, выслушать меня до конца. Нашъ общій добрый знакомый, мистеръ Паллизеръ, и я говорю это съ гордостью, удостоиваетъ вашего покорнѣйшаго слугу своего высокаго довѣрія. Знакомство наше, начавшееся съ чисто политической связи, перешло въ личную пріязнь, и отношенія эти, смѣю сказать, заключаютъ въ себѣ много пріятнаго для насъ обоихъ.

— Что за вкусъ долженъ быть у мистера Паллизера! подумала про себя Алиса.

— Вы, конечно, согласны со мною, что лэди Гленкоуреръ молода, можно даже сказать, очень молода.

— Мистеръ Боттъ, я не желаю разговаривать съ вами о лэди Гленкоръ Паллизеръ.

Слова эти Алиса проговорила рѣшительнымъ голосомъ и гнѣвно взглянула при этомъ на мистера Ботта. Но послѣдняго не такъ-то легко было запугать; онъ могъ не смигнуть глазомъ и не при такихъ выходкахъ.

— Но если я скажу вамъ, миссъ Вавазоръ, что касаюсь этого предмета, имѣя исключительно въ виду ея семейное счастье.

— Не думаю, чтобы она желала имѣть такого опекуна надъ своимъ счастьемъ.

— Но если онъ этого желаетъ, миссъ Вавазоръ. И такъ-съ, мнѣ доподлинно извѣстно, что онъ полагается во всемъ на вашъ здравый умъ.

При этихъ словахъ Алиса встала и направилась къ двери, но на порогъ столкнулась съ мистрисъ Спарксъ.

— Куда это вы бѣжите, миссъ Вавазоръ, отъ завтрака? спросила мистрисъ Спарксъ.

— Не отъ завтрака, мистрисъ Спарксъ, а отъ мистера Ботта, отвѣчала Алиса, не помня себя отъ негодованія.

— Что я слышу, мистеръ Боттъ? спросила мистрисъ Спарксъ.

— Ха-ха-ха, залился въ отвѣтъ мистеръ Боттъ.

Алиса воротилась въ комнату, и мистрисъ Спарксъ тотчасъ же поняла, что виновникомъ ея бѣгства не на шутку былъ мистеръ Боттъ.— Надѣюсь, что мнѣ удастся предупредить неприязненныя дѣйствія. Вѣдь вина его, полагаю, не изъ самыхъ вопіющихъ?

— Ха-ха-ха! снова залился мистеръ Боттъ, которому настоящее его положеніе какъ нельзя болѣе нравилось.

Алиса досадовала сама на себя, сознавая неумѣстность своей полуоткровенности въ отношеніи мистрисъ Спарксъ; она придумывала, какъ бы ей вывернуться изъ этого неловкаго положенія, какъ вдругъ ей явилась на выручку лэди Гленкора.

— Добраго утра, мистрисъ Спарксъ, заговорила лэди Гленкора, входя въ комнату. Надѣюсь, что меня никто не дожидается къ завтраку. Добраго утра, мистеръ Боттъ. Ахъ, Алиса!

— Что такое случилось, спросила Алиса, идя къ ней на встрѣчу.

— Ахъ, Алиса, вообразите, какое несчастіе! Но по лицу кухни Алиса могла видѣть, что невѣдомое несчастіе изъ самыхъ крупныхъ. Подите-ка сюда, проговорила лэди Гленгора, отводя ее къ окну; теперь мнѣ представляется случай испытать на дѣлѣ всю силу вашего довѣрія ко мнѣ. Видите это письмо? Какъ бы вы думали, отъ кого оно?

— Почему же мнѣ знать, отъ кого?

— Отъ лэди Мидлотіанъ. А въ понедѣльникъ она лично явится сюда по дорогѣ въ Лондонъ. Если вы сейчасъ же мнѣ не скажете, что вѣрите вполне, что и для меня это такая же неожиданность, какъ и для васъ, то я на вѣки съ вами разсорюсь.

— Я въ этомъ и не думаю сомнѣваться.

— А коли такъ, то мы можемъ посоветоваться другъ съ другомъ, какъ намъ быть. Но прежде всего намъ надо позавтракать.

Комната, между тѣмъ, успѣла наполниться остальными посѣтителями. Кухинамъ некогда было переговорить о грозившемъ имъ приѣздѣ лэди Мидлотіанъ. Позднѣе пришолъ и самъ мистеръ Паллизеръ, которому лэди Гленгора успѣшила сообщить пріятную новость.— Что-жъ! мы будемъ очень рады видѣть у себя лэди Мидлотіанъ, отвѣчалъ онъ.

— За то одна особа вовсе не рада ей, замѣтила лэди Гленгора.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ онъ. Кто же это?

— Ея непокорнѣйшая племянница, Алиса Вавазоръ. Но Алиса, мистеръ Паллизеръ, вѣдь этой исторіи не знаетъ, а рассказывать слишкомъ долго.

— Мнѣ какъ нельзя болѣе прискорбно... заговорилъ мистеръ Паллизеръ.

— Прошу васъ, не дѣлайте себѣ заботы изъ за такихъ пустяковъ, заговорила Алиса. Я уѣду тремя днями ранѣе, вотъ и все.

При этихъ словахъ лице мистера Паллизера вытянулось. Онъ пожелалъ знать, что же это за ссора была у миссъ Вавазоръ съ лэди Мидлотіанъ, что даже пребываніе въ одномъ домѣ было для нихъ непріятно?

— Но этому не бывать, чтобы она отъ насъ уѣхала, всмѣшалась лэди Гленгора. Ваше бѣгство отъ нея будетъ настоящимъ малодушіемъ.

— Къ сожалѣнію, миссъ Вавазоръ, врядъ ли намъ можно будетъ предупредить ее, чтобы она не прїѣзжала, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ. — Алиса заявила, что ни подъ какимъ видомъ не желаетъ, чтобы изъ за нея отказывали отъ дома лэди Мидлотіанъ. — Надо вамъ сказать, мистеръ Паллизеръ, что я никогда и въ глаза не видала лэди Мидлотіанъ, хотя она и приходится мнѣ дальней родственницей. Ссоры у насъ съ ней никогда никакой не было; но она вздумала мѣшаться не въ свое дѣло и давать мнѣ въ письмахъ совѣты, на которые я конечно не отвѣчала. Я уѣзжаю не потому, чтобы я боялась ее, а потому, что послѣ всего, что произошло между нами, встрѣча со мною будетъ непрїятна для нея.

— Но ты можешь предупредить ее, что миссъ Вавазоръ гостить у насъ, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ, и тогда отъ ея усмотрѣнія будетъ зависѣть прїѣхать или не прїѣхать.

Дѣло приняло подъ конецъ такой оборотъ, что Алиса не могла оставить Мэгчингъ, не придавая прїѣзду лэди Мидлотіанъ уже слишкомъ большой важности. Безъ сомнѣнія, въ высшей степени досадна была эта неожиданная встрѣча съ родственницей; но вѣдь не съѣстъ же ее лэди Мидлотіанъ, какъ замѣтила лэди Гленкора. Дѣло въ томъ, что, какъ ни стыдно было Алисѣ сознаться въ томъ, она все же побаивалась своей знатной родственницы. Но она твердо рѣшилась не дозволить этому страху выжить себя изъ дому.

— Ужъ не поклонникъ ли мистеръ Боттъ вашей кузины? спросила въ тотъ же вечеръ мистрисъ Спарксъ у лэди Гленкоры.

— Полагаю, что если онъ и поклоняется ей, то очень издалека, отвѣчала лэди Гленкора.

— Боже правый! воскликнула одна почтенная старушка, которой родственная и дружественная связь, существовавшая между Алисой и лэди Гленкорой, успѣла внушить нѣкотораго рода благоговѣніе. Можно ли было хотѣ во снѣ ожидать такого пассажа!

— Я и не ожидала его ни во снѣ, ни на яву, замѣтила мистрисъ Спарксъ.

— По какому поводу вы предлагаете мнѣ этотъ вопросъ? спросила лэди Гленкора.

— Вы только, пожалуйста, не вообразите, чтобы я желала

удостовериться относительно самой миссъ Вавазоръ, не поклонница ли она мистера Ботта. Относительно этого я не имѣю ни малѣйшаго подозрѣнія. Я скорѣе склонна думать, что, когда онъ разыгрываетъ роль Бахуса, она является Ариадной и не шутя порывается бѣжать отъ него.

— А развѣ мистеръ Боттъ выказываетъ поползновеніе разыгрывать роль Бахуса? спросила лэди Гленкора.

— По крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось сегодня утромъ. Да если взглянуть на него хорошенько, у него даже въ физиономіи есть что-то, напоминающее побѣдоноснаго бога.

— Ну, не думаю, чтобы его божество одержало тутъ побѣду, замѣтила лэди Гленкора.

— Съ ея стороны это было бы непростительною опрометчивостью, проговорила почтенная старушка.

— Но миссъ Вавазоръ и не помышляетъ объ этомъ, отвѣчала мистрисъ Спарксъ. На томъ разговоръ и покончился.

Въ слѣдующій понедѣльникъ пріѣхала лэди Мидлотіанъ. Часовъ около трехъ пополудни на станцію желѣзной дороги былъ высланъ за нею экипажъ; Алисъ оставалось выбирать: или немедленно по пріѣздѣ родственницы подвергнуться процедурѣ официальнаго представленія, или же отложить эту процедуру до обычнаго часа, когда всѣ сходились внизъ къ обѣду.

— Когда она пріѣдетъ, я приму ее и, само собою разумеется, скажу ей, что вы здѣсь, объявила Алисъ лэди Гленкора.

— Да, такъ будетъ всего лучше; но... ей богу, я не знаю, какъ выпутаться изъ этого положенія.

— Если хотите, я могу свести васъ въ моей комнатѣ.

— Нѣтъ, это будетъ слишкомъ торжественно и дастъ ей поводъ думать, что я придаю ей уже слишкомъ большую важность.

— Въ такомъ случаѣ, мы предоставимъ все дѣло случаю, и вы сойдетесь съ ней невзначай, какъ сошлись бы со всякимъ постороннимъ лицомъ.

Алиса сидѣла въ своей комнатѣ, когда къ главному подъѣзду дома подкатила карета съ ненавистной гостьей. Алиса явственно слышала стукъ колесъ и догадалась, что врагъ ея близко. Все утро старалась она принудить себя относиться какъ можно равнодушнѣе къ этому пріѣзду, но такъ и не успѣла. Къ великой своей досадѣ она не могла совладѣть съ тревожными

біеніями своего сердца, которая вызывала въ ней одна мысль, что въ эту самую минуту родственница ея сидитъ внизу. И съ чего-бы, казалось, бояться ей лэди Мидлотіанъ? А между тѣмъ, она должна была допустить тотъ фактъ, что дѣйствительно ея боится. Наконецъ, часовъ около пяти, истощивъ съ самой собою всевозможные доводы, и пожуривъ себя за свою трусость, она сошла въ гостиную, гдѣ и лэди Гленкора обѣщалась быть около этого времени. Едва отворилась дверь, какъ на нее тотчасъ же повѣяло присутствіемъ высокоименитой родственницы. Въ широкомъ креслѣ передъ каминомъ воссѣдала лэди Мидлотіанъ; рядомъ съ нею, на табуретѣ, помещалась лэди Гленкора. На противоположномъ концѣ гостиной сидѣла за книгою одна изъ сестеръ Паллизеръ; другихъ свидѣтелей въ комнатѣ не было.

Графиня Мидлотіанъ была крошечная женщина, когда-то видимо блиставшая замѣчательною красотою; но теперь ей было за шестьдесятъ лѣтъ, и она, не въ примѣръ другимъ женщинамъ ея возраста, не выказывала ни малѣйшихъ притязаній ни на молодость, ни на красоту, и держала себя совершенною старухой. На головѣ у нея была круглая шляпа, поля которой сильно наклонялись впередъ; у нея было въ обычаѣ, разъ уже надѣвъ по какому нибудь случаю шляпу, не скидывать ея вплоть до обѣда. На ней была коротенькая накидка, плотно охватывавшая ея туловище и, не смотря на то, что сидѣла она въ широкомъ креслѣ, она держалась совершенно прямо. Не смотря на чрезвычайную миниатюрность всей ея особы, въ сѣрыхъ ея глазахъ и угловатыхъ чертахъ лица, выглядывало какое-то сознаніе собственной важности, которое никому не позволяло принять ея за особу маловажную. Съ перваго же взгляда Алиса поняла, что надъ этой противницей одержать побѣду будетъ не такъ-то легко.

— А вотъ и Алиса, заговорила лэди Гленкора, поднимаясь при появленіи вузины съ своего мѣста. Алиса, позвольте мнѣ представить васъ вашей родственницѣ, лэди Мидлотіанъ.

Какъ ни сильно билось сердце Алисы, у нея достало власти надъ собою, чтобы подойти совершенно развязно. Она протянула руку, выжидала, чтобы лэди Мидлотіанъ, какъ старшая, заговорила первая.

— Наконецъ-то я дождалась случая познакомиться съ вами, моя милая, сказала лэди Мидлотіанъ. Очень, очень рада. — Но Алиса все еще молчала. — Тетупка ваша, лэди Мэклеодъ — одна изъ самыхъ старинныхъ моихъ пріятельницъ, и я много наслышалась отъ нея про васъ.

— Съ другой стороны лэди Мэклеодъ часто говаривала мнѣ о вашемъ сіятельствѣ, отвѣчала Алиса.

— И такъ, мы уже знаемъ другъ друга заочно проговорила графиня, — не мѣшаетъ намъ теперь и лично познакомиться. Я шибко начинаю старѣться, и если упущу настоящій случай познакомиться съ вами, то, можетъ статься, другаго и не дождусь.

Алиса невольно подумала про себя, что не велика бы была бѣда для обѣихъ, если бы лэди Мидлотіанъ и впрямь не дождалась этого другаго случая; но мысль эту она сохранила про себя. Ее занималъ вопросъ о томъ, не лучше ли ей съ разу свести разговоръ на письмо лэди Мидлотіанъ. Что лэди Мидлотіанъ непременно заговоритъ о немъ, въ этомъ она не имѣла ни малѣйшаго сомнѣнія; теперь же была самая благопріятная минута для подобнаго объясненія: оно произошло бы въ присутствіи лэди Гленкоры и безъ постороннихъ свидѣтелей. — Благодарю васъ за расположеніе, отвѣчала Алиса.

— Я бы желала доказать вамъ его на дѣлѣ, продолжала лэди Мидлотіанъ. Своя плоть и кровь всегда сважется, моя милая. Если кровныя узы считать ни по чемъ, послѣ этого я ужъ не знаю, что можетъ связывать людей между собою. Мы съ вашей матушкой были большіе друзья еще въ годы нашей молодости.

— Я никогда не знала моей матери, отвѣчала Алиса, чувствуя между тѣмъ, что вся энергія, съ которой она задумала сопротивляться этой старухѣ, начинаетъ слабѣть.

— Такъ, такъ, моя милая, вы ее не знали; тѣмъ болѣе причинъ, по моему разумѣнію, чтобы тѣ, которые ее любили, перенесли любовь свою на васъ. Но ближайшая ваша родственница, т. е. со стороны вашей матери, — лэди Мэклеодъ, и она свято исполнила въ отношеніи васъ свой долгъ.

— Это совершенно справедливо, лэди Мидлотіанъ.

— Да, она исполнила свой долгъ, а потому другимъ не

было и повода заявлять себя съ своей стороны. Это я, душа моя, говорю къ тому, чтобы оправдать свое поведеніе, которое могло показаться вамъ нѣсколько страннымъ.

— Я увѣрена, что Алисъ и въ голову не приходило подобныхъ мыслей, вмѣшалась лэди Гленнора.

— Тутъ дѣло не въ томъ, какого мнѣнія Алиса, но въ томъ, что я сама думаю о своихъ погрѣшностяхъ, возразила лэди Мидлотіанъ съ улыбкою, долженствовавшей выразять привѣтливость. Но я рѣшилась наверстать прошлыя упущенія. — Алиса почувствовала, что дойдетъ чередъ до письма, и задрожала. Я искренно желаю стать въ ряды лучшихъ друзей Алисы Вавазоръ, если только она сама этому не помѣшаетъ.

— Я, конечно, могу только гордиться этимъ, если...

— Если? договаривайте же, милая, проговорила старуха. — Полагаю, что въ намѣреніи у нея было обойтись съ племянницей необыкновенно милостиво, но въ голосѣ ея звучало что-то такое, до того отталкивающее, что Алиса съ разу почувствовала, что искренняя дружба между ними невозможна.

— Такъ что же *если*, душа моя?

— Алиса хотѣла сказать... начала было лэди Гленнора.

— Пускай Алиса сама выскажетъ, что она хотѣла сказать, перебила ее лэди Мидлотіанъ.

— Этого я и сама хорошенько еще не знаю, отвѣчала Алиса, почувствовавъ въ эту критическую минуту приливъ небывалой бодрости. Я знаю, лэди Мидлотіанъ, что намъ съ вами никогда не согласится относительно одного вопроса, въ которомъ я считала себя въ правѣ руководствоваться своимъ, а не чужимъ умомъ, а потому...

— Это вы про мистера Грея говорите?

— Да, отвѣчала Алиса, про мистера Грея.

— Да, вопросъ этотъ до того важенъ въ моихъ глазахъ, что, какъ только я услышала, что вы въ Мэтчингѣ, я нарочно дала крюку по дорогѣ въ Лондонъ, чтобы переговорить съ вами о немъ.

— Стало быть, вы знали, что Алиса здѣсь? воскликнула лэди Гленнора.

— Конечно знала. Вы уже конечно слышали всю эту исторію, Гленнора!

Лэди Гленкора нашла себя вынужденной сознаться, что она дѣйствительно слышала всю эту «исторію», подразумевая подъ этимъ словомъ поступокъ подсудимой Алисы съ мистромъ Греемъ.

— А какого вы мнѣнія, обо всемъ этомъ? — Алиса и хозяйка дома оглянулись на противоположный конецъ комнаты, желая выразить этимъ, что миссъ Паллизеръ не знаетъ ни одного изъ обстоятельствъ этого дѣла, и что нѣтъ никакой надобности посвящать ее въ нихъ именно въ эту минуту. — Быть можетъ, здѣсь не мѣсто и не время для такого разговора, проговорила лэди Мидлотіанъ, но, такъ какъ я здѣсь только до послѣзавтра, а, можетъ быть, и завтра же уѣду...

— Что я слышу, лэди Мидлотіанъ, воскликнула лэди Гленкора.

— Настоящій мой пріѣздъ былъ чисто дѣловымъ визитомъ, вы такъ и должны на него смотрѣть. Итакъ, какъ же бы это такъ устроить, чтобы мнѣ переговорить съ Алисою безъ свидѣтелей?— Лэди Гленкора предложила для этого совѣщанія свою собственную комнату, куда имъ можно было удалиться сейчасъ же, или же поздно вечеромъ, когда все остальное общество разойдется по своимъ спальнямъ. Но перспектива такой торжественной аудіенціи была слишкомъ ужасна для Алисы, и она рѣшилась предупредить ее.

— Увѣрю васъ, лэди Мидлотіанъ, что это ни къ чему не поведетъ.

— Какъ такъ ни къ чему не поведетъ, моя милая?

— Да такъ же. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, уже получила ваше письмо.

— И такъ какъ вы не отвѣчали на него, то я и пріѣхала сюда съ нарочною цѣлью переговорить съ вами лично.

— Мнѣ было бы очень прискорбно дать вамъ поводъ къ неудовольствію, но, право, это не такое дѣло, чтобы я могла разговаривать о немъ... Алиса чуть было не сказала съ лицомъ совершенно постороннимъ, но во время удержалась.. чтобы я могла разговаривать о немъ съ кѣмъ бы то ни было.

— Другими словами, если не ошибаюсь, вы хотите сказать, что не желаете меня видѣть?

— Я не желаю разговаривать объ этомъ дѣлѣ, повторила

Алиса. Съ самой лэди Мэклеодъ я избѣгала всякихъ разговоровъ о немъ.

— Это-то я знаю, отвѣчала лэди Мидлотіанъ, и при этомъ ея сѣрые глазки засверкали гнѣвомъ, а потому считаю необходимымъ, чтобы кто либо другой изъ вашихъ друзей вмѣшался въ это дѣло.

— Но я не потерплю вмѣшательства ни отъ друзей, ни отъ враговъ, проговорила Алиса, вставая съ своего мѣста. Извините меня, лэди Мидлотіанъ, но, право, я не могу говорить съ вами объ этомъ предметѣ.

— Въ жизнь свою не встрѣчала я такой своевольной дѣвушки! обратилась лэди Мидлотіанъ къ лэди Гленкорѣ, какъ только Алиса вышла изъ комнаты.

— Я напередъ знала, что такъ будетъ, отвѣчала лэди Гленкора.

— Но вѣдь это ужасно, моя милая. Вы то подумайте, вѣдь она дала слово этому молодому человѣку съ одобренія всѣхъ своихъ родстсенниковъ.

— Какъ же, я подробно знаю всю эту исторію.

— Ну скажите сами, не кругомъ ли она виновата.

— Я не совсѣмъ понимаю ее, но если не ошибаюсь, она боится, что они не будутъ счастливы другъ съ другомъ.

— Не совсѣмъ понимаете ее! еще бы. Да кто ее пойметъ? Слыханное ли дѣло: молодая дѣвушка даетъ слово молодому человѣку, все дѣло дѣлается гласно; она ѣздитъ къ нему въ домъ, разговариваетъ, какъ я слышала стороною, съ его слугами, распоряжается меблировкой, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего объявляетъ ему, что передумала. Какія у нея были на то причины? Да никакой, на сколько мнѣ извѣстно.—И лэди Мидлотіанъ дошла до пафоса въ своемъ обличеніи Алисы. Безъ малаго два года тому назадъ, эта же самая лэди Мидлотіанъ содѣйствовала усмиренію буйной воли лэди Гленкоры. Лэди Мидлотіанъ, по видимому, совсѣмъ запаматовала теперь это обстоятельство, но лэди Гленкора помнила его, какъ нельзя лучше.—Нѣтъ, я этого такъ не оставлю, продолжала старушка. Если я кого терпѣть не могу, такъ это ея отца, который втерся непрошенный въ наше родство; я, кажется, въ жизнь свою

двухъ словъ ему не сказала, но, такъ и быть, въ настоящемъ случаѣ я повидаюсь съ нимъ и выскажу ему свое мнѣніе.

Алиса упорно стояла на своемъ и избѣгала дальнѣйшихъ объясненій съ лэди Мидлотіанъ. Напрасно умоляла ее послѣдняя черезъ посредство лэди Гленкору смириться, она слышать ничего не хотѣла.

— Желаю вамъ всякаго благополучія, сказала ей лэди Мидлотіанъ, вы увидите, что я не злопамятна и умѣю прощать.

— Если только успѣхъ покупается неутомимыми успліями, то она безспорно добьется успѣха, замѣтила Алисѣ лэди Гленкора.

— Нѣтъ, ей не дожидаться успѣха, отвѣчала Алиса.

ГЛАВА XXV.

РАЗВАЛИНЫ АББАТСТВА.

Лэди Мидлотіанъ отправилась въ Лондонъ въ среду утромъ; Алиса же должна была уѣхать на слѣдующее утро. Былъ уже декабрь мѣсяцъ; погода стояла морозная и ясная, но ночамъ ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Какъ разъ въ эту ночь приходилось полнолуные, и лэди Гленкора объявила, что намѣрена прогуляться съ Алисой по развалинамъ аббатства. Намѣреніе это было объявлено во всеуслышанье и встрѣтило сильное неодобреніе со стороны нѣкоторыхъ членовъ общества. Мистеръ Паллизеръ замѣтилъ, что ночной воздухъ будетъ слишкомъ холоденъ, мистеръ Боттъ напрозорчилъ всевозможныя непріятности отъ предполагаемой прогулки. Если бы мистеръ Паллизеръ возражалъ одинъ, лэди Гленкора еще, быть можетъ, уступила бы, но вмѣшательство мистера Боттъ только испортило дѣло.

— Насъ не такъ-то легко запугать, отвѣчала лэди Гленкора.

— Но кто же ходитъ гулять по ночамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ? возразилъ мистеръ Паллизеръ.

— Оттого-то мы и пойдемъ, что никто не ходитъ, отвѣчала лэди Гленкора. Мы закутаемся потеплѣе, и все сойдетъ съ рукъ, какъ нельзя лучше. Джефри, мы рассчитываемъ на васъ, вы будете стоять у монастырскихъ воротъ и караулить насъ отъ привидѣній.

Джефри, выговоривъ себѣ позволеніе закурить сигару, общался исполнить это порученіе.

Часу въ одиннадцатомъ вечера лэди Гленкора объявила, что настала пора приступить къ задуманному дѣлу. Она звала съ собою сестеръ Паллизеръ, но тѣ отказались подъ предлогомъ, что боятся ночнаго холода, но въ тонѣ ихъ слышалось, что вообще онѣ не одобряютъ этой шалости. Мистеръ Боттъ вызвался было въ провожатые, но лэди Гленкора наотрѣзъ отказала ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Боттъ, не далѣе какъ сегодня утромъ вы возставали противъ моего безразсудства, такъ не хочу же я, чтобы вы раздѣляли наше удовольствіе.

— Милая лэди Гленкора, на вашемъ мѣстѣ я, право, бросила бы эту мысль, замѣтила почтенная старушка, бросая взглядъ на мистера Паллизера.

— Милая мистрисъ Маршамъ, на моемъ мѣстѣ, увѣрю васъ вы бы ее не бросили, отвѣчала лэди Гленкора и въ свою очередь бросила взглядъ на своего мужа.

— По моему, это просто сумасбродство, строго проговорилъ мистеръ Паллизеръ.

— Если вы запретите, то мы конечно не пойдёмъ.

— Нѣтъ, запретить я не запрещу.

— *Allons donc*, проговорила лэди Гленкора.

Кузины, укутанныя въ плащи и теплыя шали, вышли на террасу, простиравшуюся передъ домомъ, гдѣ ихъ дождался Джефри Паллизеръ съ сигарою въ зубахъ. Сказать правду, Алиса всего охотнѣе отказалась бы отъ этой прогулки, но внутреннее сознаніе говорило ей, что малодушіемъ было бы не поддержать лэди Гленкору въ настоящемъ случаѣ. Хотя между нею и мистеромъ Паллизеромъ отношенія оставались довольно натянутыми, тѣмъ не менѣе, она сознавала, что мистеръ Паллизеръ довѣряетъ ей и особенно благосклонно смотритъ на дружбу ея съ его женою. Ей было бы пріятно оправдать его довѣріе и она знала, что въ настоящемъ случаѣ онъ дасчитываетъ на ея поддержку. На-единѣ съ кузиной она пробовала отклонить ее отъ принятаго намѣренія, выставляя ей на видъ, что она не нравится ея мужу.

— Такъ пускай онъ выскажется прямо, отвѣчала лэди

Гленкора, и я тотчасъ же уступлю, но я не желаю уступить вмѣшательству какого нибудь мистера Ботта или старушонки Маршамъ. Я какъ нельзя лучше понимаю всѣхъ этихъ господъ, душа моя. А если вы меня выдадите имъ, Алиса, я вамъ этого никогда не прощу.

Послѣ этого разговора Алиса рѣшилась не выдавать своей кузины.

— Слушайте Джефри, заговорила лэди Гленкора, когда они всѣ трое рядомъ направились къ развалинамъ; у монастырскихъ воротъ вы насъ оставите, и мы съ Алисою осмотримъ келью и часовню вдвоемъ; потомъ мы вернемся къ вамъ, и уже всѣ вмѣстѣ обойдемъ монастырь съ наружной стороны, которая всего красивѣе при лунномъ освѣщеніи. Мнѣ только хочется показать Алисѣ кое-что съ глазу на глазъ.

— Вы-то, я знаю, не трусите, и если миссъ Вавазорь...

— Миссъ Вавазорь, которая, сдается мнѣ, позволила бы вамъ въ такую минуту назвать себя и не этимъ именемъ, никогда не трусить.

— Гленкора, кто вамъ позволилъ говорить такія вещи? воскликнула Алиса. Нѣтъ, намъ лучше идти назадъ.

Выходка кузины взбѣсила Алису. Ей пришло въ голову, ужъ не ошиблась ли она въ своей оцѣнкѣ лэди Гленкоры? Только-что сказанныя ею слова произвели на Алису впечатлѣніе пошлости, пошлости преднамѣренной, и она не находила словъ, чтобы выразить свою досаду. Мистеръ Паллизеръ долженъ былъ неизбѣжно подумать, что подобные намеки дѣлаются съ согласія самой Алисы.

— Вернуться назадъ? возразила лэди Гленкора; ну нѣтъ. Это пустяки. Мы пойдемъ, а его оставимъ здѣсь; тогда ему некого будетъ называть по имени. Не сердитесь на меня, продолжала она, какъ скоро онѣ остались однѣ. Дѣло въ томъ, что стоитъ вамъ захотѣть, и онъ сдѣлается вашимъ мужемъ.

— Но я-то этого не хочу.

— Въ такомъ случаѣ бѣда поправимая, я переламъ ему вашъ отвѣтъ. Но, Алиса, право подумайте хорошенько. Лучшаго мужа вамъ не найдти. Немедленнаго рѣшенія никто отъ васъ не требуетъ. Вамъ нѣтъ надобности объясняться съ нимъ лично, но предоставьте мнѣ сказать ему, что во всякомъ слу-

чаѣ дѣло не можетъ рѣшиться до вашей встрѣчи съ нимъ въ Лондонѣ.

— Прошу васъ ничего подобнаго ему не говорить, отвѣчала Алиса. Я убѣждена, что вы все это говорите только для шутки, и нахожу, что такія шутки изъ рукъ вонъ плохи.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, я вовсе не думала шутить. Я говорю вамъ сущую правду, основываясь на томъ, что я слышала отъ него самого. Еще разъ, Алиса, подумайте хорошенько объ этомъ дѣлѣ. Если бы оно состоялось, оно помогло бы мнѣ во многомъ помириться; а право нехудое дѣло сдѣлаться матерью будущаго герцога Омнума.

— Въ моихъ глазахъ подобныя соображенія имѣютъ мало соблазнительнаго, скажу болѣе,—они производятъ на меня скорѣе обратное дѣйствіе. Прошу васъ, Гленкора, перестанемте говорить объ этомъ.

— Если вы положительно несогласны, то я не скажу ни слова болѣе.

— Я положительно несогласна. Что за чудная лунная ночь! Посмотрите на очертанія этого окна; какъ явственно они обрисовываются противъ свѣта, точно днемъ!

— Да, эти развалины чудно хороши, отвѣчала лэди Гленкора. Я такъ люблю ихъ въ лунныя ночи! И потомъ эти негрѣющіе мѣсячные лучи! въ ощущеніи холода, которое они вызываютъ, есть что-то особенное; оно заставляетъ васъ кутаться теплѣе, но не пробираетъ васъ дрожью; холодъ этотъ какъ будто охватываетъ ваши чувства, не проникая до мозга костей. Но только это, мнѣ кажется, вздоръ, добавила она помолчавъ.

— Да не больше того вздора, который обыкновенно городятъ, глядя на луну.

— Ну ужъ это не великодушно съ вашей стороны. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы то, что я говорю, выходило поэтичнѣе, или, пожалуй, сумасброднѣе того, что говорятъ другіе въ подобныхъ случаяхъ. А теперь я должна рассказать вамъ, о чемъ я каждый разъ думаю, когда прихожу сюда въ лунныя ночи.

— Не думаю, чтобы вы часто сюда приходили.

— Напротивъ, прихожу, и очень часто: т. е. я приходила сюда во время полнолуныя въ августѣ; тогда погода стояла

не такая, и всѣ балконныя двери были отперты, такъ что я могла убѣгать отъ всѣхъ потихоньку. Какъ-то разъ я и его привела съ собою, но онъ остался при этомъ совершенно апатиченъ. Я указала ему на одну стѣну трапезы, которая грозила паденьемъ, и онъ на слѣдующій же день прислалъ каменщика для починки. Какъ скоро онъ гдѣ либо замѣтитъ беспорядокъ, онъ тотчасъ же спѣшитъ его исправить; если бы всѣ Паллизеры были въ него, на ихъ земляхъ не существовало бы развалинъ.

— Что же? Это было бы прекрасно.

— Ну нѣтъ, не совсѣмъ. Есть вещи, которыя слишкомъ долго заживаются на свѣтѣ. Но я вамъ не то хотѣла сказать. Помните ли ту ночь, когда я завезла васъ изъ театра домой въ улицу королевы Анны? У меня она жива осталась въ памяти.

Памятенъ былъ этотъ вечеръ и для Алисы, потому что какъ разъ тогда произошелъ у нихъ въ каретѣ тотъ разговоръ, во время котораго Алиса на отрѣзъ отказала Кузинѣ содѣйствовать ея бѣгству съ Фицджеральдомъ.

— Помните ли вы, какъ мѣсяцъ свѣтилъ въ эту ночь?

— Да, теперь я припоминаю.

— А мнѣ такъ и припоминать не за чѣмъ. Когда мы повернули за уголь Кэвендомъ-Севера, онъ стоялъ тамъ и дождался, а съ нимъ былъ другой, очень близкій вамъ человекъ.

— Кто же былъ этотъ близкій мнѣ человекъ?

— Ну да что объ этомъ теперь вспоминать, дѣло прошлое.

— Вы подразумѣвали моего кузена Джоржа?

— Да, вы угадали. Но, боже мой, Алиса, милая Алиса! Я должна бы была ненавидѣть васъ; вѣдь, если бы вы въ тотъ вечеръ не возстали во всеоружіи вашего безжалостнаго благопріятія, я убѣжала бы съ нимъ тогда же, и настоящая жизнь моя не заволочлась бы этимъ холоднымъ мракомъ.

Говоря это, она дрожала какъ бы отъ холода, и все плотнѣе и плотнѣе куталась въ свою мѣховую одежду.

— Вы очень иззябли, проговорила Алиса, не лучше ли намъ идти домой?

— Нѣтъ, я не иззябла, по крайней мѣрѣ меня не отъ мороза знобитъ. Я еще не хочу уходить; къ намъ сейчасъ при-

деть Джефри. Да! мы бѣжали бы съ нимъ въ эту же ночь, если бы вы только дозволили ему свидѣться со мною въ вашемъ домѣ. Ну, да этого не случилось; прошлаго не воротить!

— Но, Гленкора, вѣдь не можете же вы объ этомъ жалѣть.

— Не жалѣть объ этомъ? Да есть ли въ васъ сердце, Алиса? Не жалѣть объ этомъ! Да я бы все на свѣтѣ отдала, лишь бы остаться вѣрной ему. Они говорили мнѣ, что онъ промотаетъ мои деньги. Хотя бы онъ промоталъ ихъ до послѣдняго фарсинга, и оставилъ меня нищею, все же я желала бы воротить прошлое. Они пророчили, что онъ будетъ дурно обращаться со мною, бросить меня, даже бить меня будетъ. Я этому не вѣрю; но пусть такъ, все же я желала бы воротить прошлое. Лучше имѣть невѣрнаго мужа, чѣмъ быть невѣрною женою.

— Гленкора, не говорите этого; я не хочу и думать, что вы можете, для чего бы то не было, измѣнить брачному обѣту.

— Измѣнить брачному обѣту! Дитя! Да развѣ весь этотъ бракъ съ самага начала не былъ ложью? Я никогда не любила его. Какъ можете вы толковать мнѣ о вѣрности, когда вы знаете, что я никогда не любила его? Мнѣ не давали покою, стращали меня всевозможными ужасами, пока я не сдѣлала, чего они хотѣли; а теперь, чѣмъ я стала теперь?

— Теперь вы его честная жена. Гленкора, выслушайте меня. И Алиса взяла ее за руку.

— Нѣтъ, отвѣчала она, нѣтъ, я не честна. По закону я его жена, но законы лгутъ! Я не жена ему. Я не хочу еказать, что я такое. Я шла съ нимъ къ алтарю съ полнымъ сознаниемъ, что не люблю того человѣка, который долженъ едѣлаться моимъ мужемъ. А между тѣмъ того, Борго, я люблю всей душою, всѣмъ сердцемъ. Я готова была бы стоять у ногъ его и стирать пыль съ его сапоговъ, и не сочла бы это за униженіе.

— Кора, другъ мой, не говорите такъ. Вспомните ваши обязательства передъ вашимъ мужемъ, передъ самой собою и пойдете отсюда.

— Я знаю свой долгъ въ отношеніи моего мужа и исполню его, Алиса! Будь у меня ребенокъ, мнѣ кажется, что я могла бы остаться ему вѣрна. Болѣе, чѣмъ кажется, я на-

вѣрное это знаю, хоти бы мнѣ предстоило не извѣдать ни одной минуты счастья въ цѣлую жизнь. Но какой мнѣ выходъ останется теперь? Всего честнѣе оставить его, и дать ему возможность взять себѣ другую жену и сдѣлаться отцомъ. Какой вредъ нанесу я ему тѣмъ, что оставляю его? Онъ меня не любитъ; и вы не хуже моего это знаете.

— Нѣтъ, я убѣждена, что онъ любитъ васъ.

— Алгиса, не говорите противъ вашего убѣжденія; онъ не любитъ меня, и сами вы могли это видѣть. Быть можетъ, онъ вообще неспособенъ любить какую-бы то ни было женщину; но за то другая женщина родила бы ему сына, и онъ былъ бы счастливъ. Понимаете ли вы, не проходитъ ни дня, ни ночи, ни одного часа, ни одной минуты въ эти дни и ночи, чтобы я не думала о томъ, кого я люблю. Мнѣ больше не о чемъ думать; у меня нѣтъ ни занятій, ни друзей, мнѣ не съ кѣмъ слова сказать. Но мысленно я всегда разговариваю съ Борго, и онъ меня слушаетъ. Порою я вижу во снѣ, что рука его охватываетъ мою талию...

— О, Гленнора!

— А что? Вамъ не нравится, что я высказываю вамъ голую истину? Сами же вы согласились быть моимъ другомъ, такъ не тяготитесь же этою дружбой. А теперь — и къ этому я вела разговоръ — надо вамъ сказать, что мы тотчасъ же послѣ святокъ отправляемся въ Монкшэдъ, гдѣ и онъ будетъ. Лэди Монкъ ему тетка.

— Вамъ не слѣдуетъ ѣхать. Ни подъ какимъ видомъ не соглашайтесь туда ѣхать.

— Это легко сказать, дитя мое, а все же мнѣ придется. Я предупредила мистера Пализера, что Борго будетъ тамъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что это не важность, такъ таки этими словами и сказалъ. Не знаю, право, имѣетъ ли онъ понятіе о томъ, что значить любить другъ друга; давалъ ли онъ себѣ когданибудь трудъ объ этомъ подумать?

— Объявите ему рѣшительно, что не поѣдете.

— Пробовала я и это. И что же онъ мнѣ сказалъ? «Гленнора! сказалъ онъ мнѣ», — а вы знаете, какъ онъ умѣетъ сморрѣть, когда хочетъ дать почувствовать свое супружеское нововластіе, — «ты должна покориться этой маленькой непріятности.

Въ мои расчеты входитъ побывать намъ въ Монкшэдъ и вовсе не входитъ, чтобы ты боялась съ кѣмъ бы то ни было встрѣтиться». Развѣ я могла сказать ему, что черезъ эту поѣздку онъ потеряетъ свою жену? Развѣ я могла сказать ему, что брошусь въ объятія Борго, если меня не уберегутъ отъ искушенія. Ну, вы, такая благоразумная и осторожная, что бы вы сказали на моему мѣстѣ?

— Я сказала бы ему всю правду, какъ она есть, скорѣе, чѣмъ согласилась бы ѣхать въ этотъ домъ.

— Слушайте, Алиса. Я знаю, что я такое теперь, и знаю, чѣмъ я по вѣсѣмъ вѣроятіямъ скоро сдѣлаюсь. Меня беретъ отвлечение отъ себя самой и отъ задуманнаго мною дѣла. Я сдумѣла бы остаться вѣрна мужнинѣ до послѣдняго, сдумѣла бы любить его больше жизни, хотя бы онъ и оскорблялъ меня на каждомъ шагу, если бы только мнѣ дали выбрать себѣ мужа по сердцу. Пускай бы Борго промоталъ мои деньги, промоталъ бы все, что я только могла бы ему дать; все же у насъ бы немного осталось, а къ тому времени даже онъ успѣлъ бы переродиться подъ вліяніемъ моей любви. Но съ этимъ человѣкомъ... Алиса, вы умѣете давать такіе мудрые совѣты; скажите же, что мнѣ дѣлать?

Что касалось Алисы, вопросъ этотъ совершенно ясно лежалъ передъ нею. Кузина ея должна была оставаться вѣрна своему брачному обѣту, при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни былъ произнесенъ; а для этого она должна была высказать своему мужу всѣ доводы, которые только могли отклонить его отъ намѣренія везти ее въ Монкшэдъ. Этотъ взглядъ она и высказала лэди Гленкорѣ, пока онъ обходили часовню. Но лэди Гленкора была болѣе занята своими собственными мыслями, чѣмъ совѣтами своего друга.—А вотъ и Джефри, проговорила она; какъ безсовѣстно долго однакожъ мы его задержали.

— Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ, отвѣчалъ онъ. Я и теперь не пришелъ бы за вами, если бы не побоялся, что морозъ превратитъ васъ въ ледяныя изваянія.

— Ну нѣтъ, для этого кровь у насъ еще не довольно остыла, не такъ ли Алиса? отвѣчалъ лэди Гленкора. А теперь мы обойдемъ развалины снаружи, только намъ надо торопиться,

чтобы поскорѣе успокоить этихъ двухъ прелестныхъ старыхъ дуэаннъ, мистрисъ Маршамъ и мистера Ботта.

Пока они совершали свой обходъ, Алиса, у которой слова останавливались въ горлѣ,—такъ сильно она была потрясена недавнимъ разговоромъ,—не могла надивиться, слушая лэди Гленкору, которая не прерывала свою обычную легкую болтовню, какъ будто у нея и въ самомъ дѣлѣ на душѣ ничего не лежало.

ГЛАВА XXVI.

АЛИСА ПРОЩАЕТСЯ СЪ АББАТСТВОМЪ.

На порогѣ биллиардной наше маленькое общество было встрѣчено мистеромъ Паллизеромъ.—Ты должно быть страшно пзябла, обратился онъ къ лэди Гленкорѣ, которая вошла первая.

— Нѣтъ, отвѣчала лэди Гленкора, но зубы ея стучали, и вся ея наружность служила опроверженіемъ ея словъ.—Джефри, продолжалъ мистеръ Паллизеръ, обращаясь къ своему двоюродному брату, я на васъ, право, сердить. Вамъ-то ужъ, кажется, можно бы было догадаться, что ее надо было раньше увести домой. И съ этими словами мистеръ Паллизеръ отвернулся и, не удостоивъ Алису ни однимъ взглядомъ, увелъ жену изъ комнаты.

Обидная эта выходка не прошла незамѣченною для Алисы, которая, какъ нельзя лучше, угадала ея смыслъ. Мистеръ Паллизеръ выразилъ ею безъ словъ, что довѣрилъ жену свою Алисѣ, но что она обманула его довѣріе. Таково было его обвиненіе противъ Алисы, въ которомъ онъ относился къ ней съ величайшею строгостью. Онъ не позаботился даже спросить, иззябла она или нѣтъ, и ушелъ, не удостоивъ ее ни слова, ни взгляда. Какъ ни сознавала она незаслуженность пощобнаго наказанія, у нея не было и тѣни досады противъ мистера Паллизера. Слишкомъ многое въ его положеніи возбуждало ея состраданіе, и у нея не доставало духу на него сердиться.

— Онъ на насъ не шутя разсердился, замѣтилъ Джефри Паллизеръ, замѣшкавшійся еще на минуту въ биллиардной, передавая ей спальную свѣчу.

— Онъ боится за жену, чтобы она не простудилась.

— Да; а потому онъ считаетъ для нея неприличнымъ гулять такъ долго по ночамъ. Вы конечно знаете, миссъ Вазоръ, что онъ не слишкомъ-то сочувствуетъ разнымъ романтическимъ затѣямъ.

— И въ этомъ отношеніи онъ, по моему, совершенно правъ, отвѣчала Алиса, не знавшая и сама хорошенько, что отвѣчать, и неуспѣвшая еще выйдти изъ подъ впечатлѣнія того, что было говорено касательно ея и мистера Паллизера въ началѣ прогулки. И того мнѣнія, что романтизмъ страшный вздоръ.

— Ну, Гленкора не раздѣляетъ этого мнѣнія.

— Это такъ, но она гораздо моложе меня. Однако, мистеръ Паллизеръ, ноги у меня озябли, и я думаю, что мнѣ всего лучше отправиться къ себѣ въ комнату.

— Покойной ночи, проговорилъ Джефри, протягивая ей руку; а вѣдь жаль, что вы подверглись его опалѣ!

— Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно, улыбаясь отвѣчала Алиса.

— Такъ-то такъ, но вѣдь онъ никогда не забываетъ.

— Хотя бы и такъ, мнѣ-то что жъ? Покойной вамъ ночи, мистеръ Паллизеръ.

— Эта послѣдняя ночь, которую мы проводимъ подъ одной кровлей; позволите ли вы мнѣ ради этого сказать вамъ: прощайте, Алиса? Завтра вы еще будете въ постели, а меня уже здѣсь не будетъ.

Онъ все еще держалъ ея руку, которую она не торопилась принять.—Нѣтъ, отвѣчала она, Гленкора была глубоко неправа въ этомъ дѣлѣ и, сама того не зная, обоихъ насъ поставила въ непріятное положеніе. Того повода, по которому вы могли бы назвать меня по имени, не существуетъ.

— И такъ таки никогда и не будетъ существовать?

— Никогда, мистеръ Паллизеръ. Покойной вамъ ночи и счастливаго пути. Если бы Гленкора не испортила все дѣло своею сумасшедшаю затѣей, наше знакомство оставило бы мнѣ очень пріятное воспоминаніе.

— Что до меня касается, то оно и такъ останется мнѣ навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ. Покойной ночи!

Алиса отправилась одна въ свою комнату и рада, рада была придвинуться поближе къ камельку, потому что успѣла порядкомъ продрогнуть во время этой ночной прогулки; что бы тамъ лэди Гленкора ни толковала о дѣйствіи лунныхъ лучей,— во все продолженіе вышеописаннаго разговора кузины стояли на одномъ мѣстѣ, и ноги Алисы совершенно околѣбли. Недаромъ мистеръ Паллизеръ разсердился, что жена его такъ долго пробыла на морозѣ, хотя онъ и совершенно напрасно сваливалъ вину случившагося на Алису.

Сидя у камина, Алиса принялась размышлять обо всемъ, что ей довелось узнать въ этотъ вечеръ, и о томъ, какъ поступить ей самой въ данныхъ обстоятельствахъ. Изъ всего сказаннаго ея кузиною для нея стало ясно, что лэди Гленкора рѣшилась, какъ скоро представится случай, оставить своего мужа и броситься въ объятія Фицджеральда. Бѣдная заблуждающаяся женщина оправдывала себя предъ судомъ своей совѣсти тѣмъ, что она бездѣтна и даетъ такимъ образомъ своему мужу возможность жениться на другой и сдѣлаться отцомъ. Алиса вполне сознавала недостаточность подобнаго рода оправданія, но въ то же время видѣла, что мысль эта пустила глубокіе корни въ умъ ея подруги и уже приноситъ свой плодъ. Алиса, болѣе проникательная въ отношеніи кузины, чѣмъ въ отношеніи себя самой, ясно понимала, что изъ всего этого ничего для нея не выйдетъ кромѣ конечной гибели. Будущее представлялось ей покрытымъ тьмою вромѣшною, да и сама лэди Гленкора видѣла его въ томъ же цвѣтѣ. Алиса вспоминала ея слова: «меня беретъ отвращенье и отъ себя самой, и отъ задуманнаго мною дѣла».

Какъ же было въ подобныхъ обстоятельствахъ поступить Алисѣ? Мистеръ Паллизеръ лишилъ ее своего расположенія, это такъ; но если бы Алиса объявила ему, что желаетъ переговорить съ нимъ, онъ не отказался бы и выслушать ее, а выслушавъ, конечно принялъ бы какія нибудь мѣры для спасенія жены. До того же, какого онъ былъ мнѣнія о ней самой, Алисѣ мало было дѣла.

Но тутъ ей представилось другое соображеніе: чисто женственное чувство говорило ей, что въ такомъ дѣлѣ она не въ правѣ выдавать тайну своего друга. Другое дѣло, если бы лэ-

ди Гленнора повѣрила ей какойнибудь замыселъ убійства или грабежа; тутъ она и на минуту не задумалась бы разсказать объ этомъ, кому слѣдуетъ, и предупредить такимъ образомъ преступленіе. Но въ настоящемъ случаѣ она колебалась, боясь заклеить себя предательствомъ. Да и къ тому же, не вѣроятнѣе ли было, что леди Гленнора откажется отъ намѣренья, самая мысль о которомъ должна бы казаться ей ужасною?

Размышленія ея были прерваны стукомъ въ дверь, который принудилъ ее встать съ своего мѣста и отпереть дверь. На порогѣ показалась Ифигенія Паллизеръ, кузина мистера Паллизера и Джефри Паллизера.—Миссъ Вавзоръ, начала она, я знаю, что позволяю себѣ непростительную вольность, но мнѣ такъ нужно переговорить съ вами о многомъ; позволяете ли вы мнѣ войти къ вамъ на минутку?—Алиса конечно пригласила ее войти и придвинула ей кресло къ камину.

Знакомство Алисы съ сестрами Паллизеръ оставалось на довольно церемонной ногѣ. Что-то говорило ей, что въ домѣ существуютъ двѣ партіи и что сама она принадлежитъ къ той, которая группируется вокругъ жены, тогда какъ сестры Паллизеръ естественнымъ образомъ примыкали къ партіи мужа. Дѣвицы эти, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, доходили въ своей привязанности къ мистеру Паллизеру до поклоненія; а такъ какъ Пантагенетъ Паллизеръ при всей любезности, которую онъ до послѣдняго времени выказывалъ Алисѣ, не сходился съ нею до особенной короткости, то и не могло возникнуть никакой дружбы между нею и его сторонниками. Къ тому же и не въ привычкахъ сестеръ было сближаться на скорую руку съ такими личностями, какъ Алиса. Живо заводилась у нихъ дружба съ какимънибудь президентомъ иностраннаго ученаго общества или съ какоюнибудь дамою, которой онѣ хоть и въ глаза не видали, но которая принимала дѣятельное участіе въ женской эмиграціи. Но Алиса не успѣла отличиться ни въ какой отрасли ученой или общественной дѣятельности, да и самая дружба ея съ леди Гленкорою служила въ нѣкоторомъ родѣ признакомъ, что между нею и ими не можетъ быть ничего общаго.

— Я знаю, что ничего не можетъ быть хуже незваннаго гостя, проговорила миссъ Паллизеръ съ такимъ видомъ, какъ будто она боялась Алисы.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не говорите объ этомъ, отвѣчала Алиса.—Если я могу оказать вамъ какую нибудь услугу, я буду очень рада.

— Вы уѣзжаете завтра, и если бы я не пришла переговорить съ вами сегодня, то другаго случая мнѣ и не пришлось бы дожидаться. Гленкора, по видимому, очень привязана къ вамъ, и всѣ мы были того мнѣнія, что хорошо, что она нашла себѣ такого друга.

— Надѣюсь, что вы и теперь не измѣнили этого мнѣнія, отвѣчала Алиса съ легкою улыбкою. Она поняла, что подъ словомъ *остъ* преимущественно подразумѣвался глава дома.

— О, нѣтъ, нисколько; я не это хотѣла сказать. Вы съ самаго начала очень понравились моему двоюродному брату, мистеру Паллизеру.

— А теперь я перестала ему нравиться, потому что пошла гулять лунною ночью съ его женою. Такъ, что ли?

— Нѣтъ, миссъ Вавазоръ, не совсѣмъ такъ. У меня и въ намѣреніи не было упоминать объ этомъ случаѣ, право, не было. Правда, я видѣлась съ нимъ послѣ вашего возвращенія, видѣлась всего какую нибудь минуту, и знаю, что онъ раздраженъ. Но я не объ этомъ желала бы съ вами поговорить.

— И я тоже замѣтила, что онъ на меня разсердился.

— Онъ былъ увѣренъ, что вы съ нею вернетесь гораздо скорѣе.

— Съ чего онъ взялъ, что я могу руководить его женою? И тамъ, какъ и здѣсь, она была хозяйка своихъ поступковъ. Мистеръ Паллизеръ выказалъ себя безразсуднымъ въ свсихъ требованіяхъ. Впрочемъ, я охотно его извиняю.

— Не думаю, миссъ Вавазоръ, чтобы онъ выказалъ себя безразсуднымъ, положительно не думаю. Онъ раздраженъ, это правда. Но мало ли у него поводовъ къ раздражительности. Вѣдь Гленкора еще очень молода.

Мистеръ Боттъ тоже утверждалъ, что лэди Гленкора еще очень молода. Въ головѣ Алисы мелькнула мысль, что выраженіе это вѣроятно было употреблено въ какомъ нибудь совѣщаніи сторонниковъ мистера Паллизера, во время котораго была рѣчь о недостаткахъ лэди Гленкоры.

— Не моложе же она теперь, чѣмъ когда мистеръ Паллизеръ на ней женился, возразила Алиса.

— Вы хотите сказать, что человѣкъ, который беретъ себѣ молодую жену, не долженъ роптать на связанныя съ этимъ неудобства; это, безспорно, такъ. Но по годамъ они отличная пара. Моему двоюродному брату еще нѣтъ тридцати лѣтъ. Когда я говорю, что Гленкора еще очень молода...

— Вы хотите сказать, что она въ своемъ нравственномъ развитіи и даже, быть можетъ, въ поступкахъ моложе, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Но вы, пожалуйста, миссъ Вавазоръ, не подумайте, чтобъ онъ жаловался на это. Онъ слишкомъ гордъ, чтобы жаловаться.

— Надѣюсь, отвѣчала Алиса, припоминая мистера Ботта.

— Я, право, затрудняюсь въ способѣ высказать вамъ свою мысль и не знаю, повѣрите ли вы мнѣ, когда я вамъ скажу, что, поступая такимъ образомъ, исключительно имѣю въ виду счастье Гленкоры. Если не ошибаюсь, вы имѣете на нее вліяніе; и я положительно знаю, что никто другой его не имѣетъ.

— Мы сошлись съ ней еще слишкомъ недавно, миссъ Паллизеръ.

— Я это знаю, но это не измѣняетъ факта. Или, быть можетъ, я ошибаюсь, предполагая...

— Предполагая, что?

— Предполагая, что вы слышали объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Гленкорою и мистеромъ Фицджеральдомъ, прежде чѣмъ она вышла замужъ за моего двоюроднаго брата?

Алиса отвѣчала не вдругъ.

— Да, я слышала о нихъ, проговорила она, помолчавъ.—

— И, если не ошибаюсь, вы раздѣляли мнѣніе остальныхъ ея родственниковъ, что подобный бракъ былъ бы ея гибелью.

— Я ни разу не распространялась объ этомъ предметѣ въ присутствіи ея родственниковъ. Надо вамъ сказать, миссъ Паллизеръ, что, хотя мы и считаемся съ ней кузинами, тѣмъ не менѣе, я и въ глаза не знаю большую часть ея родни. Въ первый разъ я познакомилась съ лэди Мидлогіанъ, когда она намедни пріѣзжала сюда.

— Но вы совѣтовали ей разойтись съ мистеромъ Фицджеральдомъ?

— Никогда!

— Я знаю, что именно въ это время она часто видалась съ вами.

— Мы съ ней видались, это бесспорно.

За тѣмъ послѣдовала пауза. Миссъ Паллизеръ затруднялась продолжать начатый разговоръ; въ собесѣдницѣ своей она совершенно неожиданно встрѣтила такую негодатливость, такое нежеланіе говорить, и даже слушать, что она почти рада бы была воротиться назадъ. Но, разъ упомянувъ имя Борго Фицджеральда, не могла же она уйдти, не объяснивъ прежде, почему она его упомянула. Изъ этой дилеммы неожиданно-негаданно выручила ее сама Алиса.

— Да, въ то время она часто видалась со мною, продолжала она свой отвѣтъ, и мы много говорили о мистерѣ Фицджеральдѣ. Въ чемъ заключался мой тогдашній совѣтъ, это теперь не важно; но въ одномъ вы, конечно, будете согласны со мною, миссъ Паллизеръ: что не слѣдуетъ заставлять ее теперь ѣздить въ тѣ дома, гдѣ она можетъ съ нимъ встрѣтиться.

— Итакъ, она вамъ сказала?

— Да, она мнѣ сказала.

— Что онъ будетъ у лэди Монкъ?

— Она сказала мнѣ, что мистеръ Паллизеръ требуетъ отъ нея, чтобы она, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилась съ нимъ въ томъ домѣ, куда они ѣдутъ прямо отъ герцога; и что ей тяжело, что ее подвергаютъ подобному испытанію.

— Но это, миссъ Вавазоръ, не должно бы было и быть для нея испытаніемъ.

— Легко сказать! Послушайте, миссъ Паллизеръ, если вы ей дѣйствительно желаете добра, будьте же къ ней справедливы.

— Я ей, бесспорно, желаю добра, но прежде всего я имѣю въ виду счастье моего двоюроднаго брата. Онъ говорилъ мнѣ, что она страшится встрѣчи съ этимъ человѣкомъ. По его мнѣнію, она не должна бы была ея страшиться, и страхъ этотъ не болѣе, какъ пустая мечта. Первое совершенно справедливо, но все же, быть можетъ, этотъ страхъ и не пустая мечта. Если дѣйствительно существуетъ какая нибудь серьезная причина,

но которой ей не слѣдуетъ ѣхать,—миссъ Вавазоръ, умоляю васъ, скажите мнѣ откровенно, хотя бы вы и должны были при этомъ набросить тѣнь на ея доброе имя. Все же это лучше, чѣмъ идти на встрѣчу позору и преступленію.

— Полагаю, что я никакой тѣни не наброшу на ея доброе имя, если скажу вамъ, что дѣйствительно есть очень важное основаніе не ѣхать ей въ Монкшэдъ.

— Итакъ, вы думаете, что постороннее вмѣшательство становится положительно необходимымъ? Вы поймете, что я должна ему откровенно высказать, чего ему слѣдуетъ опасаться.

— Мнѣ кажется, миссъ Паллизеръ, и даже болѣе, чѣмъ кажется, я положительно убѣждена, что дѣло самой настоятельной необходимости—предупредить эту поѣздку въ Монкшэдъ, если только вы можете это сдѣлать.

— Но я могу это сдѣлать не иначе, какъ передавъ ему то, что вы мнѣ сказали.

— Въ такомъ случаѣ передайте ему. Вы конечно обо всемъ этомъ уже успѣли передумать, прежде чѣмъ пришли сюда.

— Да, миссъ Вавазоръ, вы правы, я обо всемъ этомъ передумала, но я до конца надѣялась услышать отъ васъ, что никакой тутъ серьезной опасности не существуетъ, что она невинна.

— Но кто же говорить, что она виновна? отвѣчала Алиса, и при этомъ поднялась съ своего мѣста, какъ бы желая придать болѣе вѣса словамъ, которыя у нея почти не доставало духу выговорить иначе, какъ шопотомъ. Она невинна? вы предлагаете мнѣ вопросъ, имѣя въ виду ея счастье.

— И его тоже, миссъ Вавазоръ.

— Вопросъ, на который моя совѣсть велитъ мнѣ отвѣчать съ полною искренностью, такъ какъ отъ этого зависитъ ихъ общее благополучіе. Но я не хочу, чтобы слова мои принимались въ томъ смыслѣ, будто я обвиняю ее. Она любила мистера Фицджеральда прежде, чѣмъ вышла замужъ за мистера Паллизера. Мистеръ Паллизеръ это зналъ; она сказала ему все безъ утаекъ. Съ житейской точки зрѣнія ея бракъ съ мистеромъ Фицджеральдомъ былъ бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, большимъ рискомъ.

— Въ немъ была бы ея конечная гибель.

— Быть может и такъ; объ этомъ я не спору. Но дѣло кончилось тѣмъ, что она отказалась отъ своего задушевнаго желанія и вышла за вашего двоюроднаго брата.

— Не знаю, на чью сторону склонялось ея задушевное желаніе, миссъ Вавазоръ.

— Было такъ, какъ я вамъ говорю. Она вышла бы замужъ за мистера Фицджеральда, если бы окружающіе не отговорили ее. Нельзя же требовать, чтобы она забыла его въ такой короткій срокъ. Въ томъ, что она все еще вспоминаетъ о немъ, нѣтъ ничего преступнаго.

— Но преступно замужней женщинѣ любить другого мужчину.

— Въ такомъ случаѣ, миссъ Паллизеръ, преступно было ея замужество, а не ея любовь. Но все это дѣло прошлое. Настоящая же задача вашего двоюроднаго брата должна бы была заключаться въ томъ, чтобы помѣть ей забыть мистера Фицджеральда, а этого онъ никакъ не достигнетъ, заставляя ее ѣздить въ тѣ дома, гдѣ ей грозитъ встрѣча съ нимъ.

— Это она сама вамъ объ этомъ говорила?

— Я не вижу никакой надобности передавать вамъ о томъ, что именно я отъ нея слышала. Вы обратились ко мнѣ съ вопросомъ, я вамъ отвѣтила и отъ души благодарю васъ, что вы меня спросили. У насъ съ вами только одна цѣль можетъ быть въ виду—помочь ей въ тягостномъ ея положеніи.

— И спасти его отъ безчестія. Я все надѣялась, что это не болѣе, какъ ребяческое опасеніе съ ея стороны.

— Вы ошибались, опасеніе это далеко не ребяческое. Если только въ вашей власти предупредить эту поѣздку въ Монкшэдъ, умоляю васъ, сдѣлайте это. Дайте мнѣ слово, что вы не пощадите для этого никакихъ усилій.

— Послѣ всего, что я отъ васъ узнала, мнѣ другого и выбора не остается.

— Именно такъ; тутъ нѣтъ выбора, чье бы счастье изъ нихъ вы ни имѣли въ виду.

Послѣ этихъ словъ миссъ Паллизеръ встала съ своего мѣста и, пожелавъ своей собесѣдницѣ покойной ночи, удалилась. Во все продолженіе этого свиданія между ними о задушевности чувства не было и помину; ни одна изъ нихъ не сочла нуж-

нымъ лицемѣрить дружбою даже при прощаньи. Обѣ сознавались что цѣли у нихъ были различныя; Алиса желала спасти лэди Гленкору отъ гибели, между тѣмъ, какъ миссъ Паллизеръ руководило желаніе спасти своего брата отъ безчестья, да развѣ еще отчасти чистосердечное желаніе предупредить великое бѣдствіе и преступленіе. Первая любила лэди Гленкору, вторая же явнымъ образомъ ее не долюбливала. Но, не смотря на это, Алиса почувствовала, что миссъ Паллизеръ, прійдя къ ней, поступила хорошо, и что самой ей этотъ приходъ доставилъ огромное облегченіе. Теперь она была увѣрена, что будутъ приняты какія нибудь мѣры въ предупрежденіе этой встрѣчи, которой она такъ страшилась, и этимъ она не могла упрекать себя въ нарушеніи довѣрія, такъ какъ сказанное ею ни мало не клонилося во вредъ лэди Гленкору,

На слѣдующее утро, часу въ десятомъ, она сошла къ завтраку; нѣсколько минутъ спустя вошелъ въ комнату мистеръ Паллизеръ.—Я распорядился, чтобы экипажъ былъ вамъ поданъ въ три четверти десятого, началъ онъ, и нарочно пришелъ пораньше, чтобы налить вамъ чаю.—Онъ говорилъ улыбаясь и видимо желалъ быть любезнымъ.

— Не позволите ли вы мнѣ лучше налить его вамъ? отвѣчала Алиса.—Но дѣло обошлось безъ всякаго обоюднаго угощенья, такъ какъ завтракъ былъ поданъ Алисѣ отдѣльно.

— Гленкора поручила мнѣ передѣть вамъ, что и сама сейчасъ сойдетъ внизъ, проговорилъ мистеръ Паллизеръ.

Алиса освѣдомилась о томъ, не имѣла ли ихъ вчерашняя неосторожность дурныхъ послѣдствій, и получила неопредѣленный отвѣтъ; мистеръ Паллизеръ былъ не прочь оказать ей любезность, но вовсе не желалъ дать ей поводъ предполагать, что онъ предалъ ея вину забвенію. Вслѣдъ за тѣмъ вошли сестры Паллизеръ, за ними послѣдовалъ мистеръ Боттъ и наконецъ мистрисъ Маршамъ. Каждый изъ новопривывшихъ счелъ своимъ долгомъ освѣдомиться о лэди Гленкорѣ, съ такимъ видомъ, какъ будто здоровье ея подвергалось серьезной опасности вслѣдствіе вчерашнихъ ночныхъ походовъ. Особенно показалъ себя озадаченнымъ мистеръ Боттъ.

— На дворѣ стоялъ такой страшный морозъ, замѣтилъ онъ, что можно было ожидать самыхъ печальныхъ послѣдствій отъ

такого продолжительнаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, если принять въ соображеніе слабое здоровье лэди Гленкоуреръ.

Отъ Алисы не ускользнулъ скрывавшійся въ этихъ словахъ намекъ на то, что она обладаетъ плебейски крѣпкимъ здоровьемъ и что для нея не бѣда продрогнуть на морозѣ. Мистеръ Боттъ успѣлъ узнать, что высокій его покровитель измѣнилъ отчасти свое мнѣніе объ Алисѣ и, само собою разумѣется, спѣшилъ выказать полнѣйшую готовность измѣнить и свое въ томъ же направленіи. Недѣли двѣ тому назадъ мистеръ Боттъ охотно допустилъ бы слабость здоровья и въ Алисѣ.

— Неужели и вы того же мнѣнія, что Гленбора слаба здоровьемъ? обратилась Алиса къ мистеру Паллизеру.

— Во всякомъ случаѣ ее нельзя назвать здоровенной, отвѣчалъ супругъ.

— Конечно нельзя, подхватила мистрисъ Маршамъ.

— Ни подъ какимъ видомъ нельзя, добавилъ мистеръ Боттъ.

Алиса поняла, что сама она обвиняется въ здоровенности и молча перенесла это оскорбленіе. Здоровенными бывають черные работники на фермахъ да молочницы: обвиненіе, какъ видите, падало на нее тяжелое; еще легче было бы снести его, если бы она имѣла возможность дать сдачу, но въ минуту отвѣда это не шло.

— Мнѣ кажется, что она пользуется такимъ же хорошимъ здоровьемъ, какъ и любой изъ насъ, вмѣшалась Ифигенія Паллизеръ, которая послѣ вчерашняго разговора чувствовала себя въ нѣкоторомъ родѣ обязанной заступиться за миссъ Вавзоръ.

— Какъ и нѣкоторые между нами, поправилъ мистеръ Боттъ, ни за что не рѣшавшійся взять назадъ свое обвиненіе.

Въ эту самую минуту вошла лэди Гленбора и была встрѣчена цѣлымъ градомъ разспросовъ со стороны обѣихъ дуэнья. Но она поспѣшила уклониться отъ нихъ и обратилась къ Алисѣ. — И такъ, сказала она, настало тави утро разлуки.

— Да, отвѣчала Алиса, пора мнѣ домой. Мистеръ Паллизеръ и такъ долженъ былъ подумать, что я у васъ расположилась на постоянное жительство.

— Напротивъ, отвѣчалъ онъ, мнѣ было очень пріятно имѣт

вась своей гостьей.—Но сказалъ онъ это холодно, и Алиса начала раскаяваться въ томъ, что согласилась прїѣхать въ Мэтчингъ.—Прїятно! воскликнула лэди Гленкора. Да я словъ не нахожу, чтобы выразить вамъ свою благодарность. Ахъ, Алиса! чего бы я не дала, чтобы вы согласились поселиться у насъ.

— Черезъ недѣлю мы сами отсюда уѣзжаемъ, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ.

— Какъ же, какъ же, отвѣчала лэди Гленкора, къ сожалѣнію это правда. Милая Алиса! теперь мы съ вами увидимся только въ Лондонѣ.

— Вы мнѣ дадите знать, когда переѣдете въ городъ? проговорила Алиса.

— Я напишу вамъ, не теряя ни одной минуты. Да и кромѣ того, Алиса, я буду писать вамъ изъ Гэдерума или изъ Монкшэда.

При послѣднемъ словѣ Алиса невольно переглянулась съ миссъ Паллизеръ. Ифогенія Паллизеръ слегка кивнула ей головою, какъ бы желая выразить, что въ Монкшэдѣ лэди Гленкоръ не бывають, а слѣдовательно и писемъ оттуда не писать, но не сказала ни слова.

Доложили, что поданъ экипажъ, и мистеръ Паллизеръ взялъ Алису подъ руку.—Не выходи на крыльцо, Гленкора, проговорилъ онъ. Я тебя убѣдительно прошу объ этомъ.—Кузины расцѣловались, и Алиса направилась къ экипажу.

— Желаю вамъ, миссъ Вавазоръ, счастливаго пути, проговорилъ мистеръ Паллизеръ, но на словахъ онъ не выразилъ желанія снова увидѣть ее въ Мэтчингѣ.

Одинокю направляясь въ великолѣпномъ экипажѣ къ станціи желѣзной дороги, Алиса не могла воздержаться отъ сожалѣнія о томъ, что она рѣшилась посѣтить эти мѣста.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СМЕРТЬ ВЕРНЕ.

(изъ *Карла Бека*).

Всю жизнь свою на преходе счастья
Онъ не сердился, не ропталъ,
Хоть вькогда его участья,
Его улыбки не вьдалъ.
Участникъ бѣдствій безысходныхъ,
Онъ шель, въ кругу своихъ друзей,
Какъ онъ, отважныхъ, благородныхъ,
Къ печальной пристани своей.
Голубка въ клеткѣ безопасной
Сидитъ спокойно, и въ умъ
У птички мысли нѣтъ ужасной
О томъ, что жизнь ея въ тюрьмѣ.
Но лишь тогда свободна птица,
Когда, ничѣмъ не стѣснена,
Покинувъ край родимый, мчатся
Въ края далекіе она.

Какъ Фемистокль, стремясь къ сраженью,
Огнемъ рѣшился истребить
Свои суда, чтобъ къ отступленью
Себѣ дорогу преградить,—
Такъ онъ себѣ, великій странникъ,
Пожаромъ огненныхъ рѣчей
Закрывъ на вѣки, какъ изгнанникъ,
Дорогу къ родинѣ своей.

Онъ не ропталъ, что не хотѣла
Въ немъ жить спокойная любовь,
Что только злобою кипѣла
Его бунтующая кровь...
Пускай корабль въ безмятежно
Въ закрытой гавани стоитъ,
Когда привѣтливо и вѣжно
Вокругъ него вода журчитъ;
Но лишь тогда корабль свободенъ,
Когда, послушный парусамъ,
Онъ мчится, смѣль въ благороденъ
По гордымъ, бѣшенымъ волнамъ.

И. Вейнбергъ.

СТАТИСТИКА СМЕРТНОСТИ И РОЖДЕНИЙ

Хорошо живется тамъ, гдѣ люди понимаютъ, что самый драгоцѣнный изъ всѣхъ капиталовъ есть самъ человѣкъ, съ его физическими и умственными силами; но плохо жить тамъ, «гдѣ чело-вѣка берегутъ, какъ на турецкой перестрѣлкѣ». На степени пониманья этой простой истины основывается не только размѣръ благосостоянння отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа, но она слу-житъ также мѣрой умственной культуры людей. Въ современной Европѣ чело-вѣческая жизнь цѣнится больше, чѣмъ это было пре-жде. Теперь становятся рѣже тѣ гуртовья убійства, которыми от-личались релігіозныя войны, инквизиціонныя суды; теперь вы-ходятъ изъ употребленія столько же жестокаго, сколько бесполезнаго пытки и казни, загрязнившія кровью исторію среднихъ вѣ-ковъ; въ Европѣ, подобно Аѳи, не распарываютъ животомъ, не сажаютъ на колъ, не зарываютъ живьемъ въ землю, но отпра-вляютъ на тотъ свѣтъ болѣе чело-вѣколюбивымъ образомъ. Не смотря однакожъ на это чело-вѣколюбивое оправданіе, три чет-верти людей, если не больше, умираютъ преждевременною смертію. Если чело-вѣкъ, могшій прожить до 50 лѣтъ, умираетъ 30, развѣ онъ не умираетъ насильственно? Развѣ помочь чело-вѣку отпра-виться на тотъ свѣтъ прежде срока, не значить убивать его? Ра-зумѣется, такое убійство не имѣетъ ничего, по видимому, общаго съ убійствомъ на большой дорогѣ, и изящно образованный чело-вѣкъ, сокращающій жизнь сотенъ и тысячъ людей, находящихся въ его завѣдываніи, имѣетъ полное право спать съ спокойной совѣстью и гнущаться наизверга, убивающаго на большой дорогѣ. Но если одинъ сократилъ жизнь 1000 людей съ 50 на 30 лѣтъ,

то вѣдь онъ убилъ этимъ 20,000 человѣческихъ лѣтъ, или все равно, что истребилъ 400 пятидесятилѣтнихъ стариковъ. Ну какой же разбойникъ можетъ сравниться съ плантаторомъ, убивающимъ на своемъ вѣку, по меньшей мѣрѣ, по десяти человѣческихъ жизней.

И подобное сокращеніе человѣческой жизни дѣлается иногда съ самымъ добродушнымъ видомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что человѣкъ оказываетъ людямъ благодѣяніе. Напримѣръ, въ Наугеймскихъ солеварняхъ (въ Гессенѣ) не держатъ лошадей, а разсолъ, дрова и все, что нужно, возятъ на людяхъ. Случилось мнѣ, при осмотрѣ завода, встрѣтить бочку съ разсоломъ, запряженную людьми. «За чѣмъ вы не заведете лошадей?» спросилъ я рабочихъ. — Прежде были, отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, наши невыгоднымъ: лошадь околѣетъ, нужно купить новую; а умереть человѣкъ—убытка нѣтъ. — Но спросите Саманенъ-рата, придумавшаго замѣнить лошадей людьми, и онъ съ полнымъ простосердечіемъ невинности будетъ вамъ объяснять, что на одъ бѣденъ, нужно дать ему средства для существованія; что заработка плоха и чтъ онъ рассчиталъ, что для страны выгоднѣе вмѣсто 10 лошадей, кормить 50 взрослыхъ рабочихъ, которые въ свою очередь прокормятъ можетъ быть пятьдесятъ семействъ. И вотъ люди стали лошадьми.

Этотъ частный случай, самъ по себѣ незначительный, важенъ тѣмъ, что указываетъ, въ какомъ направленіи дѣйствуютъ иногда люди, сокращая жизнь другъ друга. Общественныя и частныя отношенія европейскаго населенія находятся еще въ такомъ положеніи, что какое бы ничтожное мѣсто ни занималъ человѣкъ, ему всегда представится возможность сократить чью нибудь жизнь, и это будетъ дѣлаться изъ тѣхъ же искреннихъ и человѣколюбивыхъ побужденій, изъ которыхъ наугеймскій плантаторъ обратилъ 50 мужиковъ въ лошадей. Вездѣ и во всемъ—экономическій интересъ и усердіе. Если бы поубавить того и другаго, люди жили бы гораздо дольше. Ужъ кажется, что можетъ быть меньше круга дѣятельности деревенской бабы, а посмотрите, съ какимъ успѣхомъ она сокращаетъ жизнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя немного зависитъ отъ нея. Прежде всего она, разумѣется, заботится о томъ, чтобы прожили какъ можно меньше ея собственныя дѣти. Для этого она кормитъ ихъ преимущественно, если только не исключительно, всѣмъ тѣмъ, что особенно способствуетъ сокращенію человѣческой жизни. Грудное дитя пичкаетъ разными кашами, кислымъ хлѣбомъ, кислымъ молокомъ; а есть даже и такія мѣстности, гдѣ бабы поятъ грудныхъ дѣтей водкой. Въ этомъ случаѣ онѣ руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что, во-пер-

выхъ, водка вообще хорошая вещь, ибо известно, какъ живительно дѣйствуетъ она на взрослыхъ, слѣдовательно она должна благотвительно дѣйствовать и на грудного ребенка; а во-вторыхъ, кто съ молоду привыкнетъ къ водкѣ, тотъ не будетъ пьяницей въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Все это, разумѣется, баба метафизика; но баба убѣждена, что она разсуждаетъ правильно и переувѣритъ ее нѣтъ никакой возможности. Разслабля такимъ образомъ желудокъ ребенку, съ первой молодости, мать заботится вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дитя подвергалось, какъ можно чаще, простудѣ; для этого полурасдѣтый ребенокъ упражняется въ ползаніи на полу, гдѣ вѣтеръ дуетъ изъ всѣхъ щелей, для этого потный ребенокъ выносится изъ парной избы на холодный зимній воздухъ, и принимаются многія другія, подобныя же мѣры. Чтобы дѣло сокращенія жизни шло еще успѣшнѣе, надзоръ за ребенкомъ вѣряется какой нибудь восмилтней дѣвочкѣ, и та старается оправдать по возможности такое лестное довѣріе. Въ этихъ видахъ она стучаетъ ребенка головой о всѣ выдающіеся предметы въ избѣ и на улицѣ, что, разумѣется, не способствуетъ укрѣпленію его умственихъ способностей, потому она избираетъ для ношенія ребенка какъ разъ тѣ положенія, при которыхъ ему удобнѣ всего задохнуться, затечь кровью, переломить позвоночный хребетъ или нанести другое подобное поврежденіе. Ребенокъ же съ своей стороны, поставленный съ первыхъ шаговъ въ такія опасныя положенія, приучается встрѣчать всякую превратность судьбы съ героизмомъ истиннаго мученика; онъ даже разучается плакать отъ боли, и приведенный въ вертикальное положеніе ногамъ вверхъ только кашлемъ даетъ знать, что ему неловко. Бываетъ и то, что дитя, находящееся на попеченіи подобной няньки, погибаетъ въ канавѣ или съѣдается свиньей. Чтобы вынести періодъ этого искуса, нужно пропсходить отъ родителей весьма крѣпкаго сложенія, да и самому имѣть желѣзную структуру; все мало-мальски слабое должно вымирать, ибо при такомъ воспитаніи право на жизнь могутъ имѣть только дѣти-богатыри, и такимъ образомъ здѣсь сами матери дѣлаютъ тотъ естественный подборъ сильныхъ организмовъ, который въ другихъ классахъ животныхъ берутъ на себя хищники. Что уцѣлѣло въ деревнѣ до пяти лѣтъ, то можетъ надѣяться достигнуть зрѣлости, если только чья нибудь заботливость не подоспѣетъ помочь человѣку отправиться на тотъ свѣтъ преждевременно.

Эту помощь оказываетъ себѣ или самъ отправляющійся къ праотцамъ, или близкіе къ нему люди, или какія нибудь другія осо-

бевныя обстоятельства и превратности жизни. Самъ себѣ помогаетъ человѣкъ сократить свою жизнь различными способами. Самый простой и обыкновенный въ нашемъ быту заключается въ пьянствѣ. Оно дѣйствуетъ не мгновенно, подобно холерѣ или какойнибудь острой болѣзни, а исподоволь, отравляя силы человѣка медленно, но постоянно. Пить запоемъ—это наша мѣстная болѣзнь, сильно распространенная во всѣхъ сословіяхъ и обыкновенно оканчивающаяся бѣлой горячкой или водянкой. Большая часть преступлений, смертельныхъ побоевъ и увѣчий также совершается въ пьяномъ видѣ. И если принять во вниманіе отвратительный составъ водки, которую такъ безсовѣстно подымъшпвали старый откупъ, то главную причину органическихъ разстройствъ въ нашемъ крестьянскомъ быту—надо отнести къ пьянству.

Доморощенные понятія о томъ, что полезно и что вредно организму, помогаютъ иногда человѣку сокращать свою жизнь не хуже пьянства и распутства. У насъ есть на примѣръ поговорка— «что русскому здорово, то нѣмцу смерть». Положимъ, что поговорка эта создана гордымъ сознаниемъ своего превосходства предъ иностранцами, но это сознание находится въ прямомъ разногласіи съ матеріальнымъ влияниемъ подобнаго убѣжденія на силы и здоровье людей. Замѣчательно, что ни одинъ народъ Европы, даже такой надмѣнный, какъ англичане, или такой самолюбивый, какъ французы, не придумали ничего подобнаго этому русскому гигиеническому принципу. Англичане, французы, нѣмцы думаютъ съ большимъ основаніемъ, что все вредное пить должно быть вредно и другимъ, и ни въ какомъ случаѣ продовольствіе рѣдкой, огурцами, лукомъ и квасомъ не считаютъ ни вкуснымъ, ни здоровымъ. Положимъ, что привычка къ подобной пищѣ съ молоду ослабляетъ много ея вредное влияние, и никакой нѣмецъ, будь онъ семи пядей во лбу, не съестъ столько луку съ квасомъ, сколько съестъ, по видимому безъ вреда, самый обыкновенный русскій мужикъ, но изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы такая пища была здорова русскому. Факты холерныхъ годовъ, — когда волжскіе бурлаки, незнающіе другой пищи, кромѣ водки, луку, огурцовъ, печенки и тому подобнаго бульжника, наполняющаго человѣческой желудокъ, умирали, какъ мухи, — убѣдили лучше всего, что и русскому смерть приключается отъ того же, отъ чего и нѣмцу. Да и въ обыкновенные года желудочныя болѣзни, создаваемые сырой, неудобоворимой и непитательной пищею, отправляютъ не малое число людей на тотъ свѣтъ и постоянно поддерживаютъ холеру. Русскій человѣкъ въ этихъ случаяхъ фаталистъ;

онъ разсуждаетъ такъ: много-ли, мало-ли съѣшь луку и выпьешь водки, а умереть все-таки надо рано или поздно; вотъ онъ и старается, чтобы умереть рано, думая, что ему ужъ такъ на роду написано.

Точно также русскій человѣкъ находчивъ и въ леченіи болѣзней домашними средствами. „Попей родимый кваску“, или „полежи животомъ на камнѣ—отойдетъ“, говоритъ баба больному, и точно отойдетъ; только не животь, а душа къ праотцамъ. Меня еще недавно увѣрялъ одинъ солдатъ, даже и не простой, а ельдѣебель, что солонина гораздо лучше и здоровѣе говядины, потому что лежитъ крѣпче на животѣ. На животѣ крѣпче, говоритъ почтальонъ, и на этомъ основаніи пьетъ безъ просыпу всю дорогу; бурлаку опять кажется, что на животѣ крѣпче, когда поѣшь огурцовъ и луку; баба думаетъ, что на животѣ крѣпче, если грудного ребенка покормить вмѣсто молока кашей; крестьянинъ думаетъ, что на животѣ крѣпче, если набдаться ржаного, тяжелого, какъ камень, хлѣба, или ѣсть пшеничный хлѣбъ съ мякиной, не обдирный, и черный, какъ земля. Ради той же крѣпости человѣкъ изъ бани выскакиваетъ въ снѣгъ или въ прорубь; съ этой цѣлью человѣкъ босикомъ и въ одной дырявой рубашкѣ выскакиваетъ на холодъ, чтобы привыкнуть къ холоду; съ этой цѣлью человѣка изнуряютъ чрезмѣрнымъ трудомъ и крайнимъ напряженіемъ силъ. Этотъ способъ укрѣпленія существовалъ нѣкогда особенно въ войскахъ. Бывали такіе офицеры, которые полагали, что человѣка можно постепенно приучить ко всему; и приучили солдата къ успленнымъ маршамъ, къ дождямъ, морозамъ, бурямъ и другимъ климатическимъ вліяніямъ; учили людей до изнуренія силъ и т. д. Слабый умиралъ, не достигнувъ привычки; сильный выносилъ т: с: оставался живъ и, по видимому, здоровъ, а офицеру казалось, что онъ его закалилъ. Такой закаленный человѣкъ, если не умиралъ на службѣ, то выходилъ въ отставку съ смертельной болѣзнью и ближайшимъ кандидатомъ на тотъ свѣтъ и умиралъ человѣкъ, и никто не зналъ, отъ чего онъ умеръ; не зналъ онъ и самъ, потому что до самой смерти вѣрилъ, что служба закалила его, и старался онъ и самъ закалять другихъ, какъ закаляли его, и такимъ образомъ число закаленныхъ людей все увеличивалось, и теорія закаленія находила большее и большее число послѣдователей.

И осталная обстановка всей нашей домашней жизни соответствуетъ вполне доморощеннымъ гигиеническимъ понятіямъ. „Парь костей не ломать“, говоритъ русскій человѣкъ и дѣзетъ въ печку париться, да тамъ и остается. На этомъ же основаніи зимой нагрѣвается изба, особенно къ ночи, до того, что парь стоитъ въ ней стол-

бомъ; малѣйшая струя холоднаго вѣтрѣннаго воздуха пронзаетъ въ избѣ дѣла облака. Въ этой душной атмосферѣ многочисленное население избы—мужчины и женщины, большіе и малые—размѣстившись для ночлега на полкахъ, на печкѣ, на лавкахъ спускаютъ воздухъ разными доступными имъ средствами, которыя, благодаря рѣдкѣ, луку, гороху и капустѣ, довольно разнообразны и настолько дѣйствительны, что, какъ говорятъ остряки, въ любой русской избѣ можно повѣсить зимой въ воздухъ топоръ. Еще къ счастью, что русскій человѣкъ не знаетъ большею частью никакихъ рамъ; что у него зачастую вмѣсто стекла засунута вѣтошка; что изъ всѣхъ оконныхъ щелей и дурно-приложенной двери стремится въ избу свѣжій воздухъ; безъ этого, разумѣется, всѣ русскіе мужики давно бы уже задохлись. Этотъ смраднѣйшій воздухъ не только никого не смущаетъ и никому не кажется вреднымъ, но все население избы очень дорожитъ имъ, воображая, что это тепло, и серьезно сердится на тѣхъ, кто вздумалъ бы вечеромъ осѣвѣжать крестьянскую избу. Принимая вонь и парный воздухъ отъ онучь и разной другой мокрой лопати за теплоту и основы ваясь на томъ афоризмѣ, что паръ костей не ломить, крестьянинъ вовсе не подозреваетъ, что его злѣйшая изба разрушаетъ его здоровье и порождаетъ множество медленныхъ болѣзней, которыя онъ приписываетъ порчѣ и колдовству.

Деспотизмъ въ домашнихъ отношеніяхъ усиливаетъ еще болѣе всѣ эти вредныя вліянія. У строгаго мужика нѣтъ спуску никому—ни женѣ, ни дѣтямъ. Живя подъ вѣчнымъ страхомъ разочаетъ человѣка радоваться; дома ему тоска, потому что кромѣ криковъ и побоевъ не встрѣчаетъ ничего. Хорошо еще, если отецъ или большакъ бьетъ со смысломъ, а то сгоряча или подъ пьяную руку побой иногда кончаются печально; да не смѣй еще ни сердиться, ни жаловаться.—Ну, что сердиться, больно что ли? спрашиваетъ побившій. „Знамо, больно; противъ сердца бить: съ разу-то, вѣдь и духу тяжело“!—Любя вѣдь, дѣшій! И опять при случаѣ бьетъ любя противъ сердца; выбираетъ что ни на есть больное мѣсто. Бѣднымъ женщинамъ еще хуже; ихъ обыкновенно бьютъ въ самыя нѣжныя и чувствительныя части тѣла. Все это дѣлается съ полнымъ убѣжденіемъ, что не только такъ и должно быть, но что иначе и невозможно; а то какой же будетъ и порядокъ, когда малые и бабы не боятся мужиковъ? Сдѣлавшись самъ старшимъ, малый слѣдуетъ примѣру стариковъ и бьетъ любя своихъ подначальныхъ, какъ били и его. Эта система семейныхъ отношеній составляетъ такое обыкновенное явленіе, что

перестаетъ казаться странной даже тѣмъ, кто страдаетъ отъ побоевъ; что же касается до того, что отъ нея можетъ страдать здоровье и сокращается жизнь, то такой выводъ покажется слишкомъ тонкимъ даже многимъ изъ тѣхъ, кто стоитъ вѣкъ крестьянскаго сословія. Вотъ если человѣкъ попалъ за побой въ уголовную палату, такъ пожалуй еще можно повѣрять, что не годится бить человѣка съ горяча полѣномъ или обухомъ топора; что касается до веревотни и ругани, то какой же русскій не знаетъ, „брань на вероту не высветъ“.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ деспотъ семейства является главнымъ агентомъ въ сокращеніи собственной жизни и жизни тѣхъ, кто зависитъ отъ него и живетъ его умомъ и разумомъ. Но есть случаи, гдѣ усилія одного человѣка ничего не значатъ, если бы онъ даже и понималъ вполне весь вредъ этихъ бытовыхъ вліяній. Эти случаи, зависящіе отъ общей совокупности понятій всего народонаселенія, его умственнаго уровня и экономическаго и общественнаго развитія, называютъ обыкновенно обстоятельствомъ. Главнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ составляютъ лишения, тяжелый трудъ и непріятности труда.

Быть богатымъ или бѣднымъ совершенно не зависитъ отъ одного желанія, потому что иначе всѣ бы были богаты. Изъ двухъ людей, расходующихъ совершенно одинаковое количество умственныхъ и физическихъ силъ, одинъ бываетъ богатъ, другой бѣденъ. Есть занятія, приносящіе при малой тратѣ усилій, большія денежныя выгоды, и есть такія, гдѣ человѣкъ работаетъ, какъ волъ, и едва бываетъ сытъ и одѣтъ. Многіе причину бѣдности видятъ въ пьянствѣ; но это ошибочно, потому что не пьянство создаетъ бѣдность, а на оборотъ бѣдность пьянство. Сокращающее жизнь вліяніе бѣдности заключатся прежде всего въ ея моральномъ гнетѣ. У человѣка нуждающагося не обезпеченнаго и не увѣреннаго въ томъ, что ему будетъ чѣмъ прожить завтра и на старости, мысль работаетъ постоянно въ одномъ направленіи: какъ бы не нуждаться, какъ бы обезпечиться, какъ бы не идти по міру. Въ земледѣльческомъ быту боязнь нищенства на старости лѣтъ, разуиѣется, составляетъ исключеніе, потому что старики, лишившіеся силъ, живутъ по прежнему въ своихъ семействахъ; но за то тѣмъ сильнѣе мучить этихъ людей повседневная нужда. Эта злодѣйка напоминаетъ себя во всемъ: дырявымъ, изношеннымъ платьемъ, покачнувшейся избой, скверной пищей, тощей коровенной, необходимостью работать усиленно. Бѣднякъ не смѣетъ даже хворать. Разуиѣется, есть много обстоятельствъ ослаб-

ляющихъ разрушительное вліяніе бѣдности: низкій уровеньъ понятій, а съ ними, большею частью, и бѣзпечность; ограниченныя потребности и скудныя привычки. Но не будь подобныхъ ослабляющихъ обстоятельствъ, нужда похищала бы людей не хуже холеры и чумы.

* Тяжесть и непріятность труда не зависятъ тоже отъ выбора и вкуса человѣка; потому что всю будущую судьбу его рѣшаетъ обыкновенно случайность рожденія. Ребенокъ, родившійся въ крестьянской семьѣ, становится земледѣльцемъ; сынъ ремесленника—ремесленникомъ, сынъ купца—купцомъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ положеніяхъ представляется человѣку большая возможность избрать родъ занятій по вкусу. Такъ ремесленнику легче перейти въ купеческое сословіе, потому что больше случаевъ, даже при ограниченныхъ средствахъ, поступить въ мальчики, сидѣльцы, приказчики; точно также ему удобнѣе избрать ремесло, къ которому онъ чувствуетъ склонность т. е. сдѣлаться столяромъ, мѣдникомъ, слесаремъ, или посвятить себя свободнымъ художествамъ, если способности и условія городской жизни облегчаютъ такой переходъ. Выборъ для купца еще легче, потому что средства даютъ ему возможность дать своимъ дѣтямъ воспитаніе вполне сообразное съ ихъ наклонностями. Купецъ можетъ или продолжать торговлю, или сдѣлаться фабрикантомъ, художникомъ, посвятить себя военной или гражданской службѣ и т. д.; все зависитъ, разумѣется, отъ разбора средствъ и способностей. Но для земледѣльца подобные переходы совсѣмъ не такъ легки. Мальчикъ, родившійся въ крестьянскомъ быту, волею—неволею сдѣлается земледѣльцемъ. Если онъ крѣпко сложенъ, довольно силенъ и не слишкомъ требователенъ, то свывается съ своимъ положеніемъ и не задается вопросами, выходящими за предѣлы земледѣльческаго быта. Не то съ людьми слабого сложенія и пытливаго ума. Слабый долженъ умереть преждевременно, потому что у него не достанетъ силъ вынести то, что выносить сильный; и человѣкъ пытливый, или особенно умный, придетъ къ такимъ вопросамъ и отвѣтамъ, которые отзовется въ его душѣ мучительною болью. Хорошо, кто наконецъ уходится и примирится съ своею судьбой; а кто нѣтъ, тотъ, разумѣется, будетъ вѣчнымъ мученикомъ и заплатитъ преждевременною смертію за ошибку, въ которой онъ самъ виноватъ менѣе всѣхъ. Непріятность ненормальнаго и изнурительнаго труда принесетъ здоровью и жизни человѣка гораздо больше вреда, чѣмъ это можетъ показаться при поверхностномъ взглядѣ.

Но и тѣ, кто трудится добровольно и съ любовью, во многихъ случаяхъ напрягаютъ свои силы гораздо больше, чѣмъ это было бы нужно при другихъ, болѣе благопріятныхъ, обстоятельствахъ. Напримѣръ, если по состоянію земледѣлія почва одного качества даетъ, въ одной странѣ 1000 пудовъ зерна, съ 4 десятины, а въ другой съ 15, то очевидно, что уже трудъ одной ходьбы, во второмъ случаѣ, почти въ три раза больше, чѣмъ въ первомъ; точно также втрое увеличится и перевозка всѣхъ продуктовъ. Если, даѣе, крестьянину нужно свезти въ городъ на продажу 1000 пудовъ сельскихъ произведеній, и онъ имѣетъ только одну лошадь, то въ мѣстности, гдѣ дороги хороши и гдѣ лошадь можетъ везти сто пудовъ, онъ сдѣлаетъ 10 концовъ туда и обратно; а тамъ, гдѣ дороги дурны и на возъ нельзя класть болѣе 30 пудовъ, придется сдѣлать 33 двойныхъ конца. Во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ трудъ земледѣльца долженъ доходить до maximum'a напряженности т. е. онъ долженъ сражаться въ потъ лица то, что другому земледѣльцу достигнется, можетъ быть, безъ всякаго пота. Такой усиленный трудъ падаеть, разумѣется, на здоровье и силы земледѣльца, и въ результатъ являются извѣстныя болѣзни, порождаемыя подобнымъ трудомъ, и преждевременная смерть.

И во всѣхъ остальныхъ общественныхъ положеніяхъ человѣкъ рискуеть нажать ту или другую болѣзнь и умереть прежде срока. Ремесленникъ, купецъ, воинъ, чиновникъ, ученый — всѣ они независимо отъ того вреда, какой наносятъ сами своему здоровью вслѣдствіе недостатка развитія и дурныхъ привычекъ, страдаютъ болѣзнями, спеціально свойственными ихъ роду занятій, и умирають отъ нихъ преждевременно. Въ особенности печально положеніе ремесленниковъ и солдатъ, въ быту которыхъ сосредоточивается наибольшее число обстоятельствъ неблагопріятныхъ для здоровья и жизни, неустраняемыхъ отдѣльной волей человѣка.

Другія общественныя положенія хотя, по видимому, представляютъ больше средствъ и возможности заботиться о себѣ и о другихъ, напримѣръ въ быту купеческомъ или въ чиновничьемъ; но здѣсь главнымъ врагомъ человѣка является его собственное невѣжество. Въ купеческомъ быту обычай и преданія старины держатся съ особенной силой; корень этихъ обычаевъ въ народной жизни, слѣдовательно и всѣ ошибочныя понятія купечества должны имѣть много общаго съ заблужденіями людей изъ земледѣльческаго сословія, не говоря уже про тѣ дурныя привычки, развитію которыхъ помогаютъ денежныя средства. Поэтому купеческая семья, живущая по старинѣ, въ сущности не отличается ничѣмъ отъ

семьи богатаго замедлѣльца; разница здѣсь заключается не въ понятіяхъ и цивилизованныхъ обычаяхъ, а только въ размѣрѣ расходовъ. Тамъ, гдѣ крестьянинъ имѣеть фунтъ чернаго хлѣба, купецъ имѣеть десять фунтовъ бѣлаго; гдѣ крестьянинъ имѣеть фунтъ баранковъ, купецъ имѣеть цѣлаго теленка; гдѣ крестьянинъ выпивалъ фунтъ чая и сахара, купецъ выпьетъ цѣлый пибигъ и пудъ сахару. Этотъ усиленный размѣръ расходовъ не способствуетъ нисколько просвѣтленію понятій: купчихи и крестьянки одинаково закашливаютъ своихъ дѣтей, какъ разъ тѣмъ, что вообще вредно дѣтскому организму; купчихи и крестьянки одинаково боятся свѣжаго воздуха и закупориваютъ въ своихъ домахъ, какъ драгоценности, гнилую и испорченную атмосферу, принимая его за тепло и руководствуясь теоріей, что паръ костей не ломить; купчихи и крестьянки одинаково объясняютъ происхожденіе нервныхъ болѣзней и одинаково лечатъ отъ нихъ „съ угольемъ“; дальнѣйшія средства ихъ домашняго лечебника не отличаются тою ничѣмъ, и конечно медицинское усердіе тѣхъ и другихъ скорѣе помогаетъ ихъ больнымъ домохозяевамъ переселиться въ царство тѣней, чѣмъ освобождаться отъ болѣзней. И замѣчаемое внѣшнее различіе между купчихой и крестьянкой въ сущности совсѣмъ не такъ велико. Крестьянки тощи, сухи, преждевременно стары; купчиха тѣхъ же лѣтъ—бѣла, свѣжа и расползается, какъ тѣсто. Крестьянка изнашивается отъ усиленной работы, нужды и неуѣнья жить; купчиха же напротивъ отъ лѣни, изобилія и тоже отъ невѣжества. У одной болѣзни происходятъ отъ труда, у другой отъ праздности, и результаты въ томъ и другомъ случаѣ одинаковы, потому что въ первомъ человѣкъ умретъ раньше отъ истощенія силъ: а во второмъ отъ водянки или отъ паралича.

Параллель между купцомъ стараго завѣта и крестьяниномъ земледѣльцемъ будетъ та же. Одинъ работаетъ слишкомъ мало, другой слишкомъ много; одинъ страдаетъ отъ излишествъ, другой отъ лишеній; но и тотъ, и другой одинаково не желаютъ ни болѣзней, ни преждевременной смерти; а между тѣмъ принимаютъ именно тѣ мѣры, которыя разстраиваютъ здоровье и сокращаютъ жизнь. Въ крестьянскомъ быту все это извиняютъ обыкновенно бѣдностью, что и справедливо; но чѣмъ можетъ извиняться незнаніе людей, имѣющихъ полную возможность знать все то, что человѣкъ знать долженъ?.. Впрочемъ здѣсь важно не то, что извиняется или не извиняется невѣжество, а на сколько подобное незнаніе и дурное воспитаніе, развивающее дурныя привычки, способствуютъ усиленію въ народѣ смертности; на сколько оно

ископаетъ силы людей; на сколько способствуетъ развитію тѣхъ или другихъ болѣзней. Здѣсь является на сцену вопросъ народной экономіи; ибо подобная незаботливость о своихъ и чужихъ силахъ обнаруживается прежде и замѣтнѣе всего въ экономической производительности, а слѣдовательно и въ общенародномъ богатствѣ. Вліаніе это тѣмъ повсемѣстнѣе и тѣмъ шире, что такъ называемыя образованныя сословія не придаютъ никакой важности вопросу о народномъ здоровьѣ. Важнѣйшій вопросъ человѣческой жизни какъ будто и не существуетъ для людей; каждый живетъ, какъ живется, не зная, и даже не желая знать, здорово или вредно жить такимъ образомъ и на сколько лѣтъ человѣкъ сокращаетъ свою собственную жизнь и жизнь другихъ. Каждый человѣкъ, особенно въ первой молодости, какъ будто титотится тѣмъ, что у него много силъ и спѣшитъ растратить ихъ въ безумныхъ кутежахъ, безсонныхъ ночахъ, безобразной жизнью. Отъ людей, имѣющихъ такой взглядъ на свои собственные силы, разумѣется, нечего ожидать, чтобы они съумѣли сберечь силы другихъ, и потому въ недостаточно развитомъ обществѣ готовство своей и чужой жизнью можетъ доходить до того же неблагоразумія, до какаго доходитъ иногда денежное готовство разнуздавшагося купческаго сына. Силы, здоровье, жизнь человѣка какъ будто и не существуютъ для такихъ людей; они даже и не подозреваютъ, что тѣло человѣка изнашивается такъ же, какъ и всякая вещь, и слѣдовательно при бережливости можетъ служить дальше, чѣмъ при расточительности. Даже и тѣ, кто даетъ такую большую цѣну деньгамъ и считаетъ не мечтой и утопій только одни экономическіе вопросы, даже и эти рѣшительно не догадываются, что здоровье и силы каждаго отдѣльнаго человѣка, и слѣдовательно и всего народа, составляютъ основной капиталъ общественнаго богатства. Денежный убытокъ сосчитать, разумѣется, легче: онъ передъ глазами; потому-то и видятъ его лучше, хотя тоже не всегда; а для яснаго пониманья вопроса о жизни и здоровьи нужно имѣть въ головѣ больше свѣта, чѣмъ его обыкновенно имѣется у людей. Поэтому, по состоянію общественнаго здоровья можно судить весьма вѣрно объ умственномъ развитіи народа и объ его общественныхъ отношеніяхъ; а изъ сравненія общественнаго здоровья разныхъ народовъ можно составить точное заключеніе о степени ихъ цивилизаціи и нормальности быта.

• Статистическая разработка вопросовъ этого рода составляетъ еще повсюду дѣло новое, потому даже у народовъ передовыхъ нельзя найти полныхъ и обстоятельныхъ послѣдованій о смертно-

сти и причинахъ въ такой подробности, какая бы нужна по важности вопроса. Что же касается до народовъ менѣе образованныхъ, что само собою разумѣется, что ихъ статистическія изслѣдованія тѣмъ слабѣе, тѣмъ народъ менѣе цивилизованъ. Въ настоящей статьѣ я буду пользоваться данными, собранными въ продолжающемся еще изданіи Адольфа Франца Handbuch der Statistik, пополняя недостающія свѣденія о Россіи изъ статистики Кольба и изъ свѣденій, собранныхъ г. Корсакомъ. Понятно, что данныя, касающіяся Франціи или Германіи, не могутъ служить точнымъ основаніемъ для сужденія о Россіи; напримѣръ изслѣдованіе иностранныхъ статистиковъ о смертности тамошняго сельскаго населенія необъяснить вполне состояніе этого дѣла у насъ, ибо германскій, французскій или англійскій земледѣлецъ ведетъ нѣсколько иной образъ жизни, пьетъ и ѣстъ другое, имѣетъ иное помѣщеніе, живетъ въ климатѣ менѣе суровомъ. Не смотря на то, данныя, собранныя въ другихъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ служить и намъ для составленія приблизительнаго понятія о вредѣ и пользѣ извѣстныхъ вліяній и отношеній, и если они не дадутъ полной возможности опредѣлить нѣкоторыя спеціальныя русскія особенности, напр. какъ дѣйствуютъ рѣдка, огурцы и т. п. сырая, трудноваримая пища на состояніе русскаго здоровья и какія спеціальныя болѣзни порождаются русскимъ бытомъ; то тѣмъ не менѣе общее понятіе будетъ уже установлено, и читателю, знакомому съ бытомъ русскихъ, будетъ не трудно составить и самому заключеніе о томъ, слѣдуетъ ли иностранныя свѣденія считать относительно Россіи выше или ниже дѣйствительныхъ, и даже во сколько именно.

II.

Для послѣдовательности начнемъ съ начала т. е. съ брака. Ежегодное число браковъ представляетъ въ разныхъ государствахъ Европы чрезвычайно непостоянныя величины и отношенія. Напримѣръ въ Саксоніи приходилось въ годъ одно бракосочетаніе на слѣдующее число жителей.

Въ 1827 году на 121 жителя.			
— 1836	—	—	122
— 1847	—	—	130
— 1850	—	—	104
— 1851	—	—	103
- 1855	—	—	153

Изъ свѣденій, сообщаемыхъ Францомъ, я взялъ только главные, чтобы не пестрить статьи цифрами: но и въ этихъ данныхъ читатель видитъ, что въ теченіи 30 лѣтъ число браковъ въ Саксоніи уменьшилось, хотя въ то же время въ 1850 и въ 1851 году саксонцамъ припала страшная охота къ женитьбѣ.

Въ Баваріи это отношеніе еще менѣе благопріятно, потому что съ 1817 г. и по настоящее время приходится среднимъ числомъ ежегодно 1 бракъ на 152 жителя. Въ Пруссіи эти отношенія лучше, хотя и у пруссаковъ замѣчается тоже уменьшеніе числа браковъ.

По официальнымъ свѣденіямъ считается.

Въ 1817—1843 г.	1 бракъ на 109 жителей.
— 1843—1853 —	1 — — 114 —
— 1854 —	1 — — 127 —
— 1855 —	1 — — 130 —
— 1857 —	1 — — 108 —
— 1858 —	1 — — 105 —
— 1859 —	1 — — 119 —
— 1860 —	1 — — 120 —

Такимъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе среднее число годовыхъ браковъ составляло 1 на 118 жителей, тогда какъ въ періодъ 1817—1843 г. отношеніе было какъ 1 къ 109. И въ Пруссіи, какъ въ Саксоніи замѣтны рѣзкія скачки; на примѣръ, въ 1857 и въ 1858 годахъ, когда пруссакамъ пришла тоже особенная охота къ женитьбѣ. Не было ли это слѣдствіемъ Крымской войны?

Вообще въ Германіи наименьшее отношеніе числа браковъ къ числу жителей составляетъ въ годъ 1 къ 118, какъ въ Нассау, въ Пруссіи; а наименьшее число браковъ приходится на Гессенъ, гдѣ одинъ бракъ заключается въ годъ на 153 жителя; а въ Баденѣ даже 160 жителей:

Во Франціи браковъ больше. Въ ней приходится ежегодно по одному браку:

Въ 1825—1828 г.	на 128 жителей.
— 1834—1838 —	— — 123
— 1848 —	— — 121
— 1850 —	— — 120
— 1856 —	— — 126

О числѣ браковъ въ Россіи нельзя вывести подобныхъ отношеній къ числу жителей, прежде всего потому, что у насъ не существуетъ точныхъ свѣденій о народонаселеніи; далѣе потому, что о числѣ браковъ у сектаторовъ нѣтъ положительныхъ дан-

ннхъ. Поэтому, довольствуясь тѣмъ, что есть, привожу изъ Кольба слѣдующія данныя:

Заключено у насъ браковъ:

Въ 1848 г.	595,000	Въ 1854 г.	434,000
— 1849 —	542,000	— 1855 —	388,000
— 1850 —	577,000	— 1856 —	574,000
— 1851 —	489,000	— 1857 —	638,000
— 1852 —	508,000	— 1858 —	563,000
— 1853 —	523,000.		

Эти цифры показываютъ, что и у насъ въ числѣ браковъ существуетъ подобное же колебаніе, какъ и въ западной Европѣ, иногда эти колебанія доходятъ до весьма рѣзкихъ крайностей. Такъ въ періодъ 1848—1852 года среднее число браковъ въ малужской епархіи было 11,000 паръ, — а въ 1850 году 21,000 паръ. Чему же приписать подобныя колебанія, замѣчательныя повсемѣстно?

Въ земледѣльческомъ и въ другомъ экономическомъ быту, гдѣ женщина составляетъ такую же рабочую единицу, какъ и мужчина, бракъ приноситъ очевидныя выгоды, потому что прибавляетъ трудовую силу. Каждая крестьянская семья составляетъ одну хозяйственную единицу, съ полнымъ комплектомъ экономическихъ производителей. Нормальное положеніе такой семьи заключается въ томъ, чтобы каждой мужской силѣ соответствовала женская, связанная единствомъ интересовъ. Но бракъ по существующимъ обычаямъ требуетъ разнообразныхъ и нѣрѣдко весьма значительныхъ расходовъ и прошлогодняго запаса средствъ, чтобы прокормить вновь вступившее въ семью лицо до той поры, когда оно само заработаетъ для своего прокормленія. Поэтому повятно, что заключеніе браковъ возможно только для тѣхъ, у кого есть излишки; кто же нуждается, тотъ долженъ подождать женитьбой до болѣе благоприятнаго времени; ибо иначе ему нечѣмъ будетъ прокормить жену. Вотъ почему въ года, слѣдующіе за неурожаами, и въ года высокихъ цѣнъ первыхъ потребностей число браковъ всегда уменьшается. Это замѣчено вездѣ, это же существуетъ и у насъ.

Кромѣ того на уменьшеніе числа браковъ имѣютъ вліяніе всѣ тѣ причины, которыя дѣлаютъ шаткимъ экономическое положеніе недобѣка или разстроиваютъ бытъ семьи. Сюда принадлежитъ война, усиленная смертность, вслѣдствіе эпидемій, голодовъ и другихъ подобныхъ причинъ. Когда наступаетъ война или является ненормальная смертность, то, разумѣется экономическое положеніе тѣхъ, кого могутъ потребовать въ солдаты, становится со-

мнительнымъ и очевидно, что жениться не расчетъ. Въ годы эпидемій то же самое: жениться, чтобы потомъ умереть или быть убитымъ на войнѣ и оставить жену безъ средствъ существованія, разумѣется, не благоразумно. И вотъ въ години подобныхъ бѣдствій всѣ тѣ, кто не желаетъ рисковать, откладываютъ женитьбу до поры болѣе благоприятной. Поэтому-то, какъ только кончится война или чрезвычайная смертность, сейчасъ же увеличивается повсюду число браковъ, что происходитъ не только отъ того, что женятся всѣ тѣ, кто поджидалъ лучшихъ временъ; но еще и потому, что комплектъ многихъ семействъ нарушился, а восстановление нормальныхъ отношеній въ числѣ работниковъ возможно только бракомъ.

Здѣсь встаетъ сказать, что не точность выраженія нѣкоторыхъ статистиковъ можетъ ввести неопытнаго читателя въ недоразумѣнїе. Такъ, принято обыкновенно говорить, что „сильнѣйшая смертность влечетъ за собою и большее число браковъ“. Это вовсе не значитъ, чтобы людямъ припадала большая охота жениться, только потому, что умираетъ больше народу, или чтобы въ людяхъ являлось внезапно, какимъ-то вѣрнымъ инстинктомъ, необычайное усердіе производить себѣ подобныхъ. Стремленіе къ такому занятію не зависитъ нисколько ни отъ войны, ни отъ неурожая, ни отъ эпидемій, потому что органическія потребности удовлетворяются всегда одинаково, если представляется возможность къ ихъ удовлетворенію. Поэтому приведенное выше выраженіе слѣдуетъ понимать не какъ инстинктивное стремленіе людей къ дѣторожденію, а просто, какъ пополненіе комплекта рабочихъ силъ семействъ, разстроенныхъ войной или эпидеміей.

Въ приведенныхъ цифрахъ числа браковъ въ Россіи читатель найдетъ полное подтвержденіе всего вышесказаннаго. Напримѣръ въ 1850 году былъ у насъ неурожай почти повсемѣстный, а въ слѣдующемъ 1851 году онъ былъ въ большой части внутреннихъ губерній. Это отразилось тотчасъ же и на числѣ браковъ, которые въ 1851 году уменьшились внезапно на 88,000 или на 16%, въ слѣдующемъ году, когда неурожай сталъ болѣе мѣстнымъ, а губерніи, страдавшія въ предыдущемъ году, оправдись, увеличилось и число браковъ на 19,000 или на 4%. Но вотъ наступаетъ крымская война, и число браковъ уменьшается ежегодно, такъ что въ теченіе 1854 и 55 годовъ они уменьшились противъ 1853 г. на 135,000. За тѣмъ, съ заключеніемъ мира начинается въ 1856 новое приращеніе браковъ т. е. земледѣльческое населеніе пополняетъ убыли въ семействахъ и восстанавливаетъ въ нихъ нормальное отношеніе экономическихъ производителей. Въ

Этихъ случаевъ происходить у людей то же самое, что произойдетъ въ муравейникѣ, если помѣшать въ немъ палкой. Общественный порядокъ нарушенъ, каждый сдвинуть съ своего мѣста и не знаетъ, въ недоумѣніи, за что ему приняться, — работа остановилась. Но вотъ палка вынута, и всякій муравей спѣшитъ возстановить нарушенный экономическій порядокъ. Люди поступаютъ также, съ той только разницей, что въ жизни муравья нѣтъ такого удобнаго мѣрила, какъ у людей, для опредѣленія всѣхъ нарушеній экономическихъ отношеній. Этимъ мѣриломъ служить у насъ бракъ, и потому-то на числѣ браковъ отражается всякое колебаніе общественнаго порядка.

Послѣднее обстоятельство подтверждается лучше всего разницей въ числѣ браковъ между лютеранами и католиками. Дитераци вычислилъ, что въ 1849 году, когда во всей Пруссіи приходилось по среднему выводу одно бракосочетаніе на 109 жителей, въ частности по вѣроисповѣданіямъ было: у евангелистовъ 1 на 107, у католиковъ 1 на 111, у меконитовъ 1 на 130 и у евреевъ 1 на 174 жителя. Впослѣдствіи въ этихъ цифрахъ произошли слѣдующія измѣненія:

	Евангелисты	Католики.	Мекониты.	Еврей.
Въ 1852 г. 1 бракъ на	114 жит.	125	143	121
„ 1855 „ 1 „	126 „	136	174	132

Хотя число браковъ уменьшилось у всѣхъ, но у евангелистовъ оно все-таки больше, чѣмъ у католиковъ. Причину этого видятъ въ томъ, что у католиковъ разводъ допускается съ большими затрудненіями, слѣдовательно люди осторожны избѣгаютъ брака, какъ рискованной вещи. Впрочемъ приведенное выше отношеніе числа протестантскихъ и католическихъ браковъ не во всѣхъ странахъ остается въ той же пропорціи. Замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ протестантскіе и католическіе подданные пользуются совершенно одинаковыми правами — юридически и фактически, какъ напр. въ Пруссіи, тамъ протестанты вступаютъ чаще въ бракъ, чѣмъ католики, что и видно въ приведенныхъ выше цифрахъ; тогда какъ напр. въ Австріи, въ періодъ 1834—43 г. у католиковъ приходилось среднимъ числомъ 1 бракосочетаніе на 112—123 ж. а у протестантовъ напротивъ 1 на 126 до 130 человѣкъ; въ Баваріи у протестантовъ 1 бракъ на 156 ж., а у католиковъ 1 на 146—150.

Религіозная нетерпимость, поддерживаемая обыкновенно учреждениями страны, мѣшаетъ тоже свободѣ браковъ и изолируетъ людей въ религіозныя корпораціи. Чтобы не останавливаться на

нрелких фактахъ смѣшанныхъ браковъ между протестантами и католиками, я приведу одинъ болѣе рѣзкій и потому болѣе поучительный. Въ Гамбургѣ разрѣшены закономъ браки даже между христіанами и евреями и съ 1852—1859 года было заключено 92 подобныхъ смѣшанныхъ брака; въ 54 случаяхъ мужъ былъ моисеева закона, а въ 38 жена, въ 19 случаяхъ было выговорено воспитаніе дѣтей въ іудейской вѣрѣ, при чемъ въ 17 матери были христіанки и только въ двухъ еврейки.

III.

Нѣкоторые государства отличаются особенной плодovitостью внѣ-брачныхъ рожденій. Такъ напр. въ Мекленбургѣ-Шверинѣ одинъ незаконнорожденный приходился:

въ 1815 году на 12,9 рожденій		
1824	10,3	—
1837	7,0	—
1846	5,4	—
1851	4,5	—
1855	5,1	—
1856	5,1	—
1857	5,2	—
1858	4,9	—
1859	4,8	—
1860	4,8	—
1861	4,7	—

Самое наибольшее число внѣ-брачныхъ рожденій было въ 1851 году, когда въ 260 мѣстахъ ихъ было $\frac{1}{3}$, въ 209 мѣстахъ $\frac{1}{2}$ и болѣе, а въ 79 всѣ рожденія были внѣ брака. Причину этого видятъ въ устарѣвшемъ законодательствѣ о бракѣ, переселеніи и водвореніи. Стѣсненіе личной свободы такими же устарѣвшими постановленіями въ Мекленбургѣ-Стрелицѣ привело къ подобнымъ же результатамъ: браки заключаются въ немъ рѣдко, а внѣ-брачныхъ рожденій еще больше, чѣмъ въ Мекленбургѣ-Шверинѣ.

Баварія отличается подобной же плодovitостью внѣ-брачныхъ рожденій. Въ 1850—51 г., изъ 162,999 родившихся, 35,000 было незаконныхъ или 1 изъ 4,65, въ частности же во многихъ мѣстахъ отношеніе было еще неблагопріятнѣе, и доходило до 1 внѣ-брачнаго рожденія на 3,69; что же касается до столицы королевства — Мюнхена, то въ немъ незаконныхъ рожденій было вдвое болѣе, чѣмъ законныхъ.

Въ Пруссіи отношенія нѣсколько благопріятнѣе, такъ что есть даже округа образцовыя по своему цѣломудрію; но за то есть и такія мѣстности, какъ Кеннгсбергъ, Бреславль, гдѣ одно незаконное дитя приходится на 4,52 и 4,76 рожденій.

Австрія составила себѣ уже давно репутацію страны съ свободными правами, а потому въ ней, разумѣется, нужно ожидать большое число внѣ-брачныхъ рожденій. Во всемъ государствѣ родится ихъ ежегодно около 120,000; а въ Вѣнѣ изъ 22,000 рожденій—10,800 незаконныхъ; т. е. изъ двухъ дѣтей одно незаконное. Другіе католическіе города Австріи не отстаютъ отъ своей столицы; такъ въ Линцѣ 1 незаконное дитя приходится на 2,9 рожденія, въ Грацѣ на 1,6, въ Инспрукѣ на 3,2, въ Прагѣ на 2,5, въ Лембергѣ на 2,4 т. е. среднимъ числомъ такъ же, какъ и въ Вѣнѣ изъ двухъ дѣтей одно незаконное. Въ уѣздахъ т. е. въ сельскомъ населеніи число незаконныхъ рожденій вообще гораздо меньше, чѣмъ въ городахъ, такъ напр. въ то время, когда въ Вѣнѣ приходилось одно незаконное рожденіе на 2,14 вообще, въ нижней Австріи ихъ было 1 на 6,55, а въ Банатѣ 1 на 52,31.

За то Франція оказывается гораздо скромнѣе, чѣмъ съ ней думаютъ, благодаря вседой парижской жизни. Число незаконныхъ дѣтей во Франціи составляетъ въ годъ около 70,000; въ 1858 г. приходился одинъ незаконный на 13,12 рожденій, тогда какъ въ Австріи приходится среднимъ числомъ 1 на 11,70, а въ Пруссіи 1 на 10,82.

Въ Англіи и въ Уэльсѣ въ 1856 году было 42,661 свободныхъ рожденій или 1 на 15 всѣхъ рожденій; самое большое число незаконныхъ дѣтей приходилось на Лондонъ и его предѣлы, гдѣ число ихъ составляло 1 на 4 съ небольшою дробью. Впрочемъ эти цифры выше дѣйствительныхъ, потому что въ Англіи гражданскіе списки ведутся весьма неудовлетворительно и слѣдовательно много незаконныхъ рожденій не записывается въ книги.

На счетъ Россіи сказать ничего не могу, потому что не имѣю подъ руками никакихъ данныхъ по этому предмету. Впрочемъ, судя по многимъ фактамъ, есть полное основаніе предполагать, что въ этомъ отношеніи мы стоимъ вѣроятно не ниже передовыхъ цивилизованныхъ народовъ Европы.

Такимъ образомъ на 263 м. христіанскаго населенія Европы можно положить ежегодно до 900,000 дѣтей, поставленныхъ внѣ закона брака. Разумѣется, за полную достовѣрность этой цифры ручаться нельзя, но во всякомъ случаѣ она ниже дѣйствительной, такъ что не было бы большой ошибки принять ее и въ

милліонъ. Понятно, что въ цѣрѣ незаконныхъ считаются только дѣти, родившіяся внѣ брака; всѣ же дѣти замужнихъ женщинъ, кого бы онѣ не имѣли своими отцами, статистика включаетъ въ графу законныхъ. Поэтому читатель, захотѣвшій по числу незаконныхъ дѣтей судить о нравственности европейскаго населенія, пришелъ бы къ весьма ошибочному заключенію.

Тѣ же моралисты, полагаютъ, что увеличенію незаконныхъ рожденій способствуютъ воспитательные и родильные дома. Имъ кажется, что съ учрежденіемъ подобныхъ заведеній ослабляется также и чистота супружеской жизни и плодovitость браковъ.

Но статистическія данныя не говорятъ ровно ничего въ пользу нѣвія моралистовъ; изъ нихъ видно только, что число пріемышей увеличилось въ воспитательныхъ домахъ, но не видно, что увеличилось число внѣбрачныхъ рожденій; извѣстно, что учрежденіе больницъ привлекаетъ въ нихъ больныхъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они увеличивали число больныхъ вообще. Причина внѣбрачныхъ рожденій лежитъ нѣсколько глубже. Извѣстно, что внѣбрачныя дѣти рождаются преимущественно въ городахъ и въ промышленныхъ мѣстностяхъ; въ деревняхъ эти дѣломъ занимаютъ значительно слабѣе. Поэтому же, по мѣрѣ увеличенія населеній городовъ, что въ послѣднее время совершается въ Европѣ съ особенной быстротой, увеличивается и число дѣтей рождаемыхъ внѣ брака. Матерями ихъ бываютъ горничныя, кухарки, фабричныя работницы т. е. всѣ холостыя, безсемейныя женщины, привлеченныя въ города и промышленныя мѣстности изъ деревень, надеждой на лучшій заработокъ, или городскія женщины, не вышедшія замужъ. Такимъ образомъ незаконныхъ дѣтей производятъ женщины незамужнія; слѣдовательно, чтобы не было такихъ дѣтей, нужно, чтобы всѣ женщины выходили замужъ. Ну, а возможно ли это? Разумѣется, нѣтъ при теперешнихъ экономическихъ отношеніяхъ и при другихъ причинахъ, стѣсняющихъ браки. Въ числѣ этихъ причинъ главные въ томъ, что семейную прислугу берутъ неохотно или даже и совсѣмъ не берутъ, и что военнымъ чинамъ хотя и не запрещено жениться вовсе, но бракъ такъ стѣсняется, что это стѣсненіе равносильно запрещенію. И это повсемѣстно. Понятно, что если существуетъ два такихъ элемента, то число внѣбрачныхъ дѣтей должно быть весьма велико. Возьмемъ въ примѣръ Петербургъ. Принимая по меньшей мѣрѣ, что въ Петербургѣ приходится на 10 человекъ одна женская прислуга и что пятая часть изъ нихъ замужнихъ остается за тѣмъ до 50,000 холостыхъ женщинъ, которыя даже

при весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ способны произвести въ годъ 20,000 дѣтей. Пусть моралисты уничтожатъ причины, мѣшающія людямъ составлять независимыя, самостоятельныя хозяйства, тогда исчезнуть и виѣбрачныя связи; а слѣдовательно не будетъ и виѣбрачныхъ дѣтей; а до тѣхъ поръ совершенно бесполезно принимать на себя негодующій видъ и оплакивать упадокъ чистоты нравовъ, или заявлять желаніе о закрытіи воспитательныхъ домовъ.

Воспитательные и родильные дома, разумѣется, лучшее, что можно придумать при теперешнемъ порядкѣ дѣлъ. Дѣвушка, увѣренная, что есть гдѣ разрѣшиться отъ бремени, ждетъ спокойно приближенія минуты родовъ, точно также, если есть воспитательные дома, то ее не пугаетъ мысль, какъ ей устроиться потомъ съ ребенкомъ. Если же нѣтъ ни того, ни другаго, то положеніе беременной дѣвушки очень и очень печально. Родить тамъ, гдѣ она служить нельзя; нужно отказаться отъ мѣста и пріискать квартиру; хорошо, если есть для того средства, есть деньги, необходимые на равные расходы при родахъ; а когда ихъ нѣтъ? Потомъ, куда дѣтъ ребенка? Идти съ нимъ въ услуженіе? — никто не возьметъ; жить на отдѣльной квартирѣ? — нѣтъ денегъ. Ясно, что при невозможности разрѣшить эти вопросы выгоднымъ образомъ, приходится обращаться къ отчаяннымъ средствамъ. Вотъ почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ воспитательныхъ домовъ такъ обыкновенны преступленія. Во Франціи, когда уменьшали число воспитательныхъ пріютовъ, сейчасъ же увеличились дѣтубійства и мертвые рожденія. Въ Австріи число мертворожденныхъ виѣбрачныхъ дѣтей меньше чѣмъ въ остальной Германіи, благодаря только воспитательнымъ домамъ.

Слѣдовательно воспитательные дома чистое благодѣяніе, и нужно желать, чтобы каждый городъ имѣлъ подобное учрежденіе. Виѣсть съ тѣмъ не мѣшало бы, чтобы моралисты придумали средство заставить отцовъ платить свою часть на содержаніе своего ребенка. Это уменьшило бы ту безнравственность отношеній, которая увеличивается съ годами и въ которой мужнина играетъ довольно низкую роль. Вотъ противъ нихъ-то и нужно бы принять мѣры установленіемъ какихъ нибудь гражданскихъ обязательствъ на извѣстные сроки и съ извѣстными обезпеченіями. Нѣчто подобное существуетъ въ Пруссіи и въ другихъ государствахъ Германіи, гдѣ мать виѣбрачнаго дитяти можетъ требовать отъ его отца извѣстной доли на содержаніе ребенка. Эту мѣру нѣмцы придумали съ цѣлью уменьшенія числа не-

законныхъ рожденій и были весьма огорчены, что незаконныя рожденія не уменьшились. Такъ Пруссія, въ которой въ западныхъ, рейнскихъ провинціяхъ, малое число вѣнбачныхъ рожденій приписывалось именно подобному постановленію, издали такой же законъ и для старыхъ прусскихъ провинцій; но увы! нагъ разъ съ этого времени т. е. съ 1854 года число незаконныхъ рожденій увеличилось, а именно: въ періодъ 1849—51 г. ихъ было 146,59½ или 1 на 11,78 всѣхъ рожденій, а въ періодъ 1858—60 т. е. послѣ изданія закона 171,027 или 1 на 10,82 рожденій. Впрочемъ оно и не могло быть иначе. Пруссаки хотѣли заставить женщинъ производить менѣе дѣтей любви, и чтобы достигнуть этой цѣли они объявили всѣмъ дѣвушкамъ: „смотрите, дѣвушки, если у васъ родятся дѣти, то ихъ должны будутъ содержать отцы“. Понятно, что дѣвушки обрадовались такому разрѣшенію и видя, что дѣти ихъ не будутъ, какъ прежде, несчастными плодами обманутой любви, а напротивъ будутъ обезпечены извѣстнымъ содержаніемъ, сдѣлались разумѣется, менѣе строги; ну а про холостыхъ мужчинъ и говорить нечего. По видимому, невѣроятно, чтобы таковой осмотрительный народъ, какъ пруссаки, могъ бы не сообразить подобной простой вещи, а между тѣмъ это такъ, и на дѣлѣ вышелъ порядочный *скандалъ* прусской сообразительности. Мѣра эта во всякомъ случаѣ прекрасная, только не для той цѣли, для которой ее придумали.

Хотя холостые мужчины и женщины производятъ порядочную массу дѣтей, но главная заслуга въ дѣторожденіи принадлежитъ все-таки людямъ женатымъ. Въ какой степени выигрываетъ отъ нихъ народонаселеніе Европы покажутъ слѣдующія цифры.

Въ Европѣ замѣчается теперь вообще уменьшеніе плодовитости супруговъ. Вотъ нѣсколько фактовъ:

Въ Боденскомъ герцогствѣ въ 1821 г. на 1,072,000 жителей приходилось 41,128 рожденій, или 1 на 26,08 жителей; а въ 1858 году на 1,325,000 жителей 46,332 рожд. или 1 на 28,61 жит. Въ этомъ числѣ мальчики составляютъ 51,37 процента.

Въ Саксоніи въ 1847—51 г. приходилось среднимъ числомъ на 1,901,000 жит. 66,838 закон. рожденій, а въ 1852—56 на 2,041,000 жит. 68,081 рожденій. Такимъ образомъ народонаселеніе увеличилось на 6,33%, а рожденія только на 1,86%. Въ этомъ числѣ мальчики составляли около 51,5%. Въ Пруссіи, гдѣ въ періодѣ 1816—20 г. приходилось среднимъ числомъ 1 рожденіе на 23,03 жит. въ 1851—60 оно упало до 1 на 25,55. Въ 1859 г. въ

Пруссія родилось законныхъ дѣтей 676,636 и въ томъ числѣ мальчиковъ 51,40%.

Въ Австріи въ 1851 г. на 33 м. ж. было 1,261,000 закон. рожденій или 1 на 23 жит.; а въ 1858 г. на 34,700,000 ж. 1,290,000 рожденій или 1 на 24,7 жит. Мальчики составляли тоже. 51,50%.

Во Франціи уменьшеніе плодовитости браковъ еще поразительнѣе. Въ 1782 г. въ ней считалось 975,000 рожденій, въ 1846—50 г. среднимъ числомъ 949,000, а въ 1851—55 г. только 940,000. Такимъ образомъ 24 миллионное населеніе Франціи прошедшаго столѣтія было плодовитѣе сѣ нынѣшняго 36 миллионнаго. Тогда приходилось одно рожденіе на 25 человѣкъ, а теперь на 33. Мальчиковъ и во Франціи рождается болѣе, чѣмъ дѣвочекъ на 51,60%.

Въ Англіи и въ Уэльсѣ родилось въ 1856 г. въ бракѣ: 813,876 мальчиковъ и 300,916 дѣвочекъ т. е. первыхъ 51%.

Россія плодовитостью рожденій опередила Западную Европу. Тогда какъ у нѣмцевъ и французовъ 1 рожденіе приходится на 24—38 жителей (минимумъ и максимумъ) у насъ приходилось

	въ 1855	1856	1857	1858
--	---------	------	------	------

одно рожденіе на	20,76 жит.	21,63	19,89	19,50
------------------	------------	-------	-------	-------

или другими цифрами: въ 1857 г. родилось у насъ 2,660,772 ч., въ 1858 году 2,756,128. Эти цифры относятся только до православнаго населенія, и если онѣ вѣрны—что сомнительно—то плодовитость русскаго человѣка дѣйствительно баснословна. Впрочемъ, какъ мы увидимъ дальше, съ болѣею плодовитостію связана всегда огромная смертность.

Такимъ образомъ 263 м. христіанскаго населенія Европы производятъ ежегодно 9,406,000 дѣтей въ бракѣ и 1,000,000 продуктовъ любви. Въ числѣ первыхъ родится 4,844,000 мальчиковъ, въ числѣ вторыхъ мальчиковъ 515,000. Всего же родится 10,400,000 дѣтей, и въ томъ числѣ мальчиковъ 5,359,000 и дѣвочекъ 5,041,000; слѣдовательно среднимъ числомъ: каждый день—28,493, каждый часъ 1198 и въ каждую минуту—20 дѣтей.

IV.

Хуже всего живется дѣтямъ любви. Общественный порядокъ преслѣдуетъ ихъ еще въ утробѣ матери, и многія изъ женщинъ думаютъ не о томъ, какъ бы сохранить дитя, а о томъ, какъ бы отъ него избавиться.

Тѣ изъ вѣнчаныхъ, кому удалось явиться въ свѣтъ живымъ,

рискуеть умереть гораздо ранѣе, чѣмъ дѣти родившіяся въ семействахъ. По даннымъ за 1851 годъ въ Австріи умерло дѣтей:

	брачныхъ		внѣбрачныхъ	
	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.
въ первый мѣсяцъ —	61,980	46,806	8,705	7,567
отъ 1 до 2 — —	13,407	10,825	2,566	2,292
— 2 — 3 — —	10,336	8,284	4,896	4,764
— 3 — 6 — —	18,656	14,859	2,927	2,617
— 6 — 9 — —	13,243	11,197	4,456	4,431
— 9 — 12 — —	15,036	13,903	1,333	1,401
— 12 — 18 — —	17,299	16,071	1,591	1,593
— 18 — 24 — —	13,346	13,200	975	1,028
— 2 — 3 лѣтъ —	15,512	14,448	984	1,055
— 3 — 4 — —	9,325	9,007	516	585
— 4 — 5 — —	8,053	7,346	405	489
Всего въ 5 лѣтъ:	496,493	466,343	23,384	21,849

Такимъ образомъ изъ 1000 дѣтей умерло въ первомъ году:

законныхъ: мальчиковъ 248, дѣвочекъ 212, всего 460

незаконныхъ: мальчиковъ 361, дѣвочекъ 342, всего 703.

Такимъ образомъ незаконныя дѣти мрутъ почти третью часть, чѣмъ законныя.

Еще интереснѣе французскія данныя за 1860 годъ. Подкидышей отъ 1 до 12 лѣтъ считалось въ воспитательныхъ домахъ 121,916, и старше 12 лѣтъ 58,281. Ежегодно подкидывается 25,000 дѣтей, и изъ нихъ только около 3,000 берутся назадъ родителями. Изъ остальныхъ 22,000 достигаютъ 12 лѣтъ лишь 6,000 дѣтей; слѣдовательно почти три четверти умираетъ ранѣе! Десять процентовъ изъ числа взрослыхъ подкидышей поступаютъ въ исправительныя заведенія и въ каторжную работу. И этотъ процентъ не дуренъ! Слѣдовательно уже съ перваго дня рожденія ребенку, явившемуся внѣ семьи, кромѣ преждевременной смерти, облегчается значительно путь въ тюрьму и въ каторжную работу, и такихъ дѣтей родится въ Европѣ ежегодно около милліона!—Уголовнымъ судьямъ Европы не мѣшало бы пораскинуть мозгами, да сообразить всѣ эти факты;

Въ приведенныхъ выше цифрахъ читатель могъ замѣтить, что въ числѣ какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ дѣтей перевѣсъ въ умершихъ приходится на долю мальчиковъ. Это обстоятельство повторяется повсюду, даже въ числѣ мертворожденныхъ мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ; такъ что напримѣръ въ Пруссіи, число мертвыхъ мальчиковъ составляетъ 57⁰/₁₀₀ общаго числа мертвыхъ рожденій, или изъ 31,118, родившихся мертвыми въ

1859—60 году, мальчиковъ было 17,740, а дѣвочекъ только 13,378. Въ Австріи число мертворожденныхъ мальчиковъ еще больше. По средней сложности съ 1851—58 г. они составляли 27,57%; это значить, что изъ 20,637 мертвыхъ младенцевъ въ годъ, мальчиковъ приходилось 11,800.

Во Франціи, по вычисленіямъ Легуа, въ 1854 г. изъ числа 39,778 мертворожденныхъ мальчики составляли 59,20% или 23,544, тогда какъ дѣвочки только 16,234. Такимъ образомъ на 100 мертвыхъ дѣвочекъ приходилось 145 мертвыхъ мальчиковъ. Изъ 10,000 родившихся живыми умерло въ первомъ году: 1844 мальчика и только 1507 дѣвочекъ, изъ оставшихся 8156 мальчиковъ умерло въ слѣдующіе три года еще 1078, а изъ 8493 дѣвочекъ — 1046. Такимъ образомъ въ три года мальчиковъ умерло больше, чѣмъ дѣвочекъ 369. За тѣмъ въ слѣдующіе года изъ этихъ 10,000 умирало:

		мужеск. женск.				мужеск. женск.	
		пола.				пола.	
съ	2 до 4 лѣтъ	1078	1046	съ 41 — 50 лѣтъ	729	708	
—	15 — 20 —	303	340	— 51 — 60 —	993	955	
—	21 — 25 —	536	340	— 61 — 70 —	1087	1333	
—	26 — 30 —	364	333	— 71 — 80 —	1231	1373	
—	31 — 40 —	364	679	— 81 — 90 —	470	627	
				— 91 — 100 —	48	70.	

Изъ этого видно, что наибольшая смертность бываетъ въ первомъ году, а потомъ до 5 лѣтъ, и что мужчины умираютъ значительно сильнѣе женщинъ почти во всѣхъ возрастахъ. У женщинъ бываетъ только два опасныхъ періода: отъ 10 — 14 или пора зрѣлости и отъ 25 — 40 лѣтъ, когда имъ предстоитъ опасность смерти въ родахъ; самое же опасное для женщинъ время есть такъ называемый критическій періодъ, наступающій у нихъ около 40 лѣтъ. Въ этомъ только возрастѣ женщины умираютъ особенно сильнѣе мужчинъ; за тѣмъ женщинъ умираетъ больше послѣ 60 лѣтъ. Для мужчинъ же самое опасное время пора силы и возмужалости; для французовъ это время по таблицамъ Легуа совпадаетъ съ 21 — 25 лѣт. возрастомъ.

Хотя съ подобными вычисленіями слѣдуетъ обращаться деликатно, но тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманія и довѣрія, потому что ихъ извлекаютъ всегда изъ весьма большаго ряда цифръ. Слѣдовательно, какъ основанныя на фактахъ, они даютъ весьма близкое понятіе объ обстоятельствахъ, благоприятствующихъ въ каждой странѣ большей или меньшей смертности. Буденъ на основаніи данныхъ за 1840 — 42 г. составилъ слѣдую-

щую сравнительную таблицу, показывающую число смертных случаевъ въ разныхъ государствахъ:

во Франціи	23,97	смерт. сл. въ г. на 1000 ж. или 1 сл. на 42 жит.
въ Авліи	22,07	— — — — — 1 — 45 —
въ Пруссіи	26,58	— — — — — 1 — 38 —
въ Австріи	29,95	— — — — — 1 — 33 —
въ Россіи	35,90	— — — — — 1 — 28 —

Изъ этого видно, что въ Россіи, во время вычисленія Будена, было наибольшее число смертныхъ случаевъ; а какъ съ тѣхъ поръ у насъ не произошло никакихъ особыхъ переменъ въ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на народное здоровье и жизнь, а если бы и произошли, то въ Западной Европѣ онѣ произошли и подавно, то и есть полное основаніе предполагать, что и нынче въ отношеніи числа смертныхъ случаевъ мы занимаемъ не болѣе высокое мѣсто. Впрочемъ, дальше мы увидимъ, что эти цифры выше дѣйствительныхъ.

Въ томъ, что въ общемъ выводѣ Буденъ не ошибся, служатъ подтвержденіемъ слѣдующіе отдѣльные факты, доказывающіе крайнее колебаніе въ Россіи цифръ рожденій и смертности. У насъ, то вдругъ народятся въ какойнибудь годъ много людей, то вдругъ неожиданно перемрутъ они съ непонятной быстротой. Нѣкоторые года поразительны по размѣру смертности. Такъ въ 1813 г. родилось 1,099,406 ч., а умерло 1,102,146 т. е. на 12,740 человекъ болѣе противъ родившихся; въ 1848 году родилось 2,508,078 ч., а умерло 2,840,354 или на 332,276 болѣе родившихся. Въ Псковской епархіи въ 1845 г. родилось 26,402, а умерло 39,057; тамъ же въ 1846 г. родилось 19,453, умерло 41,040 ч., слѣдовательно, въ теченіи двухъ лѣтъ въ одной губерніи родилось 45,855 ч., а умерло 80,097 ч. или болѣе, чѣмъ родилось на 34,242 человекъ. Въ Тульской епархіи въ 1840 и 41 годахъ родилось 82,484 ч., а умерло 113,572 ч. болѣе на 31,088. Значитъ въ эти четыре года, кромѣ своей дѣтской поживы, смерть выхватила въ двухъ губерніяхъ изъ взрослога населенія, по крайней мѣрѣ, 100,000 человекъ. И это только вслѣдствіе одного мѣстнаго неурожая. Въ 1848 году заболѣло холерой 1,686,849 ч. и умерло 668,012; въ 1855 г. изъ 849,700 ч. заболѣвшихъ эпидеміями умерло отъ одной холеры 324,156 человекъ. Въ 14 лѣтъ, съ 1845 — 58, особенной смертностью отличались года 1845, 46, 47, 48, 1853, 54, 55, 56 и 1858 т. е. 9 изъ 14, слѣдовавшіе почти непрерывно одинъ за другимъ.

При значительно большей рождаемости, чѣмъ на Западѣ, у

насъ значительно больше и смертность. Такъ по среднему выводу за 10 лѣтъ, съ 1849 по 1858 г., на 10,000 умирающихъ православнаго исповѣданія приходится 5,454 недостигшихъ пяти лѣтъ; а въ 1858 г. даже 5,902. Подобной громадной дѣтской смертности нѣтъ нигдѣ; а эти цифры считаются еще ниже дѣйствительныхъ. Въ 1858 г. умерло православныхъ 1,925,781 ч., въ нихъ дѣтей до 5-ти лѣтняго возраста 1,134,237, или 58,9% всего числа умершихъ. Во Франціи въ 1851 г. въ числѣ 795,564 умершихъ было до 5-ти лѣтъ—234,905 ч. или 29,7% т. е. въ половину меньше, чѣмъ у насъ. Но отношеніе будетъ еще неблагоприятнѣе, если взять пропорцію ко всему числу жителей, (пользуясь выводами г. Корсака. Кольбъ). Во Франціи при населеніи въ 36 милл. дѣти моложе 5 лѣтъ составляютъ 9,3% всего числа жителей, слѣдовательно, умираетъ одно дитя на 14,5 всѣхъ жителей. Если же принять такую пропорцію дѣтей и у насъ, то по отношенію къ 53,760,000 православнымъ, дѣтская смертность будетъ, какъ 1 на 4,4 или въ $3\frac{3}{4}$ раза болѣе, чѣмъ во Франціи. Въ пору развитія силъ, считая это время отъ 5 до 60 лѣтъ, у насъ умираетъ тоже гораздо больше народу именно 73,3% всего числа умирающихъ; тогда какъ во Франціи только 52,6%. Поэтому до старости доживаетъ у насъ гораздо меньше людей, и старики вообще рѣже, чѣмъ во Франціи.

Вѣроятность этихъ выводовъ дѣлается совершенно несомнѣнной, если обратимъ вниманіе на неразвитость экономическаго быта, образъ жизни и низкій уровень понятій нашего простонародья. Житейскимъ случаямъ открыто у насъ обширное поле. Особенно разрушительно должна дѣйствовать нездоровая русская пища на нѣжный дѣтскій организмъ, въ томъ его возрастѣ, когда именно и нужны возможно большія матеріальныя удобства. А ихъ-то ребенокъ, и не имѣетъ. Взрослые тоже не закаляются отъ своего спартанскаго образа жизни, и года эпидемій доказали, насколько именно этотъ образъ жизни способствуетъ смертности. Недолговѣчность, являющаяся вслѣдствіе своеобразной пищи и всего матеріальнаго быта, усиливается еще внѣшними случайными особенностями, какъ неурожай, эпидеміи, дѣйствующіе на наше народонаселеніе съ поражающей силой, именно вслѣдствіе народныхъ привычекъ и бѣдности. Неумѣренность въ употребленіи вина увеличиваетъ не мало смертность и мѣшаетъ людямъ достигать старости. Дитераци вычислили, основываясь на болшемъ рядѣ годовъ, что на каждыя 10,000

ежегодно родится: христіанъ 400, евреевъ 355-
 ежегодно умираетъ: христіанъ 296, евреевъ 216.
 избытокъ рожденій составляетъ: у христіанъ 104, у евреевъ 139.

Такимъ образомъ, не смотря на значительное большее число рожденій у христіанъ, избытокъ въ населеніи евреевъ оказывается гораздо больше и происходитъ это только потому, что евреи умираютъ въ меньшемъ числѣ. Кромѣ того меньшая смертность евреевъ замѣчается рѣшительно во всѣхъ возрастахъ, начиная съ одного года и заходя за 70 лѣтъ, и отъ этого между евреями гораздо больше людей достигающихъ глубокой старости, чѣмъ у христіанъ. Причину этого Дитераци видитъ исключительно въ умѣренномъ употребленіи спиртуозныхъ напитковъ. Пьяный еврей есть очень рѣдкое явленіе, тогда какъ у христіанъ это нѣсколько иначе. Даже многіе, вообще порядочные изъ простолюдиновъ, въ старости нерѣдко предаются излишеству въ винѣ. Въ пору развитія жизни, при трудѣ и хорошей пищѣ, водка, бывшая во многихъ случаяхъ полезной и необходимой, становится въ старости излишней и вредной, и только сокращаетъ жизнь. Замѣчаніе Дитераци относится къ пруссакамъ, вообще довольно умѣреннымъ, у которыхъ больше въ употребленіи пиво, чѣмъ водка. Но если это замѣчаніе перенести на Россію, гдѣ водка составляетъ любимѣйшій напитокъ, гдѣ запой и смерть въ пьяномъ видѣ вещь совершенно обыкновенная, и гдѣ люди, приближающіеся къ старости, занимаются питьемъ съ особенной любовью, то нужно будетъ согласиться, что водка коситъ у насъ порядочную жатву жизни, какой ей не удастся сдѣлать ни у одного другаго христіанскаго народа.

Распредѣляя по поламъ смерть, и у насъ, какъ вездѣ, беремъ больше мужчинъ, вслѣдствіе чего и оказывается перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ. Это относится только вообще къ населенію европейской Россіи, потому что въ частности есть много губерній, гдѣ мужское населеніе больше женскаго. Такъ въ городахъ всегда больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Самое невыгодное отношеніе между мужскимъ и женскимъ населеніемъ представляетъ петербургская губернія, гдѣ на 100 мужчинъ приходится только 71 женщина, что происходитъ отъ постоянного скопленія войска. Въ ярославской губерніи, напротивъ, на 100 мужчинъ приходится 115 женщинъ. Не смотря на эти частныя колебанія, въ 1858 г. въ европейской Россіи (безъ Финляндіи и Польши) женщинъ было болѣе противъ мужчинъ на 596,874; въ томъ же году въ Пруссіи ихъ считалось болѣе на 65,889; во Франціи

въ 1855 г. на 299,024; въ Таможенномъ Союзѣ, въ томъ же году, на 348,637; а въ Великобританіи, по послѣдней переписи, болѣе на 704,872.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что мужчинъ родится гораздо больше, чѣмъ женщинъ, женское населеніе не только больше мужскаго, но и отличается большей долговѣчностью. Было бы ошибочно думать, что мужчинамъ на роду написано выживать гораздо сильнѣе. Правда, между мертворожденными мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ; въ дѣтскомъ возрастѣ мальчики мрутъ тоже сильнѣе; но не въ этомъ причина частаго перевѣса женскаго населенія. Сильная смертность мужчинъ происходитъ преимущественно отъ ихъ занятій, болѣе истощающихъ и нервѣдно весьма вредныхъ для здоровья; далѣе, отъ разныхъ житейскихъ излишествъ и пьянства, которымъ женщины менѣе предаются; потомъ отъ войны, военной службы и переселеній, которыя удаляли изъ Англіи съ 1843 по 1858 годъ 3,476,232 чел., а изъ Германіи, съ 1837 г., 2,607,605, и въ этомъ числѣ мужчины составляютъ громаднѣйшее большинство. Гдѣ всѣ эти обстоятельства дѣйствуютъ въ слабѣйшей степени, тамъ въ мужескомъ и женскомъ населеніи замѣчается совсѣмъ иное отношеніе. Любопытный примѣръ этого рода представляетъ Бельгія. Въ ней въ послѣднее время не знали ни войнъ, ни значительныхъ переселеній, и страна жила спокойно. Результатъ этого указался вотъ какой: по переписи 1829 года въ странѣ считалось женщинъ болѣе на 37,370; а въ 1856 г. оказалось больше мужчинъ на 14,105 человекъ. Слѣдовательно нужно полагать, что если и другія страны будутъ беречь мужскую силу, то мужское населеніе ужъ никакъ не будетъ меньше женскаго, а если это случится, то народамъ будетъ выгоднѣе, потому что мужской трудъ прибыльнѣе женскаго.

Что культура и улучшение быта имѣютъ огромное вліяніе на уменьшеніе смертности и на продолжительность жизни, читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Лондонѣ, изъ 10,000 человекъ умирало ежегодно: въ XVII столѣтіи—421; въ XVIII—355; въ XIX—249. Во Франціи, изъ таковаго же числа людей, умирало, сто лѣтъ назадъ, въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ 147 человекъ, а нынче только 107; въ возрастѣ между 30—40 годами умирало тогда 215, а теперь 97 человекъ. Въ XVI столѣтіи въ Женевѣ умирало дѣтей въ первомъ году болѣе, нежели умираетъ ихъ теперь въ первые десять лѣтъ. Сороколѣтняго возраста достигала въ Женевѣ въ XVI столѣтіи только пятая

часть людей, тогда какъ теперь достигаетъ его половина. Нынче до 70 лѣтъ достигаетъ больше людей, чѣмъ тогда до 40.

Но эти благоприятныя разницы, заключаемыя въ большой промежутокъ времени, едва замѣтны въ короткій срокъ, и хотя вообще улучшение экономическаго быта создаетъ и экономію въ здоровьи и въ жизни людей, но тѣмъ не менѣе въ частности по отдѣльнымъ годамъ смертность представляетъ весьма сильныя колебанія. И здѣсь замѣчается то же, что и въ исторической жизни—прогрессъ общій несомнѣненъ и постоянно идетъ впередъ, но въ частности, въ отдѣльные періоды, нерѣдко является и регрессъ. Напримѣръ, во Франціи смертность въ послѣднее время колебалась слѣдующимъ образомъ:

въ періодъ 1886—40 г. сред. чис. умир. въ годъ	799,817	или 1 пзъ	42,35	жит.
— 1841—43 г. — — — —	783,873	— 1 —	44,29	—
— 1846—50 г. — — — —	848,348	— 1 —	41,97	—
— 1651—35 г. — — — —	870,670	— 1 —	39,67	—
— 1836 г. — — — —	833,017	— 1 —	43,36	—

Колебанія чрезвычайно сильныя, особенно въ періодъ 1851—55 года, когда выдались для Франціи два особенно смертныхъ года—1854: годъ войны, дороговизны и холеры поглотившей 992,779 жителей, и 1855—годъ войны, въ который умерло 936,833 чел.

Въ Австріи встрѣчаются подобныя же рѣзкія колебанія:

годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.	годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.
1851	1,052,824	1 на 31,34	1855	1,543,608	1 на 21,97
1852	1,079,927	1 „ 30,77	1856	1,092,888	1 „ 31,25
1853	1,179,455	1 „ 28,37	1857	1,040,618	1 „ 33,03
1854	1,276,654	1 „ 26,79	2858	1,105,980	1 „ 31,39

Подобная неодинаковость смертности замѣчается не только изъ года въ годъ, но и въ теченіе одного года въ разныхъ мѣстностяхъ. Можно бы взять для этого въ примѣръ отдѣльныя провинціи Австріи, но какъ объ этой странѣ приведены общія среднія цифры, то я сдѣлаю указаніе на остальные государства Германіи. Такимъ образомъ свѣденія выиграютъ въ полнотѣ. Въ послѣднее время приходился 1 умершій на слѣдующее число жителей: въ Баваріи на 33,15; въ Саксоніи на 34,12; въ Пруссіи на 34,49; въ Баденѣ на 37,11; въ Нассау на 40,14; въ Любенѣ на 45,85; въ Франкфуртѣ на 50 человекъ и въ Швейцаріи на 41.

Совершенно такія же колебанія, хотя далеко менѣе благоприятныя для населенія, представляетъ смертность въ Россіи. У насъ умерло:

годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.	годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.
1848	2,840,354	1 на 18,91	1857	1,786,744	1 на 29,62
1855	2,248,658	1 „ 22,93	1858	1,925,781	1 „ 27,91
1856	1,923,409	1 „ 27,06			

Средняя же смертность за всё эти года составляла у насъ 1 на 22,72 жителя. Въ Австріи она = 1 на 28,29; во Франціи = 1 на 42,33; въ послѣдніе 15—20 лѣтъ изъ 10,000 умерло ежегодно среднимъ числомъ въ разныхъ государствахъ: въ Франкфуртѣ 200 человекъ, во Франціи 236 чел., въ Швейцаріи 244 чел., въ Пруссіи 289 чел., въ Саксоніи 293 чел., въ Баваріи 301 чел., въ Австріи 379 и въ Россіи 440 человекъ, или почти вдвое, чѣмъ во Франціи.

Этимъ можно бы и покончить наши выясненія смертности; но такой конецъ не удовлетворитъ читателя, желающаго непременно знать общій выводъ, тѣмъ болѣе, что расчетъ рожденій былъ уже сдѣланъ на все христіанское населеніе Европы. Принимая средній арифметическій выводъ изъ вышеприведенныхъ цифръ или 2,98‰, какъ общую единицу смертности, окажется, что ежегодно умираетъ въ Европѣ 7,837,400 человекъ и въ этомъ числѣ дѣтей отъ 1 до 5 лѣтъ, не меньше 40‰ или около 3,134,960; а какъ ежегодно рождалось 10,406,000 человекъ, то перевѣсъ родившихся надъ умершими составлялъ въ послѣднее время 2,569,000 человекъ, или годовое увеличеніе европейскаго христіанскаго населенія равнялось 0,97 процента.

V.

Вопросъ о причинахъ преждевременной смертности долженъ быть для всѣхъ одинаково важенъ и интересенъ. Не смотря, однако, на такую важность, вопросъ этотъ еще вообще мало обследованъ, и только въ новѣйшее время сталъ возбуждать особенное вниманіе статистиковъ, да и то въ немногихъ государствахъ. Поэтому понятно, что статистическія данныя о причинахъ смертности должны быть весьма не полны и годятся покаместъ только для общихъ соображеній. Особенный недостатокъ въ свѣденіяхъ подобнаго рода представляетъ статистика Россіи, хотя въ нашихъ больничныхъ спискахъ и отчетахъ есть всё необходимое для того данныя. Разумѣется, подобныя свѣденія не были бы вполне удовлетворительны, потому что огромное большинство людей умираетъ въ больницахъ, но и то немногое,

что есть, было бы все-таки лучше добродушнаго незнавія, въ которомъ мы пребываемъ по случаю своей умственной невинности. Впрочемъ, ради исторической истины, слѣдуетъ прибавить, что Лаппе-Детмольдъ, государство всего въ ладонь величиной, хотя имѣетъ тоже больницы и ведетъ въ нихъ списки больнымъ и умирающимъ, но тоже не считаетъ нужнымъ ихъ публиковать, и что такимъ же образомъ поступаютъ Ламбургъ, Нассау и многія другія германскія владѣнія. Слѣдовательно, если ужъ въ этихъ маленькихъ жилищахъ, гдѣ умираетъ въ годъ всего 2—3 человѣка, никто не знаетъ, отчего они умерли, то какого же труда стоитъ изслѣдовать и обнародовать это дѣло у насъ, когда число покойниковъ заходитъ въ годъ за два милліона. Это объясненіе было необходимо для того, чтобы читатель видѣлъ, почему онъ не встрѣтитъ дальше почти ни слова о Россіи.

Изъ германскихъ государствъ наиболѣе подробныя свѣденія о смертности имѣютъ въ Пруссіи и въ Саксоніи.

Въ Пруссіи одинъ смертный случай приходится:

	Въ 1821—30 г.		1851—60 г.	
	мущч.	женщ.	мущч.	женщ.
отъ старости на	294	270	347	291
— самоубійства на	6,959	32,582	5,027	21,571
по несчастію на	1,669	5,132	1,594	5,457
въ родахъ на	"	1,371	"	1,626
отъ оспы на	4,981	5,499	4,550	4,924
— водоболѣзни на	159,661	149,965	718,401	1,238,796
— внутреннихъ (стрыхъ) болѣзней на	143	168	116	130
— внутреннихъ хрониче- скихъ болѣзней на	91	96	91	96
— параллча, удушлеваго кятара, кровотеченія на	439	539	514	631
— внѣш. бол. на	1,545	1,897	1,922	2,180
— неизвѣст. бол. на	384	426	416	470
— родилось мерт. на	629	859	547	731

Въ этомъ спискѣ прежде всего замѣчается особенно выгодное положеніе женщины; въ каждой болѣзни ихъ умираетъ меньше, чѣмъ мужчинъ, и умираетъ ихъ меньше и въ общемъ итогѣ, не смотря на то, что у нихъ одной опасностью больше — родами. По расчету на 1859—60 г, одинъ случай смерти въ родахъ приходится: въ провинціи Пруссіи на 34,08 всѣхъ умершихъ женщинъ, въ Познани на 31,02, въ Брандербургѣ на 43,67, въ

Помераніи 33,89, въ Силезіи на 49,07, въ Саксоніи на 41,04, въ Вестфалии на 44,13, въ Рейнской провинціи на 42,97 и въ Гогенцолернѣ на 50,76. Слѣдовательно minimum составляетъ 1,39% общей женской смертности, именно въ Гогенцолернѣ, и maximum 3,22% въ Познани. Но въ родахъ женщины въ Пруссіи стали умирать въ послѣднее время менѣе, чѣмъ прежде; въ десятилѣтіе 1821—30 г. умирало въ родахъ среднимъ числомъ 2,69%, а въ 1851—60 г. только 2,19% изъ всего числа умеравшихъ женщннъ. Въ остальныхъ смертныхъ случаяхъ женщины умираютъ значительно менѣе мужчинъ: отъ самоубійства почти на 0,5%₀, отъ разныхъ несчастій на 1,5%₀, отъ острыхъ болѣзней ча почти на 1%₀, отъ паралича тоже на 1%₀, отъ внѣшнихъ болѣзней и поврежденій на 0,75%₀, а въ нѣкоторые года на 1%₀ отъ старости на 2%₀. Только въ однихъ хроническихъ болѣзняхъ женщины умираютъ въ большемъ числѣ противъ мужчинъ и то въ весьма незначительной степени, именно: въ 1821—30 г. на 0,68%₀ и въ 1851—60 г. на 0,59%₀ ежегодно.

Впрочемъ по степени смертельности показанныя выше болѣзни распредѣляются почти въ одномъ послѣдовательномъ порядкѣ и и для мужчинъ, и женщинъ:

	для мужчинъ	18 $\frac{2}{3}$ % г.	18 $\frac{5}{6}$ % г.
1. Хроническія болѣзни отъ		37,76	— 36,41% ₀
2. Внутреннія остр. болѣзни		23,02	— 28,50% ₀
3. Старость		11,63	— 9,52% ₀
4. Незавѣст. болѣзни		8,90	— 7,94% ₀
5. Ударъ, удушье		7,79	— 6,42% ₀
6. Несчастные случаи		2,05	— 2,07% ₀
7. Внѣшнія болѣзни и повр.		2,21	— 1,72% ₀
8 Оспа		0,69	— 0,73% ₀
9. Самоубійство		0,49	— 0,66% ₀
10. Водобоязнь		0,02	— 0,00.
	для женщинъ	18 $\frac{3}{8}$ % г.	18 $\frac{5}{6}$ % г.
1. Хрон. бол.		38,44	— 37,00% ₀
2. Остр. бол.		21,98	— 27,31% ₀
3. Старость		13,64	— 12,24% ₀
4. Незавѣст. бол.		8,65	— 7,57% ₀
5. Ударъ, кровотеч.		6,84	— 5,64% ₀
6. Роды		2,69	— 2,19% ₀
7. Внѣш. бол.		1,95	— 1,63% ₀
8. Оспа		0,67	— 0,72% ₀
9. Несч. случ.		0,72	— 0,65% ₀

10. Самоубійство	0,11 — 0,17%
11. Волобоаянь	0,02 — 0,00

Исключеніе составляютъ только несчастные случаи, особенно частые у мужчинъ по характеру ихъ виѣшней дѣятельности, вмѣсто которыхъ у женщинъ являются роды приблизительно съ той же силой смертности.

Но если разсматривать эти болѣзни въ частности по провинціямъ и по годамъ, то хотя порядокъ ихъ смертельности и остается тѣмъ же, но измѣняется значительно процентъ. Напр. самоубійство составляло въ Бранденбургѣ въ 1859—60 году 1 на 128 всѣхъ остальныхъ смертныхъ случаевъ, а въ Рейнской провинціи 1 на 442; подобнымъ же образомъ колеблются и другіе случаи. Что же касается до оспы и водобоязни, то они имѣютъ чисто спорадическій характеръ: или ихъ совсѣмъ нѣтъ или они свирѣпствуютъ мѣстами. Напр. водобоязь составляла 1 смертный случай на 1,722 въ Гогенцоллернѣ, а въ провинціи Пруссіи 1 только на 24, 395; оспа представляетъ подобныя же крайности, именно въ Вестфалии 1 на 26 всѣхъ смертныхъ случаевъ, а въ Рейнской провинціи 1 на 971.

Хотя вычисленія эти сдѣланы за довольно значительный промежутокъ времени т. е. за двадцатилѣтіе и въ странѣ съ населеніемъ въ 17 милліоновъ, поѣтому онѣ должны бы имѣть довольно общее значеніе, но, разумѣется, было бы большимъ заблужденіемъ, если бы французъ или русскій вздумалъ примѣнять ихъ къ своей странѣ. Несомнѣнно, что наибольшая часть людей умираетъ вездѣ отъ хроническихъ и внутреннихъ острыхъ болѣзней; несомнѣнно, что отъ старости умираетъ вездѣ сравнительно значительно-меньшее число; но дѣло въ томъ, что размѣръ этой несомнѣнности измѣняется не только для каждой отдѣльной страны, но для каждой ея провинціи, для каждого города, для каждой деревни. Самая маленькая деревушка имѣетъ свою статистику смертности, свои спеціальныя болѣзни и смертные случаи, которые могутъ не имѣть мѣста для другой деревни, лежащей отъ нея за какія нибудь сто верстъ. Тѣ или другія незначительныя, по видимому, обстоятельства могутъ вліять такимъ образомъ на здоровье и смертность людей, что въ большихъ городахъ каждая отдѣльная часть или даже кварталъ представляютъ свои особенности. Узкія, грязныя улицы, заставленные высокими домами и дурно провѣтриваемыя, дома старинной постройки, гдѣ вентиляція почти не существуетъ, гдѣ на грязныхъ узкихъ дворахъ валется всякая нечистота, гдѣ помойныя ямы

ражаютъ постоянно воздухъ — въ такихъ частяхъ городовъ, особенно если они занимаютъ низменное положеніе гнѣздятся всегда тяжкія и смертоносныя болѣзни. Въ Ламбетъ-скверѣ, въ Лондонѣ, отличавшемся всѣми этими особенностями свирѣпствовала прежде постоянно холера, тифъ и лихорадка; но какъ только озаботились о чистотѣ и вентиляціи, смертность уменьшилась въ весьма значительной степени. Въ Петербургѣ такую печальную мѣстность составляетъ Большая Мѣщанская улица, въ особенности между Гороховой и Казанскимъ соборомъ: а также большая часть Гороховой, гдѣ во многихъ домахъ старой постройки, слѣдовательно въ значительнѣйшемъ большинствѣ, дворы составляютъ совершенныя глухіе, глубокіе мѣшки, въ которыхъ живетъ такое благоуханіе, что нужно имѣть только петербургскую прыгучку къ отравленному воздуху, чтобы дышать въ этой убійственной атмосферѣ, не чувствуя стѣсненія въ груди и боли въ легкихъ. Есть многіе деревенскіе жители, которые, пріѣхавъ въ Петербургъ, сейчасъ же чувствуютъ тяжесть во всемъ организмѣ и общее нездоровье, и если дѣло ихъ задержитъ, то они заболѣваютъ. А еще Петербургъ гордится своими широкими улицами и своею чистотой! Улицы точно широки; но только много ли такихъ широкихъ улицъ? Стремленіе къ чистотѣ, благодаря усердію полиціи, есть точно; за дворниками смотрять строго, но что могутъ сдѣлать дворники съ глухими домами безъ вентиляціи, съ знаменитыми помойными ямами, съ страшными черными лѣстницами и съ помѣщаемыми на нихъ отхожіи мѣстами, наконецъ съ ужаснѣйшей мостовой и системой ея постройки — отчего лѣтомъ приходится глотать и дышать пескомъ и всякимъ соромъ, а весной вдыхать миазмы тающего уличнаго навоза? Говорятъ — ничего нельзя подѣлать; да, съ домами, такъ; потому что никого нельзя заставить силой перестроить свой домъ на новый ладъ или замѣнить вонючія отхожія мѣста ватеръ-клозетами; но съ мостовой дѣло другое; ее можно дѣлать, не посыпая на верхъ толченый кирпичъ и песокъ, которые, не придавая никакой прочности самой мостовой, разбиваются экипажами въ тончайшую пыль, засыпающую глаза, носъ и ротъ проходящихъ, набиваются въ комнаты, при малѣйшемъ вѣтрѣ носятъ дѣлами тучами, точно въ какой набудъ песчаной пустыни Африки, и за тѣмъ опустившись на новое мѣсто сметается тамъ дворниками съ остальнымъ уличнымъ соромъ и вывозится за городъ. Такимъ образомъ сущность процесса заключается въ томъ, что на берегахъ Невы выкапываются глубокія ямы, вынутый песокъ приво-

зится въ Петербургъ и разсыпается по улицамъ; потомъ въ теченіе первой же недѣли сметается дворниками весь, но уже въ видѣ пыли и за тѣмъ свозится на Волково или въ другія мѣста, гдѣ и насыпается въ видѣ кучъ; Петербургъ же служитъ только транзитнымъ мѣстомъ. Нужно полагать, что кому нибудь все это очень выгодно; потому что нельзя же допустить, что пять-сотъ-тысячное населеніе, занималось подобнымъ дѣломъ пятьдесятъ лѣтъ, (это все минимумы) не догадалось бы наконецъ, что все это очень неостроумно, особенно если обратить вниманіе на ту черту русскаго человѣка, по которой онъ, на основаніи ему одному извѣстныхъ фактовъ, относится съ особенной любовью къ своей изобрѣтательности и умственнымъ способностямъ.

Чтобы прусскіе выводы сдѣлать привѣтными къ Россіи, нужно въ однихъ случаяхъ прибавить процентъ, а въ другихъ убавить. Такъ по климату и образу жизни у насъ должны быть гораздо сильнѣе всѣ острия внутреннія болѣзни, желудочныя простуды, разныхъ видовъ горячки и лихорадки. У насъ должно быть значительно меньше случаевъ смерти отъ старости; но за то гораздо больше случаевъ смерти отъ неосторожности и несчастія, отъ вѣшнихъ поврежденій, отъ оспы и водобоязни; вообще всѣхъ тѣхъ болѣзней, которыя неразлучны съ невысокой культурой и слабымъ экономическимъ развитіемъ, съ недостаткомъ умственныхъ способностей и знаній. И климатъ долженъ оказывать довольно сильную помощь смерти, въ особенности въ мѣстностяхъ болотистыхъ, въ мѣстностяхъ сильнаго разлива рѣкъ и зной. На сколько зима благопріятствуетъ смертности, показываютъ слѣдующія наблюденія въ Пруссіи и въ другихъ мѣстахъ. Въ періодъ 185⁰/₀ г. изъ 12,000 умершихъ приходилось: съ января до марта 3,328—27,74⁰/₀; съ апрѣля до іюня 2,886 человекъ, или 24,05⁰/₀, съ іюля до сентября 2,722 ч.—22,68⁰/₀ и съ октября до декабря 3,064 ч. или 25,53⁰/₀; слѣдовательно на 6 холодныхъ мѣсяцевъ приходится умершихъ 53,27⁰/₀. Въ Баваріи холодное время оказывается тоже смертоноснѣе. Изъ 12,000 умершихъ на январь до марта приходится 3,664 ч. или 30,53⁰/₀, съ апрѣля до іюня 3,040 ч.—25,33⁰/₀, съ іюля до сентября 2,563 ч.—21,36⁰/₀ и съ октября до декабря 2733—22,78⁰/₀. Слѣдовательно въ 6 холодныхъ мѣсяцевъ умерло 55,86⁰/₀, а въ 6 теплыхъ только 44,14⁰/₀. Совершенно тоже оказалось и въ Саксоніи, гдѣ расчетъ дѣлался тоже на 12,000 смертныхъ случаевъ. Получилось: для зимы 26,25⁰/₀, для весны 25,21⁰/₀, для лѣта 23,56⁰/₀.

а для осени 24,28⁰/₁₀, крайности не такъ рѣзки, но зима все таки остается болѣе смертнымъ временемъ.

Саксонія представляетъ весьма интересныя статистическія данныя о смертности отъ несчастныхъ случаевъ и отъ самоубійства. Въ ней случилось несчастій среднимъ числомъ ежегодно въ періоды:

	1847—52 г.		1853—58 г.	
	муж.	жен.	муж.	же.
При населеніи—1,915,825 ч.			2,055,140 ч.	
Отъ собственной неосторожности или безпечности	102	12	147	15
Отъ чужой неосторожности или безпечности	13	8	18	9
Отъ недостатка надзора	28	19	48	32
Отъ пьянства	24	0,5	27	2
Отъ меланхоліи	0,5	1	0,3	0,7
Отъ эпилепсіи и паралича	33	7	19	6
Вообще	312	73	404	104
Въ томъ числѣ:				
Утонуло	113	35	143	46
Сгорѣло, задохлось	18	11	22	15
Застрѣлено, убито пороховъ	7	0,5	6	0,3
Убито молніей	3	1,5	5	3
Убито, задавлено	37	4	53	4
Засыпано	11	0,1	13	2
Обрушилось и упало мертвыми	42	5	60	8
Раздавлено, размолото машинами	9	0,3	18	2
Задавлено экипажами и скотомъ,	19	4	29	8
Заблудилось, замерзло и отъ истощенія силъ	18	5	16	6
Отравлено	2	1	3	2
Отъ водобоязни	0,2	"	0,3	"
Изошло кровью	0,6	0,2	0,8	0,8

Изъ этихъ цифръ видно, что смерть отъ несчастныхъ случаевъ увеличилась въ Саксоніи и что происходитъ она главнѣйше отъ собственной и отъ чужой неосторожности, безпечности и отъ недостатка надзора. Мужчины подвергаются несчастіямъ въ четыре раза сильнѣе противъ женщинъ, потому что изъ 5,348 несчастій, случившихся въ 12 лѣтъ, съ 1847—58 г., на долю женщинъ пришлось только 1,057 или 19,77⁰/₁₀. Въ деревняхъ несчастія гораздо чаще, чѣмъ въ городахъ, такъ что изъ общаго числа всѣхъ несчастій на города приходится 33,64⁰/₁₀. и на сельскія мѣстности

66,36%. Это происходит главнѣйше потому, что въ деревняхъ подвергаются несчастію гораздо сильнѣе дѣти. Изъ числа всѣхъ дѣтей, погибшихъ въ этотъ двѣнадцатилѣтній періодъ отъ несчастныхъ случаевъ, деревенскія дѣти составляютъ 67,2%, изъ этого числа почти $\frac{3}{4}$ или 71,4% были отъ 1 до 6 л. 62,1% утонуло, 58,4% погибло отъ недостатка надзора. Какъ была бы любопытна статистика смертности дѣтей въ русскихъ деревняхъ!

Число самоубійствъ увеличилось въ Саксоніи въ замѣчательной степени. Въ 1834 г. ихъ было 139 или 1 на 11,420 жителей; въ 1837 г. 216 или 1 на 7,649 жит., въ 1840 г. 336 или 1 на 5,080 жит., въ 1852 г. 530 — 1 на 3,751, въ 1858 г. 491 — 1 на 4,322.

Въ періодъ 1847—58 годовъ случилось всего 5,497 самоубійствъ; изъ нихъ на долю мужчинъ приходится 78,53%, а на долю женщинъ только 21,47% на города 42,83% и на сельскія мѣстности 57,17%. По возрастамъ: до 14 лѣтъ 0,82%, отъ 14 до 21 года 8,46%, отъ 21 до 30 л. 16,99% отъ 30—50 л. 35,91%, отъ 50—70 л. 29,67%. Женатые составляли 44,72%. По реду смерти: повѣсившіеся 61,82%, утопившіеся 24,09%, застрѣлявшіеся 8,61%.

Причиной самоубійства были тѣлесныя страданія, домашнія заботы, разстройство состоянія, недостатокъ средствъ существованія, развратъ и пьянство, страсти къ игрѣ и лоторея; стыдъ, страсть, угрызеніе совѣсти, несчастіе въ любви, меланхолія, сумасшествіе и безуміе, религіозный фанатизмъ, пресыщеніе жизнью, сильное внутреннее потрясеніе. И, — страшное дѣло! — экономическія причины и матеріальныя страданія, какъ: домашнія заботы, потеря состоянія, отсутствіе средствъ для жизни, и меланхолія, являющаяся обыкновенно вслѣдствіе житейскихъ заботъ, создали 43,67 проц. самоубійцъ или изъ 5,497 ч. — 2,565 человекъ должны были сжить себя со свѣта потому, что имъ не оставалось больше ничего другаго. Въ этомъ числѣ тѣ, кто наложили на себя руку, чтобы не умереть голодной смертію, составляли 440 человекъ или 8,02 проц. всего числа самоубійцъ.

По роду занятій наибольшее число самоубійцъ было между прислугой, между людьми, немѣющими опредѣленныхъ занятій и между военнымп.

По времени года самоубійства представляютъ порядокъ обратный противъ обыкновенной смертности. Изъ 5,497 самоубійцъ, о которыхъ у насъ рѣчь, умерли: отъ января до марта — 1154 или 19,24 пр.; отъ апрѣля до іюня 1,723 или 31,19 пр.; отъ іюня до сен-

тября 1,489 или 28,22 пр. и отъ октября до декабря 1,131 челов.— 21,35 пр. Такимъ образомъ при сравненіи съ обыкновенной смертностью оказывается:

	Въ холодные мѣсяцы.	Въ теплые мѣсяцы
Обык. смертность —	51,23 проц.	48,77 проц.
Самоубійства —	41,57 —	58,43 —

т. е. обыкновенная смертность въ холодные мѣсяцы сильнѣе на 10 пр., а въ теплые на это же число меньше, чѣмъ самоубійства. На это обстоятельство не мѣшаетъ обратить вниманіе юристамъ и криминалистамъ, которые смотрятъ на самоубійство, какъ на дѣтскую шалость, подлежащую съченію розгами, наказанію на хлѣбѣ и водѣ и т. п. взысканіямъ. Неоспоримо, что когда юристы познакомятся съ статистикой они будутъ гораздо умнѣе, чѣмъ были до сихъ поръ, живя на скудномъ умственномъ продовольствіи римскаго права.

Интересны также и процентныя отношенія въ способахъ самоубійства:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Повѣсилось	2,806	552.
Утопилось	765	559.
Застѣвлялось	472	1.
Завололось	11	1.
Отравилось	26	15.
Перерѣзало себя горло . . .	118	20.
Распоролъ животъ	2	2.
Бросилось съ высоты	21	16.
Кинулось подъ экипажи . . .	12	5.
Вскрыло жилы	29	7.
<hr/>		
Всего	4,317	1,180.

Мужчины, какъ видно, охотнѣе всего вѣшаютъ, потому что изъ 4,317 самоубійцъ этимъ способомъ отравились на тотъ свѣтъ 65 проц.; у женщинъ же вѣшанье составляетъ только 46,8 проц., впрочемъ тоже не мало; способъ же самоубійства, обыкновенно приписываемый женщинамъ, какъ специально имъ свойственный и особенно любимый—утопленничество, всего однимъ процентомъ больше вѣшанья, именно 47,4; такъ что на эти два средства самоубійства женщинъ нужно смотрѣть, какъ на равносильныя. Мужчины топятся значительно рѣже: въ нашемъ спискѣ утопленники составляютъ всего 17,7 процента. Но особенно громадную разницу между женщинами и мужчинами составляютъ самоубійства

огнестрѣльными орудіями и перерѣзаніе горла. Вообще женщины прибѣгаютъ рѣдко къ тѣмъ способамъ, гдѣ нужно проливать крѣвь.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ явился и новый способъ самоубійства. Вотъ данныя по Саксоніи:

1855 г. 1856 г. 1857 г. 1858 г. 1-59 г. 1860 г.

Общее число бросившихся подъ вагоны	17	11	13	13	15	16
Убито	16	8	13	13	13	16

Родъ жизни и занятій имѣютъ такое важное вліяніе на здоровье и смертность, что извѣстнаго рода болѣзни находятся обыкновенно въ тѣсной связи съ тѣмъ или другимъ ремесломъ. Въ періодъ 1855 до 1860 года умерло въ Берлинѣ 17,625 разнаго рода ремесленниковъ и людей извѣстныхъ профессій. Изъ нихъ 3,151 ч. отъ воспаленій и лихорадокъ; 896 ч. водяной; 2,260 ч. отъ удара, удушливаго катара и паралича легкиихъ; 6,087 ч. отъ горловой и легочной чахотки и сухотки; 1,293 отъ органическихъ страданій живота, мозга, сердца и позвоночнаго хребта; 379 ч. отъ рака и 1,293 ч. отъ старости и истощенія силъ.

Самыми счастливыми нужно считать, разумѣется, тѣхъ, кто умеръ отъ старости, потому что они умерли естественной смертію. Къ этимъ счастливымъ принадлежатъ: 1) Живущіе милостыней, т. е. нищіе, для которыхъ самой смертоносной болѣзью оказывается водянка; 2) типографщики, страдающіе преимущественно отъ чахотки; 3) кожевники, умирающіе тоже главнѣйше отъ старости, и за тѣмъ отъ удара, удушливаго катара и паралича легкиихъ; 4) садовники и огородники отъ лихорадокъ, воспаленій и органическихъ болѣзней органовъ; 5) скорняки отъ чахотки; 6) учителя отъ болѣзней дыхательныхъ органовъ и паралича; 7) музыканты, пѣвцы, актеры отъ удара; 8) бумажные мастера отъ лихорадокъ и воспаленій; 9) позуменьщики отъ органическихъ болѣзней; рантье и партяклье т. е. всѣ живущіе доходами безъ личнаго труда отъ удара и паралича; 11) башмачники отъ водяной; 12) канатные и веревочные мастера отъ органическихъ болѣзней. Всѣ эти ремесла принадлежатъ къ наиболѣе благоприятной жизни; но первое мѣсто между ними занимаютъ рантье и нищіе, изъ которыхъ наибольшее число умираетъ естественной смертію т. е. старостью.

Такихъ выгодныхъ для здоровья и жизни ремеслъ оказывается только 12, за тѣмъ въ остальныхъ, болѣе чѣмъ въ 60, люди умираютъ преимущественно отъ болѣзней. Наибольшее число жертвъ поглощаетъ чахотка, и именно: портныхъ, столяровъ, Устричниковъ (школьниковъ), переплетчиковъ, цыгарныхъ и табач-

ныхъ мастеровъ, комнатныхъ живописцевъ, слесарей, токарей, наборщиковъ, иѣдниковъ, золотыхъ и серебряныхъ мастеровъ, цирюльниковъ, скульпторовъ, граверовъ, литейщиковъ, литографщиковъ, часовщиковъ, ламповыхъ мастеровъ, живописцевъ, бумаго-печатниковъ, печатниковъ типографій, жестяниковъ и музыкантовъ. Слѣдовательно 24 ремесла изъ 73, служившихъ для настоящаго расчета, убиваютъ людей преимущественно чахоткой. На сколько ремесла усиливаютъ смертность отъ чахотки показываетъ слѣдующее сравненіе. Въ періодъ 1843—60 г. изъ 205,395 человекъ, умершихъ въ Берлинѣ, чахоточные составляли только 25,828 ч. или 12,58 процент.; тогда какъ изъ 17,625 ремесленниковъ, умершихъ въ 1855—60 г., чахотка поглотила 6,087 ч. или 34,54 процента, т. е. почти въ три раза больше.

Водянка оказывается особенно убійственной для рантье, нищихъ, чернорабочихъ, башмачниковъ, маляровъ, земледѣльцевъ, плотниковъ, купцовъ, сѣдельниковъ, позументщиковъ, будавочниковъ, перчаточниковъ, чиновниковъ, трубочистовъ, обойщиковъ, цеточниковъ. Такимъ образомъ въ этомъ списокѣ первое мѣсто занимаютъ рантье и нищіе, которые ведутъ наиболѣе покойную и не дѣятельную жизнь, обыкновенно при хорошей и питательной пищѣ; а эти условія способствуютъ наиболѣе водянкѣ.

Лихорадки и воспаленія нельзя принимать за болѣзни спеціально связанныя съ извѣстнымъ ремесломъ, хотя, разумеется, родъ занятій и можетъ способствовать болѣе или менѣе простудѣ. Поэтому лихорадки и воспаленія дѣйствуютъ довольно равномерно во всѣхъ сословіяхъ, поглощая вездѣ довольно значительную массу народа. Впрочемъ, не смотря на эту равномерность, отъ лихорадокъ и воспаленій умираютъ преимущественно сильно: военные, чернорабочіе, ученики и студенты, прислуга, булочники, слесари и кузнецы, садовники и огородники, пкипера, кондитеры, экипажные рабочіе и мастера, пивовары, боядари.

Есть еще родъ болѣзней, хотя и не особенно важный по числу жертвъ, но тѣмъ не менѣе заслуживающій вниманія, такъ какъ имъ опредѣляется степень народнаго развитія — бѣлая горячка, происходящая отъ пьянства. Упреки, дѣлаемые простому народу за пьянство, хотя вообще и справедливы; но только не каждое сословіе имѣетъ право ихъ дѣлать. Въ Пруссіи, напримѣръ, оказывается, что люди, считающіе себя образованными, повсе не такъ далеки въ этомъ отношеніи отъ простаго народа. Наибольшее число умираетъ отъ бѣлой горячки между чернорабочими и поденщиками, потомъ между купцами, чиновниками и писа-

ряни; за тѣмъ между трактирщиками и содержателями гостиницъ и панте; это такъ сказать специалисты по части пьянства. Остальные разнѣщаются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: мясники, прислуга, башмачники, цирюльники, золотыхъ дѣлъ мастера, рыбаки, шляпники, машинные мастера, музыканты и актеры, пивовары, бондари, печатники, мельники, комнатные живописцы, сѣдельники, жестянщики.

Родъ занятій имѣетъ вліяніе не только на свойство, но и на продолжительность болѣзни. Чѣмъ работа труднѣе, тѣмъ чаще и продолжительнѣе бываетъ болѣзь человека и болѣзненности эти усиливаются съ лѣтами. Такимъ образомъ въ періодъ жизни съ 15 до 85 л., или въ 70 лѣтъ труда рабочій въ легкой работѣ бываетъ болѣнь $4\frac{1}{2}$ года, а въ трудной $5\frac{1}{2}$ лѣтъ! Это число дней болѣзни распредѣляется совершенно правильно, какъ въ легкой, такъ и въ трудной работѣ, на два періода, изъ которыхъ второй вдвое продолжительнѣе перваго, именно: въ первые 25 лѣтъ, съ $15\frac{1}{2}$ до $40\frac{1}{4}$ л., при легкой работѣ число больныхъ дней 152, а во вторые 25 лѣтъ (съ $40\frac{1}{4}$ — $65\frac{1}{10}$) вдвое, или 312 дней; при трудной работѣ замѣчается то же самое: въ первые 25 л. больныхъ дней 189, во вторые—391. За тѣмъ ежегодное увеличеніе, число больныхъ дней усиливается еще больше съ лѣтами рабочаго.

Подобное разрушительное вліяніе работы на здоровье должно имѣть, разумѣется, сильное вліяніе на сокращеніе жизни рабочаго населенія. По расчету, сдѣланному о продолжительности жизни берлинскаго ремесленнаго населенія, оказывается, что булочники живутъ среднимъ числомъ 41 годъ, скульпторы столько же, пивовары 34, печатники 48, рыбаки 47, садовники 48, купцы 47, скорняки 38, граверы и литографы 33, лакировщики и маляры 45, слесари и кузнецы 41, портные 46, наборщики 34, сапожники 49, столяры 44, плотники 46. Слѣдовательно, дольше всѣхъ живутъ сапожники и меньше всѣхъ граверы, литографы и наборщики. Въ этомъ расчетѣ взяты собственно рабочіе люди т. е. тѣ, кто собственно занимается производствомъ, а не хозяева или лица, управляющія дѣломъ. Они, какъ и вообще всѣ тѣ, кто не заваленъ работой, кто болѣе или меньше можетъ располагать своимъ временемъ, кто наконецъ обезпеченъ въ средствахъ и не знаетъ мучительной мысли о томъ, какъ и гдѣ добыть средства существованія для себя и для своего семейства — живутъ гораздо дольше тѣхъ несчастныхъ, которые родились и должны умереть рабочими. Спокойная жизнь, постоянное вѣрное содер-

жаніе, отсутствіе напряженія въ трудѣ, вотъ условія продолжительной и здоровой жизни, если только человѣкъ самъ не скрываетъ ее безпутствомъ и развратомъ. Поэтому наибольшей продолжительностью жизни пользуются въ Пруссіи рантье и партіюлье изъ которыхъ только 12% умираетъ до 50 лѣтъ, а 88% переживаютъ этотъ возрастъ; потомъ учителя и чиновники у которыхъ 70% живутъ долѣе 50 л. и нищіе, умирающіе до 50 лѣтъ въ числѣ 32%, а переживающіе эти лѣта въ числѣ 68 процентовъ. Совершенною противоположною этимъ избраннымъ составляютъ приготовители листового золота: изъ нихъ ни одинъ не доживаетъ до 50 лѣтъ; изъ табачныхъ рабочихъ умираетъ до 50 лѣтъ 92,39%, слѣдовательно изъ ста человѣкъ остается въ живыхъ 8; у пивоваровъ, граверовъ, литографовъ, наборщиковъ переживаютъ 50-ти лѣтній возрастъ только 12 человѣкъ изъ ста; такая раница съ людьми живущими доходомъ (рантье), у которыхъ отношеніе совершенно обратное т. е. 12 человѣкъ изъ 100 умираютъ до 50 лѣтъ. Разумѣется, эта страшная неуровнительность къ праву пользованія жизнью была бы не такъ значительна, если бы при господствующей экономической системѣ рабочій не изображалъ бы изъ себя живую машину, обязанную работать неустанно 12—14 часовъ въ день. Хозяева рассчитываютъ весьма правильно, что если рабочій произведетъ въ 6 часовъ работы 6 единицъ труда, то въ 12 часовъ долженъ произвести вдвое. Противъ этого спорить нельзя; но за то несомнѣнно и то, что если при 6 часовой работѣ рабочій прожилъ бы до 70 лѣтъ, то при 12 часовой онъ долженъ умереть до 35 лѣтъ. Хозяину это рѣшительно все равно, потому что вмѣсто умершаго найдется всегда новый охотникъ идти его же путемъ и впередъ увѣренный, что ему придется умереть, не доживъ до 35 лѣтъ. Впихивать въ такомъ порядкѣ дѣла нѣтъ никого, потому что всѣ глупы: глупы хозяева, глупы и рабочіе. Впрочемъ рабочіе начали уже понимать свое положеніе и, видя, что имъ не откуда ждать помощи, крѣпѣя самихъ себя, начали составлять разныя взаимно вспомогательныя общества, что, разумѣется, служить уже первымъ шагомъ къ ассоціаціи въ трудѣ на началахъ равнолѣтности. Вопросъ этотъ однако не относится къ предмету настоящей статьи.

Есть еще одно ремесло самое видное, какъ по числу лицъ имъ занимающихся, такъ и по тѣмъ разнообразнымъ влияніямъ, которыя оно имѣетъ на многія общественныя отношенія,—ремесло это — военное.

Въ 1828 и 1829 годахъ Костръ опредѣлилъ среднюю смертность прусской арміи въ 1,3 процента; слѣдовательно умиралъ 1 изъ 77 солдатъ. Это отношеніе оставалось неизмѣннымъ почти до 1838 года. Въ послѣднее время смертность прусскаго войска уменьшалась: въ 1860 г. умирали въ немъ среднимъ числомъ 1 изъ 144; въ 1861 г. умеръ 1 изъ 160 или изъ 199,000 человекъ 1,251 ч. т. е. 0,63%. Отношеніе это можно считать чрезвычайно благопріятнымъ, потому что средняя смертность во всемъ населеніи Пруссіи составляла за то же время 1 изъ 149. Но при этомъ не нужно забывать, что армія формируется изъ людей въ возрастѣ самой большой силы, когда болѣзни и смерти дѣйствуютъ наименѣе. Потомъ нужно помнить, что армія своихъ старыхъ солдатъ не держитъ у себя, а отсылаетъ умирать въ отставку; слѣдовательно увеличиваетъ смертность гражданскаго сословія. Не смотря на эти мѣры прусское войско не можетъ нахвалиться ни особенной живучестью, ни особеннымъ здоровьемъ. Въ 1861 г. во всей прусской арміи было 244,680 случаевъ болѣзни, слѣдовательно при 199,000 составѣ на каждого солдата приходилось 1,23 больныхъ случаевъ. Изъ числа больныхъ уволены, какъ инвалиды, 2,540 человекъ или 1 изъ 78 ч. всей арміи. Въ особенности сильны въ прусской арміи смертоубійства и несчастные случаи. Изъ числа 1251 человекъ умершихъ въ 1861 г. самоубійцъ было 93 и умершихъ по несчастію 67 ч.; по расчету на все войско приходилось по этому 1 самоубійство на 2140 ч. и 1 несчастіе на 2970 ч. или 1 самоубійство на 13,45 и несчастіе на 18,67 всѣхъ умершихъ. Во всемъ же мужскомъ населеніи въ періодѣ 1816—60 г. было 1 самоубійство на 5,814 и несчастіе на 1,570 человекъ или 1 самоубійство на 178, и 1 несчастіе на 49 всѣхъ смертныхъ случаевъ. Между тѣмъ въ прусской арміи считалась самая слабая смертность изъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ войскъ. Такъ еще въ 1830 — 1848 г. смертность во французской арміи составляла 19,5 человекъ на 1000, въ Англіи 15,5, въ Пруссіи же только 11,7. Въ Россіи была въ то время наибольшая смертность, ибо на 1000 солдатъ приходилось 39 смертныхъ случаевъ. Въ новѣйшее время всѣ эти средніе выводы понизились, такъ что въ Англіи, гдѣ за періодъ 1839 — 53 г. средняя смертность составляла 17 на 1000, въ 1859 году было уже только 8 на 1000. У насъ въ 1858 г. смертность составляла 18 человекъ на 1000 человекъ всего войска. Впрочемъ, этотъ годъ былъ весьма благопріятный для малой смертности, потому что всѣ люди слабого сложенія и изнуренные прежними болѣзнями были уволены въ

продолжительные отпуска. Другое отношение было герець крымской войной; въ 1851 г. умиралъ 1 изъ 27, въ 1852 г. 1 изъ 37, въ 1857 г. 1 изъ 37 и въ благоприятней упомянутый выше 1858 годъ 1 изъ 48^{1/2}; въ прусской же арміи умирали: въ десятилѣтіе съ 1829 — 38 годъ среднимъ числомъ въ годъ 1 изъ 77, въ 1860 г. 1 изъ 144 и въ 1861 г. 1 изъ 160.

Чрезвычайно интересныя данныя издатъ въ 1863 г. докторъ Шиммеръ относительно австрійской арміи. Данныя эти относятся къ періоду 1851 — 1857 г.

Въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ въ Австріи умираю:

въ арміи . . . изъ 626,925 ч. ежегодно 10,932

въ гражд. сословіи 5,077,683 ч. — 68,150.

слѣдовательно, на 1000 человекъ приходилось среднимъ числомъ:

въ арміи 17,4 смертныхъ случая или 1 на 57,3 человека.

въ гражд. сосл. 13,4 — — — 1 на 74,5 —

Причина этой большой смертности, чѣмъ въ Пруссіи, должна заключаться главнѣйше въ продолжительнѣйшемъ вѣкѣ службы, потому что активная служба, безъ резерва, составляетъ въ Пруссіи только 3 года, тогда какъ въ Австріи она 8 лѣтъ, въ Англіи отъ 7 — 12, во Франціи 7 л. и въ Россіи (съ 1859 г.) 15 лѣтъ. Можно принять за вѣрное, что продолжительность службы усиливаетъ смертность не только въ самомъ войскѣ, но и въ гражданскомъ населеніи, ибо всѣ, утратившіе здоровье на службѣ и вышедшіе въ отставку съ болѣзнями, приобретаемыми ими въ продолженіи военнаго поприща, увеличиваютъ процентъ смертности въ гражданскомъ населеніи. Объясненіе этой большей смертности военныхъ нужно искать въ напряженности ихъ труда и въ казарменной жизни. Первое подтверждается слѣдующимъ сравненіемъ смертности по временамъ года. Изъ каждыхъ 1000 умершихъ мужчинъ въ 1851—57 г. (не считая холерный 1855) приходилось:

дѣтей до 5 лѣтъ. въ гражд. состоян. въ арміи:

отъ января до			
марта	271,0	275,9	260,0
— апрѣля —			
іюня	229,5	239,5	291,5
— іюля —			
сентября	264,6	222,5	209,0
— октября —			
декабря	235,8	262,1	239,5.

Въ войскѣ наибольшее число людей умираетъ именно тогда,

когда въ другія сословія ихъ умираетъ наименѣе. Шиммеръ приписываетъ это ученьямъ, которые начинаются съ особенной силой весной, и тѣмъ трудностямъ, которымъ приходится перенести рекрутамъ и вообще молодымъ солдатамъ вслѣдствіе непривычнаго для нихъ новаго образа жизни, переменны климата, и тоски по дому; послѣднее дѣйствуетъ особенно сильно весной и въ началѣ лѣта, когда вся природа цвѣтетъ и благоухаетъ, когда каждая распускающаяся травка напоминаетъ молодому солдату его деревню, сельскую природу и близкихъ людей, съ которыми онъ разстался. Размѣръ смертности въ войскахъ въ весеннее время дѣйствительно поразителенъ. Въ то время, какъ въ январѣ и въ февралѣ умираетъ ихъ изъ 1000 только по 80 человѣкъ: въ мартѣ уже 99, а въ апрѣлѣ и маѣ 104 и 103; за тѣмъ въ юніѣ смертность падаетъ внезапно на 83. Наименьшее число въ сентябрѣ и въ октябрѣ—65 и 61.

Казарменная жизнь съ ея тѣснотой, нерѣдко испорченнымъ воздухомъ, помогаетъ тоже усиленію смертности весной и развитію эпидемій. Шиммеръ приводитъ мнѣніе опытнѣйшихъ врачей, которые полагаютъ что внезапно увеличивающуюся въ апрѣлѣ и маѣ смертность нужно приписать единственно отравленію организма испорченнымъ воздухомъ, которымъ солдаты дышали всю зиму въ переполненныхъ народомъ и излишне нагрѣтыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Если, положимъ, эта причина не есть единственная, то во всякомъ случаѣ весьма вліятельная, и наблюденія показали, что послѣ лѣтнихъ лагерныхъ мѣсяцевъ смертность значительно уменьшается и дойдя въ октябрѣ до minimum'a поднимается снова рѣзко съ 61 въ октябрѣ, до 86 въ ноябрѣ, и 91 въ декабрѣ, на тысячу. Кромѣ того казарменная жизнь, съ ея испорченнымъ воздухомъ, способствуетъ развитію эпидемій. По Шиммеру на 1000 человѣкъ умершихъ было:

	эпидеміями	мѣстными болѣз.	обыкн. болѣз.
Въ арміи.	143,2	13,0	843,8.
— гражданск. состояніи.	83,3	29,1	887,6.
и въ томъ числѣ:			
	холерой.	оспой.	другими эпидем.
Въ войскѣ.	81,2	5,4	56,6.
— гражданск. состояніи.	39,1	13,0	31,2.

Это значительное развитіе эпидемій между солдатами происходитъ исключительно отъ недостатка вентилациа и спертaго, парнаго воздуха, составляющаго лучшую среду для развитія подобныхъ болѣзней. Теперь, разумѣется, никто не сомнѣвается уже въ

томъ, на сколько испорченный воздухъ и помѣщенія съ дурной вентиляціей способствуютъ развитію болѣзней дыхательныхъ органовъ. Въ Англіи напримѣръ казарменная жизнь способствуетъ вдвое большому числу смерти отъ чахотки; именно: когда изъ 1000 человѣкъ мужскаго населенія, отъ 20—30 лѣтъ, умираетъ ежегодно отъ чахотки только 5 человѣкъ, въ гвардейской пѣхотѣ умираетъ отъ этой болѣзни не менѣе 11,5. Въ нашемъ войскѣ чахотка составляетъ одну изъ главнѣйшихъ смертныхъ болѣзней: изъ 22,329 солдатъ, умершихъ въ 1858 г., умерло отъ чахотки легкихъ 6,170 ч. или 27,6%₀, отъ воспаления грудныхъ органовъ 2,285 ч. = 10,2%₀ т. е. почти 38%₀ отъ однихъ грудныхъ болѣзней; отъ горячекъ 3,882 ч., въ томъ числѣ отъ тифа 2,959 ч. или 17,4%₀, отъ поносовъ 2019 = 9%₀, отъ водяной 2,254 = 10,1%₀. Понятно, что существующая повсемѣстно усиленная смертность войскъ отъ грудныхъ болѣзней должна была обратить вниманіе на возможно здоровое размѣщеніе солдатъ въ казармахъ. Военными уставами во всѣхъ государствахъ опредѣлено число солдатъ на извѣстное помѣщеніе, или сколько кубическихъ елиппцъ воздуха должно приходиться на человѣка; но не говоря уже о томъ, что расчетъ этотъ вездѣ принятъ ниже дѣйствительно необходимаго, есть и другія причины, мѣшающія сдѣлать дѣло вполне. Первая и главная причина въ томъ, что казармы, выстроенныя вообще въ тѣ времена, когда на здоровье солдатъ не обращалось особаго вниманія, а чистому воздуху не давали никакого значенія, имѣютъ повсюду чрезвычайно несовершенную систему вентиляціи. Форточки не достигаютъ своей цѣли, потому что плохо освѣжаютъ воздухъ, и такъ называемыя вентиляторы т. е. жестяныя трубки съ вертушками равно никуда не годятся. Поэтому комнаты никогда не освѣжаются вполне и сохраняютъ постоянно огромный процентъ порченнаго воздуха. Съ этимъ порченнымъ воздухомъ свыкаются тѣ, кому приходится наблюдать за чистотой въ казармахъ, и терпятъ его, какъ необходимое зло, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы ничего нельзя сдѣлать. Инженеры очищаютъ свою совѣсть тѣмъ, что вдѣлываютъ въ окна жестяныя вентиляторы, а офицеры тѣмъ, что велятъ открывать этотъ ни къ чему негодный снарядъ; такимъ образомъ совѣсть успокоена; что же касается до воздуха, то, не смотря на чистую совѣсть архитекторовъ и офицеровъ, онъ все-таки никуда не годится, и, странное дѣло, между военными архитекторами не найдется ни одного человѣка, способнаго придумать систему такой вентиляціи, при которой въ комнату постоянно день и ночь вго-

нялся бы теплый чистый воздухъ, чрезъ особые ходы печи, и чтобы въ то же время вытягивался бы постоянно испорченный. Вторая причина заключается въ недостаткѣ средствъ и вслѣдствіе того въ невозможности помѣстить солдатъ вполне сообразно съ гигиеническими требованіями. Повсюду размѣръ военныхъ силъ не соответствуетъ средствамъ для ихъ содержанія; изъ европейскихъ государствъ только одна Швейцарія представляетъ исключеніе, а потому хотя мѣстами и понимаютъ зло, но терпятъ его; къ забывчивости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ военномъ сословіи гораздо чаще самоубійства. Изъ 1000 умершихъ въ Австріи насильственной смертью было.

	По нес- частью.	Убитыхъ.	Казнен- ныхъ.	Само- убійцъ.	Отъ неизв. причинъ.
Въ войскѣ.	315,4	35,1	29,9	558,3	61,3
„ гражданск. состояніи.	698,1	75,1	16,0	120,9	89,9
И на 1000 умершихъ вообще:					
Въ войскѣ.	15,5	1,5	1,3	24,1	2,7
„ гражданск. состояніи.	1,3	1,3	0,3	2,7	11,7

У насъ самоубійства значительно рѣже: на 1000 умершихъ въ 1838 г. солдатъ приходилось только 9 самоубійствъ, слѣдовательно почти втрое меньше, чѣмъ въ Австріи. Къ сожалѣнію нѣтъ данныхъ, чтобы сказать чаще или рѣже самоубійства у насъ въ войскѣ, чѣмъ въ народѣ. Основываясь однако на статистическихъ выводахъ другихъ государствъ, нужно предположить, что и у насъ солдаты рѣшаются чаще кончать жизнь насильственно, чѣмъ остальное населеніе. Въ чемъ же нужно искать причину частаго самоубійства военныхъ? На этотъ вопросъ есть у Шиммера такой отвѣтъ.

Изъ ста случаевъ самоубійства поводомъ къ тому было:

	Въ арміи.	Въ граждан. населеніи.
Помѣшательство въ 43,0 случаяхъ.	44	
Отвращеніе отъ жизни, горе, заботы, болѣзни, несчастная любовь.	34,9	23,8
Дурное обращеніе и ссоры.	0,6	3,8
Пьянство.	2,3	8,2
Преступленія, страхъ наказанія.	14,0	8,1

Отвращеніе отъ жизни и страхъ наказанія можно считать по-этому одними изъ главнѣйшихъ особенностей болѣе частыхъ самоубійствъ между военными. Слѣдовательно, строгость обращенія и трудности жизни составляютъ спеціальныя причины военныхъ самоубійствъ. Наибольшее число самоубійствъ бываетъ въ армейской пѣхотѣ, т. е. тамъ, гдѣ служба всего труднѣе. Въ этомъ разрядѣ войскъ самоубійства составляютъ отъ 57 до 64%, въ кавалеріи отъ 14—18% въ артиллеріи 11,7 и 4,5%, у инженеровъ и пионеровъ отъ 3,5 до 1,9%. Связь очевидная съ трудностью службы.

Нынѣшняя система формировація и содержанія войскъ, кроме вліяній уже указанныхъ и дѣйствующихъ въ предѣлахъ собственно военной корпораціи, имѣетъ большую или меньшую связь съ экономіей остальныхъ народныхъ силъ. Есть случаи, когда убыточное вліяніе происходитъ несомнѣнно отъ войска, есть опять и такіе, гдѣ это вліяніе весьма вѣроятно. Напримѣръ въ Пруссіи, гдѣ въ военную службу поступаютъ люди отъ 20 до 25 л. въ этомъ возрастѣ замѣчена вообще слѣдующая смертность. Изъ 100 человѣкъ умершихъ вообще — мужчинъ и женщинъ приходилось:

	въ 18 ¹⁶ / ₀	18 ¹⁷ / ₃₀	18 ³¹ / ₄₀	18 ⁴¹ / ₅₀	18 ⁵¹ / ₆₀
Мужчинъ отъ 20 до 30 лѣтъ.	2,58	2,82	3,36	3,30	2,95
Женщинъ того же возраста.	2,32	2,43	2,68	2,76	2,42
Мужчинъ болѣе на	0,26	0,39	0,68	0,54	0,53

Слѣдовательно смертность въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ у мужчинъ на $\frac{1}{2}$ процента сильнѣе, чѣмъ у женщинъ. Въ абсолютныхъ величинахъ разниця эта еще замѣтнѣе: въ теченіи указанного періода умерло мужчинъ отъ 20—30 л. всего 281,323, а женщинъ только 220,050 или на 59,273 менѣе. Нужно ли этотъ значительный перевѣсъ мужской смертности, именно въ періодъ возраста военной службы, приписать главнѣйшее ея вліянію? Утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ не позволяетъ недостатокъ наблюденій, но есть большое вѣроятіе предполагать, что доля военнаго вліянія въ этой усиленной смертности мужчинъ не мала.

Далѣе замѣчена постоянно усиливающаяся повсюду негодность, людей въ военной службѣ. Напримѣръ въ Пруссіи въ 1860 и 1861 г. обязаны были военной службой 1,100,650 человѣкъ, изъ нихъ совсѣмъ не явилось 121,437 ч., изъ остальныхъ 979,213 оказалось негодныхъ, и пренменно неявившихся 37,395,38,061 ниже

мѣры; 89,406 временно-неспособныхъ и назначенныхъ въ резервы, 438,784 временно-неспособныхъ и уволенныхъ еще на годъ, всего временно и совершенно неспособныхъ 602,646 человекъ изъ 900 тысячъ или 62%! Въ этомъ числѣ совершенно неспособные по физическимъ или умственнымъ недостаткамъ составляли 3,82%, а въ 1831 г. такихъ людей было только 2,73% и съ тѣхъ поръ число ихъ постоянно увеличивалось. Для военной службы набирается, какъ извѣстно, цвѣтъ и краса народной силы, люди, что-ни на-есть лучшіе; слѣдовательно, уменьшеніе числа годныхъ людей должно доказывать постоянное увеличеніе физическихъ недостатковъ въ населеніяхъ и нарожденіе все болѣе и болѣе слабыхъ людей. На это вліяютъ: развитіе мануфактурной дѣятельности и усиленіе городскихъ поселеній, поставляющихъ преимущественно людей неспособныхъ для военной службы; лишенія, недостатки, дороговизна жизненныхъ потребностей, голодные года: замѣчено, что люди, родившіеся во время дороговизны, бываютъ всегда слабого здоровья и обыкновенно негодны для военной службы.

Шиммеръ дѣлаетъ слѣдующее любопытное сравненіе. Изъ 10,000 родившихся больными умерло:

	Въ первый мѣсяцъ.		Въ первый годъ.			
	мальч.	дѣвоч. вообще.	мальч.	дѣвоч. вообще.		
Въ гражданск. сословіи.	1,301	1,085	1,160	2,689	2,353	2,526
Въ войскѣ.	717	626	643	1,786	1,588	1,693

Изъ этого видно, какую разницу въ силѣ представляетъ военное и невоенное сословіе, и на сколько крѣпкіе, здоровые люди производятъ крѣпкое и сильное потомство. Дѣти военныхъ почти вдвое здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ дѣти остальныхъ сословій. Конечно удивляться этому нечего, если обратить вниманіе на то, что самый сильный и здоровый народъ поступаетъ въ войско. Но въ этомъ обстоятельствѣ заключается вмѣстѣ съ тѣмъ причина постоянно увеличивающейся слабости гражданского населенія. Это происходитъ частью потому, что сильные люди, поступающіе въ войско, пропадаютъ не только для экономической и хозяйственной дѣятельности страны, потому что посвящаютъ свои силы иному дѣлу, но и вымираютъ преждевременно, слѣдовательно ослабляютъ численность страны; а частью потому, что у людей, имѣющихъ наибольшую способность производить сильное и здоровое потомство, ограничено на то право. Вездѣ солда-

тамъ ограничено право вступать въ бракъ. Въ Австріи изъ 561,209 человекъ отъ 21—60 л. находящихся въ арміи, женатыхъ только 52,603 ч. или 9,4 процента; въ Пруссіи въ 1849 г. изъ 199,012 ч. войска было женато 18,432 ч. или 9, 6%₀; а въ 1861 г. изъ 213,133 ч.—14,564 или 6,80 процентовъ. Къ этому нужно прибавить, что браки у военныхъ менѣе плодородны. Въ періодъ 1851—57 года отъ 51,603 паръ у военныхъ родилось 9,451 живое дитя, а у 6,570,692 супружескихъ паръ гражданскаго сословія родилось 8,665,873 ребенка, слѣдовательно въ войскѣ приходилось 1 дитя на 5,56 супружествъ, а въ гражданскомъ сословіи напротивъ 1 супружество на 1,32 дѣтей. Такимъ образомъ у военныхъ не всегда бываетъ даже по одному ребенку въ семействѣ, а у гражданскихъ ихъ среднимъ числомъ 4,05. Подобный фактъ повторяется и въ другихъ странахъ т. е. военные вступаютъ вездѣ туго въ бракъ и производятъ вездѣ мало дѣтей.

Такимъ образомъ здоровые люди гражданскаго населенія постепенно выбираются, и въ замѣнъ ихъ не поступаетъ новыхъ сильныхъ людей, потому что 91%₀ военныхъ не вступаетъ въ бракъ, и тѣ, что вступаютъ, производятъ дѣтей хотя и перваго сорта, но въ такомъ незначительномъ числѣ, которое уже никакъ не можетъ пополнить убыли отъ наборовъ. слѣдовательно уже по этой одной причинѣ, не говоря про вліяніе фабрикъ, люди могутъ наконецъ утратить свою первоначальную силу, если только не примутся противъ этого мѣры.

Конечно ограниченіе права вступать въ бракъ способствуетъ развитію контрабандной любви но и этотъ выходъ не только не улучшаетъ силъ населенія, а скорѣе еще ухудшаетъ дѣло, потому что незаконные дѣти не только мрутъ въ большомъ числѣ, но еще и служатъ главнымъ источникомъ для пополненія населенія тюремъ и исправительныхъ домовъ. слѣдовательно очевидно, что незаконные дѣти не вознаграждаютъ потери происходящей отъ ограниченія возможности брака.

Численную потерю въ людяхъ при нынѣшней военной системѣ можно опредѣлить приблизительно такъ: военныя силы Европы т. е. постоянныя войска, находящіяся подъ ружьемъ, составляютъ (за исключеніемъ Турціи) 3,560,000 человекъ. Въ этой массѣ людей женатыхъ 8%₀ или всего 284,800 человекъ, тогда какъ въ гражданскомъ сословіи она образовала бы 1,780,000 семействъ. При теперешнемъ стѣсненномъ плодородіи 234,000 браковъ производятъ въ годъ 7,030 дѣтей, тогда какъ среднее годичное плодородіе Европы составляетъ 1 ребенокъ на 20 взрос-

лѣхъ жителей обоего пола. Слѣдовательно, принимая во вниманіе этотъ расчетъ, европейское войско, находясь въ условіяхъ совершенно одинаковыхъ съ остальнымъ населеніемъ, должно бы производить ежегодно не 7030, а 350,000 дѣтей; значить оно производитъ менѣе на 342,970. Если по тому же расчету плодородія 3,275,200 холостыхъ солдатъ создадутъ 32,750 дѣтей незаконныхъ находящихся въ законнымъ въ отношеніи 1 : 9, то потеря составляетъ все-таки ежегодно 310,220 дѣтей. Къ этому нужно прибавить усиленную смертность солдатъ, составляющую 0,8% болѣе, чѣмъ у невоеннаго сословія того же возраста или, на всю массу войска лишнихъ въ годъ 32,000 человѣкъ. Такимъ образомъ въ Европѣ годичная потеря въ людяхъ военнаго сословія въ мирное время составляетъ 342,220 человѣкъ болѣе противъ общенормальной.

Потери въ военное время какъ ни ужасны, особенно потому, что гибнетъ лучшее, сильное, взрослое населеніе, но едва ли онѣ превышаютъ убыль людей въ мирное время. Любопытно то обстоятельство, что и во время войны больше половины людей пропадаетъ вовсе не отъ непріятельскаго оружія. Вотъ цѣлый рядъ фактовъ. При завоеваніи Алжира Франція лишилась 100,000 солдатъ, изъ нихъ только 3,400 человѣкъ умерли отъ непріятельскаго оружія. Во время Испанской войны умерло у англичанъ отъ болѣзней 24,930 человѣкъ, а отъ ранъ только 8,999 человѣкъ; въ экспедиціи въ Вальхернъ изъ 39,219 человѣкъ погибло отъ руки непріятеля 217 человѣкъ, отъ болѣзней 4,175 человѣкъ и число больныхъ было 26,846 человѣкъ. Наполеонъ, вступившій въ Россію съ 400,000 войскомъ, имѣлъ въ Москвѣ подъ ружьемъ только 95,000 человѣкъ, между тѣмъ какъ всего было только одно большое сраженіе — подъ Бородино когда французы пришли къ Смоленску на обратномъ пути изъ Москвы, у нихъ было подъ ружьемъ только 40,000 ч. Изъ всей этой массы отъ оружія погибло менѣе десятой части. Наши потери были едва ли много менѣе, не смотря на то, что мы были дома. Въ главной арміи изъ числа 209,800 человѣкъ въ теченіи 5½ мѣсяцевъ убыло 169,510 ч.; въ лазаретахъ лежало 48,335 ч. Въ русской арміи, преслѣдовавшей Наполеона въ январѣ 1813 г., было всего только 15,000 ч. Въ первые 7 мѣсяцевъ крымской войны смертность у англичанъ только отъ однихъ болѣзней составляла 60%. Изъ 43,959 человѣкъ, отправленныхъ англичанами подъ Севастополь, умерло отъ ранъ 4,446, изъ нихъ въ сраженіяхъ 2,658; вся же остальная потеря составляетъ 33,637 человѣкъ. Въ са-

мыхъ кровопролитнѣйшихъ сраженіяхъ, казія только представляеть исторія, погибаетъ только половина; все же остальное гибнетъ отъ дурной организаціи и суровыхъ лишеній. Слѣдовательно очевидно, что результаты, которыхъ достигаютъ воюющія стороны, могли бы быть достигнуты точно также половиннымъ числомъ людей. Все, что заболѣваетъ, составляетъ напрасную потерю въ людяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ трудности хозяйственныхъ распоряженій, и производитъ излишнія замѣшательства, безпорядки, недосмотры, которыя падаютъ опять на войско и создаютъ новыхъ больныхъ. Поэтому большое количество войска скорѣе мѣшаетъ успѣху, чѣмъ даетъ побѣду. Наполеонъ поступилъ бы, разумѣется, разсчетливѣе, если бы вмѣсто 400,000 полуодѣтыхъ и голодныхъ людей, привелъ бы съ собою только 100,000 сытыхъ и хорошо одѣтыхъ солдатъ: сто тысячъ гораздо легче снабдить всѣмъ нужнымъ, чѣмъ четыреста, а что войска гибнутъ именно отъ разнаго рода лишеній—дурной пищи, отсутствія помѣщеній и отъ изнуренія—это ясно. Большая масса людей не нужна еще и потому, что и убивать—то не всѣ умѣютъ. Напримѣръ во время какой-то войны англичанъ, гдѣ силы ихъ составляли 30,000 ч., американскій звѣропромышленникъ сдѣлалъ одному англійскому офицеру такое предложеніе: „видите этотъ пѣнь?“ спросилъ американецъ англичанина.—Вижу, отвѣтилъ тотъ.—„Ну, смотрите“, и американецъ всадилъ въ него, на 200 шаговъ пулю въ пулю изъ шестиствольнаго карабина. „Я наберу вамъ 5,000 такихъ молодцовъ, какъ я, и мы кончимъ войну, вмѣсто вашихъ 20,000 и скорѣе и дешевле“. Англичанину такое предложеніе показалось забавнымъ. Нечего удивляться, что результаты обыкновенно не соотвѣтствуютъ усиліямъ. Дѣло было бы успѣшнѣе, если бы войска формировались по возможности изъ охотниковъ. Военное занятіе такое же ремесло, какъ и остальные; поэтому ядро всякой арміи и ея нравственную силу составляютъ преимущественно тѣ, кому военное ремесло по вкусу, и чѣмъ больше такихъ людей, тѣмъ войско будетъ здоровѣе.

Н. Шелгуновъ.

НА ВОСТОКЪ

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВАГО ДНЕВНИКА.)

I.

Г. Солунь. 20 марта. 1859 г.

Солунь на первый же разъ угощаетъ путешественника такимъ спектаклемъ, отъ котораго онъ потомъ долго не опомнится. У меня, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще отдаются въ ухахъ дикіе вопли носильщиковъ, ругань пароходной команды, свистъ палокъ и плетей; мерещатся звѣрскія рожи, подбитые носы и свороченныя на сторону скулы, — точно я воротился съ какого нибудь дикаго побоя на берегахъ Ганга или Новой Зеландіи. Дѣло въ томъ, что въ Солунѣ носильщиковъ и лодочниковъ развелось такъ много, что они должны доставлять себѣ работу *съ бою*, и этотъ бой происходитъ всякій разъ, какъ только у пристани солунской останавливается пассажирскій пароходъ. Нашъ пароходъ не успѣлъ еще бросить якорь, какъ его окружила цѣлая сотня лодокъ; въ каждой лодкѣ сидѣло по нѣскольку носильщиковъ, и вся эта оборванная, полунагая толпа съ криками бросилась къ трапамъ и бортамъ судна, стараясь наперерывъ другъ передъ другомъ, вскарабкаться на палубу и предложить пассажирамъ свои услуги. Пароходная команда, чтобъ удержать порядокъ, вооружилась палками и кнутами, разсыпалась по бортамъ, и тутъ-то началась такая бойня, какую рѣдко приходится видѣть на европейскомъ материкѣ. Матросы съ ожесточеньемъ тузили каж-

даго, кто только появлялся у борта; поднялся гвалтъ ужаснѣйшій; многіе, получивъ увѣснстые удары по головѣ или рукавъ, обрывались съ бортовъ и падали обратно въ лодки, увлекая за собою другихъ, тамъ они дрались уже между собою и опять таки карабкались на палубу съ другой стороны парохода. Съ удивленьемъ и страхомъ смотрѣли мы на эту бойню, а между тѣмъ, говорятъ, въ Солунѣ это дѣло очень обыкновенное и безъ кнута да палки съ этимъ народомъ ничего не подѣлаешь.

Кое какъ, наконецъ, собрали мы *) свои вещи и перѣехали на берегъ. Тамъ повторилась та же исторія. Около десяти носильщиковъ изъявили желаніе тащить наши вещи, тогда какъ ихъ легко могли нести три человекъ; уступить конечно никому не хотѣлось, и вотъ опять завязался споръ, потомъ драка, наконецъ отчаянная битва, въ которой приняли участіе даже посторонніе артисты. Неизвѣстно, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ къ намъ на выручку не явились два каваса здѣшняго паши. Тѣ покончили бойню очень просто: здоровенными палками они сбили съ ногъ главныхъ зачинщиковъ, другимъ влѣпили по чувствительному удару въ голову и сей-часъ же все стихло, всѣ разбѣжались, какъ неотвязные нищіе, которымъ бросили наконецъ искому подачку. По распоряженію тѣхъ же кавасовъ, три дюжіе атлега взвалили на плечи наши чемоданы и тихой, верблюжьей походкой тронулись къ таможенѣ. Изъ любопытства я оглянулся на мѣсто побоища: тамъ уже какъ будто ничего не бывало, и бойцы, только что дравшіеся до крови, теперь дружелюбно толковали и смѣялись между собою, въ ожиданіи новаго случая подраться. Значить, у нихъ драка вошла уже въ обычай и сдѣлалась неизбѣжнымъ условіемъ промысла. «Какова же должна быть шкура у этихъ господъ?» думалъ я, съ невольнымъ уваженьемъ разглядывая массивную фигуру ближайшаго носильщика, спокойно взгромоздившаго на свои плечи два чемодана, въ которыхъ было около пяти пудовъ вѣсу. Мускулистый, загорѣлый, съ открытою, обнаженою грудью, едва прикрытый бѣлою рубахой и курткой, медленно шагаль онъ по ухабистой мостовой, изрѣдка останавливаясь, чтобы перевести духъ. На бронзовомъ лицѣ его, когда-то давно, выразились слѣды притупѣлаго терпѣнія, да такъ и замерли навсегда; тупо, апатично ворочалъ онъ бѣлками, какъ волъ, которому дѣла нѣтъ

*) Я путешествовалъ не одинъ.

до того, что происходитъ вокругъ, лишь бы донести свою ношу; механически шагаль онъ и въ гору и нагору и только обильная испарина, выступавшая на лицѣ его, показывала, что это не машина, а живой организмъ. И такъ, иной разъ, по нѣскольку верстъ сряду тащить онъ свою ношу, чтобы выручить завѣтные 30 копѣекъ на ужинъ себѣ и своему семейству, которое гнѣздится, гдѣ нибудь подлѣ пристани, въ обломкахъ разбитаго судна. Этимъ тяжелымъ промысломъ занимаются въ Солунѣ до тысячи атлетовъ и замѣняютъ въ городѣ ломовыя лошадей, перетаскивая съ мѣста на мѣсто громадныя тяжести, которыя едва ли подъ силу и вьючному ослу.

Таможня солунская помѣщается *въ подворотнѣ*: иначе и не умѣю назвать этого страннаго помѣщенья. Въ городскихъ воротахъ сбоку выдолблено довольно широкое и грязное отверстіе, черезъ которое путешественника вводятъ въ какую-то мрачную пещеру. Тутъ, во тьмѣ кромѣшной, совершается процессъ свидѣтельствванья товаровъ; народъ кишмя кишитъ, стоятъ вѣсы, а въ углу, у микроскопическаго окошка, за конторкой сидитъ еврей и записываетъ пошлину въ книгу. Наши чемоданы перерыли до ниточки и потомъ все-таки требовали неизбѣжный бакчишь, т. е. на водку *). Таковы первыя впечатлѣнія города.

За неизмѣнимъ въ городѣ гостинницъ, пришлось остановиться на подворьи русскаго афонскаго монастыря. Подворьемъ называется здѣсь простой обывательскій домъ, въ которомъ останавливаются проѣзжіе монахи и богомольцы, и надо признаться, что эти дома сущее благодѣяніе для путешественниковъ, которымъ иначе пришлось бы ночевать чуть ли не на открытомъ воздухѣ. Домъ вѣтхій, сярюченный на бокъ, однако онъ ничѣмъ не хуже большинства другихъ солунскихъ домовъ; въ немъ нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ съ низенькими диванами по стѣнамъ; въ окнахъ рамы безъ стеколъ; подъ кровлей оставлены широкія щели, для того чтобы въ комнатахъ былъ сквозной вѣтеръ, который лѣтомъ доставляетъ жильцамъ пріятную прохладу, а зимой заставляеть ихъ трестись отъ холода. Только все въ этомъ домѣ будто не жилое, ни въ чемъ не видно и тѣни той хозяйской осѣдлости, которая составляетъ всю привлекатель-

*) Солунская таможня находится на откупѣ въ частныхъ рукахъ и потому въ ней такъ старательно осматриваются вещи. Въ казенныхъ таможняхъ надсмотрщики рѣдко заглядываютъ въ чемоданы, а прямо протягиваютъ руку съ требованьемъ бакчиша.

ность дома, и стоит онъ будто пустая раковина, давно покинутая своими жильцомъ. Въ этой раковинѣ однако, вмѣсто червя, сидитъ полуживая старуха въ черныхъ лохмотьяхъ, которая смотритъ за домомъ и получаетъ за свое смотрѣнье какое-то мизерное жалованье. Какъ видно за долго до насъ никто не тревожилъ старуху, и она сначала было перепугалась, глядя на наше пришествіе, но потомъ увидѣвъ, что гости «добрые», то есть не кричатъ и не дерутся, стала посмѣлѣе, а подь вечеръ пустилась даже въ разговоры. И чего-то, чего не наговорила намъ эта старуха.

— Двадцать лѣтъ живу въ этомъ домѣ, а всего только въ третій разъ вижу мирянь, — бормотала она, вливая въ греческій разговоръ славянскія слова — признакъ, что она принадлежитъ къ типу «переродившихся славянь».

— А монахи-то навѣщаютъ тебя, бабушка?

— Какъ же, навѣщаютъ; хоть рѣдко, а нечего гнѣвить Бога: вижу ихъ иногда. Да я, признаться, и рада, что ко мнѣ рѣдко гости заглядываютъ: старухѣ покой надо.

— Да и домъ-то вашъ старій; тоже покоя просить.

— Все тутъ старое, потому что самъ городъ очень старій.

— А давно развѣ выстроены вашъ городъ?

— Давно, у-у какъ давно. Были, ты знаешь два царя, Кастрои Салона; и пришли они сюда строить городъ еще за долго до Христа. Вотъ и начали они строить городскую стѣну, еще молодые были: одинъ пошелъ стѣну на лѣво, а другой на право, и строили они эту стѣну такъ долго, что когда сошлись потомъ съ двухъ разныхъ сторонъ, то были уже сѣдыми стариками и не узнали другъ друга. А потомъ тутъ жилъ греческій царь Федосій и сдѣлалъ онъ здѣсь двѣсти грѣховъ, а за эти двѣсти грѣховъ построилъ онъ въ стѣнахъ городскихъ ровно двѣсти церквей, въ которыхъ каждый праздникъ шли службы церковныя...

И долго еще намъ рассказывала старуха исторію Солуня, войны съ турками, перечислила всѣхъ солунскихъ архіереевъ, бывшихъ при ней и проч. Оказалось, что она была воплощенная «книга бытія» солунскаго. Отъ нея узнали мы, что въ былыя времена жилъ здѣсь постоянно русскій драгоманъ Арбузовъ, который за немѣняемъ дѣла долженъ былъ выѣхать обратно въ Россію; что въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ не было здѣсь ни одного русскаго путешественника, и что три года тому назадъ пріѣзжалъ сюда какой-то

князь русскій, который даже хотѣлъ было осматривать здѣшнія мечети, но не пошелъ въ нихъ только потому, что тамъ негдѣ было записать своего имени «на память вѣкамъ отдаленнымъ»...

Вечеромъ старуха повзвала своихъ родственницъ: маленькую племянницу Оксану и такихъ же двухъ старухъ, какъ сама, — для того, чтобы покормить ихъ на счетъ прїѣзжихъ гостей, и надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ эта голодная семья усѣлась за ужинъ. У нихъ составилъя настоящій праздникъ, а намъ прїятно было видѣть, что своимъ прїѣдомъ мы хоть этимъ старухамъ доставили нѣкоторое удовольствіе.

Марта 22

Мало по малу начинаю знакомиться съ городомъ, надъ которымъ пронеслось слишкомъ 20 вѣковъ; обошелъ его древности, узналъ, чѣмъ былъ городъ прежде и чѣмъ онъ сталъ теперь и убѣдился, что между прошлымъ и настоящимъ его положеньемъ такая же разница, какая между дворцомъ солунскаго паши и нашимъ убогимъ подворьемъ. Есть здѣсь замѣчательный пантеонъ языческихъ временъ, обращенный потомъ въ христіанскій храмъ и наконецъ въ мечеть; есть соборъ Софіи и Дмитріевская базилика съ роскошными мозаиками и изящными колоннадами, уцѣлѣлъ даже среди улицы остатокъ старинной арки съ прекрасными изваяніями, и много другихъ замѣчательныхъ остатковъ древности, и всѣ эти остатки старинной архитектуры доказываютъ, что Солунь не всегда былъ похожъ на грудку мусора, и имѣлъ много прекрасныхъ зданій, а исторія гласитъ, что прежде онъ дѣйствительно процвѣталъ и былъ даже любимымъ мѣстопребываніемъ царя Феодосія Великаго. Какимъ образомъ этотъ когда то славный и богатый городъ дошелъ до такого мизернаго существованія, и превратился въ одинъ изъ неслѣпѣйшихъ турецкихъ городовъ, — объяснить трудно. Если бы даже Солунь ежегодно и съ умысломъ вводилъ у себя разныя ухудшенія, то и тогда въ четыреста лѣтъ едвали могъ онъ довести себя до такого безобразія, какимъ теперь кажется. Остается предположить только, что султанъ Амуратъ 2-й, овладѣвшій Солунемъ чрезъ предательство одного здѣшняго монаха, разрушилъ прежній городъ до основанія и на мѣстѣ стертыхъ съ земли строеній турки потомъ понастроили свои уродливыя мазанки и между ними проложили кривыя лазейки шириною въ два аршина, посяціе теперь названіе улицъ. И съ тѣхъ поръ

Турція плотно запустила въ Солунъ свои лапы, передумала прежнихъ патриотовъ, надъ остальными размахнулась кнутомъ и палкой, и вотъ населеніе его измельчало, ступевалось и постепенно начало принимать восточный колоритъ. Теперь Солунъ уже чисто восточный городъ, и если бы кто вздумалъ призвать его къ иной болѣе лучшей жизни, то на этотъ призывъ не отозвалось бы здѣшнее человечество. Оттого-то нынѣшніе греческіе патриоты не любятъ Солунъ и мало надѣются на него.

Какъ турецкій городъ, Солунъ строго сохраняетъ всё типичныя черты турецкихъ поселеній, но въ немъ есть особенность, которая нѣсколько отличаетъ его отъ другихъ городовъ. Солунъ очень любитъ еврей, и эта любовь простирается до того, что изъ 60 тысячъ обывателей города — двѣ трети составляютъ еврей *). Поэтому въ Солунѣ преобладаетъ мелкая промышленность; въ каждомъ домѣ, особенно на главныхъ улицахъ, устроено по нѣскольку лавокъ, гдѣ мизернымъ образомъ промышляетъ это предприимчивое племя; кромѣ того есть еще отдѣльные базары, занимающіе цѣлые кварталы, откуда, не смотря на стѣсненія со стороны таможни, товары развозятся на всю Македонію, и гдѣ въ теченіи дня собирается почти все городское населеніе. Оттого-то на здѣшнихъ улицахъ замѣтно оживленное движеніе, и даже турки здѣшніе принуждены были выдти изъ своей обычной апатіи и живѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Вотъ что здѣлало преобладаніе евреевъ. За то и грязи же сколько!

Кто не видалъ восточнаго базара, тотъ не можетъ представить его себѣ, не смотря ни на какія картины и описанія. Вообразите себѣ длинную, узкую, извилистую галерею, состоящую изъ деревянныхъ, сквозныхъ построекъ самой однообразной формы; вверху кровли домовъ сходятся такъ близко, что оставляютъ только небольшія щели, которыя также прикрыты досками или вѣтками плюща и виноградомъ, такъ что свѣтъ пробивается только въ мелкія скважины между ними. Вѣроятно, такъ устраиваются базары для защиты отъ дождя и солнца, только эта защита мѣстами такъ сильна, что улицы походятъ на подземные туннели. По обѣимъ сторонамъ этихъ туннелей, въ открытыхъ лавкахъ, разложены всевозможные товары и производится промышленность всякаго рода. Тутъ въ продолженіи

*) Въ Солунѣ считается только 7,000 турокъ и до 10,000 христіанъ; остальные жители города — еврей.

для безконечной толпой снуеть народъ, движутся ослы и мулы съ вышками, и все это до нельзя озабочено, продаетъ, покупаетъ, толкается, ругается, визжитъ, а путешественникъ, попавшій въ этотъ водоворотъ, становится въ тупикъ отъ множества предметовъ для наблюденья.

Первое, что бросается въ глаза нашему брату, это изумительные контрасты, которые здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу. Мы привыкли видѣть въ нашихъ торговыхъ рядахъ извѣстный порядокъ и подборъ товаровъ, здѣсь же точно кто нибудь ради смѣха размѣстилъ промыслы и товары въ такомъ безпорядкѣ, какого нарочно не выдумать. Подлѣ ювелира, напримѣръ, продаютъ битую баранину; рядомъ помѣщается кузница, и дымъ отъ нея столбомъ валитъ въ сосѣднюю кондитерскую, гдѣ прокоптѣлый грекъ только что выложилъ для приманки свои пряники; за нею помѣщается цирульня, далѣе слесарь пилитъ кусокъ желѣза и т. п. Вотъ проходій мулъ выдумалъ поваляться и растянулся въ лужѣ вверхъ ногами; кирпичи, бывшіе на его спинѣ, разсыпались, и погонщикъ съ ярою бранью хлещетъ веревкой непокорнаго; рядомъ, не смотря на общую суматоху, оборванный жидокъ присѣлъ на камушекъ и добѣдаетъ кусокъ баранины, а разнощикъ абрикосовъ въ упоръ ему вытягиваетъ оглушительное завыванье. Далѣе, высунувшись бокомъ въ улицу, стоитъ огромная печь, и въ ней покрытый сажеемъ субъектъ стряпаетъ для желающихъ кушанье; мимоходомъ толкаютъ и задѣваютъ его всѣ проходіе, но онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ жаритъ кусокъ какой-то падали и надѣляетъ ею голодныхъ. Подлѣ печи сидитъ нищій и судорожно напгрываетъ что-то на скрипницѣ; а за нимъ какой-то англичанинъ наводитъ бинокль на остатокъ барельефа, отысканнаго имъ въ стѣнѣ. Вотъ монахъ палкой расталкиваетъ народъ, идетъ мальчишка съ образомъ и за нимъ два могильщика гашутъ покойника въ сопровожденіи рыдающей родни. Но всего описать невозможно. Я по цѣлымъ часамъ засматривался на это обиліе разнохарактерныхъ сценъ, особенно на главпой улицѣ, прорѣзывающей весь городъ отъ воротъ до воротъ, и меня всего болѣе удивляло то, что, не смотря на такое близкое сосѣдство противоположностей песовмѣстимыхъ, никто, повидимому, не мѣшаетъ другъ другу, каждый занятъ исключительно собственными интересами, не обращая никакого вниманія на затѣи сосѣда. И надо замѣтить, что все это происходитъ въ улицахъ шириною не болѣе сажени, и что

по срединѣ этихъ улицъ проложены еще грязныя канавки для стока нечистотъ, которыя всѣ стараются обходить.

Эти несчастныя канавки составляютъ непрѣмное украшеніе каждаго турецкаго города, а Солуня въ особенности, потому что въ Солунѣ нечистотъ болѣе, чѣмъ въ десяти турецкихъ городахъ, взятыхъ вмѣстѣ. Почти изъ каждаго дома проведены на улицу желоба, и изъ этихъ желобовъ фонтанами хлещутъ помои и всякая нечисть, а потому жидкость въ канавкахъ никогда не изсыкаетъ. Съ какимъ ужасомъ я смотрю на эти странныя водопады. Идешь спокойно и не замѣчаешь предательскаго желобка, какъ вдругъ передъ самымъ носомъ начинается изверженіе, и гуляющая публика по неволѣ отшатывается въ сторону. Кромѣ своего прямаго назначенья, быть проводникомъ нечистоты, эти канавки, какъ я замѣтилъ, приносятъ городу и другую, косвенную пользу. Онѣ поддерживаютъ влажность въ улицахъ; изъ нихъ утоляютъ жажду городскія собаки; дѣти въ нихъ плещутся и пускаютъ кораблики; но что всего замѣчательнѣе: мѣстныя хозяйки стираютъ въ нихъ свое бѣлье, и такимъ образомъ опять вносятъ въ свои семейства частицу той грязи, которую сооща вырабатываетъ городъ.

Прекрасный полъ встрѣчается на улицахъ рѣдко; онъ слѣдитъ за городской жизнью большею частію съ высоты прозрачныхъ балконовъ, которыми украшены въ Солунѣ многіе дома; что же касается до мужскаго населенья города, то оно на оборотъ въ теченіи дня рѣдко заглядываетъ домой, и съ утра до вечера толкается на базарѣ, который замѣняетъ для него и клубы, и всѣ общественныя удовольствія. Тутъ оно и обѣдаетъ, и мѣняется новостями, и промышляетъ, чѣмъ попало. Многіе даже совсѣмъ не имѣютъ квартиръ и всю жизнь цѣликомъ проводятъ на вольномъ воздухѣ. Впрочемъ эти бездомныя промышленники теряютъ очень немного; дома солунскіе устроены такъ, что вѣтеръ въ нихъ гуляетъ свободно и домовладѣльцы такимъ образомъ ничѣмъ не защищены отъ зимнихъ непогодъ. Богачи, конечно, понастроили себѣ палаты съ возможнымъ комфортомъ, но ихъ жизнь другаго сорта, и въ Солунѣ они составляютъ незначительное меньшинство, а я говорю о тѣхъ пролетаріяхъ низшаго класса, которыхъ надо считать сотнями на каждаго богача, и которые составляютъ основной слой Солуня. Имъ, говорить, зимою приходится до того плохо въ этихъ домикахъ, что они по цѣлымъ недѣлямъ жмутся около кухоннаго очага, поддержи-

вая въ немъ огонь неугасимый; а если зима бываетъ особенно холодна, то народъ толпою ломится въ лавки, гдѣ продаются угля, и добываетъ себѣ это топливо съ бою, вырывая его другъ у друга. Но такова уже сила упорства въ этомъ народѣ, что лучше будетъ онъ трястись цѣлую зиму, подобно тому, какъ предки его тряслись испоконъ вѣку, — чѣмъ рѣшится вставить стекла въ окна или выстроить печку. Боятся Востокъ нововведеній...

Шляясь по городу, наткнулся я на греческую церковь и зашелъ въ нее. Христіанскую церковь въ настоящее время трудно замѣтить, потому что по постройкѣ она ничѣмъ не отличается отъ обывательскихъ домовъ: крестовъ на ней не видно, колоколовъ нѣтъ; однако замѣтивъ толпу нищихъ, собравшихся у крыльца, я сразу узналъ, что тутъ церковь. Черезъ темныя сѣни вошелъ я въ просторную залу съ прямымъ потолкомъ, который поддерживается двумя рядами деревянныхъ колоннъ; вдали громоздится аляповатый иконостасъ, а на верху по стѣнамъ храма, устроены хоры, закрытые высокою, непроницаемою для глазъ сѣткою. За этою сѣткою, на хорахъ, обыкновенно помѣщаются женщины, чтобы не развлекать грѣховными помыслами молящихся внизу мужчинъ. Службы въ церкви не было, однако народу въ ней толпилось довольно много; у стѣнъ сидѣли бабы съ ребятами, два крестьянина, присѣвъ на корточки, пересчитывали деньги; нѣкоторые закусывали, другіе спали, словомъ, всѣ справляли свои житейскія обязанности, точно у себя дома.

— Что они службы что-ли ждутъ? спросилъ я у старика, стояшаго по сосѣдству.

— Нѣтъ, службы сегодня никакой не будетъ, — отвѣтилъ тотъ, съ любопытствомъ поглядывая на меня.

— За чѣмъ же здѣсь народъ?

— Да вѣдь это сельскіе. Приходятъ издалека, знакомыхъ нѣту, остановиться негдѣ, — вотъ и живутъ въ церкви, пока справятъ свои нужды. Вы вѣрно не здѣшній?

— Нѣтъ не здѣшній.

— Такъ пойдемте, я васъ къ чудотворному образу сведу, можетъ помолиться желаете.

Онъ повелъ меня за колонны, гдѣ въ лентахъ и разныхъ сельскихъ украшеньяхъ стоялъ большой образъ, па которомъ впрочемъ ничего разсмотрѣть было не возможно. Меня удивило то, что весь образъ былъ безцеремонно залѣпленъ разными монетами, и услужъ

ливый старикъ поспѣшилъ объяснить мнѣ, что мѣстные поселане, желая показать, что они жертвуютъ деньги не священникамъ, а самому образу, наклеиваютъ на него воскомъ свои жертвы; а священники отдираютъ отъ образа эти жертвы уже тогда, когда ихъ накопится достаточное количество.

На полу у образа лежали два поселанина съ худыми, изнуренными лицами. Они жалобно посмотрѣли на меня и сейчасъ же отвернулись. У одного въ рукахъ я замѣтилъ псалтырь славянской печати.

— Это большие,—шепнулъ мнѣ старикъ:— съ лихорадкой-то сегодня привезли, а другой ужъ четвертые сутки лежитъ; и все еще кашляетъ.

— За чѣмъ же они лежатъ здѣсь? спросилъ я.

— Ждутъ исцѣленья у заступницы.

— А!.. ну и что же, исцѣляются?

— Известно, по вѣрѣ бываетъ: иной выздоровѣетъ, другой нѣтъ, какъ заступница захочетъ...

Осматривая церковь, я замѣтилъ еще одну странность. Дряхлая старушка, въ родѣ смотрительницы нашего подворья, походивъ по церкви, отправилась прямо въ алтарь и тамъ преспокойно усѣлась на табуретѣ вязать чулокъ. Я глазамъ не вѣрилъ, помня очень хорошо, что женщинамъ нельзя входить въ алтарь, но каково было мое удивленье, когда старикъ объявилъ мнѣ, что эта старуха прислуживаетъ священникамъ за службой, въ качествѣ пономаря.

— Да вѣдь она женщина?

— Ну какая жъ это женщина? Она старушка строгая; все одно что мужчина.

Воротился домой уже поздно. Наша старуха объявила намъ, что сегодня послѣ заката солнечнаго начнется турецкій праздникъ рамазанъ, и затѣмъ въ теченіи сорока дней турки будутъ поститься и только по ночамъ кутить и праздновать. Въ самомъ дѣлѣ, только что солнце скрылось за берегами Кассандры, по городу раздалось три пушечныхъ выстрѣла, на верхушкахъ минаретовъ зажгли огни въ видѣ кружковъ и на улицахъ послышались пѣсни и говоръ. Даже въ настоящую минуту подъ моимъ окномъ стоятъ нишіе-музыканты, и поютъ какія-то дикія пѣсни съ аккомпаниментомъ турецкаго барабана. Въ Солунѣ впрочемъ и безъ того на каждой недѣлѣ бываетъ три праздника сряду: по пятницамъ празднуютъ турки, по суббо-

тамъ — евреи, а по воскресеньямъ — христіане. Большинство обывателей празднуетъ всѣ три дня.

25 марта.

Есть ли въ Солунѣ своя мѣстная аристократія? есть ли въ немъ капиталпсты, у которыхъ интересы и потребности жизни лучше, чѣмъ у остальной массы населенья?—это осталось для меня тайною. Всѣ осѣдлые обыватели Солуня, на сколько можно судить объ этомъ по уличной жизни народа, такъ близко подходятъ одинъ къ другому по своему образу жизни, по своему озабоченному голодному виду, по своимъ привычкамъ и средствамъ, что Солунь легко можно назвать городомъ мелкихъ промышленниковъ и пролетаріевъ низшаго сорта.

Мнѣ кажется, что если бы какой нибудь мазурикъ вздумалъ выворотить наружу карманы солунскихъ горожанъ, то этотъ мазурикъ нашелъ бы въ каждомъ карманѣ одинаковое количество монетъ; разница вышла бы небольшая. Конечно есть и исключенья, но только эти исключенья не выдаются изъ общаго уровня, причуть свои капиталы и также бѣгаютъ и хлопочуть, какъ и остальной народъ. Въ самомъ дѣлѣ на здѣшнихъ улицахъ рѣдко можно встрѣтить какого нибудь туза, съ барскими замашками и самодовольнымъ взглядомъ; еще рѣже встрѣчаются европейцы, и общій уровень толпы выгладитъ какимъ-то оторопѣлымъ, запуганнымъ взглядомъ: каждый точно боптается за самого себя, недоволенъ чѣмъ-то и какъ угорѣлый мечется изъ лавки въ лавку, пзъ улицы въ улицу. Это однообразіе населенья конечно отразилось и на постройкахъ солунскихъ: всѣ дома и лавки имѣютъ одинаковый, будничныи видъ и лѣплятся другъ ко другу, какъ швалиды на инспекторскомъ смотру; площадей никакихъ нѣтъ, садовъ не видно, даже городскія мечети, передѣланныя изъ старыхъ греческихъ церквей, и тѣ кругомъ застроены сплошною массою этихъ лачугъ и едва-едва высятъ надъ ними свои куполы и минареты. Правда, на главной улицѣ есть нѣсколько домовъ европейской архитектуры, выстроенныхъ недавно иностранцамъ, но эти излщныя постройки такъ же идутъ къ общему колориту города, какъ живые цвѣты къ лицу безобразной старухи.

Въ городѣ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ общественныхъ учреждений: ни больницъ, ни библиотекъ, ни театровъ, ничего такого, что бы существовало на общественныя суммы; каждому предоставлено заботиться о себѣ и своемъ семействѣ, какъ ему угодно, и хотя съ

горожанъ, какъ и со всѣхъ подданныхъ султана, собираются ежегодныя подати, но эти подати исчезаютъ въ Константинополѣ, какъ въ пропасти бездонной и народъ пользы отъ нихъ не видитъ. Здѣшніе греки уже на собственные сборныя деньги устроили двѣ школы, мужскую и женскую, и выписали для нихъ учителей изъ Афинъ, но въ этихъ школахъ преобладаетъ элементъ богословскій, какъ и во всѣхъ почти греческихъ школахъ; турки поучаются въ своихъ мечетяхъ, зазубривая наизусть строки изъ корана, а евреи пожираютъ талмудъ и слушаютъ своихъ раввиновъ. Такимъ образомъ вся руководящая сила народа находится въ рукахъ мѣстнаго духовенства и только отъ него народъ почерпаетъ всю мудрость житейскую. Оттого-то они всѣ и живутъ, какъ странники, ожидающіе лучшей жизни только за гробомъ; оттого-то надъ ними, какъ бичъ какой, свободно тяготѣетъ, гнетущая сила константинопольскаго деспотизма, которая распоряжается жизнью подвластнаго ей челоуѣчества, какъ своею собственностью, фанатично придавликаетъ все, что напоминаетъ прогрессъ еретическаго запада и безнаказанно творитъ самыя вопіющія дѣла... Оттого-то, наконецъ, этотъ мнзерный народъ потерялъ самую способность относиться критически къ мѣстному беззаконію.

Въ Солунѣ постоянно живетъ нѣсколько европейскихъ консуловъ съ своими семействами, — но какъ уживаются эти представители цивилизации среди такого варварскаго общества — это для меня не понятно. Конечно, они могутъ завести у себя дома всевозможный комфортъ, могутъ выписывать газеты, но вѣдь эта домашняя изолированная жизнь наконецъ наскучитъ, захочется какихъ нибудь другихъ развлеченій, а этихъ развлеченій въ Солунѣ нѣтъ: здѣсь даже гулять негдѣ, потому что окрестности города до такой степени печальны и пусты, что не стоитъ заглядывать туда. Поэтому консулы по большей части сидятъ дома и только изрѣдка показываются съ своими семействами на стѣнахъ города, откуда любуются гаванью и ея жизнью.

Сегодня и я влѣзалъ на стѣны, и видѣлъ такимъ образомъ то единственное мѣсто, откуда здѣшній людъ можетъ еще наслаждаться жизнью. Стѣны широкія, массивныя и, какъ видно, прежде могли служить надежной опорой городу, а теперь они мѣстами повривались и обвалились до такой степени, что сами требуютъ опоры отъ города. Какова эта опора можно судить по тому, что на мѣстѣ обваловъ теперь поставлены простыя деревянныя рѣшетки, въ родѣ нашихъ палисадиновъ.

Гуляя по стѣнамъ, солунская публика конечно старается смотрѣть только на заливъ и заботливо отворачиваетъ носы и глаза отъ тѣхъ прелестей, какія сложены подъ стѣнами. Тутъ на небольшомъ пространствѣ между домами и стѣнами точно пронеслась моровая язва и покрыла его трупами всевозможныхъ животныхъ. Какихъ звѣрей, какихъ тутъ птицъ я не видалъ! Сюда свозится весь излишекъ городского мусора, потрохи изъ мясныхъ лавокъ, всякая падалъ и проч., и все это гниетъ себѣ на просторѣ, сообщая городу тотъ элементъ дыханія, съ которымъ съ колыбели сроднилось здѣшнее человѣчество, и безъ котораго оно, кажется и жить не можетъ. Дѣлать нечего и я отвернулъ носъ и повернулъ глаза къ заливу.

Надо признаться, что безъ этого неудобства прогулка по стѣнамъ могла бы доставить полное наслажденье. Отсюда открывается видъ на весь солунскій заливъ; тутъ просторъ и отрада, тутъ усталому взгляду можно отдохнуть отъ тѣхъ пестрыхъ и неприглядныхъ картинъ, которыя утомляютъ его на городскихъ улицахъ, а легкій освѣжающій вѣтерокъ позволяетъ груди вздохнуть шире и свободнѣе. Заливъ покрытъ судами разныхъ флаговъ, за исключеніемъ русскаго, *) коегдѣ дымятся пароходы и идетъ выгрузка судовъ. Я нѣсколько минутъ наблюдалъ, какъ оригинально атлеты-носильщики выгружали одно греческое судно. Они притянули его, какъ можно, ближе къ берегу, потомъ, стоя по поясъ въ водѣ, припнали на свои плечи тюки съ товарами и тащили ихъ къ таможи тѣмъ же спокойнымъ, твердымъ шагомъ, будто шли по улицѣ. На пристани движенье и толпы народа, сотни лодокъ отчалили отъ берега и въ перегонку помчались въ глубь залива: они замѣтили вдали подѣзжающій пароходъ и вѣроятно устроятъ ему такую же встрѣчу, какую и намъ устроили. То-то опять бойня начнется.

Между тѣмъ внизу, подъ стѣнами, происходила работа другого рода. Тамъ, въ полусвѣтѣ, человѣкъ шесть евреевъ собирали кости, чтобы продать ихъ на какое нибудь судно. Процессъ собиранія происходилъ не такъ просто, какъ это у насъ дѣлается; аферисты сначала собрали и разложили вокругъ себя цѣлую кучу валяющейся падали, а потомъ, вооружившись ножами, отдѣляли гнилое мясо отъ костей и такимъ образомъ добывали искомый товаръ. Я поспѣшилъ уйти по-

*) Въ то время пароходы „Русскаго Общества пароходства и торговли“ еще не останавливались у Солуни.

далее отъ этихъ анатомическихъ работъ и вошелъ въ одну изъ ближайшихъ улицъ. Здѣсь улицы имѣютъ иной характеръ, нежели въ центрѣ города; въ нихъ движенія нѣтъ почти никакого, и дома на глухо окружены глиняными заборами, изъ за которыхъ выглядываютъ только одни кровли домовъ. Отъ воровъ ли придуманы эти заборы, или вообще отъ посторонняго любопытства,—не знаю; только улицы очень напомнили мнѣ блаженные предмѣстья нашихъ провинціальныхъ городовъ съ ихъ безконечными заборами. У однихъ воротъ стоялъ турка съ чубукомъ въ губахъ, въ дырявомъ халатѣ, опоясанномъ веревочкой и добродушно-тупо глядѣлъ на меня, — точь въ точь какой нибудь провинціальный капитанъ въ отставкѣ; черезъ улицу перебѣжала жидовка съ бѣльемъ въ рукахъ; на меня повѣяло чѣмъ-то роднымъ—далекимъ, и глаза невольно искали гдѣ нибудь по близости будки съ городовымъ, однако будки не оказалось. Я миновалъ нѣсколько такихъ пустынныхъ улицъ и очутился наконецъ въ еврейскомъ кварталѣ.

Лучше бы мнѣ не заглядывать въ этотъ жалкій уголъ Солуны!..

Еврейскимъ кварталомъ называется здѣсь тѣсный, грязный и многолюдный лабиринтъ, въ которомъ обитаютъ подонки бѣднѣйшаго еврейскаго класса, и собрано все, что только въ убогомъ городѣ есть самага убогаго и сгладаннаго нищетою неисходною. Здѣсь дома походять на обгорѣлыя развалины, и въ нихъ-то прячется эта нищета отъ остальнаго человѣчества, чтобы не ужаснуть его видомъ своего безобразія. Я заглянулъ въ этотъ вертепъ и до сихъ поръ не могу представить себѣ, какъ можетъ прозябать этотъ полусгнившій народъ среди такой мертвящей обстановки, среди заразительныхъ миазмовъ, при полномъ недостаткѣ пищи, свѣта и воздуха,—словомъ всего, что поддерживаетъ жизнь? Да и можно ли даже назвать *жизнью* этотъ процессъ существованья, гдѣ вся жизнь есть ничто иное, какъ медленная агонія, которая начинается мучить свою жертву съ колыбели и потомъ, постепенно усиливаясь, томить эту жертву долгіе годы, до самой преждевременной старости, пока не сгонитъ ее въ гробъ. Вѣдь съ каждымъ глоткомъ этого воздуха живое существо вдыхаетъ въ себя зародышъ смерти, такъ онъ ядовитъ и удушливъ. Въ мизерныхъ домахъ, въ которыхъ большею частію всего только одна горница, обитаютъ по пяти или шести семействъ еврейскихъ. Какъ они дѣлятъ свое хозяйство, какъ ладятъ между собою—не извѣстно, но только они еще лучшія и болѣе счастливыя

обитатели еврейскаго квартала: они все-таки имѣютъ домъ и какъ прикрыты отъ неудобствъ климата; большинство же населены помѣщается на открытомъ воздухѣ въ промежуткахъ между этими домами, на дворахъ, отдѣленныхъ отъ улицы низенькими заборами и плетнями. Такимъ образомъ вся частная жизнь семействъ и всѣ ихъ житейскія отношенія и отправленія происходятъ явно, передъ глазами всѣхъ проходящихъ, и здѣсь-то можно слѣдить за тѣмъ процессомъ гніенія общественнаго, который въ другихъ городахъ тщателью скрытъ отъ постороннихъ взоровъ и гнѣздится гдѣ нибудь въ подпольныхъ трущобахъ.

Проходя по этимъ улицамъ я сначала испытывалъ то неловкое ощущенье, какое испытываетъ человѣкъ, проходя черезъ комнату, гдѣ живутъ посторонніе жильцы; но видя, что на меня никто не обращаетъ вниманія, сталъ смѣлѣе озираться по сторонамъ и сквозь дырявые плетни видѣлъ, какъ живутъ эти люди. Вотъ мать кормитъ грудью ребенка и въ то же время палкой разнимаетъ двухъ подравшихся дѣтей; рядомъ другая семья расположилась обѣдать и съ жадностью хлебаетъ изъ котелка какую-то жидкость; за ними ничкомъ на соломѣ лежитъ молодая женщина и болѣзненно охаетъ; дальше двѣ женщины полощутъ въ лужѣ какія-то тряпки; тутъ же съ ними помѣщаются поджарые ослы, собаки, куры, и все это не стѣняясь другъ друга, исполняетъ свои жизненныя потребности, всѣ оспариваютъ другъ у друга лучшее мѣсто, лучшее право, голосить, ругается, стонеть... Вотъ кузница; чадъ валитъ изъ нее, и два жиды таинственно совѣщаются, разсматривая пару старыхъ подковъ; драхлая старуха свилася тайкомъ отъ нихъ стащить изъ кузницы горсточку угольевъ; ее теребитъ за платье плачущій мальчишка, совсѣмъ почти голый; изъ за нихъ съ лаемъ и визгомъ выбѣжали двѣ собаки и рвутъ другъ у друга оглодокъ кости. Вотъ, облокотясь на рогатину, стоитъ молодая дѣвушка, едва прикрытая обрывками полустлѣвшаго платья, и смотритъ на меня испуганнымъ взглядомъ; она только потому кажется не протянула мнѣ руку за подаишьемъ, что была увѣрена въ бесполезности этого, зная, что здѣсь подавать не любятъ, что здѣсь всякъ себя только знаетъ... Къ ней подбѣжала старуха и, не говоря ни слова, огрѣла ее по спинѣ палкой; дѣвушка со злостью вскинулась на нее, отпихнула въ сторону и опять на меня смотритъ... И у всѣхъ лица болѣзненныя, изнуренныя, помертвѣлыя, и рѣдко на этихъ лицахъ будто мелькнетъ улыбка, но

эта улыбка со стороны кажется лучемъ свѣта въ темницѣ: она показываетъ, что и здѣсь бываетъ нѣчто похожее на радость или удовольствіе. Вотъ и синагога; оттуда слышно протяжное завыванье: евреи, перекачиваясь съ ноги на ногу, дружно и усиленно зовутъ Бога на помощь себѣ, но не дается имъ помощь, хотя они повторяютъ свою молитву, можетъ быть, отъ начала существованья города; а между тѣмъ если бы самъ покровитель ихъ Моисей могъ подняться теперь изъ гроба и заглянуть на это жалкое житье бывшаго «народа божія», онъ ужаснулся бы и снова повторилъ свою великую молитву: «пусть лучше я самъ погибну, только спаси народъ мой!» Страшныя вещи совершаются въ этомъ притонѣ нищеты и безсознательнаго неизбежнаго разврата, и оскорбительно-болно становится здѣсь за это отверженное человѣчество. Хочется скорѣе бѣжать отсюда, забыть все это и отыскать новыя впечатлѣнія, на которыхъ можно было бы остановиться съ отрадой и хотя нѣсколько примириться съ обществомъ, въ средѣ котораго вырабатывается такая жизнь... Но гдѣ эти новыя, отрадныя впечатлѣнія? Въ какихъ уголкахъ Солуны скрыты они?.. Грустно.

Гдѣ-то пробило полночь. Въ окно моей комнаты свѣтитъ мѣсяцъ и съ моря вѣетъ живительный вѣтерокъ. На минаретахъ чуть теплятся огни, признаки рамазана, и на темномъ фонѣ неба они кажутся огненными нулями, повисшими въ воздухѣ надъ каждою мечетью... Въ городѣ тихо; вдали какой-то невѣдомый артистъ играетъ на флейтѣ что-то до нельзя унылое и это такъ встаетъ подходитъ къ моему настроенію, и точно служить отголоскомъ думъ моихъ тяжелыхъ. Спитъ городъ; мѣсяцъ блеститъ въ стеклахъ домовъ и покрываетъ ихъ будто серебромъ, — но вѣдь это только наружный блескъ, а въ самыхъ домахъ-то тьма какая непроглядная... Лучше не заглядывать туда.

28 марта.

Наскучилъ наконецъ мнѣ городъ, опротивѣли эти смрадные улицы, безсмысленныя, голодные лица, вѣчныя крики, драки, и кнуты, которыми угощаетъ народъ мѣстная стража, когда вздумаетъ пройтись по уликамъ какое нибудь начальство. Въ каждомъ мало мальски человѣческомъ городѣ можно встрѣтить нѣсколько свѣтлыхъ явленій, которые пріятно дѣйствуютъ на путешественника, — можно отыскать людей съ задатками политическаго развитія, а здѣсь я пока еще не

видѣлъ ничего, надѣ чѣмъ бы можно было остановиться съ уваженіемъ. Конечно, въ нѣсколько дней нельзя вполне узнать городъ, и по первымъ, можетъ быть случайнымъ, впечатлѣніямъ судить о всей его жизни и ея характерѣ; но вѣдь общая фizioномія города видна съ перваго взгляда, а эта фizioномія такая жалкая, избитая, пригубляемая, что не обѣщаетъ даже въ будущемъ ничего хорошаго.

Сегодня, для того чтобы окончательно доканать себя, я осматривалъ Чаушь — монастырь, въ которомъ нѣкогда жилъ и спасался предатель-монахъ, и которому городъ обязанъ своимъ паденіемъ. Видъ этого мѣста произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какое производитъ обезображенный трупу самоубійцы на нервную женщину. Всякое предательство вообще дѣйствуетъ на сердце тяжелымъ образомъ, но предательство политическое, отъ котораго страдаютъ и даже погибаютъ цѣлыя массы народа — производитъ такое отвращеніе, что даже тяжело смотрѣть на самое мѣсто этого предательства, какъ будто каждый камень и каждая песчинка принимали участіе въ дѣлѣ и пропитались воздухомъ, который выдыхалъ изъ себя предатель...

Какъ ни мало въ Солунѣ смысла политическаго и чувствъ гражданскихъ, однако онъ тоже проклялъ это мѣсто, и самый монастырь до сихъ поръ отмѣченъ въ народѣ недоброй памятыю. Какъ звали предателя — народъ не помнитъ, но съ тѣхъ поръ монастырь потерялъ свою репутацію и въ немъ даже монахи не селятся больше. Дѣло, рассказываютъ, было такъ: когда Амуратъ 2-й осадилъ Солунь, то въ немъ было довольно съѣстныхъ припасовъ, и городъ рассчитывалъ выдержать осаду до тѣхъ поръ, пока не придетъ къ нему помощь изъ Константинополя. Онъ еще имѣлъ надежду отразить врага, и отразилъ бы его, если бы Амурату не подслужился монахъ. Этотъ монахъ, вѣроятно изъ коростололюбивыхъ расчетовъ, или просто изъ желанія подслужиться сильному врагу, — перебросилъ въ станъ непріятельскій стрѣлу съ запиской, въ которой было указано мѣсто, гдѣ можно пересѣчь воду, напоявшую городъ. Султанъ по этой запискѣ безъ труда отыскалъ подземные водопроводы, разрушилъ ихъ и городъ, лишенный воды, принужденъ былъ сдаться. Вѣроятно, въ этой измѣнѣ участвовала вся братія монастырская, потому что Амуратъ, овладѣвъ городомъ, тотчасъ же далъ монастырю особыхъ чаушей (т. е. охранительную стражу) для защиты его отъ мести народной, и, въ знакъ особеннаго благоволенія, велѣлъ поставить на монастырскихъ ворагахъ каменное изваяніе чаушской шап-

ни. Такимъ образомъ этотъ монастырь долгое время пользовался милостями султана, а несчастный Солупъ превратился въ турецкій городъ еще за тридцать лѣтъ до паденія Константинополя.

Монастырь помѣщается на самой высокой оконечности города, подлѣ сѣверо-западныхъ стѣнъ его. По мѣрѣ приближенія къ монастырю обывательскіе домики постепенно рѣдѣютъ, мѣстность становится печальнѣе и безлюднѣе, а около самаго монастыря уже вовсе не видно жилья человеческого и мѣстность наполнена одними обломками камней, точно послѣ землетрясенія. На воротахъ стоитъ знаменитая чаушская шапка; тутъ же недалеко помѣщается большой мраморный бассейнъ, старинной постройки, куда проведена вода изъ горныхъ ключей и откуда она множествомъ желобовъ разливается по всему городу. Въ самомъ монастырѣ нѣтъ ни одного монаха, а живутъ только два наемные священника, потерявшіе мѣста при городскихъ церквяхъ, и они-то правятъ здѣсь по праздникамъ службы церковныя. Всѣми дѣлами монастыря въ настоящее время правитъ какой-то мирянинъ, по фамиліи Бладе, и арендуетъ всѣ сохранившіяся имѣнія его. Такимъ образомъ теперь здѣсь все нанятое, поддѣланное, и все еле держится.

Въ церкви монастырской хранится съ именемъ святыни: *кало-кифил*, то есть тыквенная чашка, которая принадлежала будто бы самому І. Христу. Она оправлена въ серебро, и вѣрующіе цѣлуютъ эту тыкву и пьютъ изъ нея воду. Утварь монастырская сдѣлана изъ русскаго золота и серебра и отмѣчена русскими молитвами.

Послѣ обычнаго угощенія вареньемъ и кофе, которымъ подчивали насъ обыватели монастыря, — мы покинули этотъ печальный уголокъ и спустились въ городъ къ нашей старухѣ на подворье. На улицахъ сегодня особенное движеніе: прибыли два иностранныхъ парохода, и потому городъ наполнился иностранцами. Передъ нѣкоторыми, вѣроятно богатыми, путешественниками, въ видѣ почетной стражи, идутъ кавасы съ палками въ рукахъ, и народъ со страхомъ сторонится отъ этихъ палокъ.

За городскими воротами, по праздникамъ, устраивается въ маленькихъ размѣрахъ народное гулянье. Тамъ подъ тѣнью четырехъ увѣсистыхъ платановъ раскидываются палатки, въ которыхъ продаютъ кофе и разныя восточныя лакомства, и около этихъ палатокъ толпится праздный народъ. Окрестности города до такой степени печальны и непривѣтливы, въ нихъ такъ мало растительности и дви-

женья, что и въ загородной прогулкѣ удовольствій очепь пемного. Кругомъ на нѣсколько верстѣ раскинуты турецкія и еврейскія кладбища, съ коническими плитами вмѣсто памятниковъ, подѣ которыми догнивають прежніе обитатели Солуня, и это царство мертвыхъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ самый городъ. На этомъ кладбищѣ не разгуляешься и народъ по неволѣ толпится около палатокъ, гдѣ покрайней мѣрѣ полакомиться можно. Вмѣстѣ съ народомъ и я сегодня наслаждался праздникомъ у этихъ палатокъ; а кругомъ было такъ тихо, непразднично, — точно гулянье происходило тайкомъ и подѣ строгимъ запрещеніемъ. Рядомъ со мною нѣсколько паръ, присѣвъ на низенькіе табуреты, занимались какою-то игрою въ родѣ шахматовъ или шашекъ; за этими игроками слѣдила цѣлая толпа зѣвакъ и шопотомъ высказывала свои мнѣнія. Напротивъ меня нѣсколько жидковъ, усѣвшихся рядомъ, чинно пили кофе. Въ сторонѣ отъ палатки гуляла группа еврейскихъ дѣвушекъ и искоса поглядывала на насъ. Всѣ онѣ одѣты въ яркія разноцвѣтныя платья, у всѣхъ косы покоятся въ разукрашенныхъ чахлахъ, но лица не отличаются особенною миловидностью. Около часу просидѣлъ я на этомъ гуляньи, стараясь подмѣтить хоть что нибудь веселое, — но не подмѣтилъ...

II.

Крѣпость Воло въ Фессалии. Апрель 2.

Послѣ морской качки и пароходнаго климата, какъ пріятно отдохнуть въ какомъ-бы то ни было пріютѣ, напиться чайку, побесѣдовать съ добрыми людьми, и потомъ въ своемъ дневникѣ вторично прослѣдить все, что видѣлъ и слышалъ въ теченіи дня. Это удовольствіе теперь испытываю я. Комната у меня свѣтлая, чистая, съ европейскими удобствами; въ широкое окно видно море, и темными силуэтами рисуются на немъ спящія суда. Вокругъ тишина мертвая и не спимъ мы только двое: я да это беспокойное море, которое упорно продолжаетъ волноваться, какъ будто желаетъ омыть отъ наносной грязи прославленные берега старой Греціи.

Вчера вечеромъ я наконецъ покинулъ Солунь и перебрался на греческій пароходъ Оттонъ, отправившійся въ Фессалию. Надо признаться, что этотъ пароходъ не щеголялъ особенными удобствами. Дѣло въ томъ, что онъ долго служилъ въ военной службѣ, и толь-

ко за старостью лѣтъ уволенъ въ отставку и пустился по торговой части; поэтому на немъ оказалась только одна крошечная каюта для избранныхъ пассажировъ перваго класса, а остальной народъ долженъ былъ громоздиться, въ качествѣ товара, на широкой палубѣ, располагаясь помѣщеньемъ, какъ придется. Но не смотря на эти неудобства, мнѣ нравился и этотъ заштатный инвалидъ, и оживленная толкотня пассажировъ — такъ хотѣлось скорѣе убраться въ открытое море, подальше отъ этихъ непривѣтливыхъ береговъ.

Пассажировъ набралось много, и большинство ихъ носило тотъ же буржуазный отѣнокъ, какимъ отличается населеніе Солуня. Съ криками и руганью толкались они по палубѣ съ огромными узлами, изъ которыхъ выглядывали старыя одѣяла и разное тряпье, взятое для подстилки на палубу; мѣстами затѣввались ссоры и слышались угрозы; мѣстами происходили трогательныя сцены прощанья, плакали, цѣловались и благословляли другъ друга. Тутъ же въ толпѣ бѣгали таможенные, валомъ валили носильщики съ увѣсистою кладью, шныряли кавасы... Наконецъ пароходъ тронулся въ путь медленнымъ, стариковскимъ ходомъ. Городъ былъ передъ нами, какъ на ладони; какъ правильный треугольникъ раскинулся онъ на скатѣ горы, съ своими башнями и минаретами, и въ самомъ верху этого треугольника бѣлѣлись постройки чаушь-монастыря. Солнце послѣдними лучами жгло его стѣны. Вдали мелькали шляпки прощавшихся съ пароходомъ солунянъ и все еще махавшихъ платками и шляпами. Съ парохода отвѣчали имъ тѣмъ же, и у нѣкоторыхъ отъ этого еще пуще полились слезы. Особенно горько рыдала одна молодая дѣвушка. Облокотясь на бортъ и прижавши къ щецѣ мокрый отъ слезъ платокъ, какъ окаменѣлая, смотрѣла она на Солунь, и во всей ея фигурѣ выражалось такъ много отчаянной грусти, какъ будто она повидала тамъ всѣ свои радости и надежды. За нею съ любовью слѣдила дряхлая старушка, и напрасно силилась она успокоить дѣвуху наивными внушеньями: «перестань-же, всѣ смотрять, что подумаютъ» и т. п. для дѣвухи не существовало ничего, кромѣ этой милой, поквнутой дали... Густой туманъ покрылъ поверхность воды; за нами уже чуть чуть бѣлѣлись городскія стѣны, потомъ и они исчезли, а дѣвушка все еще упорно продолжала глядѣть туда и судорожно всхлипывала. Прощай Солунь! Не желалъ бы я опять здороваться съ тобою!..

На палубѣ общество понемногу успокоилось и размѣстилось, какъ умѣло, между своими узлами и тюками товаровъ. Скоро однако эти

узлы раскрылись и изъ нихъ повылѣзли на свѣтъ божій разныя одѣяла, матрацы и другіе предметы, взятые для удобства путешествія, и палуба скоро преобразилась въ походный лазаретъ, наполненный лежачими. Слышался говоръ и смѣхъ; нѣкоторые, собравшись въ кучу, съ жадностью пожирали сушеную рыбу съ примѣсью турецкихъ бобовъ, другіе смотрѣли на нихъ съ завистью; только одни турки, справляя установленія рамазана, сидѣли съ постными лицами и, какъ видно, ждали съ нетерпѣніемъ: скоро-ли сядетъ солнышко и можно будетъ вознаградить себя за дневной постъ. На тѣсномъ помостѣ палубы сошлись теперь образчики всѣхъ восточныхъ націй, и тутъ-то сразу можно было видѣть, какъ рѣзко отличаются эти націи другъ отъ друга и какъ, значитъ, имъ трудно не ссориться между собою. Турки рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ пассажировъ своимъ комически-степеннымъ видомъ; они, какъ руководители востока, гордо развалились на лучшихъ мѣстахъ палубы, и во всѣхъ ихъ лѣнивыхъ, полусонныхъ движеніяхъ такъ и сквозило чувство собственного достоинства и сознанія своего превосходства предъ другими. Даже и тотъ испитой турка, съ пожелтѣлой, изнуренной рожей, примостившійся около мачты, — и тотъ постарался развалиться какъ можно удобнѣе, смотреть на все окружающее, какъ философъ, понявшій тайну жизни, и мѣста своего онъ даромъ никому не уступить. У грековъ лица задумчивыя, сосредоточенныя, только глазки ихъ проворно перебѣгаютъ съ предмета на предметъ и смотрятъ на каждаго незнакомца такъ вкрадчиво, какъ будто напередъ стараются угадать, о чемъ и какъ съ нимъ при случаѣ заговорить надо; они сильному, пожалуй, и уступятъ свое мѣсто, но съ достоинствомъ. Подвижныя эластичныя фигуры евреевъ столпились въ кучу на носу и тамъ сейчасъ же освоились съ мѣстомъ, устроили себѣ маленькій еврейскій кварталъ и уже копошатся и хлопчутъ о чемъ-то, не обращая никакого вниманія на сосѣдей. Ихъ съ мѣста согнать трудно: они скрючатся до нельзя, изворотятся въ клубокъ, но съ мѣста все-таки не сойдутъ. Но вотъ видна вдали фигура славянина съ лицомъ добродушнымъ и довѣрчивымъ до наивности. Въ немъ замѣтно что-то забитое до притупленья, всѣхъ онъ боится, всѣ надъ нимъ начальники, всякій его обидѣть можетъ, кому только не лѣнь, и онъ какъ-то безропотно переноситъ обиды и рабски уступаетъ свое мѣсто другому. Если его что нибудь ужъ очень пройметъ, то онъ иногда протестуетъ, только протестъ его въ большинствѣ случаевъ похо-

дить на протестъ высѣченнаго ребенка, который бьетъ и ломаетъ ненавистную розгу, какъ будто въ ней заключается вся вина обиды...

Оттонъ подвигался медленно, и механикъ, какъ я узналъ потомъ, нарочно не давалъ ему ходу изъ опасенія, чтобы не дошлулъ котель. На чистой площадѣ кормовой палубы мрачно расхаживалъ капитанъ парохода съ перевязанной рукою и шрамомъ на щекѣ. Изъ каюты вышли было подышать воздухомъ его молодая жена, маленькая дочь и гувернантка, но подышали очень немного и, съжившись отъ холода, торопливо спустились обратно въ каюту. Ночь наступила быстро; на встрѣчу намъ задулъ холодный, пропитанный сыростью вѣтеръ, и пароходъ стало замѣтно покачивать. Я спросилъ себѣ стаканъ чаю, и закоптѣлый буфетчикъ вынесъ мнѣ какую-то жидкость, отъ которой пахло болѣе кофеемъ, чѣмъ чаемъ,—но тутъ разбирать было уже некогда, и все теплое было встати. Рядомъ со мною стоялъ молодой грекъ, въ европейскомъ костюмѣ, съ красивыми и умными чертами лица; облокотясь на бортъ, онъ съ улыбкой наблюдалъ за моимъ чаепитіемъ.

— Я готовъ пари держать, что вы или англичанинъ, или русскій,—сказалъ онъ мнѣ.

— Почему вы такъ думаете.

— Потому что вы пьете чай, а не кофе. Здѣшніе жители пьютъ только кофе.

— Вы угадали: я русскій.

— А!.. И были въ Солунѣ, вѣроятно, по дѣламъ службы?

— Почти что такъ.

— Не люблю я этотъ бусурманскій городъ. Живя въ Солунѣ, трудно повѣрить, что живешь на европейскомъ материкѣ, а не въ глубинѣ Азіи. Не правда-ли?

— Да, но вѣдь я зналъ, что вижу востокъ европы, а весь востокъ, какъ вы сами конечно знаете, живетъ особенною жизнью, независимою отъ запада....

— Я теперь только возвращаюсь изъ-за границы; объѣхалъ почти весь западъ, отъ Рима до Лондона, и признаюсь: возвращаться мнѣ не слишкомъ-то весело...

— Почему же?

— Да потому, что послѣ жизни запада, слишкомъ рѣзко бросается въ глаза рабская, сдавленная жизнь моей родины и становится

какъ-то досадно и обидно за свое безсиліе. Вамъ конечно непонятно это неприятное ощущение раба: вы русскій, вы свободны...

— Конечно; у насъ крестьянъ вотъ даже освобождаютъ...

— А теперь полюбуйтесь-ка на наше житье. Вы вѣдь въ Фессалию ѣдете?

— Да.

— Вотъ поглядите, что дѣлаютъ турки въ нашемъ, когда-то политическомъ, прославленномъ краю. Я самъ фессалиотъ и люблю свою родину за то, что она давно уже рвется къ независимой жизни и вѣроятно достигнетъ этого скоро. Нигдѣ патриотизмъ не развитъ такъ сильно, какъ въ Фессалии, и въ то же время нигдѣ деспотизмъ турецкій не доходитъ до такихъ звѣрскихъ размѣровъ, какъ у насъ. Казни на каждомъ шагу, безъ суда и расправы; разбой повсемѣстные; каждый турка можетъ свободно ограбить любого поселенина и распоряжается въ его домѣ, какъ въ своемъ собственномъ; дочерей и женъ приходится прятать, имущества закапывать въ землю; народъ ропщеть, но не смѣетъ вслухъ произнести своего ропота, потому что за малѣйшее сопротивленіе турки въ цѣломъ селѣ не оставятъ камня на камнѣ. У нашего лучшаго города, Лариссы, на первомъ планѣ поставлена большая каменная висѣлица, на которой частенько умираютъ наши патриоты, и замѣтьте, турки вѣшаютъ не такъ, какъ вездѣ, а просто опутаютъ жертву веревками, да и повѣсятъ на крюкъ вверхъ ногами; и несчастный провиситъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ пока не умретъ отъ голоду и боли.

— А какже послѣдній гатти-гумаюнъ? Вѣдь вы имѣете право жаловаться?

— Какъ тутъ жаловаться? Къ султану и его министрамъ конечно не допустятъ, а если бы и допустили, толку вышло бы мало. Недавно еще нѣсколько горожанъ изъ Трикалы поѣхали было жаловаться на одного агу, который ограбилъ ихъ, но только этотъ ага догналъ ихъ на дорогѣ и упряталъ такъ далеко, что до сихъ поръ объ нихъ ни слуху, ни духу. Каждый понимаетъ, что ему жестоко отомстить, если онъ вздумаетъ жаловаться, ну и молчитъ, и терпитъ. Что тутъ подѣлаешь, если пашамъ и агамъ дана такая неограниченная власть и почти полна безотчетность. Болѣе всего досадно на то, что Европа силится всѣми мѣрами поддержать это издающееся царство, и навязываетъ Турціи разныя европейскія нововведенія, какъ будто они могутъ привиться къ этому азіатскому

племени. Султанъ конечно слушаетъ своихъ западныхъ внушителей и бессознательно дѣлаетъ все, что прикажутъ ему, а что толку? Вотъ не такъ давно, разослано было ко всѣмъ пашамъ предписаніе, чтобы они къ извѣстному сроку собрали и представили въ Константинополь статистическія свѣденія о числѣ родившихся и умершихъ, каждый въ своемъ округѣ; и что же: большинство пашей отвѣтило, что въ ихъ округахъ въ теченіи года родившихся и умершихъ не было и что все, по милости аллаха, обстоитъ благополучно. И повѣрьте, что болѣе обстоятельныхъ отвѣтовъ никто отъ нихъ не добьется... Или уморительная исторія Константинопольскаго университета; слышали вы ее?

— Слышалъ, но не ясно.

— Дѣло въ томъ, что этотъ разсадникъ турецкой мудрости помѣстили на горѣ, какъ разъ надъ самымъ сералемъ султана. Изъ оконъ университета можно было видѣть все, что происходитъ въ саду серая, а тамъ частенько гуляли жены султанскія. Очевидно, молодой народъ не могъ смотрѣть равнодушно на такое пріятное сосѣдство и завелъ съ султаншами любовныя шашни. Какъ только узналъ объ этомъ султанъ, сейчасъ же приказалъ уничтожить университетъ, и дѣйствительно студентовъ оттуда выгнали, зданіе перепортили, стекла выбили, и теперь тамъ, кажется, помѣщается рота солдатъ. И смѣшно и жалко. Нѣтъ; турки сами начинаютъ сознавать, что они гости въ Европѣ и только чудомъ какимъ-то до сихъ поръ держатся въ ней, къ стыду всей Европы. Непонятно въ самомъ дѣлѣ, какъ еще она существуютъ, при такомъ разстройствѣ своей финансовой системы, безъ денегъ, безъ школъ, безъ войска, между тѣмъ какъ подвластные имъ народы развиваются слишкомъ быстро и съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе предъявляютъ свои права на независимость? Султанъ махнулъ рукою и кутитъ на послѣднія денежки; наши только влугами да палками и могутъ поддержать свое временное значеніе и, не получая жалованья отъ казны, очертя голову грабятъ народъ. Народъ бѣднѣетъ, ожесточается болѣе,—и, знаете-ли, мнѣ кажется, что все это къ лучшему... Каждая новая несправедливость и жестокость со стороны правительства, приближаетъ минуту возстанія. Такъ пусть же ихъ грабятъ сильнѣе и тѣмъ ускоряютъ дѣло! Не правда-ли?

— Конечно.

— А моя Фессалія поднимется одна изъ первыхъ: тамъ жажда

свободы достигла высшей степени развитія, и народъ ждетъ только перваго удобнаго случая, чтобы пачать дѣло. Къ этому побуждаетъ его и близкое сосѣдство съ свободной страной, которая тѣмъ же кровавымъ путемъ достигла свободы и давно зоветъ насъ отъ себя. Посмотрите, какъ она теперь прекрасно устроилась! Въ какихъ нибудь 40 лѣтъ, она въ миниатюрѣ завела у себя все, что только въ послѣднее время выработала у себя Европа: имѣетъ свои парламенты, свой университетъ, который снабжаетъ ученостью даже всю рабскую Грецію,—имѣетъ школу художествъ, свою свободную литературу и проч. Повѣрьте, что въ послѣдствіи она даже перещеголяетъ Европу...

— А все-таки ею править чужой король.

— Что же дѣлать? Дождемся когда нибудь и своего. Конечно, Европа по праву сильнаго опять вмѣшается въ наше кровное дѣло: она изобрѣла кагіе-то законы политическаго равновѣсія, и на основаніи этого, конечно, вступится за турокъ,—но мы надѣемся когда нибудь освободиться и отъ этой непрошенной опеки. Надежда дѣло великое.

Онъ замолчалъ и задумался.

Пароходъ медленно и плавно перекачивался съ боку на бокъ; два фонаря на мачтахъ его, какъ два глаза, сверкали вверху; изъ подъ котловъ вырывались струи свѣта; но на палубѣ не слышалось ни одного человѣческаго звука: всѣ спали такъ крѣпко и сладко будто въ своихъ родныхъ солунскихъ лачугахъ, даже вахтенный, и тотъ, прижавшись къ мачтѣ, казалось дремалъ... А кругомъ тьма громѣшная: не видно ни неба, ни моря, и едва, едва мѣстами сверкаетъ бѣлая пѣна волнъ.

— А, знаете ли, я слышалъ, что на пароходѣ котлы плохи,—сказалъ мнѣ вполголоса мой сосѣдъ. Что если вдругъ лопнуть: дѣло выйдетъ нехорошее.

— Тогда мы, вѣроятно, потонемъ,—отвѣтилъ я шутя.

— Я самъ тоже думаю.

Я прилежъ на кучу парусовъ, и долго еще лежа слышалъ завыванье вѣтра, визги реевъ, стонъ часоваго колокола и отчаянный плачь ребенка въ каютѣ.

На разсвѣтѣ мы объѣхали подводные камни, окружающіе островъ Скіафо, на которомъ помѣщается маленькій городокъ того же имени, принадлежащій къ свободной Греціи, и потомъ потянулись передъ нами голые, безжизненные скалы, едва прикрытые мелкимъ кустар-

никомъ. Кое-гдѣ, по вершинамъ скалъ и на отдѣльныхъ островкахъ, бѣлѣлись монастыри, которыми такъ богата рабская Греція, — монастыри когда-то богатые и цвѣтушіе, а теперь забытые и покинутые съ тѣхъ поръ, какъ земля подъ ними стала свободною. Потомъ мы увидѣли знаменитое село Трикери, принимавшее такое дѣятельное участіе въ возстаніи 1821 года. Село помѣстилось на самомъ верху дикой скалы и кругомъ его нѣтъ ни одного деревца, ни вустика: все безжизненно и голо, будто послѣ пожара. Внизу подъ селомъ устроена небольшая пристань, и къ ней привязано нѣскольکو лодокъ, на которыхъ дѣти прославленныхъ отцовъ занимаются пока рыбнымъ промысломъ.

— Отсюда начинаются святые мѣста, — шепнулъ мнѣ сосѣдъ патриотъ. — Отсюда каждый камушекъ будетъ напоминать вамъ о великомъ событіи нашей исторіи, и о крови нашихъ мучениковъ. Эхъ, славныя мѣста-то какія!... прибавилъ онъ, съ восторгомъ любуясь на Трикери.

Наконецъ увидѣли мы и Воло. По сторонамъ небольшого залива стоятъ турецкія укрѣпленія, а въ глуби его помѣщается самая крѣпость. Мѣстность цвѣтушая, роскошная; вдали синѣются цѣлыя лѣса изъ лавра и тополя, и среди ихъ, какъ бѣлая лента, вьется по холмамъ дорога въ Лариссу. На окрестныхъ горахъ разсыпано до сорока греческихъ селеній, и нѣкоторые изъ нихъ лѣплятся на такихъ крутизнахъ, что по-неволѣ дивишься имъ. И все это оживлено; во всемъ видно начало другой жизни, не турецкой. Въ самомъ дѣлѣ, мѣста-то какія славныя!...

Апрѣля 3.

Мы остановились въ греческомъ кварталѣ, у г. С..., агента русскаго консула въ Лариссѣ, который въ первый разъ видитъ русскихъ, и потому старается оказать намъ возможную любезность. Греческій кварталъ Воло помѣщается въ полу верстѣ отъ крѣпости, на самомъ берегу залива, и самъ по себѣ составляетъ отдѣльный городокъ; въ немъ греки обстроились на европейскій ладъ, у всѣхъ дома чистыя и свѣтлыя, съ тѣми удобствами, какія рѣдко можно встрѣтить въ греческихъ домахъ средней руки. Турокъ вовсе нѣтъ въ этомъ кварталѣ, они всѣ убрались въ свою крѣпость. Тамъ, нѣкъмъ нетревожимые, они устроились по своему вкусу и спятъ себѣ на свободѣ. Не советѣмъ-то я жалую турокъ, однако не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть въ ихъ убѣжище. Крѣпость, какъ и слѣдуетъ быть

ей, окружена со всѣхъ сторонъ стѣнами, на которыхъ помѣщается до 25 пушекъ, только злые языки говорятъ, что всѣ эти пушки *глиняныя*, такъ какъ настоящія давно уже продавы кому-то комендантомъ крѣпости за ненадобностью. Черезъ желѣзные ворота пробрался я съ проводникомъ въ эту тихую обитель вѣчнаго успокоенія и озираясь ползая по пустыннымъ улицамъ. Улицы кривыя и паглухо заставленныя глиняными заборами, изъ за которыхъ рѣдко гдѣ мелькнетъ убогое окошко, занавѣшенное какою-нибудь тряпкою. Мѣстами устроены водоемы, и у нихъ иногда встрѣчаются женщины съ кувшинами и лоханями; у всѣхъ лица завязаны кисеею, во избѣжаніе соблазна для прохожихъ, однако я подсмотрѣлъ одно лицо, когда какая-то грація обмывала его водою: подсмотрѣлъ и, признаюсь, порадовался, что эти существа такъ тщательно завязываютъ свои лица. Точно по кладбищу ходилъ я по уродливымъ улицамъ, не встрѣтивъ нигдѣ ни души живой. Отъ рамазана ли это зависѣло, или такая пустынность—обычный колоритъ города, не-знаю; но только эта пустынность и неподвижность рѣзко бросается въ глаза послѣ той шумной дѣятельности, какую я видѣлъ на солунскихъ улицахъ. Характеръ построекъ и здѣсь, и тамъ почти что одинаковъ, но тамъ главное движеніе городу придаютъ евреи, тогда какъ здѣсь никто не тревожитъ турокъ, и потому ихъ природная неподвижность и апатія отражается на всемъ складѣ города, сквозить изъ каждой щели и окна, такъ что даже собаки и ослы здѣшніе—и тѣ какъ будто зѣваютъ и сквозь сонъ поглядываютъ на свѣтъ божій. На поворотѣ одного переулка у колодца, я встрѣтилъ полунагаго араба; онъ хотѣлъ было зачерпнуть воды, но, увидѣвъ насъ остановился, и на маслянистой рожѣ его выразилось такое изумленіе, точно онъ въ первый разъ увидѣлъ въ зеркалѣ самого себя. Оборванный мальчишка выбѣжалъ изъ воротъ и швырнулъ вслѣдъ намъ камень, потомъ другой камень пролетѣлъ мимо насъ, и мы, во избѣжаніе опасности, принуждены были скорѣе удалиться изъ этого непривѣтливаго города.

Надъ крѣпостными воротами, въ видѣ диковинки, виситъ позвонокъ и ребро какого-то исполинскаго скелета и проводникъ послѣдшилъ объявить мнѣ что это «адамово ребро» то самое, изъ котораго сотворена была первая женщина. Попробовалъ было я увѣрить его, что это, по всей вѣроятности, китовое ребро, но проводникъ вмѣсто отвѣта только улыбнулся лукаво, и замѣтилъ что на ребрѣ надпись есть.

За стѣнами города я былъ свидѣтелемъ очень характерной сцены. По дорогѣ тащился грекъ убогаго вида и вель оный такого же убогаго осла, на которомъ, едва прикрытая дырчавымъ рубищемъ, сидѣла женщина съ ребенкомъ, а рядомъ шли еще двѣ женщины. Слѣдомъ за ними, на арабскомъ, разукрашенномъ конѣ, ѣхалъ одинъ изъ вельможъ турецкихъ, въ сопровожденіи каваса. Только этому вельможѣ должно быть не поправилось, что передъ нимъ ѣдетъ такая сволочь; онъ мигнулъ кавасу, и тотъ, выхвативъ изъ подъ сѣдла толстую палку, стремглавъ помчался на расправу. Съ воплемъ испуганныя женщины ринулись въ сторону и въ ужасѣ попадали на траву, желая прежде всего сласти ребенка, но кавасъ наскочилъ на нихъ и со звѣрскимъ наслажденіемъ принялся работать палкою, по чему попало. Я отвернулся и ускорилъ шаги, но сзади меня еще долго раздавался отчаянный вопль женщинъ и ребенка, и глухіе удары палки, — пока наконецъ вельможа, наблюдавшій за расправой, не покончилъ ее словомъ «довольно». Такія сцены въ Фессалии, говорятъ, приходится видѣть частенько, и не мудрено, что народъ при видѣ турецкаго вельможи замираетъ отъ страха, и что ненависть къ этому дикому врагу проникла даже въ самые невѣжественныя классы народа. Одинъ поселянинъ увѣрялъ меня, что на томъ мѣстѣ, гдѣ подохнетъ турка, даже трава не растетъ, птица гнѣзда не сошьетъ, и все то мѣсто покроется колючимъ чертополохомъ.

Греки, поселившіеся въ окрестностяхъ Воло, очень довольны, что они успѣли завести здѣсь отдѣльный кварталъ, гдѣ нѣтъ ни одного турка и гдѣ они могутъ жить, какъ хотятъ. Въ этомъ кварталѣ теперь выстроено до 60 домовъ съ красивыми магазинами, которые захватили въ свои руки всю мѣстную торговлю. Правда, что турки косо смотрятъ на этотъ кварталъ и по возможности мѣшаютъ его постройкамъ, опасаясь, чтобы онъ не превратился въ новый европейскій городъ, — но греки умѣютъ задобрить, кого слѣдуетъ, и кварталъ растетъ понемногу. Въ немъ есть даже небольшая церковь, при церкви колоколя, а на колокольнѣ *колоколъ*. Замѣтивъ эту рѣдкость греческихъ церквей и, особенно, заслышавъ мелодическій звонъ колокола, я почувствовалъ нѣкоторое умиленіе; но какова же была моя радость, когда я на колоколѣ явственно прочелъ надпись: «Ростовъ на Дону». Да, это она, моя милая родина, не забываетъ своихъ угнетенныхъ братій, и въ утѣшеніе имъ трезвонитъ въ свои колокола по всему Востоку...

Еще давно гдѣ-то слышалъ я, что въ Воло есть удивительный источникъ, вода въ которомъ чудеснымъ образомъ появляется только одинъ разъ въ годъ, а именно въ пятницу на пасхѣ, въ праздникъ живоноснаго источника. Этотъ рассказъ я слышалъ и здѣсь, а потому не удивительно, что почувствовалъ непреодолимое желаніе посмотреть на эту диковинку. Сомною пошелъ г. С... и еще нѣсколько человѣкъ изъ желающихъ, а въ проводники мы взяли сельскаго пастуха, хорошо знакомаго съ мѣстностью источника. Долго подымались мы на вершину горы Гурицы и наконецъ достигли до мѣста, гдѣ прежде помѣщалась старинная венеціанская крѣпость, извѣстная теперь въ этой мѣстности подъ простымъ названіемъ Франко-кастро. Крѣпости теперь, конечно, не существуетъ, но на вершинѣ Гурицы еще до сихъ поръ замѣтны слѣды крѣпостныхъ стѣнъ и другихъ зданій, и по этимъ слѣдамъ, какъ по картѣ, можно видѣть планъ города. Изъ остатковъ его теперь сложена тамъ небольшая церковь безъ кровли, и въ ней, въ праздникъ живоноснаго источника, мѣстные попы правятъ службу. Подлѣ церкви помѣщается старинная цистерна, съ превосходной водою.

— Здѣсь что-ли? спросилъ я у пастуха.

— Тутъ вода есть. Значитъ ищи дальше.

Мы спустились нѣсколько ниже и тамъ между кустами отыскали другую цистерну.

— Не тутъ ли? опять спросилъ я.

— Онъ самый и есть,—отвѣтилъ пастухъ.

Раздвинувъ сучья мы увидѣли, что и въ этомъ источникѣ тоже есть вода, только мутная, тишистая, покрытая болотными растеньями. Я взглянулъ на пастуха. Нельзя было представить себѣ ничего комичнѣе изумленія, какое выразилось тогда на загорѣлой физиономіи нашего проводника. Онъ бессмысленно глядѣлъ то на насъ, то на источникъ, и только отъ времени до времени погружалъ въ эту запрещенную воду свою суковатую палку. Я наконецъ расхохотался.

— Да сегодня какой у насъ день? спросилъ озадаченный пастухъ.

— Не бойся, сердечный, не пасха,—отвѣчалъ я.— А ты часто ли бывалъ здѣсь прежде?

— Только въ праздникъ и бывалъ.

— Въ томъ-то и дѣло. Ходилъ бы почаще, такъ у тебя была бы вѣчная пасха.

А между тѣмъ дѣло объяснилось очень просто. Дѣло въ томъ, что во времена существованія города этотъ бассейнъ предназначал-

ся для сбереженія лишней воды, и когда въ верхней цистернѣ вода отъ дождей достигала до краевъ, то излишекъ ея черезъ подземныя трубы стекала въ другую цистерну, помѣщенную ниже; отсюда въ третью, и т. д. Это подтвердилось и тѣмъ, что въ чудесномъ источникѣ мы отыскали даже самыя отверстія подземныхъ трубъ. А тутъ время долго стояло дождливое, верхняя цистерна наполнилась до краевъ, и вода въ непоказанное время и пробралась въ чудесный источникъ. Такъ вообще устроиваются водоемы въ горныхъ безводныхъ мѣстахъ.

Вся гора, на которой покоятся обломки стараго города и источникъ, зарыта глубокими каменоломнями, такъ что внутри ея образуются множество пещеръ и подземныхъ ходовъ. Эти каменоломни давно уже брошены, но они очень были полезны для мѣстнаго населенія во время возстанія. Въ обширныхъ пещерахъ горы укрывалось отъ преслѣдованья турокъ множество греческихъ семействъ, и отсюда они потомъ, черезъ подземные ходы, могли выходить къ морю и бѣжать далѣе уже на лодкахъ. Мнѣ интересно было заглянуть въ эти пещеры и, сквозь небольшую лазейку у самаго берега, мы всѣ вошли въ огромный залъ, съ искусственными колоннами и нишами; съ одной стороны этого зала, въ заросшее плющемъ отверстіе, хлещутъ волны морскія, а съ другой стороны маленькая лѣстница ведетъ во внутреннія галлерей. Къ несчастью начинало уже смеркаться, и потому пробраться въ эти галлерей было и трудно, и опасно.

На обратномъ пути мы встрѣтили семейство греческаго консула, а съ нимъ того патріота, съ которымъ я познакомился на пароходѣ. Начались обыкновенные разговоры: «какъ правится мѣстность? были ли въ крѣпости?» и т. п. И всѣ-то они радуются, что мы увидимъ наконецъ Фессалию и обѣщаютъ впереди такое множество новыхъ впечатлѣній и пріятныхъ, и печальныхъ... А вотъ посмотримъ...

На берегу, подлѣ самой воды, стоитъ одинокая могила съ крестомъ; волны хлещутъ въ ея насыпь и покрываютъ ее слоями свѣжаго песку. Не извѣстно, кто сложилъ здѣсь свои косточки; спрашивалъ я объ этомъ у пастуха, но получилъ въ отвѣтъ только одно слово «чужой». А вѣроятно здѣсь закопанъ какой-нибудь иностранецъ, котораго щепетильные греки не захотѣли похоронить на своемъ кладбищѣ только за то, что онъ носилъ имя «протестанта». Потомки древней Византіи не жалуютъ протестантовъ религіозныхъ: они для грековъ «чужіе»...

Завтра въ путь, на новыя встрѣчи.

Н. А. Благоуѣщенскій.

Ш Е Л Л И.*

(ХАРАКТЕРИСТИКА)

Имя этого писателя, тѣсно связанное съ другимъ знаменитымъ именемъ Байрона, совершенно неизвѣстно русской публикѣ и почему-то забыто въ нашей литературѣ. Среди шаривари всякихъ посредственностей, переводимыхъ нашими лириками, произведешя Шелли не удостоились вниманія и, сколько намъ извѣстно, ни одно изъ нихъ не было передано на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ послѣ Шекспира и Байрона — это самый замѣчательный поэтъ Англiи; по силѣ мысли, по чистотѣ чувствъ и по грандіозности поэтическихъ образовъ онъ не уступаетъ никому изъ лучшихъ поэтовъ XIX вѣка. Необыкновенная простота, какъ неразлучное свойство великихъ умовъ, соединенная съ глубокимъ пониманіемъ дѣйствительнаго міра, приближаютъ Шелли къ автору «Ромео и Юліи», а страстное увлеченіе своей идеей ставить его почти рядомъ съ авторомъ «Манфреда». И если мы не находимъ у Шелли той яркости картинъ и оригинальности мысли, которая свойственна Байрону, то съ другой стороны Байронъ далеко уступаетъ своему другу и сопернику въ искренности желанія обновить «старую тюрьму» (такъ называлъ Шелли современную ему Англiю и Европу) новымъ свѣтомъ и новыми идеями. За эти идеи и за глубокое сочувствіе лучшему будущему человечества, Шелли называли мечтателемъ, сумасбродомъ, думавшимъ преобразовать весь міръ. Но кто же не могъ прослыть за мечтателя въ кругу тѣхъ свирѣпыхъ ханжей, которые преслѣдовали поэта, отка-

*) Помѣщая переводъ одного изъ лучшихъ произведеній Шелли: Беатриче Чиччи, мы признали излишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о литературной дѣятельности Шелли, который, вмѣстѣ съ Байрономъ, въ свое время раздѣлялъ участь отверженнаго поэта Англiи. Шелли родился въ 1792, а умеръ въ 1822 году, утонувъ во время бури въ Средиземномъ морѣ. Вся жизнь этого гениальнаго человѣка, такъ ясно и дѣльно выразившаяся въ его сочиненіяхъ, была немолкаемымъ протестомъ противъ подлостей его враговъ и нещипостей той мрачной эпохи, въ которую онъ имѣлъ несчастье мыслить и писать.

зали ему въ отечествѣ, въ спокойномъ жилищѣ, въ дѣтяхъ и въ добромъ имени. Шелли, подобно Байрону, долженъ былъ оставить Англiю и жить то въ Швейцарiи, то въ Италiи, сосредоточиваясь самъ въ себѣ и въ кругу своихъ немногихъ друзей. Эта уединенная и на глухо запертая въ себѣ жизнь развила въ воображенiи Шелли нѣсколько мистическiй характеръ, который отразился на его стихотворенiяхъ. Этому не мало содѣйствовала и нелѣпность воспитанiя, полученнаго Шелли, отъ котораго онъ безъ сомнѣнiя излечился бы, если бы прожилъ долѣе тридцати лѣтъ. Начавъ свое ученiе въ Итонской школѣ и продолжая его въ Оксфордскомъ университетѣ, — въ этомъ классическомъ разсадникѣ самыхъ классическихъ филистеровъ «добрый, старой Англiи», Шелли чувствовалъ особенную склонность къ реальнымъ знанiямъ и сталъ было усердно заниматься химiей и физикой. Но кто знаетъ, какъ подозрительно смотрѣли въ тогдашнемъ Оксфордѣ на естественныя науки, какъ плохо преподавали ихъ, тотъ не станетъ удивляться, что даже такой живой и страстный умъ, какъ Шелли, успѣли охладить къ его занятiямъ. А между тѣмъ, чѣмъ бы ни удовлетворить свою любознательность, а удовлетворить ее надо было; и вотъ молодой Шелли бросается въ другую крайность—въ омутъ метафизическихъ созерцанiй и доходитъ до бѣлой горячки абстрактнаго мышленiя. Впослѣдствiи, вспоминая объ этомъ періодѣ своего умственнаго развитiя, онъ писалъ Байрону: «я не могу жаловаться на старыхъ педагоговъ за одно, что они помогли мнѣ выйдти изъ университета скорѣе, чѣмъ и хотѣлъ. Останься я еще нѣсколько лѣтъ, они задушили бы во мнѣ всякую любовь къ образованiю, всякое желанiе выйдти изъ стада скотовъ, подобныхъ имъ...» И всякій, кто бѣжалъ отъ этого стада, назывался мечтателемъ и сумасбродомъ. Кроме того Шелли обвиняли за его космополитическiя иллюзiи. Но кто же изъ гениальныхъ людей не былъ космополитомъ прежде, чѣмъ сдѣлался національнымъ? И какая национальность, въ ея истинномъ смыслѣ, возможна безъ общечеловѣческихъ идей и стремленiй? Только пошлый патрiотизмъ Менцелей можетъ обходиться безъ тѣхъ космополитическихъ иллюзiй, за которыя страдали Гейне, Берне, Байронъ и Шелли. Нѣтъ сомнѣнiя, что никто изъ нихъ не промѣнялъ бы своего, самаго тяжелаго страданiя за самое полное блаженство Менцеля, потому что лучше страдать, но жить, чѣмъ блаженствовать и спать сномъ сытой коровы...

Объ отношеніяхъ Шелли къ Байрону много писалось; но эти отношенія остаются до сихъ поръ нѣсколько загадочными. Можно положительно сказать, что Байронъ нѣкоторое время находился подъ сильнымъ вліяніемъ Шелли и увлекся его міросозерцаніемъ, въ которомъ было такъ много очаровательнаго. Это относится къ 1817 году; когда поэты встрѣтились на берегу Женевского озера, постоянно находились вмѣстѣ, наслаждались великолѣпной лѣтней погодой, проводили цѣлые дни въ путешествіяхъ по швейцарскимъ горамъ и просиживали цѣлыя ночи, читая другъ другу свои произведенія и бесѣдуя о томъ, что особенно занимало ихъ въ это время. Какъ высоко цѣнилъ эту дружбу Байронъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что онъ повѣрялъ Шелли и просилъ его посредничества даже въ такихъ интимныхъ обстоятельствахъ, какъ его любовь къ графинѣ Гвичіоли. Но все-таки эта дружба была чисто внѣшняя, основанная больше на взаимномъ уваженіи, чѣмъ на убѣжденіяхъ и общихъ нравственныхъ интересахъ. Нельзя не замѣтить изъ нѣкоторыхъ писемъ Байрона, *) что онъ чувствовалъ въ Шелли себѣ соперника и расходился съ нимъ въ образѣ мыслей. «Что же касается до бѣднаго Шелли, писалъ онъ Муру.... то, по моему мнѣнію, это самый безкорыстный и милый изъ людей, — человѣкъ, который пожертвовалъ своимъ счастіемъ и чувствами для другихъ больше, чѣмъ кто нибудь, кого только я знаю. Съ его абстрактными идеями я не имѣю ничего общаго и не желаю имѣть.» Не смотря однакожь на различіе ихъ убѣжденій, въ жизни того и другаго поэта было такъ много сходнаго, симпатичнаго и скрѣпляющаго человѣческаго отношенія, что они счумѣли остаться если не вполне искренними, то самыми любезными друзьями. Когда Байронъ услышалъ о смерти Шелли, онъ немедленно отправился въ Ливорно, принявъ его трупъ изъ рукъ карантинныхъ чиновниковъ, сожегъ и похоронилъ его въ Урнѣ. Въ тотъ же вечеръ изъ подъ пера Байрона вышло грустное, раздирающее письмо, написанное имъ въ Англію, въ которомъ онъ говоритъ: «нѣтъ болѣе Шелли—нѣтъ болѣе моего гениальнаго друга. Я леденѣю при взглядѣ на эту урну, въ которой хранится только пепелъ отъ этой высокой и благородной души. Что-то трагическое, страшно-роковое я вижу въ гибели лучшихъ людей Англіи, для которой гений какъ будто составляетъ бремя и проклятіе.»

См. *Life and Letters of Byron*, by Tomas Moore. London. 1854.

Лучшія изъ стихотвореній Шелли — *Аласторъ*, *Неукротимый Прометей*, *Королева Мэбъ*, *Беатриче Ченчи* и множество мелкихъ лирическихъ піесъ, проникнуты однимъ глубокимъ убѣжденіемъ: — видѣть людей болѣе довольными и счастливыми, чѣмъ ихъ видѣлъ поэтъ.

Сюжетомъ трагедіи, предлагаемой нашимъ читателямъ, послужило истинное, строго-историческое событіе итальянскихъ лѣтописей. Шелли почерпнулъ его изъ одного манускрипта, доставленнаго ему изъ архива дворца Ченчи, доселѣ уцѣлѣвшаго въ Римѣ. Ужасныя злодѣянія и ужасная кончина этого семейства относятся къ царствованію папы Климента VIII, къ послѣднему году XVI столѣтія. Старикъ Ченчи испробовавъ всевозможныя преступленія и, подкупивъ папу пожертвованіемъ 100,000 кронъ, купилъ себѣ безусловную свободу безнаказанно совершать самыя отвратительныя злодѣянія. Ненависть его къ дѣтямъ дошла наконецъ до того, что онъ рѣшился осквернить свою дочь гнуснѣйшею страстію, и когда Беатриче и ея махича задумали отмстить злодѣю, то замыслъ ихъ былъ открытъ и онѣ были преданы публичной казни.

Ч Е Н Ч И

Соч. ШЕЛЛИ.

ДѢЙСТВУЮЩИЕ:

Графъ Франческо Ченчи.
Алѣяко { его сынъ.
Бернардо {
Кардиналъ Камилло.
Орсимо, прелатъ.
Савелла, легатъ папъ.

Олимпіо { убійца
Марціо {
Андреа, слуга Ченчи.
Лукреція, жена Ченчи и махича его дѣтей.
Беатриче, его дочь.
Вельможи, судьи, стражи, слуги.

Дѣйствіе происходитъ главнымъ образомъ въ Римѣ, и только въ 4-мъ актѣ — въ Петреллѣ, замкѣ въ Аппенинскихъ горахъ.

Время дѣйствія — царствованіе папы Климента VIII.

ЧЕНЧИ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Шелли

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I

Комната во дворцѣ Ченчи.

Входятъ ГРАФЪ ЧЕНЧИ и КАРДИНАЛЬ КАМИЛЛО.

КАМИЛЛО.

Загладиться убійство это можетъ,
Когда вы, графъ, рѣшитесь уступить
Его святѣйшеству помѣстье ваше,
Лежащее за Пинченсой заставой.
Я все свое вліянье долженъ былъ
Употребить, чтобъ далъ свое согласье
Святой отецъ; онъ говорилъ, что вы
Червонцами себѣ купили право
Насиліе свбодно совершать;
Что нѣсколько злодѣйствъ, подобныхъ вашимъ,
Обогащаютъ церковь и спасаютъ
Отъ мукъ въ аду одну изъ грѣшныхъ душъ,
Желающихъ покаяться сердечно;
Но интересъ — прибавилъ онъ — и слава
Высокаго престола моего
Мнѣ отдавать его не позволяютъ
Подъ торжище вседневное такихъ
Безчисленныхъ и гнусныхъ преступленій,
Какъ тѣ, что вы не трудитесь скрывать
Отъ глазъ людскихъ, глубоко возмущенныхъ.

ЧЕНЧИ.

Онъ хочетъ треть моихъ владѣній, — ну,
 Пускай беретъ! я слышалъ, что племянникъ
 Святѣйшаго, въ то время, какъ торги
 Я заключалъ съ его почтеннымъ дядей,
 Сюда прислалъ строителя, чтобъ тотъ
 Исслѣдовалъ всю мѣстность, на которой
 Желалъ себѣ построить виллу онъ.
 Не думалъ я, что онъ меня такъ ловко
 Перехитритъ!... Но съ этихъ поръ никто,
 Ни человекъ, ни даже свѣтъ лампады
 Свидѣтелемъ не будетъ ужъ того,
 Что обличить намѣренъ былъ бездѣльникъ,
 Которому въ награду за его
 Намѣренье землей заткнулъ я глотку...

.
 — Папа
 Климентъ и всѣ племянники его
 Высоко-милосердные, конечно,
 Все молятся, чтобъ ради ихъ
 Давали мнѣ и силу, и богатство,
 И гордый духъ, и жизнь, чтобъ совершать
 Я могъ дѣла — источникъ ихъ доходовъ.
 Но у меня еще такъ много есть
 Того, на что не могутъ притязаній
 Они имѣть.

КАМИЛЛО.

О, графъ, да, у тебя
 Такъ много есть, что былъ бы въ состоянн
 Ты честно жить, и съ собственной душой,
 И съ Господомъ, и съ оскорбленнымъ свѣтомъ
 Миръ заключить. Какъ гнусно севозъ твой
 Почтенныя, сребристыя сѣдмны
 Глядятъ дѣла, исполненыя крови
 И похоти преступной! Вкругъ тебя
 Могло-бъ сидѣть твое семейство, еслибъ
 Въ глазахъ его читать ты не боялся

Ту скорбь, тотъ стыдъ, что начерталь ты въ нихъ.
 Гдѣ дочь твоя, жена твоя? Я знаю,
 Что дочери прекрасной милой взгляды,
 Который все такъ чудно украшаетъ
 И веселить, убилъ бы злого духа
 И у тебя въ душѣ. За что ее
 Ты оторвалъ отъ общества и сдѣлалъ
 Сообщникомъ ея лишь скорбь одну
 Глубокую? — Скажите мнѣ, графъ Ченчи,
 Скажите все! Вы знаете, что къ вамъ
 Привязанъ я; я слѣдовалъ за вами
 Въ дни юности порочной вашей, я
 Слѣдилъ ея неукротимый бѣгъ,
 Какъ человекъ слѣдитъ за метеоромъ.
 Но это былъ не метеоръ, — конца
 Въ немъ не было... Я видѣлъ васъ и мужемъ
 Съ душой, вполне закрытой для добра,
 Раскаянья и угрызений; — нынче
 Я вижу васъ безчестнымъ старикомъ,
 Запятнаннымъ миллиономъ преступлений.
 Но я всегда надѣялся, что вы
 Раскаетесь, и въ этой лишь надеждѣ
 Три раза васъ отъ смерти я спасалъ.

ЧЕНЧИ.

За это я вамъ далъ Альдобрандино —
 Имѣніе близъ Пизчыо. Кардиналъ,
 Я кое-что вамъ расскажу и это
 Запомните, пожалуйста, — тогда
 Мы говорить свободнѣй съ вами будемъ.
 Недавно мнѣ одинъ знакомый вашъ
 Совѣтъ давалъ на счетъ моей супруги
 И дочери... онъ часто у меня
 Бывалъ въ гостяхъ... На слѣдующій день
Его жена и дочь пришли съ вопросомъ:
 Не знаю-ль я, куда дѣвался онъ?
 Я отвѣчалъ улыбкой; полагаю,
 Что больше съ нимъ не встрѣтились онѣ.

КАМИЛО.

О, берегись, проклятый!

ЧЕНЧИ.

Не тебя ли?

Не стоит. Мы знакомы хорошо
 Одинъ съ другимъ. Характеръ мой — предметъ
 Общественныхъ суждений; люди видятъ
 Преступника во мнѣ; всѣ говорятъ,
 Что я слуга страстей своихъ и силой
 Или хитростью отстанвать умѣю
 Свои права; — такъ съ вами разсуждать
 Объ этомъ я могу свободно; съ вами
 Я говорю, какъ съ собственной душой:
 Вѣдь хвалитесь вы сами, что успѣли
 Меня полу-исправить; значить, васъ
 Тщеславіе молчать заставить, если
 Не страхъ; но я увѣренъ, что на васъ
 Подѣйствуютъ и оба эти чувства.
 У всѣхъ людей въ сердцахъ склонность есть
 Бъ плотскимъ страстямъ; всѣ люди любятъ мщенье;
 Всѣхъ радуютъ страданія другихъ,
 И этими страданьями ласкаютъ
 Свои сердца всѣ люди. Я люблю
 Видь смертныхъ мукъ и чувство наслажденья,
 Когда другой испытываетъ ихъ,
 А я — *его*. Во мнѣ ни угрызений,
 Ни страха нѣтъ, — а это для другихъ
 Главнѣйшія, какъ кажется, оковы.
 И этотъ нравъ такъ сильно вкорененъ
 Въ моей душѣ, что каждый плачь, который
 Упорная фантазія создастъ —
 (А создаетъ она такіе планы,
 Боторые подобныхъ вамъ людей
 Приводятъ въ содроганье) — для меня
 Равняется вполнѣ лишенью пищи,
 Лишенью спокойствія, пока
 Удачно онъ не кончится.

КАМИЛЛО.

И жалнимъ

Созданіемъ не называешь ты
Себя?

ЧЕНЧИ.

Ни чуть. Съ какой же стати жалнимъ?
На вашемъ богословскомъ языкѣ
Характеръ мой зовется законсѣлымъ.
Не стыдно-ль вамъ бранить меня за то,
Что у меня особенные вкусы?
Но сознаюсь, я счастливѣе былъ
Въ тѣ времена, когда, мужчина зрѣлый,
Могъ совершать все то, что замышлялъ,
Когда любилъ я сладострастье больше
Чѣмъ мщеніе... Теперь изобрѣтать
Я не могу... Всѣ люди стариками
Становятся... Въ дни юности моей
Я гнался лишь за радостями жизни
И собиралъ повсюду сладкій медъ.
Но вѣдь, клянусь святымъ Фокою, люди
Не могутъ жить, какъ пчелы, — и усталъ
Я наконецъ. О, выше наслажденья
Въ то время я не зналъ, какъ убивать
Своихъ враговъ, и слышать ихъ стенанья,
И вопли ихъ семейства; но теперь
Ужъ это все меня не восхищаетъ.
Теперь смотрю съ любовью я на тѣ
Страданія, которыхъ не умѣетъ
Злой ужасъ скрыть; на неподвижный взглядъ
Сухихъ очей, на блѣдныхъ губъ дрожанье,
Которое мнѣ ясно говорить,
Что ихъ душа льетъ слезы горьче пота
Кроваваго Спасителя. Я рѣдко
Жизнь отымалъ у тѣла одного:
Какъ вѣчная тюрьма, оно держало
Въ моихъ рукахъ всю душу, и ее
Поддерживалъ я страхомъ, и старался,
Чтобъ каждый часъ былъ мукой для нея.

КАМИЛЛО.

Злой адскій духъ, въ свирѣпомъ опьянѣннѣи
 Своимъ грѣхомъ, конечно никогда
 Не говорилъ передъ своей душою
 Того, что вы сказали предо мной.
 Благодарю я Господа сердечно
 За то, что вамъ не вѣрю я.

(Входитъ Андреа).

АНДРЕА.

Синьоръ,
 Здѣсь дворянинъ изъ Саламанки; хочеть
 Онъ видѣть васъ и говорить.

ЧЕНЧИ.

Пускай
 Онъ подождетъ меня въ парадной залѣ.

(Адреа уходитъ).

КАМИЛЛО.

Прощай старикъ! молить я буду Бога,
 Чтобъ отъ тебя не отвернулся Онъ
 За лживыя, преступнѣйшія рѣчи.

(Уходитъ).

ЧЕНЧИ.

Треть моего имущества!.. О, нѣтъ,
 Я долженъ жить съ расчетомъ, — а иначе
 Все золото — оружье старика,
 Посыпется изъ рукъ моихъ безсильныхъ.
 Еще вчера мнѣ папа приказалъ
 Учетверить скорѣе содержанье
 Двухъ сыновей моихъ проклятыхъ. Я
 Отправилъ ихъ изъ Рима въ Саламанку
 Въ надеждѣ той, что съ ними что нибудь
 Недоброе случится, что успѣю
 Я какъ нибудь ихъ голодомъ убить.
 О, Господи, пошли имъ смерть скорѣе!
 Останутся жена, Бердардо дочь...
 Но первымъ двумъ ни въ адѣ, ни въ могилѣ
 Не можетъ быть свернѣе, чѣмъ теперь.
 А дочь моя...

(Подозрительно оглядывается кругомъ).

Я думаю, не стануть
 Здѣсь у дверей подслушивать они...
 А если да?.. Но нѣтъ, молчать я долженъ,
 Хотя бѣ словамъ и радостно внимаю.
 Моя душа!.. О, воздухъ, даже ты,
 Безгласная стихія, не услышишь
 Того, о чемъ я думаю теперь...
 Вы, мраморныя плиты, по которымъ
 Къ ней въ комнату я прохожу,—пускай
 Вашъ звукъ для ней послужитъ пзвѣщенъемъ,
 Что я иду, но не откроетъ ей
 Намѣреній души моей... Андреа!

АНДРЕА (войдя).

Синьоръ!

ЧЕНЧИ.

Поди, скажи, чтобъ Беатриче
 Меня ждала сегодня у себя
 Предъ вечеромъ... нѣтъ, въ полночь, и одна.
 (Уходить).

СЦЕНА II.

Садъ во дворцѣ Ченчи.

Входятъ БЕАТРИЧЕ и ОРСИНО.

БЕАТРИЧЕ.

Не извращайте истины, Орсино;
 Вы помните то мѣсто, гдѣ вели
 Тотъ разговоръ мы съ вами? Это мѣсто
 Недалеко; два года протекли
 Съ тѣхъ поръ, какъ въ ночь апрѣльскую, при лунномъ
 Сіяніи, у Палатинскихъ стѣнъ,
 Я тайну вамъ души моей открыла.

ОРСИНО.

Въ то время вы сказали, что меня
 Вы любите.

БЕАТРИЧЕ.

И говорить со мною о любви
 Вы не должны.

ОРСИНО.

Но папа разрѣшенье
 Мнѣ дать на брагъ... Ну, да, священникъ я,
 Но и теперь меня вашъ милый образъ
 Преслѣдуетъ во снѣ и на яву,
 И гонится точь въ точь стрѣлокъ за дичью.

БЕАТРИЧЕ.

Вамъ говорить со мною о любви
 Не слѣдуетъ—я снова повторяю.
 Получите вы разрѣшенье? Пусть!
 Но у меня ему не быть. Къ тому же
 Я не хочу оставить этотъ домъ
 Страданія, гдѣ бѣдный мой Бернардо
 И женщина прекрасная, ксму
 Обязана я жизнью и благими
 Стремленьями и мыслями,— живутъ
 Въ мученіяхъ, которыя покамѣстъ
 Переносить имѣю силу я.
 Ахъ, та любовь, что прежде къ вамъ, Орсино,
 Питала я, теперь мученье мнѣ.
 Союзъ любви, который заключили
 Мы въ юности, вы разорвали тѣмъ,
 Что приняли такой обѣтъ, какого
 Не сниметь съ васъ и папа; между тѣмъ
 Я все еще люблю васъ; но святою
 Любовью, какъ ангель или сестра,
 И въ вѣрности холодной вамъ влянуся.
 И можетъ быть, Орсино, хорошо,
 Что вашею женою я не буду:
 Вашъ хитрый нравъ мнѣ какъ-то не по сердцу.
 О горе мнѣ, несчастной! У кого
 Найду пріютъ и теплое участие!
 Вотъ даже вы глядите на меня,
 Какъ врагъ какой...

Моя печаль виной, что я вжусь
 Суровѣ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ;
 На мнѣ лежитъ тревожныхъ мыслей бремя,

И мысли тѣ предсказываютъ мнѣ...
 Но предсказать возможно ли что либо
 Ужаснѣ того, что я терплю?

ОРСИНО.

Поправиться еще все дѣло можетъ..
 Написано-ль прошенье? Беатриче .
 Прекрасная, вы знаете, что я
 Отъ всей души готовъ желаньямъ вашимъ.
 Всегда служить, не сомнѣвайтесь, я
 Употреблю всѣ силы и искусство,
 Чтобъ папа намъ свое согласье дасть.

БЕАТРИЧЕ.

Отъ всей души служить вы мнѣ готовы?
 Увы, увы! вы холодны, какъ ледь!
(въ сторону) Какое я несчастное созданье!
 Передо мной единственный мой другъ,
 И съ нимъ должна я ссориться!.. *(вслушь)* Орсино,
 Сегодня въ ночь отецъ мой пиръ даетъ;
 Онъ получилъ изъ Саламанки вѣсти
 Хорошія отъ сыновей своихъ,
 И виѣшнюю любовію жelaеть
 Онъ ненависть душевную прикрыть.
 То смѣлое и злое лицемѣрье.
 Я знаю, онъ хотѣлъ бы лучше смерть
 Ихъ праздновать,—объ этомъ на колаѣняхъ
 Онъ молится нерѣдко... О, творецъ,
 И я, я дочь такого человѣка!..
 Блестящій пиръ готовится... къ нему
 Приглашены всѣ родственники наши
 И римскіе вельможи. Графъ велѣлъ
 Мнѣ съ матерью одѣться пороскошнѣй...
 Несчастливая! надѣется она,
 Что этотъ пиръ предвѣстникъ измѣненья
 Счастливаго во тѣмѣ его души;
 Я ни на что надежды не имѣю.
 За ужиномъ я просьбу вамъ отдамъ.
 А до тѣхъ поръ прощайте!

ОРСИНО.

До свиданья!

(Беатриче уходитъ)

Увѣренъ я, что папа лишь тогда
 Съ меня обѣтъ священнической сниметь,
 Когда сниму съ себя доходы я
 Отъ разныхъ мѣстъ богатыхъ. Беатриче,
 Тебя купить дешевле я хочу.
 Не передамъ ея прошенья папѣ;
 А то вѣдь онъ, пожалуй, и ее
 За одного изъ родственниковъ бѣдныхъ
 Своихъ отдастъ, какъ отдалъ ужь ея
 Сестеръ,—тогда все для меня пропало.
 Во всѣхъ ея рассказахъ объ отцѣ
 Есть лишняго не мало, я увѣренъ.
 Всѣ старики упрямы и идутъ
 Своимъ путемъ. Вѣдь стоитъ человѣку
 Своихъ враговъ, вассаловъ убивать,
 Жить весело среди вина и женщинъ,
 И, приходи въ свой скучный домъ, бранить
 Въ досадѣ злой жену и все семейство,—
 Сейчасъ жена и дочери его
 Провозгласятъ тираномъ. Я желаю,
 Чтобъ не было на совѣсти моей
 Грѣха сильнѣй тѣхъ мукъ, что переносятъ
 Отъ хитростей любви моей онѣ.
 Я протянулъ ей сѣтъ и не избѣгнетъ
 Она ея. Но все же страшень мнѣ
 И умъ ея, и взглядъ, благоговѣнье
 Внушающій, тотъ взглядъ, чей свѣтлый блескъ
 Мой каждый нервъ за нервомъ разсѣкаетъ,
 И входитъ въ глубь души моей, и мнѣ
 Велитъ краснѣть предъ тайными монни
 Желаньями и мыслями... Но нѣтъ!
 Она—двѣ, оставленное всѣми,
 И вся ея надежда на меня
 Лишь одного... Когда-бъ я ей позволилъ
 Изъ рукъ моихъ на вѣки ускользнуть,

То былъ бы глупъ, какъ хищная пантера,
Которую газели взглядъ смутилъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Великолпная зала во дворцѣ Ченчи. Ужинъ.

Входятъ ЧЕНЧИ, ЛУКРЕЦІЯ, БЕАТРИЧЕ, ОРСИНО, КАМИЛЛО, ВЕЛЬМОЖИ.
ЧЕНЧИ.

Привѣтъ мой вамъ, друзья и всѣ родные,
Привѣтъ и вамъ, князья, и вамъ, столбы
Церковные, святыя кардиналы,
Почтившіе присутствіемъ нашъ пиръ.
Я долго жилъ отшельникомъ суровымъ,
И между тѣмъ, какъ не было меня
На празднествахъ веселыхъ вашихъ,—злая
Молва неслась повсюду обо мнѣ.
Но, славные друзья мои, надѣюсь,
Когда со мной раздѣлите вы пиръ,
Узнаете священную причину
Веселія и чокнетесь со мной
Бокалами,—тогда вы согласитесь,
Что плотью я и кровью равенъ вамъ;
Не безъ грѣховъ, конечно, какъ и всѣ мы
Со времени Адамова грѣха,
Но съ нѣжною и мягкою душою.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да, правда, графъ! Вы кажетесь такимъ
Общительнымъ, любезнымъ человѣкомъ,
Что врядъ-ли вы способны то свершать,
Въ чемъ васъ молва людская обвиняетъ.
(*своему сосѣду*). Ни въ чьихъ глазахъ не видѣлъ я еще
Сердечнаго веселія такого.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Сюда привелъ желанный случай насъ.
Мы раздѣлить желаемъ вашу радость
И слушаемъ; въ чемъ дѣло, графъ?

ЧЕНЧИ.

О, да,

Вы правы; то давно-желанный случай.
 Когда отецъ, изъ глубины души
 Отцовской шлеетъ къ Создателю молитву
 Горячую во всякій часъ, — ложась,
 Вставая-ли, иль бодрствуя, — молитву,
 Въ которой онъ для снновей своихъ
 Лишь *одного* у Бога жарко просить,
 И *одного* желаетъ, на *одно*
 Надѣется, — и вдругъ его желанье
 Исполнится блистательно, — тогда
 Своихъ друзей на пиръ онъ созываетъ
 И просить ихъ съ нимъ радость раздѣлить.
 Такъ радуйтесь, — отецъ тотъ передъ вами.

БЕАТРИЧЕ (Лукреція).

О, Господи! я въ ужасѣ дрожу!
 Несчастье навѣрно бѣдныхъ братьевъ
 Постигнуло.

ЛУКРЕЦІЯ.

Нѣтъ, не страшись, дитя,
 Онъ говоритъ совсѣмъ чистосердечно.

БЕАТРИЧЕ.

Ахъ, у меня хладѣетъ въ жилахъ кровь.
 Ужасна мнѣ коварная улыбка,
 Что свѣтится въ его глазахъ, и все
 Его лице подергиваетъ злобно.

ЧЕНЧИ.

Вотъ письма; ихъ изъ Саламанки мнѣ
 Доставили. Прочти ихъ, Беатриче,
 Моей женѣ. Благодарю тебя,
 Создатель мой! Путемъ таинственнымъ
 Ты въ ночь одну то совершилъ, о чемъ
 Такъ долго я мечталъ! Мои два сына,
 Мятужные и дерзкіе — мертвы.
 Ну, да, мертвы! Чего жъ вы поблѣднѣли?
 Вы слышите, я говорю — мертвы!
 Теперъ уже ни пищи, ни одежды

Не нужно имъ; послѣдній ихъ расходъ
Составили тѣ свѣчи, что свѣтили
Имъ на пути въ могилу. Ужъ теперь,
Я думаю, желать не будетъ папа,
Чтобъ и въ гробахъ я деньги имъ давалъ.
Такъ радуйтесь со мною; безконечнымъ
Веселиемъ полна моя душа.

*(Лукреція падаетъ на стулъ въ полу-обморожъ;
Беатриче поддерживаетъ ее).*

БЕАТРИЧЕ

Нѣтъ, это ложь! О матушка, на небо
Взгляни... есть Богъ на небѣ... это ложь.
Чудовище, не человѣкъ! ты знаешь,
Что ты солгалъ.

ЧЕНЧИ

Нѣтъ, Бога я зову
Въ свидѣтели того, что только правду
Я говорю, — да, умерли они,
И въ способъ ихъ смерти Провидѣнье
Великую явило благость. Рокко
Съ шестнадцатью другими въ храмъ былъ
И преклонясь молился; вдругъ вся церковь
Обрушилась, и былъ раздавленъ онъ,
Тогда какъ всѣ остались невредимы!
Другого же, Кристофо, умертвилъ
Ошибкою одинъ ревнивецъ ярый
Въ ту самую минуту, какъ съ его
Возлюбленной соперникъ настоящій
Блаженствовалъ. Въ одну и ту же ночь,
И въ часъ одинъ они погибли оба.
Изъ этого я вижу, что Господь
Меня разыскалъ особой благодатью.
Друзья мои! прошу васъ этотъ день
Днемъ праздничнымъ въ календарѣ отмѣтить!
Вотъ письма вамъ; не вѣрите словамъ,
Прочтите.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

О, чудовищное дѣло!

Я ухожу.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И я за вами.

ТРЕТИЙ.

Нѣтъ,

Постойте; мнѣ сдается, это шутка,
Хоть признаюсь, онъ шутитъ черезъ-чуръ
Торжественно. Его сынокъ, на вѣрно,
Женился на инфантѣ, иль нашель
Онъ розсыпъ золотую въ Эльдорадо;
Я убѣжденъ, что Ченчи сообщить
Извѣстiе такое.... Погодите,
Побудьте здѣсь; его улыбка—мнѣ
Ручательство, что пошутить онъ только.

ЧЕНЧИ (подымая полный бокалъ).

Ты, свѣтлое, веселое вино,
Катящее пурпуровыя волны
При свѣтѣ лампъ, въ бокалѣ золотомъ, —
Тебѣ мой духъ ликующій подобенъ,
Когда про смерть проклятыхъ сыновей
Я думаю. О, еслибъ зналъ я вѣрно,
Что ты, вино, ихъ смѣшанная кровь,
Я сталъ бы пить тебя съ благоговѣньемъ
И сатанѣ великому поднесъ.
Онъ, ада царь, со мною торжествуетъ
Въ сей славный мигъ: не даромъ говорятъ,
Что слѣдуетъ отцовское проклятье,
Какъ быстрый вихрь, за душами дѣтей,
И гонитъ ихъ отъ свѣтлаго престола
Небснаго Владыки. Но тебя
Не нужно мнѣ; я радостью упился,
И винъ другихъ не буду больше пить.
Андреа! Эй! кругомъ бокалъ!

ГОСТЬ (вставая)

Проклятый!

Ужли никто изъ доблестныхъ гостей
Преступнаго безумца не удержитъ?

КАМИЛЛО.

Позвольте мнѣ, молю васъ, распустить
Скорѣй гостей; вы помѣшались; худо
Окончиться все это можетъ, графъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Схватить его!

ПЕРВЫЙ.

Схватить!

ТРЕТІЙ.

Схватить?

ЧЕНЧИ (обращаясь къ нимъ).

Кто это

Здѣсь движется? Кто это говоритъ?
(къ другимъ вѣстлямъ). Все пустыня.. Прошу васъ веселиться!
Поберегитесь! Мщеніе мое
Посольству тайному царя подобно:
Оно разить на смерть, но кто посмѣетъ
По имени убійцу называть?

(Ужасы прекращаются; многіе гости расходятся)

БЕАТРИЧЕ.

Я васъ молю, почтеннѣйшіе гости,
Не уходить; здѣсь нечестивый гнѣвъ
И ненависть укрылись подъ защиту
Съдвинъ отца; здѣсь тотъ, кто жизнь намъ далъ,
Терзаетъ насъ и торжествуетъ, глядя
На бѣдныхъ жертвъ; здѣсь мертвыми лежимъ
Мы, плоть его, мы, дѣти и супруга,
Кого любить, хранить и защищать
Обязанъ онъ;— ужели-же пріюта,
Защитника на этой всей землѣ
Мы не найдемъ? Подумайте, синьоры,
Какъ много мукъ ужасныхъ перенестъ
Дочь бѣдная должна была, чтобъ въ сердцѣ
Ея сперва любовь, потомъ почтенье
Разрушились, и чтобы наконецъ
И стыдъ, и страхъ она преодолѣла!..
Подумайте! я много ужъ снесла,
Я руку ту священную лобзала,

Чтò гнула насъ на землю; я ея
 Удары всѣ считала наказаньемъ
 Отеческимъ; прощала много я
 И многому не вѣрила; когда-же
 Сомнѣнья всѣ разрушились, тогда
 Терпѣниемъ, любовью и слезами
 Старалась я смягчать его; потомъ,
 Въ бессонныя, томительныя ночи,
 Я до зари лежала ницъ, молясь
 Отъ всей души Создателю вселенной;
 Моихъ молитвъ не слышалъ Онъ, но я
 Все крестъ несла съ безропотнымъ терпѣньемъ.
 И наконецъ я васъ встрѣчаю здѣсь,
 Васъ, знатные вельможи и родные,
 На праздникъ гнуснѣйшемъ, данномъ въ честь
 Погибели моихъ несчастныхъ братьевъ.
 Теперь еще осталось двое: я
 И бѣдная жена; коль не спасете
 Вы насъ теперь, придется снова вамъ
 Присутствовать на празднествахъ, какія
 Даетъ отецъ на гробъ у дѣтей.
 О, принцъ Колонна, ты родной нашъ близкій,
 Ты, кардиналъ, Климента камергеръ;
 Камилло, ты судья верховный папы,—
 Возьмите насъ!

ЧЕНЧИ.

(Онъ во время моления дочери разговаривалъ съ Камилло; услышавъ послѣднiя слова, прекращаетъ разговоръ и выходитъ впередъ.)

Любезные друзья!

Надѣюсь, вы подумать захотите
 О дочеряхъ своихъ, иль можетъ быть
 О собственныхъ своихъ затылкахъ, прежде
 Чѣмъ обратить вниманье на слова
 Безумнѣйшей дѣвчонки!

БЕАТРИЧЕ (не слушая его).

Неужели

И взгляда мнѣ никто не подарить,
 И ничего не скажетъ? Неужели

Надъ лучшими, умнѣйшими людьми
 Простой тиранецъ имѣеть столько силы?
 Или, можетъ быть, отказываютъ мнѣ
 Лишь потому, что не въ законной формѣ
 Я здѣсь прошу? О Господи! за чѣмъ
 Не улеглась я съ братьями въ могилу?
 За чѣмъ цвѣты весенніе растутъ
 Не на моей гробницѣ, и родитель
 Не празднуетъ кончину всѣхъ дѣтей?

КАМИЛЛО.

Печальные вопросы для созданья
 Прелестнаго и юнаго!.. Ужли
 Мы ничего не можемъ сдѣлать?

КОЛЛООННА.

Видно,
 Что ничего. Графъ Ченчи сильный врагъ.
 Но если кто вступиться пожелаетъ,
 Я помогу съ охотою.

ОДИНЪ КАРДИНАЛЪ.

И я.

ЧЕНЧИ.

Пошла къ себѣ, негодная дѣвчонка!

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ты уйди, безбожный человѣкъ!
 Уйди туда, гдѣ не удастся глазу
 Ни одному открыть тебя! Палачъ!
 Ты требуешь почтенья, послушанья?
 Быть можетъ, ты и одолѣешь здѣсь
 Своихъ гостей, но знай, отецъ, что злое
 Исходитъ лишь отъ злого. Не гляди
 Въ лице мое такъ гнѣвно! !Прочь отсюда,
 Бѣги, пока изъ дома твоего
 Взглядъ мстительный моихъ убитыхъ братьевъ
 Тебя еще не выгналъ! Скрой лице
 Отъ глазъ людскихъ, дрожи при каждомъ звукѣ
 Людскихъ шаговъ; пустынный уголокъ
 Сыщи себѣ, и голову сѣдую
 Въ молитвѣ тамъ смиренно преклони

Предъ Господомъ, тобою оскорбленнымъ:
А мы вокругъ, склонивъ колѣни, будемъ
Молить Его, чтобъ онъ простилъ тебя
И сжался надъ нами.

ЧЕНЧИ.

Мнѣ досадно,
Мои друзья, что нашъ веселый пиръ
Нарушила безумная дѣвчонка.
Желаю вамъ спокойной ночи. Я
Васъ не хочу свидѣтелями дѣлать
Дальнѣйшихъ ссоръ домашнихъ. Мы еще
Сойдемся здѣсь.

(Вся уходитъ, кромѣ Беатриче и Ченчи).

ЧЕНЧИ.

Какъ мозгъ мой закружился!
Бокаль вина!.. Ты, пестрая змѣя,
Ты, хищный звѣрь, прекрасный, но ужасный!
Но у меня есть чары, ими я
Тебя смягчу и укрошу... Покуда
Вонъ съ глазъ моихъ

(Беатриче уходитъ).

Андреа, эй! Наполни
Скорѣй бокаль мой греческимъ виномъ.
Я не хотѣлъ сегодня пить, но долженъ;
Да, странно, здѣсь при мысли о моемъ
Намѣренъи я будто бы робѣю.
(Пьетъ вино) Влей въ жилы мнѣ и юноши азартъ,
И врѣлую рѣшительность мужчины,
И гнусную холодность старика;
О, превратись вино на самогъ дѣлѣ
Въ кровь моего ребенка, въ эту кровь,
Которой я такъ сильно жажду. Чары
Подѣйствуютъ; должно свершиться все,
И клятву я даю, что все свершится!

Д Ъ Й С Т В І Е П.

СЦЕНА I.

Комната въ дворѣ Ченчи.

Входятъ ЛУКРЕЦІЯ и БЕРНАРДО.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не плачь, мой другъ; вѣдь онъ ударилъ только
 Меня, а мнѣ не въ первый разъ сносить
 И болѣе глубокія обиды.
 Онъ поступилъ бы милостивѣй, право,
 Когда-бъ убилъ меня. Великій Богъ,
 Взгляни на насъ, вѣдь нѣтъ у насъ другого
 Защитника и друга!... Но не плачь;
 Хоть я люблю обоихъ васъ такъ нѣжно,
 Какъ собственныхъ дѣтей, но все же вамъ
 Я не родная мать...

БЕРНАРДО.

О, больше, больше,
 Чѣмъ всякая родная мать, была
 Ты для меня всегда. И я не сталъ бы
 Рыдать теперь, когда бы не былъ онъ
 Моимъ отцемъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Увы, ребенокъ бѣдный,
 Какъ могъ бы ты иначе поступить?
 (Входитъ *Беатриче*).

БЕАТРИЧЕ (въ сильномъ волненіи).

Ушелъ ли онъ? Братъ, проходилъ онъ мимо?
 Ахъ, нѣтъ, шаги его ужъ слышу я
 На лѣстницѣ... онъ близко... вотъ онъ руку
 На дверь кладетъ... о, матушка, коль я
 Тебѣ всегда, какъ дочь, повиновалась,—
 Спаси меня! А ты, великій Богъ,

Зачто меня ты въ самомъ дѣлѣ кинешь?..
 Вотъ онъ идетъ... Онъ отвореть дверь...
 Его лице я вижу... Смотрить гнѣвно
 Онъ на другихъ,— но на меня глядитъ
 Съ улыбкою, точь въ точь какъ послѣ пира
 Вчерашняго...

(Входитъ *Слуга*).

Творецъ, ты милосердь!
 Пришелъ не онъ, а посланный Орсино.
 Ну, что?

СЛУГА.

Прислалъ меня мой господинъ
 Вамъ объявить, что папа вашу просьбу
 Отдалъ назадъ, не распечатавъ.

(*отдаетъ бумагу*).

Онъ

Желаетъ знать, когда онъ можетъ снова
 Прийти сюда...

ЛУКРЕЦІЯ.

Сегодня ввечеру.

(*Слуга уходитъ*).

И такъ, увы, послѣдняя надежда
 Разрушилась! О, милая моя,
 Какъ ты блѣдна! Ты вся дрожишь и чѣмъ-то
 Ужаснѣйшимъ глубоко занята,
 Мнѣ кажется, что новая бѣда
 Врушитъ тебя... блуждаетъ дитя въоруженно...
 Дитя мое, ты точно помѣшалась!
 А если нѣтъ, скажи мнѣ, что съ тобой?

БЕАТРИЧЕ.

Вы видите, что я не помѣшалась:
 Я говорю спокойно съ вами.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты

Сказала вскользь, что будто послѣ пира
 Ужаснаго отецъ твой сдѣлалъ что-то...
 Ужели могъ онъ сдѣлать что нибудь
 Ужаснѣе улыбки той, съ которой

Онъ объявить о смерти сыновей?
 О, милая, при самомъ первомъ словѣ
 Я слышала, какъ въ сердцу моему
 Кровь прилила, и сдѣлалось мнѣ дурно;
 Когда-жъ прошелъ мой обморокъ, предъ нимъ
 Сидѣла я разбитая, больная,—
 А ты одна стояла, и его
 Въ надменности и звѣрствѣ упрекала;
 И ясно я замѣтила, что демонъ,
 Живущій въ немъ, твоею рѣзкой рѣчью
 Испуганъ былъ... До этихъ поръ, дитя,
 Ты каждый мигъ стояла между нами
 И злобою безумною отца,
 Какъ добрый духъ-хранитель. Умъ твой твердый
 Одинъ для насъ защитою служилъ;
 Что жъ сильно такъ его поколебало?
 Что вызвало холодный, грустный взглядъ,
 Смѣшившій вдругъ твой страхъ необычайный?

БЕАТРИЧЕ.

Ахъ, въ этотъ мигъ я думала о томъ,
 Что лучше бъ намъ оставить трудъ напрасный...
 Такихъ людей жестокихъ, какъ отецъ мой,
 Знала я... но никогда... О, нѣтъ...
 Для всѣхъ насъ смерть была-бъ умнѣйшимъ дѣломъ;
 И безъ того все смертію должно
 Окончиться.

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое родное,
 Не говори ты словъ такихъ. Скажи,
 Что твой отецъ сказалъ тебѣ или сдѣлалъ?
 Вѣдь въ комнату твою онъ ни на мигъ
 Не приходилъ по окончаньи пира
 Проклятаго... Скажи мнѣ все, дитя.

БЕРНАРДО.

Сестра, сестра, скажи намъ все, что было.

БЕАТРИЧЕ

(говорить очень медленно, съ притворнымъ спокойствіемъ).

О, матушка, то былъ лишь взглядъ одинъ,

И звукъ одинъ, одна улыбка, слово
Одно, одно...

(внѣ себя).

О, подъ ногами онъ
Меня топталъ нерѣдко; рѣки крови
Онъ проливалъ по блѣдному лицу;
Давалъ намъ пить гнилую воду; въ пищу
Намъ приносилъ онъ мясо отъ больныхъ
Звѣрей, и ѣсть приказывалъ, или падать
Отъ голоду,—и ѣли мы. Не разъ
Онъ заставлялъ меня смотрѣть, какъ милый
Бернардо мой сидѣлъ въ цѣпяхъ тяжелыхъ,
И ржавчина впивалась, какъ огонь,
Въ несчастные, младенческіе члены...
И между тѣмъ, все сомнѣвалась я,
Все думала... но нынче!..

(пріидя въ себя).

Что такое

Сказала я?.. Ахъ, ровно ничего
Нѣтъ новаго... Я просто помѣшалась
Отъ нашихъ мукъ .. Ударилъ онъ меня
И обругалъ—и только;—не сказалъ онъ,
Не сдѣлалъ онъ такого ничего,
Къ чему давно мы съ вами не привыкли.
И я сама не знаю, почему
Такъ на меня подѣйствовало это.
Ахъ, я совсѣмъ забыла, что должна
Хоть ради васъ быть твердой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Беатриче,

Терпѣніе; ужь если долженъ кто
Отчаяться,—такъ это я, конечно,
Я, нѣкогда любившая его
И нынче жить обязанная вмѣстѣ
До той поры, пока благой Творецъ
Кого нибудь изъ насъ двоихъ на судъ
Не призоветъ. Ты. можешь быть, еще
Найдешь себѣ любимого суируга

И будешь съ нн: когда нибудь глядѣть
 Съ улыбкою на розовыхъ младенцевъ;
 А я тогда ужъ буду подъ землей,
 И обо мнѣ, какъ и объ этой гнусной
 Сумятицѣ семейной, вспоминать
 Вы станете, лишь какъ о снѣ тяжеломъ.

БЕАТРИЧЕ.

О, матушка, не говорите мнѣ,
 Пожалуйста, о мужѣ. Послѣ смерти
 Моей родной вы нянчили меня,
 Какъ дочь свою; ребенокъ этотъ милый
 И я всегда могли найдти у васъ
 Защиту; вы однѣ намъ были другомъ;
 Вашъ кроткій взглядъ и кроткія слова
 Всегда отца удерживали руку,
 Грозившую намъ смертью... И теперъ
 Я кину васъ? Пусть духъ моей родимой,
 На небесахъ витающій, меня
 Тамъ проклянетъ, когда я ту повинну,
 Которая меня любила больше,
 Чѣмъ можетъ мать любить родную дочь!

БЕРНАРДО.

И я вполнѣ съ моей сестрой согласенъ.
 Я ни за что не кину васъ въ такомъ
 Несчастіи,—не кину, хоть бы папа
 Мнѣ средство далъ, какъ всѣмъ другимъ моимъ
 Ровесникамъ, жить въ мѣстности веселой,
 Среди забавъ, и утонченныхъ блюдъ,
 И воздуха прекраснаго. Повѣрьте,
 О матушка, я не оставляю васъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Любезнѣйшія дѣти!

(Входитъ Ченчи).

ЧЕНЧИ.

Беатриче!

Ты здѣсь? Сюда!.. Не закрывай лица,
 Твое лицо прекрасно. Ну смотри-же
 Въ мои глаза. А, ты вчера могла

Взоръ устремлять надменно-непокорный,
 Ты проникать рѣшалась въ мысль мою,
 Ту мысль, что я напрасно скрыть старался
 Отъ глазъ твоихъ.

БЕАТРИЧЕ

О, разступись земля!

О, Господи, сокрой меня!

ЧЕЛЧИ.

Въ то время

Мои уста нѣмѣли, отъ тебя
 Я уходилъ петвердыми шагами,
 Какъ ты теперь уходишь отъ меня.
 Стой, я тебѣ приказываю! Съ этой
 Минуты твой безстрашный взоръ, чело
 Надменное, пылающія щеки,
 Уста, что Богъ создалъ для нѣжныхъ словъ
 Иль для обидъ, — вселять не будутъ больше
 Безмолвный страхъ въ послѣднихъ изъ людей,
 А ужъ въ меня подавно... Убѣрайся
 Теперь къ себѣ.

(Къ Бернардо).

Ступай ты тоже вонъ,

Ты, матери проклятой гнусный образъ!
 Смотря на твой трусливый, вялый видъ,
 Я становлюсь отъ ненависти боленъ

(Беатриче и Бернардо уходятъ).

(въ сторону). То, что межъ насъ произошло, въ нее
 Вселило страхъ, въ меня — большую смѣлость.
 Я страшный планъ составилъ, — планъ такой,
 Что подойти къ нему боишься даже.
 Такъ человекъ на берегу ручья
 Стоитъ, дрожа отъ холода, и воду
 Онъ пробуетъ ногами, а вошелъ, —
 Все существо отъ радости трепещеть!

ЛУКРЕЦІЯ (робко подходя къ нему).

О, мой супругъ! прошу тебя простить
 Несчастной Беатриче; не имѣла
 Злыхъ умысловъ она...

ЧЕНЧИ.

Гмъ! можетъ быть,
 И ты безъ нихъ? и этотъ вотъ чертенокъ,
 Котораго за азбукою ты
 Старалась такъ учить отцеубійству?
 И братъ его Джіакомо? И тѣ два
 Чудовища, которые съ Климентомъ
 Поссорили меня, за что Господь
 Ихъ взялъ къ себѣ... Невинныя овечки!
 У нихъ совсѣмъ нѣтъ замысловъ дурныхъ!
 Такъ вы теперь не въ заговорѣ тайномъ?
 Такъ, можетъ быть, не говорили вы,
 Что долженъ быть я заключенъ въ тюрьму,
 Какъ бѣшенный безумецъ, или къ смерти
 Приговоренъ за дѣло, въ коемъ вы
 Явитесь, какъ свидѣтели, хотѣли;
 Что ежели вамъ этотъ планъ нельзя
 Осуществить, то вы убійцъ наймете,
 Иль быстрый ядъ вольете мнѣ въ питье
 Вечернее, иль въ часъ, когда я сильно
 Упьюсь виномъ, удушите меня;
 Что такъ какъ Богъ одинъ судья надъ нами,
 И такъ какъ Онъ мой смертный приговоръ
 Ужь произнесъ,— то вы одни исполнить
 Его должны... Что, этого всего,
 Быть можетъ, вы не говорили?

ЛУКРЕЦІЯ.

Въ свидѣтели зову, что никогда,
 Ни разу я о томъ не помышляла,
 Въ чемъ вамъ меня угодно обвинить.

ЧЕНЧИ.

Посмѣй хоть разъ еще солгать такъ дерзко—
 И ты умрешь. Какъ, не твоя вина,
 Что праздникъ нашъ прервала Беатриче?
 Конечно, ты надѣялась поднять
 Противъ меня моихъ враговъ, и съ ними
 Уйти отсель, и послѣ надѣваться
 Надъ тѣмъ, предъ кѣмъ твой каждый нервъ дрожить!

О храбрости людей была ты мнѣнъя
 Высокаго; немногіе изъ нихъ
 Стать между мной и гробомъ ихъ рѣшатся!

ЛУКРЕЦІЯ.

О, не смотри такъ страшно; я клянусь
 Спасеніемъ души, что ничего
 Не знала я о планѣ Беатриче;
 Да и она навѣрно ничего
 Не сдѣлала-бъ, когда бъ о смерти братьевъ.
 Не началъ ты рассказывать...

ЧЕНЧИ.

Молчи,

Преступница и лгунья! Будь за это
 Ты проклята! Но я васъ увезу
 Туда, гдѣ вы съ мольбой объ избавленіи
 Получте возможность прибѣгать
 Лишь къ каменнымъ тропинкамъ и утесамъ;
 А изъ людей живутъ тамъ только тѣ,
 Которые всегда на все готовы
 И слѣпо мнѣ покорны; нашъ отъѣздъ
 Назначилъ я на среду. Знаешь замокъ
 Петреллу? онъ построенъ на скалѣ
 И обнесенъ надежными стѣнами,
 Глубокимъ ровомъ; подземныя темницы
 И башни тамъ молчаніе хранятъ,
 Хотя онѣ свидѣтелями были
 Такихъ вещей, какія говорить
 Заставили-бъ я тварей безсловесныхъ...
 Ну, что стоишь и мѣшкаешь? Ступай,
 И въ дальній путь скорѣе спаряжайся.

(Лукреція уходитъ).

Еще блеститъ на небѣ солнце; шумъ
 На улицахъ еще я слышу; вижу,
 Какъ сѣвось окно сіяетъ неба сводъ.
 Да, день еще,— день свѣтлый, любопытный,
 Немолчный день, съ миллиономъ глазъ, ушей,
 Все видящій, за свѣмъ слѣдящій. Всюду,
 Во всѣхъ углахъ, въ малѣйшихъ уголкахъ

Нахальный свѣтъ гуляетъ на просторѣ.
 О тьма, приди! Но что за дѣло мнѣ
 До дня? За чѣмъ я такъ желаю ночи,
 Когда свершится собираюсь дѣло я,
 Которое заставить содрогнуться
 И день, и ночь?.. То дѣло, что теперь
 Задумалъ я, потушить для меня
 Весь свѣтъ дневной; я приношу съ собою
 Густую тьму, темнѣй земныхъ тѣней
 И горныхъ звѣздъ, сокрытыхъ въ мрачныхъ тучахъ.
 И въ этой тьмѣ, безъ страха и никѣмъ
 Невидимый, иду я прямо къ цѣли...
 О, если бы скорѣй свершилось все!

СЦЕНА II.

Комната въ Ватиканѣ.

Входятъ КАМИЛЛО и ДЖИАКОМО.

КАМИЛЛО.

У насъ одинъ законъ старинный есть,
 Въ которому вы можете прибѣгнуть,
 Чтобъ побудить отца вамъ выдавать
 И пищу, и одежду—сколько нужно.

ДЖИАКОМО.

И только? ахъ! какъ скудно быть должно
 Количество, что присуждаетъ строгій,
 Сухой законъ, а выдаетъ сѣдой
 И злой скупецъ! За чѣмъ не научилъ
 Отецъ меня поденному труду?
 Тогда бы я не зналъ ни роскоши
 Ни нѣги, и всегда бы могъ найти
 Себѣ кусокъ трудами рукъ моихъ.
 Да, старшій сынъ богатаго вельможи
 Наслѣдовалъ всѣ слабости его:
 Нуждъ у него не мало, силъ немного.
 Когда-бъ у васъ, Камилло, вдруъ отнять
 Пуховыя перины, столъ роскошный,

И сотню слугъ, и вашихъ шесть дворцовъ,
И только то, что требуетъ природа,
Оставить вамъ...

КАМИЛЛО.

Да, требуете вы
Лишь должнаго... Такая перемена
Была-бъ тяжка...

ДЖАКОМО.

О, тяжела она
И съ твердою душою человѣку;
А у меня вѣдь есть еще жена
Любимая, изъ зпатнаго семейства,
Приданое которой въ скверный часъ
Я далъ въ займы безъ письменныхъ условій
И даже безъ свидѣтелей отцу;
Вѣдь у меня есть дѣти, и такія
Прелестныя, какихъ не отыскать
На всей землѣ,—наслѣдники всѣхъ лучшихъ
Чувствъ матери своей; и ни они,
Ни мать ни въ чемъ меня не упрекаютъ.
О, кардиналъ, ужли и тутъ Климентъ
Переступить законъ не согласится?

КАМИЛЛО.

Хоть жребій вашъ особенно тяжелъ,
Но знаю я, что папа не захочетъ
Никакъ сойти съ законнаго пути.
Съ нимъ говорилъ о васъ я послѣ пира
Преступнаго у вашего отца
И страшную жестокость графа Ченчи
Просилъ сдержать. Но онъ наморщилъ лобъ
И мнѣ скавалъ: «Всѣ дѣти неповорны
И доводить стараются отцевъ
До горести глубокой и безумья;
За долгую заботливость они
Родителей презрѣньемъ награждаютъ.
Отъ всей души мнѣ графа Ченчи жаль;
Его любовь, увидѣвъ оскорбленье,

Вдругъ ненависть могла зажечь въ душѣ,
И онъ легко дошелъ до преступленья.
Въ большой войнѣ межъ молодымъ и старымъ
Я самъ, сѣдой и дряхлый человекъ,
Нейтралитетъ по крайней мѣрѣ буду
Всегда держать.»

(входитъ Орсино)

Орсино добрый мой,

И вы слова тѣ слышали.

ОРСИНО.

Какія?

ДЖИАКОМО.

Ахъ, для чего вхъ снова повторять!
И такъ, теперь, послѣдняя надежда
Разрушилась! теперь когда меня
Поставили на край глубокой бездны,
Мнѣ предстоитъ одна лишь помощь,— та,
Которую я самъ могу доставить.
Но, кардиналъ, сестра моя и братъ
Единственный томятся въ смертныхъ мукахъ
Подъ взглядами жестокими отца.
Извѣстные Италиі тиранны:
Висконти, Борджіа и Эццелинъ
Не мучили рабовъ своихъ такъ сильно,
Какъ мучатся они... Ужли-жъ и имъ
Нельзя найдти ни у кого защиты?

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, если бы прошеніе подать
Святѣйшему отцу они рѣшились,
Онъ, кажется, не отказалъ бы имъ,
Хоть надо вамъ признаться, онъ увѣренъ,
Что власть отца ослабить—значить дать
Весьма дурной примѣръ: вѣдь въ этой власти
Онъ видитъ тѣнь и собственной своей...
Однако вы меня простите. Дѣло
И важное, и спѣшное зоветъ
Меня къ себѣ

(уходитъ)

ДЖІАКОМО.

Но вѣдь у васъ, Орсино,
 Прошеніе; за чѣмъ же вы его
 Святѣйшему отцу не подадите?

ОРСИНО.

Я подавалъ, и сильно хлопоталъ,
 Упрашивалъ,—но все напрасно. Папа
 Мнѣ возвратилъ его и не раскрывъ.
 Увѣренъ я, что гнусные поступки,
 О коихъ рѣчь въ прошеньи томъ, (а имъ,
 Дѣйствительно, повѣрить очень трудно),
 Заставили Святѣйшаго свой гнѣвъ
 Съ виновнаго свернуть на обвинявшихъ.
 Я это заключаю изъ того,
 Что говорилъ здѣсь только-что Камилло.

ДЖІАКОМО.

Другъ! Золото, искусный этотъ чортъ,
 Святѣйшему шепнулъ, чтобъ не мѣшался
 Онъ ни во что; поэтому теперь
 Мы всѣ лежимъ въ огнѣ, какъ скорпіоны.
 Такъ что же намъ осталось, какъ не смерть
 Себѣ нанести? Вѣдь тотъ, кто, какъ убійца,
 Терзаетъ насъ, прикрылъ себя святымъ
 Названіемъ отца; а будь иначе...

(останавливается).

ОРСИНО.

Ну, что жъ тогда вы сдѣлали-бы съ нимъ?
 Не бойтесь мнѣ сказать всѣ ваши мысли...

ДЖІАКОМО.

Къ чему вамъ знать? не спрашивайте. Мозгъ
 То иногда творить, чего не хочетъ
 Исполнить онъ; фантазія порой
 Уносится въ мечтанія такія,
 Какихъ языкъ не смѣетъ передать;
 У нихъ нѣтъ словъ; онъ такъ страшно-мрачны,
 Что умъ отъ нихъ темнѣетъ. Не могу
 И думать я о томъ, о чемъ спросили
 Вы, другъ, меня.

ОРСИНО.

Но дружеская грудь
 Для насъ должна равняться самымъ тайнымъ
 Приютамъ собственной души, гдѣ мы
 Скрываемся отъ глазъ дневнаго свѣта,
 Отъ воздуха, который проникать
 Повсюду власть имѣеть...

ДЖАКОМО.

Пощадите

Меня теперь! Я—точно человекъ,
 Чтò въ часъ ночной, въ лѣсу съ дороги сбился,
 И путника безвреднаго спросить,
 Куда идти, не смѣетъ, изъ боязни,
 Что путникъ тотъ, какъ мысль моя теперь,
 Убийца злой. Я знаю, вы, Орсино,
 Мой другъ, и вамъ я повѣрю все,
 Что говорю моей душѣ. Но нынче
 Мнѣ тяжело, и я хочу себѣ
 Совѣтъ спросить у ночи, полной горя
 Бессоннаго. Простите мнѣ, коль я
 «Прощайте!» вамъ скажу теперь. Прощайте!
 Ахъ, отчего и къ собственной душѣ,
 Исполненной сомнѣнья, слово мира
 Такое же я не могу сказать.

ОРСИНО.

Прощайте! Дай Господь, чтобъ ваши мысли
 Исправились или сдѣлалась смѣлѣй!

(Джакомо уходитъ)

Я упросилъ Камилло, чтобъ не сильно
 Поддерживалъ его надежды онъ.
 Я счастливъ тѣмъ въ своихъ сокрытыхъ планахъ
 Что въ этомъ всемъ семействѣ свойство есть —
 И собственный свой духъ, и посторонній,
 Какъ атомъ, на части разсѣвать.
 А при такомъ занятъи можетъ воля
 Ужаснѣйшія тайны узнавать.
 Вотъ такъ попалъ и Ченчи въ западню;
 И даже я, съ тѣхъ поръ, какъ Беатриче

Сама открыла тоже мнѣ тайпу
 И передъ тѣмъ заставила дрожать
 Меня, чего я избѣжать не въ силахъ,—
 Съ тѣхъ поръ себя я началъ презирать
 И къ этому почти привыкъ. Злыхъ дѣлъ
 Я совершать какъ можно меньше буду.
 И эта мысль для совѣсти моей
 Послужить пусть теперь успокоеньемъ.

(Послѣ небольшой паузы)

Однакоже, что выйдетъ изъ того,
 Коли падеть убійства жертвой Ченчи?
 И если пасть ему, то отчего
 Я долженъ быть его убійцей? Если
 Мнѣ суждено награду получить
 За этотъ трудъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ на долю
 Мнѣ выпадутъ опасности и грѣхъ.
 Изъ всего, живущаго на свѣтѣ,
 Ничто меня не устрашаетъ такъ,
 Какъ человѣкъ, чьи дѣйствія далеко
 Быстрѣ словъ,—а Ченчи человѣкъ
 Какъ разъ такой; пока не умеръ Ченчи,
 Священникъ тотъ, который дочь его
 Возьметъ къ себѣ, найдетъ въ ея приданомъ
 Свой тайный гробъ. О, Беатриче, мой
 Прекрасный другъ! Желалъ бы я или вовсе
 Къ тебѣ любви не чувствовать, или такъ
 Тебя любить, чтобъ презирать опасность,
 И золото, и все, что межъ нами
 Желаньемъ и его осуществленьемъ
 Съ угрозою встаетъ, или на меня
 Съ улыбкою глядитъ у самой цѣли.
 Исхода нѣтъ! Ея прелестный образъ
 Становится со мною на колѣни
 Предъ алтаремъ, и слѣдуетъ за мной
 Въ собранія людей, и наполняетъ
 Такими сповидѣньями мой сонъ,
 Что кровь моя, когда я просыпаюсь,
 Кипитъ огнемъ текучимъ; если лобъ

Холодный свой рукою трону — слышу,
 Какъ жжетъ его горячая рука;
 Душа моя дрожить и цѣпенѣть
 При имени ея, когда другой
 Произнесетъ его; и такъ бесплодно,
 За призракомъ невѣдомыхъ отрадь
 Я все гонюсь, пока моя больная
 Фантазія не назоветъ ту тѣнь,
 Чтѣ создала она, полу-своею.
 Но не хочу я долѣе влачить
 Жизнь, полную такихъ часовъ мятежныхъ;
 Осуществлю я мой завѣтный планъ
 При помощи надеждъ Джакомо тайныхъ;
 Какъ будто бы съ вершины башни я
 Конецъ всего отлично вижу: гибнетъ
 Ея отецъ, братъ тайною своей
 Ужасною со мною тѣсно связанъ,
 Мать всякаго сознанья лишена
 И ужасомъ объята, видя страшный
 Успѣхъ своихъ желаній; а она!...
 Приободришь, о духъ мой оробѣвшій!
 Ужли съ тобой рѣшится въ бой вступить
 Лишенное защитниковъ созданье?
 Предвижу я рѣшительный успѣхъ....
 Когда свершить хотимъ мы злое дѣло,
 Тогда злой духъ невидимо стоитъ
 Близъ насъ и намъ внушаетъ помысленья
 Чернѣйшія; и можетъ только тотъ
 Успѣть во всемъ, кто самъ не превратится
 Въ орудье зла, и будетъ злему духу,
 Властителю другихъ умовъ и душъ,
 Такъ долго льстить, пока не обратится
 Въ его раба тотъ демонъ... Точно такъ
 И я пойду въ своей желанной цѣли!

(Уходитъ).

Д Ъ Й С Т В І Е Ш.

—
СЦЕНА 1.*Комната въ дюрцъ Ченчи.*

ЛУКРЕЦІЯ, потомъ БЕАТРИЧЕ (она входитъ, шатаясь, и говоритъ какъ бы въ помѣшательствѣ).

БЕАТРИЧЕ.

Дай мнѣ платокъ скорѣе! Мозгъ мой раненъ,
Въ крови глаза... о, вытри эту кровь!
Я ничего не вижу...

ЛУКРЕЦІЯ.

Беатриче,

Мой милый другъ, нѣтъ раны у тебя;
Съ прекрасныхъ щекъ не кровь, а потъ холодный
Бѣжитъ рѣвой... О, горе, горе мнѣ!
Что сдѣлалось, дитя мое?

БЕАТРИЧЕ.

О, ужась!

Я чувствую—поль гнется подо мной,
Въ глазахъ моихъ вертятся стѣны... Вижу
Тамъ женщину въ слезахъ, она стоитъ
Спокойная, недвижная, нѣмая;
А я иду, шатаясь, точно міръ
Вокругъ меня качается... О Боже!
Прекрасный сводъ небесный весь въ крови!
Свѣтъ солнечный глубоко-черенъ... Воздухъ
Наполнился миазмами, какъ тѣ,
Что мергвые вдыхаютъ подъ землею...
Ахъ! душно мнѣ! Ползеть по мнѣ, ползеть
Какой-то паръ пятнающій и черный...
Какъ онъ тяжелъ и плотенъ! не могу
Сорвать его съ себя: спаялъ онъ крѣпко
И члены мнѣ и пальцы; вѣлся въ нервы,

И тѣнью все тѣло предаеть,
 И жизни духъ частѣйшій отравляетъ!
 О, Господи! теперь лишь въ первый разъ
 Я поняла, что чувствуетъ безумный:
 Сомнѣнья нѣтъ, сама безумна я!

(съ большимъ отчаяніемъ).

Нѣтъ, я мертва! трепещущую душу,
 Что вьется вверхъ, на воздухъ,—въ гробъ кладутъ
 И держутъ тамъ уже гнилые члены!..

(послѣ паузы).

Какая мысль ужасная пришла
 Мнѣ въ голову!.. Она прошла... Но все же
 Здѣсь на глазахъ лежитъ она,—лежитъ
 Такъ тяжело на утомленномъ сердцѣ!..
 О, мѣръ! О, жизнь! О, день! О, горе мнѣ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, что сдѣлалось съ тобою?
 Увы! она не отвѣчаетъ мнѣ!
 Въ ея душѣ есть только чувство муки,
 Безъ знанія причинъ его; печаль
 Глубокая, конечно, изсушила
 Источникъ свой.

БЕАТРИЧЕ (дѣво).

Несчастье надъ своимъ
 Родителемъ убійство совершило;
 Но никогда его отецъ не дѣлалъ
 Того, что мой... О Боже, что-же я
 За бѣдное созданье!

ЛУКРЕЦІЯ.

Другъ мой милый,
 Скажи, что сдѣлалъ твой отецъ?

БЕАТРИЧЕ (подозрительно).

Кто ты,

Допросица? нѣтъ у меня отца.

(Бѣ стороны) Изъ дома сумасшедшихъ это нянька,
 Которую приставили ко мнѣ...

Печальная обязанность!

(Къ Лукреціи, тихимъ и медленнымъ голосомъ).

Послушай!

Почудилось недавно мнѣ, что я
 Та самая бѣдняжка Беатриче,
 О комъ теперь всѣ люди говорятъ,
 Та самая, которую перѣдко
 По комнатамъ таскалъ за волоса
 Ея отецъ и закирлявъ нагую
 Въ подземныя темницы, гдѣ вились
 Вокругъ нея чешуйчатыя змѣи,
 И голодомъ моря ее, давалъ
 Ей въ пищу лишь испорченное мясо.
 Ужасные рассказы эти мнѣ
 Въ тревожныхъ снахъ такъ часто появлялись,
 Что наконецъ я стала думать... Нѣтъ,
 Не можетъ быть! На этомъ дикомъ свѣтѣ
 Совершенно не мало страшныхъ дѣлъ,
 Чудовищныхъ, страннѣйшихъ сонлетеній
 Добра и зла; не мало человѣкъ
 Придумывалъ такихъ вещей, какія
 Осуществить едва ли смѣетъ кто;
 Но никогда еще не создавала
 Фантазія людская дѣлъ такихъ,
 Какъ то...

(одругъ останавливается и приходитъ въ себя).

Кто ты? О, поглянись, покажься

Отъ страха я еще не умерла,
 Что ты не та, кѣмъ я тебя считаю...
 О, матушка!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дочь милая моя,

Вѣдь знаешь ты...

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говорите!
 Коль правда то, то значить все должно
 Быть правдою, несокрушимой правдой,
 Связавшейся такъ тѣсно съ жизнью всей,
 Что измѣнить ее или избѣгнуть,
 Увы! никто не можетъ. Да, теперь

Я узнаю: вотъ это замокъ Ченчи,
 Ты мать моя, Лукреція, а я—
 Я дочь твоя. Быть можетъ, здѣсь смутила
 Безумными словами я тебя;
 Но словъ такихъ ты больше не услышишь.
 О, матушка, поди ко мнѣ... Теперь
 Ужь я...

(голосъ ея начинается слабѣть).

ЛУКРЕЦІЯ.

Увы! что сталося съ тобою,
 Мое дитя! что сдѣлалъ твой отецъ!

БЕАТРИЧЕ.

Что сдѣлала я, бѣдная! Какъ будто
 Виновна я? Моя ли въ томъ вина,
 Что человекъ съ сѣдыми волосами
 И голосомъ суровымъ—человекъ,
 Меня давно терзающій такъ сильно,
 Какъ могутъ лишь родители терзать,—
 Моимъ отцемъ зовется и при этомъ...
 О, кто же я?.. Что станется съ моимъ
 И именемъ, и положеньемъ въ свѣтѣ,
 И памятью о томъ, чѣмъ я была,
 Когда свое отчаянье съумѣю
 Я пережить?..

ЛУКРЕЦІЯ.

Да, ты права, дитя;
 Онъ злой тираннъ; намъ хорошо извѣстно,
 Что только смерть иль наша, иль его,
 Свободу намъ доставить. Но что сдѣлать
 Онъ могъ еще ужаснѣе? Ужли
 Онъ въ силахъ былъ придумать поруганье
 Страшнѣе тѣхъ, къ какимъ привыкли мы.
 Ты видь себя... Глаза твои сверкаютъ
 Блуждающимъ, невѣдомымъ огнемъ...
 Сважи мнѣ все... Раскрой ты эти руки,
 Чьи пальцы такъ впились одинъ въ другой.

БЕАТРИЧЕ.

Ахъ, это жизнь, лишенная покоя,

Терзаетъ ихъ такъ сильно. Если я
 Заговорить попробую, то вѣрно
 Сойду съ ума. Да, что нибудь должно
 Произойти, — что именно, не знаю
 Еще сама, но вѣрно что нибудь,
 Что превратить мои бывлыя муки
 Въ простую тѣнь... Когда бы знала я,
 Что именно случится, я ждала бы
 Съ спокойствіемъ безмолвнымъ, и ничто
 Ужъ не могло-бъ привести меня въ волненье.
 Но ахъ, теперь!... О кровь моя, ты, кровь
 Отцовская, бѣгущая по жиламъ
 Запятнаннымъ моимъ, когда-бъ могла
 Ты обогреть запятнанную землю
 И смыть съ нея навѣки преступленья
 Ужасное, гнетущее меня!
 Нѣтъ, это быть не можетъ! Пусть другіе
 До гроба жизнь проводятъ въ мысли той,
 Что видитъ Богъ и терпитъ злодѣянья, —
 Но никакимъ мученьямъ никогда
 Не сокрушить моей горячей вѣры!

ЛМБРЕЦІЯ.

Да, что нибудь ужасное съ тобой
 Случилось, но что — и догадаться
 Не смѣю я... О, бѣдное дитя!
 Не закрывай предъ материнскимъ страхомъ
 Твою печаль гнетущую, не прячь
 Ее въ свой гнѣвъ и гордый, и замкнутый!

БЕАТРИЧЕ.

Я ничего не прячу. Какъ могу
 Я скорбь мою изобразить словами,
 Когда въ душѣ не въ силахъ я себя
 Представить то, что такъ преобразило
 Теперь меня, — когда мои всѣ мысли,
 Какъ призраки печальные, идутъ,
 Укутавшись въ свой безобразный ужасъ.
 Ты хочешь словъ? О, матушка, изъ всѣхъ
 Какія есть на языкѣ у смертныхъ,

Не передасть навѣрно ни одно
 Всѣхъ мукъ моихъ;—кому такія муки
 Достанутся, тотъ долженъ умереть,
 Какъ я умру, не называя ихъ
 По имени, какъ я не назову.
 Смерть! Смерть! Тебя наградою и карой
 Зоветъ законъ и Бога, и людей...
 О, что же мной изъ этихъ двухъ названій
 Заслужено?

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты заслужила миръ
 Невинности и будешь въ этомъ мирѣ
 Ты пребывать, пока тебя Господь
 Не призоветъ. Какъ ни ужасны муки
 Твоя, дитя, ты злаго ничего
 Не сдѣлала. Смерть—наказанье только
 Преступнику; награда-жъ—для того,
 Кто ходитъ здѣсь лишь по шипамъ тернистымъ,
 Которыми Господь усѣялъ путь,
 Къ безсмертію ведущій.

БЕАТРИЧЕ.

Да, смерть—кара
 Преступнику; о, Боже мой, молю—
 Не дай мнѣ впасть въ разсудка заблужденіе!
 Коль суждено мнѣ дни за днями жить,
 Коль плоть моя—храмъ недостойный духа
 Всевышняго, содѣлаться должна
 Пещерою поганой, изъ которой
 Все то, на что Ты съ ужасомъ глядишь,
 Смотрѣть Тебѣ въ лице безъ страха будетъ,—
 То этому не быть!.. Самоубійство?
 Что жъ! и тогда нельзя меня назвать
 Преступною!.. О, въ этомъ смертномъ мірѣ
 Ни одного еще закопа нѣтъ,
 Который бы подвергнуть наказанью
 Могъ муку ту, что я теперь терплю.

(Входятъ *Орсино*. Она торжественно подходитъ къ нему).

Здорово, другъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мы видались

Въ послѣдній разъ, постигнуло меня
 Великое, неслыханное горе;
 Ни смерть, ни жизнь уже не возвратятъ
 Покоя мнѣ... Не спрашивайте только,
 Что именно случилось;—есть дѣла,
 Страданья есть такія, для которыхъ
 Нѣтъ образовъ и словъ на языкѣ.

ОРСИНО.

Но кто же вамъ такое оскорбленье
 Нанесъ теперь?

БЕАТРИЧЕ.

Тотъ человѣкъ, кого
 Моимъ отцемъ зовете вы;—название
 Ужасное!

ОРСИНО.

Отецъ! не можетъ быть!

БЕАТРИЧЕ.

Не можетъ быть, или можетъ быть,—объ этомъ
 Я васъ прошу не думать. Это есть
 И было. Вы совѣтъ мнѣ дайте только,
 Какъ убѣждать, чтобъ не было того жъ
 Опять со мной. Я умереть хотѣла,
 Но Божій страхъ остановилъ меня,
 И мысль о томъ, что даже смерть не можетъ
 Въ моей душѣ сознание истребить—
 Сознаніе пенскупленной муки...
 Скажите же, что дѣлать?

ОРСИНО.

Обвинить

Передъ судомъ его за преступленье,
 И пусть законъ отмститъ ему за васъ.

БЕАТРИЧЕ.

О, ледяной совѣтникъ! Еслибъ слово
 Я отыскать могла на языкѣ,
 Чтобъ моего убійцы преступленье
 Изобразить; и еслибъ мой языкъ
 Какъ острый ножъ, исторгнулъ злую тайну,
 Грызущую мнѣ сердце, и для всѣхъ

Открылъ бы все, и обратилъ бы имя
 Невинное и чистое мое
 Въ предметъ гнуснѣйшихъ сплетень и насмѣшекъ,
 Въ пословицу;—да, еслибъ это все
 Произошло, чему не быть однако, —
 То развѣ я спасла бы тѣмъ себя!
 Подумайте о ненависти страшной
 Преступника, о золотѣ его,
 Объ ужасѣ великомъ обвиненья,
 Которое не смѣетъ говорить
 Открыто, въ слухъ, и боязливо шепчетъ,
 И прячется съ боязнью и стыдомъ
 Въ гнуснѣйшіе намеки!.. О, какую
 Ты славную мнѣ помощь предложилъ

ОРСИНО.

Такъ значитъ, вы хотите терпѣливо
 Переносить?

БЕАТРИЧЕ.

Переносить? Нѣтъ, другъ,
 Какъ видно, вашъ совѣтъ немного пользы
 Мнѣ принесетъ.

(Отвѣщается отъ него и говоритъ сама съ собою).

Да, все должно скорѣй
 Быть рѣшено и сдѣлано. Какъ темно
 Въ моемъ умѣ! Какъ будто бы туманъ
 Его объялъ, и мысли, словно тѣни,
 Встаютъ одна во слѣдъ другой, и тьмой,
 Густою тьмой другъ друга одѣваютъ?

ОРСИНО.

Ужели онъ, преступникъ не умретъ
 И будетъ жить за тѣмъ, чтобъ въ преступленьяхъ
 Торжествовать? Ужели ко всему,
 Что сдѣлалъ онъ ужаснаго, привыкнуть
 Успѣешь ты и будешь жизнь влачить,
 Пока совсѣмъ, навѣки не погибнешь?

БЕАТРИЧЕ (сама съ собою).

Смерть мощная! Ты, тѣнь съ двойнымъ лицомъ!

Судья судей! Правдивѣйшій посредникъ!

(Отходитъ въ сторону, погруженная въ размышленія)

ЛУКРЕЦІЯ

О если громъ небесный нисходилъ
Когда нибудь для мщенія на землю...

ОРСИНО.

Остановись, не богохульствуй! Богъ
Здѣсь на землѣ свою являетъ славу,
И людямъ далъ всѣ средства, чтобъ они
Своимъ врагамъ платили за обиды.
Отъ насъ самихъ зависитъ наказанье
Преступника...

ЛУКРЕЦІЯ.

Но если человекъ,
Какъ нашъ злодѣй, своимъ богатствомъ можетъ
Съ насмѣшкою презрительной топтать
Законъ, права, общественное мнѣнье?
Но если нѣтъ прибѣжища къ тому,
Предъ чѣмъ дрожить виновнѣйшій? Но если
Мученья тѣ, что переносимъ мы,
Такъ велики, чудовищны и странны,
Что имъ никто не можетъ вѣры дать?
О, Господи! Но если тѣ причины,
Которыя должны бы намъ помочь,
Лишь губятъ насъ, а нашему злодѣю
Торжествовать способствуютъ, и мы,
Страдалицы и жертвы, больше терпимъ
И мучимся, чѣмъ онъ, мучитель нашъ?

ОРСИНО.

Не думайте, что тамъ, гдѣ есть злодѣйство,
Не можетъ быть возмездія, когда
Обиженный рѣшается на мщенье...

ЛУКРЕЦІЯ

Какъ? Если бы имѣли только мы
Надежный путь... не знаю я навѣрно..
Но кажется, что было бъ хорошо...

ОРСИНО.

На сколько я догадываюсь смутно,—

Послѣднее злодѣйство, что надъ ней
Онъ совершилъ, уже такого рода,
Что всякое раскаянье у васъ
Равнялось бы полнѣйшему безчестью.
Ее оно обязываетъ мстить,
Васъ — отыскать спасенье отъ мученій,
Меня — вамъ дать одинъ совѣтъ... И такъ...

ЛУКРЕЦІЯ (*продолжая свою рѣчь.*)

За тѣмъ, что мы опору и защиту
Надѣяться не можемъ тамъ найдти,
Гдѣ безъ труда находятъ ихъ другіе.

ОРСИНО.

И такъ...

БЕАТРИЧЕ (*подходя.*)

Молчи, Орсино! Также васъ,
Почтенная сударыня, прошу я:
Межъ тѣмъ, какъ вамъ я буду говорить,
Долой съ себя, какъ старую одежду,
Вы сбросьте все: раскаянье и страхъ,
И кроткое терпѣнье, и почтенье,
И узы всѣ житейскія; мы ихъ
Отъ дѣтскихъ лѣтъ все на себѣ носили,
Но съ этихъ поръ насмѣшкою онѣ
Являются въ моемъ священномъ дѣлѣ.
Изъ словъ моихъ вы знаете, что мнѣ
Нанесена позорная обида;
Хоть нѣтъ для ней на языкѣ людскомъ
Названія, — она взываетъ къ мщенью.
Да, къ мщенью за то, что свершено,
И для того, чтобъ я могла избѣгнуть
Печальнаго удѣла — отягчать
Мой бѣдный духъ преступными дѣлами
И сдѣлаться... тѣмъ сдѣлаться, что вамъ
Привидѣться не можетъ даже въ грезахъ...
Я Господу молилась горячо,
Съ своей душой я долго говорила,
Расвѣяла моихъ желаній мракъ,
Все поняла и наконецъ рѣшилась

Такъ поступить, какъ правда мнѣ велить.
Ты другъ-ли мнѣ, Орсино? Незамѣнный
Иль ложный другъ? Спасеніемъ души
Мнѣ поклянись, и лишь тогда рѣшуся
Я мысль мою открыть тебѣ.

ОРСИНО.

Блянусь,

Искусство все, и силы, и молчанье,
И все, чѣмъ я владѣю, посвятить
Одной тебѣ и сдѣлать, что прикажешь.

ЛУКРЕЦІЯ.

Такъ значить вы увѣрены, что мы
Его убить рѣшились?

БЕАТРИЧЕ.

И скорѣе

То совершить, что рѣшено. Должны
Мы дѣйствовать и быстро, и отважно.

ОРСИНО.

Но съ полной осторожностью,

ЛУКРЕЦІЯ.

Не то

Законъ казнить насъ смертью и позоромъ
За то, что самъ онъ дѣлаетъ не разъ.

БЕАТРИЧЕ.

Вы можете беречься, какъ хотите,
Но объ одномъ прошу я васъ — скорѣй,
Не медлите! Орсино, какъ бы это
Устроить намъ?

ОРСИНО.

Я знаю страшныхъ двухъ

Разбойниковъ; для нихъ душа людская
Такъ дорога, какъ тѣло червяка;
Изъ прихоти ничтожнѣйшей рѣшатся
Они разбить любую жизнь. Такихъ
Охотниковъ теперь не мало въ Римѣ.
Что нужно намъ, то продадутъ они.

ЛУКРЕЦІЯ.

Передъ разсвѣтомъ завтра хочеть Ченчи

Насъ увезти на голую скалу —
Суровую Петреллу въ Аппенинахъ.
Коли туда доѣдетъ онъ...

БЕАТРИЧЕ.

Туда

Не долженъ онъ доѣхать.

ОРСННО.

Тёмно-ль будетъ

Въ тотъ часъ, какъ вы прибудете туда?

ЛУКРЕЦІЯ.

Я думаю, что солнце только сядетъ.

БЕАТРИЧЕ.

Ипѣ помнится — отъ замка въ двухъ верстахъ,
Дорога вдругъ становится крутою
И узкою, и тянется съ трудомъ
Вдоль страшнаго, глубокаго оврага.
Внутри его — могучая скала;
Ужь много лѣтъ съ трудомъ и смертнымъ страхомъ
Надъ бездною все держится она,
И, кажется, упасть готова въ пропасть,
Смертельною борьбой истомлена...
Такъ грѣшный духъ съ томительнымъ усильемъ
Цѣпляется за жизнь, но каждый часъ
Шатается сильнѣе и сильнѣе,
И падая, самъ дѣлаетъ страшнѣй
Онъ бездну ту, куда упасть страшится.
Внизу скалы печальная гора,
Какъ будто бы усталая зѣваетъ;
А подъ горой, среди глухихъ пещеръ,
Невидимый, доступный только слуху,
Неистово несется водопадъ,
И чрезъ него устроенъ мостъ. А выше,
По этимъ всѣмъ утесамъ и скаламъ,
Раскинуть лѣсъ изъ кедровъ, сосенъ, пихтъ,
И вѣтви ихъ, сплетаясь съ зеленымъ плющемъ,
Тѣнистую бесѣдку образуютъ.
Въ полдневный часъ тамъ сумерки густыя,
А вечеромъ — чернѣйшей ночи тьма.

ОРСИНО.

Предъ тѣмъ, какъ вамъ къ тому мосту доѣхать,
Какойнибудь найдите вы предлогъ
Погнать ословъ, иль выждать постарайтесь,
Покаместъ мы....

БЕАТРИЧЕ (прислушиваясь).

Что значить этотъ шумъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Послушайте! то не слуги походятъ!
Должно быть, графъ неожиданно воротился....
Придумайте какойнибудь предлогъ
Для вашего присутствія, Орсино.

БЕАТРИЧЕ (къ Орсино, уходя).

Нога того, чьи слышимъ мы шаги,
Переступить тотъ мостикъ, о которомъ
Сказала я, — во вѣки не должна.

(Беатриче и Лукреція уходятъ).

ОРСИНО.

Что дѣлать? Здѣсь меня застанеть Ченчи,
И предстоитъ мнѣ перенести его
Пытливый взглядъ, который будетъ въ душу
Мнѣ проникать съ вопросомъ: почему
Я здѣсь теперь? — Улыбкой равнодушной
И правдою закрою мысль мою.

(Вбѣгаетъ Джиакомо.)

ОРСИНО.

Какъ, это вы? У васъ хватило духу
Сюда придти? Какъ будто знали вы,
Что Ченчи здѣсь не встрѣтите?

ДЖИАКОМО.

Напротивъ,

Я шелъ сюда, чтобъ отыскать его,
И буду ждать, пока онъ возвратится

ОРСИНО.

О, Господи! Да взвѣсили ли вы
Всю страшную опасность этой встрѣчи?

ДЖИАКОМО.

Все взвѣсилъ я! . А онъ, губитель мой,

Предвидить ли свою опасность? Знайте,
 Теперь уже здѣсь не отецъ и сынъ,
 Какъ нѣкогда, а мужъ и мужъ, здѣсь жертва
 И злой тираннъ; здѣсь врагъ лицомъ къ лицу
 Съ другимъ врагомъ. Онъ оттолкнулъ природу —
 Свой щитъ; она отвергнула его —
 Какъ свой позоръ; а я топчу ногами
 Обоихъ ихъ. Да развѣ мнѣ отецъ
 Тотъ человѣкъ, котораго я жажду
 За горло взять и такъ сказать ему:
 «Я отъ тебя не требую ни счастья,
 «Ни золота, ни памяти о дняхъ
 «Спокойнаго младенчества, ни жизни
 «Съ любимой и нѣжною семьей, —
 «Хоть это все ты у меня похитилъ;
 «Я требую лишь одного, чтобъ ты
 «Мнѣ возвратилъ мое честное имя,
 «Сокровище единое мое,
 «Которое отъ ненависти злобной
 «Твоей души считалъ сокрытымъ я
 «Подъ нищетою, мнѣ посланной тобою...
 «Отдай его, — иначе...» О, Творецъ!
 Меня понять, меня простить ты можешь;
 Какое-же мнѣ дѣло до людей!

ОРСИНО.

Любезный другъ, прошу васъ, успокойтесь.

ДЖИАКОМО.

Ну, хорошо, спокойно расскажу
 Я вамъ о томъ, что сдѣлалъ онъ со мною.
 Вы знаете, что этотъ старый графъ,
 Котораго зовутъ Франческо Ченчи,
 Взялъ у меня какъ будто бы въ займы
 Приданое жены моей, а послѣ
 Отрекся онъ отъ этого займа
 И въ нищету меня съ семействомъ ввергнулъ.
 Чтобъ какъ нибудь поправиться, искалъ
 Я гдѣ нибудь пристроиться на службѣ.
 Ужъ должность мнѣ обѣщана была,

И на нее надѣясь, новыхъ платьевъ
 Я накупилъ для всѣхъ дѣтей, и вновь
 Моя жена мнѣ стала улыбаться,
 И отдыхать душою началъ я.
 Но кто все разстроилъ Ченчи: должность
 Мою успѣлъ отдать онъ одному
 Бездѣльнику, въ награду за услуги
 Гнуснѣйшія. Вернулся я домой
 Съ извѣстіемъ печальнымъ, и сидѣли
 Въ уныніи мы, и обегчали грусть
 Слезами той привязанности прочной,
 Что силу намъ даетъ переносить
 И самыя ужасныя минуты.
 Вдругъ онъ пришелъ и по привычкѣ сталъ
 Насъ проклинять, бранить и издѣваться
 Надъ бѣдностью моею, говоря,
 Что такъ Господь казнить дѣтей строптивыхъ.
 Тогда, чтобъ стыдъ сковалъ его уста,
 Напомнилъ я о жениномъ приданомъ.
 Но онъ сейчасъ придумалъ небольшой
 Рассказъ о томъ, что будто эти деньги
 Я прокутилъ секретно; клевета
 Мою жену глубоко поразила,
 А онъ, вполне довольный, что успѣлъ
 Посѣять ядъ сомнѣнія, съ улыбкой
 Ушелъ отъ насъ. Я видѣлъ, что жена
 Повѣрила обманщику, что клятвы
 Горячія въ невинности моей
 Встрѣчали въ ней одно негодованье
 Безмолвнсе, одинъ холодный взглядъ
 Невѣрія, — и изъ дому я вышелъ.
 Когда жъ опять вернулся я, жена
 Свой гнѣвъ внушить уже успѣла дѣтямъ,
 И всѣ они кричали мнѣ: «Отецъ!
 «Дай платьевъ намъ! Дай намъ хорошей-пищи.
 «Что въ ночь одну ты промоталъ, семьѣ
 «На мѣсяцы хватило-бы!» Я понялъ,
 Что эдомъ сталъ мой домъ, и въ этотъ адъ

Я не вернусь, пока не оправдастъ
 Меня мой врагъ... А не захочетъ онъ,
 Такъ я законъ природы ниспровергну
 И...

ОРСИНО.

Вѣрь, что здѣсь ты не найдешь того,
 За чѣмъ пришелъ; отецъ тебѣ откажетъ
 Навѣрное.

ДЖІАКОМО.

Тогда... Вѣдь ты мнѣ другъ
 По прежнему. Недавно въ разговорѣ
 Ты намекнулъ на средство мнѣ одно,
 Последнее; — теперь къ нему, ты видишь.
 Я подошелъ. Страданія мои
 Оно должно отчасти успокоить.
 Но, другъ, хотъ я рѣшился, -- слово то
 Ужасное: отцеубійца, — душу
 Мою томить и мучить...

ОРСИНО.

Слово — звукъ,
 Не болѣе. Смотри, какъ Провидѣнье
 Творить свой судъ правдивѣйшій, и имъ
 Дѣяніе люлское освѣщаетъ:
 То, что тобой задумано, уже
 Совершено.

ДЖІАКОМО.

Онъ мертвъ?

ОРСИНО.

Его могила .

Готова. Знай, что дочери старикъ
 На дняхъ нанесъ большое оскорбленье.

ДЖІАКОМО.

Какое же?

ОРСИНО.

Она не говоритъ,
 Что именно случилось; но къ догадкамъ
 Печальнѣйшимъ ведутъ и блѣдность щекъ
 Смертельная, и гнѣвная серьезность

Ея чела, и строгій и глухой
 Звукъ голоса, въ которомъ нѣтъ ни страха,
 Ни нѣжности. Притомъ замѣтилъ я
 Еще одно: передъ твоимъ приходомъ,
 Межь тѣмъ, какъ я и мачиха ея
 Стояли здѣсь и, ужасомъ объаты,
 Между собой печальный разговоръ
 Веди о томъ, что сдѣлаюсь,— и только
 Намеками рѣшались нашу мысли
 Высказывать, — намеками глухими,
 Тревожными, хотя въ душѣ своей
 На мщеніе рѣшились, — Беатриче
 Прервала насъ, и взглядомъ, и устами
 Сказала намъ: онъ долженъ умереть!

ДЖІАКОМО.

О, если такъ, — довольно! Сомнѣваться
 Я пересталъ. Для мщенія у насъ
 Причина есть важнѣй моей причины,
 И есть судья священниче меня,
 И мститель есть съ душой гораздо чище
 Моей души. О, милая сестра,
 Ты никогда червя не раздавила,
 Не сорвала ни разу ты цвѣтка,
 И въ кротости младенческаго сердца
 Слезами лишь кропила ихъ; въ тебѣ
 И красота, и умъ соединились
 Въ чудесную гармонію, — и ты
 Поругана?... О, сердце, оправданья
 Въ тебѣ искать я больше не хочу...
 Какъ думаешь, Орсино, не дожидаться-ль
 Его мнѣ здѣсь, чтобъ тутъ же умертвить?

ОРСИНО.

Нѣтъ, погоди; — а то еще, пожалуй,
 Ему спастись удастся отъ того,
 Что ужъ теперь свершится непременно;
 Тогда тебѣ ни убѣжать нельзя,
 Ни спрятаться, ни оправдаться. Лучше
 Повремени; нашъ планъ совсѣмъ готовъ

И на успѣхъ надѣмся мы твердо.

(Входитъ Беатриче).

БЕАТРИЧЕ.

Братъ, это ты! я слышу голосъ твой;—
Но что съ тобой? меня не узнаешь ты?

ДЖІАКОМО.

Сестра моя, погибшая сестра!

БЕАТРИЧЕ.

О, да, ты правъ,—погибшая! Я вижу,
Орсино здѣсь съ тобою говорилъ
И поселилъ въ умѣ твоємъ догадки
О томъ, чего не смѣетъ произнести
Людской языкъ. Иди домой, Джіакомо;
Пожалуй, онъ вернется и тебя
Застанетъ здѣсь. Но дай мнѣ на прощанье
Свой поцѣлуй; онъ будетъ звѣкомъ мнѣ,
Что съ нами ты на смерть его согласенъ.
Прощай, прощай! Пусть набожность твоя,
И братская любовь, и милосердье,
И чувства всѣ, смягчающія духъ
Суровѣйшій, въ твой духъ вселятъ суровость.
Не возражай ни слова мнѣ. Прощай!

(Уходятъ въ разные стороны).

СЦЕНА П.

Бѣдная комната въ квартирѣ Джіакомо.

ДЖІАКОМО *(одинъ)*.

Ужъ полночь бьетъ, а нѣтъ еще Орсино.

(Слышится громъ и шумъ бури.)

Гроза!... Ужли и вѣчныя стихіи
Сочувствуютъ такимъ червямъ, какъ мы?
Нѣтъ, еслибъ такъ, то стрѣлы быстрыхъ молній
Не падали-бъ на камни и цвѣты!...
Моя жена и дѣти спятъ спокойно,

И грезами ихъ головы полны;
 А я сижу, тревожимый сомнѣньемъ:
 Не грѣхъ-ли мы собираемся свершить,
 Хотя свершить его необходимо.
 О, тусклая лампада! Твой огонь
 Колеблется отъ дуновенья вѣтра,
 И мракъ густой стоитъ ужь близъ тебя
 И жадно ждетъ; о, маленькое пламя,
 То возстаешь, то падаешь ты вновь,
 Какъ пульсъ людей въ предсмертную минуту;
 Когда-бъ тебѣ я пищи не давалъ,
 Ты скоро-бы угаснуло навѣки!
 Быть можетъ такъ, вотъ въ этотъ самый мигъ,
 Та гаснетъ жизнь, которая когда-то
 Мнѣ жизнь дала; но никакая мощь
 Не можетъ влить живительнаго масла
 Въ разбитую лампаду тѣла. Нѣтъ,
 Кровь, только кровь питаетъ эти жилы
 И льется въ нихъ живительной струей...
 Да, въ этотъ мигъ въ предсмертной агоніи
 Ломаются и гибнуть члены тѣ,
 Которые моп. создали члены;
 И та душа, что сдѣлала мою
 Подобіемъ Создателя безсмертнымъ,
 Теперь стоитъ нагая предъ лицемъ
 Всевышняго!

(Бьютъ часы).

Разъ! Два! Часы проходятъ...

Ахъ, можетъ быть, когда нибудь мой сынъ
 Такъ будетъ ждать, какъ я здѣсь ожидаю,
 Томя себя раскаяньемъ пустымъ
 И злобою глубоко справедливой,
 И вѣстника-медлителя браня...
 Теперь почти желаю я, чтобъ смерти
 Избѣгнулъ онъ, хоть много горя мнѣ
 Онъ причинилъ... Но чу! шаги Орсино!

(Входитъ Орсино).

Ну, говори скорѣе!

ЧЕНЧИ.

ОРСИНО.

Я пришелъ
Сказать тебѣ, что спасся Ченчи.

ДЖІАКОМО.

Спасся!

ОРСИНО.

И невредимъ теперь въ Петреллѣ онъ.
Проѣхалъ онъ двумя часами раньше
Тамъ, гдѣ его собирались мы убить.

ДЖІАКОМО.

Ужли-же мы игрушкой глупой будемъ
Случайности и тратить время все
На страхъ пустой, когда работать надо?
О, если такъ, то этотъ ураганъ,
Что здѣсь ревѣлъ, какъ будто возвѣщая
Его конецъ, ничто иное былъ,
Какъ громкій смѣхъ, которымъ издѣвались
Надъ слабостью трусливой небеса!
Нѣтъ, съ этихъ поръ я каяться не буду
Въ намѣреньяхъ и дѣйствіяхъ моихъ,
А лишь въ одномъ—въ раскаянѣ.

ОРСИНО.

Смотри-ка,
Погасъ огонь въ лампадѣ у тебя.

ДЖІАКОМО.

Вѣдь можемъ мы смотрѣть безъ угрызений,
Какъ ночи тьма невинный свѣтъ лампы
Безжалостно вливаетъ; почему-жъ
Терзаться намъ раскаяньемъ при мысли,
Что Ченчи жизнь навѣки гаснетъ—жизнь,
Которая, какъ факелъ, освѣщаетъ
Для злыхъ духовъ преступныя дѣла,
Внушенныя ихъ собственной злобой?
Нѣтъ, конечно; я сталъ жестокосердъ.

ОРСИНО.

Скажи, къ чему ты говоришь все это?
Какъ будто кто изъ насъ томилъ себя
Раскаяньемъ въ такомъ правдивомъ дѣлѣ!

Нашъ первый планъ разрушился, но вѣрь,
 Что графамы сведемъ въ могилу скоро.
 Однако, другъ, зажги лампаду; мнѣ
 Не хочется бесѣдовать во мракѣ.

ДЖІАКОМО (зажигая лампаду).

Вотъ снова свѣтъ; когда-жъ въ моемъ отцѣ
 Погаснетъ жизнь, ужъ я не буду въ силахъ
 Ее возжечь. Не станеть-ли меня
 Въ томъ обвинить душа его предъ Богомъ?

ОРСИНО.

Какая мысль! Подумай-ка о томъ,
 Что возвратить не можешь ты покоя
 Своей сестрѣ, не можешь воротить
 Дни юности и свѣтлыхъ ожиданій,
 Погибшіе навѣки для тебя.
 Припомни все: жены твоей упреки,
 И горькій ядъ насмѣшекъ и обидъ
 Счастливаго надъ слабымъ и несчастнымъ,
 И вашу мать, лежащую въ землѣ,
 И...

ДЖІАКОМО,

Замолчи, о, замолчи, Орсино!
 Рѣшился я,—хотя бы мнѣ пришлось
 Вотъ этою же самою рукою
 Разрушить жизнь, которая ее
 Произвела...

ОРСИНО.

Не нужно это. Слушай:
 Тебѣ знакомъ Олимпіо? Онъ былъ
 Во времена Колонны кастеляномъ
 Помѣстія Петраллы, но потомъ
 Твоимъ отцемъ былъ прогнанъ. Знаешь также
 Ты Марціо мерзавца; графу онъ
 Заклятый врагъ, затѣмъ, что графъ не хочетъ
 Ему отдать тѣхъ денегъ, что себѣ
 Онъ заслужилъ однимъ кровавымъ дѣломъ.

ДЖІАКОМО.

Олимпіо я знаю. Говорять,

Онъ Ченчи такъ глубоко ненавидитъ,
 Что при одной случайной встрѣчѣ съ нимъ,
 Отъ бѣшенства безмолвнаго блѣднѣетъ,
 Какъ полотно. Но Марціо совсѣмъ
 Не знаю я.

ОРСИНО.

Онъ ненавидитъ Ченчи
 Не менѣе Олимпіо. Такъ вотъ,
 Какъ будто бы по твоему желанью
 И отъ тебя я этихъ молодцовъ
 Послалъ теперь въ Петреллу, съ Беатриче
 И мачихой ея потолковать.

ДЖІАКОМО.

Потолковать—и только?

ОРСИНО.

Тѣ минуты,

Которыя проносятся теперь
 На встрѣчу дню грядущему,—быть можетъ,
 Его конецъ увидѣли; теперь,
 Должно быть, все совершенно...

ДЖІАКОМО.

Послушай,

Что тамъ за шумъ?

ОРСИНО.

То вой домашнихъ псовъ
 И балогъ трескъ...

ДЖІАКОМО.

Нѣтъ, то въ просонкахъ ропщеть
 Моя жена и вѣрно обо мнѣ,
 Недоброе уста ея лепечуть,
 И дѣтямъ всѣмъ конечно снится сонъ,
 Что имъ отецъ отказываетъ въ пищѣ...

ОРСИНО.

Межъ тѣмъ, какъ тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ взялъ
 Ее у нихъ, и голодомъ и горемъ
 Терзаетъ ихъ, — на ложѣ сладострастья
 Порочнаго покоится теперь,

И грезами побѣдоносной злобы
Ярчательно смѣется надъ тобой.

ДЖІАКОМО.

О, если онъ опять проснется, — вѣрить
Не буду я наемниковъ рукамъ.

ОРСИНО.

Однако мнѣ пора. Покойной ночи!
Когда опять сойдемся мы съ тобой,
Я думаю, надѣюсь— все ужь будетъ
Совершенно...

ДЖІАКОМО.

И позабыто все!

О, лучше бы на свѣтъ я не родился!

(Уходятъ).

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА.

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РАСТЕТЬ».

I.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ ВЪ УЧИЛИЩѢ.

Наканунѣ Петрова дня, приходскій учитель Иванъ Ивановичъ отдалъ приказъ:

— Завтра у меня въ классѣ! слышите? Какъ только обѣдни въ колоколъ, нарядитесь, причешитесь и явитесь,—понимаете? будетъ торжественный актъ.

— «Батюшки, что это такое?...» и Вася живо разспросилъ Золотухина: что будутъ дѣлать въ училищѣ въ праздникъ?

Золотухинъ лѣтъ пять сидѣлъ въ приходскомъ, зналъ всѣ порядки и тотчасъ растолковалъ: что завтра въ училище пріѣдетъ губернаторъ и всѣ его чиновники, архіерей съ директоромъ и самъ почетный смотритель. Всѣ будутъ экзаменовывать учениковъ по закону:

— Этого я не боюсь! отвѣтилъ Васька смѣло: я богородицу знаю давно.

Дома онъ разсказалъ отцу, что завтра у нихъ въ училищѣ самый главный *экзаментъ*: пріѣдетъ губернаторъ и велѣно принести пятакъ Ермолапчу, который всѣхъ гладко острижетъ. А мамѣ, которая вздумала было возразить: «что губернаторъ не будетъ заниматься такими сопляками», Васька отвѣтилъ на-

отрѣзъ: «Ты не толкуй, что *онъ* не будетъ, я говорю—будетъ! Я, чай, знаю, что говорю!»! И мама послѣ того должна была прикусить язычекъ.

— Вотъ я каковъ: губернатора завтра увижу? думаетъ Васька на сонъ грядущій. И какіе это бываютъ губернаторы: поди, я чай, вѣдь онъ не похожъ на другихъ?.. (Васькѣ не спится, перевернулся на другой бокъ). Золотомъ, чай, разукрашенъ весь сертукъ-то, красный?... Эполеты, поди такъ и торчатъ лепешками... А какъ закричить?.. (И Васька покрѣпче завернулся въ одѣяло.

Утромъ, для смѣлости, онъ плотно закусиль.

— «А хорошо, кабы губернаторъ погладилъ меня по головкѣ»,—думаетъ Васька на пути въ училище: «а я бы взялъ, да ручку у него поцѣловалъ. Да, нѣтъ! чай поди, не поглядить: вонъ что мама вчера сказала...»

Въ училищѣ всѣ какъ у праздника: Ермолаичъ въ полной парадной формѣ съ галунами и рубцами, медалями и георгіевскимъ крестомъ, Иванъ Ивановичъ въ новомъ вицмундирѣ, на всѣ шесть пуговиць, а батюшка Антонъ, законоучитель, хоть и безъ вицмундира, но тоже съ крестомъ на шеѣ.

Учениковъ разставили въ ряды, какъ войска; Золотухина и Садилова по сторонамъ, словно для красы. Всѣ ощипываютъ другъ съ друга перышки и пушокъ—ожидаютъ почетнаго зрителя.

Зрителей приѣхало два за разъ: почетный и штатный.

— Ну, ведите, что стоите! сказалъ штатный учителю.

— Нѣтъ, погодите, отвѣтилъ почетный: я подумаю...

И за тѣмъ подмахнуль штатнаго къ окну, который подпрыгнуль туда, какъ кузнечикъ.

— Я полагаю... началъ онъ въ полголоса, смотря въ окно, и за тѣмъ такъ важно заговорилъ со штатнымъ, что Вася, поднявшись на цыпочки, прошивѣлъ! вонъ братъ, Почечкинъ, какъ важно толкуютъ». Иванъ Ивановичъ моргнуль и погрозилъ на него пальцемъ.

— Послушайте, эй вы!...

Приходскій учитель тоже подпрыгнуль къ окну, въ видѣ стреноженной лошади.

— Мы вотъ что выдумали съ г. штатнымъ смотрителемъ: вашихъ вы раздѣлите по-поламъ,—понимаете?

— Понимаю, ваше высокородіе, отвѣтилъ густо Иванъ Ивановичъ, вовсе ничего не понимая.

— Отберите, кто тутъ у васъ получше, тѣхъ и взять въ публичный залъ; а прочихъ оставитъ здѣсь, или я полагаю—отправить домой, чтобъ они не шумѣли? Можно такъ?

— Можно и такъ, ваше высокородіе.

— Ну, такъ распорядитесь же поживѣе, да, пожалуйста, безъ шуму и возни. Примите также въ соображеніе и это: кто поопрятнѣе одѣтъ,—слышите?

— Слушаю, ваше высокородіе?

— А то, право, не совсѣмъ прилично смотрѣть на ихъ лохмотье, прибавилъ щеголь баринъ.

Иванъ Ивановичъ началъ живо тыкать пальцемъ въ учениковъ, приговаривая: «ты здѣсь! ты здѣсь!», и такимъ образомъ пошолъ сквозь всѣ ряды. Васька, растопыривъ борты, силился показать ему свою великолѣпную манишку съ красной прошвой, и тоже попалъ въ число чистыхъ. Нечистымъ учитель, возвыся голосъ, сказалъ: «а вы возьмите тихонько шапки и тамъ вонъ... Ермолаевъ, выведи ихъ сквозь заднюю дверь! ступайте домой».

Нечистые остались очень довольны, живо выпрыгнули на улицу и тутъ же подняли зевъ, поглядывая на училищныя окна. Въ классѣ осталось человѣкъ двадцать-пять.

— Ну, вотъ этихъ взять, и предовольно! заключилъ почетный.

Иванъ Ивановичъ повелъ.

— А ваши тамъ? спросилъ онъ штатнаго.

— Точно такъ-съ, поставлены! и штатный такъ искусно шаркнулъ ногой, какъ шаркаетъ одинъ только въ свѣтѣ смотритель, въ казанской губерніи.

Учениковъ провелъ черезъ задній дворъ, въ гимназію. Въ какомъ-то длинномъ корридорѣ директоръ на нихъ закричалъ: «у меня здѣсь не топать ногами, слышите? здѣсь не топаютъ», и малевкіе трусишки, по повелѣнію директора, принялись подлясывать на носкахъ. Забавнѣе всѣхъ вышли Золотухинъ и Садиловъ, которые такъ нѣжно отшагивали, какъ длинноногію журавля.

Вася озирается во все стороны: все ново, любопытно и даже страшно. Залъ, въ который привелъ ихъ Иванъ Ивановичъ, такъ великъ и высокъ, что Вася не вытерпѣлъ, подъ шумокъ шепнулъ-таки Зудилкину:

— Эхъ, какъ потолокъ-отъ высоко,— смотри!

— Да, братъ, славный потолокъ, отвѣтилъ тотъ весело:— вотъ-бы сюда запустить воробья-то, ну такъ ужъ поработалъ бы! Ихъ, какъ бы, шельма, закатился къ верху-то ловко!

Но Васька на это только таинственно прошипѣлъ: «Ну, пошелъ къ кошкѣ... носомъ—воробья! За это, братъ, здѣсь запустятъ такого воробья, что съ мѣста живъ не встанешь—вотъ что».—И за тѣмъ оба принялись разсматривать потолокъ.

Потолокъ въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ того, чтобъ обратитъ вниманіе. Самъ архитекторъ Саркофагинъ говоритъ о немъ, что надъ потолкомъ этимъ онъ вылѣзалъ вонъ изъ кожи и на немъ истощилъ рѣшительно свой вкусъ. Для пяти висячихъ люстръ онъ влѣпилъ здѣсь такія розеты—ватрушки, которыя такъ сами и кричатъ надъ головой посѣтителя: «посторонись, убью!» Въ углахъ страшныя летучія мыши тоже грозятъ слетѣть. А по срединѣ, около лавроваго вѣнка, похожаго на розги, стоятъ на колѣняхъ голыя алебастровыя амурсы съ книгами, и читаютъ, или плачутъ?—снизу не разберешь. Между амурсами торчатъ еще, перевитые плющемъ, свертки бумаги, словно самоварныя трубы и ботфортныя голенища. А все это, для симметріи и красоты, связано и перевито какими-то алебастровыми кренделями и витушками, да проткнута палками, какъ сердца, пронзенныя стрѣлой.

Но самый залъ, въ которомъ долженъ былъ совершиться торжественный актъ, былъ еще любопытнѣе, нежели потолокъ. Обстановку его разсматривали не только Вася и Зудилкинъ, а рѣшительно все. Вообразите, по сторонамъ высокіе столбы, на верхушкахъ которыхъ архитекторъ со вкусомъ размѣстилъ древнихъ алебастровыхъ мудрецовъ, сильно освѣщенныхъ сзади окнами въ два ряда. Надъ столбами, которые поддерживаютъ хоры у задней стѣны, поставилъ Гераклита и Демокрита, двухъ греческихъ философовъ, изъ которыхъ одинъ надъ чѣмъ-то смѣется, а другой надъ чѣмъ-то плачетъ; эти освѣщены съ боку. Между ними, на печкѣ, Ді-

огонь выглядываетъ изъ своей бездонной бочки. А въ полукружїяхъ надъ окнами и дверьми опять голые алебастровые амурѣ: эти уже играютъ земными шарами, какъ мячами, возятся съ огромными циркулями, квадрантами и треугольниками, или же изломанными ногами подплясываютъ около лиры, палитры и нотъ. Нѣкоторые изъ нихъ держатъ даже въ рукахъ латинскіе билетки, съ извѣстнымъ ломоносовскимъ стихомъ: науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ. Въ простѣнкахъ между столбами висятъ портреты нашихъ великихъ мужей, будто отличившихся своею ученостью. У передней стѣны стоитъ штука, похожая на комодъ, но что за штука? Васька тоже не понялъ. Сунулся было къ Машенькину и Дашенькину — спросить: «что это за штука?» да тѣ отозвались, что не знаютъ, и штуки такой никогда не видали; высказали только свое мнѣніе: «что штука должно быть хорошая, потому что дерево блеститъ.»

Здѣсь самъ смотритель разставилъ ихъ въ три ряда. Инымъ запретилъ шептаться, а инымъ самъ шепнулъ: «задеру, слышишь!» на что всякій слушатель мотнулъ головой, какъ лошадь въ извозѣ.

Директоръ тоже приказывалъ учителю математики раздѣлить гимназистовъ по-поламъ, но чтобы нагляднѣе объяснить, какъ цѣлое дѣлится по-поламъ, онъ треугольной шляпой провелъ по рукѣ, какъ смычкомъ.

— Эй, господа, задніе ряды! кричитъ онъ въ попыткахъ: не шептаться и не болтаться! А губернаторъ взойдетъ, такъ обратиться къ нему въ пол-оборота, вотъ такъ... (и тутъ директоръ опять показалъ наглядно, какъ должно обращаться къ губернатору въ пол-оборота) да поклониться, если скажетъ «здравствуйте»; можно даже выговорить слегка «здравія желаю»;—но только, чтобъ все это было безъ крику, прилично—понимаете?—вы не солдаты.»

Только успѣлъ договорить директоръ, испуганный инспекторъ объявилъ: «его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи!»

Все всполошилось. Директоръ ушелъ на крыльцо; учителя, прижавши шпаги, какъ крысы хвостъ, прятались другъ за друга по чинамъ, смотритель мигалъ ученикамъ; даже самъ

Вася, испуганный суматохой, не успѣлъ пригладить волосъ: плюнулъ въ горсть, а тутъ какой-то трусишка шепнулъ: «идуть!»—такъ помада въ горсти и осталась.

Раздалась стукотня сапогъ. Впереди старика-директора идетъ молодой чиновникъ, длинный и сухой. Но что всего удивительнѣе показалось Васѣ,—что на немъ не только не было красного кафтана, не было даже креста на шеѣ, какъ у директора: просто, онъ былъ одѣтъ во фракъ.

— Гдѣ-же губернаторъ? думаетъ глупый Васька.

— Вотъ это, братъ, онъ самый и есть, губернаторъ на-стоящій, я его знаю,—шипить Зудилкинъ.

— Совсѣмъ не нарядный, хотѣлъ было заключить Вася, но увидя звѣзду подумалъ: «вонъ вѣрно гдѣ губернаторскій-то чинъ прищипленъ».

Всѣ сѣли за губернаторомъ. Настала мертвая тишина, сквозь которой еще ярче раздалась колокола и голосъ инспектора, докладывающій директору: «владыка пожаловали».

Архіерея Вася видалъ и ручку у него цѣловалъ, съ мамой въ соборѣ, поэтому прїѣздъ архіерея не былъ такъ любопытенъ, какъ приходъ губернатора.

Послѣ благословенія архіерейскаго, одинъ изъ учителей, длинный и сухой господинъ, съ бакенбардами покойнаго Пушкина и съ такими же курчавыми волосами, только не поэтъ, а математикъ, бойко вбѣжалъ на кафедру и, отдернувъ назадъ голову, какъ конь, сразу поклонился на всѣ стороны и громко сказалъ: «Милостивые государи!»—За тѣмъ онъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу и важно раскрылъ.

— Какіе-же это милостивые государи? думаетъ Вася:— я ихъ не знаю.

А господинъ уже поводитъ веселыми глазами по собранію, закрываетъ ихъ отъ восторга и замираетъ, какъ щуръ, распѣвая свою сладкую рѣчь. Кромѣ того, онъ съ такимъ удовольствіемъ потираетъ и пожимаетъ себѣ руки, какъ будто хочетъ спросить милостивыхъ государей: «ну, что, каково? вѣдь, хорошо я говорю?»

Губернаторъ наклонился впередъ, точно хочетъ повнюхать, чѣмъ пахнетъ эта умозрительная рѣчь, о вице-губернаторѣ и говорить нечего, самые мужи перестали орать и безczynничать

на потолокъ—словомъ, такъ все слушало жарко, что градомъ лилъ съ лицъ потъ. Вася оказался глупосать. Слышать-то онъ слышалъ, какъ какіе-то яксы да игреки вычитаются, а синусы съ косинусами сочетаются, а зачѣмъ они сочетаются—этого онъ не понялъ,—такъ и бросилъ!

Чтеніе однако продолжалось битый часъ. Ребята ки, со-скупивши стоять, начали позевывать, а губернаторъ , ротъ ладонью лицо, какъ-будто снимая паутину, и съ удовольствіемъ поклонился, когда кончилъ сухой и длинный математикъ.

За длиннымъ и сухимъ, неторопясь, залѣзъ на кафедру, низенькій и толстый, съ вихромъ на головѣ, какъ пѣтушиный гребешокъ, съ птичьимъ взглядомъ, въ очкахъ, съ лицомъ матовымъ, шероховатымъ, какъ грѣцкій орѣхъ. Толстая голова его до такой степени защемила въ мундирную черепаху, что онъ не въ состояніи повернуть ее ни на право, ни на лѣво и обращается къ посѣтителямъ болѣе брюхомъ, нежели головой. Это былъ учитель русскаго языка, или, какъ говорятъ у насъ—словесникъ. Онъ такъ широко раздвинулъ ротъ, какъ будто внесъ въ него кашу, и такъ усердно выговаривалъ: «почтеннѣйшіе посѣтители!» что брызги его летѣли рѣшительно на всѣхъ почтенныхъ посѣтелей.

Словесникъ ужасно напугалъ Васю: тыкнувъ пальцемъ прямо въ него, онъ закричалъ: «и сіи молодые юноши созрѣютъ здѣсь со временемъ!» А выступая въ патетическія мѣста, онъ началъ даже постукивать въ кафедру и покрикивать на посѣтелей, какъ будто грозя имъ торжественно, что сіи молодые юноши въ самомъ дѣлѣ созрѣютъ здѣсь со временемъ! Но Васька вовсе не интересовался знать: для чего они созрѣютъ?—просто ткнулъ въ богъ Почечкина и, указывая носомъ на мудреца на хорахъ, возлѣ дисканта, прошипѣлъ: «смотри, какъ смѣется».

— А вопъ плачетъ, братъ, отозвался пріятель, указывая на другаго мудреца, рядомъ съ басомъ.

Послѣ того Вася любопытно разглядывалъ, какъ мальчики съ красными воротниками, (которыхъ онъ дразнилъ «красной говядиной», на улицѣ) рассказывали басни, и размахивая руками, толковали: «какъ въ древности вельможа съ богатоубраннаго ложа отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плу-

тонъ». Не понявъ Васька только одного: за чѣмъ они говорить губернатору о Плутонѣ. Особенно же понравилось ему, какъ одинъ смѣлый гимназистъ, протягивая руки, сказалъ: «Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»

Но вотъ настала торжественная минута перевода учениковъ. Смотритель первый объявилъ почтеннѣйшимъ посѣтителемъ, кто у него выпускается, и читалъ это мѣсто съ такимъ грустнымъ настроеніемъ, что изъ фамилій кончившихъ курсъ у него вышли стихи: Перетыкинъ, Обѣдаловъ, Золотухинъ, Матюковъ, Закавыкинъ, Обираловъ, Чепарухинъ, Чубуковъ. А Вася объ этихъ стихахъ подумалъ: «ну, это не наши—уѣздные». Но только Иванъ Ивановичъ поднялъ листъ, на которомъ было прописано, кто переводится изъ приготовительнаго класса, онъ наострилъ уши.

Славно читалъ Иванъ Ивановичъ. Овечкина и Человѣчкина, Зудилкина, Сучилкина и Юликина—всѣхъ перевелъ и всѣхъ прочиталъ такъ плавно и торжественно, какъ поэму.

— «Вонъ какъ валяютъ нашихъ!» думаетъ веселый Вася, а Иванъ Ивановичъ только еще начинаетъ вычитывать, словно по нотамъ—все громче и громче, торжественнѣе и торжественнѣе: «Таничкинъ и Пряничкинъ съ наградой», выговариваетъ онъ важно, и повелъ глазами по Таничкину и Пряничкину. «Баночкинъ и Скляночкинъ съ наградой!» читаетъ онъ дальше, а Вася думаетъ: «ну-ко еще». Шалунчиковъ, Шептунчиковъ, Болтунчиковъ, и Лепетунчиковъ съ наградами перваго класса».

— «Эхъ, лихо!» шипитъ развеселый Вася. Но когда наконецъ и новымъ друзьямъ его Зазнобушкину и Сударушкину дали похвальные листы, то онъ рѣшительно не устоялъ: смотря на губернатора, щелкнулъ языкомъ и шепнулъ: «лихо, щельмовство! и сударушкѣ похвальный листъ. Ай да сударушка, душечка,—прелесть!» И за тѣмъ еще нетерпѣливѣе сталъ ожидать: что-то будетъ ему?

Ожиданіе перваго экзамена и перевода, это не то, что ожиданіе прапорщичьихъ эполетъ. У человѣка взрослога, хотя бы самаго пустѣйшаго въ свѣтѣ, уже совершенно другой взглядъ на все. Бывши кадетомъ или птицею подобнаго полета, онъ уже все это видалъ и испыталъ, между тѣмъ Вася только въ

первый разъ въ жизни готовится испытать это. А тутъ еще: торжественная суматоха, распоряженія испуганнаго Ивана Иваныча, прїѣздъ небывалаго въ училищѣ почетнаго зрителя, парадное шествіе черезъ гимназическіе закоулки, удивительно свѣтлый залъ и накопецъ невиданное и неслыханное торжество съ пѣвчими и звономъ, архіереемъ и губернаторомъ—все это привело его въ такое трепетное ожиданіе, въ какомъ можетъ находиться человекъ только въ самую рѣшительную минуту.

Не успѣвъ оторопѣвшій духъ перевести, какъ тамъ духомъ наградили Машенькина, Сашенькина, Дашенькина, и вдругъ такъ ясно и четко раздалось: «Василій Подпалкинъ съ наградой!»

— Ухъ! выговорилъ только счастливецъ и не вытерпѣвъ улыбнулся Зудилкину. Непремѣнно прошипѣлъ-бы: «лихо, братъ!» но его больно испугали зритель съ директоромъ. Оба встали съ мѣсть, замахали шляпами и заговорили: «Подпалкинъ! Кто тутъ Подпалкинъ, поди сюда!» Сзади подсовываютъ впередъ, а директоръ какъ хватить Васю за плечо, да какъ двинетъ къ архіерею, такъ сразу и поставилъ передъ губернаторомъ.

— У-у-у! Вотъ вѣрно гдѣ смерть-то!.. Вася поблѣднѣлъ.

Губернаторъ вблизи—ничего, такой добрый, мягкій и разговорчивый; самъ подавъ Васѣ похвальный листъ съ красной печатью, самъ сказалъ ласково: «вотъ это тебѣ, Подпалкинъ, за учење»,— и хотя не погладилъ по чупрыничку, однако съ улыбкой замѣтилъ директору: «какая забавная фамилія! изъ какихъ онъ?..»

Чуденъ былъ этотъ свѣтлый моментъ васиной жизни, такъ полно теперь его дѣтское счастье, что въ первую минуту онъ не можетъ говорить. Озираясь во всѣ стороны съ дурковатой улыбкой, будто облизнувшись сладкаго во снѣ, онъ хочетъ спросить на-яву: что это, братцы, творится со мной?

А творилось въ самомъ дѣлѣ что-то чудное: въ глазахъ являются красныя пятна, какъ печати; печати роятся и мелькаютъ, идутъ дальше и дальше; передъ глазами являются новыя; мелькаютъ и хлещутъ летучіе листы; бѣгутъ широкія коймы, огромныя кудрявыя буквы, и все это смѣшивается, сталкивается, расходится и сходится. Губернаторъ, архіерей, директоръ и пѣвчіе— все, какъ звуки, проносится сквозь го-

лову и сердце Васи! «Чудную штуку хватилъ, шипить съ боку Зудилкинъ и присѣлъ съ Васей на корточкы—полюбопытствовать, что тутъ прописано похвальваго?» Въ залѣ зашумѣли,—вскочили шалуны.

Пѣвчіе пѣли «Боже царя храни!» Все стало съ мѣсть.

— Ужь не домой-ли, господя? Кабы скорѣе отпѣли конецъ-то? Ухъ, какъ обрадуется тятя: онъ именинникъ, а я съ листомъ! Поди, чай, думаетъ: и вотъ, дескать, такъ придетъ, просто, безъ листа»,—да, чего тебѣ прости, какъ же, дождайся! анъ вотъ и не просто! Какъ разверну передъ нимъ этакой, да укажу на печать-то, на красную, такъ вотъ и не просто будетъ! Скажетъ небось: вотъ, дескать, какой ты сталъ нынче, сынокъ: листики похватываешь»..—И Вася подъ шумокъ еще разъ присѣлъ на корточкы и прочиталъ свои похвальвые успѣхи.

Актъ кончился: архіерей и губернаторъ удалились.

Директоръ пошелъ за губернаторомъ; смотритель замахалъ шляпой, а Иванъ Ивановичъ принялся опять уставлять свои ряды. Безтолковыхъ онъ дергаетъ за рукавъ и ссовываетъ съ товарищемъ, чтобы они не топырились; иныхъ, какъ хватомъ горшекъ, пятерней двинетъ въ шею, впередъ; борзыхъ за шиворотъ осадитъ назадъ, какъ коня. Словомъ, началась опять такая возня, какая обыкновенно бываетъ при устанавливаніи рекрутовъ да безтолковыхъ училищныхъ ребяташекъ. Для чего была эта возня послѣ акта, Иванъ Ивановичъ и самъ не понималъ—онъ только ставилъ «для порядка». Гладнувъ Васю по шеѣ, онъ и ему мелькомъ прибавлялъ: ну-тко хватъ, становись въ рядъ, и всей пятерней проводилъ въ спину.

Войска свои Иванъ Ивановичъ повелъ опять въ классъ. Тамъ онъ, какъ маленькій Наполеонъ при пирамидахъ, всталъ передъ новымъ столомъ и началъ такъ:

— Вотъ видите: кто хорошо учился, тотъ теперь у праздника; а кто дурно усѣивалъ, тому дали шишь: не будь осломъ.

Наставникъ остановился передъ заднимъ столомъ.

— Вонъ съ какими славными листьями пойдутъ они домой—обрадовать родигелей, а вы, дубье, отцамъ да матерямъ поднесете флгу.

— А я такъ вонъ какую штуку, — думаетъ Васька, смотря на свой великолѣпный листъ.

— И ты, Подпалкинъ, покажи твоей листъ отцу, да скажи: что онъ сюда не ходитъ? совсѣмъ насъ забылъ.

— Да онъ-съ, Иванъ Ивановичъ, совсѣмъ никуда не ходитъ-съ: онъ хвораетъ-съ, онъ-съ боленъ.

— Да? давно?

— Давно-съ, съ зимы-съ, съ самой-съ!

— Вотъ какъ! Ну, читайте молитву, да ступайте домой. Теперь гуляйте до перваго августа, до Спаса.

Всѣ радостно вскочили съ мѣстъ; съ трехъ сторонъ зачитали молитву и только къ концу, когда дошло дѣло до родителей и учителей, прочіе отстали молотъ, а одинъ звонко вывелъ! «ученія се-го!»

Приходскіе войска бросились въ дверь, какъ на приступъ, и забарабанили сапожниками атаку.

— Вотъ такъ гульнемъ! раздавалось по лѣстницѣ и улицѣ. А Вася, какъ конь, помчался домой.

Отецъ смотритъ въ окно; Вася въ восторгѣ грозитъ ему бумагой. Торжественно вносятъ изъ сѣней развернутый листъ, кладеть на колѣни, и порваннымъ отъ волненія голосомъ говорятъ только:

— Вотъ!...

— Тебѣ это дали? спрашиваетъ отецъ.

— Да, мой! отрывисто отвѣчаетъ Вася,—и тутъ ужь онъ почувствовалъ такое торжество, котораго, мнѣ кажется, не чуялъ и Македонскій самъ при покореніи вселенной.

— Наклонись, я тебя поцѣлую.—Вотъ такъ именины!

— Я это тебѣ старался, тятенька!

— Умница, сынокъ.

У тятеньки заискрились глаза и навернулись слезы. Вася упалъ на грудь—отецъ поцѣловалъ.

— Ученье свѣтъ—неученье тьма, сынокъ!

— Знаю я это, тятенька, хотѣлъ было отвѣтить Вася:—въ самомъ дѣлѣ онъ писалъ уже это въ училищѣ, по прописи,—однако ничего не сказалъ,—покрѣпче только прижался къ груди.

Холодная рука скользнула по шеѣ и щекѣ; сладостная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ упоеннаго ребенка, и точно само солнышко вошло въ темную избу—такъ свѣтло и весело было на душѣ.

А тутъ и мама изъ куриного клѣва. Та еще больше обрадовалась похвальному листу, и не только упросила поцѣловать ее, и даже прочитаетъ: что въ немъ прописано?

А Вася, кажется, этого только и ждалъ: торжественно всталъ между отцомъ и матерью, высоко поднялъ листъ, даже крикнулъ для приступа и, закрывъ глаза, прокатилъ наизусть:

«Данъ сей во оказаніи отличныхъ успѣховъ, сопровождаемыхъ отличнымъ благонавіемъ ученику петропавловскаго приготовительнаго класса, Василью Подпалкину на торжественномъ актѣ, воспослѣдовавшемъ въ лѣто отъ Рождества Христова такое-то, іюня въ 29 день.»

Когда Вася успѣлъ выучить листъ? — то знаетъ Богъ; но только онъ прочиталъ его такъ внятно и толково, что само сдѣлалось удареніе на отличные успѣхи съ благонавіемъ и на слова «данъ Василью Подпалкину.»

— А, мать, каково?

— Да ужъ чего! отвѣчала мама и махнула только рукой.

За торжество Васѣ дали гривенникъ и предложили сходить на базаръ: купить чего хочеть.

— А вотъ я, братъ, выздоровлю, такъ мы съ тобой въ толкунѣ, на рогожкѣ, золотую рамочку подцѣпимъ, да туда его и влѣпимъ!—Совсѣмъ другой будетъ видъ.

А мама поучаетъ Ваньку такъ:

— Вотъ видишь-ли, дуракъ, какую знатную штуку даютъ умнымъ людямъ за науку! братъ-отъ умница, вотъ ему за умъ-то и дали листъ. А будешь умница ты, такъ и тебѣ припечатютъ вотъ этакую же красную лепешку. Понимаешь?

Ванька фыркнулъ въ носъ, будто понялъ, а самъ, подлецъ, подумалъ: «вотъ съ печатью-бы змѣй-то ужъ закатился бы высоко...»

Странное однако что-то творилось съ Васей въ этотъ день. Кажется, руки, ноги такъ сами и пляшутъ отъ радости: и похвальный листъ весело смотреть со стѣны краснымъ глазомъ, и тятя съ мамой такъ ласковы съ нимъ, какъ на пасху, а все что-то не играетъ! Словно кто подъ руку подтолкнетъ, да шепнетъ: «эй, Вася, поди въ избу, да посмотри: не плачетъ ли мама?» И Вася дѣйствительно идетъ въ избу, посмотреть на плачущую маму и нахмурится самъ.

— Поди, сынокъ, поиграй на улочкѣ. Что ты опять какой? спрашиваетъ отецъ.

— Такъ, не знаю какой! отвѣчаетъ сынокъ, и приложится къ постели отца.

Сколько не посылали его поиграть на улочку, такъ и не пошелъ онъ на улочку,—такъ и заснулъ у отцовскихъ ногъ!

— Эйхъ, Вася, Вася! рано же ты узнаешь жизнь! пророчить скорбно отецъ.

А мама, какъ теленка, тащитъ Ваську въ постель.

II.

РАЗДУМЬЕ МАТЕРИ.

— Мать! поди-ко сюда.

Марфа подошла къ Павлу съ заплаканными глазами.

— Полно, другъ! Затепли-ко вонъ свѣчичку къ образу:— завтра, говорятъ люди добрые, воскресеніе христово, да сядь сюда поближе; пока не спится,—побесѣдуемъ съ тобой.

Марфа исполнила желаніе мужа и сѣла къ больному на постель. Павелъ взялъ ея руку.

— Вотъ, видишь-ли, что я хотѣлъ тебѣ сказать, жена! Теперь ужъ нечего грѣха таить, ты видишь сама, что я больше люблю Ваню. Ваня у меня тихенькій будетъ мальчикъ со временемъ, глупенекъ только маленько, малъ вишь еще? Ну, а на Васю твоего, вонъ видишь, есть уже надежда. (Павелъ указалъ на листъ); онъ, значить, не оставитъ тебя подъ старость. Баринъ когда-то говорилъ: что за услуги мои одного онъ сдѣлаетъ слабоднымъ, на волю, значить, отпустить обѣщаль. Ну, какъ ты думаешь, мать: котораго изъ нихъ намъ сдѣлать счастливымъ?

У Марфуши подкосило ноги, дрогнуло сердце, она не отвѣтила ничего!

Тоскливо смотритъ мать на икону богоматери, чуть озаренную копѣчной свѣчой. Какъ надгробное ваяніе, сидитъ она, раздумывая свой тяжкій вопросъ. — Въ избѣ царствуетъ глухая тишина, и — вотъ:

Видятся ей материнскому сердцу два кровныя дѣтища, Вася и Ваня, оба одинаково материнскою грудью вскормленные, одинаково материнскимъ лономъ возлелѣянные, одинаково материнскимъ сердцемъ любимые! «Вѣрно который палець не пусни — все больно» — думаетъ она со слезой. — А теперь, въ это мгновеніе, отъ одного слова матери родной, два эти кровныя дѣтища, два брата родные, пойдутъ, какъ чужіе, по разнымъ путямъ! Сжалось ей материнское сердце, болитъ и ноетъ оно, надрываясь и чуя, какъ будутъ неравны ихъ жизненныя путины. Какъ ни утѣшаетъ себя Марфуша, что не знаетъ ихъ будущаго, а все ей материнское сердце чувствуетъ, что жизнь ихъ неравна. Нѣтъ, неравна ихъ жизнь! непохожа она, какъ ночь на день, какъ мракъ на свѣтъ, какъ жизнь на смерть, какъ материнское благословеніе на грозное проклятiе Хама!

Одинъ представлялся ей уже вольнымъ, — вольнымъ, какъ могла только представить себѣ это слово крѣпостная женщина, Марфуша, глубоко изучавшая жизнь барскаго челоѣка въ теченіи пятидесяти лѣтъ! Представлялся ей челоѣкомъ, имѣющимъ право пить, ѣсть, и спать не по закону, не по управленію чужой волей, какъ машина, не подъ гнетомъ вѣчныхъ угрозъ и страха, а живущимъ, какъ челоѣкъ свободный. Видитъ она-мать Васю, своего любимца, доучившимся у Ивана Иваныча до конца, поступившимъ въ сидѣльцы съ лоткомъ и аршиномъ въ рукахъ, бойко гуторящимъ съ покупателемъ; видитъ она его молодымъ и красивымъ парнемъ, женившимся на мѣщаночкѣ съ деньжонками, видитъ она его наконецъ и въ лисей шубѣ купцомъ-бородачомъ, съ толстымъ брюхомъ и мѣшкомъ, какъ ея дядюшка Наумъ, выпущенный давно на волю. И при видѣ такого полнаго счастья Васи, она готова была улыбнуться, но вдругъ... Въ то же мгновеніе представлялся ей и другой образъ сына — невольный и жалкій образъ — челоѣка раба! Кровию облилось материнское сердце, и вмѣсто живой улыбки радости уста ея исказились, какъ смерть. — Блѣднѣетъ мать.

— Что съ тобой? спрашиваетъ больной.

— Охъ, погоди — ничего! что-то подступаетъ подъ сердце. — А жизнь Ваньки-скота такъ всецѣльно и несется сквозь ей материнскую душу:

Теперь же чуетъ она, бѣдная мать, какъ молодой барченокъ Ильяшка скоро, скоро возьметъ у ней маленькаго Ваню къ себѣ въ услуженіе, на побѣгушки и тычки, или въ казачки. Знаетъ она, несчастная, какво это служеніе въ барской горницѣ, въ вѣчной бѣготѣ, суетахъ и развѣ еще въ стояніи за барскимъ стуломъ. Видитъ она, любящая, Ваню своего по-стивнякаго холоднымъ и голоднымъ, обруганнымъ и доколоченнымъ, одушившимся и оборвавшимся. И знаетъ, несчастная, что въ этомъ жалкомъ состояніи онъ будетъ еще день и ночь служить своему барину, на яву и во снѣ грезить баринкомъ, на смертномъ одрѣ плакать не о семьѣ своей, а о баринѣ, и наконецъ въ минуту перехода туда обращать взоръ не къ дѣтямъ своимъ, а къ тому же барину, какъ-будто моля у него пощадь или свободы тамъ... за гробомъ. Видитъ она, любящая, и послѣдніе моменты жизни несчастнаго Ваньки-скота. Съ синимъ, бритымъ лбомъ идетъ онъ проститься съ матерью, въ послѣдній разъ. Дрожащей рукой надноситъ она надъ головой образъ богоматери и поручаетъ сына храненію общей матери несчастныхъ и сиротъ, а онъ, — все еще твердый и непоколебимый, — кладя земные поклоны, говоритъ какія-то утѣшенія ея разстерзанному сердцу! Такъ и стоитъ передъ глазами, какъ живой, несчастный ея Ванька-скотъ въ сбросу конной, солдатской шинели, съ тяжелымъ ранцемъ за спиной, шагающій по глубокому снѣгу отъ барскаго дома, а она, убитая горемъ мать, кланяется ему на дорогу, обливаясь слезами его солдатскую дорогу и благословляетъ въ добрый путь отъ воротъ того же господскаго дома. — И зарыдала мать при видѣ этого мрачнаго и убитаго образа человѣка.

— Эйхъ, отецъ! все-то ты хилѣешь, другъ. Самъ бы устроилъ ихъ, а то вотъ что?... кого тутъ?... и Марфушка такъ развела руками, какъ-будто сплилась на нихъ взвѣсить судьбу своихъ дѣтей.

Въ это время ясно было видно, какъ этой бѣдной женщинѣ хотѣлось рѣшить вопросъ: кого? Но слово «воля» привело въ такое замѣшательство ея крѣпостныя способности, что она только бессмысленно устремила глаза въ темный уголъ, да бессознательно повторила: «Кого? я ужъ тутъ и сама не знаю.»

Да оно такъ и должно было быть! Пятьдесятъ лѣтъ живя

въ полномъ убѣжденіи, что за нее думаетъ баринъ, Марфуша во всю жизнь не думала ничего! Вѣщее сердце матери, можетъ быть и часто, скорбѣло о дѣтяхъ, но на вопросъ о судьбѣ ихъ она отвѣчала одно: «какъ угодно барину». Неудивительно, что въ такую рѣшительную минуту Марфуша осовѣла, какъ раба.

— Ну, кто же? спросилъ наконецъ Павелъ съ тоской.

— Право не знаю кого,—полагаю Васю Господь, можетъ, не оставитъ и маленькаго: мы вѣдь не знаемъ, кто изъ нихъ будетъ счастливъ...

Послѣдовало длинное молчаніе.

— Ну, будь, по твоему, старуха, будь по твоему! Только слушай вотъ что: коли господь будетъ ко мнѣ немилостивъ и паче чаянья я не увижу нашего барина (Павелъ горько заплакалъ), такъ передай ему мою послѣднюю просьбу: попроси, чтобъ онъ уже не оставилъ со временемъ своей господской милостію и Ваньку моего несчастнаго! Авось господь положить ему на сердце: говорилъ же онъ мнѣ когда-то, что и оба они плевка ему стоятъ. Проси-моли его, мать; это тоже твое дѣтище.

— Ну, ты самъ еще тово... Но Марфа не договорила утѣшенія: голосъ ея оборвался.

— А то, вотъ что жъ теперича выходитъ: одинъ такъ, другой—этакъ, а неровень еще часъ—Богъ вѣдь знаетъ, каково житье-бытье будетъ у Вани барскаго? Какъ меньшакъ-отъ да отжалуется на насъ съ тобой Богу! да скажетъ: вотъ, дескать, отецъ съ матерью, покойники, что со мной надѣлали: вотъ какъ я живу теперь! тогда что? а! вѣдь въ могилѣ пошевелятся наши кости!—И Павелъ ткнулъ пальцемъ въ темный уголъ избы.

Мать зарыдала.

— Не надрывай мнѣ сердца, жена! слезами здѣсь не помочь. Дай мнѣ лучше договорить все до конца. Это давно скребло у меня на сердцѣ и ржавѣло, какъ гвоздь—вотъ тутъ! (Павелъ указалъ на грудь). Теперь я облегчился. И кабы вотъ еще сподобилъ меня Господь,—хоть завтра, — исповѣдаться и приобщиться св. таинствъ христовыхъ, такъ послѣ того... эхъ!..

Но Павелъ не договорилъ, что «послѣ того», только тоскливо прибавилъ:

— Жаль одного, — вотъ ихъ!

На обрывочкѣ войлока, на полу, раздѣтые отъ жару, живописно разметнулись ребятишки: Вася съ улыбкой прошлаго, свѣтлаго дня, а Ваня свернутый комочкомъ, какъ будто утираетъ слезы на кулакъ—оба безпечно спать.

— Не оставь ихъ, отецъ! Вонъ они какіе маленькіе!...— И рыдающая мать бросилась на колѣни предъ отцемъ.

— Охъ, не пили ты меня!

Въ это мгновеніе въ послѣдній разъ вспыхнулъ огонекъ догорѣвшей свѣчи, и за тѣмъ Павелъ, Марфа и дѣти — все погрузилось въ черную мглу.

И. Потапичъ.

ВЪ ДЕРЕВНЬ.

(ЛѢТНЯЯ СЦЕНА.)

I.

...Въ самую страшную полуденную жару мы разстались съ городомъ; здѣсь въ эту пору мертвенность полная; ставни заперты и по опустѣлымъ улицамъ другъ за другомъ гоняются песчаные вихри, по временамъ подхватываемые невзвѣстно откуда налетѣвшимъ вѣтромъ. Не слышно катится наша повозка по пустыннымъ переулкамъ, прилегающимъ къ полю; кое-гдѣ врѣзывается она въ вязкую грязь никогда непересыхающей лужи, и потомъ — снова не слышно шума колесъ и стука неподкованныхъ лошадиныхъ копытъ, только мелкая песчаная пыль не отстаётъ отъ насъ и густымъ облакомъ ползетъ подъ повозкой. Миновавъ почернѣвшую и насквозь прожженную каменную кузницу, внутри которой глухо шитѣли мѣхи, густо разлетались изъ подъ тяжелаго молота искры и суетились закопченные кузнецы, изрѣдка выбѣгая наружу съ задвинutoй на затылокъ шапкой и ручьями чернаго пота на лицѣ, — мы наконецъ совѣмъ разстались съ городомъ. Меньше и меньше слышится кузнечный молотъ и скоро хоръ кузнечиковъ, грянувшій во ржи, глушитъ его своимъ назойливымъ чириканьемъ... Въ эту минуту вы чувствуете себя хорошо, и потому именно, что невыразимо быстро мелькнувшая картина городской жизни парисовала вамъ цѣлыя толпы людей, которые разомъ разѣваютъ свои рты,

говорять что-то, и вамъ, какъ жителю города и знакомцу этихъ людей, не нужно имѣть слишкомъ чуткаго уха, чтобы слышать здѣсь жалобы, просьбы. Жалобы эти такъ стары, столько вѣковъ зудятъ они надъ человѣческимъ ухомъ, что для дѣйствительной помощи имъ ни во что пошла-бы цѣлая ваша жизнь, да и то ничего не вышло бы. А поэтому-то, въ настоящую минуту въ васъ и родилась, хоть и дикая, но совершенно законная дума: «слава Богу, что мнѣ самому не пришлось протѣнуть ногу въ этомъ бучилѣ».

Жара не даетъ вамъ покою; вы жмуритесь; лобъ болитъ и кажется, что вмѣстѣ съ вами жмурится и само солнце отъ нестерпимаго блеску и духоты. Черныя, кое-гдѣ уже вспаханныя подъ озимое, поля, словно въ дыму, тонуть въ синевѣ палящаго зноя, который обдаётъ собою верхушки сосноваго лѣса, отчего ярче виднѣются красныя сосновые стволы, будто освѣщенные снизу кострами. Картина, раскинутая передъ вами проселкомъ, не можетъ похвалиться особеннымъ разнообразіемъ: вдали видны неподвижно растопыренные мельничныя крылья, ярко зеленѣеть лоскутъ конопля, врѣзавшейся между ржи, а повсюду—и на право и на лѣво,—по отлогимъ равнинамъ разбросаны разноцвѣтныя шапки полей. Тамъ и сямъ, въ разныхъ точкахъ надъ колосьями, виднѣются нагнутыя бабьи спины, видѣнъ взмахъ пучка срѣзанныхъ колосѣвъ, загорѣлое лицо бабы, обернувшейся посмотрѣть на васъ, и потомъ снова нагнутая спина ея.

Все это молчить, безъ умолку работаетъ; въ эту пору въ деревнѣ не сидитъ сложа руки ни одна человѣчья душа; а поэтому постоянная безлюдность и безъ того глухаго проселка увеличивается теперь въ сотни разъ и наконецъ начинаетъ вамъ надоѣдать... Кромѣ лѣсовъ и ржи вамъ хочется встрѣтить хоть одну живую душу, — будь то становой, который не замедлитъ при этомъ обдать васъ пескомъ и пылью, и оглушить неистовой трѣкотней колокольчика,—или простая деревенская баба: — все равно. И вотъ наконецъ вдали показывается телѣга; на возу съ какимъ-то продуктомъ, плотно укрытымъ кожною и увязаннымъ веревками, покоятся мѣщанинъ, подставивъ спину солнцу и подложивъ руки подъ голову; возъ поровнялся съ вами и проѣхалъ; вы опять въ полѣ, и здѣсь

имѣете достаточно времени разсуждать о томъ, почему, при такомъ незначительномъ случаѣ, какъ ваша встрѣча съ мѣщаниномъ, не могло обойтись безъ того, чтобы мѣщанинъ или вашъ возница, не наѣхали другъ на друга, не сцѣпились осами и оглоблями и не послали другъ другу «чорта», «подлеца» или «идола»...

Послѣ этого и вы, и мѣщанинъ спокойно продолжаете свой путь. Съ пригорка возница начинаетъ придерживать лошадей, и направляетъ ихъ мимо мостика, почему-то предпочитая вязнуть въ трясины и плестись шагомъ, но скоро, — вспомнивъ, что мостъ этотъ принадлежитъ къ числу повинностей, исполняемыхъ натурою, — вы и сами оправдываете возницу, потому что всякая подобнаго рода штука въ результатѣ непременно постарается устроить вамъ какое-нибудь увѣче или калечество. На этихъ-то пунктахъ, на этихъ-то неудобствахъ и вывихиваются руки, шеи, ноги; здѣсь-то ломаются ребра и сокрушаются кости... А поэтому мы крайне счастливы, что перебрались на другую сторону помимо моста. Медленно взбираемся мы на небольшую песчаную возвышенность и на самомъ высокомъ пунктѣ этой возвышенности, на перекресткѣ двухъ дорогъ, натыкаемся на два маленькіе креста простой, мужицкой работы. Стоять они на распутии, одни-одиношеньки и говорятъ прохожему народу о какой-то загадкѣ, и слишкомъ ужъ страшный смыслъ этой загадки, неизвестно впрочемъ почему представляющійся такимъ, заставляетъ каждого прохожаго постоять тутъ и покреститься...

— Не знаешь-ли, братъ, что это за кресты? спрашиваете у возницы.

— Тутъ *такіе* люди зарыты.

— Какіе люди?

— Смертобивцы...

— Кого-же они убили?

— Да они сами...

Не обладая слишкомъ размазистой фантазіей записнаго литературщика, можно почти мгновенно сварганить по этому случаю забористую драму изъ народной жизни, — стоитъ только обставить жизнь этихъ смертобивцевъ разными *прискорбями*; тутъ рисуются изверги-старосты, прелестная Офелія —

Фекла, грустно ободряющая возлюбленнаго фразою такого напр., рода: «еще розы не перестали цвѣсти — не горюй ненаглядный Вахрамѣй» и пр; словомъ, все, что угодно; и если въ эпилогѣ, когда стонущіе рѣшаются выпалить въ свои лбы, прибавить заунывную пѣсню, и заставить хоть полминуты пошумѣть темный боръ—штука выйдетъ весьма потрясающая... Героевъ можно, впрочемъ, для большей народности, втащить на осину и тутъ покончить съ ними; выйдетъ картина еще капиталнѣе...:

— Такъ ты говоришь, что тутъ самоубійцы? спрашиваете вы извощика опять.

— Такъ точно...

— Не знаешь ли ты, братъ, отъ чего это они?..

Извощикъ повертывается къ вамъ и произноситъ:

— Да вотъ, извольте видѣть, отчего: первое дѣло они это напились, какъ, можно сказать, свиньи, ды почью-то и врюхались въ это самое болото, въ полуку воду!.. Такъ совсѣмъ съ лошадыю.

— А-а!...

И тутъ разрушается такой удачный, только что состроенный, планъ народнои драмы.

Скоро ваше вниманіе привлекаетъ толпа народу, разлегшаяся на границѣ лѣса, въ тѣни. Не хорошо постигая, въ чемъ дѣло, вы обращаетесь снова съ вопросомъ:

— Что такое?

— Мижавые, говоритъ возница, и потомъ прибавляетъ: которые мижуютъ... Ишь народу-то наволокъ! — недовольно заключаетъ онъ...

— А что?

— Да какже: ему по закону-то трехъ-бы человекъ надѣть, а онъ цѣлую деревню томить по-пусту...

Подъѣхавъ, вы дѣйствительно различаете цѣлую кучу людей, посреди ихъ стоитъ около инструмента таксаторъ; по полю шагаетъ мужикъ съ шестомъ въ рукѣ, на которомъ сверху привязанъ бѣлый лоскутъ.

— За чѣмъ же онъ ихъ томить-то?

— Да, стало быть, для него это много лестнѣй...

Межевой, завидѣвъ васъ, и въ особенности то, что вы такъ

пристально смотрите на него, мгновенно забираетъ себѣ въ голову изумить васъ своими подвигами, и такъ разукрасить ихъ, чтобы вы откровенно сознались, что тутъ ровно ничего не смыслите, но что онъ напротивъ все это до тонкости понимать можетъ. Съ этою цѣлю онъ вдругъ пріободряется, засучиваетъ, словно для драки, рукава, въ то же время громко командуетъ мужикамъ съ шестами, произноситъ какое-то мудреное слово, которое вы только слышите, но понять можетъ исключительно онъ одинъ, и, упершись засученными руками въ бока, прищуриваетъ одинъ глазъ и прицѣливается другимъ въ щелку алидады...

Побѣжденные такимъ горячимъ дѣломъ, мы ѣдемъ далѣе и скоро въѣзжаемъ въ прохладную тѣнь лѣса... Колеса наши часто подпрыгиваютъ по обнаженнымъ, далеко протянувшимся, корнямъ придорожныхъ деревьевъ, и потомъ снова вязнутъ по ступицу въ песокъ. Лѣсная проселочная дорога начинаетъ мало-по-малу расширяться, и наконецъ небольшой полукруглой лужайкой врѣзывается въ лѣсъ... На этой лужайкѣ, торчитъ одинокая хибарка, которая еще издали произвела на нашихъ лошадей какое-то пріятное, знакомое впечатлѣніе: они пріободрились, побѣжали рысцой и прямо къ хибаркѣ. Не смотря на то, что кучеръ усердно теребилъ возжами лошадиныя рыла, желая направить коней на дорогу, — кони выгнули свои спины, дружно наперли грудью впередъ, и какъ вкопанныя стали у хибарки...

— Ахъ черти—подлыя!.. Какъ они къ этому кабаку пріичены, говоритъ извощикъ... Хошь глаза завяжи, и то разнюхаютъ, этотъ кабачище...

Стало быть, какъ часто нужда, горе, или что нибудь другое толкаетъ русскаго мужика къ кабаку, если даже лошади уловили типическія черты этого заведенія, и по чутью распознаютъ его повсюду.

Избенка, около которой остановились наши лошади, помѣшалась одна одинешенька среди лѣса, тянувшася длинной полосой. Она была очень ветха. На соломенной крышѣ, почернѣвшей и плотно склеенной частымъ мхомъ, кое-гдѣ росли цѣлыя кусты разной травы, изъ за которой выдвигалась черная деревянная труба сверху защищенная крышей.

Наружу избенка смотрѣла маленькою дверью, въ которую можно было пролѣзть, только согнувшись особеннымъ образомъ, какимъ заставляетъ сгибаться только страшное уваженіе къ сивухѣ. Маленькое оконце, словно старческій глазъ, пораженный бѣльмою, уныло смотрѣло на дорогу и рѣдкихъ пролѣзжихъ, и только въ это оконце обитатели избенки награждались свѣтомъ божіимъ. Въ избѣ было сыро и пустынно; въ углу въ сѣняхъ валялась собака, и при появленіи нашемъ какъ-то испуганно вытаращила глаза; будто не знала: что ей, — брехать или нѣтъ?

Извозчикъ предлагаетъ намъ отдохнуть и закусить. Онъ распрягаетъ лошадей, а мы, пока старая баба возится около загнѣтки, стряпая яичницу, отправляемся въ лѣсъ... Чѣмъ дальше пробираемся мы въ его прохладную чашу, разгребая руками вѣтки, и снимая съ лица безирестанно цѣпляющуюся паутину, тѣмъ болѣе и болѣе охватываетъ насъ, со всѣхъ сторонъ, такая дѣловая и полная любви и серьезности жизнь, что вы среди такой пустыни не смѣете и на мгновеніе подумать о скукѣ или желаніи вернуться назадъ. Надъ вами и со всѣхъ сторонъ вы слышите говоръ спокойный и счастливый, видите неумолкаемую работу цѣлыхъ благоустроенныхъ царствъ. Тутъ все до такой степени свято и цѣльно, что вамъ кажется, будто ваша собственная особа, здѣсь совершенно не при чемъ; вами не нуждаются; послѣ васъ во всякомъ случаѣ окажется какойнибудь изъянъ, нарушающій общую гармонію... И поэтому не мѣшайте здѣсь, и уйдите отсюда, если васъ здѣсь серьезно чтонибудь не интересуетъ.

На пути попадаютъ намъ срубленныя бревны, разбросанныя тамъ и сямъ, и говорящія, что тутъ былъ человекъ, — и дѣйствительно вы скоро выступаете на вырубленную среди лѣса площадь, на которой устроенъ майданъ (особаго рода печь для гонки дегтя). Въ настоящее время майданъ пустъ, только на самомъ днѣ, вырѣзаннаго въ землѣ конуса валяются потухшія и убѣленные золою уголья.

Миновавъ майданъ, мы снова въ лѣсу, — а кругомъ такая невыразимая прелесть. Мы выбрались на дорогу, пролегающую черезъ лѣсъ, и только что успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтились съ большимъ таранасомъ, ѣхавшимъ про-

тивъ насъ. Узенькая дорожка не давала возможности свободно пробираться тройкѣ, и пристяжныя иногда отставали, острожно переноса копыта чрезъ нихъ. Высокій кожаный верхъ зацѣплялъ сучья, которыя скребли по кожѣ и заставляли ямщика нагибать голову, потому что рукастыя вѣтки, того и гляди, сорвали бы съ него шапку. Тарантасъ останавливается, и оттуда выльзаетъ особа въ военномъ сюртукѣ и кэпи, а за нимъ простой мужикъ — караульщикъ лѣса. Васъ интересуеть, за чѣмъ они пріѣхали? И что такое за дѣла они начнутъ тутъ дѣлать, и поэтому минутъ черезъ десять мы съ лѣсничимъ знакомы.

— Вотъ наша должность, говорить вашъ знакомецъ, цѣлый день на жарѣ.

— Какого-же рода вашъ трудъ?..

— Варварскій-съ; я занимаюсь устройствомъ лѣсовъ, лѣсныхъ дачъ, гордо говоритъ новый знакомый. Недавно, продолжаетъ онъ, я у помѣщицы Булавиной устроилъ 200 десятинъ, — въ одну недѣлю.

Васъ во-первыхъ нѣсколько интересуеть, что такое именно значить *устроить лѣсъ*? И ежели это не какойнибудь вздоръ, то не менѣе интересно узнать: какъ такимъ быстрымъ путемъ достигается благосостояніе нашего лѣснаго края? Вы изумлены, тѣмъ болѣе, что знакомый нашъ, продолжающій рассказъ о своихъ трудахъ, поминутно растетъ въ вашихъ глазахъ, бли посмотрите-ко, отъ какихъ бѣдъ онъ васъ обороняетъ:

— У насъ въ губерніи, батюшка вы мой, считается по бумагамъ двѣсти тысячъ десятинъ лѣсу, а я вамъ даю голову на отсѣченіе, что ихъ нѣту и ста тысячъ. Вотъ-съ! Кроме-того, есть еще такія лѣсныя дачи, которыхъ вы не отыщете съ микроскопомъ. Вы не знаете даже, куда дѣлись эти 200 десятинъ, про которые вамъ доносятъ.

— Отчего же не привести это въ ясность?

— Въ ясность! Вы потолкуйте-ко *нашему-то*, который при ревизіи смотреть у полѣсовщиковъ только пуговицы.

— Онъ говоритъ: «зачѣмъ *тамъ* беспокоить? какъ думали такъ и пусть думаютъ.» Но я этого не оставлю.

Господинъ устроитель порядка долго говоритъ въ такомъ одѣ, и у васъ радостно шевелится въ головѣ: «наконецъ-то наконецъ-то».

— Вы не откажете мнѣ пройтись съ вами?

— О, сдѣлайте, одолженіе...

Намъ очень интересно знать, какимъ это образомъ случится такъ, что мы чрезъ четверть часа выйдемъ уже изъ *благоустроеннаго* лѣса, а господинъ устроитель обогатится при этомъ рублей на сто, полагая не весьма малую цѣну за трудъ его на каждой десятинѣ. Но тутъ меня (и только меня) мгновенно осіяло что-то свыше и я, прозрѣвъ, сразу увидалъ малѣйшія закоулки сердца устроителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что въ нихъ дѣлалось. Я увидалъ, что устроитель порядка, еще давнымъ давно, въ своемъ учебномъ руководствѣ твердо выучилъ строчку, которая говоритъ, что все это дѣлается только для одной видимости, но въ сущности приноситъ убытокъ. Я сейчасъ могу указать эту строчку и твердо помню руку, начертавшую ее, и страницу, осчастливленную ея присутствіемъ. Вижу я также, что устроитель явился сюда вовсе не за тѣмъ, чтобы разыгрывать комедію на мотивъ исполненія долга; онъ уѣхалъ теперь изъ дому на помѣщичьихъ лошадахъ, во-первыхъ для того, чтобы только пробыть нѣсколько часовъ въ лѣсу, а потомъ за это получить съ помѣщика приличный гонорарій, ибо кто же можетъ допустить высокое ерыжничество и шарлатанство въ столь прелестномъ молодомъ человѣкѣ (въ слѣдующей главѣ мы еще встрѣтимся съ этимъ баринномъ)? А во-вторыхъ, ѣдетъ этотъ франтъ сюда за тѣмъ, чтобы набрать земляники или бѣлыхъ грибовъ и поднести эти невинные продукты какой-нибудь деревенской, тоскующей невѣстѣ, такъ какъ подобныя особы неизсякаемы.

Я уже окончательно не вѣрю ни единому движенію, ни единому слову новаго знакомца. Мы идемъ.

Передъ нами стоитъ осина.

— Вотъ видите, говоритъ онъ,—это осина... Я такъ и запишу... И пишетъ на бумажкѣ «осина».

— Но вѣдь здѣсь-же и береза?

— Ахъ да!..

И березу записываетъ.

На губахъ нашихъ является злая иронія. Пугается-ли нашъ спутникъ этой ироніи или видитъ, что онъ весь, какъ фонарь, свѣтится со всѣми своими не слишкомъ обточенными фокусами, только онъ силится, во что бы то ни стало, поддержать предо мною свой авторитетъ и показать, что онъ дѣйствительно работаетъ. Съ этою цѣлю онъ произноситъ, какъ-бы задумавшись, какое-то мудреное слово, въ родѣ «ситуація» и пр?.. и надѣваетъ кожанныя сапоги.

— Лѣсникъ! здѣсь граница? спрашиваетъ онъ у лѣсника.

— Здѣсь-съ

— «На границѣ ель», пишетъ г. N (будемъ называть такъ устроителя).

— Скажите ради Бога, за чѣмъ все это вамъ нужно?

— Это мнѣ необходимо для распредѣленія правильности рубки.

— То есть-что же это?

— А то, что въ этомъ именно заключается устройство лѣса...

И мы, и г. N — ровно ничего тутъ не понимаемъ и молчимъ.

— Скажите, пожалуйста, что еще вы будете дѣлать?..

— А вотъ погодите.. Вы увидите.

Мы идемъ еще... г. N записываетъ «кленъ», «дубовыя насажденія» и пр.

Раздумье наконецъ беретъ насъ, и предпочитая лучше одного г. N оставить на поприщѣ устройства почвы и лѣса, мы сами направляемся къ нашимъ лошадямъ, и скоро опять въ дорогъ...

II.

Большое село Кошки, куда мы добрались позднимъ вечеромъ, было пустынно, но нельзя сказать, чтобы оно заснуло окончательно: гдѣ-то вдали слышался звонкій дѣвичій смѣхъ и не менѣе звонкая пѣсня, подхватываемая дѣсятками чистыхъ, какъ серебро, дѣвичьихъ голосовъ. Пѣсня оканчивалась всегда высокой нотой, которую пѣвцы долго-долго тянули и замирать заставляли незамѣтно... Пѣсня эта далеко гуляла за селомъ вмѣстѣ съ назойливымъ мотивомъ лудокъ, нырявшимъ между двухъ-трехъ нотъ. Вмѣстѣ съ пѣсней и деревенской

музыкой, не спали до бѣлаго свѣта гуси, и столпившись въ кучу на открытомъ воздухѣ, среди двора, словно дрожа отъ ночной свѣжести, гоготали до утра... Чуть-чуть позамокли они на тепломъ солнышкѣ и потомъ уже, разваливаясь и солидно разговаривая, поплелись къ пространной лужѣ посреди села, гдѣ въ это время уже стучалъ валежъ и бабы полоскали бѣлье. Старуха баба выпустила изъ воротъ двухъ, бодрыхъ и крѣпенькихъ свинокъ; они радостно рванулись на улицу, зацѣпляя ногами о подворотню и побѣжали, похрюкивая и суясь своими мордами туда и сюда, очевидно съ цѣлю отыскать заброшенную къмъ нибудь картошку, огурецъ и пр.

Короче, сельскій будничный день начинается. Чтобы намъ самимъ узнать, хоть слегка, сельскую будничную жизнь, намъ необходимо посѣтить нѣкоторыя пункты, около которыхъ ютится эта жизнь. Мы начинаемъ странствовать по помѣщикамъ и въ недѣлю добиваемся хоть ничтожнаго осуществленія нашихъ цѣлей. Нельзя не замѣтить, что среди этой жизни все смотритъ на васъ какъ-то угрюмо, укоризненно, словно вы виноваты въ томъ, что напрямѣръ Егоръ Петровичъ Рѣпа въ настоящую минуту не можетъ гнать, сломя голову, свою тройку въ городъ за сорокъ верстъ, чтобы тамъ у квасника на базарѣ выпить на копѣйку квасу, и потомъ гнать тройку назадъ, не забывая при этомъ щедро надѣлать пинками спину кучера... Господинъ Рѣпа принадлежа къ числу, такъ называемыхъ, широкихъ натуръ, съ великою горечью вспоминаетъ о недалекомъ прошломъ и ежеминутно запиваетъ это прошлое изъ старинной дѣдовской сулеи. Ему больше ничего не остается дѣлать, какъ запивать; горькое горе заставляетъ его съ презрѣніемъ смотрѣть на рюмки и обходиться посредствомъ дѣдовскихъ-же «стаканухъ». У него только и осталась одна дорожка къ шкафу, гдѣ помѣщается завѣтная сулея, и въ такія минуты въ сердцѣ Рѣпы, кромѣ лютой злобы на весь міръ, нѣтъ ничего. Въ это время ему не хотѣлось-бы даже двинуть пальцемъ, не шевельнуть ни однимъ членомъ, а тѣмъ менѣе объ чемъ-нибудь думать, и развязывать старинные запутанные узлы: конецъ чувствуется вблизи, — стало быть не изъ чего натруждать свои мозги, тѣмъ болѣе, что эти упражненія мозговъ издревле счи-

тались самыми неприятными упражненіями. По временамъ только вспоминалась, бросившая Рѣпу, жена и сынъ, единственный наслѣдникъ, увезенный матерью.

— «Но они ужь шестнадцать лѣтъ не даютъ о себѣ слуху, думаетъ Рѣпа,—стало быть, или околѣли гдѣ нибудь, или счастливы и знать меня не хотятъ... Вообще: чортъ ихъ подери.»

— Барыня пріѣхали, возвѣщаетъ лакей...

— Какая барыня?

— Наша-съ съ дѣтками...

— Вы меня не узнаете? произносить жена Рѣпы, появляясь передъ ополоумѣвшими глазами мужа, окруженная полчищемъ ребятъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Я и не зналъ васъ никогда.

— Я ваша жена.

— Чьи же это дѣти? у меня былъ одинъ, а здѣсь шесть.

— Это ваши дѣти... Повторяю,—я *ваша* жена, слѣдовательно *ваши* дѣти.

— Не мой-съ.

— Какъ хотите, только вы ихній папаша.

— Да на кой лядъ мнѣ эти щепки? Подлецами какими-то смотреть всѣ. Гдѣ вы ихъ, сударыня, нахватали? И за чѣмъ привезли сюда? Неужели за тѣмъ, чтобы я вышвырнулъ ихъ за окошко?

— Нѣтъ-съ не за тѣмъ. Они въ настоящее время въ такомъ возрастѣ, когда имъ необходимо воспитаніе.

— Ну-съ.

— А для этого нужны деньги. И кромѣ васъ, какъ отца, никто не дастъ имъ этихъ денегъ, никто съ такою теплотою не озаботится...

— У меня сударыня,—рѣзко и съ разстановкой говоритъ мужъ,—ни денегъ, ни теплоты нѣту. А поэтому позвольте васъ препроводить всѣхъ къ чорту... и

Рѣпа судорожно сжимаетъ въ рукѣ подсвѣчникъ; жена защищаетъ лицо руками,

— ... И... и... и... —задыхаясь тянетъ мужъ, находя, что потокъ словъ истощился и необходимо теперь пустить въ ходъ подсвѣчникъ.

— Вы не смѣете орать здѣсь!.. воодушевляется супруга...

Это мой домъ... да! и я не уѣду отсюда до тѣхъ поръ, пока не получу отъ васъ деньги... Вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ стану ухаживать за такимъ животнымъ, какъ вы?

Рѣпа вдругъ чувствуетъ, что онъ какъ-есть животное. Въ невзбѣжныя минуты скуки онъ все-таки повѣрялъ себя и находилъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ задатки свинства и глупости. Теперь это подтверждаетъ человѣкъ разозленный, слѣдовательно говорящій сущую правду. Въ груди оскорбленнаго мужа идетъ борьба, страшная, неразводимая драка. Мгновенно припоминаетъ онъ разныя «коварства», «вѣроломства», измѣны, которыми истерзала его эта женщина; свою *пламенную*, но *попранную* любовь... все это клокочетъ, шумитъ, лѣзетъ наружу въ задыхающуюся грудь и выпученные глаза, и заставляетъ таки руку запустить подсвѣчникомъ, который попадаетъ въ стекло, и изъ устъ Рѣпы вырывается:

— Дѣлайте, что хотите, змѣи, и будь вы прокляты отъ нынѣ и до вѣка...

Рѣпа уходитъ, и на другое утро узнаетъ, что супруга уѣхала, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ и то, что ему не изъ чего напиться чаю, — такъ какъ самоваръ увезенъ; не изъ чего и не тѣмъ ѣсть, такъ какъ и ложки, и тарелки — все это увезено... Черезъ день приходятъ неизвѣстные люди и объявляютъ, что если онъ, Рѣпа, хочетъ спать не на полу, а на кровати, и если не хочетъ, чтобы исчезли изъ залы столы, стулья, зеркала и пр. однимъ словомъ, если не хочетъ уподобиться летучей мыши, гнѣздящейся въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, — то долженъ заплатить извѣстную сумму за прокатъ.

Рѣпа соглашается, только проситъ подождать...

По временамъ спустя долго послѣ катастрофы, — когда Рѣпа успѣетъ прилежаться къ новой болѣе скудной обстановкѣ, у него снова является охота позабавиться, но въ эти минуты грусть, плотно засѣдая въ бровяхъ, не оставляетъ своего мѣста и проясняется только слегка...

Съ трубкой въ рукахъ, и самымъ спѣлымъ, какъ-бы слегка припеченнымъ носомъ, выходитъ онъ на крыльцо въ садъ и безмолвно созерцаетъ серьезный шумъ елей, которыя будто жалуются, что и они теперь не при чемъ, что некому те-

перь подъ ихъ широкими вѣтвями творить всякія игрища... На грядкахъ кое-гдѣ работаютъ мужики..

Г. Рѣпа стоитъ и безмолствуетъ долго, наконецъ придумавъ штуку, произноситъ, обращаясь къ мужикамъ.

— Эй, Семень, Ивань!.. что жъ прошенія-то подавали?

— Какія прошенія? удивленно спрашиваютъ Семень и Ивань.

— Какъ какія?

Рѣпа такъ произноситъ эту фразу, что другіе мужики, какъ и всѣ, строгіе къ своимъ дѣламъ, особенно теперь, оставая работу, приближаются къ барину.

— Какъ же не подавали? Что, вы въ Сибирь, что-ли хотите?..

— Мы не подавали...

— Ахъ, вы дураки, дураки.

Мужики сразу перепугались, вовсе не зная, какія это прошенія, и о чемъ приказываютъ имъ просить, а баринъ продолжаетъ:

— Срокъ и такъ ужъ пропущенъ, а они и не думаютъ.

— Егоръ Петровичъ, ты намъ Бога ради напиши, говорятъ одинъ кто-то.

— То-то, бога ради!.. Не скажи, не догадаются... Вонъ, тоже вчера изъ Прялкина троиухъ поволокли въ каторжную работу... Тоже вотъ такъ-то мялись; ну ужъ такъ и быть, напишу...

— Теперича поди свидѣтелей надѣть?.. озабоченно произносятъ одинъ изъ мужиковъ.

— Понятыхъ надо созвать безпремѣнно, говоритъ другой.

— Ничего не нужно, я вамъ такъ сдѣлаю...

Мужики рады; а Рѣпа идетъ въ комнаты; часъ ищетъ перо, другой часъ бумагу, третій, — думаетъ, выпиваетъ и наконецъ придумываетъ, что лучше всего настрочить мужикамъ жалобу на судебного слѣдователя и мирового посредника...

Жалоба готова и вручена мужикамъ, которые, ничего не понимая, шлютъ бумагу, куда нужно. А Рѣпа остается опять среди скуки, и въ трезвыя минуты вздрагиваетъ при мысли, что эта жалоба надѣлаетъ бѣдъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени являются въ обиталище Рѣпы, какіе-то незнакомые люди возвѣщаютъ ему, что онъ подъ судомъ, за смущеніе крестьянъ и ложный доносъ.

— Ну что жъ, кротко говоритъ Рѣпа, приученный къ всякаго рода бѣдамъ, а чрезъ минуту прибавляетъ.

— Ахъ вы дьяволы,—дьяволы!! Везите вы меня ужъ лучше прямо въ каторгу, а то я вамъ пропасть хлопотъ надѣлаю...

Вообще нужно сказать, что для мужескаго полу изъ породы «сильныхъ» натуръ, теперь великій загонъ насталъ, и они находятся въ нестерпимой и жгучей тоскѣ. Кромѣ сильныхъ натуръ въ деревнѣ тоскуютъ только барышни, которымъ хочется или *за офицера*, или уѣхать въ городъ поплясать. Истинныя хозяйки, особенно занятые и крайне поэтому, довольныя, именно въ нынѣшнее время, не скучаютъ. У нихъ пѣтъ свободной минутки. Съ ранняго утра, вы видите, что настоящая обитательница села уже на ногахъ: поминутно снуетъ она отъ абара и погреба, на огородъ, въ коровникъ, въ садъ... Тамъ посмотреть, хорошо-ли полють, тамъ пожурить, и вообще хозяйскій глазъ не пропуститъ ни одной точки, которая болѣе или менѣе имѣетъ вліяніе на хозяйскую гармонию, безъ того, чтобы не привести ее въ надлежащій порядокъ. Ежели настоящая хозяйка ѣздитъ въ городъ, то не за какими нибудь белендрясами, а въ гражданскую или какую другую палату, и на губернскихъ дамъ смотритъ съ презрѣніемъ.

— Что они дѣлають-то? ѣдятъ, да сидятъ? Что жъ это за жизнь? Да я кускомъ-то подавлюсь, ежели знаю, что не я его выхолила, а съ базару кухарка принесла...

Если вы даже вовсе не хозяйнѣ, если вы точно такъ же, какъ и барыня губернская, выросли на чужомъ, купленномъ хлѣбѣ,—вамъ все-таки невыразимо пріятно будетъ денекъ — другой прожить въ домкѣ сельской хозяйки, и притомъ прожить исключительно порядкомъ и стройностію, которая господствуютъ въ ея жилищѣ. Весь этотъ окружающій васъ покой слагается многими терпѣливыми годами, и хозяйка, гордясь имъ, подробно и безъ малѣйшихъ упущеній расскажетъ вамъ, какъ по писанному, исторію всего окружающаго васъ благоденствія: эти два кресла куплены пять лѣтъ назадъ, когда убили и продали двухъ черныхъ свиней. Но что стоило откормить и взлелѣять ихъ? Вотъ эти портреты двухъ генераловъ вымѣняны за два ушата отличнѣйшей малпны; но что стоило привести эту малину въ отличнѣйшее состояніе? и т. д.

И за то, всё эти стулья такъ горды собою, генералы до такой степени чинны и величественны въ своихъ мундирахъ и воинственныхъ посадкахъ, что вамъ непремѣнно нужно нѣсколько помириться и для вашего же собственнаго сельскаго счастья уважить окружающую васъ стройность.

Скучаютъ, говорю, только барышня. Общества у сельской барышни мало; приходитъ правда къ ней иногда дьяконская дочь, но «какіе-же могутъ быть съ ней разговоры»?

— Тятенька вчерась купили лошадь, скажетъ напримѣръ дьяконская дочка.

— Какую? сама не зная за чѣмъ, спрашиваетъ барышня.

— Мерена-съ...

— Хорошую?

— Она лошадь очень даже хорошая, ну только—стали у нее въ роту смотрѣть, а у нее нѣту языка...

— Какъ нѣту?

— Да такъ-съ... Отвалился-съ... заключаетъ серьезнымъ тономъ дьяконская дочка. А потомъ снова сидитъ полчаса, молча, не шевелясь, и пощипываетъ бахраму у мантильи, смотря при этомъ въ землю.

— Ну, прощайте, произноситъ наконецъ она.

— Куда-же вы?

— Домой-съ, нужно.

— Приходите-же опять.

— Прійду-съ...

И расстаются. А барышня принимается опять скучать. Книгъ у ней никакихъ нѣту; правда, отыскала она какую-то толстую книгу, но эта была такая серьезная книга, что барышня въ ней ровно ничего не поняла. Въ головѣ ея почему-то уцѣлѣла фраза изъ этой книги: «високъ есть самая чувствительная часть человѣческаго тѣла». Иногда она стоитъ у окна, ничего не думаетъ и вдругъ вспоминаетъ: «високъ есть самое чувствительное» и проч. Что за гадкое состояніе!

— Скажи ты мнѣ на милость, о чемъ это ты ахаешь, разсерженно спрашиваетъ у дочери мать, когда та отъ тоски разрѣшается продолжительными вздохами.

Дочь молчитъ.

— Что ты не сыта?

Молчать.

— Платьевъ нѣтъ? Не одѣта?

— Не обута? продолжаетъ мать.

— Жениха очень хочется?

Дочь дѣлаетъ движеніе плечомъ и чуть слышно произноситъ:

— Вотъ еще!

— Такъ пожалѣй ты хоть меня-то: гдѣ же я тебѣ жениховъ возьму!

— Маменька!

— Что мнѣ съ улицы, что-ли, ихъ склпвать? а?

— Маменька, ради Бога.

— Такъ скажи же ради самой царицы небесной, чего тебѣ?

Дочь молчитъ, потому что не знаетъ, чего ей хочется.

— Ну и дура, когда такъ...

Мать уходитъ, а дочь вздыхаетъ и хочетъ что-то шить, но снова натывается на толстую книгу и снова узнаетъ, что «високъ самое чувствительное мѣсто»... и т. д.

На дворѣ между тѣмъ полдень, двѣ свиньи, путившіяся утромъ на поиски съѣдобнаго, теперь лежатъ въ грязи у плетня, обвалившагося и нависшаго надъ этой лужей, на днѣ которой какая-то, никѣмъ незамѣчаемая, тварь на свободѣ занимается пусканіемъ пузырей: они лѣзутъ оттуда къверху, вздуваютъ грязную зеленоватую массу и потомъ лопаются, заставивъ своимъ шелканьемъ шевельнуть свинью ухомъ. За заборомъ, устроеннымъ изъ двухъ длинныхъ непиленныхъ деревьевъ, слегка приподнятыхъ одно надъ другимъ и привязанныхъ къ воткнутымъ въ землю шестамъ, толкаются между толстыми подсолнушками маленькія деревенскія дѣвченки и мальченки. Уписывая, кто огурецъ, кто большую, но сухую и замящую корку, онѣ толкуютъ что-то между собой своими дыплячими голосами, а вѣтеръ по временамъ приподнимаетъ съ ихняго лба бѣлые и чистые волосенки. — Кроме этихъ ребятъ-караульщиковъ, некого и встрѣтить на селѣ.

Накрывъ голову бѣлымъ платкомъ и вооружившись самымъ простымъ зонтикомъ, ходитъ вдова-помѣщица по огороду, прилегающему къ самымъ окнамъ дома; у окна сидитъ скучающая дочка...

— Маменька! провозносятъ она, когда-жъ мы въ городъ-то?

— Рожна вотъ еще...

Эту фразу мать говоритъ такимъ грознымъ тономъ, что дочь, вдругъ лишается всякой возможности продолжать разговоръ.

И скучаетъ она такъ дни и годы...

А судьба неожиданно-негаданно посылаетъ ей великую утѣху въ особѣ г. N, который въ это время, только еще въ первые подъѣзжаетъ къ с. Кошкамъ? Эта ѣзда даетъ мнѣ возможность пѣсколько уяснить внутренней мѣръ г. N, такъ какъ я (что имѣлъ уже случай высказать) награжденъ въ отношеніи къ его особѣ особенною прозорливостію. Для этого мы пока оставимъ и Кошки, и помѣщичье семейство. Принадлежа къ числу людей, которые вездѣ если не приносятъ особеннаго удовольствія, то во всякомъ случаѣ не нагоняютъ тоски и не сдѣять сложа руки, г. N еще интересенъ, какъ женихъ и какъ человѣкъ, видѣвшій Петербургъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ можетъ справедливо гордиться и самъ онъ, потому что Петербургъ далъ ему все, необходимое въ жизни, «какъ она есть». Г. N, живя въ Петербургѣ, ушелъ отъ всѣхъ толковъ и ученій, но не потому, чтобы понималъ смыслъ какого нибудь ученія и находилъ его вреднымъ для себя, а потому, что ученія эти не бросались ему въ глаза, которые отъ природы способны были видѣть только то, что учить умѣнью *жить*, умѣнью изворачиваться и услуживать. Столичная жизнь, имѣющая магическую силу заставлятъ людей думать надъ собою, приводить въ порядокъ свои силы, и поселяющая по этому случаю большія смуты въ человѣческомъ сердцѣ, всегда недовольномъ самимъ собою,—не положила на немъ своей развѣвающей печати. Ежели-же, сверхъ всякаго ожиданія, къ нему и навертывалась такая тоскливая минута, то стоило только пойти къ хозяйкѣ, глотать съ ней цикорный кофій, плести про жмльцовъ всякій соръ,—и такая минута отлетала. Положимъ, что хозяйка была уродъ, что ей было шестьдесятъ лѣтъ отъ роду и ни одного зуба, и что ей особенную пріятность доставляла бесѣда съ буточникомъ, занимающимся теркою табаку,—молодой прекрасный человѣкъ, не уступалъ буточнику въ мелочи и запутанности интересовъ и ничуть не находилъ потерянными время въ бесѣдѣ съ оглу-

шѣвшей старухой; ему нужно было дотянуть время до чаю, а послѣ онъ отправится на выборгскую молотъ такую-же непуху и танцовать съ барышнями—И здѣсь имъ всё довольно, ибо онъ не оказывалъ здѣсь ни малѣйшаго уклоненія отъ казенныхъ ловкостей, потому что это была школа его, а барышни были болваны, на которыхъ выработывалъ свой лоскъ будущій прекраснѣйшій молодой человекъ. Явившись съ этими-же, но усовершенствованными достоинствами въ провинціи, онъ сразу заслужилъ уваженіе; а въ деревнѣ эти достоинства и уваженіе возросли сторицею. По этому мы можемъ быть вполне довольны, что деревенской барышнѣ небеса посылаютъ такую штуку, утѣху, какъ г. N. Онъ такъ неслышно, незамѣтно подкрался къ помѣщичьему дому на обывательскихъ, что барышня узнала о его прибытіи только тогда, когда онъ появился въ залѣ. Первымъ дѣломъ ея по этому случаю было шарахнуть въ спальню—одѣваться. Не могу при этомъ не сказать, что такое неожиданное посѣщеніе бросило барышню въ потъ, острый и колючій, но непродолжительный.

Г. N. остается съ матерью и объявляетъ ей, что онъ самъ захотѣлъ устроить ея дачу, такъ какъ въ его рукахъ два-три свободныхъ дня. Барыня благодарить, но нельзя не замѣтить, по ея глазамъ, что она плохо постагаеть, въ чемъ тутъ дѣло, и рѣшается поддакивать, какъ хорошая хозяйка, изъ одного убѣжденія только, что это такъ необходимо.... Г. N. не опускаетъ при этомъ случаѣ объяснить барышнѣ, въ чемъ дѣло, для чего все это дѣлается, но объясняетъ такъ, что барыня पुше прежняго убѣждается, что необходимо...

— Извольте видѣть, говорить онъ, здѣсь вѣдь въ чемъ расчетъ-то? Представьте себѣ: у васъ лѣсъ, — при этомъ N показываетъ рукою по направленію къ барышнѣ, такъ что та невольно взглядываетъ на собственный желудокъ. — И у меня лѣсъ, — и N. показываетъ себѣ въ животъ... Но мой лѣсъ, такъ какъ онъ постоянно находится въ такой тѣсотѣ... Свободный притокъ воздуха недостаточенъ... Питаніе скудное. Очевидно, необходима прорубь... просѣка...

— Такъ-такъ...

— Вотъ-съ извольте видѣть...

И такъ далѣе въ этомъ родѣ.

Потомъ время проводится такимъ образомъ.

Черезъ четверть часа г. N сидитъ съ барышней въ саду.

— Скучаете? спрашиваетъ онъ.

— Да.

Г. N не находитъ, что сказать, и чтобы протянуть время, усиленно третъ ладони. Барышня вдругъ вспоминаетъ, что она, богъ знаетъ за чѣмъ, нарядилась въ платье съ открытыми плечами. Ее снова бросаетъ въ потъ, потому что она не уверена въ чистотѣ своихъ плечъ и обнаженныхъ выше локтя рукъ; почему знать, что у ней не прилипла гдѣ нибудь ягода малины, земляники и т. п. Положеніе ея дѣлается почти нестерпимымъ, она начинаетъ понимать, почему дьяконская дочка все смотрѣла въ землю и молчала.

— А у насъ недавно староста церковный умеръ, произносить она, совершенно какъ дьяконская дочка.

— Что же такое? отчего?

— У него было что-то здѣсь.

Барышня при этомъ обвела рукой большое пространство на лѣвомъ боку.

— Сердце болѣло?

— Нѣтъ... дальше... еще за сердцемъ.

— Гдѣ-же это? Легкія, печень?..

— Нѣтъ-съ еще гораздо дальше... за легкими...

Барышня останавливается вся пораженная потомъ, а г. N догадывается со словъ ея, что эта болѣзнь была гдѣ-то: «спройдя легкіе, на лѣво или на право, за уголь» что-то въ этомъ родѣ.

На дорожкѣ показывается мать, хлопотавшая о разныхъ закускахъ и теперь считающая обязанностию занять гостя... Она тяжело опускается на лавку, и послѣ нѣкотораго молчанія говоритъ:

— Скажите вы мнѣ, что-же теперь за Петербургомъ?

— А тамъ ужъ море идетъ.

— Море? А какъ-же это тутъ вотъ рассказывалъ кто-то, что за Петербургомъ война начинается.

Г. N очевидно понимаетъ, что барыня что-то запорола, но отчего же ему не сказать, что это такъ, тѣмъ болѣе, что голова у него не отвалится.

— Можетъ быть-сь! можетъ быть. Богъ ее знаетъ.

— Кажется! побѣднымъ тономъ говоритъ барыня. Война!..

— Можетъ быть-сь. Да оно такъ и выходитъ: мѣсто глухое.

— Сырость.

— Вотъ и это-сь!.. Сырость, глушь — вотъ *имъ и хорошо для драки-то?*

— А какже...

И такъ далѣе.

Послѣ всевозможныхъ закусокъ, въ продолженіе которыхъ N разсуждаетъ съ самой барыней, такъ какъ дочь отлучается по хозяйству, закладываютъ тройку дюжихъ коней и N отправляется въ лѣсъ, гдѣ мы уже имѣли случай съ нимъ встрѣтиться... Послѣ того, какъ мы оставили г. N въ чащѣ лѣса, работы его продолжались въ такомъ порядкѣ: на часахъ было еще часъ, и слѣдовательно время нужно *протянуть* до обѣда, и поэтому N, отъ времени до времени разспрашивая лѣсника, гдѣ граница и проч. набиралъ слѣблыя ягодки земляники. Все это заняло довольно времени, такъ что въ домѣ помѣщицы обѣдъ вопреки обычаю совершился часомъ позжс. А послѣ обѣда N отзываетъ хозяйку въ другую комнату требуетъ плавъ ея лѣса, развертываетъ его во всю ширину, тычетъ пальцемъ въ какую-то точку, говоритъ непопятныя слова въ родѣ «таксація» «астролябія» «съемка» и проч. Все это заставляеть добрую помѣщицу недоумѣвающими глазами смотрѣть на N по временамъ нѣсколько трусить, что она до пріѣзда N никакихъ этихъ вещей не знала и не озаботилась объ нихъ, и все-таки еще болѣе уважать этого N, вызвавшагося избавить ее отъ бѣдъ, можетъ быть весьма многочисленныхъ.

Оставшись одинъ, N развертываетъ бумажку, на которой безпорядочно разбросаны замѣтки сдѣланныя въ лѣсу: «оспна» «ель» «березовыя насажденія», и начинаетъ приводить все это въ порядокъ. Эта работа не трудная. Стоять только эту бессмыслицу набранныхъ названій деревъ пересыпать бессмыслицей другаго рода, — частицами «но», «хотя» и выйдетъ штука очень похожая на дѣло: «Хотя и развивается преимущественно береза, но также замѣтна и оспна». Далѣе, чтобы поразнообразить и эту фразу N иногда пишетъ просто: «Хотя оспна, но и береза» и т. д. безъ конца.

— Вотъ-съ! вручая описаніе барыни, говоритъ онъ.

— Тутъ все.

— Все-съ; теперь будьте покойны..

Н замолкаетъ; барыня понимаетъ, что требуется возблагодарить за услугу.

— Вы ужь отъ насъ завтра уѣдите, проситъ она г. Н черезъ четверть часа.

— Завтра, завтра, вторитъ барышня.

— Если это вамъ не будетъ стѣснительно, покорно поклонивъ плечами говоритъ Н: то я, конечно съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Пожалуйста, говоритъ барышня.

Н остается. А вечеромъ, въ темномъ еще неосвященномъ залѣ, онъ сидитъ съ барышней у отвореннаго въ садъ окна.

— Скажите, говоритъ та: — можно-ли два раза любить?

— Хе-хе-хе можно-съ, произноситъ Н. самымъ поддѣльнымъ тономъ, но вслѣдъ за тѣмъ серьезно прибавляетъ: — То-есть, смотря по тому какая любовь. Ежели любовь истинная... Вы про истинную изволите говорить?

— Про истинную?

— Ну, тогда дѣло совершенно другаго рода...

— Нельзя?

— Болѣе одного разу нельзя-съ...

— Я и сама такъ думаю...

Въ залѣ снова показывается хозяйка, хлопотавшая на счетъ ужина. Нѣкоторое время царствуетъ молчаніе. Понимая, что нужно снова занять гостя, хозяйка говоритъ...

— А что, скажите вы мнѣ, сдѣлайте одолженіе, есть-ли такія мѣста, откуда никакихъ дорогъ ужь нѣту?..

— Должно быть есть-съ...

— Гдѣ-же, напริมѣръ?..

— На самомъ концѣ-съ... Оттуда ужь некуда больше...

Всѣ добродушно хохочутъ.

— Ахъ ты Господи!.. помираясь смѣху, произноситъ мать: — что значитъ не ученый-то человѣкъ, не догадаешься... И т. д.

На другой день, г. Н. въ дорогѣ. Добрыя кони подхватываютъ покойный экипажъ, изъ котораго виднѣтся длинный

сугляръ съ плакомъ а г. N. въ это время чувствуетъ, что за десятию ему пришлось «недурно».

А для барышни настаетъ снова скука. Снова невыразимо долго ползуть жаркіе полдни и настаютъ одинокіе вечера...

— Можно-ли два раза любить? спрашиваетъ она себя, стоя у окна и смотря на собирающійся въ небѣ дождикъ. — Нельзя... Почему?... Почему... високъ есть самое чувствительное... Тьфу, ты Господи, какая тоска!

III.

Для большаго знакомства съ жизнью с. Кошки, намъ необходимо, хоть слегка, естановиться на другомъ пунктѣ деревенской, исключительно мужичьей, жизни. Это — *сборня*. Оставшись послѣ упраздненія здѣсь волости, сборня не могла похвастаться слишкомъ рьяною дѣятельностію въ своихъ стѣнахъ, такъ-какъ здѣсь не было даже писаря, а существовали одни караульщики и десятскіе. Половина дома почти пустовала и для пріѣзжаго чиновника оставалась только одна комната, со столомъ сплошь закапаннымъ сургучомъ и множествомъ наставленій, въ большихъ черныхъ рамахъ съ синими стеклами, угрюмо смотрѣвшихъ съ выбѣленныхъ стѣнъ. Мѣлъ на стѣнахъ сохранился только у верха, такъ-какъ снизу стѣнъ, мужичьи спины усердно вытирали его своими армяками, отчего бревна лоснились, какъ полпрованные. На дворѣ сборни, поочередн, стояли обывательскія тройки на случай проѣзда чиновниковъ по дѣламъ службы. Впрочемъ, мѣстные власти не поскупились-бы дать лошадей, ежели бы, кому нибудь изъ чиновниковъ, вздумалось проѣхать въ монастырь на богомолье или писарю предстояла надобность купить въ городѣ, версть за сорокъ, четвертку курительнаго табаку. Сборня собственно и существуетъ для такихъ проѣздовъ. И если бы кто вздумалъ придти сюда съ цѣлю разобратъ какое нибудь дѣло, пожаловаться, требовать законнаго удовлетворенія, — онъ не нашелъ бы ничего и никого, кромѣ старика — слѣпота сторожа, отъ котораго бы онъ ничего и не добился. Всѣ обиды, жалобы, просьбы берегутся и терпятся до пріѣзда чиновника.

Однажды въ село донесся съ поля сильный звонъ колокольчика. Казалось, что вотъ-вотъ еще немного и колокольчикъ забьетъ въ самомъ селѣ, но звуки его вдругъ почти замирали; слышались съ новою силою опять, и опять замирали, — очевидно, что экипажъ съ колокольчикомъ ѣхалъ по извилистому проселку, который могъ спускаться въ овраги, перебѣгать перелѣски и прочее. Наконецъ-таки колокольчикъ заготовалъ на селѣ, и скоро около сборни остановился тарантасъ. Приѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій и вмѣстѣ съ нимъ на двухъ-трехъ подводахъ пожаловали: головы, старосты и проч. изъ волости. Сборня оживилась; старикъ десятникъ былъ отряженъ къ попу съ просьбой самовара и чашекъ; другая пустовавшая половина сборни была отворена, и въ ней затоплена печка; на крыльцѣ сборни явилось сразу человекъ десять съ жалобами.

— Погодите, любезные, потерпите... Теперича имъ некогда, пойдуть въ училище. Разборъ послѣ пойдетъ.

Бабы съ бумагами въ рукахъ, завернутыми въ платки, стояли молча, потомъ слѣзли съ крыльца, и отойдя отъ него къ воротамъ, стали снова. Бабы были задумчивы ни слова не говорили другъ другу.

Скоро явился и закипѣлъ самоваръ; писарь несъ посреди улицы, на длинномъ чайельникѣ сковороду, на которой еще клекотала, только что снятая съ огня яичница. Закусивъ, чиновникъ вспомнилъ, что у него находятся похвальные листы, которые ему поручено раздать отличнымъ ученикамъ, и поэтому отправился въ училище. Надо сказать, что кошкнское училище не распространяло особеннаго просвѣщенія. Иногда въ немъ можно было застать только двухъ-трехъ мальчиковъ изъ 60, какъ значилось въ отчетахъ, и тѣ не знали, что дѣлать, потому что дьячка-учителя не было.

— За чѣмъ вы тутъ сидите? спрашивали ихъ.

— А неравно придетъ дьячекъ и распуститъ.

Въ настоящее время училище было заперто. Минутъ черезъ пять былъ принесенъ ключъ какого-то страннаго вида; это была длинная желѣзная палка, съ желѣзными же хвостами на концѣ; палку эту приходилось продѣвать въ дыру, выверченную въ притолкѣ, потомъ вертѣть ею въ разные сто-

роны, пока желѣзные хвосты не зацѣпляли веревки прогннутой съ потолка и начинавшейся у щеколды. Тогда только можно было отворить щеколду и впустить публику. Операція эта была довольно затруднительна, потому что, не смотря на присутствіе чиновника, имѣющее способностью возбуждать всѣ силы и искусство десятскихъ, сотскихъ и другихъ властей, — входъ въ училище оставался камнемъ преткновенія. Человѣкъ пять, поочередно запускаяшіе и грохотавшіе ключомъ въ щелкѣ, отходили съ каплями пота на лбу, говоря:

— Ахъ, чортъ тѣ возьми, засѣлъ какъ! Ничего не сдѣлаешь!..

Наконецъ попробовалъ удачи писарь:

— Отойдите всѣ; я ее сейчасъ обработаю.

Писарь засучилъ рукава, поплевалъ на руки и запустилъ палку внутрь.

— Иной разъ такъ-то, говорилъ мужикъ за спиной чиновника: — гремать-гремать, вертять-вертять — ничего... ребятенки ждуть-ждуть, ды и ко дворамъ.

— Ахъ, чортъ тебя подери! заключилъ и писарь, шваркнувъ ключъ объ землю.

Староста между тѣмъ, безъ шанки, бѣгомъ побѣжалъ къ дьячку, извѣстить его, что ревизоръ пріѣхалъ. Дьячекъ въ это время спалъ мертвымъ сномъ, отпуская носомъ тучи храпуи треску.

— Побудите его, Христа-ради, говорилъ голова дьячихѣ.

— Побудить-то я побужу-сь, ды право только не знаю, встанить-ли.

— Меркулычъ! Меркулычъ! Левизоръ спрашиваютъ! Пришли въ сборню! Какимъ-то отчаяннымъ голосомъ, необыкновенно быстро просыпала эти слова дьячиха за перегородкой, должно быть толкая при этомъ мужа, потому что трель храпѣнья нѣсколько заколебалась, словно заходила и зашаталась вся туча нависшаго надъ дьячкомъ храпа.

— Не встаетъ!

— Какъ же это можно? Нѣтъ вы ужь его, какъ угодно.

— Ды что же я сдѣлаю, когда человѣкъ спитъ на взничъ? Что же съ нимъ можно сдѣлать? Я сама завсегда больше на спинѣ... Ну, только это совсѣмъ другое.

Дьячиха опять ушла.

— Ахъ, коль тѣ въ горло, спать! говорилъ староста.

— Да вставай же ты, Господи! Этакое безуміе! Бога-то бы ты побоялся... Что это такое — живазоры ѣдутъ, начальство перепугамшись.

— А дьячекъ выше и выше забиралъ носомъ.

— Ну, собака, спать! сказалъ староста.

— Ничего не могу сдѣлать. Развѣ къ ночи можетъ ономантиса на минутку.

— Ну, прощайте... заключилъ староста, и снова пустился ѣзжать въ сборню, куда уже возвратился чиновникъ, недобившійся входа въ училище.

Въ это время у крыльца сборни стояла уже куча мужиковъ; на плетнѣ, между двухъ растопыренныхъ, выдвинувшихся вверхъ кольевъ, утверждено было ведро съ водою; за угломъ плетня пряталась баба, выглядывая однимъ глазомъ на сходку; она, по видимому, старалась, какъ можно мѣтче занять мѣста, почему какъ-то ежиглась и закрывала одну босую ногу другой, словно ей хотѣлось, чтобъ у нее была еще нога. Чиновникъ сѣлъ на крыльцо, съ трубкой въ рукахъ, и приготавливаясь къ бесѣдѣ, соображалъ, что не дурно-бы мужикамъ сказать въ привѣтствіе «милые дѣтя».

— Ну, дѣтя, началъ онъ.

— Ваше благородіе! гаркнулъ вдругъ нынѣшнй голосъ.

— Что скажешь?

Мужикъ молчалъ и, некачиваясь изъ стороны въ сторону, глоталъ рваную наружу нкоту.

— Ну, говори-же, что-ль?

— Ничего я не смѣю сказать...

— Какъ хочешь.

— Даже ни-ни-ни...

— Ну, такъ ступай, когда нѣбудь скажешь.

— Не смѣю говорить ни-ни-я...

Мужика вталкиваютъ въ толпу. Чиновникъ снова готовится говорить и предварительно затягивается нѣсколькоразъ.

— Вашъ благородіе! всѣмъ горломъ возглашаетъ мужикъ опять.

— Это что еще?

— Мнѣ стыдно.

— Уберите сейчасъ его, скота.

— Братцы, уберпте меня, заканчиваетъ мужикъ изнеможенно обвисая на чьихъ-то могучихъ рукахъ, подхватившихъ его подъ мышку.

Наконецъ чиновникъ имѣеть возможность приступить къ дѣлу.

— Я привезъ вамъ вѣсточку: вамъ дають лѣсъ, въ вашу пользу.

Слышався радостный гулъ.

— Чтобы вы не воровали... Поняли? Только. вотъ что, друзья мои, продолжалъ чиновникъ такимъ серьезнымъ тономъ, что мужикамъ почудилось, будто у нихъ эту благодать отымутъ сейчасъ же. Дѣло вотъ въ чемъ; лѣсъ хорошъ, чудесный, только не лучше ли бы вамъ подумать. Тутъ около лѣсу есть болото, у васъ-же луговъ нѣту. Такъ я про то говорю, что положимъ вы лѣсъ возьмете, хорошо; а ну, какъ вдругъ, лѣтъ черезъ сто болото высохнетъ? Сейчасъ казна его къ себѣ беретъ.

Мужики думали.

— А ежели въ казенномъ ваша скотина потраву сдѣлаеть, что тогда? Какъ теленокъ, поросенокъ зашли—штрафъ! То-то и есть!.. А лѣсокъ, нѣшто я говорю? лѣсокъ чудесный, да ну-ко болото высохнетъ?

Мужики долго думали, шептались.

— Лучше болото взять, сказалъ кто-то не громко.

— Болото, возговорили всѣ.

— Ну, вотъ и чудесно!..

Чиновникъ снова курить. Старосты и прочій синклитъ предпочитаютъ на вытяжку стоять за его спиной.

— Что это у васъ братцы скотинз плоха? Ъхаль я— лошади, какъ мыши.

— Съ чаво ей рости-то.

— Съ голоду сытъ не будешь, ребры-ты подведеть, слышалось изъ толпы.

— Луга на оброкѣ-съ! говоритъ писарь: — за двадцатьять рублей въ годъ.

— Такъ вотъ-бы вы сложились.

— Цѣлую зиму рѣзку даемъ, гудѣлъ кто-то, обрадовавшийся, что наконецъ вспомнили про его давнишнее горе.

— Да у насъ и такъ деньги были...

— Откуда...

— Съ кабака. Подъ кабакъ старую сборню отдавали— пятьдесятъ цѣлковыхъ сбили.

— Гдѣ жъ эти деньги?

— Деньги у Егоръ Иванова...

Писарь вдругъ откашлянулся, выступилъ впередъ, слегка тронулъ шею и животъ и произнесъ...

— Деньги точно что пятьдесятъ цѣлковыхъ я на свои руки бралъ, и какъ теперича въ то время пошли у насъ неурожай, саранча, то я деньги эти, для мужичковъ въ церковь божию положилъ, чтобы двѣ фаругви (хоругви) справить, въ случаѣ когда молебень, чтобы значить отъ чистаго сердца..

Чиновникъ курилъ молча..

— Я вѣшескородіе, для ихняго добра очень стараюсь.. Тепериче въ Щепыхахъ прудъ извоили видѣть? все я-съ.. Издавна была тутъ лужа, на этомъ стало быть мѣстѣ. Ну я собралъ народъ, говорю: для вашей же пользы говорю, такъ и такъ... и ежели, говорю, не пойдетъ кто копать—по уши въ землю вгоню... Пошли-съ.

— Ну и выкопали?

— Черезъ недѣлю, даже трое утонуло...

Писарь снова поправилъ шею и тронулъ животъ, гордо поглядывая на народъ.

Чиновникъ долго сидѣлъ молча, докуривая трубку и выпуская большіе клубы дыма. Наконецъ онъ началъ выколачивать трубку въ полъ крыльца, подулъ въ нее и произнесъ.

— Ну, братцы, ступайте съ богомъ... Скоро поѣду назадъ, тогда толканитесь.

Мужики молча расходились, надѣвая шапки не иначе, какъ за угломъ.

Желая отдохнуть послѣ трудовъ, чиновникъ приказалъ запереть ставни и притащить сѣна; всталъ онъ поздно; въ полуотворенную дверь смотрѣлъ розовый кусокъ неба; доносился топотъ лошадиного табуна, сзади котораго промчался верхомъ мальчишка безъ шапки, болтая ногами и локтями; у крыльца пищали чья-то утки, мычала корова.

— Алѣ, алѣ, шумѣла баба съ хворостинной, на двухъ ба-систыхъ свиней.

Писарь доложилъ, что когда ихъ высокородіе почивали, приходили какіе-то солдаты съ орденами и жаловались на дьячка, что онъ не учитъ ихъ дѣтей, а когда, мѣсяцъ назадъ, пріѣзжалъ штатный смотритель, то дьячекъ началъ хватать ребятъ попадавшихся на улицѣ за вихры и приговаривалъ: такъ-то вы свое начальство благодарите? Я объ васъ стараюсь, а вы что?»

Чинovníкъ рѣшилъ, что нужно войти къ дьячку и ввѣстить. Навившись чаю, онъ отправился. Дьячекъ обиталъ въ новой, только что выстроенной послѣ пожара избежкѣ съ однимъ окномъ; изъ соломы, покрывавшей крышу, далеко видѣлись непокрытыя жерди; нѣсколько такихъ же жердей приставлены были къ избѣ съ боку; дверь, выходящая на улицу, вела прямо въ жильѣ! Это была необыкновенно маленькая комната, перегороденная отъ угла печи досчатой стѣной, за которой почивалъ дьячекъ. Онъ только что проснулся и сидѣлъ на своемъ ложѣ, съ ополоумѣвшими глазами. Даже появленіе чиновника не произвело на него никакого дѣйствія, и не измѣнило выраженія лица; онъ только нѣсколько началъ трясти головой.

Чинovníкъ что-то началъ было говорить на счетъ школы, но дьячекъ такъ часто заговорилъ: «не взъщите насъ... въ нуждѣ живемъ», что чиновникъ остановился.

У потолка жужжали мухи, по стѣнамъ полчищами гуляли тараканы и шлепались звучно объ лавку или полъ. На полатяхъ, на печи видѣлись головы; всѣ присмирѣли при появленіи чиновника; два мальчугана, толкавшіеся у дверей, дали другъ другу кулаками въ животъ и заорали на всю комнату...

— Не взъщите насъ, твердилъ дьячекъ...

— Не разгулялся еще, оправдывала мужа дьячиха, выпившая ребятъ варужу...

Дьячиха вдругъ сѣла на лавку около чиновника, сдѣлала слезливую физиономію и начала.

— Двѣ дочери—невѣсты... жениховъ нѣтъ... Думали, гадали—что придумаешь-то... хотѣли за мѣщанина... Дьячиха начала сморкать рукою носъ, что предвѣщало близкія слезы.

Чинovníкъ поспѣшилъ уйти.

На другой день онъ уѣзжалъ. Передъ отъѣздомъ ему вздумалось взглянуть казенную лечебницу.

- Что жь много больныхъ? спросилъ онъ старосту.
- Никакъ нѣтъ-съ... Никого больныхъ не слышать.
- Такъ никто здѣсь никогда и не лежитъ.
- Инсаръ выпимивъ, точно лежитъ коли... Да вотъ, заше высококордіе, не можете-ли вы этому мальчнкѣ бумагу какую дать, заговорилъ вдругъ староста. Эй Мить, иди сюда.

Отъ плетня отдѣлился маленькій, лѣтъ 12, мальчишка съ крайне старческимъ лицомъ, говорившимъ, что онъ много видѣлъ горя на своемъ вѣку. Онъ былъ безъ шапки и вѣтеръ слегка приподнималъ мохры волосъ на вискахъ.

— Родители его ушодчи, говорилъ староста...

— Какъ?

— Да Богъ е знаетъ куда ушли... Изволите видѣть: батьку-то его перво отдали въ солдаты—онъ и жилъ съ матерью. Потомъ, кольки тамъ ни жилъ, пришлоъ отецъ изъ войны и жену взялъ, а этому говорятъ: «ты маленько погоди, мы сейчасъ»... Какъ пошли—вотъ пятый годъ...

Чинovníкъ смотрѣлъ на мальчишку.

— Который ему годъ?

— Никакъ двадцатый, вашескордіе, отвѣчалъ староста.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Да такъ: то то, то се: тамъ попасетъ, тамъ что...

— Хорошо, я подумаю...

Чинovníкъ досталъ изъ тарантаса булку и далъ ее мальчнкѣ. Мальчуганъ тотчасъ-же сѣлъ къ плетню, натянулъ подолъ рубахи на свои колѣна, и съ великою осторожностью принялся за трапезу, такъ что ни одна самая ничтожная соринка хлѣба не оставалась попусту въ его подолѣ, надъ которымъ онъ держалъ булку. Это были счастливейшія минуты въ его жизни.

И долго уже послѣ отъѣзда чинovníка, опустѣвшая улица и безмолвная сборня невольно наводили мальчугана на мысль о барской булкѣ:

— И что жь это, милые мои, за ѣда! сладко думалъ онъ.

— Ужь ѣда! Ежели этакъ-то-бы по больше поѣсть,—безпримѣнно съ радости поколѣть можно!»...

Глава Ученскій.

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ.

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Посвящается *И. И. Дмитріеву*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Губернскій городъ Желтогорье широко разбросался въ котловинѣ, на правомъ, нагорномъ берегу Волги. Красотой построекъ, правильностью и чистотой улицъ и площадей, вообще всёмъ тѣмъ, что извѣстно подъ именемъ благоустройства, Желтогорье особенно похвастаться не можетъ, потому что въ этомъ отношеніи онъ, какъ и большая часть русскихъ городовъ, издавна стремится приблизиться къ общему прототипу—Москвѣ, а Москва, какъ извѣстно, цѣлые вѣка ходитъ неумывкой, и горя мало... Не можетъ также Желтогорье похвастаться и благочиніемъ, ибо имя *вора-города*, когда-то данное ему приволжскимъ простолюдиномъ, осталось за нимъ доселѣ. Разъ задавшись *воромъ-городомъ*, упорный приволжеецъ стоитъ на своемъ, не взирая ни на какіе доводы, и, еще издали завидѣвъ высокій шпиль соборной колокольни, спѣшитъ подалеже запрягать свою мошну, хорошо зная, что желтогорскій мѣщанинъ-промышленникъ лѣтомъ *кормится* отъ Волги-матушки, а зимой отъ чего придется.

Лѣто. Іюль мѣсяцъ подвигался къ концу. Душный вечеръ

сжѣнялъ жаркій день, и въ раскаленномъ воздухѣ густымъ туманомъ носилась ѣдкая пыль, поднятая только что прогнаннымъ стадомъ. Бягровое солнце, низко висѣвшее надъ горизонтомъ, представлялось чѣмъ-то въ родѣ большой до красна-разожженной сковороды; послѣдніе лучи его, прорываясь сквозь нависшую надъ землей мглу, слабо освѣщали вершины деревьевъ, крыши домовъ и куполы церквей, дробясь и переливаясь разноцвѣтными огнями въ высокихъ шпицахъ и металлическихъ крестахъ колоколенъ. Жидкія, какъ бы кисейныя, облачка робко ползли тамъ и сямъ по небу, будто раздумывая, куда бы направить путь, и не представляли изъ себя на этотъ разъ ни коровьихъ мордъ, ни свадебныхъ поѣздовъ, ни погребальныхъ кортежей, ни офицерскихъ мундировъ и прочихъ предметовъ, веселящихъ взоръ и сердце провинціальной барышни... Двѣ-три звѣздочки уже перемагнулись было на востокъ, но подавленные кровавымъ свѣтомъ солнца, тотчасъ же струсили и поспѣшили скрыться. Мѣсяцъ, блѣдный, блѣдный, стоялъ въ сторонѣ такимъ тихоней, что вовсе ужъ не походилъ въ это время на чудную «луну, печальныхъ друга», а скорѣе представлялся какой-то жалкой заплаткой на прохудившейся небесной тверди. Вся природа точно изнемогла, точно изнурена она продолжительной битвой и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода освѣжающей ночи... Жаръ подавилъ и сковалъ все. Онъ загналъ въ темные чуланы и на прохладные погреба отцовъ семействъ; онъ смирилъ непокладныя руки матерей и узломъ завязалъ длинные языки всевозможныхъ *зюловокъ, сношельницъ, жигалихъ, буррихъ, трелубилъ, четвероюродныхъ тетокъ съ деверьевой стороны* и прочаго горластаго провинціального люда; онъ укротилъ рѣзвыя ноги школьниковъ, забывшихъ на время и бабка, и змѣй, и мушку, и городки; онъ осквернилъ и перепуталъ вереницу дивныхъ грезъ, выросшихъ было въ воображеніи милой мечтательницы, и подсунулъ ей, вмѣсто ловкачей-офицеровъ и очаровательнаго бала, тихія струи рѣки, голые тѣла, всплески воды и рѣжущіе слухъ вопли купающихся;—онъ запустилъ, наконецъ, свою всенагибающую руку даже въ такую пропасть, какъ сердце злобнаго частнаго прпстава, который, вышедши на улицу въ халатъ и форменной фуражкѣ, съ цѣлью распечь кого-нибудь,

вдругъ какъ бы одурѣлъ отъ духоты, почему, противъ обыкновенія, очень скромно спросилъ проходившаго мимо пастуха съ новорожденнымъ теленкомъ за плечами: «не продаешь-ли скотинку-то?» на что коровій пастырь отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ» и, обругавъ ворохнувшагося агнца чортомъ, двинулся далѣе... Только Волгу не сокрушилъ могучій жаръ. По прежнему стучать пароходныя колеса, стонуть *сходни* подъ тяжелыми шагами, скрипятъ суда, визжать блоки и въ раскаленный воздухъ несутся глухіе, сильные голоса и лошадиное ржанье; крупнымъ потомъ обливаются бурлацкія лица, деревенѣютъ отъ работы сильныя, мозолистыя руки, и хрипнутъ отъ непрестаннаго крика широкія глотки, однообразно выводя, какъ «дубинушка сама пошла»,—а все не наступаетъ часъ отдыха, котораго такъ жаждетъ изнуренное тѣло, и понукающій голосъ «дружнѣй» да «дружнѣй» все дребезжитъ въ ушахъ работающихъ.

Въ эту-то пору всеобщаго раскисанья, забывшись въ самый отдаленный уголъ отцовскаго двора, подъ сарай, неутомимо работаетъ Ваня Копьевъ, черноголовый, быстроглазый гимназистикъ, лѣтъ одиннадцати—двѣнадцати. Ваня такъ занятъ своимъ дѣломъ, что не обращаетъ вниманія ни на потъ, ручьями бѣгущій по его дѣтскому лицу, ни на докучныхъ мухъ, ни на неотвязчивую Жучку, поминутно вляпавшую хвостомъ у самаго его носа и лязавшую то въ щеки, то въ губы. Нынче вечеромъ онъ уговорился съ нѣсколькими своими пріятелями отправиться ловить рыбу, этой поѣздкѣ сочувствуетъ и кучеръ Копьевыхъ, Максимъ, великій другъ Вани, охотно доставшій гдѣ-то бредень; вся бѣда только въ томъ, что бредень весь въ дырахъ, и вотъ начинкой-то его и занимается теперь маленькій Копьевъ.

— Поди ты прочь! отталкиваетъ онъ докучную Жучку, ловко повертывая *челнокъ* то въ ту, то въ другую сторону и кое-какъ захлестывая зіяющія дыры.—Развѣ ты не видишь, что мнѣ некогда, не отрываясь отъ работы, урезониваетъ Ваня Жучку. Тебѣ бы все играть... Поди вонъ съ Арапкой играй—она ничего не дѣлаетъ... Вѣдь, небось, если къ тебѣ начнешь приставать, когда ты ѣшь, или лежишь высуня языкъ, такъ ты сердиться, ворчать начинаешь!.. Ступай, не проѣдайся!

Жучка отошолъ въ сторону и ласково повилывалъ хвостомъ.

— Эй, рыбакъ! окликнулъ Ваню вошедшій Максимъ.

— Что?

— Мотри, бредень-отъ не изорви у меня.

— Рвать-то нечего.

Ваня указалъ на дыры. Максимъ толкнулъ Жучку ногой и заговорилъ наставительнымъ тономъ.

— Да ловить будете, не больно далеко въ воду заходите. Слышь!

— Знаю, знаю.

— То-то: знаю. Рыбу тоже, если наловите, не шевыряйте руками, а то вы сейчасъ и пойдете хватать то тотъ, то другой, ровно невидаль какую.

Ваня молчалъ.

— Да вотъ еще что, подумавъ заговорилъ кучеръ: лодку возьми ты у Ваньки—шестипалаго, а то такъ у коровница мнучонка,—ту, знаешь, которая съ желѣзными *кочетками*,—въ руль самъ садись, да баловать никому не давай, а то у васъ сейчасъ смѣшки да хахи, да дурачества разные пойдуть, того и гляди перевернетесь.

— Хорошо, хорошо.

— Да, мотри, не долго гуляй, а то неравно *самъ-отъ* хватится, тогда и тебѣ дѣру дать, да и мнѣ-то достанется, скажетъ: не наущай!

Мальчикъ продолжалъ работать.

— Слышь, что я тебѣ говорю? спросилъ Максимъ.

— Слышу, слышу, нетерпѣливо отозвался Ваня.

— То-то, братъ, чтобы опосля за меня не прятаться: та кой-сякой, Максимушка, выручи! Я тебѣ все изъяснилъ, какъ надо быть.

Максимъ вышелъ.

Скоро загрохоталъ экипажъ, и Кошневъ-отецъ съѣхалъ съ семействомъ со двора. Черезъ нѣсколько времени и Ваня выбрался изъ сарая, потому что бредень былъ совершенно починенъ. Мальчикъ выбѣжалъ за ворота и присѣлъ у калитки, ожидая товарищей.

Солнце уже сѣло. Улица оживилась: появились гуляющіе. Дворня высыпала къ воротамъ барскихъ домовъ. Говоръ,

смѣхъ и шутки мѣшались съ звуками гармоникъ и балалаекъ; кое-гдѣ раздавались пѣсни; въ родѣ:

«Съ Соколовой-ли горы
Кочерыжки летять,
Мадамиски дѣвки, дряни,
Подбирають да ѣдятъ».

Вотъ на гауптвахтѣ ужъ и зорю пробили. Видитъ Ваня, сидя у воротъ, какъ ветхій будочникъ вышелъ изъ своей ветхой будки и старческимъ голосомъ дребезжитъ: «слушай!» Мальчишки подхватили возгласъ и залились на разные голоса, завертѣлись колесами, побѣжали на четверенькахъ. Вонъ и мѣсяцъ блеститъ на небѣ, искрятся звѣзды, въ воздухѣ такъ тихо...

— Что же ихъ-то нѣтъ? думаетъ мальчикъ, поглядывая въ конецъ улицы.

Долго, упорно смотрѣлъ онъ въ одномъ направленіи; лице его то оживлялось, то дѣлалось совершенно неподвижнымъ, отражая попеременно то свѣтлыя, то мрачныя мысли. Самыя разнообразныя картины пробѣгали одна за другой въ его дѣтской головкѣ. То представляется ему полнѣйшій успѣхъ, всеобщая радость, похвалы и одобренія отовсюду. Слышитъ онъ, какъ Максимъ говоритъ кухаркѣ: «Ай да Ваня! гляди-ка, сколько рыбы приволокъ!» какъ мать одобряетъ, какъ радуется братъ Саша и сестры, какъ отецъ даже смягчается, узнавши, что уловъ былъ очень счастливъ, и сурово бормочетъ: «Ну, теперь прощаю, за то что много наловилъ; а въ другой разъ безъ спросу ходить не смѣй — шкуру спущу!..» Но вдругъ представляется Ванѣ другая картина: товарищи обманули, бредень починилъ онъ понапрасну, Максимъ подсмѣивается: «Туда же, говорить, совался рыбу ловить», кухарка ядовито улыбается, мать хотя и смотритъ на этотъ разъ какъ-то безразлично, но и въ этомъ безцвѣтномъ взглядѣ Ваня видитъ снисхождение, уступку, нежеланіе огорчить его, — а сестры, такъ тѣ прямо хохочутъ въ глаза: «Что, наловилъ! аловилъ!..» Злоба начинаетъ забирать бѣднаго мальчика; онъ наконецъ дошелъ до того, что рѣшается ѣхать одинъ, если только товарищи не придутъ въ теченіи такого-то срока. Но вотъ и они...

Весело перепрыгивая съ ноги на ногу, приближались четверо подростковъ, оглашая воздухъ радостными криками. Ваня забылъ свои мрачныя думы, свое недавнее недовольство и стрѣлой помчался на встрѣчу. Въ пять минутъ удалыцы наши обдѣлали все: переговорили съ кѣмъ нужно объ лодкѣ, захватили бредень, ведро для рыбы, и стремглавъ побѣжал по крутому спуску къ Волгѣ.

— Вались въ лодку! скомандовалъ кто-то, и смѣльчаки бойко поскакали одинъ за другимъ; заразъ отпихнулись, размѣстились, кому гдѣ слѣдуетъ, и начали пробираться между судами. Ваня сидѣлъ въ кормѣ, двое другихъ работали веслами, а остальные двое, распластавшись на среднѣй лодки, громко заплѣли:

«Нашъ учитель Ергаковъ
Изъ породы дураковъ.
Гуси лебеди летѣли,
Дурака смотрѣть хотѣли!..»

Широкая рѣка, гладкая и свѣтлая какъ зеркало, приняла дѣтей какъ-то особенно радушно. Звонкіе голоса ихъ далеко раздавались среди всеобщей тишины, будто съ любовью уносимые тихими водами. Эхо по нѣскольку разъ повторяло ихъ дѣтскіе крики и свистъ, то раздѣльно, то сливая въ длинную гамму. Скоро маленькіе рыбаки выбрались на просторъ изъ за каравана судовъ. Городъ, облитый яркимъ луннымъ свѣтомъ, развернулся передъ ними, какъ на ладони. Справа чернѣлъ чугунный заводъ, точно средневѣковой замокъ, мрачно поглядывая съ крутаго берега; слѣва, на другомъ концѣ, громоздилось на пригоркѣ кладбище *Краснаго креста*, съ старою полуразрушившеюся церковью. Два-три песчаныхъ острова, усыпанные десятками огней, отражавшихся яркими, длинными полосами въ водѣ, представлялись дѣтямъ какъ бы чуповщами съ пламенными глазами. Запоздалыя рыбацкія лодки словно свѣтляки блестяли на темной тиши заливовъ и затоновъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ на нѣсколько верстъ опушалъ пригородный берегъ. Кругомъ царствовала мертвая тишина, отъ времени до времени нарушаемая крикомъ сторожевыхъ бурлаковъ, да развѣ особенно чуткое ухо могло подслушать еще однообразный говоръ воды, чуть-чуть плещущейся у судовъ

— А-а-а! заоралъ кто-то, и всѣ напряженно прислушивались къ раскатамъ эхо.

— Какъ въ лѣсу-то, за Волгой, отдалось! Слышите?

— Это лѣшій подхватилъ.

— Ври натошакъ.

— А кто, господа, можетъ натошакъ булку съѣсть?

Всѣ задумались.

— Никто не можетъ, отозвался Ваня: потому что какъ только ты кусокъ проглотилъ, такъ ужъ и не натошакъ, а поѣвши.

— Этотъ Копьевъ все знаетъ: ему Максимъ разныя штуки рассказываетъ.

— А ты какъ бы думалъ.

— Ну-ка, скажи правило, которое давеча грамотѣю прочелъ.

— Какое? какое? Ну-ка, скажи! заговорилъ разомъ.

— «Всѣ имена существительныя, кончающіяся на *мы*, какъ-то: именины, крестины, похороны, родины, смотрины и проч., требуютъ выпивки, исключая—штаны, кои требуютъ починки», бойко произнесъ Ваня.

Раздался общій, дружный хохотъ.

— Теперь нужно на перевалъ держать, замѣтилъ Ваня и забралъ изъ подъ кормы:

— Стотри, братъ, снесетъ, отозвались гребцы.

— Не снесетъ; разомъ перемахнемъ.

Лодка круто повернулась и пошла въ разрѣзъ теченью, къ острову.

— Батюшки мои, родимые! какъ она прокатилась! вдругъ крикнулъ одинъ изъ лежавшихъ и приподнялся.

— Кто? гдѣ?

— Звѣздочка. Ей богу, господа, ветъ тутъ все стояла! мальчику указалъ на небо: все мигала, все мигала, да вдругъ какъ сорвется... и покатила...

— Эко ты заоралъ, точно съ роду не видѣлъ!

— Онъ, господа, всему удивляется, вставилъ Копьевъ. Я какъ-то мухъ за ногу привязалъ нитку да и пустилъ ее на инспектора, такъ онъ такъ заоралъ, что инспекторъ оттрепалъ его.

— Меня, братцы, дома всѣ зовутъ: «*батюшки мои*».

— Вонъ у Масловыхъ всѣмъ дѣтямъ прозвища даны, всѣмъ—

и большпмъ и маленькимъ, вмѣшался одинъ изъ гребцовъ. Старшаго, который въ шестомъ классѣ, зовутъ *осель дикій*, *хвостъ великій*, нашего—*яичница*, старшую сестру—*лобастая*, другую—*космачь*, а третью *убогенькая*.

Всѣ захохотали.

— И отецъ вмѣстѣ съ ними, продолжалъ разскащикъ: такъ и зоветъ, какъ они придумали: «позвать, говорить, *осла дикаю!*» или: «поди сюда, *космачь!*..» Впрочемъ, и ему тоже имя дано. Опъ толстый такой, такъ его прозвали *сорокоушей*, а мать—*базарной хлопущей*, за то что на базаръ ѣздитъ.

— Батюшки мои! вотъ дураки-то! удивлялся лежавшій въ лодкѣ.

— Во-онъ пароходъ идетъ съ нпзу, указалъ его сосѣдь.

— Гдѣ?

— Во-онъ изъ Улешей къ Ильѣ-пророку пробирается. Видите, какъ огонекъ ползетъ по берегу: это фонарь на мачтѣ свѣтится.

Долго всѣ всматривались въ движущуюся свѣтлую точку, наконецъ рѣшили, что дѣйствительно пароходъ идетъ.

Лодка между тѣмъ приближалась къ острову, до котораго осталось наконецъ только нѣсколько сажень. Тутъ-то закипѣла работа... Гребцы усердно налегали на весла; маленькіе бездѣльники, лежавшіе до сихъ поръ, встали и охотно помогали своимъ товарищамъ; Валя весь обратился въ зрѣніе, думая только о томъ, какъ бы подальше врѣзаться въ берегъ и такимъ образомъ поддержать завидную репутацію ловкаго кормчаго.

— Принимай весла! скомандовалъ опъ, и лодка съ разбѣга далеко выскочила на песокъ.

Ликованью дѣтей не было конца. Они обнимались, бѣгали взапуски, прыгали, кричали во все горло самыми дикими голосами, обсыпали другъ друга сухимъ, теплымъ пескомъ, утешали одинъ другаго затрещинами, валяли подъ ногу, ставились на голову, бросали камни въ воду,—словомъ, дѣлали все, что только могли придумать ихъ дѣтскія головки, не стѣсняемыя никѣмъ въ своихъ выдумкахъ. Нѣкоторые, засучивъ брюки выше колѣнъ, бродили по берегу, отыскивая раковъ и улитокъ; другіе купались, ныряли. плавали, мутили воду

взявшись за руки, или, сидя голые на берегу, обсыпали мокрое тѣло пескомъ, желая изобразить терчей, арабовъ, негровъ и прочихъ чернотѣлыхъ. *Батюшки мои* то дивился, глядя на улитку, то приходилъ въ восторгъ отъ найденнаго рака; Ваня отрезвѣлъ раньше другихъ и уже возился съ бреднемъ, осматривая *крузила, полавки, мотню, клячи* и прочія принадлежности.

— Ну, господа, полно дурачиться, давайте приниматься за дѣло, провозгласилъ наконецъ Копьевъ, растягивая бредень на песокъ: все готово.

— Давайте, давайте, запрыгали и закричали товарищи.

Компанія отошла отъ лодки на нѣсколько сажень и «принялась за дѣло.» Ваня, какъ болѣе опытный, шель въ *забродъ*, остальные поочередно вели березовую *клячу*. Каждая попавшая рыба переходила по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки, прежде чѣмъ попадала въ ведро: тотъ цаловалъ ее, тотъ любовался блескомъ чешуи, тотъ внимательно осматривалъ плавники, заглядывалъ въ ротъ и подъ жабры. Рыба ловилась по большей части самая мелкая: ершь, *костюра*, небольшой окунь, *чахонь*, язь и проч. Въ каждой такой пойманной рыбинѣ непременно находили сходство съ кѣмъ нибудь изъ общихъ знакомыхъ, учителей, товарищей и т. д. Щелообразную *костюру*, напимѣръ, въ одинъ голосъ всѣ назвали учителемъ математики, *чахонь*—грамотѣмъ, язь, по общему мнѣнiю, очень походилъ на полицiймейстера, ершь то на извѣстнаго губернскаго франта, то на учителя географiи. Но когда поймали небольшую шуку, восторгъ и дѣтскiй хохоть превзошли всякую мѣру.

— Инспектора поймали! инспектора поймали!

— Зубовъ-то, зубовъ-то сколько! у!!!

— Милые мои, дорогiе! дайте мнѣ, Христа ради, подержать инспектора!

— Въ карцеръ его, въ карцеръ его, предлагалъ одинъ, подставляя ведро.

— Взятку ему! кричалъ другой, поднося мнимому инспектору горсть песку.

Бѣднаго щуренка совершенно замучили. То его заставляли

разговаривать съ учителями, которыхъ олицетворяли различныя окуни, ерши и *костюры*, то ставили вертикально на хвостъ, утверждали между плавательными перьями прутикъ, и представляли такимъ образомъ, какъ инспекторъ собственноручно сбъчетъ учениковъ, которыхъ изображали всевозможныя маленькiя рыбки, въ изобилiи попадавшiяся въ бредень.

А время между тѣмъ сильно подвигалось впередъ. Дѣлая забродъ за забродомъ, дѣти незамѣтно отошли отъ лодки такъ далеко, что она казалась имъ небольшою черной точкой.

— Эхе-хе! гдѣ лодка-то осталась! воскликнулъ *батюшки мои*.

— Не пора-ли, господа, домой? спохватился Ваня.

— Половпмъ еще немножко, упрасивалъ гребецъ.

— Да, тебѣ хорошо толковать, замѣтилъ Копьевъ:— ты придешь домой, мать дастъ подзатыльникъ — и конецъ дѣлу, а у меня не то — отецъ... знаешь...

— Ну, братъ, и мнѣ тоже попадаетъ, да я не робѣю: скроюсь куданибудь.

— Его тоже мать здорово лупитъ веревкой.

— Нѣтъ, пойдѣте, пойдѣте, наставлялъ Ваня.

Дѣти нехотя свернули бредень, протащили его сквозь дырку ведра, потомъ ухватились за концы *клячь* и побрели къ лодкѣ, проклиная *батюшки мои*, испортившаго все дѣло.

— Не давать ему, господа, за это задачъ списывать.

— И не подсказывать никогда.

— Чтобы не смутянилъ впередъ, свинья!

— Да еще отбучимъ завтра.

Скоро лодка отвалила отъ острова и быстро пошла къ городу.

— Ваня-а! Ваня-а! раздавался съ берега голосъ брата Вани, Саши.

— Слышите, меня зовутъ.

— Скорѣй! скорѣй! плаксиво вопилъ Саша:— домой зову-у-уть!

У Вани замерло сердце.

— Что-о?

— Папенька зове-о-отъ!

Ваня сидѣлъ самъ не свой: онъ зналъ, за чѣмъ зоветъ папенька...

II.

— Ишь васъ носить до конхъ поръ! зарычалъ Максимъ, отворяя дѣтамъ калитку.

— А что? взволнованнымъ голосомъ спросилъ Ваня.

— Что... драть собрался, — вотъ что!

Дѣти совершенно растерялись.

— И ты-то хорошъ, обратился Максимъ къ Сашѣ: — тоже, какъ путный, побѣжалъ: позову! позову!

— Да развѣ тамъ докричишься, прошепталъ Саша.

— Тутъ у тебя и голосу сейчасъ не хватило. Небось, какъ тронегъ ктонибудь, такъ заорешь на всю уллицу, какъ зарѣзанный.

— Вотъ, Максимушка, рыбы наловили, мягко вымолвилъ Ваня, указывая на ведро.

Но Максимъ и вниманія не обратилъ.

— Ступайте, ступайте, что стоите.

— Ужинать сѣли?

— А то нешто ждать будутъ.

— А папенька сердить?

— Извѣстно, не похвалить за этакія дѣла. Даве кнутъ спрашивалъ.

— Ты бы, Максимушка, не давалъ, со слезами заговорили дѣти.

— Какъ же, очень мнѣ нужно... корысть какая...

— Ну, хорошо же, свинья! упрекнулъ Ваня.

— А вы ступайте, ступайте, нечего проклажаться: онъ васъ похлещетъ маленько, не будете бѣгать о-сю пору.

Дѣти переминались.

— Ну что толчетесь-то? Блудить ваше дѣло, а какъ къ отвѣту идти, такъ сейчасъ за Максима прятаться.

— Никто не прячется за тебя, узявилъ Ваня.

— Теперь не прячешься вѣрно, какъ знаешь, что кнутъ-то не даль.

— Убирайся! Съ тобой и связываться-то никто не желаетъ, скрывая улыбку проговорилъ Ваня и бойко пополькъ къ крыльцу; Саша побрелъ за нимъ.

Дѣти вошли въ небольшую комнату. Семья сидѣла за ужинамъ вокругъ длиннаго стола. Отецъ, сѣдоусый драбантъ, суровый и полупьяный, помѣщался на одномъ концѣ, мать — на другомъ, старшая сестра и еще двѣ дѣвочки тѣснились ближе къ матери, два пустыхъ стула, плотно придвинутые къ столу и стоявшіе около отцовскаго кресла, предназначались для мальчиковъ. Ваня и Саша остановились у порога, ожидая приказаній, безъ которыхъ не могли занять своихъ мѣстъ.

— Гдѣ вы, канальи, шляется! нетвердымъ голосомъ спросилъ отецъ, уставившись на дѣтей посоловѣвшими глазами. Молчаніе.

— Становитесь тамъ у дверей на колѣни! приказалъ отецъ. Этого каналью, ткнулъ онъ пальцемъ на Сашу: — послалъ отыскивать брата, а онъ и самъ пропалъ. Я васъ!..

Мальчики опустили на колѣни. Лицо матери искривилось какъ-то болѣзненно, и ложка противъ воли залясала въ ея рукѣ; сестры молча переглянулись и потупили глаза въ тарелки; даже кухарка какъ-то особенно кашлянула и ни съ того, ни съ сего принялась ругать подвернувшуюся подъ руку кошку.

— Вѣдь не разъ, кажется, говорилъ: «Эй, дѣти, не смѣйте ходить на Волгу! эй, дѣти, не смѣйте ходить на Волгу!» — такъ нѣтъ, не слушаетесь... — Ну, ничего, ничего, ворчалъ сѣдоусый, посылая въ ротъ ложку за ложкой: — какъ простои́те на колѣняхъ цѣлую ночь, да еще передеру завтра такъ послушаетесь.

Дѣти глубоко вздохнули.

— А все ты! зыкнулъ драбантъ на жену.

— Полно, Матвѣй Ивановичъ.

— Ты! ты! настаивалъ мужъ: — ты всему заводчица: не будь тебя, я бы ихъ скрутилъ вотъ какъ!

Онъ крѣпко сжалъ кулакъ и тяжело опустилъ его на столъ, такъ то запрыгали тарелки, и вода въ графинѣ заплескалась точно въ хорошую бурю.

Ну, богъ съ тобой, успокойся! прошептала жена.

— Я все въ домѣ, я все... И денегъ я долженъ добыть, и за хозяйствомъ присмотрѣть, и дѣтей уму разуму научить, — вездѣ я!.. Твое дѣло только барствовать, да изъ мужа послѣд-

нія жилы вытягивать: «давай! валяй! сори деньги, куда вздумается! мужъ лошады — вывезеть!»

— Подали жаркое.

— Нѣтъ, кабы ты была добрая жена, ты бы не такъ вела себя, рокотала мужъ, наворачивая тарелку мясомъ.

Молчаніе.

— Я изъ кожи лѣзу...

Фраза прервалась, потому что ротъ былъ слишкомъ занятъ.

— Я ночи не сплю...

Опять та же исторія.

— Я ночи не сплю, все думаю: какъ бы лучше, да какъ бы удобнѣе сдѣлать то или другое, а тебѣ и горя мало: есть аборники — пускай надрывается.

— Да вѣдь на тебя не скоро угодишь, замѣтила тихо жена.

— На меня?! какъ: на ме-эня!..

Драбантъ злобно захохоталъ.

— На меня трудно угодить, прошпиѣлъ онъ. — Да чего я отъ тебя требую, тварь ты этакая!.. Развѣ ты не можешь сама понять, что вонъ этихъ своевольниковъ давно передрать нужно?.. — Господи боже мой! на меня трудно угодить, заскрежеталъ Матвѣй Ивановичъ. — Развѣ въ твоей башкѣ и на столько-то мозгу нѣтъ, чтобы догадаться, что эту обузу нужно снять съ мужниной шеи, чтобы облегчить его? Ты возьми примѣръ съ другихъ женъ, поучись у нихъ, какъ нужно смотрѣть за дѣтьми, какъ нужно воспитывать ихъ. — Ты кто?..

Жена молчала.

— Кто ты? спрашиваю я тебя.

На глазахъ бѣдной женщины показались слезы.

— Ты крѣпостная дѣвка! Я тебя въ люди вывелъ, я тебя осчастливилъ, я тебѣ жизнь далъ, — и вотъ чѣмъ ты платишь мнѣ за это, хамово отродье!

Всѣ плакали навзрыдъ.

— Ты меня тираняшь! ты заѣдаешь мой вѣкъ!.. Какая ты мнѣ жена и подруга? какая совѣтчица? а? какая?..

Матвѣй Ивановичъ побагровѣлъ отъ злости и во всѣ глаза смотрѣлъ на жену, ожидая отвѣта. Тихо плакавшія дѣти смолкли и ждали ужаснѣйшей бури. Кухарка нырнула за дверь.

Но бури, по счастью, не случилось. Драбантъ бросил тарелку на полъ и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

Дѣти вздохнули свободнѣе; мать тихо плакала, закрывъ лицо платкомъ.

— Реви, реви, тварь! изрекъ внезапно появившійся драбантъ: — только этимъ и отдѣливаешься. — Катя, дай этимъ канальямъ книжки, пусть читають цѣлую ночь, добавилъ онъ, обращаясь къ старшей дочери.

— Вотъ, Ваня, вѣдь говорили тебѣ: не ходи, обратилась къ брату Катя, подавая книги.

Ваня и Саша стали громко читать, одинъ христоматию, другою начатки.

Минуть черезъ пять раздался голосъ Матвѣя Ивановича.

— Пусть перестанутъ трещать: надоѣли, чортъ ихъ подери!

Дѣти смолкли.

— Я, Катя, посмотри-ка, какой рыбы принесъ: язи даже есть.

Мать съ улыбкой взглянула на сына.

— Ахъ ты, забавникъ мой, глупенькій! пролетела ова.

— Да еще какой подлещикъ ушелъ: вотъ какой! и Ваня отмѣрилъ руками чуть не аршинъ.

— А Саша-то, маменька, за что тутъ попался? спросила Катя.

— Саша брата ходилъ звать, за то и наказанъ: онъ молодецъ у меня!

Мать встала съ мѣста и, схвативши голову Саши обѣими руками, долго, долго цѣловала его въ глаза, лобъ, щеки и губы.

— Милая маменька! шепталъ растроганный Саша.

Ваня поймалъ руку матери и покрылъ ее поцалуями. Сестры соскочили съ своихъ мѣстъ и сгруппировались вокругъ наказанныхъ братьевъ: Катя поочередно гладила по головѣ то того, то другаго, маленькія висли на шею матери и осыпали ее поцѣлуями. Всѣ оживились и какъ будто забыли общее горе, еще такъ недавно прогремѣвшее надъ ихъ головами. Ваня даже успѣлъ уже показать языкъ маленькой Олѣ и, получивши отъ нее прозваніе *языки*, обозвалъ Олю, въ свою очередь, *куриной слѣпотой*.

— Я завтра, маменька, на подпускъ пойду ловить, дожидь Ваня.

— Ахъ ты, рыбакъ мой дорогой, ужъ забылъ!
 — И мнѣ удочку купите, просилъ Саша.
 — И тебѣ, милый, куплю.
 — Мнѣ, маменька, волосяную лѣсу нужно, докучалъ Ваня.
 — Все, все будетъ, головка ты безшабашная, только отъ папаша нужно скрывать.

— Барыня! громогласно изрекла появившаяся кухарка: — покормить бы ихъ надо, что на него смотрѣть.

— Тссъ! погрозила ей барыня.
 — Дрыхнетъ поди, прошипѣла кухарка.
 — Послѣ, послѣ, Марфа.
 — То-то, надо....

— Ну вотъ, я такъ и зналъ, заревѣлъ въ дверяхъ Матвѣй Ивановичъ: — такъ я зналъ, что сейчасъ начнегъ лизать своихъ ненаглядныхъ. — Эй, вы! махнулъ рукой дѣвочкамъ: — ступайте Богу молиться.

Маленькія дѣвочки вышли изъ комнаты за отцомъ. Черезъ минуту послышались ихъ звонкіе, дѣтскіе голоса, читавшіе *да воскреснетъ Богъ*, сильный баритонъ безпрестанно прерывалъ чтеніе молитвы, выкрикивая: «и расточатся...» «такъ да погибнуть бѣси...» «прогоня-яй...» «прогоня-яй!..» и т. д. Скоро Маша и Оля воротились и бросились на шею матери.

— Ну что?
 — Кончили.
 — А папаша?
 — Легъ.
 — Потушилъ свѣчу?
 — Потушилъ.
 — Ну, и слава Богу!

Мать сдѣлала рукою знакъ кухаркѣ, та вышла.

— Вотъ сейчасъ ужинать подадутъ.
 — Охъ, маменька, какъ колѣнки больно! жаловался Саша.
 — Погоди, милый, уснетъ папаша, тогда можно будетъ встать.

Марфа вернулась съ ужиномъ и тихонько начала разставлять тарелки передъ колѣнопреклоненными дѣтьми. Каждый неосторожный звукъ, каждый шорохъ, какъ электрическая искра, пробѣгалъ по присутствующимъ, болѣзненно сжималъ серд-

це и невольно поворачивалъ голову къ двери, изъ которой могъ появиться драбантъ.

— Это что? спросила Катя, указывая на какую-то жирную массу.

— А вонъ дуракъ-отъ нашъ, Максимъ, изъ костей мозговъ натаскалъ — имъ прислалъ: — ветрогъ, говорить, противѣдаютъ.

— Да это ѣсть нельзя, застыло совсѣмъ.

— Пыталась и я, барышня, тоже ему говорить, такъ нѣтъ — неси, да и все тутъ! Это онъ вонъ Ваню ублажаетъ, добавила кухарка. — Даве еще что, лѣшій, сдѣлалъ, — просто, смѣхъ на него смотреѣтъ!.. Какъ потребовалъ у него баринъ кнутъ, такъ онъ и самъ не знаетъ, куда бы его спрятать; прибѣжалъ ко мнѣ на кухню да въ подпечекъ и зашвырнулъ: тутъ, говорить, не найдеть.

Дѣти между тѣмъ аппетитно ужинали, слушая добродушную болтовню кухарки. Скрипнула дверь и показалась голова Максима.

— Ты куда лѣзешь! крикнула ему кухарка и любезно хлопнула ладонью по кудрявымъ волосамъ.

Максимъ скрылся.

— Пусти, пусти его, заговорили всѣ.

Голова опять показалась.

— Ваня! это что? подмигивалъ Максимъ, показывая рыбу.

— За чѣмъ же самъ-то мучишь?

— Она уснула... А рыба важная! добродушно изрекъ Максимъ. — Что же ты мозги-то не ѣшь?

— Я ужь ѣлъ.

— Ну Шапу попоштуй.

— Спасибо, спасибо, всѣ пробовали.

— Вы не брезгайте, у меня руки чистыя, — вонъ какія!..

Максимъ въ доказательство своихъ словъ показалъ руки. Дѣти засмѣялись.

— Барыня! сѣнца бы имъ подъ колѣнки-то подослать.

— А ты ори звончей! напустилась Марфа и ударила его по лбу.

— Не балуй!.. — А то попонку — та мягкая.

— Не надо, не надо, Максимъ, они скоро встанутъ.

— Ну, какъ знаете.

Максимъ скрылся. Дѣти поужинали, и кухарка убрала посуду. Изъ сосѣдней комнаты доносился тяжелый храпъ Матвѣя Ивановича: винные пары душили его, кровь прилиwała къ головѣ. Долго думала бѣдная мать надъ своими ненаглядными птенцами, долго страхъ и любовь боролись въ ней, наконецъ послѣдняя взяла верхъ: Ваня и Саша спокойно започивали на своихъ дѣтскихъ кроваткахъ.

Сонъ охватилъ весь домъ, только Максимъ и Марфа все еще гуторили на кухнѣ.

— Просто ума не приложу, въ кого этакой песь уродился! разсуждала кухарка, *затѣвая* пироги къ завтрашнему дню. — Вѣдь, поглядишь, у другихъ женъ мужья, какъ мужья, а этотъ, ровно чортъ какой рогатый! И дѣти-то все, ровно они отъ другаго отца: ни одинъ въ него не вышелъ... Горюшко, право!

— Ты бы его себѣ въ отцы взяла, осклабясь вставилъ Максимъ.

— Молчалъ бы, дуракъ необузданный!

— А то въ мужья...

— Какъ начну вотъ свата-то мѣшалкой охаживать — замолчишь.

— У него, смотри-ка, усницъ какіе здоровые: въ деревнѣ такихъ не попадаетъ.

— Ну, братъ, навязался бы на меня въ деревнѣ этакой волкъ, такъ я бы его скоро осадилъ.

— Хвастай! Онъ бы тебѣ вѣку-то посбавилъ.

— Ступай къ своимъ лошадямъ, протухлый чортъ, пока цѣль!

Максимъ повиновался, а Марфа нашла себѣ слушателя въ шурившей глаза кошкѣ и тотчасъ же подробно развила передъ ней цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ изображалось *осажденіе* Матвѣя Ивановича, еслибъ онъ былъ ея мужемъ.

III.

Матвѣй Ивановичъ Копьевъ, теперь поручикъ въ отставкѣ, былъ сынъ какой-то мелкой канцелярской сошки. Объ отцѣ Матвѣя Ивановича свѣденій не имѣется никакихъ, — да они,

пожалуй, и не нужны, потому что и на сынѣ-то мы будемъ останавливаться лишь на столько, на сколько это будетъ пригодно для личности, въ которой физическія силы совершенно подавили нравственныя. Что за надобность, въ самомъ дѣлѣ распространяться объ матеріалѣ, изъ котораго сдѣлана оглобля, о мастерѣ, сдѣлавшемъ ее, и проч., когда, не смотря на то, дубъ она или осина, плотникъ или столяръ ее дѣлалъ — она предназначена единственно для высаживанія реберъ, перелома ногъ, вывиховъ рукъ и прочихъ уродствъ!.. Итакъ, мы вовсе не печалимся, что не можемъ представить свѣденій о мастерѣ, создавшемъ Матвѣя Ивановича, тѣмъ больше, что по рассказамъ послѣдняго, онъ развился и выросъ помимо всякихъ отцовскихъ влияній: «отецъ, говорилъ онъ, меня только посылалъ, въ остальномъ же во всемъ я обязанъ собственной живучести, счастливому случаю да добрымъ людямъ». Объ матери Копьевъ сообщалъ, что она была высокая такая, изъ себя полная, сѣкла его чаще отца — и ничего больше. Лѣтъ тринадцати-четырнадцати, наученный кое-какъ читать и писать, Копьевъ поступилъ въ какой-то судъ, гдѣ бѣгалъ по порученіямъ писцовъ за водкой и закуской, печаталъ и подписывалъ конверты и бралъ копѣчныя взятки съ тѣхъ просителей-вовпчковъ, которые, не зная судейскихъ обычаевъ, и взятку-то не умѣютъ сунуть, куда слѣдуетъ. До шестнадцати лѣтъ произрасталъ такимъ образомъ Матвѣй Ивановичъ, а въ шестнадцать, при помощи кого-то, опредѣленъ юнкеромъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Юнкеръ велъ себя примѣрно: былъ почитателемъ къ начальству, радѣлъ къ службѣ, исправно замѣнялъ офицеровъ въ случаѣ нужды и велъ трезвую и добропорядочную жизнь; все это скоро замѣтили, оцѣнили, и юнкера произвели въ офицеры. Тутъ Копьевъ показалъ себя, какъ слѣдуетъ. Онъ сдѣлался грозой солдатъ не только своего взвода, но даже и въ цѣломъ полку былъ извѣстенъ, какъ зѣбрь. Такъ какъ прежде отъ офицера требовалось только знаніе службы (шагистика) и строгое обхожденіе съ подчиненными, то Матвѣй Ивановичъ, какъ вполне удовлетворявшій этимъ требованіямъ, пошелъ въ гору: похвалы отъ начальства сыпалась на него градомъ, а года черезъ два-три ему дали роту. Получивши роту, Копьевъ такъ искусно повелъ свои

дѣла, что въ короткое время зашибъ порядочныя деньги, употребляя солдатъ, какъ помѣщикъ своихъ крѣпостныхъ людей, для всякихъ работъ и кромѣ того немилосердно экономничая при расходованіи ротныхъ суммъ. На него объявили претензію; Матвѣй Ивановичъ вывернулся и сжалъ солдатъ въ ежевыхъ рукавицахъ; подали въ другой разъ, и дѣло повернулось какъ-то такъ, что *упущенія* были замѣчены и съ несчастнымъ Матвѣемъ Ивановичемъ поступили очень круто: его разжаловали въ солдаты... Опять потянулъ ляжку бѣдный Кошневъ; опять началъ перелезать, но уже съ гораздо большимъ трудомъ, изъ примѣрнаго солдата въ примѣрнаго ефрейтора, изъ примѣрнаго ефрейтора въ примѣрнаго унтеръ-офицера и т. д. и т. д.,—да лѣтъ десять и протянулъ до перваго офицерскаго чина. Тяжела показалась ему служба, хотя честолюбіе все еще тянуло впередъ. Прослуживши лѣтъ шесть-семь въ чинахъ прапорщика и подпоручика и вида, что нѣтъ никакихъ шансовъ къ полученію роты или другого какого-нибудь хлѣбнаго мѣстечка, Матвѣй Ивановичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика, мундиромъ и небольшимъ единовременнымъ вспоможеніемъ. Но онъ не горевалъ, потому что девъжонки отъ прошлаго управленія ротой у него оставались еще порядочныя; кромѣ того, отставному офицеру въ то время всегда можно было рассчитывать на полученіе мѣста въ гражданской службѣ, гдѣ таковымъ охотно раздавали должности городничихъ, исправниковъ, различныхъ смотрителей, экономовъ и проч. Одна только забота оставалась у Матвѣя Ивановича, это — обзавестись женой, съ которой, по мнѣнію поручика, теперь-то и пожить всласть.

По приѣздѣ на новое мѣсто жительства, въ одинъ изъ городовъ средней Россіи, Кошневъ тотчасъ принялся отыскивать жену, засылая свахъ ко всѣмъ существующимъ въ городѣ невѣстамъ. Невѣстъ, разумѣется, было великое множество, но однѣ изъ нихъ не подходили къ расчетамъ Матвѣя Ивановича, къ расчетамъ другихъ не подходилъ онъ самъ, — короче, дѣло какъ-то не ладилось, а охота жениться пришла смертная. Особенно злили его отказы, сопровождавшіеся замѣчаніями, въ родѣ того, что за такого стараго вовсе не лестно выйти молодой дѣвцѣ, или намеки на малочинодность,

при которой трудно играть какую нибудь роль въ обществѣ. Думалъ, думалъ Матвѣй Ивановичъ, да наконецъ и поступилъ самымъ радикальнымъ образомъ: выкупилъ себѣ у какой-то помѣщицы горничную дѣвушку и женился на ней.

— Эта, по крайней мѣрѣ, любить будетъ. разсуждалъ по-ручикъ, потому что я ее облагодѣтельствую. — Опять же изъ такой жены не выйдетъ какая нибудь мотовка или бездомница, а мнѣ кромѣ хозяйки да матери дѣтямъ ничего не нужно.

Женившись, Копьевъ переехалъ въ Желтогорье — «во избѣжаніе пересудовъ», какъ размышлялъ онъ.

Анна Петровна вышла замужъ семнадцати лѣтъ; она была очень статна и красива, такъ что провинціальныя языки не безъ зависти и желчи говорили: «Ну что-жъ. что хороша? — а все-таки мужичка и съ благородной дамой сравниться не можетъ», хотя эти благородныя физическимъ безобразіемъ и нравственнымъ уродствомъ превосходили всякое описаніе. Дѣтство и первые годы юности прошли для Анны Петровны очень не весело: круглой сиротой осталась она еще съ раннихъ лѣтъ, сиротой выросла въ барскомъ домѣ, всею мнимая, беззащитная, безотвѣтная, сиротой постоянно казалась она даже и самой себѣ, потому что въ памяти ея не сохранилось никакихъ отрадныхъ воспоминаній, а въ сердцѣ не чувствовалось никакихъ привязанностей, способныхъ хотя на минуту развеять ея горькое одиночество. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ барскомъ домѣ она такъ сжилась съ своимъ положеніемъ, что не вѣрила въ возможность другой жизни для себя и, какъ улитка, далеко ушла въ свою раковину и рѣшилась терпѣть до конца. Вышедши замужъ, дѣвушка сразу поняла, что дѣло ея нисколько не измѣнилось, что изъ одного крѣпостнаго состоянія она перешла въ такое же другое, что прежнее угнетеніе смѣнилось новымъ, худшимъ, что и здѣсь ей остнется одно — терпѣть. Единственнымъ утѣшеніемъ и отрадой ея была церковь, гдѣ она свободна могла выплакать свое горе и укрѣпиться молитвой. Каждую раннюю обѣдню она спѣшила въ божій храмъ, уединялась и крѣпко, крѣпко молилась, прося защиты и помощи. Сначала все замѣчающіе прихожане обратили на нее вниманіе и потирали лобъ, раздумывая, о чемъ молится и плачетъ жена Копьева;

но потомъ, не видя возможности вывести какую нибудь сплетню, перестали чесать языки, увѣряя, что это она «такъ, по глупости, зажирѣла во дворянствѣ, вотъ и привередничаетъ».

— Кто былъ у обѣдни? идутъ разговоры по окончаніи службы.

— Пѣтуховъ былъ; на немъ штаны новые, съ лампасамп.

— Нѣтъ, Кобылихина-то дочка отличилась: пошла прикладываться къ кресту, такъ она раньше всѣхъ выперла.

— Ахъ, бабушки мои! вотъ дура-то!

— Копыиха была.

— Опять, поди, рюмила?

— Извѣстно.

— Эта постоянно реветъ, точно ей дома мѣста нѣтъ, на показъ выносить свои слезы.

— Цѣлую обѣдню стояла на колѣнахъ, да вюнила.

— Мало вѣрно мужъ-то бьетъ... не такъ бы надо, зазналась за благороднымъ...

Особенно тяжело было житье Анны Петровны въ первые годы замужества.. Матвѣй Ивановъ не имѣлъ еще въ это время никакой должности, потому всѣ свои командирскія наклонности онъ обратилъ на жену, ввязываясь въ мелочныя хозяйственныя дразги и стараясь во всемъ найти поводъ къ ссорѣ. Жена, по обыкновенію, молчала, что очень злило поручика, увѣрявшаго, будто она молчитъ только въ его присутствіи, а въ другое время позорить его передъ разными кумушками и сосѣдками, выставляя тираномъ, и проч. и проч. Если и подобныя нелѣпыя обвиненія не развязывали языка бѣдной женщины, Матвѣй Ивановъ прямо доказывалъ, что ей нечѣмъ оправдываться, потому и молчитъ, и устраивалъ домашнюю баталию, считая себя обязаннымъ «учить глупую жену».

Но вотъ Копьевъ получилъ мѣсто частнаго пристава. Часть Анны Петровны нѣсколько облегчилась, потому что дѣла отвлекали мужа отъ дома, почему и поводовъ къ столкновеніямъ было меньше. Скоро родился первый ребенокъ, дочь, Катя. Отецъ былъ недоволенъ и ворчалъ про себя: «ждалъ мальчишку—принесла дѣвчонку,—чортъ знаетъ, что такое!» но радость матери была чрезмѣрна; для нея начиналась новая жизнь, тѣсно связанная съ жизнью ребенка. Забитой,

загнанной, кроткой, уступчивой и нѣжной, Аннѣ Петровнѣ приходилось теперь биться не за собственную шкуру, и грудь отстаивать свое дѣтище. Мягкая, какъ воскъ, и робкая, какъ птичка, она съ желѣзной настойчивостью и удивительной храбростью разрушала планы мужа, руководя воспитаніемъ ребенка по собственному опыту, и въ концѣ концовъ, поруганная, втопанная въ грязь, все-таки съ удовольствіемъ видѣла, какъ дочь идетъ одною дорогою съ нею, повинуваясь природному уму матери, а не отцовскому самодурству. Когда, глѣть черезъ семь-восемь, родился второй ребенокъ, сынъ Ваня, довольный Матвѣй Ивановичъ обратился къ женѣ съ такою рѣчью:

— Ну, ужъ этого и не думай забрать въ свои руки, потому что будетъ съ тебя: дочь ужъ развратила.

— Да чѣмъ же? скажи, ради Бога!

— Какъ чѣмъ?.. Ты еще спрашиваешь: чѣмъ?.. Развѣ ты не видишь, что она вся въ тебя вышла, и меня вовсе не слушаетъ? Развѣ ты не видишь, что когда я велю дѣлать одно, она дѣлаетъ другое, что тебѣ угодно? Развѣ ты не видишь, что она потеряла всякій страхъ?.. О, Богъ тебя покараетъ за то, что возстановила ты дочь противъ роднаго отца, что не позволила мнѣ научить ее уму-разуму, а давала во всемъ поблажку, да начинала сама разными мерзостями! восклицалъ поручикъ, чувствуя себя вполне побѣжденнымъ и въ крайнемъ случаѣ хватаясь за Бога. Если же ты меня не послушаешься, и этого приберешь къ рукамъ, такъ я знаю, что сдѣлать... какъ выростетъ, сейчасъ лобъ забрѣю: не нужно мнѣ хамова отродья!

Первыя впечатлѣнія Вани были очень неразнообразны и ограничивались предѣлами отцовскаго двора, гдѣ особенно любовью ребенка пользовалась куча песку, въ которой цѣлые дни возился мальчикъ. Куры и горластый, страшный пѣтухъ были первые знакомцы и друзья его, непосредственно слѣдовавшіе за матерью и няней. Лошади и корова казались ребенку какими-то ужасными существами, смотрѣть на которыхъ можно было только подъ защитою няни или въ щелку высокаго деревяннаго крыльца, куда онъ отважно совершалъ путешествіе на четверенькахъ. Отца Ваня не любилъ, потому что

усы, которые нравились ребенку, торчали такъ высоко, что не достанешь, а если и удавалось когда достать, то смѣльчака били по рукамъ, приговаривая что-то непонятное и грозное такое. Мать—та была добрѣе; ея шелковистые черные волоса Ваня трепалъ съ наслажденіемъ, припѣвая и смѣясь, за что его не только не били, но даже осыпали поцѣлуями и посматривали такъ ласково большими голубыми глазами, что маленькому драчуну даже досадно становилось и очень хотѣлось разбить эти два свѣтлыя окошечка. Но няня была лучше всѣхъ... Куда бы не захотѣлъ пойти Ваня, обвиснувши на ея плечахъ, няня шла безпрекословно; что бы не захотѣлъ онъ достать, няня сейчасъ готова на помощь. Няня кормила его такими сладкими, хорошими кушаньями, какпхъ никогда не давала мама; няня пошла какимъ-то пріятнымъ, усыпляющимъ питьемъ, носила куда-то далеко со двора, гдѣ Ваня сначала дрожалъ отъ страха, видя вокругъ незнакомыя, страшныя фізіономіи, но потомъ привыкалъ и по долгу заспживался на рукахъ постороннихъ людей, въ то время, какъ няня уходила на часокъ другой.

Лѣтъ пяти-шести Ваня почти освободился отъ надзора: на рукахъ и колѣнкахъ появились ссадины, платье почему-то изнашивалось и пачкалось гораздо болѣе прежняго. Ему мало было въ это время отцовскаго двора, и мальчикъ всѣми силами рвался на улицу, на Волгу, на сосѣдній дворъ, откуда доносился стукъ бабокъ, крики: *постропаемся! не люзь, жила! битку ставь на конз!* и проч., вопли обиженныхъ, брань обидчиковъ, и т. д. Въ шелку забора мальчикъ успѣлъ уже подсмотреть кое-что очень любопытное. Видѣлъ, напримѣръ, какъ играютъ въ бабки, какъ въ мячъ, какъ катаютъ шары, дерутся на кулачки, и много подобныхъ штукъ запримѣтилъ Ваня,—но какъ познакомиться съ игроками, вотъ вопросъ. Ваня бѣжитъ къ нянѣ.

— Няня, милая, мнѣ съ мальчиками поиграть хочется... Я пойду.

— Куда ты пойдешь, батюшка. Развѣ можно благородному съ мужиками играть!

— Да, ну!

— Что нукаешь-то. Нельзя, нельзя.

Ваня въ первый разъ догадался, что тутъ нужно обратиться къ человѣку, знакомому съ подобнымъ дѣломъ, а не къ нянѣ, которая ничего не смыслить; онъ тотчасъ побѣжалъ къ кучеру Максиму, объяснилъ ему свое желаніе и просилъ помощи.

— Это дѣло плевое, сейчасъ обзорудуемъ, изрекъ Максимъ и позвалъ мальчишекъ во дворъ — *пошрать съ барченкомъ*.

Отсюда и начинается дружба Вани съ Максимомъ и болѣе широкая жизнь ребенка.

М. Верещагъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КУКОЛЬНАЯ ТРАГЕДІЯ

съ

БУЖЕТОМЪ ГРАЖДАНСКОЙ СКОРВИ.

I.

Въ каждой изъ нашихъ журнальныхъ партій есть неисправимые фразеры, которымъ никогда въ жизни не случилось произести на свѣтъ ни одной самостоятельной мысли. Эти господа въ своихъ произведеніяхъ самымъ усерднымъ и добросовѣстнымъ образомъ обезцвѣчиваютъ ту идею, которая даетъ имъ насущный хлѣбъ, но этимъ не огривается ихъ дѣятельность. По самолюбію, свойственному всякой бездарности, они непременно желаютъ высказывать руководящую идею «своими словами», изобрѣтаютъ сами различныя приставки и украшенія, воплощаютъ идею въ каррикатурные образы, и наконецъ доводятъ ее до такого жалкаго безсилія, что всѣмъ мыслящимъ защитникамъ этой идеи приходится или краснѣть за своихъ непрошенныхъ союзниковъ, или отталкивать ихъ отъ себя съ тѣмъ суровымъ презрѣніемъ, съ которымъ Базаровъ относится къ своему обожателю Ситникову. Большая часть нашихъ второстепенныхъ беллетристовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ различныхъ журналахъ, принадлежатъ къ числу самыхъ отъявленныхъ каррикатурныхъ идей. Ихъ романы и повѣсти сшггаются обыкновенно на живую нитку по выкройкамъ послѣдней моды, а модною выкройкою служить для нихъ критическій отдѣлъ того журнала, для котораго они работаютъ. Люди, событія, положенія—все это задумывается

по данной программѣ, и кромѣ того, самая программа понимается изъ пятого въ десятое, или, вѣрнѣе, отражается въ творческомъ умѣ беллетриста съ тою неподражаемою ясностью и отчетливостью, съ какою человѣческая физіономія можетъ отразиться въ дешевой зеркалаѣ, покрытомъ пузырями. Много у насъ такихъ беллетристовъ, и велики труды ихъ, но, мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи никто не можетъ сравниться съ г. Н. Станицкимъ, по милости котораго почтенный «Современникъ» такъ часто нагружается раздирательными романами. Бываютъ бездарности тихія, скромныя, почти пріятныя по своей безобидности; но бываютъ и другія бездарности, лютыя, буйныя, изъясляющія притязаніе на смѣлость мысли, на пыкость чувства, на ширину умственного развитія, на свѣжесть и бѣдность юмора, и на разныя другія хорошія вещи, которыя навсегда остаются для нихъ недоступными. По произведеніямъ г. Станицкаго намъ будетъ очень удобно изучать типъ фразера, маскирующаго свою умственную бѣдность крикомъ и жестыгуляціею. Изученіе г. Станицкаго особенно интересно для насъ потому, что этотъ писатель постоянно работаетъ для «Современника», и постоянно уродуетъ своимъ фразерствомъ свѣтлыя и широкія идеи, которыя развивали въ этомъ журналѣ дѣйствительно мыслящіе и дѣльные люди. Если бы какой нибудь усердный писатель уродовалъ идеи «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Вѣстника», то подобное занятіе можно было бы назвать безвреднымъ толченіемъ воды, потому что въ этихъ непочтеннѣйшихъ журналахъ, по нашему крайнему разумѣнію, нечего уродовать, и еще потому, что ихъ изуродованную идею могутъ отличить отъ неизуродованной только самые опытные эксперты. Но искажать идеи Добролюбова и людей близкихъ къ нему, обезцвѣчивать эти идеи невинною болтовнею, или опешлять ихъ мелодраматическимъ риторствомъ— это уже выходитъ изъ границъ позволительной шутки, и противъ такихъ упражненій критика должна принимать болѣе серьезныя мѣры. Она должна подвергнуть произведенія свирѣпствующаго фразера строгому и тщательному изученію, чтобы показать и доказать публикѣ, что между фразерами и настоящими мыслителями, стоящими, по видимому, подъ однимъ знаменемъ, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей умственной солидарности. Такого рода операцію я намѣренъ произвести надъ авторскою личностью г. Станицкаго, и я твердо убѣжденъ въ томъ, что лучшіе, мыслящіе сотрудники «Современника» въ душѣ скажутъ мнѣ спасибо за

эту дружескую услугу. Имъ самимъ, конечно, неловко говорить горькія истины своему старому и постоянному сподвижнику, но когда эти истины будутъ высказаны постороннимъ человѣкомъ, тогда это, навѣрное, доставитъ имъ большое удовольствіе, потому что они, разумѣется, понимаютъ очень хорошо, что дубовый трагизмъ г. Станицкаго, подобно невинному юмору г. Щедрина, только сбиваетъ съ толку читателей и вредитъ уясненію настоящей идеи журнала. Итакъ, пускаюсь въ путь и принимаюсь за разборъ романа «Женская доля». Я буду слѣдить за каждымъ шагомъ нашего романиста, потому что въ развитіи подробностей г. Станицкій еще болѣе прелестенъ, чѣмъ въ общей концепціи своихъ произведеній.

II.

Въ селѣ Григорьевкѣ живетъ помѣщица Анна Антоновна, женщина пожилая и болѣзненная; у нея шестнадцатилѣтняя дочь, Софья Григорьевна. Мужъ Анны Антоновны, Григорій Андреевичъ, живетъ въ Петербургѣ и пользуется безпредѣльною ненавистью г. Станицкаго. Впрочемъ, эту ненависть раздѣляютъ съ Григоріемъ Андреевичемъ почти всѣ остальные дѣйствующія лица романа. Почти всѣ они—гнусные люди, и выведены на сцену особенно для того, чтобы ихъ пороки давали обильную пищу великодушному негодованію и ювеналовскому краснорѣчію пылкаго романиста. Предо мною лежитъ въ настоящую минуту мартовская книжка «Современника» за 1862 годъ; она раскрыта на стр. 48 перваго отдѣла, и я усматриваю въ этомъ мѣстѣ пылкую ненависть г. Станицкаго къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ его романа.

Вслѣдъ за тѣмъ, я отправляюсь въ «Современное Обзорніе» той же книжки, и на стр. 68 читаю слѣдующія строки: «Онъ питаетъ какую-то личную ненависть и неприязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую нибудь обиду и пакость, и онъ старается отмстить имъ на каждомъ шагу, какъ человѣкъ лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ съ дурно-скрываемымъ злорадствомъ, и только для того, чтобы унижить героя въ глазахъ читателей: «посмотрите, дескать, какіе негодяи мои враги и противники». Онъ дѣтски радуется, когда ему удастся уколоть чѣмъ нибудь пелюбимаго

героя, состричь надъ нимъ, представить его въ смѣшномъ или пошломъ и мерзкомъ видѣ; каждый промахъ, каждый необдуманный шагъ героя пріятно щекочетъ его самолюбіе, вызываетъ улыбку самодовольствія, обнаруживающую гордое, но мелкое и негуманное сознание собственнаго превосходства.» Все это говорить г. Антоновичъ въ той статьѣ, въ которой онъ провелъ очень неудачно параллель между Тургеневымъ и г. Аскоченскимъ; все это онъ говорить по поводу отношеній Тургенева къ Базарову, и все это разсужденіе, совершенно неподходящее къ роману «Отцы и дѣти», обрисовываетъ чрезвычайно вѣрно отношенія, существующія между г. Станицкимъ и его героями. Изъ приведенной цитаты мы видимъ, что первый критикъ «Современника» рѣшительно осуждаетъ личную вражду автора къ его героямъ, а такъ какъ романъ г. Станицкаго весь построенъ на такой враждѣ, то ясно, что этотъ романъ не можетъ нравиться г. Антоновичу, и что между беллетристкой и критикой «Современника» происходитъ очевидный разладъ. Слѣдовательно, нападая на г. Станицкаго, я буду постоянно нападать не на идеи «Современника», а на такія уклоненія и недѣльности, къ которымъ каждый дѣльный сотрудникъ этого журнала долженъ относиться съ пасмѣшкою и съ презрѣніемъ. Что хорошо въ «Современникѣ», то мы всегда будемъ считать хорошимъ, не смотря ни на какія полемическія столкновенія между нашими журналами; но что составляетъ въ «Современникѣ» гнилой хламъ и вредный балластъ, того, навѣрное, не рѣшится защищать ни одинъ изъ мыслящихъ дѣятелей этого журнала». Возвращаясь къ г. Станицкому. Григорій Андреевичъ ведетъ въ Петербургѣ самую безнравственную жизнь, содержитъ лоретку, играетъ и пьянствуетъ. Добравшись до этого порочнаго человѣка, авторъ немедленно пускаетъ въ ходъ свое краснорѣчіе, и цитируетъ слишкомъ на четырехъ страницахъ. На этихъ краснорѣчивыхъ страницахъ есть и психологическій анализъ, и разсужденія о междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Мысли какъ-то плохо вяжутся между собою, но за то пылкости очень много, и всѣ сужденія выражаются преимущественно въ рослициательной формѣ, при чемъ произносятся весьма затѣйливые переливы изъ проницательнаго тона въ тонъ завывающаго негодованія. По части психологическаго анализа особенно любопытно то соображеніе, «что эгоистическія натуры неспособны ни къ какимъ привязанностямъ, если ими не руководитъ чувственная страсть, для удовлетворенія которой онѣ могутъ, пожалуй, на

время прикинуться порядочными людьми, но какъ только эта страсть миновалась, онѣ снова начинаютъ питать непримиримую вражду къ тѣмъ, кто ждетъ отъ нихъ человѣческихъ чувствъ». (Стр. 49). Ясно, кажется, что эгоистъ есть мерзкое и лютое животное. Дальше оказывается даже, что «грязные, развратные эгоисты готовы побить камнями каждаго отца, если онъ захочетъ воспитать свою дочь не куклой, а матерью будущихъ гражданъ». (Стр. 52). А еще дальше—по пословицѣ, чѣмъ дальше въ лѣсъ тѣмъ больше дровъ—авторъ заявляетъ даже, что эгоистовъ могутъ усмирить только «желѣзные кольца, продѣтыя въ ихъ ноздри: только тогда они безсильны проявлять свою звѣрскую силу надъ слабыми» (Стр. 58). Все это читатель «Современника» усваиваетъ себѣ въ мартѣ 1862 года. Вдругъ въ мартѣ 1863 года происходитъ перемяна декораций: появляется романъ «Что дѣлать?» и читатель съ удивленіемъ усматриваетъ, что бываютъ и такіе эгонсты, съ которыми можно вступать въ сношенія безъ помощи желѣзнаго кольца. Оказывается, что эти эгоисты никого не стремятся побить камнями, непримиримой вражды не питаютъ, и даже порядочными людьми никогда не прикидываются. Читатель недоумѣваетъ, и наконецъ склоняется на сторону романа: «Что дѣлать?» потому что дѣйствіе сильнаго и свѣтлаго ума почти всегда бываетъ неотразимо. Но вѣдь безхитростный читатель не привыкъ вдумываться въ то, что онъ читаетъ; онъ не умѣетъ сразу усвоивать себѣ навсегда вѣрныя мысли. Романъ «Что дѣлать?» оставилъ, быть можетъ, въ его умѣ болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ другіе романы, но все-таки этотъ слѣдъ изгладится очень быстро, если его никто не будетъ подновлять дальѣйшими впечатлѣніями изъ того же міросозерцанія. А ужъ какое тутъ можетъ быть подновленіе, когда черезъ годъ г. Станицкій, того и гляди, разразится новымъ романомъ, въ которомъ опять соединитъ семинарскую психологію съ звѣрищемъ Крейцберга! Спрашивается теперь, какое же право имѣютъ мыслящіе представители нашей литературы требовать отъ нашего общества нравственности и умственной стойкости, сознательной инициативы и послѣдовательности въ мысляхъ и поступкахъ? Если лучшій изъ нашихъ журналовъ шатается изъ стороны въ сторону, безо всякой надобности тормозитъ свое собственное вліяніе, и самого себя сбиваетъ съ ногъ, если, такимъ образомъ, въ самую лабораторію русской мысли забираются разныя умственные нечистоты, если «соль земли» сама себя пакоститъ, то можемъ ли мы ожи-

дать каких нибудь болѣе утѣшительныхъ результатовъ отъ той пестрой и разнокалиберной массы, которая называется русскою публикою? Я знаю, что мнѣ на это могутъ возразить. Мнѣ скажутъ, что вѣдь это — беллетристика, и что въ отношеніи къ этому отдѣлу слѣдуетъ быть болѣе снисходительнымъ, чѣмъ въ отношеніи къ критикѣ, къ политикѣ, и къ прочимъ серьезнымъ отдѣламъ журнала. Почти всѣ журналисты на практикѣ придерживаются этой методы, но мнѣ кажется, что такой взглядъ на дѣло сильно отзывается самымъ близорукимъ рутинерствомъ. Если повѣсти и романы не имѣютъ для публики важнаго значенія, то есть, если они читаются мало и неохотно, тогда не за чѣмъ набивать бесполезнымъ балластомъ половину книжк. Если же они читаются большинствомъ, тогда они важнѣе всѣхъ остальныхъ отдѣловъ, и сохранять свое значеніе до тѣхъ поръ, пока большинство не доростетъ до серьезнаго чтенія. Стало быть, надо или сократить размѣры этого отдѣла, или смотрѣть на него во всѣ глаза, чтобы въ него не залѣзало всякое безобразіе. Но дѣлать то, что мы теперь дѣлаемъ, то есть, держать при журналахъ огромные беллетристическіе отдѣлы, и, въ то же время, вести эти отдѣлы, спустя рукава, устраивать въ нихъ богодѣльни для разныхъ умственныхъ убогостей, — это уже просто ни на что непохоже. Это нерасчетливо въ отношеніи къ интересамъ издателя, это вредно для литературы, и это чрезвычайно недобросовѣстно и невѣжливо въ отношеніи къ читающей публикѣ. Если плохо пишутъ отечественные художники — помѣщай переводы, но не поощряй бездарности, и не развивай этого умственнаго тушеядства. Кромѣ того, сильный и любимый журналъ можетъ понемногу совершенно перевоспитать вкусъ публики, и приучить ее къ дѣльному и серьезному чтенію, такъ что беллетристическій отдѣлъ можно будетъ довести до самыхъ крошечныхъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы продѣвать эгоистамъ желѣзные кольца въ поздри, было бы гораздо лучше заняться чѣмъ нибудь менѣе лютымъ, но болѣе полезнымъ для читателей.

III.

Карая безнравственность Григорія Андреевича и его лоретки, г. Станцкій, при семъ удобномъ случаѣ, прохаживается на счетъ эманципаціи женщинъ, и все это въ восклицательномъ и афористическомъ

комъ тонѣ. «Чего же, взываетъ нашъ Цицеронъ, вы можете ждать, бѣдныя, честныя женщины, въ жизни? Вы развѣ не видите, какъ нагло покровительствуется сознательный развратъ и какъ позорно наказываютъ вашъ проступокъ, вынужденный страхомъ и стыдомъ, а также и неопытностью. И не ждите ничего пока отъ эманципациі женщинъ! Это проповѣдываніе такъ же бесплодно, какъ и состраданіе къ челоувѣчеству, о которомъ такъ давно и много толкуютъ. И развѣ вы не видите, что женщина, увлекавшаяся эманципациею и отдававшаяся мужчинѣ безъ всякихъ гражданскихъ условій, развѣ она не гибнетъ также въ унижительномъ рабствѣ, — и въ придачу еще опозоренная!» (Стр. 50). Дальше идетъ все въ томъ же возвышенномъ направленіи, но съ насъ довольно и этого образчика, тѣмъ болѣе, что намъ придется еще потрудиться довольно долго надъ распутываніемъ нагороженной здѣсь чепухи. Подъ названіемъ *проступка* г. Станиціей разумѣтъ *дѣтубійство*. Онъ противопоставляетъ позорное наказаніе этого *проступка* тому *наилучшему покровительству*, которымъ пользуется *сознательный развратъ* соблазнительей. Какъ ораторская рулада, это противоположеніе, можетъ быть, очень красиво и эффектно, но смысла въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго. Г. Станиціей желаетъ, по видимому, чтобы въ случаѣ дѣтубійства вмѣстѣ съ матерью ребенка наказывался и его отецъ; или онъ желаетъ, чтобы въ этомъ случаѣ наказывался одинъ отецъ; или же наконецъ, онъ желаетъ, чтобы всякій отецъ незаконнорожденнаго ребенка подлежалъ уголовному наказанію, хотя и не произошло никакого дѣтубійства. Всѣ эти три желанія очень великодушны и еще болѣе остроумны. Разные французскіе романисты и моралисты, очень добродѣтельные и очень пустоголовые, постоянно эксплуатируютъ въ своихъ произведеніяхъ избитую тему на счетъ *infame séducteur* и *innocente victime*, и постоянно призываютъ на голову перваго небесный громъ и уголовную кару; но, если бы составить изъ всѣхъ этихъ призывателей комитетъ, и предоставить этому комитету полную законодательную власть по дѣламъ между *séducteur*'ами и *victim*'ами, то всѣ эти добродѣтельные люди убѣдились бы очень скоро, что они говорили совершенные пустяки. Во-первыхъ, не можетъ быть никакихъ ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ на то, что именно Иванъ, а не Петръ, долженъ считаться отцомъ ребенка. Римскіе юрисконсулты говорятъ совершенно основательно, что *mater semper est certa* (мать всегда достоверно извѣстна); но объ отцѣ этого никакъ нельзя ска-

зять, а осуждать чело́вѣка по догадкамъ — это было бы ужь чрезчу́рь игриво. Во-вторыхъ, женщина наказывается не за безнравственность, а за истребленіе живаго чело́вѣческаго существа, и если любовникъ этой женщины не принимаетъ прямого участія въ этомъ послѣднемъ поступкѣ, то его и наказывать не за что. Г. Станицкій скажетъ на это, что коварный любовникъ есть прямая причина дѣтоубійства, но это возраженіе нигуда не годится. Если судъ долженъ, такимъ образомъ, восходить къ причинамъ, то ему придется наказывать за дѣтоубійство не только отца и мать убитаго ребенка, а еще и многихъ другихъ людей. Придется наказывать родителей и воспитателей матери за то, что они сдѣлали ее легкомысленною, за то, что они не познакомили ее съ дѣйствительною жизнью, и скрыли отъ нея даже тѣ естественныя послѣдствія, которыя ведетъ за собою взаимная и неплатоническая любовь. Придется наказывать такъ же всѣхъ тѣхъ людей, по милости которыхъ отецъ ребенка сдѣлался коварнымъ обольстителемъ угнетенной невинности. Можно себѣ представить, на сколько подобное восхожденіе къ причинамъ благоразумно и приложимо къ условіямъ дѣйствительной жизни. Если же г. Станицкій негодуетъ только противъ жестокости и несправедливости тѣхъ позорныхъ наказаній, которыя обрушиваются на женщину, обезумѣвшую отъ стыда, горя, страха и физической боли, то я конечно не буду съ нимъ спорить, потому что моя аргументація приводитъ меня именно къ этому результату. Но тогда не за чѣмъ кричать о *наломѣ покровительства*, потому что тутъ нѣтъ ни наглости, ни покровительства, а есть только не вмѣшательство закона въ такія дѣла, въ которыя онъ не можетъ вмѣшаться, и въ которыя ни одинъ здравомыслящій чело́вѣкъ не пожелаетъ его впутывать. Стало быть эффектная аптитеза г. Станицкаго оказывается или бессмысленной фразой, или совершенно превратнымъ разсужденіемъ, заключающимся въ тому общему выводу, что общественные пороки должны излечиваться уголовными наказаніями. Это выходитъ опять въ родѣ продѣванія желѣзныхъ колець для облагораживанія эгонстическихъ натуръ. Что подразумѣваетъ г. Станицкій подъ терминомъ: «эманципація женщинъ» — это вопросъ очень мудреный, но кажется мнѣ, что его понятія объ этомъ предметѣ такъ же ясны и основательны, какъ и всѣ остальные его воззрѣнія. Честныя женщины, по его мнѣнію, не должны ничего ждать отъ эманципаціи, потому что «женщина, увлекавшаяся эманципаціею и отдававшаяся мужчинѣ безъ всякихъ граждан-

скихъ условій, позорится и гибнетъ въ унижительномъ рабствѣ». Ну вотъ, скажите пожалуйста: постоянный сотрудникъ «Современника» разсуждаетъ такимъ образомъ объ эманципаціи женщинъ, и въ это самое время г. Антоновичъ дѣлаетъ Тургеневу строжайшій выговоръ за Евдокію Кукшину. Нельзя сказать, чтобы Кукшина была одарена гениальнымъ умомъ, но объ эманципаціи женщинъ эта барыня разсуждаетъ гораздо основательнѣе г. Станицкаго. Нечего дѣлать: давайте распутывать чепуху, прикрытую почтенною фпрмою. Во-первыхъ, осмѣлюсь замѣтить, что когда женщина отдается мужчйнѣ безъ условій, тогда она обыкновенно увлекается любовью къ этому мужчйнѣ, а не эманципаціею. Если же женщина отдается мужчйнѣ во имя идеи и по теоріи, то мнѣ кажется, что такая женщина дура набитая, глупѣ всякой Кукшиной, а дурѣ, конечно, никакая эманципація не можетъ пойти въ прокъ. Г. Станицкій, очевидно, понимаетъ эманципацію исключительно съ точки зрѣнія половыхъ отношеній. Честная женщина, по мнѣнію его, гибнетъ, когда отдается «грязному, развратному эгоисту». Прекрасно. Но за чѣмъ же она отдается такому недостойному человѣку? За чѣмъ она въ него влюбляется? За чѣмъ она суется въ воду, не спросясь броду? Что ее, приворотнымъ зельемъ, что ли, приколдовываютъ? Влюбляется она потому, что неопытна, неразвита, не умѣетъ размышлять, не имѣетъ понятія о настоящемъ достоинствѣ человѣка, не можетъ поставить, при встрѣчѣ съ мужчиною, ни одного разумнаго требованія. Женщина отдается мужчйнѣ и ошибается въ немъ: что же это значить? Значить, что она не знала ни его характера, ни склада его ума, ни уровня его развитія. Спрашивается, что же она знала, и чему же она отдавалась? Ясно что, и ясно чему: знала мужчину, — и отдавалась тоже мужчйнѣ, и въ этомъ отношеніи ошибки не произошло. А что можетъ избавить будущія поколѣнія женщинъ отъ подобныхъ пошлостей? Мнѣ кажется, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: широкое развитіе умственныхъ способностей, и экономическая самостоятельность, то есть, именно эманципація женщины, проведенная въ ея воспитаніе и въ сферу женскаго труда. Но г. Станицкій думаетъ совсѣмъ по своему. «Пока, глаголетъ онъ, сами мужчины не сдѣлаются нравственнѣе — никакая эмансипація женщинъ невозможна». (Стр. 51.) Это «пока», равняется совершенному отрицанію эманципаціи. На это «пока» можно отвѣчать другимъ «пока». Пока женщины не перестанутъ быть

невинными и легкомысленными жертвами, до тѣхъ поръ мужчины не перестанутъ быть коварными обольстителями, потому что — извѣстное дѣло — не клади плохого, не вводи вора въ грѣхъ. Положимъ, что Иосифъ прекрасный убѣждалъ отъ жены Пентеорія. Но вѣдь всякому извѣстно, что такія добродѣтели даже въ древности были рѣдки, а ужъ въ наше время было бы черезъ-чуръ неосторожно воздвигать на такихъ исключительныхъ добродѣтеляхъ будущее зданіе женской эманципации. Кромѣ того, мужчины уже и теперь стоятъ далеко впереди женщинъ по своему умственному развитію; всякій *нравственный* прогрессъ возможенъ только подъ условіемъ дальнѣйшаго *умственного* прогресса, и если г. Стапницкій не знаетъ этой простой истины, то мнѣ остается только пожалѣть о его невѣденіи. Стало бытъ, если мужчины должны сдѣлаться нравственнѣе, то это значить, что они должны сдѣлаться умнѣе, и что, вслѣдствіе этого, разстояніе между мужчинами и женщинами должно еще болѣе увеличиться. Но мы видимъ, что разладъ между мужчинами и женщинами уже и теперь очень силенъ; мы видимъ, что матери, сестры, жены, невинныя дѣвушки и *наилыя лоретки*, словомъ, женщины вообще, чрезвычайно сильно тормозятъ развитіе мужчинъ, и, по своей умственной несостоятельности, постоянно тянутъ назадъ, въ застои и въ рутину, тѣхъ мужчинъ, которые не одарены желѣзною твердостью характера. Можно сказать безошибочно, что *филистерство* родилось у семейнаго очага, и что холостякъ никогда неспособенъ сдѣлаться такимъ чистокровнымъ филистеромъ, какимъ становится, рано или поздно, почти каждый добродѣтельный отецъ семейства. Поэтому не трудно понять, что дальнѣйшій прогрессъ мужчины связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ вопросомъ объ умственномъ развитіи женщины. И всякія разсужденія о томъ, кому надо унѣтъ сначала, мужчинамъ или женщинамъ, напоминаютъ только старинный натурфилософскій вопросъ о томъ, что раньше произошло на свѣтъ, яйцо или курица. Съ одной стороны, если — яйцо, то къъмъ же это первое яйцо было снесено? А съ другой стороны, если курица, то откуда же эта первая курица взялась? Выходить, стало бытъ, что, по настоящему, не могли производти на свѣтъ ни ^{и курица} ни яйцо, и что слѣдовательно на свѣтъ не можетъ бытъ ни куръ, ни ^{и яйцо} яйцо, что, по видимому, противорѣчить прямымъ указаніямъ вседневногo опыта. Такъ точно и въ дѣлѣ прогресса. Если бы прогрессъ не совѣдался самъ собою, помимо всякихъ теоретиче-

снихъ выкладокъ, то, разумѣется, вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ двинуться впередъ, мужчинамъ или женщинамъ, на практикѣ оказался бы неразрѣшимымъ. Мужчины стали бы говорить: *place aux dames!*, а женщины стали бы говорить: *messieurs*, мы слабый полъ; ступайте впередъ, и тащите насъ за собою; и всѣ вмѣстѣ остановились бы въ полной неподвижности, и начали бы упрекать другъ друга за неудачу поступательнаго движенія. Все это непременно случилось бы, если бы прогрессъ завистѣлъ отъ нашихъ разсужденій; мы постоянно вертѣлись бы въ заколдованномъ кругу, въ которомъ одно неудобство поддерживается всѣми остальными, и въ которомъ надо непременно или все разомъ двинуть впередъ, или все оставить на вѣчныя времена въ первобытномъ положеніи. Въ теоріи мы и не знаемъ, какъ же это все разомъ двинуть, но на практикѣ все двигается разомъ, потому что каждый отдѣльный кусочекъ этого всего, то есть, каждая отдѣльная личность, мужскаго или женскаго пола, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется эгоизмомъ, то есть, старается устроить свою жизнь, какъ можно пріятнѣе. Подчиняясь этому общему двигателю всего органическаго міра, каждый отдѣльный кусочекъ шевелится въ томъ или въ другомъ направленіи, и сумма всѣхъ этихъ частичныхъ шевеленій создаетъ общій прогрессъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій регрессъ или упадокъ, потому что все зависитъ отъ того, въ какую сторону направляется большинство индивидуальныхъ стремленій. Но, разумѣется, для г. Станицкаго, считающаго наглость лоретокъ и жестокость развратныхъ эгоистовъ самыми серьезными препятствіями на пути отечественнаго преуспѣянія, для г. Станицкаго, говорю я, правильное пониманіе прогресса останется навсегда недоступнымъ, и онъ постоянно будетъ утруждать свою творческую мысль разными многозначительными «пока». Всего интереснѣе то, что этотъ Кифа Мокіевичъ, составляющій для «Современника» чистое божеское наказаніе, принимаетъ самого себя за серьезное явленіе, и чувствуетъ поползновеніе сдѣлаться наставникомъ молодаго поколѣнія. «Я долженъ оговориться, замѣчаетъ онъ, что я пишу этотъ романъ для юношей, которые вступаютъ только въ общество, а потому, по неопытности, часто увлекаются рутинными, вредными понятіями о многихъ вещахъ, — тѣмъ болѣе вредными, что эти понятія усвоены большинствомъ.» (Стр. 52). Неопытные юноша! Что вы на это скажете? Молодое поколѣніе! Какъ вамъ правится такой глупокомысленный просвѣтитель? Такимъ образомъ, мы познакомились

до нѣкоторой степени съ краснорѣчіемъ г. Станицкаго, съ его претензіями, и вообще съ тѣмъ элементомъ фразерства, который я назвалъ въ заглавіи этой статьи «букетомъ гражданской скорби». Намъ, можетъ быть, придется еще встрѣтиться съ различными проявленіями этого элемента, но теперь мы обратимъ наши взоры на «букольную трагедію», и начнемъ серьезно и добросовѣстно изучать страданія, размышленія и злодѣянія различныхъ добродѣтельныхъ и почтенныхъ, и притомъ сілошь деревянныхъ, маріонетокъ.

IV.

Анна Антоновна скрываетъ отъ своей дочери неудовлетворительное поведеніе ея отца, но дочь, придя въ возрастъ, догадывается, что между родителями все обстоитъ не весьма благополучно. Она желаетъ примирить Григорія Андреевича съ супругою, и говоритъ матери: «почему ты не пишешь отцу, чтобъ онъ ѣхалъ къ намъ?» Аннѣ Антоновнѣ на этотъ вопросъ отвѣчать неудобно, и потому она рѣшается писать къ своему незаконному сожителю пригласительное письмо. Софья Григорьевна также пишетъ, и безпутная глава семейства возвращается къ своимъ пенатамъ, но возвращается не одна, а привозитъ съ собою молодого человѣка, Петра Васильевича, также очень безпутнаго, и чрезвычайно ненавистнаго г. Станицкому. Вотъ тутъ-то и начинается трагическое раздирательство.

Въщее сердце матери угадываетъ въ молодомъ гостѣ коварнаго обольстителя, и Анна Антоновна очень возмущается его прибытіемъ и его долговременнымъ присутствіемъ въ селѣ Григорьевкѣ, но злокачественный супругъ ея, *на зло ей*, удерживаетъ опаснаго юношу, и даже старается сблизить его съ дочерью. Впрочемъ, у молодыхъ людей это дѣло идетъ на ладъ помимо всякихъ постороннихъ вліяній. Все это вмѣстѣ очень беспокоитъ г. Станицкаго. «Да и чѣмъ было возмущаться Аннѣ Антоновнѣ?» восклицаетъ онъ съ явными претензіями на самую горькую и язвительную иронию. «Развѣ тѣмъ, что молодой человѣкъ говорилъ съ ея дочерью все о поэзіи и объ идеальныхъ предметахъ; или тѣмъ, что онъ, по цѣлымъ ночамъ, игралъ въ карты и пилъ импешество вина съ ея мужемъ; или тѣмъ, наконецъ, что онъ вздыхалъ, какъ страстно влюбленный, въ присутствіи барышни, и въ то же время искалъ случая соблазнить молоденькую и хорошенькую горячаву?»

этой же самой барышни?» (Стр. 60). Читатель видитъ, что молодой человѣкъ дѣйствительно ведетъ себя неблагоправно. Соблазнять молодыхъ горничныхъ вовсе непохвально, а пить *множество* вина изъ рукъ вонъ не хорошо, потому что это послѣднее занятіе не только унижаетъ человѣческое достоинство, но даже противорѣчить духу и требованіямъ русскаго языка. Впрочемъ, я полагаю, что молодой человѣкъ пилъ вино не множествомъ, а рюмками или стаканами, и поэтому мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ половина грѣха должна упасть на авторскую совѣсть г. Станицкаго. Петръ Васильевичъ во всякомъ случаѣ рекомендуетъ себя плохо, но я хорошенько не понимаю, почему его порочныя наклонности огорчаютъ Анну Антоновну. Вѣдь она вовсе не желаетъ, чтобы онъ женился на ея дочери. Стало быть, чего же лучше? Позвала бы она къ себѣ свою дочь, да и рассказала бы ей по порядку, что вотъ онъ вчера выпилъ «множество вина», а третьяго дня строилъ куры какой нибудь Натальѣ или Палагеѣ. Можно было бы представить на лицо самыя убѣдительныя доказательства, напримѣръ, свидѣтельство буфетчика и обольщаемой горничной. Тогда Софья Григорьевна поняла бы настоящую цѣну любовныхъ вздоховъ и поэтическихъ разговоровъ, и такимъ образомъ обольстительный ядъ потерялъ бы всю свою роковую силу. Но маріонеткамъ кукольной трагедіи подобное разрѣшеніе практическихъ вопросовъ не нравится, потому что оно слишкомъ просто и благородно. Анна Антоновна воспитывала свою дочь въ счастливомъ невѣдѣніи дѣйствительной жизни; послѣ приѣзда молодаго гостя она «сознала вполне страшную ошибку», но отъ этого сознанія дѣло нисколько не поправилось, и эта остроумная барыня, вмѣсто того, чтобы сразу открыть глаза своей наивной дочери, начала предаваться какимъ-то неяснымъ размышленіямъ, которыя я могу сообщить читателю не иначе, какъ собственными словами г. Станицкаго. «Анна Антоновна сама находила, что было бы гораздо лучше, если бы ея дочь теоретически ознакомилась съ развратомъ общества, съ его лицемѣрствомъ и эгоизмомъ, чѣмъ переиспытала все это на практикѣ, рискуя самой попасть въ этотъ грязный потокъ дѣйствительной жизни, который умчитъ ее и безобразитъ въ водоворотѣ всевозможныхъ пороковъ.» (Стр. 61). Это, я вамъ скажу, чудесная метода знакомиться съ жизнью, и я удивляюсь, какъ до сихъ поръ никто не догадался учредить при нашихъ университетахъ кафедры для *теоретическаго* преподаванія «разврата, лицемѣрства и эгоизма». Не-

дурно было бы также примѣнить эту *теоретическую* методику къ изученію плаванія, верховной ѣзды, фехтованія и стрѣльбы въ цѣль. Результаты получались бы блестящія. Хотя Анна Антоновна *сама* находила, что теоретическая метода очень хороша, однако она, опять таки *сама* начала дѣйствовать противъ Петра Васильевича практическимъ путемъ, и потерпѣла совершенное пораженіе. Она обратилась къ супругу съ требованіемъ, чтобы онъ выпроводилъ своего гостя изъ дома. Супругъ, конечно, обругалъ ее за такое глупое требованіе; тогда она, въ свою очередь, обругала Петра Васильевича; Григорій Андреевичъ, послѣ отъѣзда обруганнаго гостя, сугубо обругалъ Анну Антоновну, и даже пожелалъ увести отъ нея дочь, но дочь не поѣхала, и военныя дѣйствія на нѣсколько времени приостановились. Какимъ образомъ ругалась Анна Антоновна, этого намъ г. Станицкій не сообщаетъ, потому что Анну Антоновну онъ любитъ и всячески выгораживаетъ. Но о Григоріѣ Андреевичѣ мы доподлинно знаемъ, что онъ ругается шибко, кричитъ «неистово», кричитъ «ужасающимъ голосомъ», стучитъ «нво всей силы кулакомъ по столу», и держитъ «кулаки надъ головой несчастной женщины». Результатъ всѣхъ этихъ усилій оказывается въ высшей степени удовлетворителенъ, потому что Анна Антоновна остается безъ чувствъ на полѣ сраженія, хотя сраженіе ограничивалось только краснорѣчіемъ и мимикой; и слѣдовательно, могло, по всей справедливости, называться *теоретическимъ* изученіемъ семейнаго боксерства. Когда наступила тишина, и когда Анна Антоновна стала поправляться отъ болѣзни, причиненной ей всѣми *теоретическими* и практическими трудностями, тогда она замѣтила, что дочь ея тоскуетъ объ уѣзжавшемъ гостѣ. Тутъ она «дала себѣ слово понемногу начать, въ разговорахъ, знакомить свою дочь съ дѣйствительною жизнью». (стр. 71). Видно, теоретическая метода очень глубоко засѣла въ голову этой барыни, и намъ было бы куда какъ лестно послушать эти поучительные разговоры, но къ сожалѣнію Аннѣ Антоновнѣ побесѣдовать о жизни не удалось, потому что въ это самое время открылось, что барышня изучаетъ жизнь по другой методѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра Васильевича, и при содѣйствіи добродушнаго папеньки. — Въ одну прекрасную ночь Аннѣ Антоновнѣ пришлось увидать, что ея дочь цалуется въ саду съ тѣмъ самымъ гостемъ, котораго она, Анна Антоновна, такъ храбро и рѣшительно выпроводила изъ дому.

«Несчастливая мать тотчасъ узнала голосъ дочери, говорить г. Станицкій: силы ей измѣнили, и она схватилась за дерево, чтобъ устоять на ногахъ, но тотчасъ же, оглушенная точно громомъ, опустилась на сырую траву, прислонивъ свою пылающую голову къ дереву. Анна Антоновна не чувствовала холодной осенней ночи; напротивъ мучительный огонь жегъ ее, она хотѣла кричать, но у ней не хватало голосу, хотѣла схватить за платье дочь, когда та прошла мимо съ Петромъ Васильевичемъ, но руки были безсильны; одинъ только слухъ, какъ бы нарочно, не былъ парализованъ, и она ясно слышала и циническія шуточкіи Григорія Андреевича, совѣтовавшаго влюбленнымъ разойтись по домамъ, и звонкій, прощальный поцѣлуй». (стр. 71, 72). Однако, думаетъ хладнокровный читатель, какая же эта Анна Антоновна воинственная, и притомъ, какая преглупая! Какое она питаетъ страстное влеченіе къ безпольнымъ скандаламъ! И какъ это хорошо устроено, что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Ну, посудите вы сами, за чѣмъ она хотѣла кричать и хватать дочь свою за платье?— Вѣдь изъ этого кричанія и хватанія ровно ничего не могло выйдти, кромѣ смертельнаго испуга для Софьи Григорьевны. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, что дѣвушку, взволнованную любовнымъ свиданіемъ, окликаетъ въ темномъ саду отчаянный и неестественный голосъ; или еще лучше, ее ухватываетъ въ темнотѣ за платье, съ судорожною силою, какая то невѣдомая рука. Ну, разумѣется, обморокъ, нервная горячка и смерть, — вотъ все, что можно ожидать отъ такой родительской шалости. И потомъ та же самая Анна Антоновна стала бы раздирать свои ризы, и стала бы обвинять въ смерти дочери весь свѣтъ, кромѣ самой себя, потому что услужливые медвѣди всегда поступаютъ такимъ образомъ. Вѣдь вотъ и въ этомъ случаѣ, размышляя о ночной сценѣ въ саду, Анна Антоновна никакъ не умѣетъ сообразить, что это любовное свиданіе вполне можетъ быть названо дѣломъ ея собственныхъ рукъ. Пересчитаемъ всѣ ея капитальныя глупости, и мы увидимъ, что романъ ея дочери составляетъ прямой, естественный и необходимый результатъ родительской тактики самой Анны Антоновны. *Во первыхъ*, она воспитываетъ свою дочь въ глубокомъ уединеніи, и въ такомъ орашжерейномъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ рѣшительно ничего похожаго на дѣйствительную жизнь. *Во вторыхъ*, она самымъ тщательнымъ образомъ лжетъ предъ дочерью на счетъ своей собственной семейной жизни, но сама требуетъ

отъ дочери полной откровенности, и въ то же время брюзжить на эту дочь, когда замѣчаетъ или подозрѣваетъ въ ней какія нибудь неподходящія мысли. Это, впрочемъ, самая обыкновенная метода старшихъ при сношеніяхъ съ младшими. Я, говоритъ, старшій, твой другъ, и ты открывай мнѣ всѣ твои мысли, а я тебя буду распекать за твои глупости, и буду тебя обманывать для твоей же пользы. И послѣ этого старшій удивляется, какъ это у младшаго достало безсовѣстности нарушить такой выгодный и удобный контрактъ. Но, разумѣется, контракты эти всегда нарушаются, потому что, въ самомъ дѣлѣ, трудно найти такого олуха, который удовлетворялся бы подобною дружбою и вообразилъ бы себѣ, что онъ дѣйствительно видитъ передъ собою настоящаго друга, а не благодѣтельное начальство. Поэтому, система обязательной откровенности непременно учить младшаго хитрить и притворяться, потому что хитрость и притворство составляютъ въ этомъ случаѣ естественное и необходимое орудіе личной обороны. Если же эта система располагаетъ огромными, разнообразными и утонченными средствами угнетенія, то она приводитъ младшаго къ искусственному идиотизму, что и дѣлалось съ полнымъ успѣхомъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Но такъ какъ Аннѣ Антоновнѣ было далеко во всѣхъ отношеніяхъ до іезуитовъ, то ея педагогическія глупости привели только къ тому, что отношенія ея съ дочерью, оставаясь нѣжными и чувствительными, сдѣлались неестественными и натянутыми, съ той самой минуты, какъ только въ головѣ молодой дѣвушки шевельнулась первая самородная мысль. Если бы Софья Григорьевна встрѣтилась съ подругою, то она бы ей отдала всю свою довѣренность, и стала бы ей высказывать такія вещи, которыя она не находила удобнымъ говорить любящей, но скрипящей, матери. Случилось ей встрѣтиться на первой разъ не съ подругою, а съ молодымъ мужчиною; очень естественно, что она бросилась къ нему на шею, потому что увидала въ немъ своего перваго друга и кромѣ того перваго близкаго знакомаго мужскаго пола. *Въ-третьихъ*, Анна Антоновна, по просьбѣ дочери, пишетъ своему мужу, чтобы онъ ѣхалъ къ нимъ въ деревню. Этотъ поступокъ составляетъ очень большую глупость, которая, именно съ точки зрѣнія самой Анны Антоновны и г. Станицкаго, оказывается совершенно непростительною. Анна Антоновна знаетъ давно, что ея мужъ человѣкъ отпѣтый; за чѣмъ же она сама напрашивается на то, чтобы этотъ человѣкъ забралъ въ руки вліяніе надъ ея дочерью?

За чѣмъ она рѣшается приблизить къ своей взрослой дочери этого человѣка, который, по ея же собственному убѣжденію, не можетъ принести ровно ничего, кромѣ вреда и горя?—Развѣ она не понимаетъ, что Григорій Андреевичъ навѣрное навяжетъ ей и дочери какое нибудь знакомство, вовсе непоучительное для молодой дѣвушки? Что онъ привезетъ съ собою такого знакомаго изъ Петербурга, этого она, положимъ, не могла предвидѣть. Но вѣдь какого нибудь молодого кутилу и веселаго собутыльника не трудно отыскать и въ провинціи, а что Григорій Андреевичъ будетъ искать и найдетъ такую драгоценность, это было въ высшей степени вѣроятно, во-первыхъ потому, что человѣкъ созданъ для общества, а во-вторыхъ потому, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Если даже оставить въ сторонѣ это частное неудобство, то вообще слѣдовало ожидать, что Григорій Андреевичъ такъ или иначе обнаружитъ свои достоинства, и что дочь, именно вслѣдствіе сближенія съ отцемъ, испытаетъ въ отношеніи къ нему самое полное и самое тяжелое разочарованіе. За чѣмъ же любящая и заботливая мать сама не взяла на себя труда разочаровать свою дочь, и убѣдить ее въ томъ, что сближеніе съ кутящимъ родителемъ неудобно и неосуществимо во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ тутъ, дѣйствительно, не мѣшало пустить въ ходъ *теоретическую* методу, потому что, когда мать говоритъ дочери; «твой отецъ — пьяница», то дочери, для того, чтобы повѣрить этимъ словамъ, нѣтъ никакой особенной надобности видѣть собственными глазами, какъ родитель пишетъ мыслѣти. Въ этомъ случаѣ, показаніе матери замѣняетъ вполне непосредственное созерцаніе сыраго факта. Спрашивается, почему же Анна Антоновна сдѣлала эту третью, капитальную глупость? Г. Станицкій, по своему пристрастію къ этой рыдающей ма-ріонеткѣ, не останавливается надъ этимъ вопросомъ, и глухо даетъ почувствовать читателю, что Анна Антоновна выписала своего супруга по своему мягкосердію. Но я думаю, что она сдѣлала это по русской пословицѣ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Когда дочь задала ей вопросъ: «отчего ты не пишешь къ отцу? то ей предстояло или отвѣчать на этотъ вопросъ; «вотъ отчего», или сказать: «сейчасъ напишу»; Въ первомъ случаѣ надо было тотчасъ, немедленно высказать всю правду, а во второмъ случаѣ опасность отсрочивалась на нѣсколько недѣль. Этой отсрочки было совершенно достаточно чтобы прельстить Анну Антоновну, и направить ее на второй путь. Громъ непременно грянетъ, и крестится все-таки

придется, но такія отдаленныя соображенія не укладываются въ слабую голову заботливой матери. А можетъ и не грянетъ, авось Богъ милостливъ, да когда еще это будетъ, ну тогда увидимъ—вотъ тѣ обыкновенныя умозрѣнія, которыми пробавляется огромное большинство нашихъ соотечественниковъ, и эта близорукость пониманія, эта неповоротливость мысли составляетъ самое существенное основаніе нашего рутиннаго добродушія и мягкосердія. Мы обыкновенно не принимаемъ никакихъ рациональныхъ мѣръ противъ возможныхъ и вѣроятныхъ столкновеній съ различными шероховатостями дѣйствительной жизни, но мы дѣлаемъ это не потому, что сознательно уважаемъ нашихъ ближнихъ, и не хотимъ оскорбить ихъ недоувѣрять, а просто потому, что мы не умѣемъ вглядываться въ жизнь, и ведемъ всѣ наши дѣла кое-какъ и спуска рукава. Это совѣмъ не мягкость, а просто тупоуміе, и симпатизировать этому прелестному свойству могутъ только психологи, подобные г. Станицкому. *Въ четвертыхъ*, Анна Антоновна не сдѣлала рѣшительно ничего, чтобы открыть дочери глаза на крупныя недостатки Петра Васильевича. *Въ пятыхъ*, она выгнала этого молодого человѣка изъ дому, и этимъ крутымъ поступкомъ превратила любовь Софьи Григорьевны въ бѣшеную страсть. Изъ этого длиннаго перечня глупостей видно, что всю кашу заварила Анна Антоновна, а г. Станицкій, напротивъ того, сваливаетъ всю вину на гнусныхъ развратниковъ, которые въ этомъ случаѣ являются совершенно второстепенными дѣятелями. Софья Григорьевна, конечно, выходитъ замужъ за Петра Васильевича, и жизнь ея складывается самымъ уродливымъ образомъ. Г. Станицкій усиливается доказывать, что виновниками ея несчастія были ея отецъ и ея мужъ, и весь романъ пригоняется такимъ образомъ къ тому заключенію, что женщины терпятъ горькую муку отъ безнравственности грязныхъ эгоистовъ, не вразумленныхъ желѣзными кольцами. Романъ составляетъ такимъ образомъ длинную проповѣдь противъ разврата и эгоизма. Г. Станицкій, какъ авторъ, воленъ, конечно, къ однимъ изъ своихъ маріонетокъ питать вѣжную привязанность, а къ другимъ—лютую ненависть; мы ему препятствовать не можемъ и не желаемъ, но если мы осторожно соскоблیمъ съ его картинъ тотъ ложный колоритъ, который кладутъ на нихъ его пылія симпатіи и антипатіи, если мы, такимъ образомъ, восстановимъ факты разсказа въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и покажемъ дѣйствительныя пружины, управляющія ходомъ этихъ событій, то весь романъ

приведетъ насъ къ совершенно противоположному заключенію. Что женщины терпятъ часто горькую муку, это правда, но главная и почти единственная причина ихъ страданій заключается въ ихъ собственной неразвитости, и въ томъ искусственномъ тупоуміи, которое напускается на нихъ воспитаніемъ и всѣмъ складомъ нашей образцовой семейной жизни. Развратъ и эгоизмъ тутъ ни въ чемъ не виноваты, и вся основная тенденція романа оказывается такимъ образомъ совершенно ложною. Г. Станицкій кричитъ людямъ: «старайтесь, подлецы вы ѳдакіе, исправить вашу нравственность», и весь этотъ крикъ, растянутый на сотни страницъ, по всей справедливости долженъ быть названъ бесплоднымъ наборомъ рѣзкихъ звуковъ. Людямъ надо говорить очень кротко и доказывать какъ можно убѣдительно, что они въ сущности совсѣмъ не подлецы, и что имъ вовсе не слѣдуетъ исправляться, но что имъ было бы очень пріятно и не бесполезно побольше и почаще пользоваться содѣйствіемъ головного мозга. «Вы бы, сударикн мои, почитали книжку; вы бы, голубчики, подумали о вашихъ потребностяхъ; вы бы взглянули на такой-то вопросъ съ такой-то точки зрѣнія.»—Вотъ какъ слѣдуетъ объясняться съ нашими милыми соотечественниками, и только такія дружелюбныя объясненія и могутъ принести хоть какую нибудь пользу, потому что все человѣческое благосостояніе безусловно зависитъ отъ высоты умственного развитія. Мы увидимъ, что даже творческій умъ г. Станицкаго не въ состояніи былъ избрѣсти такіе факты, которые бы противорѣчили этой основной и неопровержимой истинѣ. Г. Станицкому постоянно хочется свернуть на нравственную проповѣдь, а факты его романа, вопреки его авторскому всемогуществу, говорить ясно и громко, что вся бѣда происходитъ исключительно отъ недостатка умственного развитія.

V.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что добродѣтельная женщина надѣлала кучу глупостей, и, вполне обезоруживъ свою дочь нелѣпнымъ воспитаніемъ, сама отдала ее въ безотчетное распоряженіе первому встрѣчному, который оказался неблагонадежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Посмотримъ теперь, какую роль играли здѣсь «гряз-

ные и развратные эгоисты», ненавидимые Аннѣ Антоновнѣ и г. Станицкому. Что эта роль была совершенно второстепенною, это уже ясно изъ предыдущаго. Но теперь надо посмотрѣть, какая побудительная причина заставляла ихъ играть эту второстепенную роль? На соображенія г. Станицкаго тутъ полагаться невозможно, потому что онъ самъ рѣшительно не понимаетъ, и упорно отказывается понимать тѣ факты, которые самъ изобрѣтаетъ и рассказываетъ. Добродѣтельная ненависть къ эгоизму и разврату помрачаетъ всѣ его помыслы. Онъ думаетъ, что Григорій Андреевичъ устроилъ сближеніе дочери съ Петромъ Васильевичемъ «на зло» Аннѣ Антоновнѣ, потому, позвольте-ли видѣть, что «черствыя души не могутъ выносить самопожертвованій и чистыхъ привязанностей» и еще потому, что «у людей самолюбивыхъ нѣтъ пощады никому». Сильно сказано, но, по обыкновенію, неосновательно. Что Григорій Андреевичъ питаетъ непріязненное чувство къ Аннѣ Антоновнѣ, этому я охотно вѣрю, потому что это болезненное, слезливое и раздражительное существо способно навести тоску и уныніе даже на такого пламеннаго и постоянного обожателя, каковымъ былъ добрый рыцарь Тоггенбургъ, или его близкій родственникъ, полоумный Донъ-Кихоть. Но губить дочь для того, чтобы насолить женѣ, это слишкомъ замысловато и не совсѣмъ правдоподобно, особенно, если еще сообразить, что эта дочь любитъ и ласкаетъ своего отца, и что собственно противъ дочери у этого отца нѣтъ ни малѣйшей непріязни. Но «у людей самолюбивыхъ нѣтъ пощады никому»; примемъ эти слова за святую истину, и допустимъ, что Григорій Андреевичъ способенъ испортить жизнь дочери для того, чтобы доѣхать любезную супругу. Прекрасно, но вѣдь невозможно сомнѣваться въ томъ, что люди самолюбивые соблюдаютъ свои собственные интересы; дѣлать зло они могутъ, но если это для нихъ самихъ невыгодно, то они навѣрное не будутъ увлекаться, въ ущербъ собственному интересу, идеальнымъ удовольствіемъ напасть на ближнему. Село Григорьевка, заключающее въ себѣ пятьсотъ душъ, принадлежитъ Аннѣ Антоновнѣ,—и, послѣ ея смерти, должно перейти во владѣніе Софьи Григорьевны; Анна Антоновна — женщина и можетъ умереть чрезъ два, три года, — тогда Софья Григорьевна, какъ молодая и неопытная дѣвушка, довѣритъ все управленіе отцу даже въ томъ случаѣ, если она въ то время будетъ совершеннолѣтнею. Спрашивается, выгодно ли Григорію Андреевичу выдавать дочь свою замужъ, то есть, вводить между со-

бою и дочерью третье лицо, съ которыми, по всей вѣроятности, будетъ гораздо труднѣе ладить, чѣмъ съ одинокою и неопытною дѣвушкою? Кажется, невыгодно. А если невыгодно, то невозможно допустить, чтобы его участіе въ романѣ Софьи Григорьевны было обдуманною и злонамѣренною интригою. Лютыя эгоизмъ и нравственная испорченность остаются совершенно въ сторонѣ, а вмѣсто этихъ фантастическихъ свойствъ является на сцену то же самое драблное мягкосердіе, которое мы уже нашли въ Аннѣ Антоновнѣ, и которое обыкновенно управляетъ почти всѣми поступками пустыхъ и ничтожныхъ людей. Привезъ онъ съ собою Петра Васильевича отъ нечего дѣлать, потому что съ «хорошимъ человѣкомъ» пріятно компанію вести; молодые люди понравились другъ другу; ихъ одушевленіе разсѣяло однообразіе деревенской жизни, и Григорію Андреевичу это обстоятельство доставило особенно много удовольствія, потому что онъ видѣлъ тутъ дѣло рукъ своихъ, и потому, что это обстоятельство льстило его родительскому самолюбію. Вотъ-молъ Соня, думаетъ онъ, сколько лѣтъ ты жила вмѣстѣ съ мамашей, и все удовольствія никакого не видала; а пріѣхалъ отецъ, и все разомъ пошло по новому. Отецъ-то съ разу догадался привезти тебѣ такую игрушку, которая должна тебѣ понравиться больше всего на свѣтѣ. Когда Анна Антоновна стала косо поглядывать на петербургскую игрушку, тогда Григорію Андреевичу сдѣлалось досадно по многимъ причинамъ. Во-первыхъ—что за чортъ! ничѣмъ не угодишь. Всякая заслуга обращается въ преступленіе. Во-вторыхъ—чѣмъ же Петръ Васильевичъ не женихъ? Молодь, правится дѣвушкѣ, имѣетъ состояніе, и главное—душа-человѣкъ. Въ третьихъ—за чѣмъ же огорчать Соню? Въ четвертыхъ—пріятно защитить дочь отъ капризовъ больной и раздражительной матери. Именно такого рода мысли и ощущенія должны были зашевелиться въ оскорбленномъ родителѣ, когда Анна Антоновна начала войну противъ развратныхъ эгоистовъ. При этомъ надо замѣтить, что Анна Антоновна съ своей стороны сдѣлала все, что могла сдѣлать, для того, чтобы довести почтеннаго супруга до послѣднихъ предѣловъ бѣшенства. Объясненія свои она начинаетъ обыкновенно самымъ надменнымъ и кисло-враждебнымъ тономъ; потомъ, когда видитъ, что этотъ тонъ никого не можетъ удивить и запугать, она вдругъ превращается въ казанскую свроту, и начинаетъ визжать и плакать, но, сквозь слезы, все-таки продолжаетъ дѣлать оскорбительныя попреки. Вотъ вамъ образчики:

«я считаю неблагоразумнымъ, сказала она, далѣе терпѣть присутствіе вашего гостя: я его не знаю, и не желаю знать короче. Прошу васъ сдѣлать ему намежъ, что его посѣщеніе слишкомъ продолжительно и что я утомилась имъ» (стр. 63). Мнѣ кажется, что порядочные люди съ своими лакеями никогда не говорятъ такимъ сухимъ и повелительнымъ тономъ. Григорій Андреевичъ отвѣчаетъ ей «грубыми словами», «оскорбительнымъ и озлобленнымъ крикомъ», и это, конечно, съ его стороны непохвально, но надо же войти и въ его положеніе. Слова Анны Антоновны сразу уничтожаютъ возможность всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ. На эти слова надо отвѣчать или самымъ полнымъ изъясненіемъ покорности, то есть, немедленнымъ изгнаніемъ невиннаго гостя, или самымъ рѣшительнымъ отказомъ, а такой отказъ, въ какую бы мягкую форму онъ ни былъ облеченъ, все-таки долженъ произвести на Анну Антоновну самое потрясающее впечатлѣніе. Г. Станицкій очевидно желаетъ, чтобы «грязный эгоистъ» собственноручно продѣлъ себѣ въ ноздри желѣзное кольцо, и малѣйшее уклоненіе этого лютаго животнаго отъ этой священной обязанности вмѣняется ему въ позорное преступленіе. Анна Антоновна, между тѣмъ, немедленно переходитъ въ мнорный тонъ: «я прошу васъ не отрывать отъ меня мое дитя. Пожалѣйте меня, хоть разъ въ жизни! Развѣ вы не видите, что вся моя жизнь въ ней?» и такъ далѣе, и все это произносится «умоляющимъ голосомъ». А вслѣдъ за тѣмъ, начинаются попреки, которые, какъ извѣстно, никогда не могутъ принести ни малѣйшей пользы. «Развѣ я плакала, когда вы прикидывались влюбленнымъ въ меня. Я вѣрила вамъ, вашей любви, и потому не могла перенести всѣ ваши унижительные поступки со мной»... и такъ далѣе. Всѣ эти рѣчи, очевидно, не имѣютъ никакого прямого отношенія къ Петру Васильевичу, и нисколько не могутъ расположить Григорія Андреевича къ мягкости и уступчивости. Я не думаю также, чтобы всѣ эти переходы отъ величаваго презрѣнія къ покорнѣйшей просьбѣ, и отъ обильныхъ слезъ къ обильной брани могли внушить кому бы то ни было уваженіе къ личному характеру и къ желаніямъ Анны Антоновны. Поэтому, мнѣ кажется, нѣтъ основанія противопоставлять Анну Антоновну, какъ добродѣтельную мученицу, Григорію Андреевичу, какъ свирѣпому злодѣю. Анна Антоновна сама себѣ причиняетъ огорченія своими собственными ошибками, а Григорій Андреевичъ въ настоящемъ случаѣ является даже вовсе не злодѣемъ, а, напротивъ

того, защитникомъ естественныхъ правъ своей дочери. Анна Антоновна шестнадцать лѣтъ воспитывала эту дочь, и не умѣла даже на столько развить ея умъ, чтобы она не увлекалась первымъ нѣжнымъ взглядомъ перваго встрѣчнаго фата. А потомъ, когда это воспитаніе начинаетъ приносить свои плоды, Анна Антоновна думаетъ поправить все дѣло крутыми мѣрами родительской власти. Отецъ предлагаетъ дочери прогулку, а мать говорить: «не надо прогулки, ступай въ свою комнату и займись чѣмъ нибудь.» Сонъ правится молодой человѣкъ, а мать дѣлаетъ этому молодому человѣку дерзости, и выгоняетъ его изъ дому. Намѣренія матери превосходны, но дѣйствія нелѣпы, и нѣтъ надобности быть эгоистомъ, развратникомъ или злодѣемъ, для того, чтобы принять сторону дочери, и сдѣлаться покровителемъ ея молодой любви. Жаль, что эта любовь возникла, но объ этомъ надо было думать гораздо раньше; дѣвушка не виновата въ томъ, что она полюбила, и подавлять ея любовь родительскими приказаніями значить только причинять ей бесполезную боль. Эта дѣвушка, по всей вѣроятности, будетъ несчастлива, но совѣтъ не потому, что у нея дурной отецъ, и не потому, что она влюбилась въ дурнаго человѣка, а потому, что она родилась, выросла и будетъ жить при такихъ условіяхъ, при которыхъ не могутъ развиться и окрѣпнуть силы ея ума. Представьте себѣ, что Ноздревъ женился на помѣщицѣ Коробочкѣ, и что у нихъ родилась дочь; много мелкихъ волненій и огорченій достанется на долю этой дочери, много бесполезныхъ слезъ прольетъ она на своемъ вѣку; подобно своей матери, она будетъ оплакивать каждую околѣвшую телушку, и ужасаться при видѣ каждой градовой тучи; каждый копѣечный проигрышъ ея мужа будетъ дарить ее бессонными ночами; каждый убійственный вздоръ, брошенный этимъ же самымъ мужемъ на какую нибудь казначейшу, будетъ повергать ее въ бездну отчаянія. Спрашивается, кто будетъ виноватъ во всѣхъ ея страданіяхъ: папенька-ли ея Ноздревъ, или маменька Коробочка, или супругъ ея, подпоручикъ Кувшинниковъ, или всѣ они вмѣстѣ, или никто изъ нихъ? И каждый, и всѣ, и никто, и самъ чортъ ихъ разберетъ, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Причина всѣхъ страданій этой подпоручицы Кувшинниковой заключается и въ ней самой, и во всемъ, что ея окружаетъ, и во всей исторіи ея развитія. Ея личный характеръ, ея всеневная жизнь, и ея воспитаніе — это такая мозаика, въ которую самыя разнокалиберныя личности положили и

ежедневно владуть по брошеному камушку; тутъ и маменька, и нянька, и супругъ, и соперница-казначейша, и слотница Авдотья, и лакей Филимонъ, и странница Евпраксія, и юродивый Гришутка, и всё, ихъ же имена Богъ вѣсть, всё, всё вложили по лептѣ; и составилось изъ всѣхъ этахъ добровольныхъ приношеній нѣчто болѣе похожее на тѣстообразный осадокъ, чѣмъ на мозанку, построенную по опредѣленному рисунку. И совершаются въ этомъ осадкѣ разные химическіе процессы броженія: осадокъ дуетъ и плачетъ, осадокъ волнуется и страдаетъ, осадокъ лѣзетъ на стѣны и проглинаетъ свою жизнь, то есть, свой химическій составъ. Кто тебя, осадочекъ, обижаетъ? спрашиваетъ сердобольный человекъ, подобный г. Станицкому. А, вотъ кто! отвѣчаетъ себѣ этотъ человекъ. Хорошо, я жъ его отдѣлаю! Кто тебя, осадочекъ, замѣсилъ? спрашиваетъ другой человекъ, также очень сердобольный, и также очень похожий на г. Станицкаго. А, вотъ кто, отвѣчаетъ онъ себѣ, я жъ ему покажу. И распространяются, по милости этихъ сердобольныхъ людей, злобщія слухи, что всё страданія тѣстообразнаго осадка напущены на него, и выдуманы специально для него лютыми злодѣями, подлецомъ Кувшинниковымъ и мерзавцемъ Ноздревымъ. Кувшинниковъ обижаетъ, а Ноздревъ замѣсилъ. Ясное дѣло, что они виноваты. Они выдумали рецептъ тѣстообразнаго осадка, они привели этотъ рецептъ въ исполненіе, и они же теперь производятъ надъ осадкомъ разные химическіе опыты, которые для осадка мучительны, а для нихъ, для этихъ злобныхъ алхимиковъ, пріятны и занимательны. О, могущественны! чародѣи, Ноздревъ и Кувшинниковъ, о великіе изслѣдователи осадочныхъ формаций; какъ же это вы злодѣйствуете такъ сознательно, а между тѣмъ, сами не умѣете приложить вашу сознательность къ устройству вашей собственной жизни? Неужели тебѣ, чародѣй Ноздревъ, пріятно, когда взыскательные партнеры истребляютъ твои бабенбарды? И неужели тебѣ, алхимикъ Кувшинниковъ, весело, когда ты примѣриваешь цѣлое утро новые сапоги, и осматриваешь со всѣхъ сторонъ «на-диво сточенный каблукъ»?—Скучно и скверно живется вамъ обомъ, друзья мои, и оба вы точно такъ же волнуетесь и страдаете, какъ тотъ несчастный осадокъ, на которомъ вы такъ часто срываете вашу нелѣпую злобу, и который, въ свою очередь, немедленно вымещаетъ полученные отъ васъ огорченія на какойнибудь безответной кухаркѣ или на своемъ собственномъ пятилѣтнемъ ребенкѣ. — Какіе жъ вы, послѣ этого, чародѣи и алхи-

мики? Какіе жъ вы сознательные злодѣи? Вы сами тѣстообразные осадки, и никакого вы рецепта не выдумали, и никакого рецепта не существуетъ. Существуетъ только поголовное неумѣнье жить, существуетъ повсемѣстная темнота и безсознательность, и въ этомъ отношеніи вы, Ноздревы и Кувшинниковы, нисколько не лучше, но и нисколько не хуже вашихъ добродѣтельныхъ женъ и вашихъ невинныхъ дочерей. Это неумѣнье жить, эта толкотня и это разнообразное мордобитіе существуютъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ земля. Когда мы смотримъ въ самую глубокую древность, тогда мы называемъ это неумѣнье жить дикостью или варварствомъ, потомъ когда это неумѣнье организуется, мы замѣчаемъ въ немъ различныя стороны или грани, а теперь, теперь это неумѣнье жить раздробилось на такое множество отдѣльныхъ и мелкихъ явленій, и получило столько благозвучныхъ названій, что всякое разсужденіе объ этомъ предметѣ сдѣлалось въ высшей степени неудобнымъ и щекотливымъ. Всякая отдѣльная форма этого неумѣнья приобрѣла себѣ солидную осанку, укрѣпилась на фундаментѣ исторической давности, выработала себѣ самое щепетильное чувство собственнаго достоинства, и вооружилась, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей, всѣми утонченными аргументами схоластической логики. А лекарство все-таки остается одно и то же: не умѣешь жить, такъ учись; а не умѣешь учиться, такъ живи, какъ знаешь, и не жди себѣ никакого чудодѣйственнаго облегченія ни отъ декламаций г. Станицкаго, ни отъ игривости г. Щедрина, ни даже отъ громоносной сатиры г. Розенгейма.

VI.

Романъ г. Станицкаго очень длиненъ (239 страницъ), и поэтому я нахожу невозможнымъ вести далѣе мое критическое изслѣдованіе о его достоинствахъ въ томъ объемѣ, въ которомъ я его пачалъ. Разнообразныя красоты этого романа такъ неисчислимы, что придется сдѣлать самый строгій выборъ, и остановиться только на самыхъ яркихъ и крупныхъ алмазахъ поэтической діадемы г. Станицкаго. Такими алмазами будутъ для насъ: *во-первыхъ*, идеальный конецъ, придѣланный къ земному существованію Анны Антоновны; *во-вторыхъ* страданія Софьи Григорьевны; *въ-третьихъ* дѣдушка Петра Васильевича; и *въ-четвертыхъ* — добродѣтельные люди моло-

даго поколѣнія. Но, прежде нежели я приступлю къ изученію этихъ блестящихъ драгоценностей, я желаю еще разъ позабавить моего читателя «букетомъ гражданской скорби» и высокаго негодованія. Я полагаю, что г. Станицкій есть именно тотъ князь Григорій, о которомъ говоритъ Репетиловъ, что у него

«Глаза въ крови, лице горитъ
Самъ плачетъ, а мы все рыдаемъ!..»

По крайней мѣрѣ мнѣ никогда не случалось встрѣчать другаго писателя, который такъ упорно и добросовѣстно придирался бы ко всякому удобному и неудобному случаю, для того, чтобы вмѣстѣ съ своими читателями порыдать надъ несовершенствами нашей жизни и надъ испорченностью человѣческаго рода. На каждомъ шагу нить разсказа прерывается, романистъ восклицаетъ: «но восплачемъ же, братія мои,» и начинается немедленно скрежетаніе зубовъ, и посыпаніе главы пепломъ и соромъ разныхъ бесплодныхъ выкликаній. А потомъ ничего, выплачетъ свое обязательное горе, и опять начнетъ разсказывать. И никакъ невозможно предусмотрѣть, какое именно слово затронетъ чувствительную струну въ душѣ пылающаго гражданина. Иногда буря краснорѣчиваго огорченія разыгрывается по поводу самой ничтожной причины, подобно тому, какъ лавина сваливается часто отъ того, что какой нибудь пастухъ громко высморкается, или какой нибудь дикій козелъ сдѣластъ неосторожный прыжокъ. Вотъ вамъ очень любопытный примѣръ. Г. Станицкій приводитъ отрывокъ изъ письма влюбленнаго Петра Васильевича къ влюбленной Софѣ Григорьевнѣ. И ничего. На небѣ ясно. Бури не предвидится. «Я нахожу, говоритъ г. Станицкій, этотъ отрывокъ изъ переписки достаточнымъ, какъ образчикъ краснорѣчія влюбленнаго Петра Васильевича, которому Софья Григорьевна условно вѣрила, какъ она нѣкогда вѣрила, бывши ребенкомъ, волшебнымъ сказкамъ, которыя ей разсказывала ее няня.»—Кажется, спокойно разсуждаетъ человѣкъ, но вообразите себѣ: въ этихъ спокойныхъ словахъ уже заключается гибельный зародышъ неустойчивой бури. Гдѣ же буря, спрашиваете вы съ безпокойствомъ. Должно быть на счетъ довѣрчивости дѣвушекъ и коварства мужчинъ?—Нѣтъ-съ, это было бы слишкомъ просто.—Такъ, можетъ быть, по части педагогики: о томъ, что молъ не слѣдуетъ дѣтамъ разсказывать волшебныя сказки?—Нѣтъ, все не то. Извольте слушать дальше, сами

не догадаетесь. «Разсказы о чудесномъ такъ плѣняли ее, что мать должна была долго и настойчиво разувѣрять, что въ дѣйствительной жизни вовсе не существуетъ людей, въ видѣ звѣря или рыбы, что нѣтъ ни мертвой, ни живой воды, и нѣтъ такой волшебной палочки, по взмаху которой воздвигались бы дворцы, а всѣ люди при этомъ раболѣпно преклонялись бы предъ владѣтелемъ палочки; что нѣтъ также тѣхъ стоглавыхъ чудовищъ, которыхъ бы ни огонь, ни сталь и никакая сила человѣческая не могла уничтожить.» Буря надвинулась со всѣхъ сторонъ. Вы и сами чувствуете, что дѣло не ладно. Недаромъ же авторъ такъ разгулялся на счетъ волшебныхъ сказокъ. Охъ, не даромъ. Но вы все-таки еще не знаете, съ которой же стороны на васъ посыпятся стрѣлы краснорѣчія, и отъ этой неизвѣстности вамъ становится еще болѣе жутко. Но вотъ раздается первый громовой ударъ, и передъ вами открывается мгновенно вся бездна приготовленнаго для васъ несчастія. «Но я такъ думаю, продолжаетъ г. Станицкій, что Анна Антоновна скорѣе ошибалась, разувѣряя ребенка въ томъ, что сказочныя нелѣпости не существуютъ въ дѣйствительной жизни. Неужели читатель не встрѣчалъ въ своей жизни людей, которые только носятъ человѣскій образъ, а по всѣмъ своимъ наклоностямъ дикіе звѣри? Мало ли мы видимъ людей, нѣмыхъ, какъ рыба, при видѣ какихъ угодно ужасовъ»... Ну, и такъ далѣе. Вотъ она, буря-то! Поняли теперь, какой зловѣщій смыслъ имѣло перечисленіе тѣхъ предметовъ, которые встрѣчаются, а, можетъ быть, даже и не встрѣчаются въ русскихъ волшебныхъ сказкахъ. Теперь вамъ г. Станицкій будетъ доказывать, не убѣдительно, но очень горячо, что въ жизни есть и живая вода, и мертвая вода, и стоглавая чудовища, и волшебныя палочки. За ходомъ его доказательствъ я слѣдить не буду, потому что, кому же охота лѣзть подъ проливной дождь, когда можно пребывать въ сухости и безопасности?—Но результаты получаются такіе, что тщеславіе въ обществѣ — это живая и мертвая вода, что стоглавая чудовища доподлинно существуютъ, и что волшебную палочку составляютъ деньги. Ну, думаете вы, буря окончилась, потому что параллель проведена самимъ блистательнымъ образомъ. Но у г. Станицкаго буря родитъ бурю, бѣда влечетъ за собою новую бѣду. Деньги родятъ роскошныя обѣды, роскошныя обѣды родятъ обжоръ, въ числѣ обжоръ оказываются «ученыя мужи» и «патентованные либералы и демократы». И тутъ, при этомъ роковомъ сло-

вѣ, въ одну минуту поднимается такой ураганъ, который сваливаетъ съ ногъ самого г. Станицкаго, и отпихиваетъ у него послѣдніе остатки здраваго смысла. Дѣло доходить вотъ до чего: «Да, ученые мужи и патентованные либералы, вѣдь, сознайтесь, что не будь у этихъ плутовъ дворцовъ и роскошныхъ обѣдовъ, вы бы, съ вашими строгими убѣжденіями, возмутились отъ одной дерзости ихъ, если бы они протянули вамъ гордо руку и пригласили бы васъ на роскошный обѣдъ.» (Стр. 74 и 75). Что же это такое? Въ первой половинѣ фразы роскошный обѣдъ рѣшительно отрицается, а во второй половинѣ той же фразы это условіе уже забыто, и роскошный обѣдъ опять явился на сцену. У плута нѣтъ роскошнаго обѣда, и плутъ приглашаетъ на роскошный обѣдъ. Ай да плутъ! Именно плутъ! Тонкая шельма! Вотъ что значить разсуждать во время урагана. Вотъ до какой премудрости можно договориться. Но почему же это г. Станицкій такъ горячо заботится о желудкахъ «патентованныхъ либераловъ», и почему знакомство этихъ господъ съ богатыми плутами принимаетъ въ его глазахъ размѣры общественнаго бѣдствія? Мнѣ кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Люди, подобные г. Станицкому, обыкновенно слышатъ звонъ, и не знаютъ, откуда онъ. Г. Станицкій слышалъ, а можетъ быть, и читалъ, что есть на свѣтѣ доктринеры и ложные либералы, которые своею дѣятельностью тормозятъ развитіе общества. Какъ и чѣмъ они тормозятъ, этого г. Станицкій не сумѣлъ разобратъ; сказали ему, что тормозятъ — онъ и давай ихъ ненавидѣть безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ. Слышалъ онъ вѣроятно, что и у насъ расплодился ложные либералы и доктринеры, по чѣмъ эти господа отличаются отъ истинныхъ либераловъ — этого онъ, по своему обыкновенію, не дослышалъ и не понялъ. И началъ онъ отличать истинныхъ либераловъ отъ ложныхъ не по идеямъ, а по поведенію. И поэтому, явилась настоящая необходимость разузнавать, гдѣ либералъ обѣдаетъ, гдѣ чай пьетъ, гдѣ ужинаетъ, и какъ проводитъ ночь. А тутъ подоспѣла на помощь французская поговорка: «dis-moi que tu hantes, je te dirai que tu es.» (Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я тебѣ скажу, кто ты такой). И такимъ образомъ, составилось въ творческомъ умѣ г. Станицкаго непоколебимое убѣжденіе, что вромѣ лоротовъ и эгоизма существуетъ въ Россіи еще одно общественное зло, именно привычка «патентованныхъ либераловъ и демократовъ» обжираться роскошными обѣдами у богатыхъ плутовъ. Только не

страдай эти господа чревоугодіемъ, многое пошло бы совсѣмъ иначе. Обѣдай они въ трактирѣ, а не у богатаго плута — и г. Станицкій съ удовольствіемъ призналъ бы ихъ настоящими либералами. Если же ихъ чревоугодіе составляетъ общественное зло, то надо разразить это чревоугодіе обличительнымъ громомъ. Ну вотъ, онъ и разражаетъ. Привожу здѣсь послѣдніе и самые сильные порывы урагана, который постоянно вертится на роскошныхъ обѣдахъ и патентованныхъ либералахъ. «А вы, господа, вы свою продажность души прикрываете честными убѣжденіями, и къ вамъ довѣрчиво идетъ пылкій юноша поучиться тому, какъ надо твердо отстаивать честныя убѣжденія, какъ строго нужно слѣдить за своими слабостями и страшиться вреднаго тщеславія. И чему же вы научаете юношу?—торговать честью, приносить все въ жертву пустому тщеславію, карать пороки на словахъ, а на дѣлѣ принимать участіе въ нихъ, съ іезуитскою осмотрительностью, чтобъ сухимъ выйти изъ воды? Вы Іуды предатели! (Я вамъ говорилъ, что разразить; вотъ и разразилъ). Вамъ мало показалось зла человѣчеству отъ процвѣтанія торговли, вы завели биржу либераловъ и демократовъ, гдѣ идетъ торгъ честными убѣжденіями, посредствомъ которыхъ ловкіе торгаши обогащаются популярностью и дѣлаются либеральными Ротшильдами, и такъ же эксплуатируютъ бѣднымъ человѣчествомъ, какъ банкиры и фабриканты на своихъ биржахъ!..» (Стр. 75.) Такъ какъ ураганъ при самомъ своемъ началѣ подрѣзалъ логику г. Станицкаго, то въ этой тирадѣ совершенно бесполезно будемъ искать какого нибудь опредѣленнаго смысла. Мнѣ остается только замѣтить, что послѣдній порывъ урагана сшибаетъ даже грамматику, и вслѣдствіе этого, «либеральные Ротшильды» начинаютъ «эксплуатировать» не *бѣдное человечество* а *бѣднымъ человечествомъ*, что во время тихой погоды, то есть, при ненарушенномъ господствѣ русской грамматики, оказывается совершенно невозможнымъ.

На стр. 130 г. Станицкій говоритъ о страдающихъ трехъ добродѣтельныхъ женщинъ, и произноситъ между прочимъ слѣдующія слова: «Въ этихъ случаяхъ, у меня умъ за разумъ заходитъ.» Вотъ, что правда, то правда. Съ этимъ я совершенно согласенъ, и мнѣ даже кажется, что этотъ феноменъ совершается надъ г. Станицкимъ гораздо чаще, чѣмъ онъ самъ предполагаетъ. Теперь мы можемъ проститься съ «букетомъ гражданской скорби.» Много остается нетронутыхъ сокровищъ, но кто же можетъ выловить изъ Персидскаго

залива весь заключающійся въ немъ жемчугъ? Или изъ Сѣвернаго океана— всю плавающую въ немъ селедку?— «Ты можешь ли левіаѳана на удѣ вытащить на берегъ?»— Нѣтъ, не могу.— Ну, стало быть, не ропщи на судьбу, будь малымъ доволенъ, и благословляй свою скромную долю.

VII.

ИДЕАЛЬНЫЙ КОНЕЦЪ, ПРИДѢЛАННЫЙ КЪ ЗЕМНОМУ СУЩЕСТВОВАНІЮ АННЫ АНТОНОВНЫ.

Г. Станичкій употребляетъ всѣ усилія, чтобы впустить читателю величайшее уваженіе къ характеру Анны Антоновны, и побудительная причина этихъ усилій очень понятна, потому что Анна Антоновна составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень всего строенія. Если окажется, что эта барыня смахиваетъ на помѣшницу Коробочку, тогда Григорій Андреевичъ перестанетъ быть свирѣпымъ мучителемъ добродѣтельной мученицы, а сдѣлается просто ничтожнымъ супругомъ ничтожной женщины; тогда печальная участь Софьи Григорьевны перестанетъ быть преступнымъ дѣломъ недостойнаго отца, а сдѣлается просто естественнымъ результатомъ дюжиннаго воспитанія, и очень обыкновенныхъ условій жизни. Тогда читатель не будетъ думать, что все зло дѣйствительной жизни выдуманно и напущено на добродѣтельныхъ людей «грязными эгоистами», «пагальными лоретками», и «либеральными Ротшильдами». Тогда читатель можетъ подумать, что добродѣтельные люди часто бываютъ людьми очень глупыми, и что ихъ глупость составляетъ крѣпкую почву, на которой растутъ и процвѣтаютъ всякіе Ротшильды, лоретки и такъ называемые эгоисты. Словомъ, тогда читатель нарушитъ въ отношеніи къ г. Станичкому всякую дисциплину, и осмѣетъ его нравственную проповѣдь, какъ плоскую шутку. Очевидно, что такое безчинство допущено быть не можетъ, и что, слѣдовательно, Анну Антоновну необходимо утвердить на пьедесталѣ несокрушимой прочности и недосигаемой высоты. Г. Станичкій усердно принимается за эту работу, и съ свойственною ему смѣлостью, въ одно мгновеніе она превращаетъ Анну Антоновну въ благодѣтельницу крестьянъ села Григорьевки. Послѣ свадьбы, Петръ Васильевичъ увозитъ свою молодую жену къ своимъ роднымъ, а Анна Антоновна переноситъ про-

должительную болѣзнь, и потомъ, послѣ выздоровленія, проводить нѣсколько мѣсяцевъ «въ бездѣйственпомъ состояніи.» Она сидитъ въ комнатѣ дочери, перебираетъ ея дѣтскія вещи, и только иногда соглашается выпить чашку чаю или бульону. Потомъ, надумавшись, она отправляется на деревню, обходитъ всѣ крестьянскія избы, вникаетъ въ потребности каждаго семейства, и обѣщаетъ возратить дѣтей, отданныхъ въ ученіе, тѣмъ отцамъ и матерямъ, которые желаютъ воспитывать ихъ при себѣ. Въ тотъ же вечеръ она пишетъ къ дочери письмо, въ которомъ сообщаетъ ей свои намѣренія. «Мнѣ страшно будетъ теперь умирать, говоритъ она, если я не искуплю, хоть чѣмъ нибудь, жертвы, какія я требовала отъ людей. Мнѣ стыдно: у меня не повернется языкъ требовать отъ этихъ, по моей милости нищихъ, еще новыхъ жертвъ!..» «Свой домъ я превращу въ больницу и дѣтскую школу. Безъ тебя это наполнить мою жизнь...» «Всѣ земли, принадлежащія мнѣ, будутъ принадлежать обществу; изъ нихъ часть будетъ идти на больницу и школу, другая часть— на уплату податей, а остатки будутъ составлять капиталъ, безъ котораго нельзя обходиться сотнямъ людей. Мало ли что можетъ случиться: пожаръ, голодъ, имъ будетъ чѣмъ извернуться.» (Стр. 81. 82.) Все это очень похвально, но только неправдоподобно, чтобы именно Анна Антоновна могла распорядиться такимъ образомъ. Въ такомъ образѣ дѣйствій нѣтъ никакого особеннаго героизма или самоотверженія; напротивъ того, въ положеніи Анны Антоновны, только такой образъ дѣйствій можетъ избавить человѣка отъ невыносимой апатіи, и снова помирить его съ жизнью живыхъ людей. Если бы Анна Антоновна могла вполнѣ благообразно обсудить свое положеніе, то она, конечно, выбрала бы именно этотъ путь, и ее не остановили бы какія нибудь корыстолюбивыя, или, какъ ихъ называлъ бы г. Станицкій, «эгоистическія» соображенія. Но я осмѣливаюсь думать, что Анна Антоновна не могла разсуждать такъ здраво, и что г. Станицкій навязываетъ ей свои собственныя мысли; а мысли сотрудника «Современника», даже такого, какъ г. Станицкій, все-таки должны быть несравненно благообразнѣе, чѣмъ тѣ умозрѣнія, которыми руководствуются наши добродѣтельныя барыни. Г. Станицкій совершенно упускаетъ изъ виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Спрашивается: была ли Анна Антоновна сколько нибудь расположена къ ханжеству? Существовалъ ли, по крайней мѣрѣ, въ ея умѣ тотъ микроскопическій зародышъ этихъ стремленій, который существуетъ

почти у всѣхъ нашихъ женщинъ, и который, часто оставаясь незамѣтнымъ во время веселой и беззаботной молодости, развертывается съ полною силою, и доходить иногда до мономаніи подъ старость или послѣ сильныхъ огорченій? Если на эти два вопроса г. Станицкій отвѣтитъ да, то благородная дѣятельность Анны Антоновны должна будетъ измѣниться самымъ существеннымъ образомъ отъ примѣса этихъ постороннихъ элементовъ. Тогда начнутся благочестивыя пожертвованія, поѣздки по монастырямъ, безтолковое раздаваніе милостыни, учрежденіе какого нибудь пріюта или богадѣльни для убогихъ странницъ. Вмѣстѣ съ этимъ, пойдутъ, пожалуй, и какія-нибудь милостивыя льготы для мужиковъ, но это будетъ великодушное копѣечное подаваніе, а совсѣмъ не такое широкое и полное восстановление нарушенной справедливости, какое изображаетъ г. Станицкій. Кормить нищихъ, и поддерживать такимъ образомъ нищенство, это подвигъ очещь не головоломный, и поэтому совершенно доступный для нашихъ благотворительныхъ господъ и барынь. Но подрѣзывать нищенство подъ самый корень, дѣйствовать противъ первыхъ причинъ нищенства, пересоздавать всѣ свои отношенія къ трудящемуся населенію—это работа въ высшей степени *сознательная*, и для того, чтобы понять настоятельную необходимость такой работы, недостаточно выдать дочь за «грязнаго эгоиста», и посидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ опустѣвшей комнатѣ этой дочери. Если же на мои вопросы г. Станицкій отвѣтитъ *нѣтъ*, то намъ представится затрудненіе другаго рода; если не было даже микроскопическаго зародыша, то, значить, были такія убѣжденія, которыя совершенно его искоренили. Стало быть, было широкое, свѣтлое и основательное развитіе ума; но въ такомъ случаѣ, все воспитаніе Софьи Григорьевны было бы направлено совершенно иначе. Въ такомъ случаѣ, Анна Антоновна не стала бы пускать въ ходъ систему педагогическаго обмана, и въ шестнадцать лѣтъ Софья Григорьевна была бы дѣвушкою серьезно образованною, и неспособною увлекаться безцвѣтнымъ и плоскимъ фразерствомъ такого ничтожнаго господина, какъ Петръ Васильевичъ. Да и никакого Петра Васильевича не было бы на свѣтѣ, потому что Соня понимала бы, что папашѣ очень весело жить въ Петербургѣ, и что папашу вовсе не слѣдуетъ отрывать отъ удовольствій столичной жизни. Но, увы! такая Соня не могла бы сдѣлаться героинею трагическаго романа, и г. Станицкому пришлось бы искать добродѣтельныхъ маріонетокъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, за

предѣлами села Григорьевки. Поэтому я думаю, что попытка г. Станицкаго возвысить Анну Антоновну въ глазахъ читателя должна считаться совершенно неудачною. Эта попытка показываетъ намъ, какъ мало г. Станицкій понимаетъ настоящее значеніе тѣхъ явленій дѣйствительной жизни, которыя онъ рѣшается изображать. Читатель согласится, конечно, что предложенные мною вопросы имѣютъ очень важное значеніе, а между тѣмъ, эти вопросы не только не разрѣшены, но даже не поставлены г. Станицкимъ.

VIII.

СТРАДАНІЯ СОФЬИ ГРИГОРЬЕВНЫ.

Анна Антоновна внезапно умираетъ отъ огорченія, не исполнивъ ни одного изъ своихъ плановъ. Замѣчательно, что ее убиваетъ Софья Григорьевна, и еще замѣчательнѣе то, что нашъ удивительный романистъ не обращаетъ на это обстоятельство почти никакого вниманія. Узнавъ о намѣреніяхъ своей жены, Григорій Андреевичъ подаетъ, куда слѣдуетъ, бумагу о томъ, что Анна Антоновна страдаетъ припадками помѣшательства, и на этой бумагѣ красуется подлинная подпись Софьи Григорьевны. «По требованію отца, говоритъ г. Станицкій, Софья Григорьевна подписала просьбу, которая и была причиною смерти Анны Антоновны. Но дочь и не воображала, чтобы отецъ могъ ее заставить подписать подобное гнусное обвиненіе», и такъ далѣе (стр. 168). Этотъ интересный случай доказываетъ только ту простую истину, что совѣтъ не надо *воображать*, а надо *читать* тѣ бумаги, которыя подписываешь, и кромѣ того надо *замысливать* то, что читаешь. Я очень хорошо знаю, что огромное большинство нашихъ дамъ подписываютъ, не читая; а если бы онѣ и рѣшились прочесть, то ничего не поняли бы, и все таки подписали бы на авось. Но, когда женщина погружена въ такую счастливую певнность, что она подписываетъ бумаги *нечаянно*, — когда она своею подписью пришибаетъ до смерти родную мать, и когда она, *по невѣдѣнью* принимаетъ *дѣятельное* участіе въ подлости, тогда можно сказать навѣрное, что каждый шагъ въ жизни будетъ приносить ей разочарованія, оскорбленія и страданія. По своей ребяческой неопытности, она будетъ натываться лбомъ на такія препят-

ствія, которыя легко можно было устранить или обойти. По своей ребяческой раздражительности и впечатлительности, она будет чувствовать сильную боль отъ такихъ ничтожныхъ ушибовъ, на которые взрослый и мыслящій человекъ не обращаетъ никакого вниманія. Вдвое чаще ушибаться, да вдвое сильнѣе чувствовать каждый ушибъ, это значить вчетверо больше страдать, но вѣдь масса страданій учетверяется только благодаря личнымъ свойствамъ женщины. Будь она позрѣлѣе, она страдала бы вчетверо меньше, и тогда масса страданій была бы, можетъ быть, такъ незначительна, что въ общемъ итогѣ женщина чувствовала бы себя счастливою. Для Вѣры Павловны, изъ романа «Что дѣлать?» даже немислимы тѣ огорченія, отъ которыхъ зачахла Софья Григорьевна. Вѣра Павловна можетъ быть счастливою, потому что она сама знаетъ, въ чемъ она нуждается, сама умѣетъ контролировать свои желанія, и сама отыскиваетъ средства для удовлетворенія этимъ желаніемъ. Но для Софьи Григорьевны счастье было бы возможно только при одномъ условіи. Надо было бы, чтобы нашелся какой нибудь господинъ очень ограниченнаго ума, который прочиталъ бы книги Мишле о женщинѣ и о любви, и принялъ бы эти книги за величайшее произведеніе гениальнаго мыслителя. Проникнувшись идеями Мишле, убѣдившись въ томъ, что женщина есть существо вѣчно больное, что женщина есть цвѣтокъ, что женщина есть ребенокъ и что мужъ долженъ быть вѣчнымъ садовникомъ, вѣчнымъ воспитателемъ и вѣчною сидѣлкою, ухитрившись согласить въ своемъ убогомъ умѣ всѣ эти и многія другія обязанности мужа по Мишле, этотъ господинъ долженъ предложить Софью Григорьевну руку и сердце, и за тѣмъ должна начаться такая маниловщина, которая даже самому Манилову показалась бы невыносимою по своей утонченности. Вотъ тогда Софья Григорьевна почувствовала бы себя счастливою, но такъ какъ человекъ имѣющій хоть каплю практическаго ума, неспособенъ проникнуться идеями Мишле, и не пожелаетъ посвятить свою жизнь на воздѣлываніе Софьи Григорьевны, то мужъ цвѣтка будетъ также цвѣткомъ, и поэтому, для охраненія этихъ невинныхъ растений отъ коровъ и ословъ, потребуется специальный садовникъ или опекунъ. Такимъ образомъ, для счастья каждой женщины, подобной Софьи Григорьевнѣ, необходимы, по меньшей мѣрѣ, два должностныя лица, во первыхъ, глупый мужъ, а во вторыхъ, идеальный опекунъ. Но изъ этого ясно, что счастье подобныхъ созданій не только не воз-

можно, но даже и не желательно, потому что, въ самомъ дѣлѣ, за что же одну половину наличныхъ мужчинъ погружать въ красивый идиотизмъ, а другую осуждать на безправіе и на вѣчное ухаживание за плодящимися идиотами. Я знаю, что очень многія женщины похожи на Софью Григорьевну, очень жаль, что онѣ несчастливы, но не приведи Богъ, чтобы онѣ когда нибудь сдѣлались счастливыми, потому что тогда земной шаръ еще сильнѣе, чѣмъ въ настоящую минуту, сдѣлался бы похожъ на психіатрическую лечебницу. Больнымъ надо выздоравливать, а неизлечимымъ больнымъ надо умирать, но никакъ не слѣдуетъ желать такого измѣненія въ условіяхъ жизни, вслѣдствіе котораго больные, не переставая *быть* больными, *чувствовали* бы себя легко и весело. Если бы такое измѣненіе и было возможно, то оно, очевидно, было бы губительно для здоровыхъ. Оркестръ не виноватъ въ томъ, что глухой не слышитъ музыки; лечите глухого, но не заставляйте музыкантовъ играть такъ, чтобы вашъ невылеченный пациентъ могъ слышать всѣ перепады звуковъ; такую музыку вы разгоните всѣхъ здоровыхъ слушателей. Можетъ быть, оркестръ играетъ плохо, можетъ быть, музыка находится въ младенческомъ состояніи, но и оркестръ, и музыка должны совершенствоваться для того, чтобы доставлять наслажденіе здоровымъ, а не для того, чтобы провинять глухихъ. Какъ бы музыка ни усовершенствовалась, глухому отъ этого не сдѣлается легче, потому что ему можетъ помочь только такая перемѣна, которая произойдетъ не въ окружающемъ мірѣ, а въ его собственной личности. Страданія Софьи Григорьевны начинаются съ первыхъ недѣль ея замужества, и принимаютъ очень крупныя размѣры, хотя, по видимому, никакихъ особенныхъ несчастій не происходитъ. — «Нынче день такой для меня; я его никогда въ жизни не забуду: страшнѣе этого дня не можетъ быть ни въ чьей жизни, замѣтила съ увѣренностью Софья Григорьевна». (Стр. 127). Что же такое случилось въ этотъ страшный день? Умеръ кто нибудь, или съ ума сошелъ, или преступленіе какое нибудь ужасное совершилось, или развратные эгоисты прибили Софью Григорьевну? Нѣтъ, ничего этого не случилось, да и вообще въ этотъ день не произошло никакого событія, а только Софья Григорьевна узнала нѣкоторыя подробности изъ холостой жизни Петра Васильевича, и всѣ эти подробности относятся исключительно къ различнымъ проявленіямъ русскаго донъ-жуанства. Узнала она, что Петръ Васильевичъ прижилъ сына съ дворовою дѣву-

шкою Лизаветою, и увидела она этого сына, и убѣдилась въ томъ, что ребенокъ дѣйствительно похожъ на своего отца; узнала она, кромѣ того, что Петръ Васильевичъ велъ любовную переписку съ бѣдною дѣвушкою, Олимпиадою Федоровною. И узнала она, наконецъ, что Петръ Васильевичъ находился въ интригѣ съ камелією Катю. Вотъ и всѣ ужасы. Надо сказать правду: было бы очень весело жить на свѣтѣ, если бы «страшнѣе этого дня» не могло быть «ни въ чьей жизни.» Ясно, что всѣ страданія Софьи Григорьевны происходятъ отъ ревности, и притомъ отъ самой глупой ревности, то есть, отъ такой, которая обращена на прошедшее. Замѣчательно, что г. Станицкій горячо осуждаетъ ревность въ Григорьѣ Андреевичѣ, и въ тоже время относится съ полнымъ сочувствіемъ къ ревности его дочери: «и если грубость иногда и проглядывала въ его дѣйствіяхъ, говорить онъ о Григорьѣ Андреевичѣ, то это, какъ догадывались, была ревность, — а вѣдь ревность-то и есть любовь, какъ доказываютъ всѣ влюбленные эгоисты, чтобъ оправдаться чѣмънибудь въ своихъ дурныхъ поступкахъ въ то время, когда власть ихъ надъ женщиной еще колеблется.» (Стр. 49). Положимъ, что не влюбленные эгоисты, а влюбленные пошляки доказываютъ, что «ревность-то и есть любовь.» Но это все равно; мы уже знаемъ, что слово «эгоистъ» на языкѣ г. Станицкаго имѣетъ ругательное значеніе; стало быть, не придираясь къ словамъ, замѣтимъ только, что на стр. 49 г. Станицкій считаетъ ревность чувствомъ вполне достойнымъ грязныхъ эгоистовъ, а потомъ, все мученичество Софьи Григорьевны основывается почти исключительно на этомъ оплеванномъ чувствѣ, и однако, сама мученица не считается ни эгоисткою, ни грязною, ни даже глупою. На стр. 130 Софья Григорьевна бросаетъ на полъ медальонъ Петра Васильевича, и кричитъ «раздражающимъ голосомъ: «поѣдьте къ нему! я хочу его видѣть и сказать ему въ глаза, что онъ...» Здѣсь вырываются изъ груди ея вопли, которые мѣшаютъ ей «досказать фразу», и она падаетъ безъ чувствъ. — Можно сказать, что вопли и обморокъ подоспѣли очень кстати, потому что Софья Григорьевна вѣроятно произнесла бы какуюнибудь «грубость», и тогда г. Станицкому пришлось бы доказывать, что грубости Григорья Андреевича были предосудительны и вытекали изъ грязнаго эгоизма, а грубости Софьи Григорьевны, напротивъ того, похвальны и вытекаютъ изъ самой чистой любви. Но ни вопли, ни обморокъ не могутъ замаскировать ту печальную не-

урядицу, которая господствуетъ въ идеяхъ г. Станицкаго. Какъ ни поворачивай дѣло, а все-таки выходитъ, что мужчина не смѣй ревновать, а женщина ревнуй, сколько душѣ угодно. Само собою разумѣется, что это мнѣніе г. Станицкаго въ высшей степени оскорбительно для женщинъ. Если мы допустимъ, что ощущеніе ревности есть необходимое и нормальное отправление женскаго организма, то мы, этимъ самымъ сужденіемъ, обречемъ женщину на вѣчную, самую унижительную и самую тягостную зависимость. Въ самомъ дѣлѣ, если вы ревнуете, и если это чувство принимаетъ у васъ размѣры серьезнаго страданія, то это значитъ, что все счастье вашей жизни находится въ чужихъ рукахъ, и что эти чужія руки во всякую данную минуту могутъ измѣять и изуродовать ваше счастье, не прикасаясь къ вашей собственной личности. Когда намъ говорятъ: «эта женщина счастлива», то мы обыкновенно понимаемъ эти слова въ томъ смыслѣ, что эта женщина любима тѣмъ человѣкомъ, котораго она сама любитъ; чуть только этотъ человѣкъ отвернулся отъ нея, вотъ она и несчастлива, вотъ и начинаются мученія ревности; мы такъ привыкли къ такимъ явленіямъ, что даже не замѣчаемъ ихъ уродливости, а вѣдь, между тѣмъ, не трудно, кажется, понять, что эти явленія указываютъ на страшную внутреннюю пустоту тѣхъ личностей, для которыхъ любовь Петра или Ивана составляетъ, такимъ образомъ, высшее благо и единственную цѣль существованія. У этихъ несчастныхъ личностей нѣтъ своего внутренняго содержанія; у нихъ нѣтъ никакой любимой дѣятельности; онѣ не принимаютъ никакого участія въ общей работѣ человѣчества; онѣ даже не имѣютъ понятія о существованіи такой работы; всѣ величайшія усилія человѣческой мысли, всѣ колоссальныя событія новѣйшей исторіи, всѣ животрепещущія надежды и стремленія лучшихъ людей — все это или совершенно неизвѣстно ревнивымъ обожателямъ Петра и Ивана, или, еще хуже, извѣстно имъ, какъ вызубренный параграфъ учебника, или какъ мертвый столбецъ газеты. Взаимная любовь, конечно, даетъ много наслажденій, больше, чѣмъ хорошій обѣдъ, больше, чѣмъ роскошная квартира, больше, чѣмъ оперная музыка, но наполнять всю жизнь взаимною любовью, не видѣть въ жизни ничего выше и обаятельнѣе взаимной любви, не умѣть, въ случаѣ надобности, отказаться отъ этого наслажденія, — это значитъ не имѣть понятія о настоящей жизни, это значитъ не подозрѣвать,

какъ великъ и силенъ человѣческій умъ, и какія неисчерпаемыя сокровища неотъемлемыхъ наслажденій скрыты въ сѣромъ веществѣ нашего головного мозга. Когда любовь дается вамъ въ руки, пользуйтесь ею, какъ вы пользуетесь, напримѣръ, свѣтлымъ и теплымъ лѣтнимъ днемъ. Но если набѣгутъ тучи и полетится дождь, не станете же вы плакать о томъ, что разстроилась ваша прогулка. Велика бѣда! — сегодня дождь, а завтра будетъ опять солнечный день. А семилѣтній ребенокъ все-таки заплачетъ: завтрашній день далеко, ему надо сегодня. Печальная была бы шутка, если бы этому семилѣтнему ребенку пришлось оставаться ребенкомъ въ теченіи семидесяти лѣтъ, и если бы существовала цѣлая порода такихъ человѣкообразныхъ созданій, которыя проливали бы горькія слезы по поводу каждаго лѣтняго дождя, разстроившаго пріятную прогулку. А вѣдь не далеко уѣхали отъ этихъ плаксивыхъ созданій тѣ убогія и нищія личности, для которыхъ невѣрность Ивана или Петра составляетъ громадное несчастье, наполняющее цѣлую жизнь слезами и отчаяніемъ. И эту плаксивость, эту убогость, эту поразительную нищету романисты и критики ежедневно возводятъ въ великое достоинство человѣческой природы. Вотъ она, говорятъ, истинная любовь, вотъ она сила любви. А вся эта сила и истинность ничто иное, какъ результатъ внутренней пустоты. Личность такъ слаба и несостоятельна сама по себѣ, что по неволѣ должна прислониться къ другой личности, и когда эта опора измѣняется, тогда прислонившаяся личность падаетъ, ушибается и начинаетъ охать. Вотъ именно противъ этой-то мучительной и позорной зависимости должна быть направлена эманципація женщинъ. Женщина должна стоять на своихъ собственныхъ ногахъ; женщина, какъ человѣческая личность, должна постоянно носить въ себѣ самой главный источникъ своего счастья, и ни мужчина, ни женщина никогда не должны отдавать этотъ основной капиталъ своей жизни въ чужія руки. Удастся ли женщинѣ стать, такимъ образомъ, въ совершенно независимое положеніе — этого никто не рѣшится утверждать заранѣе, но объ этомъ еще не время разсуждать; удастся или нѣтъ — это все равно; во всякомъ случаѣ, каждая женщина, уважающая свою человѣческую личность, и желающая упрочить свое собственное счастье, должна употреблять всѣ усилія, чтобы какъ можно ближе подойти къ полному самоосвобожденію. А подойти къ этой цѣли можно только однимъ

путемъ, путемъ серьезнаго, послѣдовательнаго и общепользнаго умственнаго труда. Въ медицинѣ нѣтъ универсальнаго лекарства, но есть общія правила гигиены, и соблюденіе этихъ правилъ предотвращаетъ большую часть болѣзней. Противъ различныхъ нравственныхъ и общественныхъ страданій человѣчества также нѣтъ универсальнаго лекарства; но, если мы хотимъ, чтобы будущія поколѣнія страдали меньше насъ, то мы должны стараться, чтобы умственный капиталъ обращался въ обществѣ, какъ можно, быстрѣе. Въ этомъ заключается главное правило общественной гигиены, и если это правило будетъ соблюдаться, то можно сказать навѣрное, что несчастная любовь, мучительная ревность и подвиги донъ-жуанства скоро будутъ сданы въ общій архивъ забытыхъ человѣческихъ глупостей. — Но, къ сожалѣнію, въ умственный капиталъ введено много фальшивой монеты, и множество человѣческихъ глупостей пользуются полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ самыхъ людей, которые считаютъ себя проповѣдниками истины и карателями заблужденій. — Любопытно и даже умилительно замѣтить, какъ чистосердечно г. Станицкій, неутомимый проповѣдникъ и пламенный каратель, восхищается ребяческимъ слабоуміемъ своихъ любимыхъ маріонетокъ. Идетъ Софья Григорьевна встрѣчать Петра Васильевича, уѣхавшаго въ городъ къ Катѣ, и обѣщавшаго воротиться въ назначенный день. Она отходитъ отъ дому довольно далеко, и вмѣсто Петра Васильевича, встрѣчаетъ его молодаго родственника, Сережу, который считается сумасшедшимъ, и живетъ отшельникомъ, въ уединенномъ флигелѣ; на самомъ дѣлѣ, этотъ Сѣрежа — благороднѣйшій человѣкъ, вовсе не сумасшедшій, но ведущій созерцательную жизнь среди книгъ, нотъ и цвѣтовъ; выбралъ же онъ эту жизнь, достойную рыцаря Тоггенбурга, потому, что мать его — дурная женщина, а еще потому, что сестра его умерла отъ отчаянія и воспаления въ легкихъ, и наконецъ, еще потому, что самъ онъ, Сѣрежа, не въ состояніи смотрѣть на человѣческія гнусности. Встрѣтившись съ Софьею Григорьевною, Сѣрежа спрашиваетъ у нея, между прочимъ, давно ли уѣхалъ ея мужъ?

— «Вотъ уже теперь ровно двое сутокъ. — Софья Григорьевна произнесла это такимъ тономъ, точно Богъ знаетъ, сколько лѣтъ прошло съ минуты ихъ разлуки». (Стр. 138). Эта наивность очень трогательна и похвальна, но еще трогательнѣе и похвальнѣе то, что Софья Григорьевна принимаетъ предложеніе Сѣрежи, вызвавш-

гося поѣхать ночью, верхомъ, въ городъ, для того, чтобы къ утру доложить Софьѣ Григорьевнѣ, какая причина задержала ея супруга. Сережа, слабый и болѣзненный юноша, путешествуетъ всю ночь, и воротившись домой, конечно, занемогаетъ. На другой день, узнавши, что Сережа боленъ, Софья Григорьевна говоритъ «*съ досадою*»: Такъ опъ не былъ въ городѣ? А я такъ понадѣялась на него. (Стр. 140.) И этими словами ограничивается все ея участіе къ положенію больного, даже тогда, когда ей говорятъ, что его свалила съ ногъ поѣздка въ городъ. Вы не забудьте, что все это происходитъ черезъ два дня послѣ швырянія медальона на полъ. Посудите сами, есть ли какая нибудь разница между этою женщиною и тѣмъ семилѣтнимъ ребенкомъ, который плачетъ и капризничаетъ по поводу лѣтняго дождя? И есть ли какая нибудь возможность серьезно сочувствовать воплямъ и обморокамъ такого пустаго и ничтожнаго существа? Дальше наивность Софьи Григорьевны становится еще обаятельнѣе, а сочувствіе г. Станицкаго дѣлается еще очевиднѣе и умильнѣе. Софья Григорьевна сближается съ Сережею, и посѣщаетъ иногда его уединенный флигель. «Они, какъ дѣти, говоритъ г. Станицкій, долго болтали и смѣялись; ихъ взгляды такъ были чисты, ихъ разговоръ такъ искренень, что невольно думалось: вотъ что нужно для супружескаго счастья, — нужно, чтобъ равно обомъ пугала грязь жизни, а не такъ, какъ это бываетъ всегда: одинъ пропитанъ развратомъ, безстрашенъ ко всякимъ низостямъ и равнодушенъ ко всякому горю и страданію ближняго, другой—слабая, неопытная женщина». (Стр. 146.) А вотъ чѣмъ занимались невинные молодые люди. «Они читали вмѣстѣ, и даже иногда, какъ дѣти, бѣгали по саду, стараясь каждый сдѣлать возможно большее число круговъ. Послѣ этой бѣготни, они, безъ всякой натянутости, вели серьезный разговоръ объ умершей сестрѣ молодого человѣка, о страдающихъ бѣдныхъ двухъ женщинъ и оканчивали всегда надеждою, что добро восторжествуетъ наконецъ надъ зломъ, — въ это они дѣтски вѣровали» (146). Да! Вотъ что нужно для супружескаго счастья! Договорился наконецъ г. Станицкій до послѣднихъ результатовъ своей нравственной философіи. Раскрылись передъ нашими изумленными очами самыя глубокія тайники его міросозерцанія. Когда я предлагалъ для Софьи Григорьевны счастье по рецепту Мишле, то недовѣрчивые читатели думали, быть можетъ, что я преувеличиваю, и что я слишкомъ недо-

брожелательно отношусь къ тому типу, который выражается въ возлюбленной героинѣ г. Станицкаго. Теперь эти недовѣрчивые читатели видятъ желанія самого г. Станицкаго, благоговѣющаго передъ этимъ типомъ; кажется, эти желанія, по своей смѣлости, превосходятъ всѣ мои предположенія, потому что я никакъ не думалъ, чтобы для полноты супружескаго счастья, даже по Мишле, и даже для Софьи Григорьевны, было необходимо или полезно дѣлать по саду «возможно большее число круговъ». Впрочемъ, мнѣ кажется, что это дѣланіе круговъ составляетъ самое благоразумное изъ всѣхъ занятій, наполнявшихъ безконечные досуги Сережи и Софьи Григорьевны. Тутъ получаютъ осязательные результаты: уврѣпляются мускулы, развиваются легкія, и пріобрѣтается аппетитъ. Но какую пользу приносило ихъ чтеніе, и къ чему вели ихъ возвышенныя бесѣды о торжествѣ добра, чѣмъ отличалось ихъ чтеніе отъ упражненій чичиковскаго Петрушки, и чѣмъ отличались ихъ бесѣды отъ умозрѣній судьи Ляпкина-Тяпкина о сотвореніи міра—это вопросы очень мудреные, и если г. Станицкій попробуетъ ихъ разрѣшить, то его умъ немедленно зайдетъ за его разумъ. Всѣ эти серьезные или пгривыя забавы Сережи и Софьи Григорьевны оправдываются вполнѣ извѣстною поговоркою: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало; но при этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что добро врядъ ли когда нибудь восторжествуетъ надъ зломъ, если всѣ люди, желающіе этого торжества, сдѣлаются похожими на Софью Григорьевну и на ея невиннаго собесѣдника. Это, конечно, очень красиво и трогательно, когда *грязь жизни равно пугаетъ обоихъ*, но для того, чтобы эта боязнь грязи воспиталась въ одной человѣческой личности, необходимо, чтобы десятки или сотни другихъ человѣческихъ личностей вертѣли за кулисами очень грязныя колеса большой и тяжелой машины. Окружить себя цвѣтами, книгами и иотами, бѣгать по саду съ хорошенькою женщиною, и воодушевлять себя и ее пріятными разговорами о торжествѣ добра — все это, конечно, очень изящно, и пропитано ароматомъ чистѣйшей поэзіи и самой возвышенной нравственности, но все это было бы совершенно невозможно, если бы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ристалища певинныхъ отроковъ, не копошились, съ ранняго утра до поздней ночи, грязныя лапы тѣхъ милыхъ младшихъ братьевъ, которые обращаются съ своими супругами очень невѣжливо, о торжествѣ добра никогда не бесѣдуютъ, и

вообще погрязаютъ упорно въ самомъ грубомъ и предсудительномъ матеріализмѣ. Если бы у Сережи не было денегъ, заработанныхъ руками милыхъ мужичковъ, то невинному Сережѣ пришлось бы замѣнить боязнь передъ житейскою грязью разными другими, болѣе производительными свойствами ума и характера. Боязнь житейской грязи, это — самое барское качество, и люди, обладающіе этою добродѣтелью, всегда будутъ годны только на то, чтобы дѣлать «возможно большее число круговъ», читать для процесса чтенія, и бесѣдовать о борьбѣ между добромъ и зломъ. Уважать этихъ людей нѣтъ ни малѣйшей возможности, и въ этихъ людяхъ особенно противно именно то, что они бесѣдуютъ о торжествѣ добра, и заявляютъ свои благія желанія: ахъ, молъ, кабы восторжествовало! Заявлять эти желанія, вѣрять въ полную искренность своихъ заявленій, считать самого себя за чистаго и честнаго человѣка, имѣющаго право гнущаться житейскою грязью, и въ то же время сидѣть, сложа руки, и коптить небо, а при этомъ не чувствовать невыносимо мучительной бессмысленности своего положенія и всего своего существованія — это великолѣпный фокусъ человѣческой глупости. Хороша честность и чистота, которая ѣсть чужой хлѣбъ, на чужой счетъ доставляетъ себѣ умственную роскошь, и въ замѣнъ этихъ поглощаемыхъ продуктовъ чужаго труда, не производитъ и не хочетъ производить ровно ничего, кромѣ супружескаго счастья. Отчего жъ ты, голубчикъ, не хочешь? — Да я боюсь замарать мою честность и чистоту. Меня пугаетъ грязь жизни. Я ненавижу пороки, и не желаю подходить къ нимъ близко. О другъ любезный! Ты можешь совершенно успокоиться на счетъ твоей честности и чистоты. Эти пріятныя свойства существуютъ только въ твоемъ собственномъ воображеніи. На самомъ же дѣлѣ твоя честность и чистота на свозъ пропитаны тою грязью, которая тебя пугаетъ. Твои родители купили для тебя эти свойства вмѣстѣ съ твоимъ тонкимъ бѣльемъ и учебными книжками. Добываніе твоей честности и чистоты припесло, такимъ образомъ, препорядочную массу зла. Теперь эти свойства тщательно сохраняются тобою подъ стекляннымъ колпакомъ. Ты боишься ихъ замарать, и, вслѣдствіе этого, они не приносятъ ни малѣйшаго добра. Изъ этого выходитъ то печальное заключеніе, что ты, о другъ мой, чистый минусъ, и что твое существованіе вредно для общества. Разсуждая о торжествѣ добра, ты всякій разъ

долженъ краснѣть за самого себя; если же ты не краснѣешь, а напротивъ того, радуешься и воодушевляешься, то это доказываетъ только, о другъ мой, что ты замѣчательно тупоуменъ, что ты дѣйствительно можешь составить счастье Софьи Григорьевны, и что на тебѣ съ любовью и съ благоволеніемъ могутъ и должны останавливаться взоры твоего великаго создателя, г. Станицкаго. Однако, пора оставить въ покоѣ Софью Григорьевну. Пускай швыряетъ на полъ медальоны, пускай падаетъ въ обмороки, пускай дѣлаетъ возможно большее число круговъ— всѣ эти упражненія представляютъ очень мало интереснаго, и всѣ они объясняются очень удовлетворительно краткою и невѣжливою поговоркою: съ жиру собаки бѣсятся.— Я самъ чувствую, что поговорка невѣжлива, но что же съ этимъ дѣлать? — Ее сложили младшіе братья, одаренные грязными лапами и лишеныя эстетическаго пониманія.

IX.

ДѢДУШКА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Романъ г. Станицкаго переполненъ гнусными людьми, но даже въ этомъ мрачномъ романѣ дѣдушка Петра Васильевича приводитъ читателя въ изумленіе размѣрами своей гнусности. Если бы творческая сила г. Станицкаго равнялась его добродѣтельному азарту, то фигура этого дѣдушки оказалась бы гораздо ужаснѣе титанической фигуры шекспировскаго Ричарда III, а извѣстно, что въ сравненіи съ Ричардомъ III Сатана Мильтона можетъ быть названъ кроткимъ и привлекательнымъ юношею. Но такъ какъ силы г. Станицкаго далеко не соответвуютъ обширности его замысловъ и претензій, то ужасный дѣдушка оказывается похожимъ на полишинеля: онъ, дѣйствительно, очень некрасивъ, но въ его безобразіи нѣтъ ничего ужаснаго, и вообще это безобразіе не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія, потому что оно—совершенно неправдоподобно. Эта фигура была бы вполне уместна въ «Парижскихъ тайнахъ», а если она появилась на страницахъ «Современника», то это обстоятельство доказываетъ только, что пересоленный реализмъ очень легко превращается въ мелодраму, и что редакція, заваленная серьезною рабо-

тою, не въ силахъ постоянно оберегать свой беллетристическій отдѣлъ отъ различныхъ нелѣпостей. При первомъ знакомствѣ вашемъ съ безобразнымъ дѣдушкою, вы тотчасъ чувствуете, что это очень дурной человѣкъ, и что г. Станицкій приказываетъ вамъ возненавидѣть его всѣми силами вашей добродѣтельной души. Вотъ описаніе его наружности: «Лице старика было длинно и желто, сверхъ того, дрябло, и покрыто крупными морщинами, подбородокъ острый; носъ формою походилъ на клювъ хищной птицы, а губы то какъ бы жевали, то складывались въ непріятную, злобную улыбку; маленькіе глаза, съ какимъ-то желтымъ блескомъ, такъ и сверкали изъ подъ ключевъ полусѣдыхъ бровей, и невольно поражали противорѣчіемъ съ аптечной обстановкой комнаты и съ натянутымъ, болѣзненно плачевнымъ, выраженіемъ лица, которое однако то и дѣло измѣнялось въ самое ехидное». (Стр. 102). Ясное дѣло, что дѣдушка ужасный «моветонъ», то есть, «хорошо, если мошенникъ, а можетъ, и еще того хуже». Чего и ожидать отъ человѣка, у котораго носъ подобенъ клюву хищной птицы, глаза сверкаютъ желтымъ блескомъ, а на лицѣ выражается всякое ехидство? «Впрочемъ, говорить далѣе г. Станицкій, этотъ почтенный дѣдушка—была такая гнусная личность, что ей по настоящему надо было, вмѣстѣ съ гадами, скрываться гдѣнибудь въ подземелья, но ужь никакъ не жить при дневномъ свѣтѣ и пользоваться уваженіемъ людей независимыхъ и образованныхъ» (Стр. 105). Не знаю, кто тутъ напуталъ, г. Станицкій или г. корректоръ, но во всякомъ случаѣ, меня безконечно увеселяетъ то обстоятельство, что «дѣдушка *была*» такая большая мерзавка. Лирическое мѣсто само по себѣ неподобно, но грамматическая ошибка возводитъ его въ перлъ созданія, потому что она порождаетъ тотъ примиряющій смѣхъ, котораго эстетика требуютъ отъ каждаго комическаго произведенія. «Его лицемѣрство и эгоизмъ, продолжаетъ нашъ романистъ, доходили до ужасающихъ размѣровъ: онъ мучилъ и притѣснялъ съ какимъ-то страстнымъ наслаженіемъ» (Стр. 105). Я вамъ говорилъ, что *подлая* дѣдушка выйдетъ хуже Ричарда III, если только мы будемъ вѣрить на слово г. Станицкому. У Ричарда, по крайней мѣрѣ, была какая-нибудь цѣль: онъ добивался англійской короны. А у дѣдушки и цѣли никакой нѣтъ: голая ядовитость, безъ малѣйшей примѣси. «Можно ли было свободно дышать тамъ, гдѣ до того развито было шпионство между дворней, что даже шефъ инкви-

зиціи позавидоваль бы дѣдушкѣ, такъ глубоко развратившему лю-
дей.» (Стр. 106)—Ну, шефъ-то инквизиціи не позавидоваль бы, глу-
бокомысленно замѣтитъ здѣсь зять Ноздрева, скептикъ Мижувѣ. И
оказывается, что, дѣйствительно, нечему завидовать, и что инквизи-
ція приплетена тутъ для большей мрачности колорита, и для пуца-
го посрамленія недостойнаго дѣдушки. На стр. 170 и 171 повѣст-
вуется о томъ, что двѣ женщины, живуція въ домѣ дѣдушки, на-
дули всѣхъ шпионовъ, и не только надули, но даже надували ихъ
въ продолженіи нѣсколькихъ дней; онѣ перенесли умирающаго Сере-
жу изъ его уединеннаго олигеля въ домъ дѣдушки, въ комнату Софьи
Григорьевны, которая въ то время уже уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ.
«Но надо было обманывать шпионовъ, говорить г. Станицкій, и
Марья Васильевна поспла въ пустой домъ пищу и питье, чтобъ толь-
ко не потревожили умирающаго.» (Стр. 171). Все это открылось
только тогда, когда Сережа умеръ. Нечего сказать, хороши шпионы,
и хороша была бы инквизиція, опирающаяся на услуги такихъ бол-
вановъ. «Очень понятно, что и новая внучка не была избавлена отъ
подобнаго шпионства, и онъ, что называется, ловилъ рыбу въ мут-
ной водѣ, упиваясь слезами и отчаяніемъ молодой женщины, противъ
которой составилось чуть не ополченье.» (Стр. 106). Эту новую
внучку, то есть, Софью Григорьевну, онъ старается даже сдѣлать
своею любовницею. «Будьте умненькая, говоритъ онъ, не огорчайте
меня; что вамъ стоитъ поласкать старика? Право, старики еще чест-
нѣе: молодой-то разомъ ласкаетъ трехъ-четырехъ, и всѣхъ обмань-
ваетъ, а ужъ старикъ такого предательства не сдѣлаетъ.» (Стр. 110).
Все это, и многое другое въ томъ же эротическомъ направленіи, нес-
частный дѣдушка говоритъ, очевидно, по приказанію г. Станицкаго,
и только для того, чтобы обнаружить передъ читателемъ всю глуби-
ну своей гнусности. Для самого дѣдушки отъ этихъ разговоровъ не
можетъ произойти ни малѣйшаго удовольствія, и онъ, какъ опыт-
ный старикъ и отставной Донъ-Жуанъ, самъ очень хорошо долженъ
понимать, что эти разговоры ни къ чему не поведутъ, потому что,
въ самомъ дѣлѣ, кто же обращается съ подобными предложеніями
къ женщинѣ, только что вышедшей замужъ, и страстно влюбленной
въ своего мужа. Само собою разумѣется, что Софья Григорьевна да-
же не догадывается, къ чему дѣдушка клонить свою рѣчь, а дѣдуш-
ка, съ своей стороны, заявивъ публикѣ, что онъ развратникъ, счи-

таетъ дѣло оконченнымъ и оставляетъ всякія дальнѣйшія домогательства. Въ домѣ дѣдушки живетъ его бывшая любовница, старуха Марья Васильевна, которую дѣдушка, конечно, терзаетъ всякими попреками. У дѣдушки есть незаконнорожденная дочь, Олимпиада Федоровна, которую онъ, на глазахъ читателя, доводитъ до чахотки, и укладываетъ въ могилу, также попреками. Въ концѣ первой части романа происходитъ генеральное вымираніе различныхъ замученныхъ жертвъ. Прежде всѣхъ умираетъ великодушный Сережа. За нимъ слѣдуетъ, черезъ страницу, Марья Васильевна. На слѣдующей страницѣ умираетъ Олимпиада Федоровна. Это называется черезъ часъ по ложкѣ. Дѣдушка переживаетъ ихъ всѣхъ, и избираетъ себѣ жертву изъ новаго поколѣнія. Онъ держитъ при себѣ, въ видѣ казачка, сына Петра Васильевича и Лизаветы: «Старикъ тѣшился надъ бѣднымъ мальчикомъ безобразно: всякій день ему приготовляли въ коробкѣ пауковъ, и дѣдушка тихонько выпускалъ ихъ на мальчика, который страшно боялся этихъ насѣкомыхъ (мимоходомъ замѣчу, что это даже и не насѣкомыя), плакалъ, дрожалъ и умолялъ снять съ него паука, но старикъ притворялся, что онъ тоже боится, и такимъ образомъ доводилъ ребенка до истерки.» (Стр. 174). «А уже испуская дыханіе, онъ выкинулъ слѣдующую штуку. Измученный мальчикъ обыкновенно засыпалъ стоя, и потомъ уже, скользя по стѣпѣ, тихо опускался на коверъ, гдѣ и спалъ. Но умирающій, не желая, чтобы ребенокъ спалъ, велѣлъ привязать его къ спинкѣ стула и поставить противъ себя». (Стр. 176).

Однако, дѣдушкѣ не удалось замучить казачка до смерти. Время взяло свое, и старикъ умеръ прежде мальчика. Г. Станицкій не сообщаетъ намъ, какую эпитафію изобразили на памятникѣ лютаго дѣдушки, но, по всей справедливости, эпитафію слѣдовало бы составить такъ: «здѣсь лежитъ несчастная жертва неудавшагося реалиста».

Х.

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ МОЛОДОГО ПОКОЛѢНІЯ.

Сережа очень добродѣтеленъ, и не разгромитъ порока очень пламенными рѣчами. «Вы увидите, говоритъ онъ Софѣ Григорьевнѣ

утѣшительнымъ тономъ, что я заставлю всѣхъ пресмыкающихся и ползающихъ около васъ гадовъ спрятаться по своимъ мрачнымъ норамъ» (стр. 158). Но этотъ добродѣтельный Сережа, выражающій свои мысли такимъ сильнымъ и въ то же время книжнымъ языкомъ, не вполне удовлетворяетъ нравственнымъ требованіямъ г. Станицкаго. Въ лицѣ Сережи мы видимъ плачущую и страдающую добродѣтель, и поэтому необходимо, чтобы на сцену явились новыя марионетки, изображающія добродѣтель веселую, твердую и побѣдоносную. Такія марионетки дѣйствительно, являются во второй части романа, и, конечно, причисляются къ тому молодому поколѣнію, о которомъ наши писатели разсуждаютъ такъ много, и о которомъ они, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ почти никакого понятія. Г. Станицкій знаетъ это молодое поколѣніе такъ же хорошо, какъ онъ знаетъ вообще природу человѣка, потребности нашей современной жизни и причины семейныхъ несогласій. Его добродѣтельный юноша, Александръ Егоровичъ Снѣговъ, составленъ по очень извѣстному рецепту, и по этому же самому рецепту составленъ другой добродѣтельный юноша, Дмитрій Степановичъ Карсановъ, украшающій своимъ присутствіемъ «Романъ въ петербургскомъ полусвѣтѣ». Личнаго характера не имѣютъ ни тотъ, ни другой, и, вслѣдствіе этого, я буду анализировать ихъ общій рецептъ, выбирая факты изъ обоихъ романовъ, принадлежащихъ одному автору. Бѣдные родители, природная любознательность, блестящія способности, борьба съ бѣдностью, кружокъ университетскихъ товарищей, однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ, все такъ, какъ обыкловенно бываетъ написано въ книжкахъ, и все это, разумѣется, безъ малѣйшихъ слѣдовъ самостоятельнаго наблюденія. Вотъ, напримѣръ, какія подробности сообщаются изъ исторіи умственной жизни героевъ: «вмѣсто пошлыхъ французскихъ романчиковъ, какіе читаются единственно завитыми и расчесанными головами, Снѣговъ читалъ дѣльныя книги да изучалъ русскую литературу». — «Пріѣхавъ въ Петербургъ застѣнчивымъ мальчикомъ, онъ не имѣлъ случая завести себѣ знакомствъ и сдѣлался очень разборчивъ, мѣтко угадывая и понимая все дурное въ людяхъ». Что застѣнчивость и отсутствіе знакомствъ развиваютъ въ мальчикѣ способность мѣтко угадывать и понимать въ людяхъ все дурное—это, очевидно, субъективное соображеніе г. Станицкаго, потому что до сихъ поръ, по всей вѣроятности, никому не приходило въ голову связывать такія причины съ

такими послѣдствіями. «Снѣговъ и его товарищи постоянно разсуждали объ обязанностяхъ честнаго человѣка, и оставались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, не смотря ни на какіе соблазны.» Снѣговъ и его товарищи могли бы найти болѣе полезный предметъ для разсужденій. Съ какими соблазнами имъ приходилось бороться — это остается неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что Снѣговъ «выжилъ почти весь курсъ въ четырехъ стѣнахъ института». О Карсановѣ мы узнаемъ то же самое. «Его студенческая труженическая жизнь не убила въ немъ юношеской свѣтлой вѣры въ достоинство человѣка и въ торжество истины въ мірѣ. Около Карсанова составилъ кружокъ подобный ему честныхъ, пылкихъ душою товарищей, и въ скоромъ времени въ этомъ кружкѣ закипѣла дѣятельная жизнь мысли. Европейскіе мыслители были ихъ заочными наставниками, такъ что этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей сдѣлался какимъ-то изолированнымъ міркомъ въ русскомъ обществѣ.» — «Они, въ своей экзальтаціи, очень походили на людей, которые усѣлись на берегу моря въ лодку, распустили паруса и, любуясь величественною картиною безбрежной дали, закатомъ солнца, убаюканные мѣрными волнами, плывутъ все дальше, не замѣчая, что ихъ уже раздѣлило страшное пространство и что ихъ голоса не достигнуть до берега.» Изъ всего этого явствуетъ, что Карсановъ и Снѣговъ сдѣлались очень добродѣтельными людьми. Но изъ всего этого явствуетъ еще болѣе, что г. Станицкій не имѣетъ никакого понятія о томъ, что онъ описываетъ. Если бы я умѣлъ писать одну фразу за другою, не вкладывая въ эти фразы никакого осязательнаго смысла, то я бы могъ тотчасъ изобразить вамъ, какъ развиваются японскіе юноши, и мое изображеніе было бы такъ же вѣрно и наглядно, какъ рассказы г. Станицкаго о студенческихъ занятіяхъ Снѣгова и Карсанова. Что читали эти молодые люди? — «Дѣльныя книги». — Какія книги? — Сочиненія «европейскихъ мыслителей». — Какіхъ европейскихъ мыслителей? — Такихъ, которые превратили «этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей» въ «какой-то изолированный мірокъ». А если даже этотъ отвѣтъ покажется вамъ недостаточно опредѣленнымъ, то вамъ представятъ лодку, плывущую при закатѣ солнца, и людей, любующихся величественною картиною безбрежной дали. Этимъ поясненіемъ вы уже непременно обязаны удовлетвориться, потому что всякая человѣческая любознательность должна же имѣть какіе нибудь предѣ-

лы. Да и чего вамъ еще надо? Книги были дѣльныя, мыслители—европейскіе, кружокъ—маленькій, мірокъ—изолированный, даль безбрежная, картина—величественная. При каждомъ существительномъ особое прилагательное. Какой же вы еще желаете ясности и определенности? Вамъ, можетъ быть, любопытно знать, что изучалъ Снѣговъ? Извольте; г. Станицій такъ великодушенъ, что даже на этотъ вопросъ опъ готовъ вамъ отвѣтить; Снѣговъ изучалъ русскую литературу. Вы спросите, пожалуй, о чемъ рассуждалъ Снѣговъ съ своими товарищами? Объ обязанностяхъ честнаго человѣка. Теперь довольно. Прекратите ваши нескромные вопросы и рассмотрите внимательно данный вамъ отвѣтъ, на счетъ русской литературы. Снѣговъ, конечно, можетъ изучать русскую литературу; если ему угодно, онъ можетъ даже изучать сіамскія древности или алеутскую грамматику; всѣ эти занятія не представляютъ физической невозможности, и не воспрещены закономъ; но если Снѣговъ изображаетъ свою особю представителя молодого поколѣнія, если въ немъ должны воплощаться преобладающія стремленія теперешней молодежи и если онъ дѣйствительно одаренъ блестящими способностями, то изученіе русской литературы навязано ему совершенно некстати. Теперешніе молодые люди относятся къ русской литературѣ очень равнодушно, и врядъ ли можно ожидать, чтобы гг. Лонгиновъ, Галаховъ, Тихонравовъ, Буслаевъ, Сухомлиновъ и другіе, нашли бы себѣ въ рядахъ нашей молодежи восторженныхъ цѣнителей и усердныхъ продолжателей. Конечно, кафедры русской словесности въ университетахъ и въ гимназіяхъ не опустѣютъ; всегда найдутся молодые люди, желающіе ихъ занять; но трудно себѣ вообразить, чтобы къ этимъ кафедрамъ устремились самыя блестящія дарованія трудящейся молодежи. Русскую литературу изучаютъ въ настоящее время юноши очень трудолюбивые, очень кроткіе, очень добросовѣстные, но вовсе не даровитые и совершенно неспособные привязываться сознательно и страстно любовью къ предмету своихъ занятій. Эти юноши превосходно выдерживаютъ кандидатскій экзаменъ, также превосходно выдерживаютъ экзамены на магистра и на доктора, и защищаютъ свои диссертациі съ скромною основательностью; потомъ они получаютъ кафедру; за тѣмъ, лѣтъ черезъ пятнадцать, они сдѣлаются ординарными профессорами; они будутъ читать лекціи и, ради пріличія, писать маленькія изслѣдованія до тѣхъ поръ, пока не

выслушать себя въ пенсіонѣ полный окладъ жалованья, и наконецъ, достигнувъ этой послѣдней цѣли, они сойдутъ со сцены, для того, чтобы, подобно императору Діоклитіану, дожить свои дни въ спокойной и обезпеченной невѣдѣнности. Почему именно эти юноши устремляются къ изученію русской литературы, это понять не трудно. Стоитъ только подумать о томъ, что можно изучать въ русской литературѣ и какая сторона этого изученія можетъ завлечь даровитаго представителя молодого поколѣнія? Спрашивается, прежде всего, какой періодъ русской литературы затронетъ любознательность молодого человѣка? Тотъ ли, который тянется отъ начала русской письменности до петровской реформы; или тотъ, который продолжается съ времени Петра до Гоголя? Или, наконецъ, новѣйшій періодъ, получившій свою теперешнюю физиономію послѣ Гоголя? Необходимо, чтобы одинъ изъ этихъ отдѣловъ чѣмъ нибудь заинтересовалъ молодого человѣка, потому что иначе молодой человѣкъ не будетъ изучать русской литературы. Посмотримъ, заинтересуетъ ли его древній періодъ нашей литературы. Есть у насъ, въ этотъ древній періодъ, пѣсни, сказки, былины, легенды, лѣтописи и юридическіе памятники. Пѣсни, сказки, былины и легенды—все это, по видимому, очень интересно; все это, какъ толковали намъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ различныхъ ученыхъ сочиненіяхъ, знакомить съ народною жизнью и открываетъ передъ нашими глазами глубокіе тайники народнаго міросозерцанія. Не знаю, такими ли именно словами выражались и выражаются преподаватели и составители ученыхъ книгъ, но знаю навѣрное, что только этими мыслями оправдывается и объясняется появленіе такихъ тяжеловѣсныхъ изданій, каковы, напримѣръ, «Очерки» г. Буслаява или «Памятники» гг. Кастомарова и Пыпина. Итакъ, молодому человѣку представляется возможность проникнуть въ тайники народнаго міросозерцанія. Но, прежде чѣмъ проникнуть, не поставитъ ли себя молодой человѣкъ вопроса: за чѣмъ я буду забираться въ эти трущобы? Кому я, своими трудами на этомъ поприщѣ, принесу дѣйствительную пользу: народу или себѣ? Народу? Странное дѣло! Какая выгода можетъ быть народу отъ того, что я, Александръ Егоровичъ Ситговъ, узнаю всѣ примѣты дѣмоваго, всѣ варианты былины о Микулищѣ Селяниновичѣ и всѣ столкновенія Иванушки съ Бабой Ягой? А какая отъ этого произойдетъ польза для моего собственнаго раз-

вита? Я узнаю нѣсколько новыхъ подробностей о сказочныхъ личностяхъ, я отпечатаю въ своей памяти нѣсколько сотенъ лубочныхъ картинъ, но общее понятіе мое о народѣ останется совершенно такое же, какое образовалось въ моемъ умѣ изъ впечатлѣній дѣтства, и какое поддерживается всѣми ежедневными столкновеніями моими съ дѣйствительною жизнью и съ милою «почвою». Бѣдность та же самая, и невѣжество то же самое, и та же заунывность съ тѣми же проблесками забубенной удали. Что въ этомъ народѣ есть много ума, и много юмора, и много хорошихъ силъ, и много задатковъ здороваго развитія, это я знаю очень хорошо безо всякихъ былинъ и пѣсень. Во-первыхъ, я знаю это по моимъ собственнымъ столкновеніямъ съ простыми людьми, а во-вторыхъ, это иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ кавказской расы есть самое понятливое изъ всѣхъ существующихъ позвоночныхъ животныхъ. Могу ли я взять, лично для себя, хоть какую нибудь частичку изъ того народнаго міросозерцанія, съ которымъ меня знакомятъ легенды, былины и пѣсни? Мудрено, очень мудрено, даже совсѣмъ невозможно, потому что всѣ эти идеи и мотивы этого міросозерцанія находятся въ самой непримиримой враждѣ со всѣми элементарными учебниками физики и географіи. Есть ли надобность знать эти идеи и мотивы народнаго міросозерцанія, для того, чтобы работать на пользу этого народа? Нѣтъ. Ну, стало быть, скажетъ въ заключеніе Александръ Егоровичъ Сиѣговъ, я вовсе не намѣренъ углубляться въ былины и сказки, и древній періодъ русской литературы можетъ оставаться для меня недоступнымъ сокровищемъ. Такия размышленія моего Сиѣгова (а не того, который изображенъ у г. Станицкаго) могутъ вызвать противъ себя много насмѣшекъ и много горячихъ возраженій. Молодой человѣкъ, скажутъ ему спеціалисты, вы не знаете того предмета, о которомъ разсуждаете такъ смѣло. Если вы не изучали нашей древней литературы, то почему же вы знаете, что ее не стоитъ изучать, и что она не можетъ принести вамъ ни малѣйшей пользы? На это мой скромный Сиѣговъ отвѣтитъ такъ: я прочиталъ отъ доски до доски два тома «Очерковъ» г. Буслаева. Я знаю, что г. Буслаевъ трудится на своею поприщѣ гораздо больше десяти лѣтъ, и что эти «Очерки» составляютъ сборникъ его статей за все время его ученой дѣятельности. Я знаю, кромѣ того, что г. Буслаевъ считается за одного изъ самыхъ дѣя-

тельныхъ и талантливыхъ изслѣдователей нашей литературной старины. Я вовсе не смѣю думать, что я умнѣе, даровитѣе и трудолюбивѣе г. Буслаева. Я не имѣю также особенныхъ основаній надѣяться, что нападу на такія сокровища, которыя укрылись отъ пытливаго взора этого изслѣдователя. Стало бытъ, если я пойду по слѣдамъ г. Буслаева, то я, можетъ быть лѣтъ черезъ пятнадцать, подарю русской публикѣ два тома «черновъ» Александра Снѣгова. Я не думаю, чтобы этотъ подарокъ принесъ русской публикѣ значительную пользу, и меня вовсе не обольщаетъ перспектива обогатить со временемъ нашу книжную торговлю такимъ произведеніемъ. Книга г. Буслаева, навѣрное, представляетъ очень удовлетворительный образчикъ нашихъ литературныхъ сокровищъ. Будущіе изслѣдователи могутъ отыскать много новыхъ подробностей, но невозможно предположить, что они вдругъ найдутъ подъ хламомъ былинъ, пѣсенъ и легендъ, цѣлый міръ самородной мысли, такой міръ, котораго существованіе было совершенно неизвѣстно г. Буслаеву и его сподвижникамъ; невозможно предположить, что въ этомъ ископаемомъ мірѣ русскихъ идей вдругъ окажутся такія драгоценности, которыя придется предпочесть непоколебимымъ истинамъ европейской или, вѣрнѣе, общечеловѣческой науки. Вѣроятно, самые усердные специалисты не рѣшатся утверждать, что такой удивительный случай возможенъ; а если онъ невозможенъ, то я и не жаляю тратить свое время и свои силы на изученіе былинъ, пѣсенъ, легендъ, и разныхъ другихъ памятниковъ нашей письменной и изустной литературы.—Стало бытъ, возражать любители древности, вы отвергаете заслуги такихъ дѣятелей, каковы, напримѣръ, братья Гриммы, великіе собиратели нѣмецкихъ сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и преданій?—Братья Гриммы, отвѣтитъ Снѣговъ съ своею обыкновенною кротостью, люди очень умные, трудолюбивые и честные. Я очень уважаю ихъ усердіе и добросовѣстность, но мнѣ кажется, что ихъ превосходныя качества могли бы принести несравненно больше пользы, если бы они были приспособлены къ другому занятію. Гриммы исходили вдоль и поперекъ всю Германію, чтобы собрать остатки старины, сохранившейся въ обычаяхъ, въ языкѣ и въ народной поэзіи. Путешествуя пѣшкомъ по Германіи, они, конечно, превосходно усвоили себѣ всѣ обороты народной рѣчи; они приобрѣли драгоценное умѣніе объясняться съ самыми простыми и необразованными людьми.

Если бы они примѣнили это умѣнье къ обобщенію научныхъ истинъ, если бы они, своимъ простымъ и понятнымъ языкомъ, провели знаніе природы въ низшіе слои рабочаго населенія, то они принесли бы дѣйствительно громадную пользу, хотя, быть можетъ, ихъ и не считали бы великими свѣтилами ученаго міра. Ученныя работы Гриммовъ громадны, но приносятъ ли онѣ какую нибудь дѣйствительную пользу, хоть одному живому человѣку въ мірѣ? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно смѣло и рѣшительно отвѣчать: нѣтъ. — Гриммы то же самое, что Рафаэль, за котораго Базаровъ гроша мѣднаго не хочетъ дать. Базаровъ выражается рѣзко, но мысль его вполне справедлива. Если бы въ Италиі было десять тысячъ живописцевъ, равныхъ Рафаэлю, то это нисколько не подвинуло бы впередъ итальянскую націю ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ, ни въ социальномъ, ни въ умственномъ отношеніи. И если бы въ Германіи было десять тысячъ археологовъ, подобныхъ Якову Гримму, то Германія отъ этого не сдѣлалась бы ни богаче, ни счастливѣе. Безобразіе ея политическаго устройства, пошлость ея юнкерства и неимовѣрное филистерство всякихъ патріотическихъ обществъ, при десяти тысячахъ Гриммовъ, продолжали бы существовать точь въ точь въ такомъ же видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь. Поэтому я говорю совершенно искренно, что желалъ бы лучше быть русскимъ сапожникомъ или булочникомъ, чѣмъ русскимъ Рафаэлемъ или Гриммомъ. Каждый Рафаэль обожаетъ свое искусство, и каждый Гриммъ обожаетъ свою науку, но ни тотъ, ни другой не задаютъ себѣ убійственнаго вопроса: *за чѣмъ?* Я имѣю несчастье задавать себѣ этотъ вопросъ, и когда я прикладываю его къ дѣятельности Рафаэлей и Гриммовъ, то не нахожу на него отвѣта. Поэтому я не могу, не хочу, и не долженъ быть ни Рафаэлемъ, ни Гриммомъ, ни въ малыхъ, ни въ большихъ размѣрахъ. Поэтому я могу, хочу и долженъ братья только за такую работу, которой результаты давали бы громкій и совершенно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, *за чѣмъ?* — Поэтому, проходи мимо, древній періодъ русской литературы. — Специалисты, конечно, не согласятся съ размышленіями моего Снѣгова, но, по крайней мѣрѣ, они махнутъ на него рукою, и оставятъ его въ покоѣ; въ самомъ дѣдѣ, можно ли разговаривать съ такимъ человѣкомъ, который даже дѣятельность Гриммовъ считаетъ бесполезною? Когда специалисты умолятъ и

отойдутъ въ сторону, тогда самъ читатель сдѣлаетъ Снѣгову слѣдующее возраженіе: вы задаете себѣ вопросъ, скажете онъ, есть ли надобность знать идеи и мотивы народнаго міросозерцанія, для того, чтобы работать на пользу этого народа, и потомъ на этотъ вопросъ вы отвѣчаете: «нѣтъ». Какъ же это возможно? Какъ же вы принесете пользу такому народу, о которомъ вы не имѣете никакого понятія? — Во-первыхъ, отвѣтить на это Снѣговъ, може приноситъ пользу народу, не находясь въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ тѣми слоями населенія, которые преимущественно называются народомъ, и которые дѣйствительно составляютъ огромное большинство всей націи. Бѣлинскій и Добролюбовъ принесли много пользы русскому народу, а между тѣмъ ни грамотный мужикъ, ни грамотный мѣщанинъ не могутъ понимать ихъ сочиненія. Во-вторыхъ, я думаю, что даже учителю народной школы нѣтъ никакой надобности изучать ту народную поэзію, на которой основано народное міросозерцаніе. Учитель долженъ говорить съ своими учениками простымъ и понятнымъ языкомъ, и кромѣ того долженъ обращаться съ ними такъ внятно и добродушно, чтобы ученики не робѣли передъ нимъ, и откровенно предлагали ему свои вопросы и возраженія, если его рассказы кажутся имъ непонятными или несогласными съ тѣми идеями, которые составились въ ихъ головахъ до прихода въ школу. Учителю необходимы, кромѣ того, умѣнье и навыкъ; но эти вещи пріобрѣтаются чисто практическимъ путемъ, и ихъ нельзя вычитать ни въ сборникѣ былинъ, ни въ «Очеркахъ» г. Буслаева. Когда учитель передаетъ ученикамъ элементарныя основанія географіи, то ему нѣтъ никакой надобности говорить, что земля *не* стоитъ на трехъ китахъ, — что Царь-градъ *не* есть пупъ земли, и что *нѣтъ* такой страны, въ которой живутъ люди съ пѣсьими головами. Пусть онъ рассказываетъ только то, что *есть*; если ученикъ слышалъ о китахъ и о пупѣ земли, то онъ самъ спроситъ у учителя на счетъ этихъ очаровательныхъ созданій народной мудрости, и тогда учитель объяснитъ ему, что это все неимѣвѣрная чепуха. Поэтому я говорю еще разъ, что изучать народное міросозерцаніе или, проще, народное суевѣріе нѣтъ никакой надобности. Управившись такимъ образомъ съ древнимъ періодомъ нашей литературы, Снѣговъ, разумѣется, не почувствуетъ особеннаго расположенія остановиться съ уваженіемъ и съ любовью на созерцаніи

XVIII вѣка. Снѣговъ знаетъ, что въ это время сформировался нашъ литературный языкъ и нашъ стихъ. Но Снѣговъ находитъ, что гораздо благоразумнѣе пользоваться сформированнымъ языкомъ для распространенія въ обществѣ полезныхъ знаній и справедливыхъ идей, чѣмъ любоваться на колыбель этого языка, и пересчитывать всѣ забытыя шалости этого милаго ребенка, постоянно хедившаго, и до сихъ поръ продолжающаго ходить на спасительныхъ помочахъ. Что же касается до стиховъ, то въ этомъ отношеніи Снѣговъ можетъ быть названъ настоящимъ варваромъ; онъ, каналья, равнодушенъ къ ихъ гармоніи; онъ думаетъ, что время дорого, и что его не слѣдуетъ тратить ни на сочиненіе новыхъ стиховъ, ни на чтеніе напечатанныхъ произведеній нашей современной поэзіи, ни на изслѣдованіе того вопроса, кто ввелъ у насъ тоническое стихотвореніе, кто его усовершенствовалъ, и черезъ какія фазы развитія оно перешло со временъ Тредьяковскаго до временъ г. Майкова. Такимъ образомъ, передъ нами Снѣговымъ остается только третій періодъ, или современная литература. Къ этому періоду онъ относится съ сочувствіемъ и уваженіемъ, потому что въ это время многіе честные и умные люди бросили смѣлый и безпристрастный взглядъ на «бѣдность, да несовершенство нашей жизни.» Если мы не будемъ знать того, что пережили и передумали эти люди, если мы, по ихъ сочиненіямъ, не будемъ догадываться о томъ, что составляло смыслъ и бессмыслицу ихъ существованія, то для насъ, во многихъ отношеніяхъ, останутся непонятными настоятельныя потребности и накопившіяся со всѣхъ сторонъ задачи нашей собственной эпохи. Грибоедовъ, Крыловъ, въ нѣкоторыхъ изъ его лучшихъ басенъ, Пушкинъ въ Онѣгинѣ, Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ первой части Мертвыхъ душъ, въ Ревизорѣ и во многихъ мелкихъ повѣстяхъ, Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Островскій, и особенно Бѣлинскій и Добролюбовъ, и въ заключеніе, какъ фактъ вчерашняго дня, романъ «Что дѣлать?»— Это все сырые матеріалы, которые каждый изъ нашихъ образованныхъ соотечественниковъ долженъ непременно переработать въ своемъ умѣ, чтобы знать, чего мы хотимъ, о чемъ мы думаемъ, и съ какихъ различныхъ точекъ зрѣнія мы разсматриваемъ наше собственное положеніе. Но изучать тутъ все-таки нечего; надо только прочесть, какъ мы читаемъ журнальную статью,

какъ пробѣгаетъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій въ газетѣ. Въ каждомъ литературномъ произведеніи, и въ каждой критической статьѣ Бѣлинскаго и Добролюбова надо видѣть только то явленіе жизни, которымъ они вызваны, а вдаваться въ эстетику, подмѣчать индивидуальныя особенности того или другаго таланта, вглядываться въ языкъ и въ манеру повѣствованія, это значить терять изъ виду требованія живой дѣйствительности, и уходить отъ этихъ требованій въ темныя трущобы семинарской и гимназической пинтивы. Часто случается однако, что личность автора и его литературныя приемы составляютъ сами по себѣ очень знаменательный фактъ въ исторіи нашей умственной жизни, и этотъ фактъ можетъ быть для насъ важнѣе и интереснѣе, чѣмъ то явленіе, которое описываетъ нашъ авторъ. Возьмемъ, на примѣръ, сочиненія Бѣлинскаго. На каждой страницѣ мы видимъ передъ собою человѣка умнаго, горячаго, непоколебимо честнаго, совершенно неспособнаго продать, кому бы то ни было, дѣйствительные интересы человѣческой личности, и вполне способнаго увидеть и понять, въ чемъ именно заключаются эти великіе интересы. И въ то же время мы видимъ, что всѣ умственныя силы этого превосходнаго человѣка, и вся его кипучая энергія тратятся на то, чтобы разсматривать и оцѣнивать игрушечныя издѣлія разныхъ пустѣйшихъ господъ, наполнявшихъ свои досуги писаніемъ русскихъ стиховъ и русскихъ повѣстей. Пушкинъ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ очень умный, и стихъ его былъ очень легокъ, и образы очень картинны, но когда вы видите, что весь осьмой томъ сочиненій Бѣлинскаго посвященъ оцѣнкѣ Пушкина, то вамъ становится обидно за Бѣлинскаго, и вамъ невольно приходится въ голову, что эта честь слишкомъ велика для Пушкина, и что силамъ великаго и серьезнаго критика негдѣ развернуться въ эстетическомъ разборѣ красивыхъ произведеній остроумнаго русскаго барина. Никакой отдѣльный поэтъ, ни Гете, ни Гейне, ни даже Шекспиръ, не можетъ быть достаточно обширенъ, для того, чтобы приковать къ себѣ и поглотить въ своихъ произведеніяхъ всѣ силы такого мыслящаго и такого живаго человѣка, какииъ былъ Бѣлинскій. Эти люди не могутъ и не должны возиться съ индивидуальными мыслями, чувствами и фантазіями. Для нихъ достаточно широка только одна сфера, та, которая шире всѣхъ остальныхъ и которая вмѣщаетъ въ себѣ и Шекспира, и г. Станцкаго, и вѣщ-

наго филистера, и безграмотнаго мужика, и всѣ усилія человѣческой гениальности, и всѣ безчисленные проявленія человѣческаго тупоумія. Для мыслителей, подобныхъ Бѣлинскому, необходима живая и непрерывная умственная связь съ настоящими страданіями и радостями настоящихъ людей. Для нихъ необходимо размышлять о дѣйствительной жизни и откровенно передавать свои размышленія всѣмъ тѣмъ людямъ, которые могутъ и желаютъ ихъ понимать. Эти мыслители только тѣмъ и счастливы, только тѣмъ и живутъ, что пробуждаютъ въ человѣческихъ умахъ дѣятельность мысли и сознательное стремленіе къ разумному, свѣтлому и далекому, очень далекому будущему. Бѣлинскій былъ современникомъ Лудвига Берне; по силѣ своего ума и по честности своего характера Бѣлинскій былъ вполне способенъ сдѣлаться русскимъ Берне; а между тѣмъ, Бѣлинскій жилъ и умеръ эстетикомъ, и, разумѣется, этотъ фактъ, по своему печальному и грозному значенію, гораздо важнѣе и интереснѣе для насъ, чѣмъ тѣ поэмы Пушкина, которыя такъ превосходно оцѣниваетъ Бѣлинскій. Въ своей статьѣ «Бѣлинскій и Добролюбовъ», г. Зайцевъ показалъ значеніе этого факта въ исторіи нашей умственной жизни; но этотъ предметъ до такой степени важенъ, Бѣлинскій, какъ эстетикъ, представляетъ явленіе до такой степени замѣчательное по своей колоссальной уродливости, что, мнѣ кажется, было бы полезно разработать и освѣтить этотъ фактъ въ отдѣльномъ, чисто психологическомъ этюдѣ. Бѣлинскій былъ настоящимъ Прометеемъ нашего времени, и въ глубинѣ, искренности и законности своихъ страданій онъ навѣрное можетъ поспорить съ самимъ Байрономъ, съ тѣмъ великимъ и несчастнымъ Байрономъ, котораго, для увеселенія русскихъ барышень, такъ обкарнали и обезсмыслили наши милые байронисты, начиная отъ самого Лермонтова и кончая г. Полонскимъ. И такъ, въ концѣ концовъ, мы пришли къ тому общему результату, что наше молодое поколѣніе, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, не изучаетъ русской литературы, а только читаетъ тѣ книги, русскія или иностранныя, которыя даютъ человѣку основательное знаніе дѣйствительной жизни. Теперь, мой читатель, вы мнѣ позволите сдѣлать вамъ откровенное признаніе. Мнѣ ужасно надоѣло возиться съ романами г. Станицкаго и со всѣми его добродѣтельными и порочными фигурами изъ *papier-maché*. Честью васъ могу увѣрить, что въ Снѣговѣ и въ Карсаковѣ нѣтъ даже ничего похо-

шаго на какое бы то ни было поколѣніе, старое или молодое. Поэтому, будьте великодушны, позвольте мнѣ совершенно оставить ихъ въ сторонѣ, и передать вамъ, въ отдельной статьѣ, тѣ мысли, на которыя навелъ меня вопросъ объ изученіи, или вѣрнѣе, о не изученіи русской литературы. Эта отдельная статья пойдетъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Реалисты».

Д. Штэфель.

ОДИНЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЕЙ БЛАГО.

(СВѢДЕНІЯ О ГРАФѢ АЛЕКСѢѢ АНДРЕЕВИЧѢ АРАКЧЕЕВѢ, СОБРАННЫЯ
Василіемъ Ратчемъ. Сиб. 1864.)

Имя графа Аракчеева пользуется у насъ тою особенною популярностью, которая выпадаетъ на долю людей, получавшихъ возможность дѣйствовать широко и размахисто, имѣя огромное вліяніе на очень многое и очень многихъ. Дѣятельность такого рода, всегда и вездѣ, сопровождалась непосредственно двоякими результатами: удивленіемъ и испугомъ отуманенныхъ и ошеломленныхъ современниковъ и порожденіемъ довольныхъ и недовольныхъ, т. е. людей, на которыхъ могущественный и вліятельный человѣкъ изливалъ свои милости и щедроты, и людей, на которыхъ онъ своихъ милостей и щедротъ не изливалъ. Изъ этихъ двухъ источниковъ вытекали и мнѣнія о могущественномъ и вліятельномъ человѣкѣ, — мнѣнія, разумѣется, одно другому діаметрально противоположныя. При этомъ, какъ водится, отдѣльная личность отвѣчала за все и за всѣхъ, несла на себѣ всѣ грѣхи или всю славу міра сего, и ареопагъ ея цѣнителей и судей забывалъ совершенно, что такого рода оцѣнка болѣе, чѣмъ нераціональна. Исторія полна разсказами о людяхъ, то производившихъ повсемѣстныя, громаднѣйшія ломки, то возводившихъ столь же повсемѣстныя и громаднѣйшія сооруженія, то погонявшихъ впередъ, то осаживавшихъ назадъ общественное движеніе. «Александръ совершилъ то-то... Карлъ произвелъ то-то... Петръ пересоздалъ то-то... Людовикъ даровалъ человѣчеству то-то,» зубрили и читали мы въ разныхъ исторіяхъ

и жизнеописаніяхъ, и, по силѣ этого безмысленнаго зубренья, по силѣ этого чтенія *для процесса чтенія*, проникались серьезно убѣжденіемъ, что такъ называемая исторія есть ни что иное, какъ исторія Александровъ, Карловъ, Петровъ, Людовиковъ и т. д. Только немногіе и недавно стали наконецъ относиться къ подобному воззрѣнію не совѣтъ довѣрчиво; только немногіе и недавно стали наконецъ смевать, что ходъ историческаго развитія слѣдуетъ объяснять нѣсколько иначе, обращая вниманіе на преемственность явленій, на основныя, а не на кажущіяся причины событій, на цѣлыя массы, а не на отдѣльныя личности. Съ этимъ поворотомъ въ пониманіи дѣла стали понемногу исчезать и умолкать и тѣ безапелляціонные приговоры, тѣ наивныя восхваленія и осужденія, которыя въ былое время столь велемудро прописывали и изрекали историки сошедшимъ со сцены дѣятелямъ и совершившимся фактамъ. Люди, въ кои-то вѣки, домыслились до того, что настоящая *суть* состоитъ не въ раздачѣ вѣнковъ и не въ изрыганіи проклятій тѣмъ, кому ужь до этого нѣтъ никакого дѣла, а въ уясненіи вопросовъ: почему вотъ этотъ былъ такимъ-то, а тотъ эдакимъ? Отчего то-то совершилось тогда-то, а не прежде и не послѣ? Доброжь или зложь слѣдуетъ называть то, что называлось этими именами прежде, и нельзя ли наконецъ извлечь изъ всего этого, изъ всего, что было да прошло, не одну лишь художественную картину, которою можно любоваться отъ нечего дѣлать, а нѣчто поважнѣе и по-существеннѣе, нѣчто такое, что могло бы быть приложимымъ къ настоящему и пригоднымъ для будущаго? Обстановка историческихъ дѣятелей выступаетъ, такимъ образомъ все болѣе и болѣе на первый планъ, а вслѣдствіе этого и сужденіе о нихъ становится нераздѣльнымъ съ сужденіемъ о цѣломъ обществѣ, среди котораго они дѣйствовали; самое же общество разсматривается, какъ продуктъ явленій, породить или не породить которыя зависѣло ужь вовсе не отъ воли Александра, Карла, Петра или Людовика. Отъ ихъ воли зависѣло лишь иногда замѣнить Франца Фридрихомъ или Алексѣя Андреемъ и дать имъ возможность дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно, въ болѣе или менѣе широкой сферѣ; но почему, ради чего Францъ или Фридрихъ, Алексѣй или Андрей дѣйствовали такъ, а не иначе—объ этомъ опять таки историкъ не въ правѣ судить (какъ судили доселѣ) на основаніи однихъ прилагательныхъ: «кроткій,» «благодушный,» «кровожадный,» «свирѣпый» и т. п. Онъ можетъ

быть только нѣсколько требовательнѣе къ тѣмъ, (да и то если положительно дознается до этого), которые могли сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлали, или могли быть лучше, чѣмъ были; но и при этомъ историкъ не долженъ упускать изъ виду, что, во 1-хъ, одинъ въ полѣ не воинъ, а во 2-хъ, что люди, большею частію, бываютъ хорошими или нехорошими, добрыми или недобрыми, смотря по тому, кто и что ихъ окружаетъ, кто и какъ къ нимъ относится, кто и какъ понимаетъ и ихъ, и свое человѣческое достоинство. Исключенія же изъ этого общаго правила подлежать уже не исторіи, а психіатріи.

Дѣятельность графа Аракчеева — какъ мы уже замѣтили выше — принадлежала именно къ числу тѣхъ широкихъ, размахистыхъ дѣятельностей, о которыхъ по этой самой причинѣ можно и должно судить нѣсколько основательнѣе, обстоятельнѣе и строже, чѣмъ о дѣятельности, связанной на каждомъ шагу разнаго рода ревизіями, инспекціями, указаніями и наблюденіями. Личность самого графа, время, въ которое онъ жилъ, обстоятельства его жизни, люди, съ которыми онъ сталкивался, — все это въ высшей степени любопытно; а потому и нельзя не порадоваться появленію «Свѣденій», собранныхъ объ этихъ предметахъ г. Василиемъ Ратчемъ, хотя радоваться появленію этихъ «Свѣденій» только и можно потому, что онѣ составляютъ еще первый опытъ, по возможности, полныхъ и нѣсколько связанныхъ данныхъ для біографіи графа Аракчеева, — опытъ, который можетъ вызвать другое, гораздо болѣе интересное и основательное, изслѣдованіе о знаменитомъ временщикѣ и его знаменательномъ времени. Что же касается до брошюрки г. Ратча, составленной изъ статей его, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» (№№ 5 и 12 за 1863 г. и № 1 за 1864), то о ней мы распространяться не будемъ, какъ потому, что это еще только одно начало біографіи графа Аракчеева, доведенное лишь до 1798 года, такъ и потому, что мы, по мягкости сердечной, гораздо болѣе чувствуемъ въ себѣ склонности къ восхваленіямъ, нежели къ порицаніямъ. Оставимъ же въ сторонѣ историческія, критическія и художественныя достоинства труда г. Василія Ратча, и займемся личностью самого графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, такъ какъ она является намъ не въ представленіи и измышленіяхъ автора «Свѣденій», а въ сообщаемыхъ этими «Свѣденіями» голыхъ, но краснорѣчивѣе всякихъ фразъ, самихъ за себя говорящихъ, фактахъ. Это, надѣмся, будетъ гораздо интереснѣе для нашихъ чита-

въ особенности же для тѣхъ (а они, безъ сомнѣнiя, состав-
 большинство), которые не видѣли, не видятъ и не увидятъ
 «Сборника», заключающаго въ себѣ статьи г. Ратча,
 и же статей въ видѣ отдѣльной брошюры.

Иванъ Андреевичъ Аракчеевъ родился 23 сентября 1769 года.
 Онъ сынъ поручика Андрея Андреевича, который, дослужив-
 до этого чина, не преминулъ воспользоваться милостивымъ
 указомъ 18 февраля 1762 года, предоставлявшимъ дво-
 радскому праву служить или не служить, подалъ въ отставку и
 вышел въ маленькомъ имѣнiицѣ своемъ въ 20 душъ крестьянъ
 въ Псковскомъ уѣздѣ Тверскаго намѣстничества. Здѣсь, на землѣ
 своей, протекли первые годы дѣтства будущаго графа, и здѣсь же при-
 формировались ему первые начала тѣхъ свойствъ и качествъ — педагогической
 дисциплины, порядку, аккуратности, чистотѣ, бережливости и т. п. — ко-
 торыя впоследствии съ такою ревностью прививалъ другимъ.
 Преимущественно обязанъ былъ онъ своей матери, Елизаветѣ
 Андреевнѣ. Г. Ратчъ называетъ Елизавету Андреевну личностью
 замѣчательною, но вся замѣчательность этой личности, какъ видно
 изъ вышнѣшаго разсказа, заключалась единственно въ томъ, что
 она отличная домоводка, и въ такомъ порядкѣ, въ такой чи-
 стотѣ и бережливости держала свое хозяйство, что какой-то профессоръ,
 побывавъ у нея въ домѣ, назвалъ ее голландкою. «Мать — говоритъ далѣе авторъ
 разсказа — учила сына молитвамъ, всегда водила его съ собою въ
 церковь, не пропускала ни обѣдни, ни вечерни, и постоянно внушала
 сыну бережливость одежды и обуви. Только отецъ, глава семей-
 ства, подчинялся общему настроенiю всего домашняго быта — об-
 щему порядку и *въ постоянной дѣятельности* *). При этихъ обстоя-
 тельностяхъ мальчикъ, быть можетъ по природѣ нѣсколько серьез-
 ный, чуждъ рѣзвости, и изъ домашняго воспитанiя вынесъ:
 привычку къ постоянному труду, споровку требовать
 отъ людей ему подчиненныхъ и неутомимое стремленiе къ поряд-
 ку. Главная обстановка его жизни не давала заглухнуть этимъ
 началамъ; развились они въ полную силу воспитанiемъ и пер-
 воначально службою».

Иванъ Андреевичъ, на первыхъ порахъ, вздумалъ было самъ
 воспитать своего сына въ преддверiи храма мудрости и знанiй, т. е.

Иванъ самого графа Аракчеева.

выучить его грамотѣ; но непривыкшему *обращаться въ постоянной дѣятельности*, оставшему поручику трудъ этотъ скоро поназдался слишкомъ тягостнымъ, и онъ возложилъ его на сельскаго дѣльца, который, за шесть четвертей въ годъ ржи и овса, сталъ посвящать Алексѣя Андреевича въ тайны чтенія, письма и четырехъ правилъ арчеюности. Последнимъ предметомъ мальчикъ занимался съ видной любовью, и даже сдѣлалъ изъ него для себя предметъ нѣмногого увеселенія: онъ самъ себѣ задавалъ огромнѣйшія числа для умноженія, и очень утѣшался, когда, чрезъ повѣрну дѣленіемъ, испомы получалась вѣрно. За то каллиграфическое искусство рѣшительно не давалось Алексѣю Андреевичу, и это сильно огорчало его родителей, въ особенности же потому, что въ это время одинъ родственникъ Аракчеевыхъ, жившій въ Москвѣ, вызывался имъ опредѣлить имя сына, когда онъ кончитъ курсъ домашняго ученія, въ какую-то канцелярію. «Изъ меня хотѣли сдѣлать подъячаго, то селъ доставить мнѣ средства снискивать пропитаніе перомъ и крошками, говорилъ впоследствии объ этомъ самъ Алексѣй Андреевичъ:— не имѣлъ я понятія ни о какой службѣ, а потому отцу и не прекословилъ *).» Сдѣлать сына подъячимъ Андрею Андреевичу, однакоже, не удалось: будущему графу опредѣлено было идти иною дорогою, и судьбу его рѣшилъ—мундиръ.

Случилось это слѣдующимъ образомъ: къ сосѣду Аракчеевыхъ, по имени 30 душъ и оставшему прапорщику Корсакову, пріѣхали въ ступицѣ два его сына, бывшіе кадетами въ артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ корпусѣ. Андрей Андреевичъ, отправившись какъ-то разъ къ сосѣду, взялъ туда съ собою и сына, которому въ это время шель уже одиннадцатый годъ. Знакомство съ кадетами произвело на Алексѣя Андреевича потрясающее впечатлѣніе и породило въ немъ непреодолимое желаніе поступить въ корпусъ,— для того, чтобы облечься въ кадетскій мундиръ и ходить на ученія, о которыхъ Корсаковы рассказывали со всѣмъ увлеченіемъ наивнаго отрочества. «Мнѣ въ голову не приходило разсрашивать ихъ, наимъ премудростямъ ихъ обучаютъ, признавался впоследствии самъ графъ Аракчеевъ:— но не могъ я послушать ихъ рассказовъ о лагерѣ, ученьяхъ, стрѣльбѣ изъ пушекъ. Я не проронилъ ни одного слова. Особенно поразили меня ихъ красные мундиры съ черными бархатными лацканами. Мнѣ ка-

*) Свидѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, стр. 8.

зались они какими-то особенными, высшими существами. Я не отходилъ отъ нихъ ни на шагъ»^{*)}).

Съ этой минуты, «сгорѣвъ душою», какъ пушкинскій рыцарь, влюбившійся въ «видѣнье, непонятное уму», десятилѣтній Аракчеевъ только и грезилъ корпусомъ, кадетами, мундирами и ученьями, и, по собственнымъ словамъ его, былъ *какъ въ михорадкѣ*. Наконецъ Алексѣй Андреевичъ бросился въ ноги къ отцу, говоря, что онъ умретъ съ горя, если его не отдадутъ въ корпусъ. Отставной поручикъ, должно быть смеянувшій, что тутъ дѣло идетъ о призваніи, объявилъ сыну, что онъ вовсе не прочь исполнить его желаніе, но затрудняется въ томъ, какъ добраться до Петербурга и дѣйствовать тамъ безъ денегъ и покровителей. Сынъ все-таки же и послѣ этого не отставалъ отъ отца, и не отставалъ отъ него до тѣхъ поръ, пока Андрей Андреевичъ не далъ ему слова употребить всевозможныя старанія для осуществленія поѣздки въ Петербургъ; сообщили объ этомъ Елисаветѣ Андреевнѣ. «Съ Богомъ! Коли на то Божья воля, ступай въ кадеты», — отвѣчала она, но тѣмъ же не менѣе еще два года продержала сына въ деревнѣ, изъ опасенія отпустить его въ дальнюю столицу и въ чужіе люди въ столь нѣжномъ возрастѣ. Только послѣ святокъ 1782—1783 годовъ исполнилось наконецъ пламенное желаніе Алексѣя Андреевича, и онъ отправился съ отцемъ въ обѣтованный Петербургъ, напутствуемый благословеніями матери. «Рыдая, — говорилъ графъ Аракчеевъ, вспоминая объ этомъ событіи: — благословила она меня образомъ, который ношу до сихъ поръ, и который не сходилъ съ груди моей, и дала мнѣ одно увѣщаніе — молиться и надѣяться на Бога. Всю жизнь мою я слѣдовалъ ея совѣту»^{**}).

По прибытіи въ Петербургъ, Аракчеевымъ довелось испытать много разныхъ передрагъ и неприятностей, какъ по причинѣ крайней скупости въ денежныхъ средствахъ, такъ и потому, что въ артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ корпусѣ господствовала, въ то время нѣкоторая неурядица. Бывшій директоромъ корпуса, генералъ Мордвиновъ, не задолго передъ тѣмъ умеръ, и должность его исправлялъ генералъ Мелиссино, утвержденный директоромъ только въ февралѣ 1783 года. Но и послѣ этого долго еще приходилось Андрею Андреевичу съ сыномъ являться ежедневно на лѣстницѣ Мелиссино, съ единственной цѣлью — безмолвно поклониться

*) Тамъ же, ст. 10.

***) Тамъ же, ст. 11.

его превосходительству, и тѣмъ напомнить ему о себѣ. Деньги между тѣмъ выходили; наконецъ вышли совсѣмъ, и отставному поручику съ увлеченнымъ страстью къ корпусному воспитанію сыномъ предстояла въ перспективѣ чуть не голодная смерть. Это невеселое обстоятельство вмѣстѣ съ желаніемъ поступить, во что бы то ни стало, въ кадеты вдохнуло въ двѣнадцатилѣтняго Аракчеева какую-то смѣлость отчаянія, и онъ въ первый же разъ, какъ увидѣлъ на лѣстницѣ Мелиссино— со слезами подошелъ къ нему и сказалъ: «Ваше превосходительство! примите меня въ кадеты... намъ придется умереть съ голоду... мы ждать болѣе не можемъ... вѣчно буду вамъ благодаренъ, и буду за васъ Богу молиться». Плакалъ, говоря это, сынъ; плакалъ, слушая сына, и отецъ,—и это невольно остановило Мелиссино. Онъ спросилъ у Аракчеевыхъ ихъ фамилію и когда подано ими прошеніе въ корпусъ; потомъ вернулся въ свои комнаты и вынесъ оттуда записку для отдачи въ канцелярію, объявивъ просителямъ, что просьба ихъ исполнена. Алексѣй Андреевичъ, внѣ себя отъ восторга, кинулся цѣловать руки его превосходительства; но его превосходительство поспѣшно сѣлъ въ карету и уѣхалъ, а Аракчеевы отправились тотчасъ же въ первую церковь, гдѣ со слезами и земными поклонами благодарили Бога, и только потому не поставили приличной случаю свѣчи, что поставить ее было не на что. «Этотъ урокъ бѣдности и безпомощнаго состоянія сильно подѣйствовалъ на меня,—говорилъ впослѣдствіи графъ Алексѣй Андреевичъ:—я старался заслужить милость моихъ начальниковъ, и Мелиссино особенно полюбилъ меня за мою исправность. Истари говорятъ, что счастье и несчастье приходятъ всегда со свитою своею. Отецъ мой въ тотъ же день встрѣтилъ одного родственника, пріѣхавшаго изъ Москвы съ туго набитою кошмою: онъ далъ ему денегъ, чтобы вернуться въ деревню.» *)

Это блаженное для Аракчеевыхъ событіе произошло 19 іюля 1783 года; 20 іюля Алексѣй Андреевичъ уже поступилъ въ корпусъ, и отецъ его, препоручивъ сына покровительству чудотворной иконы Казанской Богородицы, вернулся снова на лоно природы.

Артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ образовался чрезъ соединеніе петербургской, артиллерійской и инженерной школъ основанныхъ Петромъ Великимъ, выбравшимъ въ нихъ находившихся

*) Тамъ же, ст. 13.

на службѣ способныхъ молодыхъ людей, дабы они «могли честь выше стяжать и скорѣе сдѣлаться достойными повышенія». Соединеніе это произведено было при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, который вообще много сдѣлалъ для корпуса, и долго жилъ въ памяти его воспитанниковъ, еще лѣтъ черезъ тридцать послѣ смерти графа говаривавшихъ по поводу какихъ нибудь неблаговидныхъ продѣлокъ своихъ начальниковъ и воспитателей, что «при графѣ такъ не бывало». Шуваловъ обращалъ надлежащее вниманіе и на преподаваніе въ корпусѣ специальныхъ наукъ, и на общее развитіе кадетъ, и на практическія занятія, необходимыя для примѣненія къ дѣлу теоретическихъ познаній, и на выборъ преподавателей, и на корпусное упражненіе, и на систему штрафовъ и наказаній. Господствовавшая въ военныхъ школахъ до Шувалова, система штрафовъ и наказаній въ то доброе старое время никого не возмущала и никого не приводила въ негодованіе. Воспитанниковъ, напримѣръ, гоняли сквозь строй по три раза сквозь полкъ, сѣкли батогами «по два дни нещадно», и только «по молодости лѣтъ» наказывали кошками. О розгахъ ужъ и говорить нечего! Розги почитались тогда такою же необходимою и обыкновенною вещью при *питаніи юношей науками*, какъ необходимы и обыкновенны были хлѣбъ при питаніи ихъ щами и масло при питаніи кашею. Сами, подлежавшіе такой праной приправѣ къ духовной пищѣ, юноши взирали на нее не иначе, какъ съ точки зрѣнія ея праности, и наказаніе чувствовалось ими, дѣйствительно, только по мѣрѣ его физической чувствительности. Объ оскорбительномъ же и постыдномъ значеніи тѣлесныхъ наказаній въ смыслѣ нравственномъ не было и помину, потому что и народная мудрость гласила, что «за битаго двухъ небитыхъ даютъ»; розгамъ же даже слагались хвалебныя пѣснопѣнія въ родѣ слѣдующихъ:

Розги малому, бича большаго требѣ,
 А жезлъ подростничъ при нескудномъ хлѣбѣ:
 Тѣ орудія глуныхъ исправляютъ,
 Плоти цѣлости ни чтоже вреждаютъ.
 Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
 И волю злую во благо прелагаетъ.
 Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
 Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте,
 И рукъ, аже вамъ язвы налагають,
 Ибо не зла, но добра желаютъ.

Графъ Шуваловъ, не совѣмъ раздѣлившій этотъ взглядъ на признательное цѣлованіе розги и лобзаніе бича и жезла, старался, напротивъ, развить въ воспитанникахъ шляхетнаго корпуса чувство чести, чувство «амбиціи», основывая его главнымъ образомъ, сообразно духу времени, на высокомъ значеніи дворянскаго происхожденія. «Фуктель есть обыкновенный штрафъ, только надлежитъ при томъ знать умѣренность, и для того кадетовъ никому, кромѣ ротныхъ и дежурнаго капитана, штрафовать не позволяется», писалъ онъ въ своемъ планѣ объ учрежденіи шляхетнаго кадетскаго корпуса; но, сверхъ того еще, для смягченія этого наказанія приказалъ, вмѣсто шпаги, употреблять обшитую сукномъ рапиру. Къ сожалѣнію корпусъ оставался не долго въ вѣденіи Шувалова, и введенные имъ новые начала воспитанія не могли пустить глубокихъ корней. Убѣжденіе въ необходимости суровыхъ тѣлесныхъ наказаній было однимъ изъ самыхъ непоколебимыхъ убѣжденій педагоговъ и менторовъ того времени; а потому, по смерти графа, розги появились снова во всемъ своемъ цвѣтѣ и блескѣ въ вертоградахъ россійскаго военнаго просвѣщенія. «Сѣкли за все и про все, рассказывалъ г. Ратчу одинъ воспитанникъ артиллерійскаго корпуса девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія: сѣкли и часто, и больно, а за тычками никто не гонялся». — «Насъ воспитывали въ страхѣ божіемъ и въ страхѣ розогъ», говорилъ про свое корпусное время самъ графъ Араччевъ *), и такого рода воспитаніе, разумѣется, принесло сторицею плоды. Привыкая чуть не отъ пеленокъ, сначала дома, потомъ въ школѣ, къ частымъ и щедрымъ порціямъ березовой каши, къ тычкамъ, пинкамъ и волосянкамъ, за которыми ужъ даже, по свѣденію, сообщенному г. Ратчу, никто и не гонялся, наши прадѣды, дѣды и отцы не скупились на эту благодать и сами, какъ скорѣ лишь хотъ нѣсколько выдвигались на линію власть имѣющихъ и получали возможность практиковаться въ этой власти хотъ надъ полдюжиной человѣческихъ тѣлесъ. Не видѣвъ ни жалости, ни снисхожденія къ себѣ въ годы, невольны вызывающіе эти чувства въ каждомъ мало-мальски человѣческомъ сердцѣ, наши прадѣды, дѣды и отцы не только что не знали этихъ чувствъ и сами, но еще не безъ удовольствія и съ лихвою вымещали испытанное собственными спинами на спинахъ чуждыхъ. Жутко приходилось отрокамъ и юношамъ беспорядочнымъ, нерадивымъ, небрежнымъ;

*) Тамъ же, с. 24.

но не таковъ былъ нашъ герой, а потому корпусъ и корпусный быть не могли казаться страшными и невыносимыми Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Приученный, какъ мы видѣли, съ самаго ранняго дѣтства своей матерью къ порядку, аккуратности, чистотѣ, бережливости и умѣнью требовать всего этого и отъ другихъ; движимый, сверхъ того, пламеннѣйшимъ желаніемъ заслужить милость начальниковъ и выйти въ люди, Аракчеевъ мигомъ освоился со всѣми корпусными требованіями, и быстро сталъ, что называется, *изъ молодыхъ да раннимъ*. По части наукъ, онъ въ особенности преуспѣвалъ въ математикѣ и артиллеріи, а «къ наукамъ словеснымъ — по словамъ одного изъ біографовъ — не имѣлъ особой склонности», почему всю свою жизнь писалъ очень неправильно. Относительно языковъ, Аракчеевъ довольно свободно читалъ и говорилъ по французски, хотя и съ дурнымъ выговоромъ; зналъ и нѣмецкій языкъ, въ которомъ уже впрочемъ усовершенствовался впоследствии, на службѣ въ Гатчинѣ, въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ офицерами — нѣмцами, гатчинскихъ войскъ великаго князя Павла Петровича. Всѣ эти познанія и успѣхи дѣлали изъ Аракчеева виднаго и завиднаго для другихъ кадета. Черезъ семь мѣсяцевъ по поступленіи своемъ въ корпусъ, онъ перешелъ уже въ верхніе классы; 9 февраля 1784 года произведенъ былъ въ напралы; съ небольшимъ черезъ два мѣсяца — въ фурьеры, а черезъ пять мѣсяцевъ — въ сержанты. Быстрымъ повышеніемъ своимъ, еще болѣе, чѣмъ успѣхамъ въ наукахъ, Алексѣй Андреевичъ обязанъ былъ своему поведенію. «Ему — пишетъ авторъ свѣденій, — поручали слабыхъ какъ по фронту, такъ и по наукамъ кадетъ, и онъ неуклюжихъ и неповоротливыхъ обращалъ въ ловкихъ; лѣнтяи и малоспособные вытверживали свои уроки. Аракчеевъ съ пятнадцатилѣтняго возраста учился самъ и училъ другихъ, снискалъ расположеніе старшихъ тѣмъ, что облегчалъ службу какъ офицеровъ, такъ и репетиторовъ. Ему они могли поручать, что угодно — надзоръ ли за порядкомъ и за вытверживаніемъ уроковъ, или строевое ученье, и всегда могли отлучаться спокойно, зная, что все будетъ исполнено. Аракчеевъ, въ пятнадцать лѣтъ, всякое приказаніе исполнялъ буквально, круто поворачивалъ подчиненныхъ, и тычковъ не щадилъ. Начальники осыпали его громкими и общими похвалами.» Это, конечно, такъ и должно было быть, — за то товарищи изъ молодыхъ да ранняго инструктора относились къ нему нѣсколько иначе, и вотъ, напримѣръ, что пишетъ

объ Аракчеевъ одинъ изъ его современниковъ, близко знавшій его по корпусу: «Аракчеевъ былъ сержантомъ въ корпусѣ и отличался какъ своими успѣхами въ наукахъ, такъ въ особенности своею ретивностью ко всѣмъ военнымъ порядкамъ. Дѣйствительно онъ замѣчательнѣе своими способностями, познаніями и усердіемъ, но онъ нестерпимаго звѣрства, которое онъ уже выказывалъ надъ кадетами *)».

Какъ бы то ни было, но Алексѣй Андреевичъ «преуспѣвалъ», и не безъ основанія могъ надѣяться выйти въ люди. Въ августѣ 1786 года онъ былъ награжденъ установленною за отличіе серебряною вызолоченною медалью, которая носилась въ петлицѣ на вызолоченной цѣпочкѣ, а 17 сентября слѣдующаго года выпущенъ съ чиномъ арміи поручика, но оставленъ при корпусѣ репетиторомъ и назначенъ учителемъ ариметики и геометріи, а потомъ и артиллеріи. Сверхъ этихъ обязанностей ему поручено было завѣдывать корпусною бібліотекою. Шведская война вскорѣ послѣ того помогла Аракчееву сблизиться съ его непосредственнымъ начальникомъ и первымъ «милостивцемъ», Петромъ Ивановичемъ Мелиссино, а это сближеніе, разумѣется, не могло остаться безъ благопріятныхъ послѣдствій для жаждавшаго отличій и, дѣйствительно недлюбившаго лѣниться и бить баклуши поручика. По случаю войны, при корпусѣ формировалась новая артиллерія, и это-то именно обстоятельство дало возможность Алексѣю Андреевичу выказать во всемъ блескѣ свою неутомимую служебную ретивость. Онъ работалъ неутомимо: обучалъ новобранцевъ строго лабораторному искусству и стрѣльбѣ, а для большей успѣшности этого обученія успѣлъ даже составить въ видѣ руководства «Краткія артиллерійскія записки въ вопросахъ и отвѣтахъ.» И эти труды Алексѣя Андреевича не остались безъ воздаянія: въ 1789 году онъ переименованъ былъ въ подпоручики артиллеріи, и когда изъ трехъ ротъ корпуса выбраны были лучшіе фронтовики для составленія изъ нихъ особой гренадерской команды—начальство надъ этою командою ввѣрено было Аракчееву.

По окончаніи шведской войны, судьба благопріятствовала герою нашему и помимо казенной службы. Графу Николаю Ивановичу Салтыкову понадобился учитель для сына, и онъ обратился съ просьбою объ этомъ къ Мелиссино. Мелиссино указалъ на Аракчеева, и Алексѣй Андреевичъ такимъ образомъ приобрѣлъ не только

*) Свидѣніи о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, ст. 41.

значительную субсидію въ финансовомъ отношеніи, но и новаго, вліятельнаго «милостивца», доказавшаго ему между прочимъ расположеніе свое тѣмъ, что выхлопоталъ ему отпускъ въ деревню, котораго безъ того не далъ бы Мелиссно своему ретивому подчиненному — именно потому, что онъ былъ слишкомъ ужъ ретивъ, и на него можно было навьючивать дѣло за дѣломъ.

И вотъ въ красномъ мундирѣ, съ золотыми часами, подаренными графиней Салтыковой, явился Алексѣй Андреевичъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ и предсталъ предъ очу умиленных родителей. Велика была ихъ радость, но отставной поручикъ Андрей Андреевичъ не упустилъ и тутъ изъ виду достоинства отца и главы семейства. Онъ снялъ съ сына часы, повѣсилъ ихъ у себя надъ кроватью и возвратилъ эту драгоценность ея владѣльцу не прежде его отъѣзда, съ словами: «Возьми часы. Я дарю ихъ тебѣ. Знай и помни, что ты мнѣ ими обязанъ: не помѣсти я тебя въ корпусъ, ты не училъ бы у Салтыковыхъ и часовъ бы не имѣлъ.» «Поэтому я и сохраняю ихъ, какъ отцовскій подарокъ», говорилъ впоследствии графъ Аракчеевъ, показывая часы посѣщавшимъ его въ его знаменитомъ Грузинѣ. *)

Уроки у Салтыковыхъ имѣли вообще не мало вліянія на дальнейшую судьбу Алексѣя Андреевича. Пользуясь расположеніемъ графа, честолюбивый подпоручикъ рѣшился на смѣлый въ его положеніи шагъ, а именно: рѣшился просить Салтыкова о ходатайствѣ для полученія званія старшаго адъютанта при Мелиссно, — званія, которое давало чинъ арміи капитана и вообще могло назваться довольно виднымъ. Салтыковъ въ этомъ ходатайствѣ не отказалъ, но Мелиссно оно не понравилось. По своему тщеславію и любви къ блеску, онъ выбиралъ себѣ въ адъютанты людей богатыхъ и свѣтскихъ; а Аракчеевъ былъ не что иное, какъ исправный и работающій служака; въ норядочную же гостиную могъ развѣ быть допущенъ (да и то какъ незамѣтная въ массѣ единица) только потому, что, вслѣдствіе своей аккуратности и бережливости, всегда чисто одѣвался. Отказать Салтыкову Мелиссно однако же не рѣшился, но неудовольствіе свое невольно выразилъ словами «вотъ пострѣль!» — словами, относившимися не къ кому иному, какъ къ дерзновенному претенденту на званіе старшаго адъютанта при особѣ

*) Тамъ же, с. 43.

его превосходительства. Званіе это тѣмъ на менѣе Аракчеевъ получилъ, и пробылъ въ немъ болѣе года. Мелиссино обращался съ навязаннымъ ему адъютантомъ не совсѣмъ-то любезно и привѣтливо, но и это послужило ко благу, родившемуся, должно быть, въ сорочкѣ, Алексѣю Андреевичу. Великій князь Павелъ Петровичъ пожелалъ имѣть для своей гатчинской артиллеріи свѣдущаго офицера и обратился по этому дѣлу къ Мелиссино; а Мелиссино, не спросивъ даже согласія Аракчеева, назначилъ прямо его на службу въ Гатчину. Назначеніе это врядъ ли бы восхитило кого другаго, потому что по Петербургу ходили слухи о строгости и требовательности гатчинской службы, не представлявшей, сверхъ того, ни денежныхъ выгодъ, ни надеждъ на что либо особенно хорошее въ будущемъ; но на Алексѣя Андреевича оно произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе. Онъ не боялся никакой службы, какъ бы взыскательна она ни была; онъ былъ увѣренъ въ себѣ, и потому, 4 сентября 1792 года, съ радостью отправился явиться къ великому князю, въ мундиръ и прическѣ гатчинскихъ войскъ.

Гатчина, купленная въ 1784 году для Павла Петровича императрицею Екатериною II, съ этого самаго времени была любимымъ мѣстопробываніемъ великаго князя, предпочитавшаго уединенную жизнь шуму и блеску петербургскаго двора. Въ Гатчинѣ у Павла Петровича былъ свой маленький дворъ, была даже своя маленькая армія, которой онъ посвящалъ всю свою дѣятельность, обмундирывая и обучая свои войска по прусскому образцу, въ качествѣ страстнаго поклонника Фридриха Великаго.

Строгость и требовательность гатчинской службы сказались Аракчееву разомъ уже по тѣмъ допросамъ, которымъ подвергся онъ на заставѣ, при вѣздѣ въ Гатчину. Первый приемъ, сдѣланный ему Павломъ Петровичемъ, былъ довольно сухъ. Великій князь сказалъ Аракчееву, чтобы онъ явился къ ротѣ и ознакомился съ порядкомъ службы. Знакомство это, нелегко достававшееся другимъ, получавшимъ вслѣдствіе сего безпрестанные и строгіе выговоры и замѣчанія, далось, какъ и слѣдовало ожидать, Алексѣю Андреевичу сразу, и онъ на первый же вахтъ-парадъ явился какъ бы вѣкъ служившимъ въ Гатчинѣ. Особенное вниманіе Аракчеевъ обратилъ на форму. Великій князь, соблюдая форму самъ съ безукоризненной точностью, строго требовалъ этого и отъ другихъ, а сверхъ того любилъ, чтобы окружавшіе его одѣвались не только по формѣ, но и

хорошо, — а Алексѣй Андреевичъ, не взирая на скудные средства свои, одѣвался щеголемъ. Это не могло не обратить на Аракчеева вниманія Павла Петровича; а когда великій князь посѣтилъ какъ-то лабораторныя работы, и Аракчеевъ имѣлъ случай доложить ему о нѣкоторыхъ, необходимыхъ тутъ, перемѣнахъ и замѣченныхъ имъ недостаткахъ — великій князь отвѣчалъ: «дѣльно». Зоркимъ взглядомъ присмотрѣвшись къ своему новому офицеру поближе, Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что Аракчеевъ — «служака», и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ того, какъ Алексѣй Андреевичъ прибылъ въ Гатчину, онъ уже былъ назначенъ командиромъ артиллерійской роты, произведенъ въ капитаны артиллеріи и получилъ лестное право — съ этого самаго дня, безъ всякаго особеннаго приглашенія, находиться постоянно при обѣденномъ его высочества столѣ.

Аракчеевъ очень скоро снискалъ полное расположеніе Павла Петровича, обладая въ высшей степени всѣми тѣми качествами и свойствами, которыхъ требовала служба, а постоянно томившее его желаніе выйти въ люди только развивало и совершенствовало эти качества и свойства. Чѣмъ же инымъ, кромѣ служебной исполнительности и ретивости, могъ выдвинуться изъ толпы не имѣвшей ни сильныхъ покровителей, ни знатныхъ связей, бѣдный офицеръ, который при гатчинскомъ дворѣ, среди гатчинскихъ придворныхъ, невольно терялся и стусевывался и, находясь въ придворномъ обществѣ, по словамъ г. Ратча, «принималъ участіе въ разговорахъ, когда лишь только они касались служебныхъ предметовъ»? При дворѣ прозвали Аракчеева *новымъ капраломъ*. Онъ ни съ кѣмъ не сходилъ, ни съ кѣмъ не сближался, не искалъ ни любви, ни дружбы, ни симпатіи, и всѣ его мысли, всѣ его желанія направлены были къ одному — угодить великому князю. Угодить же великому князю можно было только самымъ строгимъ и ревностнымъ исполненіемъ службы; — и «Аракчеевъ — говоритъ г. Ратчъ — понималъ желанія великаго князя, а своимъ усердіемъ и дѣятельностью приводилъ ихъ въ исполненіе съ большимъ успѣхомъ. Случалось конечно и ему иногда попадаться въ просакъ, ибо конь и о четырехъ погахъ, да спотыкается; но это случалось очень не часто, да и то въ случаяхъ неважныхъ. Такъ, напримѣръ, уже послѣ слишкомъ двухлѣтней службы въ Гатчинѣ, когда Алексѣй Андреевичъ былъ уже подполковникомъ, подвергся онъ однажды строгому замѣчанію со стороны великаго князя по слѣдующему случаю: въ гатчинскихъ войскахъ было нѣкоторое различіе въ чинахъ отъ

чиновъ во всѣхъ остальныхъ войскахъ арміи, и, между прочимъ, не было раздѣленія маіоровъ на премьеръ и секундъ—маіоровъ. За точнымъ наименованіемъ чинами неукоснительно слѣдилъ самъ Павелъ Петровичъ, и вотъ за одно упущеніе по этой части Аракчеевъ получилъ отъ великаго князя такого рода письменное замѣчаніе:

«С.-Петербургъ, декабря 11-го дня 1794 года.

«Присланное вами, г. подполковникъ Аракчеевъ, сегодня съ нарочнымъ дѣло, будучи текущее, а сверхъ сего по существу своему и никакого изслѣдованія и незаслуживающее, то и удивляюсь Я, почему вы отправили съ онымъ нарочнаго казака, а не дождались учрежденной въ Гатчинѣ почты, тѣмъ болѣе, что, окромя артиллеріи, ничто подъ команду вашу не состоитъ, и для того остерегаться вамъ и впредь отъ подобныхъ сему дѣлъ. Усмотря же изъ возвращаемаго при семъ произведеннаго надъ фурлейтомъ Егоровымъ слѣдствія, несоблюденія формы, ибо вамъ должно извѣстно быть, что у насъ названіе секундъ и премьеръ маіоровъ не существуетъ, то и не могу, чтобъ не дать вамъ знать о Моёмъ по сему удивленіи, рекомендуя вамъ стараться о избѣжаніи и впредь таковыхъ новостей. Впрочемъ, есть вамъ благосклоннымъ.

«Павелъ» *).

Кромѣ завѣдыванія артиллеріею, Аракчееву поручено было отъ Павла Петровича устроить классы для младшихъ офицеровъ, подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Для классовъ отведены были комнаты въ самомъ гатчинскомъ дворцѣ; классы же распределены были Аракчеевымъ слѣдующимъ образомъ: въ одномъ, подпрапорщикамъ и юнкерамъ пѣхоты и кавалеріи, преподаваемы были: чистописаніе, русскій языкъ, ариметика и начала геометріи; въ другомъ, артиллерійскимъ юнкерамъ: русскій языкъ, математика и артиллерія; въ третьемъ, всѣмъ офицерамъ вообще: тактика и фортификація. Кромѣ наблюденія за преподаваніемъ, Аракчеевъ долженъ былъ наблюдать неослабно за поведеніемъ и благоправіемъ учащихся, равно какъ и за тѣмъ, чтобы они не уклонялись отъ формы, о чемъ великій князь напоминалъ своему вѣрному и исполнительному подполковнику особымъ предписаніемъ слѣдующаго содержанія:

«По учрежденіи вами, г. подполковникъ Аракчеевъ, вслѣдствіе

*) Тамъ же с. 94.

приказанія Моего, для офицеровъ военнаго класса; предписываю вамъ имѣть прилежное смотрѣніе какъ за успѣхомъ ихъ въ ученіи, такъ и за поведеніемъ во время онаго, а притомъ наблюдать, чтобы они были всегда и какъ должно по формѣ одѣты, не дозволяя имъ ходить въ классы въ сертукахъ; если же кто противъ сего сдѣлается ослушнымъ, то дозволяю вамъ такого тотчасъ арестовать, давъ о томъ знать за извѣстіе коменданту, а Меня тотчасъ рапортовать, такъ какъ и доносить Миѣ почасту обо всемъ ономъ. Для классовъ же избрать вамъ способное время, какъ напримѣръ послѣ обѣда, въ кое офицеры отъ должностей свободны бывають; сіе же относится для тѣхъ, кои въ Гатчинѣ, а не живущихъ въ Скворицахъ. Впрочемъ пребываю съ благорасположеніемъ вамъ благосклонный

«Павель» *).

Въ концѣ 1794 года, сверхъ всѣхъ своихъ обязанностей, Аракчеевъ получилъ еще новое назначеніе: Павель Петровичъ возложилъ на него устройство хозяйственной части своихъ войскъ, комиссаріатской и провіантской, соединенныхъ въ вѣденіи учрежденнаго тогда въ Гатчинѣ военнаго департамента. Это значительно усложняло кругъ дѣятельности Алексѣя Андреевича и на первыхъ порахъ не мало затрудняло его, тѣмъ болѣе, что зоркій глазъ великаго князя не упускалъ ничего изъ виду по военной части, и Аракчеевъ получалъ безпрестанно отъ его высочества самыя разнообразныя приказанія и предписанія, между которыми были и такія:

«С. Петербургъ, февраля 13 дня 1796 года.

«Возвращая вамъ при семь два орла съ сюпервитовъ, имѣете вы въ средніи оныхъ велѣть написать гербы, и положить ихъ на голубое сукно такое, какое на чепракахъ у жандармовъ, обложить же ихъ бѣлою нитяною тесьмою по краямъ въ два ряда, а офицерамъ серебрянымъ галуномъ въ два же ряда; а какъ скоро изготовятся, то прислать миѣ по одному на апробацію.

«Павель.»

«Павловское, августа 1 дня 1796 года.

«На полученныя мною отъ военнаго департамента вѣдомости, слѣдующія здѣсь приказанія имѣете вы, г. подполковникъ, кому слѣ-

*) Тамъ же, с. 95.

дуетъ для исполненія объявить: 1) чтобы со всѣхъ, кои департаменту должны, неупустительно стараться собирать долги; 2) по показаніи въ наличіи остающейся суммы, показывать въ особой рубрикѣ всѣ тѣ вещи, кои слѣдуетъ по сроку построить; 3) такъ какъ сермяжнаго сукна 800 аршинъ, а оное нынѣ не употребляется, то продать оное. 4) Тесьму, употребленную въ вашемъ батальонѣ (т. е. въ мушкетерскомъ батальонѣ, посвященъ имя подполковника Аракчеева) и называть просто такого-то батальона, а не чучешною. 5) Наличные кушаки жандармскіе голубые и чепраки отдать по полкамъ въ ихъ экономію. 6) Имѣющіеся 4 золотые аксельбанта прислать въ батальонъ великаго князя Александра Павловича. 7) Умершаго же штабъ-лекаря, коллежскаго ассесора Семенова, малолѣтняго сына имѣете опредѣлить кадетомъ въ экстерны по сиротскому дому, который туда и отправленъ будетъ. 8) Находящіеся въ наличіи 5 музыкантскихъ мундировъ или употребить на иное, что нужнѣе, или продать.

«Павелъ.»

Много уже, было всякаго рода дѣлъ у Алексѣя Андреевича; но на ретиваго подполковника возлагались еще новыя званія и обязанности. Въ началѣ 1796 года, Павелъ Петровичъ, недовольный инспекторомъ гатчинской пѣхоты, подполковникомъ Баратынскимъ, назначилъ вмѣсто него Аракчеева, оставивъ его при этомъ и въ прежнемъ званіи инспектора артиллеріи: а такъ какъ Баратынскій, сверхъ должности инспектора, занималъ еще должность гатчинскаго губернатора, то и она тоже перешла къ Алексѣю Андреевичу. Служебное счастье такимъ образомъ видимо улыбалось молодому подполковнику; карьера его двигалась на всѣхъ парахъ, и онъ, въ благодарность великому князю за всѣ столь несомнѣнные знаки его расположенія, принялся за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей съ величайшею ревностью. Ученья продолжались часовъ по двѣнадцать въ день, и Аракчеевъ во все время не сходилъ съ плаца. Павѣрное немногіе художники любили и любятъ свое «искусство для искусства» такъ горячо и страстно, какъ любилъ онъ свое.

Павелъ Петровичъ, жившій одно время въ Павловскѣ, по прибытіи въ Гатчину и осмотрѣ тамошнихъ войскъ, отозвался прямо, что три гатчинскіе батальона (вымуштрованные Аракчеевымъ) перещеголяли тѣ три, которые находились для содержанія карауловъ въ Павловскѣ. *)».

*) Тамъ же.

Не менѣе ровно исполнялъ Алексѣй Андреевичъ и свои обязанности по званію гатчинскаго губернатора. Тутъ, въ бытность Павла Петровича въ Петербургѣ, въ жандармскомъ полку офицеры сказались больными, а одинъ изъ нихъ, поручикъ Цорнъ, отличный кавалеристъ и извѣстный служака, послалъ прямо къ великому князю просьбу объ увольненіи отъ службы. Что донесъ съ своей стороны Аракчеевъ — неизвѣстно; но на имя его, въ отвѣтъ на просьбу Цорна, послѣдовало слѣдующее приказаніе:

«С. Петербургъ, 16 апрѣля 1796 года.

«Если возвращаемое при семъ къ вамъ, г. подполковникъ Аракчеевъ, отъ жандармовъ поручика Цорна прошеніе безъ вѣдома вашего послано, то имѣете вы отдать при паролѣ, что Я лѣнливыхъ, ради ихъ лѣности, отъ службы не увольняю; ему же, Цорну, служить за корнета до выслуги, а сверхъ сего за сей поступокъ арестовать на недѣлю.

«Павелъ.»

Впослѣдствіи однако же дѣло разъяснилось, и Цорнъ очень скоро произведенъ былъ въ штабъ-ротмистры, потомъ въ ротмистры, въ томъ же году переведенъ въ гвардію, и менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ того въ чинъ генераль-маіора, получивъ кирасирскій полкъ.

Обстоятельство это не охладило нисколько расположенія къ Аракчееву Павла Петровича, не охладило и служебнаго жара въ самомъ Алексѣй Андреевичѣ. Онъ съ прежней ретивостью исполнялъ всѣ свои обязанности, и сверхъ другихъ дѣлъ, занимался еще, по порученію великаго князя, пересмотромъ военно-уголовныхъ законовъ (фельдъ-крюгъ-герихта) и устройствомъ въ Гатчинѣ военно-сиротскаго дома, образовавшаго впослѣдствіи Павловскій казенный корпусъ. Между тѣмъ случилось обстоятельство, сначала было не мало смутившее Алексѣя Андреевича, но потомъ разрѣшившееся въ его же пользу. 25 іюня 1796 года родился великій князь Николай Павловичъ, а черезъ три дня были именины наследника. Павелъ Петровичъ желалъ по этому случаю произвести Аракчеева въ артиллерійскіе подполковники и въ полковники по гатчинскимъ войскамъ; но такъ какъ чинъ былъ уже значительный, то слѣдовало обратиться съ этимъ дѣломъ къ генераль-фельдцейхмстеру, князю Зубову. Послѣдовалъ запросъ: какую должность въ артиллеріи исполняетъ Аракчеевъ, и всѣ полагали что чинъ онъ получить, но вмѣстѣ съ тѣмъ, получить и другое назначеніе. А этого Алексѣй Андреевичъ опасался болѣе всего: един-

ственной опорой, единственной поддержкой и надеждой его былъ Павелъ Петровичъ, и разстаться съ великимъ княземъ значило — протереться со всѣми служебными успѣхами, со всѣми честолюбивыми видами на возможность выйти въ люди и сдѣлать не дюжинную карьеру. Съ замираніемъ сердца дожидался онъ рѣшенія своей участи въ Павловскѣ, куда прибылъ, по приказанію Павла Петровича, 29 іюня, рано утромъ; но фортуна, очевидно, не хотѣла оборачиваться къ Алексѣю Андреевичу спиною, и ровно въ полдень получилъ онъ изъ Царскаго села, гдѣ была въ то время императрица, слѣдующую собственноручную записку великаго князя: «Зубовъ мнѣ велѣлъ сказать, что ты именно у меня остаешься и о семь именно приказано куда слѣдуетъ. Вотъ и объясненіе всего»^{*)}. О производствѣ же своемъ въ подполковники артиллеріи и полковники по гатчинскимъ войскамъ Аракчеевъ зналъ уже прежде, и стало быть, могъ теперь вполне возликовать и возрадоваться. Но вскорѣ послѣ того постигло его и горе: онъ лишился отца, и единственнымъ утѣшеніемъ для него въ этомъ печальномъ событіи могло быть опять таки участіе, принятое въ немъ Павломъ Петровичемъ. Участіе это великій князь выразилъ снова собственноручною запискою такого содержанія: «Теперь узналъ Я о печальномъ извѣстіи, полученномъ вами. Зная мое расположеніе къ себѣ, не можете сомнѣваться о участіи моемъ, тѣмъ болѣе, что Я его (т. е. отца Аракчеева) зналъ и былъ человѣкъ стараго шлагау. Боже утѣши васъ»^{**}).

Всѣ эти знаки расположенія и участія со стороны Павла Петровича, вмѣстѣ съ честолюбивыми надеждами, на осуществленіе которыхъ можно было рассчитывать, находясь постоянно на глазахъ великаго князя, привязывали къ нему Аракчеева; а потому и гатчинская служба оставила въ Алексѣѣ Андреевичѣ самыя пріятныя воспоминанія. Вотъ что говорилъ онъ о ней впоследствии: «Въ Гатчинѣ служба была тяжелая, но пріятная, потому что усердіе всегда было замѣчено, а знаніе дѣла и исправность отличены. Наслѣдникъ престола жаловалъ меня, но иногда и журилъ крѣпко, всегда почти

*) Тамъ же, с. 108.

***) Тамъ же, с. 87. На этой запискѣ рукою Аракчеева отмѣчено: «Получена въ день извѣстія о кончинѣ моего родителя въ августѣ 1796 года». Алексѣй Андреевичъ вообще на каждой запискѣ и на каждомъ приказѣ, которые получалъ отъ Павла Петровича, отмѣчалъ непременно, что получено въ такомъ то году, такого-то числа, въ такомъ-то часу.

за несправности другихъ. Однажды, когда мнѣ крѣпко досталось за упущеніе по службѣ караульнаго офицера, я побѣжалъ съ гора въ церковь, сталъ молиться, класть земные поклоны, чувствовалъ свою безвинность, но думалъ, что лишился навсегда милости наслѣдника престола, не могъ удержать слезъ и даже зарыдалъ. Въ церкви не было никого, кромѣ пономаря, который тушилъ свѣчи. Вдругъ послышались за мною шаги и звукъ шпоръ. Я вскочилъ и утеръ слезы, оглянулся и вижу наслѣдника престола!— «О чемъ ты плачешь?» спросилъ онъ меня ласково. «Мнѣ больно лишиться милости вашего императорскаго высочества.» «Да ты вовсе не лишился ея! промолвилъ наслѣдникъ, положивъ мнѣ руку на плечо:— и никогда не лишишься, если будешь вести себя и служить такъ, какъ до сихъ поръ. Молись богу и служи вѣрно: ты знаешь за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ!» Я бросился на колѣна передъ наслѣдникомъ и, въ избыткѣ чувствъ, воскликнулъ: «У меня только и есть, что Богъ да вы;» Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою изъ церкви. Я шелъ за нимъ въ молчаніи; наконецъ онъ остановился, быстро посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «ступай домой; со временемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка *)».

Это время,— окончательно выйдти въ люди, наступило для Алексѣя Андреевича очень скоро и очень неожиданно. 5 ноября 1796 года, великій князь Павелъ Петровичъ, съ непогими, составлявшими обяновенное гатчинское общество, лицами, въ числѣ которыхъ находился и Аракчеевъ, отправился верстъ за пять на ловлю форелей у мельницы, принадлежавшей къ гатчинскимъ владѣніямъ. Здѣсь вдругъ получилъ онъ извѣстіе о тяжкой болѣзни императрицы, и, вслѣдствіе этого извѣстія, въ пятомъ часу пополудни выѣхалъ изъ Гатчины съ супругою своею и адъютантомъ Котлубицкимъ, передавъ Аракчееву кое-какія распоряженія и приказавъ ему, по исполненіи ихъ, ѣхать тоже въ Петербургъ, а по прибытіи туда явиться немедленно во дворецъ. Когда самъ Павелъ Петровичъ прибылъ въ Зимній дворецъ его встрѣтили тамъ почти уже, какъ императора. «Проходя черезъ комнаты, наполненныя людьми, ожидающими восшествія его на престолъ,— пишетъ очевидецъ этого событія графъ Ѡ. В. Ростопчинъ, онъ оказывалъ всѣмъ видъ ласковый и учтивый. Пріемъ, ему сдѣланный, былъ уже въ лицѣ государя, а не наслѣдника. Поговоря нѣсколь-

*) Тамъ же, с. 109.

ко съ медиками и разспроси о всѣхъ подробностяхъ происшедшаго, онъ пошелъ съ супругою въ угольный кабинетъ и туда призывалъ тѣхъ, съ коими хотѣлъ разговаривать или коимъ что-либо приказывалъ *)». Въ числѣ этихъ лицъ былъ и прискакавшій уже изъ Гатчины Аракчеевъ. Павелъ Петровичъ встрѣтилъ его ласково и радушно. «Смотри, Алексѣй Андреевичъ, служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде», сказалъ онъ, потому велѣлъ позвать великаго князя Александра Павловича, и, послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложивъ руки сына и любимца, сказалъ: «будьте навсегда друзьями». Отпуская за сими Аракчеева, Павелъ Петровичъ приказалъ ему явиться снова черезъ часъ; а Александръ Павловичъ, видя воротникъ молодого полковника забрызганнымъ отъ скорой ѣзды, грязнымъ ситомъ, предложилъ ему идти съ собою, сказавъ: «ты, вѣрно, второпихъ не взялъ чистаго бѣлья; такъ я тебѣ дамъ». Въ полученной тогда отъ великаго князя рубашкѣ Аракчеевъ, согласно изъявленному имъ желанію, черезъ 38 лѣтъ послѣ того былъ похороненъ **).

Кончивъ далеко за полночь приемъ разныхъ лицъ, Павелъ Петровичъ потребовалъ къ себѣ снова Аракчеева, и онъ, со словъ великаго князя, долженъ былъ набрасывать разные, предстоявшія къ ближайшему исполненію, распоряженія. Находившись дотолѣ въ узкой и ограниченной сферѣ дѣйствій Алексѣй Андреевичъ, по словамъ г. Ратча, «остановился въ удивленіи предъ широкими размѣрами предначертаній наслѣдника». «Ваше высочество, замѣтилъ онъ: но какихъ суммъ потребуётъ подобное увеличеніе и содержаніе одной только гвардіи?» — «Успокойся, отвѣчалъ наслѣдникъ: — не забывай, что у насъ теперь будетъ не тридцать тысячъ, а семьдесятъ милліоновъ ***»).

6 ноября, въ одинадцатомъ часу вечера, императрица скончалась, и члены императорской фамиліи присягнули немедленно на вѣрность новому императору въ дворцовой церкви, а гвардейскіе полки — въ мѣстахъ своего расположенія. При императрицѣ Екатеринѣ для военныхъ не было обязательнымъ носить постоянно мундиръ, но Павелъ Петровичъ въ первый же день своего царствованія, 7 ноября, высочайшимъ приказомъ предписалъ всѣмъ лицамъ военнаго званія носить не-

*) Тамъ же.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же, с. 115.

премѣнно и всегда установленную форму. Этотъ высочайшій приказъ отданъ былъ при парадѣ на вахтъ-парадѣ или разводѣ отъ преображенскаго полка, произведенномъ по гатчинскимъ правиламъ. Разводъ приготовленъ былъ Аракчеевымъ, и опъ тѣмъ же приказомъ назначенъ былъ петербургскимъ городскимъ комендантомъ и переведенъ въ преображенскій полкъ штабомъ. *) Квартира ему отведена была въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ, которые занималъ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ.

Новый императоръ такимъ образомъ въ самый первый день своего царствованія не забылъ отличить своего стараго любимца; не забылъ онъ его и на второй день, и на третій, и послѣ 8 ноября Аракчеевъ произведенъ былъ въ генералъ-майору; 9-го на него возложены были обязанность майора преображенскаго полка и командование своднымъ гренадерскимъ баталіономъ этого полка, который и носилъ его имя; 13-го Алексѣй Андреевичъ получилъ Анненскую ленту. Еще прежде этого, 10-го числа Аракчееву привелось красоваться предъ взорами петербургскихъ обывателей по поводу вступленія въ столицу гатчинскихъ войскъ. Герой нашъ при этомъ случаѣ командовалъ всѣмъ парадомъ. Получивъ донесеніе о вступленіи гатчинскихъ войскъ въ городъ, императоръ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ блестящею свитою. Гатчинцы прошли своимъ образцовымъ церемональнымъ маршемъ, и потомъ отправились, согласно сдѣланному еще наканунѣ распоряженію, по полкамъ гвардіи, гдѣ и были размѣщены, какъ дорогіе гости. «Не знаемъ, говоритъ г. Ратчъ:—какое впечатлѣніе произвело на гвардейскую пѣхоту правильное движеніе гатчинскихъ баталіоновъ, но изъ устъ двухъ очевидцевъ слышали, что конно-гвардейцы и въ особенности конно-артиллеристы были поражены развитіемъ, стройностью, ловкостью всадниковъ и бережливимъ содержаніемъ лошадей кавалеріи и конной артиллеріи». Гатчинскіе офицеры вошли въ составъ гвардіи «чинъ въ чинъ», а артиллеристы даже чиномъ выше противъ того, какъ числились по войсковымъ спискамъ, потому что они и въ Гатчинѣ еще именовались чиномъ выше. Всѣ эти офицеры поступили въ гвардейскіе полки, какъ свѣдущіе и опытные инструкторы, для обученія гвардіи по новымъ

*) Полковыми штабами назывались всѣ штабъ-офицеры, коллегіально управлявшіе хозяйственною частью полка. Строевая часть состояла непосредственно въ вѣденіи особаго генерала или штабъ-офицера, носившаго въ полку званіе майора.

правиламъ и уставамъ, и всѣмъ имъ государь пожаловалъ помѣстья, смотря по чинамъ и прежней службѣ. Командовавшіе старшіе штабъ-офицеры получили отъ 1,000 до 300 душъ, капитаны до 100, самые младшіе до 30. Аракчееву пожаловано было 2,000 душъ, и когда государь при этомъ предложилъ ему выборъ имѣнья—Алексѣй Андреевичъ указалъ на Грузинскую волость въ Новгородской губерніи.

— Не ошибся-ли ты? спросилъ императоръ.

— Я слышалъ, что ее хочетъ просить Архаровъ, отвѣчалъ Аракчеевъ.

— Въ такомъ случаѣ ты въ накладѣ не будешь, замѣтилъ, улыбаясь, Павелъ Петровичъ *).

Расположеніе Императора къ Аракчееву выразилось и въ милости къ его братьямъ. 15 ноября 1796 года, средній братъ Алексѣя Андреевича, служившій подпоручикомъ въ полевой артиллеріи, переведенъ былъ въ гвардейскую артиллерію капитаномъ, а младшій произведенъ туда же изъ кадетъ артиллерійскаго корпуса. Въ концѣ января слѣдующаго 1797 года, гвардія отправилась въ Москву для торжества коронаціи; Аракчеевъ же назначенъ былъ въ число лицъ, назначенныхъ сопровождать государя. Должность коменданта, на время отсутствія, велѣно было ему сдать генералъ-лейтенанту Буксгевдену. До коронаціи же, вмѣсто обязанностей коменданта, на Аракчеева возложены были нѣкоторыя особенныя занятія, а именно

* Свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, с. 120. Чтобы понять отношенія императора, надобно замѣтить, что Николай Петровичъ Архаровъ былъ человекомъ въ высшей степени практической и ловкій. Въ 1774 году, во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ моровой язвы, Архаровъ былъ полиціймейстеромъ, и расторопностью своею обратилъ на себя вниманіе графа Григорія Григорьевича Орлова. Вслѣдствіе этого онъ скоро сдѣланъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ, потомъ губернаторомъ. Архаровъ отлично устроилъ полицію и славился замѣчательнымъ мастерствомъ въ открытіи всякаго рода мошенничества и мошенниковъ, злоумышленій и злоумышленниковъ. Въ 1784 году онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ тверскимъ и новгородскимъ, а въ 1790 на него было, сверхъ того, возложено званіе главнаго директора водяныхъ коммуникацій. Осматривая и изучая край, по своимъ двумъ должностямъ Архаровъ не могъ не остановить любострастнаго вниманія на селѣ Грузинѣ, которое, по своему положенію на Волховѣ въ близкомъ разстояніи отъ Петербурга и Новгорода, было, дѣйствительно, лакомымъ кусочкомъ. Село это принадлежало прежде князю Александру Даниловичу Меншикову, потомъ сталъ монастырскою вотчиною и наконецъ перешло въ экономическое вѣдѣніе. Архаровъ оцѣнилъ его взглядомъ знатока и эксперта; но насладиться отъ грузинскихъ благъ довелось болѣе счастливому Аракчееву.

разныя предварительныя распоряженія на случай весьма возможных и вѣроятныхъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи или Франціи. Бонапартъ, въ это время, билъ на каждомъ шагу австрійцевъ въ Итали; а по прежнимъ договорамъ Австрія, въ случаѣ вторженія непріятели въ ея владѣнія, имѣла право требовать отъ Россіи вспомо- гательный корпусъ въ 12,000 человекъ.

Въ половинѣ марта Аракчеевъ поѣхалъ съ дворомъ въ Москву. Короонація совершена была въ первый день пасхи, 5 апрѣля, и Алексѣй Андреевичъ въ этотъ день пожалованъ былъ александровскимъ кавалеромъ и барономъ. Къ поднесенному впоследствии на высочайшее утверженіе баронскому гербу его Павелъ Петровичъ, собственноручно прибавилъ подпись: «безъ лести преданъ.»

Между тѣмъ предположенія на счетъ возможности войны оправда- лись: 14 апрѣля въ Москвѣ получена была просьба Вѣнскаго двора о вспомогательномъ корпусѣ и о посредничествѣ къ примиренію съ Франціею и къ удержанію Пруссіи отъ непріязненныхъ дѣйствій. Въ тотъ же день тремъ дивизіямъ велѣно было приготовиться къ походу, а въ Берлинѣ отправленъ былъ чрезвычайнымъ посломъ фельдмаршалъ князь Репнинъ. Аракчеевъ же, въ виду предстоящей войны, назначенъ былъ, съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ должностей, генералъ-квартирмейстеромъ по всей арміи, и черезъ недѣлю уѣхалъ въ Вильно, «для учиненія инспекторскаго смотра надъ полками пѣхоты литовской дивизіи». Въ началѣ мая посѣтилъ Бѣлоруссію государь, и Аракчеевъ сопровождалъ его во все время этого путешествія, а потомъ до возвращенія своего въ Петербургъ перазъ получалъ отъ него письма, доказывавшія полное расположеніе къ нему Павла Петровича. Аракчееву въ это время только еще шелъ двадцать восьмой годъ.

Такъ быстро возвысившись и такъ прочно, по видимому, утвердившись, по силѣ благоприятныхъ обстоятельствъ, на своемъ возвышенномъ постѣ, Аракчеевъ не измѣнилъ нисколько ни своему характеру, ни своему образу дѣйствій среди новыхъ лицъ и новой обстановки. Всегда холодный, угрюмый, несообщительный, онъ постоянно держался особнякомъ, ни съ кѣмъ не сходясь и не сближаясь и устремляя по прежнему свои помыслы единственно на то, чтобы служить лишь императору, какъ служилъ великому князю. Трудиться же теперь нужно было ежеминутно при тѣхъ реформахъ, которыя начались повсемѣстно, въ особенности же по военному вѣ-

домству, гдѣ императоръ, по выраженію графа Толля, принялся «безпощадно» водворять порядокъ. Порядка въ этомъ вѣдомствѣ дѣйствительно было мало, между тѣмъ какъ оно было «велико и обильно;» но Аракчеевъ не понималъ, или не хотѣлъ понять, что для введенія новыхъ порядковъ, новыхъ правилъ, новыхъ уставовъ, столь непохожихъ на прежніе, требуется время, и что, не сдѣлавши перваго шага, нельзя сдѣлать второй. Отличавшую его самого, исполнительность почиталъ онъ первѣйшею добродѣтелью, но для возбужденія въ своихъ подчиненныхъ этой добродѣтели не зналъ никакого другаго средства, кромѣ внушенія имъ страха суровою строгостью и жестокостью, любви повторять при каждомъ удобномъ случаѣ, что «только то и дѣлается, что изъ подъ палки» *). Подчиненные его лѣзли вошь изъ кожи, чтобы списать благоволеніе своего взыскательнаго начальника, обнаруживали и усердіе, и успѣхи — начальникъ этого не замѣчалъ; а чуть зоркій взглядъ его находилъ хотя малѣйшее, какое нибудь отступленіе отъ устава или формы, хотя ничтожнѣйшее какое нибудь упушеніе по строевой или хозяйственной части — это тотчасъ же доводилось до свѣдѣнія императора, и потомъ обрушивалось на виновнаго или виновныхъ суровыми, тяжелыми наказаніями. По разсказамъ современниковъ Аракчеева, ему, по видимому, даже гораздо пріятнѣе было находить безпорядки, чѣмъ встрѣчать исправность: безпорядки давали пищу его раздражительности и любви къ примѣненію на дѣлѣ принципа, что «только то и дѣлается, что изъ подъ палки»; безпорядки же доставляли ему возможность заявлять безпрестанно предъ государемъ о своей неутомимой дѣятельности и неслабѣющей ревности, хотя то, что давало поводъ къ этимъ заявленіямъ, только волновало и гнѣвило Павла Петровича. О томъ же, что обыкновенно въ то время заслуживало награды, Аракчеевъ государю не доносилъ, предоставляя это замѣчать ему самому; но за то Павелъ Петровичъ могъ быть вполне увѣренъ, что ни одинъ проступокъ, ни одна оплошность военного человѣка не пройдутъ незамѣченными и не сойдутъ съ рукъ даромъ, и что правительство можетъ поживать совершенно спокойно, имѣя въ Петербургѣ такого коменданта, при которомъ ни одинъ караульный не посмѣетъ и подумать о спѣ. «Что вамъ за охота, Алексѣй Андреевичъ, изъ за пустяковъ гнѣвить государя?» сказалъ однажды

*) Свѣдѣніе о графѣ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, с. 148.

Аракчееву енгель-адъютантъ Котлубицкій. — «Какъ такъ?» спросилъ Аракчеевъ. — Вы взыскали, — ну, и концы въ воду: къ чему же обо всемъ докладывать. Вч бы хоть обмолвкою иногда кого нибудь похваляли отвѣчалъ Котлубицкій. Аракчеевъ улыбуясь; но черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора послѣдовалъ немало всѣхъ удивившій высочайшій приказъ о производствѣ лейбъ-гренадерскаго полка капитана Глинки въ маіоры «за отмѣнную исправность въ стояніи въ караулѣ, при осматриваніи комендантомъ генераль-маіоромъ и кавалеромъ Аракчеевымъ карауловъ.»

Трудно рѣшить, въ которой изъ трехъ должностей своихъ — петербургскаго ли коменданта, маіора ли, а потомъ и командира Преображенскаго полка, или генерала квартирмейстера — оказался всего строже Аракчеевъ; но, по словамъ г. Ратча, «по всѣмъ тремъ оставилъ онъ тяжелую по себѣ память». Какъ петербургскій комендантъ, онъ часто посѣщалъ солдатскія казармы, и требованіями въ нихъ безукоризненной чистоты, опрятности и порядка, измучилъ нижнихъ чиновъ *).» Чтобы избавиться отъ такихъ и еще горшихъ взысканій, солдаты, проводившіе большую часть дня на ученьяхъ, для быстрѣйшаго ознакомленія съ новыми, гатчинскими правилами службы, должны были заниматься чисткою и уборкою своихъ жилищъ по ночамъ, и, вкрая время у отдыха и сна, мыть полы, двери, стѣны и окна, чистить улицы, посыпать ходы пескомъ и т. д. Казармы принявъ, дѣйствительно, и внутри, и снаружи, другой видъ; но каково доставалось это солдатамъ, и лучше ли, легче ли жилось имъ въ вычищенныхъ и вылощенныхъ помѣщеніяхъ — объ этомъ, разумѣется, Алексѣй Андреевичъ и не думалъ.

Столь же требовательнымъ, взыскательнымъ и придирчивымъ яв-

*) До какой неимоверной степени любилъ Алексѣй Андреевичъ чистоту и опрятность, поклоненіе которымъ привито было къ нему, какъ мы видѣли, еще въ дѣтствѣ, его матерью доказываетъ слѣдующій, приводимый г. Ратчемъ (с. 145 и 146), рассказъ аракеевского камердинера: Въ бытность Алексѣя Андреевича комендантомъ, разъ ночью, по какому-то случаю, — кажется, по случаю пожара — государь послалъ за Аракчеевымъ, чтобы выѣсть съ нимъ ѣхать. Вскочивъ съ постели, Алексѣй Андреевичъ началъ торопливо одѣваться; но, на бѣду, когда онъ былъ уже почти что совсѣмъ одѣтъ камердинеръ капнулъ нечаянно со свѣчи на палевые барскіе штаны. Какъ ни торопился Аракчеевъ, — однако же раздѣлся снова, не смотря на то, что за другими штанами надобно было пробѣжать нѣсколько комнатъ, и онъ чрезъ это заставилъ государя прождать минутъ пять лишнихъ. „Графъ такъ торопился, прибавилъ г. Ратчу рассказчикъ: — что ни одного труха тогда мнѣ не далъ, за то послѣ приказалъ высечь.“

лялся Аракчеевъ и къ исполненію всѣхъ мелочей гарнизонной службы, которую онъ этою придирчивостью сдѣлалъ невыносимо-тягостною. Всѣ войска петербургскаго гарнизона, бывшія съ нимъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, видѣли въ немъ готовый ежеминутно обрушиться на нихъ страшный Дамоклесовъ мечъ; а потому всѣ тѣ офицеры, которыхъ не вынуждала служить необходимость, одинъ за другимъ покидали службу. Съ настойчивостью ловилъ Аракчеевъ всякое уклоненіе отъ поставленныхъ правилъ, и въ полкахъ были непрерывныя слѣдствія о причинахъ замѣченныхъ въ караулахъ уклоненій отъ гарнизоннаго устава. Алексѣй Андреевичъ при этомъ не довольствовался взысканіями за явные безпорядки: онъ завязывалъ длинную переписку, изъ которой старался выискать новыхъ виноватыхъ, и постоянно самъ, въ подвѣдомственномъ ему ординарсъ-гаузѣ, зорко слѣдилъ за всѣми, наряжаемыми имъ, слѣдствіями и судами. Днемъ и ночью, кромѣ того, ѣздилъ Аракчеевъ по городу, для осмотра исправности постовъ и карауловъ,—и горе было тѣмъ, у которыхъ находилъ онъ неисправность! Къ нему же, какъ къ коменданту, должны были являться всѣ прибывавшіе въ столицу офицеры. Современники рассказываютъ, что изъ этихъ офицеровъ ласковымъ пріемомъ Алексѣя Андреевича пользовались тѣ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ вывѣдать о разныхъ служебныхъ упущеніяхъ и уклоненіяхъ, и слѣдствіями этого были строгія замѣчанія и подтвержденія въ высочайшихъ приказахъ. Подобныя свѣденія послужили, между прочимъ, поводомъ, породившимъ холодность императора къ фельдмаршалу Суворову,—холодность, скоро превратившуюся въ немилость. Аракчеевъ, вообще, не понималъ военнаго таланта Суворова и, не отдѣляя его отъ антипатичныхъ для него дѣятелей Екатерининскаго времени, видѣлъ въ немъ только тестя графа Николая Зубова и капризнаго старика. Императоръ, съ своей стороны, тоже былъ не совсѣмъ расположенъ къ фельдмаршалу. Павелъ Петровичъ, какъ мы уже говорили, былъ поклонникомъ Фридриха Великаго и послѣдователемъ прусскаго военнаго устава, прусской тактики; а Суворовъ имѣлъ свой, оригинальный взглядъ на военное искусство,—взглядъ, неподходявшій ни подъ какую извѣстную теорію, но на практикѣ выразившійся рядомъ блистательныхъ побѣдъ. Не раздѣляя и не одобряя нисколько этого взгляда, императоръ, однакоже, на первыхъ порахъ, относился къ фельдмаршалу милостиво, и отъ 15 декабря 1795 года, между прочимъ, писалъ къ нему: «Поздравляю съ новымъ годомъ и зову пріѣхать въ Москву къ корона-

цин, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей... *Приводи своихъ въ мой порядокъ, пожалуйста* *)). Но вотъ тутъ именно я встрѣтился камень преткновенія: своеобразный во всѣхъ отношеніяхъ, Суворовъ никакъ не могъ сразу *привести своихъ въ порядокъ*, и отъ 2-го января 1797 года, за присылку въ Петербургъ, съ одними только партикулярными письмами, адъютанта своего Уткина, тщательно допрошеннаго Аракчеевымъ, получивъ отъ императора рескриптъ, совершенно непохожій на посланіе отъ 15 декабря. «Графъ Александръ Васильевичъ — говорилось въ этомъ рескриптъ — съ удивленіемъ узналъ Я присылку отъ васъ сюда адъютанта вашего, капитана Уткина, съ одними только партикулярными письмами. Почитая употребленіе таковое неприличнымъ ни службѣ, ни званію офицерскому, съ равнымъ же удивленіемъ вижу, что вы по сию пору не распустили штаба своего. Я приказалъ здѣсь упомянутаго адъютанта вашего опредѣлить въ полкъ, а вамъ предписываю остальныхъ адъютантовъ и прочихъ чиновъ, въ штабѣ вашемъ находящихся, съ полученіемъ сего тотчасъ перечислить въ состоящіе подъ вашею командою полки и къ онымъ ихъ немедленно отправить, да и вообще воздержаться отъ употребленія офицеровъ въ несвойственные службѣ и званію ихъ должности, что наблюдать имѣете и за подчиненными вашими. Пребываю вамъ благосклоннымъ» **).

Пока рескриптъ этотъ шелъ до Тульчина, Суворовъ, вопреки уставу, уволилъ въ Петербургъ подполковника Батурина, и за это къ фельдмаршалу посланъ былъ новый рескриптъ такого содержанія:

«Съ удивленіемъ вижу Я, что вы безъ дозволенія моего отпускаете офицеровъ въ отпускъ, и для того надѣюсь Я, что сіе будетъ въ послѣдній разъ. Не меньше удивляюсь Я, почему вы входите въ распределеніе командъ, прося васъ предоставлять сіе Мнѣ. Что же касается до рекомендаціи вашей, то и сія въ мирное время до васъ касаться не можетъ; развѣ въ военное время, если непосредственно подъ начальствомъ вашимъ находится будетъ. Вообще же рекомендую поступать во всемъ по уставу. Впрочемъ, вамъ доброжелательный Павелъ» ***). вмѣстѣ съ этимъ, въ высочайшемъ приказѣ отъ 15 января, Суворову сдѣланъ былъ выговоръ; а когда, вслѣдъ за

*) Своднія о графѣ Александрѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, с. 137.

***) Тамъ же, с. 140.

***) Тамъ же, с. 141.

Батуринымъ, прибылъ изъ Тульчина еще офицеръ, капитанъ Марлинъ, — фельдмаршалу сдѣланъ былъ другой выговоръ ^{*)}. Суворовъ, еще по полученіи рескрипта отъ 2-го января, просилъ объ увольненіи въ отпускъ, на годъ, въ деревню, *по многимъ ранамъ и увѣчьямъ, для исцѣленія отъ дня въ день ослабѣвающихъ силъ*; по прошеніе его было писано не по установленной формѣ и было ему возвращено, а черезъ нѣсколько времени послѣ того онъ получилъ повелѣніе прибыть въ Петербургъ и оставаться безъ команды. Фельдмаршалъ просилъ вторично о годичномъ отпускѣ, и, по поводу этой вторичной просьбы, Аракчеевъ получилъ отъ государя, для составленія высочайшихъ приказовъ, собственноручную записку, въ которой говорилось: «Объ отставкѣ Суворова, по отзыву, что теперь войны нѣтъ.» Результатомъ этой записки былъ высочайшій приказъ отъ 6-го февраля 1797 года, гласившій:

«Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесся его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы» ^{**}).

Отставка Суворова произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ, и всѣ обвиняли въ этомъ Аракчеева, говоря, что онъ былъ главнымъ виновникомъ неудовольствія государя. Горячій поклонникъ фельдмаршала, Ѳ. В. Ростоцинъ, выразился прямо, что «стопобѣднѣй Суворовъ попался въ когти гатчинскаго капрала, который, въ числѣ прочихъ, взялся смирять высокомеріе екатерининскихъ героевъ» ^{***}).

Но «гатчинскому капралу» ни до чего этого не было никакого дѣла, и онъ продолжалъ по прежнему недремлющимъ окомъ слѣдить за всѣми служебными упущеніями. По званію коменданта, Аракчеевъ ходилъ въ беззрестаннѣхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, назначеннымъ с.-петербургскимъ губернаторомъ, инспекторомъ петербургской дивизіи и председателемъ военной коллегіи. Аракчееву поручено было даже передать великому князю всѣ новыя правила военной службы. «По нѣсколькимъ источникамъ, говоритъ г. Ратчъ: — мы описали встрѣчу в. к. Александра Павловича и Аракчеева) въ кабинетѣ государя 5-го ноября 1796 года. Въ «Воспоминаніяхъ о селѣ Грузинѣ» (помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1861 г., № 2), по поводу находящагося тамъ портрета

^{*)} Свидѣнія о графѣ Александрѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, с. 142.

^{**}) Тамъ же.

^{***}) Тамъ же, с. 144.

Александра Павловича, А. Языковъ приводитъ слѣдующія слова, сказанныя графомъ Аракчеевымъ въ 1826 году, въ его присутствіи: «Мы есегда и давно были друзьями съ покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Разъ какъ-то мы поссорились. Императоръ Павелъ Петровичъ, узнавъ о томъ, призвалъ обоихъ насъ въ кабинетъ и заставилъ помириться, уговаривая, чтобъ и впредь мы не ссорились, а были друзьями.» При этомъ графъ Аракчеевъ прибавилъ: «И точно, съ тѣхъ поръ мы никогда болѣе не ссорились, а оставались искренними друзьями, и, въ знакъ примиренія, императоръ Павелъ Петровичъ подарилъ мнѣ этотъ портретъ, котораго находившійся въ его кабинетѣ.»

Однимъ изъ главныхъ и постоянныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ Аракчеевъ, въ званіи коменданта, на вахтъ-парадахъ или разводахъ. Въ «Denkwürdigkeiten» графа Толля находится нѣсколько словъ объ этихъ вахтъ-парадахъ, какъ они производились, въ присутствіи императора, въ зиму 1796—97 годовъ, и вотъ что тамъ говорится:

«Всѣ военнoслужашіе генералы, штабъ и оберъ-офицеры, свободные отъ другихъ должностей, собирались ежедневно къ разводу, къ 9 часамъ утра, который дѣлался иногда до 12. Государь весьма точно пріѣзжалъ до прибытія дававшего разводъ баталіона и лично назначалъ точку праваго фланга, по которому разставлялись офицеры для обозначенія линіи, по которой становился караулъ. Послѣ того приносилось знамя изъ Зимняго дворца; войско встрѣчало его съ отданіемъ чести, барабаннымъ боемъ и музыкою, при чемъ императоръ снималъ самъ шляпу и за нимъ всѣ присутствующіе. Послѣ того онъ обходилъ батальонъ и производилъ ученье съ нѣсколькими эволюціями. Государь лично подавалъ команду, которую принималъ отъ него штабъ-офицеръ, дежурный по карауламъ, что продолжалось около часа времени. По окончаніи ученья пѣхоты, выѣзжалъ взводъ въ 50 человекъ конно-гвардейцевъ и другой гусарскій, въ 25 человекъ, которые исполняли разные построенія. За тѣмъ государь принималъ рапорты представляющихся и послѣ того при паролѣ отдавалъ высочайшій приказъ. Въ заключеніе, войска проходили церемоніальнымъ маршемъ; при прохожденіи знаменъ, государь и присутствующіе снимали шляпы. Великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ проходили на правомъ флангѣ нервыхъ двухъ шеренгъ. Послѣ церемоніальнаго прохожденія, главный караулъ слѣдовалъ во дворецъ, гдѣ во внутреннемъ дворѣ, въ присут-

ствіи государя, смѣнялъ старшій караулъ, отъ котораго знамя относилось во внутренніе покои.»

При всѣхъ этихъ эволюціяхъ, Аракчеевъ игралъ самую видную роль, и преображенскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, а строевою частью котораго завѣдывалъ еще и прежде, въ званіи майора, чаще всѣхъ получалъ высочайшую благодарность. *) Казалось, чего бы лучше; но Алексѣй Андреевичъ никогда ничѣмъ не былъ доволенъ, и подчиненные не слышали и не видѣли отъ него ничего, кромѣ замѣчаній. Государь безпрестанно изъявлялъ полку свое «совершенное удовольствіе», а Аракчеевъ, какъ будто не зная содержанія плъ же самимъ скрѣпляемыхъ высочайшихъ приказовъ, не разъ повторялъ передъ фронтомъ офицерамъ, что, при ихъ нерадѣніи и небреженіи къ служебнымъ обязанностямъ, государю остается только одно — выгнать ихъ всѣхъ изъ службы. Офицеры распускали про него по городу самыя невыгодныя слухи; а это еще болѣе раздражало и озлобляло Аракчеева, хотя онъ и умѣлъ показывать видъ, что взыскиваетъ и наказываетъ за одни лишь служебныя упущенія. Безпрестанныя непріятнѣйшія столкновенія между командиромъ и офицерами привели наконецъ къ несовѣстнъ пріятнымъ для перваго результатамъ, и одною изъ ближайшихъ къ тому причинъ послужило слѣдующее обстоятельство:

Въ 1797 году, корпусъ принца Конде, состоявшій изъ французскихъ эмигрантовъ и принимавшій, на службѣ австрійцевъ, участіе въ ихъ войнахъ съ республикою, по случаю открытія между Австріею и Франціею мирныхъ переговоровъ остался безъ всякаго убѣжища. Конде обратился къ великодушію русскаго императора, и Павелъ Петровичъ рѣшился «дать убѣжище симъ людямъ, жертвовавшимъ собою вѣрности къ законному государю», какъ писалъ онъ по этому поводу, отъ 3 августа 1797 года, къ русскому послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому. Дѣло это происходило въ то самое время, когда Аракчеевъ, только что назначенный командиромъ преображенскаго полка, чаще и рѣче прежняго сталъ повторять офицерамъ угрозу разогнать ихъ изъ службы, — и по городу пошли самыя разнородныя толки и рассказы, скоро дошедшіе и до Гатчины, гдѣ въ то время находился дворъ. Государь взглянулъ на это обстоятельство серьезно, и собственноручно написалъ къ Аракчееву слѣдующее: «Свѣдалъ Я, что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не мо-

*) *Свидѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ*, с. 150.

гуть ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они, равно имъ, угождали; то и извольте имъ сказать, что легкой способъ сіе кончить, отступиться Мнѣ отъ нихъ и ихъ винуть, предоставляя имъ всегда таковыми оставаться, каковы они прежде были, что Я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ обороною государственною. Павелъ *)». Вслѣдъ за симъ государь писалъ къ Аракчееву вторично: «Доходить до Меня, что нѣкоторые офицеры преображенскіе, какъ Чирковъ и Рахмановъ, распускаютъ слухи, что Я, гварію не влюбя, хочу корпусъ иностранный для своей безопасности заводить и послалъ за французскимъ пригнаннымъ корпусомъ, почему и поручаю вамъ, Алексѣй Андреевичъ, узнать о семъ и о нихъ, хотя и отъ нихъ самихъ. О семъ немедленно довести, какъ и о причинахъ сего разглашенія.»

Что отвѣчалъ на эти письма Аракчеевъ—неизвѣстно; но, по видимому, отвѣтъ его былъ неудовлетворительный и уклончивый, потому что императоръ написалъ къ нему третье письмо, въ которомъ говорилъ: «Я къ вамъ писалъ, какъ о вещи, Мнѣ уже извѣстной: должно вамъ сихъ двухъ спросить, призвавъ къ себѣ». Не довольствуясь, однакоже, этимъ, Павелъ Петровичъ вызвалъ въ Гатчину преображенскаго полковника Ланскаго, написавъ собственноручно къ Аракчееву: «гренадерскаго баталіона полковнику Ланскому быть сюда». Аракчеевъ, вмѣсто одного Ланскаго, послалъ въ Гатчину цѣлый баталіонъ, вслѣдствіе чего получилъ отъ государя слѣдующую записку: «Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ Я, что вы видно не прочли моей руки. Я писалъ прислать полковника Ланскаго гренадерскаго баталіона, а отнюдь не о баталіонѣ, ибо его и поставить негдѣ. Оной же баталіонъ къ вамъ возвращаю». **)

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло; но полкъ былъ послѣ того въ какомъ-то напряженномъ состояніи; Аракчеевъ же поведенія своего и обращенія не измѣнилъ, и до того строго держалъ себя съ офицерами, что, напримѣръ, къ одному капитану Фаминцыну, имѣвшему привычку, нюхая табакъ, обсыпать имъ себѣ платье, велѣлъ постоянно наряжать ефрейтора и рядоваго, «для содержанія мундира на капитанѣ опрятнымъ.» ***) Въ половинѣ января 1798 года Алексѣй Андреевичъ оскорбилъ публично бывшихъ въ строю преобра-

*) Тамъ же, с. 151.

**) Тамъ же, с. 191.

***) Тамъ же, стр. 151.

женцевъ. За преображенцевъ вступился бывшій ихъ однополчанинъ, человекъ, близкій къ государю, Ѡ. В. Растопчинъ, — и Павелъ Петровичъ замѣтно охладѣлъ къ Аракчееву.

Въ опалу, однакоже, онъ попалъ не по этому случаю, а вслѣдствіе одной выходки, учиненной имъ по званію генераль-квартирмейстера. Званіе это было рѣшительно не по плечу Аракчееву; тѣмъ не менѣе онъ и тутъ принялся за реформы. При уничтоженіи и сокращеніи штабовъ и канцелярій былъ упраздненъ и прежній генеральный штабъ, и офицеры его распределены по полкамъ. Потомъ изъ нихъ выбраны были лучшіе; къ нимъ присоединены были нѣкоторые сѣицеры изъ кончившихъ курсъ въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, и прежній генеральный штабъ былъ преобразованъ подъ названіемъ свиты его величества по квартирмейстерской части; часть же его составляла особое отдѣленіе по инженерной части. Аракчеевъ обратилъ и на нее свое вниманіе, и тутъ сталъ водворять свои порядки, подчиняя строгому контролю инженерныя работы. «Мы не могли найти свѣдѣній, на сколько эти мѣры принесли пользы», говорить г. Ратчъ; но отъ вѣдѣтельности Алексѣя Андреевича въ инженерную часть, двое изъ числа лучшихъ тогдашнихъ инженеровъ, полковникъ Тучковъ и генераль-маіоръ Деволянъ, должны были оставить службу. Что же касается вообще до дѣятельности Аракчеева по званію генераль-квартирмейстера, то объ этомъ имѣются извѣстія въ приводимыхъ г. Ратчемъ «Denkwürdigkeiten» графа Толля, начавшаго свою службу именно въ свитѣ по квартирмейстерской части, въ концѣ 1796 года. Толль называетъ службу свитскихъ офицеровъ подъ начальствомъ Аракчеева «преисполненною отчаянія». Алексѣй Андреевичъ сумѣлъ убить въ нихъ всякую любовь къ дѣлу; къ себѣ же поселилъ и тутъ, какъ и вездѣ, одинъ страхъ. Въ семь часовъ утра всѣ свитскіе офицеры должны были собираться для занятій въ Зимнемъ дворцѣ и просиживать тутъ до двѣнадцати. Два часа давалось на обѣдъ, послѣ чего съ двухъ часовъ занятія возобновлялись и продолжались до семи часовъ вечера. А занятія эти состояли изъ перечерчиванія ненужныхъ старыхъ плановъ и, кромѣ этой совершенно бесполезной, механической работы, быстрого исполненія которой Аракчеевъ, однакоже, требовалъ, — онъ не занималъ офицеровъ ничѣмъ, дѣйствительно нужнымъ и полезнымъ, имѣя въ виду одно, чтобы подчиненные его были постоянно за дѣ-

лошь и работачи неутомимо. Самъ Алексѣй Андреевичъ жилъ надъ заломъ, въ которой занимались офицеры, и раза по два и по три въ день спускался сверху внизъ. Появленіе его производило всегда непріятное впечатлѣніе: генераль-квартирмейстеръ придирался ко всякимъ пустякамъ, и за все, и про все ругался, по выраженію г. Ратча, «позорнѣйшими словами». Разъ даже онъ забылся до того, что одному молодому колонновожатому, Фитингофу, далъ пощечину. Въ другой разъ онъ накинулся на завѣдывавшаго свитскими офицерами подполковника Лена, чловѣка во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго и способнаго, бывшаго оберъ-квартирмейстеромъ у Суворова, имѣвшаго георгиевской крестъ, лично извѣстнаго и рекомендованнаго императору графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. «Аракчеевъ—говорить г. Ратчъ—обругалъ Лена самыми площадными словами», но тотъ выслушалъ брань молча и остался до конца при занятіяхъ. Придя же домой, онъ написалъ къ Аракчееву не большое письмо—и застрѣлился.

Событіе это надѣлало много шуму въ Петербургѣ. Императоръ потребовалъ письмо Лена, и такъ какъ, по поводу преображенской исторіи, онъ уже не чувствовалъ къ Аракчееву прежняго расположенія, то Алексѣй Андреевичъ и споткнулся. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 29 января 1798 года говорилось: «свиты Его Императорскаго Величества умершаго подполковника Лена изъ списковъ выключить»; а высочайшій приказъ отъ 1 февраля гласилъ: «генераль-квартирмейстеръ баронъ Аракчеевъ увольняется въ отпускъ до излеченія, которому однакожъ отправлять должность генераль-квартирмейстера». На другой день, однакоже, не взирая на вчерашнее «однакожъ», Аракчеевъ отставленъ былъ и отъ должности генераль-квартирмейстера, а 18 марта уволенъ, безъ прошенія, въ чистую отставку, съ награжденіемъ, впрочемъ, чиномъ генераль-лейтенанта.

На этомъ останавливаются «свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, собранныя Василиемъ Ратчемъ». Эпиграфъ, украшающій это произведеніе, гласитъ: «памъ еще рано дѣлать выводы: мы еще не знаемъ хорошенъко фактовъ». Но изъ фактовъ, нами здѣсь представленныхъ, кажется, уже можно сдѣлать кое-какіе, и весьма не ошибочные, выводы, не дожидаясь тѣхъ, которые измыслить г. Ратчъ. Что же это за выводы, объ этомъ, если будетъ возможно, мы подробно поговоримъ тогда, когда появится продолженіе «свѣдѣній о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ».

Г. ПИШИЖИЖИЖЪ.

БІБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ ЛІСТОКЪ

Единство рода человеческого. Катрфажа. Переводъ А. Д. Мих...на. М. 1864.— Карла Дарвина учение о происхожденіи видовъ въ царствѣ растений и животныхъ, примѣненное къ исторіи міротворенія. Изложено и объяснено Фридрихомъ Ролле. Съ приложеніемъ біографіи Дарвина, составленной С. Шенеманомъ. Переводъ старшаго учителя 5-й гимназіи М. Владимірскаго. С. П. Б. 1864.—Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія въ III томахъ. Подъ редакціею Ф. Толля при дѣятельномъ сотрудничествѣ В. Воллеса. С. П. Б. 1863—64. — Лжедмитрій 1. Трагедія въ десяти былинахъ. Новгородъ 1864.—Гусерія, ея земскія и правительственныя учрежденія А. Лохвицкаго, изд. профессора Александровскаго лица. Часть 1-я. С. П. Б. 1864.

Въ то время, какъ знаменитѣйшіе ученые занимаются вопросомъ о мѣстѣ, принадлежащемъ человѣку въ органической природѣ, другіе писатели поднимаютъ вопросъ объ отношеніи человѣческихъ расъ между собою.

Если, оставивъ въ сторонѣ генеалогію человѣчества и вопросъ о значеніи въ классификаціи человѣческихъ расъ, мы обратимся къ ихъ нынѣшнему состоянію, то возникаетъ вопросъ, на сколько существенны границы, существующія между ними въ настоящее время, отъ какихъ бы причинъ не происходило ихъ различіе, отъ постоянства ли вида или отъ дѣйствія естественнаго подбора. Въ болѣе практической формѣ вопросъ этотъ выразится такъ: абсолютно ли ниже цвѣтной человѣкъ бѣлаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе, потому что отъ него зависитъ разумный или нелѣпый взглядъ на такія крупныя явленія, какъ невольничество и колонизація. Особен-

ное значеніе поэтому имѣлъ этотъ вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, какъ справедливо говоритъ Катраажъ, каждый прежде всего моногенистъ или полигенистъ, т. е. противникъ или защитникъ невольничества. Съ разрѣшеніемъ его въ Америкѣ связаны важнѣйшіе интересы страны, и вслѣдствіе этого тамъ, не смотря на продолжительные споры, не могло явиться удовлетворительнаго отвѣта, потому что спорящіе вносили въ ученый споръ слишкомъ много пристрастія. Холоднаго и безпристрастнаго изслѣдованія невозможно было ожидать тамъ, гдѣ рабовладѣльцевъ чернили и поносили въ безчисленномъ множествѣ сантиментальныхъ романовъ, приторная чувствительность которыхъ была впрочемъ внушена тѣмъ же практическимъ интересомъ, какъ и гоненія, воздвигаемыя на Югѣ противъ аболиціонистовъ. Дѣло кончилось наконецъ кровопролитнѣйшей рѣзней, и понятно, что солдаты Ли и Грента не могли рѣшать мирнымъ путемъ вопросъ, который рѣшаютъ теперь штыками.

Но мнѣ европейскіхъ ученыхъ не найдется ни одного, который бы не считалъ цвѣтныя племена стоящими по самымъ условіямъ своего организма ниже бѣлыхъ.

Несомнѣнно и признано всѣми, что невольничество есть самый лучший исходъ, котораго можетъ желать цвѣтной человѣкъ, придя въ соприкосновеніе съ бѣлою расою; потому что онъ достается въ удѣлъ только наиболѣе развитымъ и сильнымъ расамъ; большая же часть ихъ не могутъ вовсе существовать рядомъ съ кавказскимъ племенемъ и скорѣе совершенно вымираютъ. Ошибочно бы было винить въ этомъ европейцевъ. Извѣстны жестокости, совершавшіяся ими въ первые вѣка переселеній. Но теперь этого не дѣлается, и европейцы обращаются съ тайнами напр. не хуже, чѣмъ съ своими европейскими родственниками. Можно даже сказать, что теперь отношенія англичанъ напр. къ австралійцамъ лучше, чѣмъ къ ирландцамъ, и чтобы найти сравненіе для поступковъ австрійцевъ въ Италіи, французскихъ буржуа съ своими соотечественниками рабочими, нужно перенестись въ Новомъ Свѣтѣ ко временамъ Колумба и Кортеса. Извѣстны благородныя усилія европейскіхъ правительствъ и миліонеровъ просвѣтить дикарей всѣхъ странъ свѣта. Между тѣмъ до сихъ поръ они не дали никакихъ результатовъ. Сантиментальные враги невольничества умѣютъ только цитировать тексты и пѣть псалмы, но не могутъ указать ни одного факта, который бы показывалъ, что образованіе и свобода могутъ превратить въ умственномъ отноше-

ни негра въ бѣлаго. Дался имъ Ольриджъ. Бурмейстеръ между прочимъ указываетъ на способность и страсть негровъ къ подражанію, какъ на черту общую имъ не съ бѣлымъ племенемъ, а съ обезьянами. Но люди, приводящіе въ примѣръ Ольриджа, не понимаютъ этого. Невѣжды предполагаютъ, что мавръ тоже самое, что негръ, для нихъ это все — арапъ, поэтому очень обрадовались, увидя Отелло настоящимъ негромъ, не сообразивъ, откуда могъ взяться въ Венеціи негръ полководецъ и не подозревая, что между мавромъ и негромъ нѣтъ ничего общаго, и что поэтому Отелло нѣтъ надобности имѣть негрскую фizioномію, а гораздо естественнѣе имѣть самую нѣжную, матовобѣлую кожу. Впрочемъ такіе люди, которые восхищаются Ольриджемъ, почерпаютъ свои этнологическія свѣденія изъ Шекспировъ, и потому имъ естественно радоваться, увидавъ Отелло не намазаннаго сажей, а чернаго отъ природы. Они готовы бы были потребовать отъ театральной дирекціи краснокожаго играть роль Антонія, если бы Шекспиръ считалъ римлянъ краснокожими. *) Не понятно только, какимъ образомъ люди, болѣе или менѣе серьезныя, говоря о такомъ важномъ вопросѣ, могутъ указывать на Ольриджа. На этотъ жалкій примѣръ рациональные люди могутъ отвѣтить негрофиламъ указаніемъ на Сан-Доминго, гдѣ въ столько лѣтъ независимости не произвели не только ни одного сколько нибудь замѣчательнаго человѣка, но и вообще ни одного сколько нибудь возвышающагося въ нравственномъ отношеніи надъ рабами плантацій южныхъ штатовъ и свободными жителями Золотаго берега. Напрасно бы было объяснять это деспотизмомъ разныхъ Сулуновъ.

Вообще, какъ анатомія, такъ и наблюденіе надъ психическими способностями туземныхъ расъ Африки и Америки показываютъ такую громадную, коренную разницу между краснокожими, эскимосами, полинезийцами, неграми, вафрами, готтентотами съ одной стороны и бѣлымъ человѣкомъ съ другой, что настаивать на *братствѣ* этихъ расъ могутъ только чувствительныя барыни, какъ г-жа Бичеръ-Стоу. Хотя индустріальныя выгоды, заставляющія сѣверные штаты желать ослабленія южныхъ, побуждаютъ въ Сѣверной Америкѣ весьма серьезныхъ людей принимать участіе въ негрофильскихъ разсужденіяхъ,

*) Поздравляю „Эпоху“ съ пшчей для „Замѣтокъ Лѣтописца“. Можетъ выйдти угривая статейка подъ названіемъ: „Шекспира ругаютъ!“

но они сами плохо вѣрятъ имъ. Одна только крайняя необходимость могла побудить ихъ рѣшиться на то, о чемъ они столько толковали т. е. на освобожденіе плантаторскихъ невольниковъ. Въ Европѣ же объ эмансипаціи негровъ толкуютъ люди, которые, какъ филантропическая дама въ одномъ изъ романовъ Диккенса, хлопочутъ о просвѣщеніи и освобожденіи своихъ черныхъ братьевъ, въ то время какъ родные дѣти обвариваются кипяткомъ и падаютъ съ лѣстницъ. Вотъ что рассказываетъ между прочимъ Катрфажъ: во время ирландскихъ возстаній противъ Англіи, происходившихъ въ XVII в., множество ирландцевъ были изгнаны изъ плодородныхъ мѣстностей въ безплодныя, гдѣ подверглись преслѣдованіямъ и нищетѣ, въ которой потомки ихъ живутъ доселѣ, т. е. 200 лѣтъ. Если взглянуть на нихъ теперь и сравнить съ тѣми, которые провели эти два вѣка въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, то можно подумать, что имѣешь передъ собою двѣ разныя расы. Вотъ портретъ потомковъ этихъ изгнанниковъ: «ротъ ихъ полуоткрытъ и выдается впередъ, зубы выступаютъ наружу, десны вздулись, челюсти подались впередъ, носъ сплюснулся.... Ростъ уменьшился до 5 футовъ, 2 дюймовъ, животъ вздулся; ноги искривились; черты лица напоминаютъ черты выкидыша.

«Всякій читатель, прибавляетъ Катрфажъ, какъ бы мало не зналъ признаки, отличающіе человѣческія группы, узнаетъ въ этомъ описаніи черты, приписываемыя самымъ низшимъ негрскимъ народомъ, съ мымъ деградированнымъ австралійскимъ племенамъ» (стр. 155).

Подобный фактъ конечно неблагопріятенъ тѣмъ полигенистическимъ теоріямъ, которыя основаны на постоянствѣ вида.

Но всего неблагопріятнѣе оказывается онъ для европейскихъ негрофиловъ. Въмѣсто того, чтобы заботиться о равенствѣ чернаго пигмента съ бѣлымъ, гдѣ тысячелѣтія, а можетъ быть и самое происхожденіе, провели неизгладимую, органическую границу, какъ въ физическихъ, такъ и въ нравственныхъ свойствахъ, лучше бы обратили филантропическое вниманіе на тѣхъ, которые дѣйствительно братья намъ, но которыхъ наши политическія и соціальныя условія деградируютъ до того, что лишаютъ признаковъ и качествъ, свойственныхъ ихъ племени, и приближаютъ къ низшимъ расамъ. Еще нѣсколько вѣковъ существованія этихъ условій, и въ Европѣ явится новая раса, уже навсегда утратившая тѣ высшія способности, ко-

торыя отличаютъ кавказскую. Но филантропы находятъ болѣе удобнымъ хлопотать объ эмансипаціи готтентотовъ и бечуановъ и покровительствовать животнымъ, чѣмъ заботиться о своихъ родныхъ братьяхъ.

Хотя теорія Дарвина противорѣчитъ полигенизму, когда онъ основывается на постоянствѣ вида, но нельзя отрицать того, что въ настоящее время человѣческія расы представляютъ столь же отличные виды, какъ напр. лошадь и осель. Невозможно, правда, допустить, что каждая раса или, какъ полагаютъ даже нѣкоторые, каждая нація создалась отдѣльно со всѣми своими признаками; но наслѣдственность, естественный подборъ и среда, дѣйствовавшія на людей въ теченіи множества тысячелѣтій, провели между разными расами границу до того полную, что въ настоящее время между многими расами нельзя даже указать на переходныя типы и что крайнія расы неплородны между собою. Можно-ли напр. указать всѣ переходы отъ негра къ кавказцу, отъ краснокаго къ китаюцу? По крайней мѣрѣ, Катроажъ и не пытается доказывать существованіе этихъ переходныхъ типовъ. Если гдѣ нибудь можно найдти ихъ, то конечно не между нынѣ живущими племенами, а развѣ среди ископаемыхъ остатковъ вымершихъ обитателей земли. Поэтому же и скрещиваніе между различными расами не даетъ потомства, что совершенно противорѣчитъ моногенистамъ, настаивающимъ на школьномъ опредѣленіи вида. Вслѣдствіе этого Катроажъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать противное, т. е. что смѣшеніе двухъ различныхъ расъ можетъ произвести потомство. Катроажъ указываетъ на многочисленные продукты скрещиванія трехъ различныхъ расъ, живущихъ въ Америкѣ: бѣлой, черной и красной. Но это ничего не доказываетъ. Самъ же онъ говоритъ:

• Абсолютное бесплодіе гибридовъ, продуктовъ скрещиванія двухъ разныхъ видовъ, оспариваемое или защищаемое въ средніе вѣка и въ вѣкъ возрожденія, не можетъ быть допущено въ присутствіи вѣрныхъ фактовъ, собранныхъ наукою. Плодородность у гибридовъ, не существующая въ огромномъ большинствѣ случаевъ, заключается всегда въ чрезвычайно узкихъ границахъ и даже имѣетъ результатомъ исчезновеніе слѣдовъ скрещиванія. (174 стр.).

Если существуютъ мулаты, то существуютъ мулы и лошаки; указываютъ на мулатовъ, квартероновъ, но Катроажъ же приводитъ фактъ, гдѣ ублюдки барана и козы дали квартероновъ. Дѣло въ томъ, что потомство двухъ расъ, столь удаленныхъ другъ отъ друга, какъ

бѣлый и негръ, лошадь и осель, козелъ и баранъ, будучи представлено себѣ, немедленно исчезаетъ и не можетъ идти далѣе нѣсколькихъ поколѣній даже въ томъ случаѣ, если будутъ поддерживаться чистою кровью. Это всего лучше доказываетъ та самая таблица американскихъ метисовъ (или гибридовъ), которую приводитъ Катрфажъ въ свою пользу. Вотъ она:

Метисъ	плодъ испанца и индiанки
Кастизо	— метиски и испанца
Эспаньола	— кастизо и испанки
Мулатъ	— испанки и негра
Морпскъ	— мулатки и испанца
Альбино	— мориска и испанки
Торнамрасъ	— альбино и испанки
Тевтинелеръ	— торнатра и испанки
Лово	— индiанки и негра
Карибухо	— индiанки и лово и т. п.

Такимъ образомъ, хотя потомство бѣлаго и негра и доходитъ до шестаго поколѣнія (впрочемъ случаи, гдѣ потомство идетъ далѣе третьяго поколѣнія, чрезвычайно рѣдки), но не иначе, какъ если метисы скрещиваются съ особями чистой крови. Союзы же мулатовъ между собою бесплодны, по крайней мѣрѣ плодородіе ихъ такая же рѣдкость, какъ плодородіе муловъ. Частный случай, приводимый Катрфажемъ, о населеніи Питкерна доказываетъ не болѣе способность полинезійцевъ и бѣлыхъ произвести смѣшанную расу, могущую существовать, если она предоставлена самой себѣ, какъ подтверждаетъ опытъ Генеліуса надъ тою же способностью барановъ и козъ. Притомъ полигенисты справедливо замѣчаютъ, что не было еще произведено опытовъ надъ смѣшеніемъ расъ, столь далекихъ, какъ напр. эскимосы и негры, американцы и ново-голландцы, татары и бушмены, хотя и того, что мы знаемъ о смѣшеніи бѣлыхъ съ черными и красными, достаточно, чтобы сказать, что расы эти относятся другъ къ другу, какъ виды въ отношеніи производительной способности.

Различіе, существующее между бѣлой расой съ одной стороны, неграми и американцами и полинезійцами съ другой, слишкомъ бросается въ глаза, чтобы можно было серьезно толковать о возможности существованія между ними отношеній, сколько нибудь похожихъ на существующія между людьми одной и той же расы. Опытъ доказалъ, что американцы и океанійцы не могутъ требовать отъ бѣлыхъ даже жизни; что касается до негровъ, то ко-

нечно европейцы поступаютъ жестоко, похищая ихъ изъ родной земли и увозя на свои плантаціи, гдѣ съ ними обходятся также отвратительно, какъ съ животными. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что возможно равноправное существованіе въ одной и той же странѣ бѣлаго и чернаго племенъ. Сладкіе романы и проповѣди негрофиловъ также неспособны уничтожить органическую разницу и сдѣлать чернаго бѣлымъ, какъ милостивыя грамоты испанскихъ королей; que fulano se tenga por blanco (такой-то можетъ считать себя бѣлымъ). Не столь рѣзки признаки, отличающіе кавказское племя отъ монгольскаго. Есть страны, гдѣ эти расы живутъ рядомъ, при чемъ представляютъ разницу столь незначительную, что она почти ускользаетъ отъ простаго наблюденія. Тѣмъ не менѣе разница и здѣсь существенна и громадна, въ чемъ лучше всего убѣдиться, взглянувъ на исторію обѣихъ расъ. Исторію монгольской расы мы можемъ прослѣдить до очень отдаленной эпохи; она доказываетъ намъ, что раса эта съ незапамятныхъ временъ сохранила всѣ тѣ признаки, которые отличаютъ цвѣтныя расы отъ бѣлой. Не говоря здѣсь о физическихъ особенностяхъ, которыя всѣмъ извѣстны, я напомню читателю нѣкоторыя нравственныя отличія желтой расы. Извѣстно, что полинезійцы и американцы въ общественномъ отношеніи характеризуются отсутствіемъ всякихъ социальныхъ способностей. Тогда какъ негры, монголы и кавказцы существуютъ обыкновенно въ обществѣ, которое постоянно стремится расшириться и перейти въ государство, туземцы Америки и Океаніи представляютъ отсутствіе общественныхъ элементовъ. Можно сказать, что они живутъ не обществами, а стадами. Но и три общественныя расы представляютъ въ этомъ отношеніи рѣзкую разницу, и изъ нихъ только кавказское племя способно развивать свои социальныя способности. Возьмемъ трехсотлѣтній періодъ существованія какого нибудь европейскаго племени. мы увидимъ въ немъ постоянное стремленіе къ прогрессу, быстрое развитіе цивилизаціи, способность преслѣдовать самыя возвышеннѣйшія и благодѣтельныя цѣли, неустанную борьбу за усовершенствованіе своего социального быта, дѣятельное желаніе лучшаго будущаго, которымъ европейскіе народы обязаны всѣми своими благами; прогрессъ въ наукѣ и обществѣ, физическое и нравственное освобожденіе личности, постоянное усовершенствованіе религіозныхъ и общественныхъ формъ, созиданіе поваго, лучшаго, иногда мечты, но мечты благороднѣйшія, смѣлая,

гениальныя, которыя хотя рѣдко осуществляютъ свои идеалы, но всегда приносятъ плоды и увеличиваютъ общую сумму благополучія—вотъ что представляетъ собою жизнь европейскаго племени. Глухое, несознаваемое рабство, глубокое невѣжество, нечувствительность къ социальнымъ неудобствамъ и непониманіе возможности лучшаго положенія—вотъ черты, представляемыя трехтысячелѣтнимъ періодомъ существованія племенъ азійскихъ. И такъ, книга Катрѳажъ занимаетъ вопросомъ, который со времени Дарвина лишился всякаго значенія; притомъ Катрѳажъ представляетъ одностороннее рѣшеніе этого вопроса, и жертвуетъ научной истиной въ пользу схоластическихъ представленій. Однако нельзя не сказать, что это сочиненіе не лишено интереса; въ немъ много фактовъ весьма любопытныхъ. Напрасно только издатель требуетъ за 15 листовъ, составляющихъ ее, полтора рубля, тѣмъ болѣе, что переводъ изумительно плохъ. Безпрестанно попадаютъ фразы въ родѣ слѣдующей:

«Не говоря даже о претензіяхъ, поднятыхъ отъ имени *валлисецевъ* и басковъ, *титулъ* скандинавовъ, какъ открышишь америку (!), признанъ теперь волюнъ *автентичнымъ*» (стр. 240). Или «Множество, измѣненность, которыя они (инстинкты) представляютъ, достаточны, чтобы доказать это (неизвѣстно что)» (стр. 95).

Вообще обращеніе г. Мих...на съ французскимъ языкомъ отличается крайней безцеремонностью и напоминаетъ переводы съ латинскаго сыновей Бульбы (баба—бабусь). Вотъ напр. образчики этого свободнаго обхожденія: *библичный* (biblique) (стр. VIII), *институты* (instituts—учрежденія, стр. 60), *нюансированъ* (стр. 65), *заяцъ* (стр. 77) и *зайчикъ* (106) (levrier—борзая собака), *идентично* (identique—тождественно, стр. 101), *человѣкъ въ состояніи эмбрио* (109), *репрессалии* (repressailles—возмездіе, 118), *докторъ Просперъ Лука* (124), *Элиза Реклусъ* (150), *жельзные* аппараты (вмѣсто желѣзистые аппараты или просто желѣзы, 152), *юроны* (153), *автентичный* (authentique—подлинный, достовѣрный, стр. 163), *ремиттенжныя* алхорадки (224), «славное доношеніе Ласепада» (стр. 45). Видно, что изъ Русскаго Вѣстника.) и т. д.

Изложеніе ученія Дарвина о происхожденіи видовъ Ролле отличается всѣми достоинствами, которыхъ можно ожидать отъ такой книги,

а именно ясностью самого изложенія, изобиліемъ и хорошимъ выборомъ фактовъ и проч. Но говорить о ней подробно я считаю излишнимъ, потому что пришлось бы повторять сказанное г. Писаревымъ въ статьѣ: «Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній». Поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которыми отличается русскій переводъ этой книги. Г. переводчикъ обращается съ нѣмецкимъ языкомъ и научными терминами также безцеремонно, какъ г. Мих...нъ съ французскимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ можно по крайней мѣрѣ пересчитать ошибки, переводъ же Ролле отъ первой до послѣдней страницы представляетъ непрерывный рядъ нелѣпостей. На оберткѣ значится, что переводъ принадлежитъ старшему учителю 5-й гимназіи, М. Владимірскому. Любопытно бы знать, чему обучаетъ г. Владимірскій въ 5-й гимназіи? Такъ какъ объ этомъ обертка умалчиваетъ, то для чести этой гимназіи и всего русскаго преподаванія нужно предположить, что г. Владимірскій посвящаетъ гимназистовъ въ тайны каллиграфскаго или танцевальнаго искусства. Но г. Владимірскаго это обстоятельство не можетъ оправдать, потому что ему, при его невѣжествѣ, необходимо было воспользоваться хотя бы учебникомъ г. Симашко, который онъ могъ бы достать у любого изъ своихъ учениковъ. Не трудно бы было также раздобыть латинскій словарь Кронеберга. Обладаніе двумя этими драгоценными пособіями принесло бы благотворные результаты. Но г. Владимірскій отвергъ пособіе науки, предлагаемое гг. Симашко и Кронебергомъ; вслѣдствіе этого у него оказались животныя, о которыхъ не слыхивалъ ни одинъ зоологъ въ мірѣ. Таковы *ризоподы* (Risoroda—корнецожки), *спонгии* (*мхи*, замѣчаетъ въ скобкахъ ученый переводчикъ), *наиды* (*Nais*—вьюнки), *аканеоцефалы* (*acanthocerphala*—колючеголовыя), *кефалоподы* (*cephalopoda*—головоногія), *птероподы* (*pteropoda*—крылоногія), *хинодермы* (*echinodermata*—иглокожія), *акефалы* (безголовыя), *гастроподы* (брюхоногія), *вріозои* (*bruzozoa*—мшанки). Хороши также *врахіоподы* (*brachioroda*—плеченогія, отъ *brachium* и *pes*), на основаніи которыхъ я и скорблю о томъ, что г. Владимірскій пренебрегъ Кронебергомъ, гдѣ непременно нашелъ бы, что латинское слово *brachium* по русски будетъ *плечо*, а не «врахій» какой-то. Подобными предестями переводъ изобилуетъ до того, что нѣтъ возможности привести и десятой доли. Мнѣ особенно бросились въ глаза *пфальбшуты* (*Pfahlbauten*—свайныя постройки) и *лурхи* (*Lurche*—

земноводныя). Это никакъ не уступить «нюансированности» и «автентичному». Иностранныя фамилии тоже не дались русскому переводчику: встрѣчается «Броніартъ» (Броньаръ), Лиелъ и въ особенности какой-то незнакомецъ *Эли-Бьюмонтъ*. Можно догадаться, что рѣчь идетъ объ Эли-де-Бомонѣ, который въ воображеніи г. Владимірскаго превратился въ англичанина. Нѣтъ сомнѣній, что г. Владимірскаго посвятилъ себя специально танцевальному искусству, потому что образованному человѣку также невозможно не знать о существованіи Эли-де-Бомона, какъ о существованіи Гарибальди или королевы Викторіи.

Таковъ-то *вольный* переводъ «Ученія Дарвина» Ролле.

Извѣстно, какъ не счастливится на Руси многотомнымъ «энциклопедическимъ словаремъ». Сколько уже ихъ предпринималось и погибало, не увидавъ не только Θ , но и M . Причина этого весьма понятна, если сообразить, что до сихъ поръ въ обществѣ не обнаруживалось потребности имѣть даже небольшой справочный словарь. Поэтому настольныхъ словарей не являлось, за то предпринимались дорогія, гигантскія предпріятія въ родѣ послѣдняго «Энциклопедическаго лексикона». Они являлись не для удовлетворенія потребностей читающей публики, а потому, что просвѣщенному и благоустроенному государству и могущественной націи не прилично не имѣть своей энциклопедіи. Въ несчастьи, публика не понимала этого и не покупала дорогихъ словарей изъ любви къ славѣ отечества. Публику винить нельзя, потому что только очень недавно наша литература на столько обогатилась серьезными книгами, что могла возникнуть потребность въ «энциклопедіи». За чѣмъ же публикѣ было пріобрѣтать «энциклопедическіе словари», когда чтеніе ея ограничивалось съ одной стороны «Прекрасной магометанкою», а съ другой романами Тургенева. Въ этихъ предѣлахъ оно не представляло никакихъ ученыхъ трудностей, требовавшихъ объясненій словаря. Ученая же литература ограничивалась гимназическими учебниками и также не представляла нужды въ особыхъ поясненіяхъ. Но съ недавняго времени въ обращеніе поступило значительное количество книгъ серьезнаго содержанія, что и повлекло за собою появленіе «Настольнаго словаря» г. Толля, изданія, явившагося не изъ патріотизма, не ради славы отечества, а просто потому, что подобная книга стала нужна.

Словарь г. Толля сравнительно съ неудавшимися энциклопедіями безконечно малъ, но такъ какъ весь-то каталогъ нашей серьезной литературы меньше одного энгельмановскаго объявленія, то намъ и нѣтъ надобности въ чудищахъ, въ родѣ Эршъ и Грубера или *Conversations-Lexicon*'а. «Настольный словарь» г. Толля обладаетъ всѣми недостатками, сопровождающими и заграничныя изданія этого рода, но съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ другихъ, не встрѣчающихся въ иностранныхъ словаряхъ. Къ числу первыхъ относится несчастная страсть къ лаконическимъ опредѣленіямъ. Въ такихъ изданіяхъ слѣдуетъ держаться чего нибудь одного: или совершенной краткости или достаточной полноты; слѣдуетъ или ограничиваться самыми главными біографическими указаніями, т. е. указывать на годъ рожденія и смерти, или вступленія на престолъ и другихъ тому подобныхъ важныхъ событій въ жизни, давать списокъ сочиненій писателя или напоминать о важнѣйшихъ фактахъ дѣятельности политическаго дѣятеля, но не должно входить въ критическій разборъ сочиненій или въ оцѣнку дѣятельности лица. Или же слѣдуетъ говорить объ этомъ довольно подробно, т. е. излагать содержаніе сочиненій или входить въ подробности событія, и сужденіе свое подкрѣплять доказательствами. Последнее условіе возможно только для колоссальныхъ изданій; небольшія же должны строго держаться перваго правила, потому что желаніе соединить оба условія влечетъ за собою бессмысленный лаконизмъ, голословное сужденіе и бездоказательное повтореніе общепринятаго, пошлаго мнѣнія. Такъ въ «Настольномъ словарѣ» встрѣчаемъ слѣдующіе отзывы:

«*Бентамъ*, Бентамъ Іеремія, сынъ адвоката, родъ въ Лондонѣ 1747, ум. 1832 г. Сначала былъ адвокатомъ, но, легодуя на рутину англійской судебной процедуры, скоро отказался отъ практич. дѣятельности и посвятилъ себя изысканію способовъ улучшенія существующихъ законодательствъ. *Теоретич. основаніе е.о системы составляетъ матеріальный утилитаризмъ и эгоистич. сенсуализмъ. Онъ ум. 1832.* Ученикъ его, Этьенъ Дюмонтъ, изложилъ его ученіе въ «Основаніяхъ гражд. и уголовного законодательства». Философія Бентама изложена въ его *Déontologie ou théorie des devoirs* (1833).

Что значить эта фраза: «теоретическое основаніе его системы составляютъ матеріальный утилитаризмъ и эгоистическій сенсуализмъ?» Какой въ нихъ смыслъ? Что въ состояніи понять изъ нея читатель? Чье мнѣніе выражаетъ она? Мнѣніе г. Толля или англійскихъ юристовъ, разобитенныхъ Бентамомъ? За чѣмъ эта пошлая и набитая фраза? Теперь у меня подъ рукой *Staats-Lexicon* и три

французскихъ словаря: огромная Biographie générale, изд. Дидо, Dictionnaire Башле и Дезобри, по объему близкій къ словарю г. Толя, и маленькая Biographie Universelle, изд. Дюбоше (одинъ томъ); въ Staats-Lexicon и Biographie générale находится довольно подробный разборъ всей системы Бентама; Башле — повторяетъ общія мѣста, хотя и не до такой степени лаконически, какъ г. Толя; наконецъ маленький французскій словарь говоритъ просто:

«Бентамъ (еремія) знаменитый англійскій юристъ, публицистъ и экономистъ, глава такъ назыв. утилитарной школы. Лондонъ 1747—1832. Получилъ отъ конвента званіе французскаго гражданина.— Introduction aux principes de la morale et de la jurisprudence 1789 и 1823. Traité de législation civile et pénale (по французски). Paris 1802 и 1820. Théorie des peines et des récompenses (по французски). Raportique, 1791. Тутъ въ первый разъ была предложена пенитенціарная система. Code constitutionnel, 1832. Théorie des devoirs (posthume). 1833 г.

Такимъ образомъ, хотя здѣсь нѣтъ никакихъ юридическихъ характеристикъ, но за то упомянуто *шесть* сочиненій Бентама, вмѣсто *двухъ*. Притомъ трудно рѣшить, почему г. Толя изъ множества сочиненій Бентама выбралъ именно эти два, а не другія. Вѣроятно онъ считаетъ ихъ важнѣйшими; но въ этомъ онъ ошибается. Главнымъ сочиненіемъ Бентама считается «Введеніе къ началамъ нравственности и законодательства» (1789)*), «Теорія наказаній и наградъ», а также «Constitutional Code for the use of all nations» (1830) и «Codification proposal to all nations» (1822). «Основанія же гражданскаго и уголовнаго законодательства» имѣютъ несравненно менѣе значенія, и во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ превосходная компиляція.

Въ этомъ отношеніи «Словарь» г. Толя заслуживаетъ тѣ же упреки, какъ и большая часть энциклопедій этого объема, въ родѣ напр. Буйлье, пользующагося такою незаслуженной репутаціей. Есть также промахи, недосмотры и опечатки, которыхъ довольно трудно избѣжать въ этомъ случаѣ. Такъ о русскомъ императорѣ Александрѣ I говорится, что онъ вступилъ въ Парижъ *въ первыйхъ числахъ января 1814 г.*; Петръ первый названъ сыномъ первой супруги Алексѣя Михайловича; ошибочно показано время папства Александра V (1409—20 вмѣсто 1409—10) и неудачно сказано, что онъ *боролся* противъ двухъ антипапъ; герцогъ Альба ошибочно названъ герцогомъ Толедскимъ (Толедо была его фамилія, а не титулъ); ба-

*) Joffroy. Cours du droit naturel.

варское министерство Шренка названо либеральнѣйшимъ (ради лаконизма вѣсто болѣе либеральнаго); совершенно не упомянуто о поэтѣ Барбье; за то упоминается о русскомъ граверѣ Виноградовѣ, сдѣлавшемъ только одинъ эстампъ «съ портрета царя Аумирада грузинскаго, писаннаго Антроповымъ»; по геологiи названы лучшими учебникъ Наумана и книжка Котты, глухо сказано о Ляйэлѣ и совсѣмъ не упомянуто о Квенштэдтѣ. Упомянуты только два изъ пяти византийскихъ императоровъ, Алексѣевъ. Вообще нужными свѣденiями пожертвовано въ пользу бесполезныхъ. Попадаются слова, которыя бы были излишни и въ большей энциклопедiи. Для примѣра назову: *Атаксио*, Алексѣя Даниловича, балабайку, балдахинъ, башню, баштанъ, башманъ, баядерки (о которыхъ подробностей больше, чѣмъ о всѣхъ четырнадцати папахъ Бенедиктахъ, вѣстѣ взятыхъ), беве, бишофъ, бокаль, бородавка (опредѣляемая: *всякій* ненормальный наростъ на кожѣ), вабiй, вабинъ, волкомейка, вольти субито, всяченикъ (опр. энциклопедистъ), втечка, втора, второсестрина, вудвальки. Иностранныя фамилiи также иногда слѣдуютъ какимъ-то особымъ правиламъ правописанiя: особенно поражаетъ зрѣнiе и слухъ *Гопу* (д'Опуль), марвизъ пиконерiйскiй (де ла Пиконери) и нѣкоторыя другiе.

Не смотря на эти промахи, трудъ гг. Толля и Волленса вполнѣ достоинъ уваженiя и благодарности и, безъ сомнѣнiя, войдетъ во всеобщее употребленiе. Важное достоинство его состоитъ въ томъ, что онъ далекъ отъ того пошлаго, рутиннаго взгляда, который не проглядываетъ лишь въ весьма немногихъ заграничныхъ, особенно французскихъ, изданiяхъ такого рода. Г. Толль удовлетворилъ своимъ словаремъ и ту незначительную потребность въ такой книгѣ, которая была въ нашей публикѣ; теперь публика можетъ безъ особаго нетерпѣнiя ждать нѣсколько лѣтъ выхода новаго тома «Энциклопедическаго Словаря.»

Наши драматурги стяжали себѣ не малую славу, заимствуя сюжеты для своихъ драмъ изъ отечественной исторiи. Прежде на этомъ поприщѣ блисталъ Кукольникъ, а въ недавнее время возблисталъ Островскiй. Въ нынѣшнемъ году двое писателей соблазнились успѣхами этихъ драматурговъ, вслѣдствiе чего явились въ Петербургѣ «Разладъ» г. Полонскаго, а въ Новгородѣ «Лжедмитрiй I, трагедiя

въ десяти былинахъ» неизвѣстнаго автора. Всѣ эти произведенія имѣютъ совершенно одинаковое достоинство.

Но былины отличаются совершенно особыми прелестями. Для примѣра приведу восхитительную сцену объясненія въ любви самозванца съ Мариной.

Ажед Марина! вы давно замѣтили, —давно знаете!.. да, вы давно знаете, что я васъ обожаю.

Марина. Царевичъ! мнѣ пріятно слышать ваши слова, —они льстятъ моему самолюбію; но...

Ажед. Какъ вы прелестны сегодня. Ахъ! если бы я могъ надѣяться когда нибудь владѣть вашею рукою.

Марина (снимая розу съ груди). Не угодно ли вамъ взять эту розу.

Ажед. Съ восхищеніемъ принимаю ее! (Нюхая ее)... Моя любовь къ вамъ безгранична; если бы вы знали мою страсть гибельную (*), дикую грудь моя бываетъ иногда, какъ огнедышущая гора! Марина! я готовъ пасть передъ вами на колѣна! (Хочетъ становиться на колѣни).

Марина (удерживая его). Царевичъ, что вы дѣлаете.. всѣ на пасть смотреть и т. д.

Сцена эта ясно доказываетъ, что повгородскіе поэты пишутъ вовсе не хуже с. петербургскихъ (зри *Разладъ*, объясненіе Танина съ панной Катериной). Но къ сожалѣнію нельзя дать понятія и о сотой долѣ всѣхъ сокровищъ, разсѣянныхъ на каждой страницѣ былинъ. Чего напр. стоятъ эти стихи:

Дождались мы цари
Молодца богатыря;
За него у кабака
Мы пропляшемъ трепака.
.
Выпьемъ за царя до два
Чарку пѣнаго вина.
Станемъ грудью за царя,
Закричимъ ему ура!
Ура, ура, ура!

Напрасно поскромничалъ г. новгородскій поэтъ. Онъ стяжалъ себѣ право на славу, не меньшую той, какую пользуются его петербургскіе и московскіе собратья по драматическому Парнасу.

Г. Лохвицкій уже увѣнчанъ здѣшнимъ ученымъ ареопагомъ за со-

(*) Орфографія подлинника сохранена.

чиненіе свое: «Губернія», написанное имъ на степень магистра. Имѣ, скромному журнальному рецензенту, не приходилось бы произносить свое сужденіе о сочиненіи, признанномъ учеными людьми достойнымъ университетскихъ степеней и вѣнковъ. Но дерзость моя такъ непо- мѣрна, что это не можетъ остановить меня. Я предполагаю, что имѣ и моему читателю нѣтъ дѣла до славы, озарившей г. Лохвицкаго въ мѣстѣ, по аналогіи называемомъ храмомъ науки. Передъ нами его книга, и мы можемъ разбирать ее, не заботясь о мнѣніи о ней ученаго ареопага. Книгу свою г. Лохвицкій начинаетъ тѣмъ, что принимаетъ живѣйшее участіе въ спорахъ французскихъ либераловъ о выгодахъ и невыгодахъ централизаціи. Французскіе либералы — много испытанные страдальцы, и для нихъ этотъ вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе. Не должно думать, чтобы въ этомъ спорѣ они отстаивали какіе нибудь принципы. Нѣтъ, дѣло для нихъ въ томъ, какой методы выгодиѣ держаться, чтобы съ успѣхомъ противиться гнуснымъ принципамъ 1848. Въ эти-то семейные расчеты ввязался г. Лохвицкій и, ввязавшись, не обнаружилъ особенной сообразительности.

Между тѣмъ пренія о централизаціи французскихъ либераловъ весьма поучительны. Обѣ стороны не скрываютъ своей главной заботы. Централизаторы выхваляютъ централизацію, какъ средство охранять и поддерживать то, что они называютъ общественнымъ порядкомъ. Децентрализаторы ставятъ главнымъ упрекомъ централизаціи то, что она ведетъ къ революціи. И то, и другое доказывается въ теоріи весьма основательно и убѣдительно. По видимому, совершенно естественно, что правительство скорѣе можетъ удержаться и защитить общественный *statû quo*, если будетъ располагать всѣми силами общества и вмѣшиваться во всѣ частности и мелочи не только столичной, но и провинціальной жизни. Если правительственные агенты по своему усмотрѣнію руководятъ дѣятельностію провинціи, то правительству это не можетъ быть вредно, но всегда приноситъ пользу. Если безъ разрѣшенія представителей центральной власти нельзя устроить пикника, то ясно, что невозможно организовать какого нибудь политическаго союза. Если нельзя выбрать, безъ согласія префекта, старшину клуба, то и выборы представителей въ палату депутатовъ не обойдутся безъ его вліянія. Съ 1792 г. во Франціи перебивало много различныхъ правительствъ, господствовавшихъ подъ всевозможными знаменами и во имя всяческихъ

принциповъ. Всѣ они были большою частью руководимы людьми способными и умѣвшими разобратъ, что имъ выгодно и что нѣтъ. Всѣ они кончились трагически, но конецъ этотъ не могъ убѣдить ихъ преемниковъ отказаться отъ централизаціи. Невозможно объяснять этого слѣпотю и непонятливостю, или упрямствомъ. Высшнее правительство отличается, напримѣръ, дальновидностю, ловкостью, благоразуміемъ и способностю уживаться съ какими угодно теоріями. Однако, что бы ни говорили децентрализаторы о причинахъ паденія предшествовавшихъ правительствъ, какъ бы наглядно ни доказывали они, что ихъ погубила централизація, правительство Наполеона III не послѣдуетъ ихъ совѣту. Причиною этого — не слѣпота. Правительство *не могло бы* послѣдовать совѣту децентрализаторовъ даже въ томъ случаѣ, если бы они убѣдили его во вредѣ централизаціи для него самого. Это ясно для всякаго благоразумнаго человѣка. Дѣйствительно, кто можетъ серьезно думать, что высшему правительству, не говоря выгодно, а даже возможно освободить провинцію отъ своей непосредственной опеки. Съ одной стороны, какіе результаты получило бы правительство, устранивъ свою полицію отъ вѣдѣтельности въ провинціальныя дѣла, предоставивъ провинціальной журналистикѣ защищать истинные мѣстные интересы и отказавшись отъ всякаго вліянія на все, что дѣлается въ провинціи? Ясно, что первымъ результатомъ этого явилась бы палата депутатовъ, быть можетъ, менѣе либеральная, чѣмъ нынѣшняя, но за то несравненно болѣе независимая и самостоятельная, съ которою министерству было бы гораздо труднѣе ладить, чѣмъ съ краснорѣчивыми и либеральными представителями нынѣшней оппозиціи. Съ другой же стороны, что вышло бы, если бы правительство воспротивилось эксплуатаціи провинцій столицемъ? Вышло бы то, что, въ дополненіе къ независимой палатѣ, оно пріобрѣло бы недовольное столичное общество. Поэтому, имѣя сто шансовъ противъ одного погибнуть отъ централизаціи, правительство все-таки не могло бы внять голосу децентрализаторовъ и пойти на вѣрную гибель. Если бы даже совершился новый переворотъ и во главѣ новаго правительства явились бы сами децентрализаторы, ослабѣ Одилонъ Барро, Э. Реньо, Лабуле и др. сдѣлались министрами или правителями, то и они не могли бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ усиливать и поддерживать централизацію, противъ которой ратуютъ. Если бы они принялись производить на практикѣ тѣ

мѣры, которыя рекомендуютъ нынѣшнему правительству, то обнаружили бы этимъ отсутствіе въ себѣ смысла. Потому что я не думаю, чтобы, обезсиливая себя, можно было доставить торжество своимъ идеямъ. Всегда найдутся ловкіе люди, которые воспользуются тѣмъ, что благомыслящее правительство начинаетъ осуществлять свои принципы съ того, что лишаетъ себя силы, и овладѣютъ въ свою пользу мѣстоми, которыми не сумѣли воспользоваться эти добродушные люди. Понятно, слѣдовательно, что самые принципы децентрализаторовъ принудили бы ихъ защищать и поддерживать централизацию.

Тѣмъ не менѣе децентрализаторы совершенно правы; доказывая вредъ централизациі для прочности правительства и общественнаго *statû quo*.

Тутъ говорятъ факты. Всякій знаетъ, что невозможно судить о еволюціи 1789 г. по парижскимъ событіямъ. «Всякая деревня имѣла своего Робеспьера», говорилъ Грегуаръ; но провинція имѣла и Батлино, провинція не только сама дѣлала революцію, но и контр-революцію въ то время, какъ въ Парижѣ засѣдалъ Конвентъ. Черезъ двадцать лѣтъ, во время ста дней, послѣ республиканской и наполеоновской централизациі, было уже одно слабое подобіе вапдейской войны. Еще черезъ 15 лѣтъ одной герцогинѣ беррійской показалось, что провинція будетъ отстаивать бурбоновъ противъ Парижа. А еще черезъ 18 лѣтъ уже и въ голову никому не могло войти ничего подобнаго. Слѣдовательно судьба правительства и общества въ рукахъ Парижа. Это, разумѣется, ведетъ къ проигрышу, потому что игрокъ, ставящій все на одну карту, рискуетъ чаще проигрывать, чѣмъ тотъ, кто играетъ медленно. *Coups d'etat* и 24 февраля постоянно грозятъ правительству, и оно должно считать себя очень счастливымъ, если при столь неблагоприятныхъ шансахъ, въ теченіи двадцати лѣтъ будетъ оставаться постоянно въ выигрышѣ. Нельзя не видѣть, что чудомъ этимъ оно обязано той же централизациі, которая повѣсила надъ нимъ этотъ Дамоклесовъ мечъ.

Либералы, какъ напр. Одилоль Барро, приписываютъ централизациі всѣ свои бѣдствія 1848. Они не отрицаютъ того, что были бы сами централизаторами, если бы вѣрили въ то, что централизациія есть средство противъ измѣненія соціального положенія. Но, по ихъ мнѣнію, она способствуетъ этому. Нѣкоторые доводы ихъ доволно вѣрны. Они напр. считаютъ удобнымъ средствомъ поддержать

statû quo, развѣвъ политическую свободу и давъ городамъ самоуправленіе. Дѣйствительно, нельзя отрицать того, что можно на мигъ утолить голодъ голодающаго человѣка, накормивъ его мякиной, а также того, что Англія съ своей децентрализацией, съ своими сильными общинами и многочисленной провинціальной милиціей можетъ съ большимъ успѣхомъ защищать социальное statû quo, чѣмъ французская центральная власть. Какъ ни могущественна послѣдняя, но ея 500,000 армія, грозная при внѣшней войнѣ, въ войнѣ общественной ничтожна сравнительно съ 5 милліонами англійскихъ собственниковъ. Но этими соображеніями нельзя увлекаться, потому что мякина не насытитъ голоднаго; англійская же децентрализція создавалась вѣками, и французское правительство не можетъ вдругъ ввести ее у себя, какъ административную полицейскую мѣру съ цѣлью охраненія законнаго порядка.

Г. Лохвицкій исполненъ глубокаго благоговѣнія ко всей этой французской либеральной болтовнѣ о централизácii и децентрализácii. Онъ серьезно считаетъ мудрецами всю эту мелюзгу въ родѣ Лабале и Одилонъ-Барро. Онъ отзывается о нихъ съ полнымъ уваженіемъ и съ восхищеніемъ цитируетъ ихъ нелѣпный вздоръ, присовокупляя свои собственные замѣчанія такого рода, что рядомъ съ ними вздоръ этотъ можетъ дѣйствительно показаться мудростью. Такъ напр. Реньо цифрами доказываетъ, что сенскій департаментъ грабятъ прочіе. Г. Лохвицкій называетъ представляемый имъ бюджетъ «чрезвычайно заманчивымъ»; по замѣчаетъ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя допускать раззоренія одной провинціи въ пользу другой, но отъ такихъ вещей достаточная охрана-законодательная власть (какъ будто во Франціи нѣтъ законодательной власти). Ставить же принципомъ совершенную отдѣльность бюджета во всемъ, что не касается арміи, дипломатіи и т. п., это говорить величайшую вѣрность (Слушайте!) Если, напримѣръ, положимъ, ковенская губернія будетъ платить на просвѣщеніе вятской, — можетъ ли она требовать отдѣльности по этой статьѣ расхода? Если такъ, тогда вятская скажетъ: «я ставлю 40,000 солдатъ въ армію, по мнѣ, по моему положенію, не представитъ никакой опасности ни отъ турокъ, ни отъ англчанъ, ни отъ французовъ, и кого бы то ни было, для содержанія внутренняго порядка мнѣ достаточно и 2,000 чел., слѣдовательно остальные 38,000 служатъ для полосы пограничныхъ губерній» (XVIII).

Затѣмъ г. Лохвицкій торжествуетъ, воображая, что доказалъ что-то.

Но особенный восторгъ г. Лохвицкаго возбуждаетъ къ себѣ Дюпонъ Уайтъ. Дюпонъ Уайтъ защитникъ централизácii, и г. Лохвицкій передаетъ съ своими комментаріями его «блистательные» доводы и «остроумныя» замѣчанія. По крайней мѣрѣ г. Лохвицкому всѣ

его доводы и замѣчанія кажутся остроумными и блистательными. Но на семомъ дѣлѣ они пошлы, и г. Лохвицкій поворяя ихъ, самъ впадаетъ въ пошлость. Къ числу пошлостей я отношу напр. самодовольное указаніе на Сѣверо Американскіе штаты, которые «представляютъ намъ поучительный примѣръ непрочности политическаго зданія, лишеннаго централизаціи». Но Дюпонъ Уайту и г. Лохвицкому современныя бѣдствія Америки происходятъ отъ того, «что тамъ господствуетъ матеріализмъ («что слишкомъ справедливо,» замѣчаетъ въ скобкахъ г. Лохвицкій), нѣтъ твердаго порядка», вслѣствие чего Америка «ничего не изобрѣла, въ ней умъ въ застоѣ» и нынѣ она погибаетъ. Это все пошлости и бессмыслицы. Что понимаетъ г. Лохвицкій подъ матеріализмомъ, господствующимъ въ Америкѣ? Откуда онъ взялъ, что тамъ умъ въ застоѣ? Чего такого не изобрѣла Америка? Какое соотношеніе имѣетъ нынѣшнее междуособіе къ матеріализму? Не ясно ли, что Дюпонъ Уайтъ болтаетъ вздоръ, и что г. Лохвицкій напрасно увлекается этимъ пошлякомъ. Увлеченіе это доводитъ г. Лохвицкаго до болѣе, чѣмъ странныхъ пассажей.

Я уже старался показать, что не должно думать, будто централизаторы менѣе либеральны, чѣмъ децентрализаторы. Въ этомъ отношеніи они «оба лучше.» Одинъ либеральнѣе другого, а другой либеральнѣе одного. И тѣ, и другіе равно краснорѣчиво говорятъ о свободѣ, о демократіи, о представительствѣ и т. д., не забывая, разумѣется, прибавлять, что подъ свободою они подразумѣваютъ не матеріальную свободу, которая есть буйство, что они говорятъ «не о демократіи цезарей, невѣжественной и революціонной, не о господствѣ черни, страстей и похотей, а о демократіи христіанской, просвѣщенной, трудолюбивой» и т. д. (Лабуде: *Le parti libéral*. 8), впрочемъ, не о пролетаріяхъ, а о буржуазіи. Централизаторы говорятъ о свободѣ также краснорѣчиво, какъ и ихъ «знаменитые противники», по выраженію г. Лохвицкаго. Боже унаси, чтобы они стали говорить о защитѣ привиллегій. Но за то они свромно упоминаютъ о необходимости «защищать меньшинство противъ большинства» — выраженіе, ничего зазорнаго въ себѣ неимѣющее, но съ успѣхомъ выражающее ту же завѣтную мысль. Однако выраженіе все-таки не на столько темно, чтобы на основаніи его нельзя было доказать г. Дюпонъ, что послѣ этого онъ не имѣетъ права проповѣдывать и защищать всеобщую подачу голосовъ и другіе подобныя либерально-демо-

кратическіе принципы. Г. Лохвицкій находить, что онъ *блистательно* выпутался изъ этого затруднительнаго положенія. Выпутался же онъ вотъ какъ: теорія большинства, вредная для провинцій; справедлива въ государствѣ потому, что дальше некуда идти». Всякій сколько нибудь разумный человѣкъ найдетъ это объясненіе до крайности страннымъ, чтобъ не сказать больше. Но г. Лохвицкаго благоговѣніе къ Дюпонъ Уайту доводитъ до того, что онъ не только считаетъ это объясненіе блистательнымъ, но и берется комментировать его:

«Мы согласны, говорить онъ, съ сязою этого довода, который былъ бы гораздо явнѣе, еслибы авторъ подтвердилъ его живыми примѣрами. Именно въ судебной сферѣ есть апелліація тяжущихся, дагге прокуроръ можетъ апеллировать на рѣшеніе; но въ кассационномъ судѣ право апелліація прекращается не только для тяжущихся, обвиненныхъ, но и для прокурора. *по той простой причинѣ, что дальше некому жаловаться.*» (стр. XX).

Удивительно, какъ это г. Лохвицкій не понимаетъ, что во-первыхъ, примѣръ его не идетъ къ дѣлу, потому что рѣшеніе большинства можетъ имѣть безапелляціонную силу по самой своей сущности, судебныхъ же инстанцій можно нагородить сколько угодно, хотя бы безконечное множество, и ни объ одной изъ нихъ нельзя сказать, что приговоръ ея по необходимости безапелляціоненъ. Во-вторыхъ, не понятно, какъ не сообразилъ г. Лохвицкій, что доводъ Дюпонъ Уайта ничего не объясняетъ, а лишь подтверждаетъ существующій фактъ, довольно неутѣшительный для французскихъ либераловъ, — централизаторовъ, а именно, что, не смотря на французскую централизацию, приходится разочаровываться въ надеждѣ продолжать въ обширныхъ размѣрахъ покровительство меньшинства противъ большинства.

Отъ теоретическихъ соображеній г. Лохвицкій переходитъ къ вопросу о значеніи провинціи въ русскомъ государствѣ. Я не буду останавливаться на этой практической части его книги.

Замѣчу г. Лохвицкому, что ему бы слѣдовало понимать, что федерація и провинціализмъ — понятія не только разные, но противоположныя; развитіе провинціализма уничтожаетъ элементы федераціи, и поэтому его возраженія не попадаютъ въ цѣль. Федерація вовсе не высшая степенъ *государственной* децентрализаціи, провинціального самоуправленія, которое ведетъ вовсе не къ федераціи. Федерація исключаетъ и децентрализацию и централизацию, какъ формы одного и того же политическаго строя; ей равно противорѣчитьъ государственный строй Англіи и Франціи. Совѣтую г. Лохвицкому выкинуть въ это.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИКА.

ИРЛАНДІЯ. Памятникъ въ честь Даніэля О'Коннея.—Уличная драка между католиками и протестантами изъ за героевъ католицизма и протестантизма.— Географическое и физическое очертаніе Ирландіи.— Бѣдствія ея жителей.— Политическая роль ирландскаго вице-короля.— Солидарность его съ дублинскими лавочниками и съ богатыми землевладѣльцами.— Что такое значить ирландскій *абсентизмъ*? — Процессъ изгнанія бѣднаго и несостоятельнаго фермера богатымъ землевладѣльцемъ.— Участь изгнанныхъ семействъ.— Историческія непримиримыя антипатіи между побѣжденными ирландцами и побѣдителями англичанами.— Вліяніе католицизма на общественный бытъ Ирландіи.— Національный характеръ ея.— Неудачныя попытки къ возстанію эмиграціи въ Америку.— ФРАНЦІЯ. Празднованіе 15 августа, дня Людовика Наполеона, и пожаръ въ Лиможѣ.— Женевскія происшествія.— Паденіе туринаскаго министерства.— Насильственное крещеніе еврея въ Римѣ.— Послѣднія извѣстія объ американоиской войнѣ.

Въ Дублинѣ ирландскіе католики недавно воздвигли памятникъ Даніэлю О'Коннею. Это былъ ихъ народный герой, которому они до сихъ поръ не нашли преемника. Онъ имѣлъ шесть футовъ вышины, толстыя кости, вѣрные мускулы, красное лицо и большой черепъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ и самыхъ ловкихъ юристовъ. Онъ превосходно зналъ англійское законодательство, съ его крючкотвными текстами, хвастался, что готовъ въ колыскѣ съ четверней проѣхать черезъ какой угодно законъ. Когда онъ хотѣлъ,

то обладалъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, а иногда предавался страшному гнѣву. Но никогда онъ въ своемъ увлеченіи не переходилъ за извѣстную черту, которую онъ самъ себѣ назначилъ за рапѣ. Его запальчивость не только никогда не ставила его въ затруднительное положеніе, но напротивъ придавала ему силу для устраненія всѣхъ возможныхъ затрудненій. Когда онъ былъ правъ, то отличался великолѣпною логикою, а когда былъ неправъ, то былъ весьма изобрѣтателенъ на брань и закидывалъ своего противника софизмами, которые имѣли большое сходство съ истиною. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ его краснорѣчіе отличалось силою, пылкостью и поэтическимъ колоритомъ. Былъ-ли онъ при этомъ честный человѣкъ? Такой вопросъ невѣжливо было бы ему предложить. Былъ-ли онъ патриотъ? На этотъ счетъ добиваться его исповѣди было бы нескромно. Очевидно, онъ любилъ Ирландію, такъ какъ самъ былъ ирландцемъ до глубины души; онъ любилъ эту страну, такъ какъ она доставляла ему славу и политическое значеніе; любилъ ее, такъ какъ она давала ему почести и разныя другія выгоды. Но на сколько эта любовь къ отечеству отличалась отъ привязанности землевладѣльца къ землѣ, къ стаду барановъ и къ коровамъ, дающимъ молоко, масло и сыръ,—это было бы весьма трудно рѣшить. Дѣло въ томъ, что самые приверженцы О'Коннелла болѣе удивлялись ему, чѣмъ питали къ нему уваженія. Это былъ ирландскій Мирабо; правда, Мирабо въ уменьшенномъ видѣ, но причиною тому могли быть внѣшнія обстоятельства и эпоха менѣе бурная и исполненная одушевленія, чѣмъ та, въ какую жилъ французскій агитаторъ. Англійскій парламентъ въ то время не могъ сравниться съ законодательнымъ собраніемъ 1789 года. Словомъ, жизнь О'Коннелла, безъ сомнѣнія, была менѣе романтична, чѣмъ жизнь Мирабо; но если первый менѣе отличался добродѣтелями, за то онъ менѣе имѣлъ и пороковъ, и при меньшемъ величій души, онъ менѣе представлялъ и грязныхъ сторонъ.

Итакъ, въ Дублинѣ совершалось большое торжество—освященіе памятника, воздвигнутаго этому человѣку, который обѣщался быть освободителемъ своего отечества, а вмѣсто того былъ только его агитаторомъ. Стеченіе народа при этомъ случаѣ было огромное; явились депутаціи изъ большей части ирландскихъ городовъ; католическое духовенство присутствовало при этой церемоніи въ огромномъ числѣ. Благодаря обстоятельствамъ, снисходительности вице-короля,

и собственной своей ловкости, дублинскій архіепископъ придаютъ себѣ главную роль въ этомъ торжествѣ. Процессія началась съ кафедральнаго католическаго собора. Какъ бы въ доказательство хорошаго вкуса и съ тѣмъ, чтобы показать, что давнымъ-давно прошло то время, когда О'Коннель внушалъ безпокойство англійскому правительству, — зелеными знаменами ирландскихъ патриотовъ дозволено было развѣваться рядомъ съ оранжевыми знаменами ихъ противниковъ; дублинскій лордъ-мэръ, съ своими сановниками, засѣдая на почетномъ мѣстѣ, придавая такимъ образомъ официальное освященіе церемоніи, устроенной въ честь человека, который произнесъ аннибаловскую клятву противъ англійскаго владычества. Сближеніе партій было тѣмъ болѣе удовлетворительно, что оно совершилось вокругъ лица, бывшаго, въ нѣкоторомъ родѣ, самымъ великимъ, самымъ неутомимымъ и самымъ непримиримымъ врагомъ англичанъ.

Одинъ джентльменъ, весьма либеральный, не смотря на то, что былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ, сказалъ однажды О'Коннелю: «Однакожъ, милостивый государь, мнѣ кажется, что мы могли бы сойтись. Вы ничего не можете требовать такого, чего мы, либералы, не готовы были бы вамъ дать. Нужно-ли платить большія субсидіи католическому духовенству? Мы на это согласны. Нужно-ли для этого брать деньги изъ доходовъ англійской церкви? Мы и отъ этого не прочь. Нужно ли издать законъ для прекращенія *абсентизма*? Извольте, мы васъ самихъ попросимъ составить такой законъ. Говорите, чего вамъ еще нужно? Не хотите ли вы имѣть особый парламентъ въ Дублинѣ?»

— «Чего намъ еще нужно?—Намъ нужно, чтобы вы взяли порядочную дубину, хорошенько приколотили самихъ себя и убрались вонъ!»

Итакъ, торжество примиренія совершилось въ Дублинѣ великодушнымъ образомъ. Вечеромъ всякій самъ себя поздравлялъ съ успѣхомъ. Католики хвастались, что одержали нравственную побѣду надъ своими противниками; протестанты гордились своимъ великодушіемъ; а лица правительственныя довольны были тѣмъ, что представляли доказательство своей силы, такъ какъ они выказали свое снисхожденіе.

Но это удовольствіе не раздѣлялось остальною частію Ирландіи. Бельфасть, второй городъ этого королевства, былъ недоволенъ приѣздомъ, каковой подала столица: Бельфасть—городъ богатый, торговый и промышленный, вообще населенный протестантами, которые ненавидятъ католиковъ и называютъ ихъ «сволочью бѣдняковъ и

тунейдцевъ». Церемонія въ Дублинѣ происходила 8-го августа. На другой день протестантская чернь Бельюаста торжественно расхаживала по улицамъ, обшитая желтыми галунами и гремя заржавленными саблями и вѣтхими ружьями. Этотъ маскарадъ совершался въ виду процессіи въ честь славнаго Вильгельма III и въ знакъ «бессмертной памяти объ этомъ человѣкѣ». Этого было мало: чернь съ торжествомъ несла уродливый деревянный чурбанъ, покрытый соломою, который долженъ былъ представлять великаго освободителя, любимаго героя католиковъ. Она сожгла его на публичномъ мѣстѣ, оглашая воздухъ проклятіями, насмѣшками и ругательствами. Потожъ пепелъ этого изображенія положенъ былъ въ ящикъ и брошенъ въ помойную яму.

Для населенія, столь впечатлительнаго, какъ ирландцы, такой вызовъ былъ болѣе, чѣмъ достаточенъ. Немедленно католики, въ свою очередь, совершили процессію, въ которой сожгли изображеніе Вильгельма III. Толпа протестантовъ, вооружившись дубинами, хотѣла воспротивиться исполненію этой мѣры, но ее встрѣтили камнями. Драка продолжалась одинъ или два часа. Католики, уступавшіе своимъ противникамъ въ численности, уже начинали изнемогать, но одинъ находчивый стратегикъ привезъ имъ тележку, наполненную боевыми запасами, въ видѣ кирпичей. Благодаря этому обстоятельству, они обратили въ бѣгство своихъ враговъ; но послѣдніе собрались еще въ большемъ числѣ и стали бить всѣхъ «идолопоклонниковъ», попадавшихся имъ на встрѣчу. Въ продолженіе двухъ дней они опустошали дома католиковъ, разворили одинъ женскій монастырь и жилище архіепископа, ограбили заведеніе, устроенное во имя св. Патрика для приготовленія похоронныхъ церемоній, и оскорбляли дѣвушекъ, работавшихъ на фабрикахъ. Католики защищались, какъ могли; они разбили нѣсколько череповъ и разрушили одну капеллу методистовъ. Три тысячи солдатъ и тысяча вооруженныхъ полицейскихъ агентовъ, явившихся съ нарочнымъ поѣздомъ, положили конецъ этой дракѣ, но не прежде, какъ сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ въ сражающихся, которые, подобно разъяреннымъ бульдогамъ, не хотѣли оставить другъ друга. Обѣ партіи присвоивали себѣ честь побѣды, но всякій безпристрастный судья долженъ замѣтить, что преимущество было на сторонѣ протестантовъ: они разрушили домъ епископа, а католики только домъ священника. Около десяти человѣкъ было убитыхъ на мѣстѣ; что же касается до

раненныхъ и оконтуженныхъ, то числа ихъ опредѣлять невозможно. При извѣстїи объ этихъ смутахъ, возникли беспорядки въ Дундалкѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Это могло послужить началомъ гражданской войны, въ которой обѣ стороны взаимно истребляли бы одна другую. Наступила минута страшнаго безпокойства. Таймсъ не видѣлъ другаго средства противъ этого зла, кромѣ образованія корпуса протестантскихъ волонтеровъ, которымъ временно предоставлена была бы власть констэблей, съ тѣмъ, чтобы они одинаково безпристрастно разили и своихъ единовѣрцевъ, и католиковъ. Къ счастью, совѣтъ этого оракула не былъ исполненъ. Нашлись благородные люди того и другаго вѣроисповѣданія, которые образовали изъ себя комитетъ примиренія; они ходили изъ дома въ домъ, обращались отъ одной группы къ другой, отъ одного лица къ другому, уговаривали, усовѣщивали всѣхъ и наконецъ достигли таки, что обѣ враждующія стороны, устрашенныя притомъ присутствіемъ военной силы, возвратились во-своихъ.

Такимъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи смуты прекращены, но умы все еще взволнованы. Воспользуемся досугомъ, предоставляемымъ дипломатією, и рассмотримъ нѣсколько подробно этотъ интересный ирландскій вопросъ, который мы до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ, по случаю другихъ занятій, нетерпѣвшихъ отлагательства.

Ирландія, наиболѣе удаленная въ океанѣ отъ другихъ европейскихъ странъ и окруженная морскими волнами, — настоящая дочь моря. Она погружена въ испаренія воды; туманы почти постоянно окружаютъ ее своимъ занавѣсомъ. Часто эта сырость превращается въ капли столь мелкія, какъ кончики иглокъ, и орошаетъ растенія болѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать продолжительные проливные дожди. Лѣтомъ въ Ирландіи почти постоянно свѣжо и почти постоянно мороситъ; это въ нѣкоторомъ родѣ соединеніе весеннихъ дождей съ осенними лучами солнца. Однакожъ, въ этомъ нѣжномъ климатѣ зимою не бываетъ холодно. Правда, вѣтеръ, дующій съ сѣвернаго полюса, свободно достигаетъ этой страны, но такъ называемый *Gulfstream*, выходящій изъ горячихъ водъ Мексиканскаго залива, разбивается о ея берега и окружаетъ ихъ своими испареніями. Деревья и плоды Антильскихъ острововъ выбрасываются на западные мели Ирландіи и заставляютъ думать о тропическихъ странахъ. Мирты и другія испанскія растенія, ласкаемыя нѣжною температу-

року ирландской зимы, освѣняют мысы Мюнстера, какъ въ дни древности, когда Ибернія и Испанія составляли одинъ материкъ, находившійся между старымъ и новымъ свѣтомъ.

Отдѣлившись отъ Атлантиды, которая погрузилась въ Океанъ, Ирландія сохранила чрезвычайно живописныя очертанія. Она обращаетъ къ Великобританіи стѣну изъ утесовъ, которыя представляютъ выемки, въ видѣ полукруглыхъ бухтъ, находящихся на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой; на южномъ же и западномъ берегу ея выдаются въ море длинные скалистые полуострова, отдѣляемые одинъ отъ другого узкими заливами. Посредствомъ этихъ полуострововъ Ирландія нѣкогда соединялась съ исчезнувшимъ материкомъ, который, отдѣлившись отъ нея, медленно пошелъ ко дну океана.

Группы утесистыхъ горъ и базальтовыя скалы возвышаются на углахъ и на большей части окружности острова, какъ бы съ тѣмъ, чтобы защищать его отъ новаго натиска волнъ. Хотя эти горныя группы отдалены одна отъ другой, тѣмъ не менѣе онѣ образуютъ родъ вала, окружающаго центральную равнину Ирландіи—это бывшее море, мало по малу покрывавшееся наносною землею. Потоки и рѣки, выходящіе съ горъ, сначала почти всѣ текутъ во внутренность острова и уже потомъ, образовавъ большія дуги, спускаются внизъ порогами или въ видѣ водопадовъ и направляются къ океану. По выраженію поэтовъ, Ирландія, съ своею каймою изъ горъ, — корзина, наполненная цвѣтами, плавающая посреди волнъ; это — изумрудная чаша, окруженная бѣлою пѣною моря.

Это общее очертаніе Ирландіи, безъ сомнѣнія, превосходно, но оно послужило роковымъ даромъ, который не мало содѣйствовалъ къ рожденію несчастій народа, населяющаго эту страну. Еслибъ возвышалась одна только группа горъ въ центрѣ острова, еслибъ самая земля представляла одно цѣлое, то, быть можетъ, водворилось бы между мѣстными жителями единство національности, и тогда англосаксы, высадившіеся на этотъ островъ, быть можетъ, были бы изгнаны туземцами. Но на каждомъ отдѣльномъ пикѣ какой-нибудь мелкій король или какой-нибудь хищный дворянинъ устраивалъ себѣ гнѣздо и оттуда грабительскими набѣгами распространялъ свое господство надъ окрестными равнинами. Сколько было горныхъ хребтовъ, столько же было и разбойничьихъ притоновъ и столько же было различныхъ королевствъ. И когда явился блѣдный англійчанинъ, то явился онъ съ тѣмъ, чтобы одного разбойника вооружить противъ

другого и, для собственной своей выгоды, заставить ирландскія племена уничтожать другъ друга.

Многочисленные озера, разсѣянные въ Ирландіи и придающія ей красоту, также содѣйствовали роковому раздробленію территоріи этой страны между начальниками клановъ или племенъ, которые были или побѣдителями, или измѣнниками, смотря по требованіямъ ихъ честолюбія или тщеславія. Посреди большей части этихъ loûghs или озеръ еще около конца среднихъ вѣковъ, возвышались феодальные замки, которые можно было осаждать только водою. Эти зданія, исчезнувшія во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы тысяча или полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, строились еще тогда для надобностей этой вѣчной войны, раздѣлявшей ирландскія племена.

Такъ называемыя bogs или болота, покрывающія седьмую часть всего пространства Ирландіи, также отдѣляли и до сихъ поръ отдѣляютъ одинъ центръ населенія отъ другаго. Они представляютъ картину, наводящую грусть и тоску. Не разъ я ходилъ по этимъ обширнымъ пустынямъ; я былъ одинъ и плохо зналъ дорогу. Хотя я находился на плоской возвышенности, по горизонтъ казался узкимъ; не было никакого открытаго вида въ даль, ни на право, ни на лѣво, ни на море, ни на равнину. Я все шелъ подъ сѣроватымъ небомъ, не встрѣчая ни одной живой души, за исключеніемъ развѣ овецъ, которыя щипали длинную остроконечную траву, мѣстами произраставшую на отдѣльныхъ глыбахъ. Съ своими жесткими листьями, торчавшими въ видѣ щетины, и съ своими обнаженными корнями, покрытыми клейкою жидкостью ржаваго цвѣта, трава эта имѣла видъ окровавленныхъ скальпелей, брошенныхъ въ болото. Мягкій, жирный, сырой, блѣдно-зеленый мохъ покрывалъ землю. Онъ лежалъ на гниломъ слоѣ почвы, представлявшемъ переходы цвѣта отъ желтаго къ коричневому, пепельному и наконецъ черному. Многія изъ этихъ болотъ—бывшія озера. Мохъ, подымаясь со дна на поверхность, мало по малу покрывалъ собою бывшее русло. Этотъ растительный слой изъ вѣка въ вѣкъ утолщался на одинъ метръ или на полуметра. Мѣстами попадались лужи, черныя, какъ чернила, и какъ будто лежавшія на сажѣ. Наклонившись надъ одною изъ нихъ, я увидѣлъ на ея поверхности свое изображеніе, мрачное какъ привидѣніе. Находившійся передо мною пейзажъ представлялъ самый печальный видъ. Ничто не могло быть угрюмѣе окружавшихъ меня умерекъ, когда стали сгущаться тѣни ночи надъ этой пустынной

и опасной почвой; выль холодный вѣтеръ и одинъ глухарь, внезапно проснувшись, поспѣшно полетѣлъ въ даль.

Можно утонуть въ этихъ болотахъ, но еще скорѣе можно утонуть въ такъ называемыхъ guhgshiges или тоняхъ.—Есть также обширныя пространства, покрытыя верескомъ, гдѣ растетъ «трава голода,» какъ выражаются голодные ирландцы.—Увы! въ 1847 году, когда свирѣпствовалъ голодъ, сколько прошло людей по этой роковой травѣ! Утомленные ходьбою, съ пустымъ желудкомъ, исхудалые, изнуренные, они ложились здѣсь, съ тѣмъ, чтобы болѣе не вставать. Какъ въ степи путь каравановъ обозначается валяющимися на немъ скелетами людей и верблюдовъ, такъ же точно въ Ирландіи дорога, ведущая отъ одного прихода къ другому, усѣяна была трупами мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которые въ изнеможеніи падали на землю и погибали, не будучи въ состояніи встать, или не желая болѣе жить!

Что касается до равнинъ, то онѣ отличаются самымъ здоровымъ климатомъ, не смотря на сосѣдство болотъ. Земля здѣсь покрыта вѣчною зеленью. Это—обширные луга, всегда сырые или отъ утренней росы, или отъ недавняго дождя, или отъ тумана, который проходитъ по нимъ своимъ бѣлымъ занавѣсомъ, раздраемымъ кустарниками. Впрочемъ, здѣсь вообще мало деревьевъ. Они попадаются только въ горахъ, гдѣ недавно землевладѣльцы посадили многое множество лиственницъ. Дѣло въ томъ, что побѣдители не довольствовались тѣмъ, что убивали жителей и сжигали дома; они также истребили лѣса. Въ графствѣ Мейо, гдѣ двадцать тому назадъ, не было ни одного дерева. Когда мѣстнымъ крестьянамъ описывали это удивительное растеніе, то они полагали, что имъ говорить о какой-то гигантской травѣ... И послѣ того можно-ли удивляться, что варварство все еще господствуетъ въ цвѣтущей Ирландіи?! Можно-ли удивляться, что здѣсь встрѣчаются дикія женщины, рыжія и съ длинными зубами, которыя — какъ самъ я это видѣлъ — выходятъ изъ своихъ лачугъ, испуская вой, подобно волчицамъ?! Можно-ли удивляться, что здѣсь бываютъ семейства, мѣняющія свои гнилыя рубища на лохмотья, которыми покрываются чучелы, выставляемыя для предохраненія растеній отъ птицъ?! Можно-ли удивляться, что здѣсь ямы, вырытыя въ сырой землѣ, служатъ пріютомъ для людей?! Я самъ видѣлъ такую яму, глубиною пять футовъ, изъ которой выходила струя дыма. Можно-

ли удивляться, что въ этихъ логовищахъ свинья поконтится между отцомъ и матерью семейства или между дѣтьми, которыя грѣются, прижимаясь къ этому грязному животному?! Можно-ли удивляться, что эта свинья, за которою всё такимъ образомъ ухаживаютъ, чувствуетъ свое превосходство надъ товарищами своего бѣдствія?! Можно-ли удивляться, что нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ никогда не моются, утверждая, что грязь на тѣлѣ, препятствуя испаренію, служить, вмѣстѣ съ лихорадкою, самымъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ голода?! Недавно я въ цѣломъ округѣ тщетно искалъ какую нибудь книгу или какую нибудь другую вещь, которая напоминала бы собою современную цивилизацію. Впрочемъ, вновать,—у господина пастора была библія, и я нашелъ въ его домѣ концертъ, какой только можно себѣ желать!

Официально, Ирландія все еще носитъ названіе королевства, а ея правитель—титулъ вице-короля или королевскаго намѣстника. Само собою разумѣется, что надо принадлежать къ какому нибудь знатному семейству, чтобъ получить такой высокой санъ. Для этого нужно быть какимъ нибудь Дерби, какимъ нибудь Каннингомъ или какимъ нибудь Кларендономъ. Въ настоящее время намѣстникомъ — лордъ Кариль. Этотъ господинъ слегъ въ постель, какъ только услышалъ о смутахъ, происходившихъ въ Бельфаствѣ. Это было самое лучшее, что могъ онъ сдѣлать.—Такъ какъ Ирландія была завоевана, но никогда не была покорена, то и полагали, что въ дублинскомъ дворцѣ необходимо имѣть человѣка, который былъ бы надѣленъ чрезвычайною властью, съ тѣмъ, чтобы онъ, въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ смутъ, могъ немедленно принять противъ нихъ мѣры, по собственному своему усмотрѣнію. Но съ тѣхъ поръ, какъ для сообщенія между Дублиномъ и Лондономъ потребно не болѣе одной недѣли, вся почти администрація Ирландіи сосредоточивается въ ирландскихъ бюро, въ Вайтгалаѣ, и сонъ вице-короля превратился въ политическую финцію, въ богатую и почетную синекюру, даваемую ничтожнымъ лицамъ знатнаго происхожденія, которыя могли бы служить помѣхою въ министерствѣ. Вице-король получаетъ 750,000 франковъ ежегоднаго жалованья, а его главный штабъ, лордъ канцлеръ и прочіе сановники—1,750,000 франковъ. Такимъ образомъ на такъ называемый дворъ расходуется по бюджету въ годъ около 2,500,000 франковъ. Эти деньги окончательно переходятъ въ руки дублинскихъ лавочниковъ, которые за эту цѣну становятся на сто-

рону правительства, употребляютъ въ его пользу свое вліяніе на общественное мнѣніе и превращаютъ столицу Ирландіи въ англійскую колонію. Санъ вице-короля одаиваетъ еще другую весьма важную услугу: вокругъ его представителя группируются всѣ интриги значительныхъ землевладѣльцевъ и въ особенности ихъ дамъ. Эти джентльмены черезъ-чуръ предаются пьянству въ своихъ помѣстьяхъ, живя въ дали отъ прочаго ошeneбльнаго міра, посреди населенія, болѣе или менѣе имъ непріязненнаго. Замокъ превращается въ пріятное мѣсто собраний, а Дублинъ—въ этапъ, гдѣ землевладѣльцы отдыхаютъ во время путешествій изъ своихъ владѣній въ Лондонъ, и обратно. Вице-королю представляются всѣ молодые миссы аристократіи и высшей буржуазіи, вступающія въ свѣтъ и которыя не имѣютъ времени или средствъ совершить путешествіе въ Лондонъ. Вице-король танцуетъ съ женами дублинскихъ банкировъ и лавочниковъ и съ дамами университетскихъ профессоровъ. Всякій, кто мало-мальски посвященъ въ таинства политики, легко пойметъ, что въ этомъ заключаются вся тайная цѣль пожалованія этимъ саномъ. Это обстоятельство неосторожно было высказано въ палатѣ общинъ. Одинъ ораторъ обнаружилъ настоящее положеніе ирландской администраціи, объявивъ, что «Карлиль танцуетъ, Горсманъ охотится, а Ларкомъ занимается дѣлами».

Всѣ эти должности до того признаются важными, что и Виги, и Торп, и дублинскіе лавочники воспользовались недавними смутами съ тѣмъ, чтобы громогласно представить неудовлетворительное состояніе, въ какомъ въ настоящее время находится званіе вице-короля: «Что это за дворъ», говорятъ они, — «на содержаніе котораго отпускается въ годъ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Что это за король, получающій всего тридцать тысячъ фунтовъ? Намъ не нужны болѣе ни Бради, ни Ларкомъ; не нуженъ болѣе вице-король, возведенный въ этотъ санъ изъ людей ничтожныхъ!» — «Какъ!» восклицаетъ дублинскій Evening Mail, — «Хотятъ, чтобы нами управлялъ обыкновенный государственный секретарь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ! Но это значитъ проповѣдывать республику! — Повторяемъ вмѣстѣ съ д'Израэли: какое уваженіе можемъ мы имѣть къ правителю, пришедшему изъ Downing street'a? Никто не въ состояніи быть у насъ истиннымъ представителемъ королевской власти, кромѣ члена королевской фамиліи. Покойный Георгъ III посмалъ въ Ганноверъ своихъ сыновей, съ тѣмъ, чтобы они замѣнили его въ управленіи этою

страною. Почему же не поступить точно также въ отношеніи къ Ирландіи? Безъ сомнѣнія, принцъ Уейльскій и его супруга не могутъ оставить Лондона, потому что заняты тамъ дѣлами. Безъ сомнѣнія, нельзя требовать, чтобы герцога Кембриджскій покинулъ свои обязанности, въ качествѣ главнокомандующаго войсками Англій. Но еще имѣется у насъ принцъ Альфредъ, который уже довольно большой мальчишъ, и которому уже предложенъ былъ одинъ престолъ. Вотъ былъ бы для насъ настоящій вице-король!»... «Сказать правду», продолжаетъ эта газета далѣе, — Ирландія въ правѣ требовать, чтобы должность вице-короля постоянно замѣщалась членомъ королевской фамиліи. Это право мы не уступимъ никогда. Притомъ такое замѣщеніе этой должности послужило бы самымъ вѣрнымъ средствомъ для изученія *абсентизма*, этой устарѣлой и самой жестокой изъ всѣхъ ранъ Ирландіи»... Абсентизмъ—мѣстное выраженіе, означающее обыкновеніе значительныхъ земледѣльцевъ и вообще богатыхъ людей проживать свои доходы за границею. Страна, постоянно выдающая деньги и ничего не получающая въ замѣнъ ихъ, должна наконецъ истощиться. Изъ другихъ государствъ также отпускаются деньги, но онѣ потомъ возвращаются въ томъ или другомъ видѣ; онѣ въ этихъ государствахъ переходятъ изъ рукъ въ руки, и если останутся на время въ сундукѣ какого нибудь сряги, то онѣ тамъ накапливаются и образуютъ капиталъ, который потомъ возвращается торговлѣ и промышленности; если же онѣ попадаютъ въ руки мота, что—случается всего чаще, такъ какъ, согласно пословицѣ, у скупаго отца, сынъ расточитель,—то и въ этомъ бѣда, сравнительно, не велика. Одинъ домъ разоряется, но его прежнее имущество немедленно распределяется между извѣстнымъ числомъ торговцевъ и промышленниковъ. Но когда расточительный сынъ пользуется богатствомъ своего отца для того, чтобы одну золотую монету за другою бросать въ море, тогда самая страна бываетъ въ положительномъ убыткѣ, который ничѣмъ не вознаграждается. Нѣчто подобное совершается въ отношеніи къ Ирландіи, которой всѣ доходы отправляются черезъ Каналъ и которая въ вознагражденіе за эти траты не получаетъ ничего.

Слова: «истощеніе Ирландіи, оскуденіе ея почвы»—сами по себѣ весьма ствлеченны, но на дѣлѣ вотъ что они означаютъ: — когда какой нибудь бѣдный фермеръ не въ состояніи платить оброкъ, хотя онъ продалъ своихъ послѣднихъ куръ и свою исхудалую свинью и хотя онъ отнялъ у своихъ голодныхъ дѣтей вареный кортофель, ко-

торымъ землевладѣлецъ не согласился бы кормить своихъ охотничьихъ собакъ, тогда къ этому несчастному является интендантъ и предлагаетъ ему убраться изъ фермы. Если фермеръ не исполнитъ этого приказанія немедленно, то онъ изгоняется силою. Эта операція совершается такимъ образомъ:

Является агентъ землевладѣльца въ сопровожденіи полицменовъ и отряда солдатъ и предъ закрытыми дверьми фермы читаетъ извѣстную статью англійскихъ законовъ. Если несчастные жильцы отказываются покинуть свою хижину, гдѣ они, быть можетъ, родились, гдѣ они вступили въ бракъ и гдѣ еще покоится ихъ грудной ребенокъ, тогда полицмены всходятъ на ея соломенную крышу, срываютъ ее и сжигаютъ, а потомъ своими колыями уничтожаютъ стѣну, которая могла бы служить бѣднягамъ защитою отъ сѣвернаго вѣтра. Эти изгнанія производятся во всякое время года, даже зимою, при проливномъ дождѣ, и когда бываетъ изморозь и дуетъ холодный пронизательный вѣтеръ. Мало того, они даже иногда совершаются во имя служителей Иисуса Христа, во имя епископовъ, воспріявшихъ при своемъ посвященіи апостольскій духъ, и которые каждое воскресенье утромъ проповѣдуютъ христіанскую любовь къ ближнему.

Когда эта печальная операція кончена, землевладѣлецъ, освободившись отъ своего несостоятельнаго фермера, превращаетъ поля, засѣявшіяся картофелемъ, въ луга, и замѣняетъ плохого платильщика коровами, которыя аккуратно доставляютъ опредѣленное количество молока и масла — этого превосходнаго ирландскаго масла — и овцами, которыхъ можно стричь или убивать на жаркое, не имѣя надобности прибѣгать для этого къ содѣйствію полицейскихъ агентовъ и отряда солдатъ. Черезъ такую перемену, землевладѣлецъ, быть можетъ, выигрываетъ 1½ процента и притомъ избѣгаетъ необходимости портить себѣ кровь и оскорблять чувство своего великобританскаго достоинства видомъ отчаянной бѣдности. А что дѣлается съ несчастными изгнанниками? Что за дѣло до нихъ землевладѣльцу? Пускай себѣ маются! Иногда имъ удается поселиться въ какомъ нибудь другомъ англиканскомъ помѣстьѣ. Большею же частію члены изгнаннаго семейства расходятся; новорожденные обыкновенно умираютъ. Изъ дѣтей нѣкоторые принимаются людьми сострадательными въ свинопасы, или получаютъ обязанность ухаживать за гусями; другія умираютъ отъ лихорадки на дорогѣ, возмѣ рва. Дѣдъ и бабушка ходятъ себѣ по міру, просятъ милостыню, пока ихъ не

заключатъ въ какой нибудь *workhouse* или исправительный домъ для бѣдныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей удаляются въ болота или на горы и бродятъ, одѣтые въ лохмотья, худые, какъ скелеты и по видимому совершенно безчувственные и къ холоду, и къ голоду. Въ хорошее время года они добываютъ на дорогѣ брюкву, тутовыя ягоды или малину, а зимою ходятъ изъ одной хижины въ другую, вымаливая собѣ картофель. На пустыхъ вершинахъ горъ, между кельтическими могильными камнями, иногда можно встрѣтить какую нибудь изъ этихъ старухъ, которая сидитъ съежившись возлѣ огня, разведѣннаго помощію травъ или тростника, грѣетъ свои старыя кости и бормочетъ невнятные слова. Вотъ что дѣлается съ слабыми. Что же касается до болѣе сильныхъ членовъ изгнанныхъ семействъ, то собираются деньги въ пользу цѣлыхъ фалангъ мальчиковъ, отправляющихся въ Ливерпуль и Манчестеръ, съ тѣмъ, чтобы вступить въ число рабочихъ на фабрикахъ, или въ пользу дѣвушекъ, отправляющихся въ Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы прискаты себѣ мѣсто служанокъ, хотя ихъ тамъ весьма плохо принимаютъ по причинѣ ихъ дурнаго произношенія, ихъ религій, и хотя въ газетныхъ объявленіяхъ о томъ, что требуется нянька или кухарка, часто прибавляется обидное замѣчаніе: *No Irish need apply* (ирландка не принимается). Тѣ, которые оказываются окончательно лишними, захватываются на улицѣ полиціею и кончаютъ тѣмъ, что, не смотря на свое отвращеніе, продаютъ свое тѣло въ какомъ нибудь домѣ разврата; другія умираютъ съ голода или отъ чахотки въ швейныхъ мастерскихъ, а иныя съ отчаянія бросаются въ Темзу, чтобы освободиться отъ своихъ страданій.

Однакожъ, абсентизмъ, изгнанія бѣдныхъ земледѣльцевъ и оскуденіе страны наконецъ обнаружили свое дѣйствіе и на самихъ господъ. Гдѣ ничего нѣтъ, тамъ самъ король теряетъ свои права, говоритъ пресловутая пословица. Гдѣ все было съѣдено, тамъ самимъ господамъ пришлось голодать. Они прибѣгли къ займамъ подъ залогъ своихъ имуществъ и мало по малу обѣднѣли до того, что не были въ состояніи платить подати правительству и десятину церкви. Одному лорду, построившему *workhouse*, пришлось даже просить, чтобы его самого приняли въ это заведеніе. Эта милость была ему оказана, и онъ вступилъ въ этотъ рабочій домъ, правда въ качествѣ президента. Вслѣдъ за господами, вовлечены были въ омутъ банкротства торговцы, и тѣ немногіе промышленники, которые владѣли странюю.

И въ этомъ случаѣ Робертъ Пизъ является замѣчательнымъ государственнымъ челоѣкомъ. Онъ понялъ, что противъ большаго золь должны быть принимаемы большія мѣры. Не смотря на существованіе закона о маюратахъ и на сопротивленіе лордовъ духовныхъ и мірскихъ, въ верхней палатѣ, и ихъ союзниковъ въ нижней, онъ заставилъ издать законъ о такъ называемыхъ *encumbered estates*, имуществѣхъ, обремененныхъ долгами. По этому закону, недвижимыя имущества, отданныя въ залогъ по заемнымъ обязательствамъ, назначаются въ продажу съ публичнаго торга, какъ скоро владѣльцы ихъ не въ состояніи платить процентовъ по задѣтымъ суммамъ. Эта рѣшительная мѣра спасла, если не ирландцевъ, то, по крайней мѣрѣ, землевладѣльцевъ отъ окончательнаго разоренія. Съ этой минуты существованіе собственности снова сдѣлалось возможнымъ. Недвижимыя имущества въ Ирландіи утроились, учтѣвались въ цѣнѣ, что способствовало очищенію ихъ отъ лежавшихъ на нихъ долговъ. До этой поры, законодательство по этому предмету представляло столько противорѣчій, что не было никакой возможности доказывать рѣшительнымъ образомъ свои права на владѣніе какою-нибудь землею; многіе землевладѣльцы сами назначали свои иѣнія въ продажу, съ тѣмъ, чтобы самимъ же скупить ихъ дешевою цѣною. Такимъ образомъ, послѣ Роберта Пиза почти всѣ, безъ исключенія, недвижимыя имущества Ирландіи прошли подъ молоткомъ аукціонера. Привлекаемые сравнительно дешевою цѣною ихъ и безопасностью такихъ предпріятій, англійскіе капиталы нашли дорогу въ этотъ островъ и послужили противоѣдѣніемъ противъ пагубныхъ послѣдствій абсентизма господъ. Этотъ бичъ, впрочемъ, значительно смягчился съ тѣхъ поръ, какъ въ Ирландіи устроились дороги, гостиницы, библіотеки и нѣсколько образованное общество. Но какъ скоро страна разорена, то она не скоро можетъ оправиться.

При такомъ состояніи поземельной собственности, Ирландія, быть можетъ, могла бы избѣгнуть разоренія помощію мануфактурной промышленности, которая, въ крайнемъ случаѣ, могла бы доставить странѣ то, чего не доставляетъ земледѣліе. Ирландскія полотна нѣкогда славились своею доброкачествомъ и до сихъ поръ пользуются извѣстностью между знатоками, такъ какъ самый ленъ, изъ котораго они выдѣлываются, отличается своимъ превосходствомъ. Но фабрики ихъ, требовавшія только развитія, пришли въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ III, при вступленіи своемъ на престолъ,

далъ англійскимъ фабрикантамъ обѣщаніе разворить ирландскихъ ткачей. Къ счастью, королева Викторія не послѣдовала этому примѣру и ткацкія фабрики возникли вновь. Устроены заводы для дистиллировки произведеній, добываемыхъ изъ торфа.... Между прочимъ открыты комки гранита и съ большою дѣятельностью производится добываніе аспиднаго камня въ Валенціи. Не смотря на эти похвальные усилія, нельзя сказать, чтобы въ Ирландіи заводская и мануфактурная промышленность пользовались почетомъ. Къ тому же большая часть промышленниковъ живутъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, населенныхъ преимущественно протестантами.

Впрочемъ, весьма трудно найти въ Европѣ страну, въ которой представлялось бы болѣе рѣзкое различіе между южною и сѣвernoю частями, чѣмъ въ Ирландіи. Едва ли бываетъ меньшее сходство, чѣмъ между жителями, съ одной стороны — Мюнстера и Коннахта, которые все католики, а съ другой — Донгала, которые все протестанты. Въ Лейнстерѣ, гдѣ находится столица королевства, Дублинъ, и въ Ульстерѣ, гдѣ главнымъ городомъ Бельфасть, народонаселеніе принадлежитъ и къ той, и къ другой партіи, которыя обѣ живутъ тамъ рядомъ, одна возлѣ другой. На сѣверѣ вообще преобладаетъ мануфактурная промышленность, на югѣ преимущественно господствуетъ земледѣліе. Сѣверъ населенъ шотландцами и англичанами, югъ хващается тѣмъ, что сохранилъ кельтическую расу безъ примѣси. На сѣверѣ жители пользуются довольствомъ, на югѣ они страдаютъ страшною бѣдностью. Сѣверъ питается мясомъ и овсяной крупой, югъ исключительно употребляетъ картофель и американскій мансъ. Но картофель, богатый углеродомъ, весьма бѣденъ азотными веществами, а такъ какъ человеческое тѣло требуетъ опредѣленнаго количества волокнина и бѣлковины, то южный ирландецъ долженъ ѣсть огромное количество картофеля, а именно до 14 фунтовъ ежедневно, чтобы имѣть въ себѣ этихъ веществъ столько, сколько доставили бы ихъ нѣсколько унцій сыра. Чтобы помѣстить въ себѣ эту мучнистую массу, животъ расширяется и принимаетъ форму горшка. Отъ этого произошло выраженіе *pot bellied Irish*, ирландецъ съ горшкообразнымъ брюхомъ. Говорятъ, что въ Ирландіи можно отличить протестанта отъ католика столько же по животу, сколько и по костюму.

Чтобы понимать Ирландію и ея дѣла и чтобы разобрать представляемую ими путаницу противорѣчивыхъ началъ, необходимо никогда не терять изъ виду основную оппозицію, существующую между прин-

циномъ католическимъ и принципомъ протестантскимъ, между любителями съ одной стороны, и оранцами съ другой. Побѣжденный кельтъ пораженъ былъ англо-саксомъ, который былъ его желѣзнымъ пруткомъ. Послѣ хищныхъ солдатъ, пришли господа, въ качествѣ побѣдителей, отличавшіеся болѣе холодною и болѣе продолжительною жестокостью. По поводу безпрестанныхъ возстаній, солдаты и господа, попеременно разоряли туземцевъ. Благодаря такому порядку вещей, продолжавшемуся нѣсколько вѣковъ, ирландцу оставлепъ былъ только его языкъ, но и этотъ языкъ, изгоняемый изъ одной области въ другую языкомъ англійскимъ, языкомъ господина и его интенданта, языкомъ ремесленника, лавочника и школьнаго учителя, уже почти совершенно пересталъ существовать. Еще только въ гористыхъ мѣстностяхъ Коннахта и Мюнстера живутъ до трехъ тысячъ кельтовъ, говорящихъ на языкъ своихъ отцовъ. Такимъ образомъ, народу, лишенному достоинства своихъ предковъ, оставлена была одна религія, и къ ней-то онъ привязался всѣми силами своей души. Дѣйствительно, ирландецъ любитъ свой католицизмъ любовью страшною, доходящею до неистовства.

Лишенные всякой національной точки опоры, ирландцы, чтобы стать въ оппозицію Англій, должны были, по необходимости, присоединиться къ какой нибудь изъ англійскихъ партій и принять дѣятельное участіе въ расприхъ, происходящихъ между побѣдителями. Но въ Англій существуютъ только двѣ партіи: одна аристократическая, такъ называемая партія верхней церкви, *high-church party*, и ультра-ториевъ, а другая либеральная, или имѣющая претензію на либерализмъ, партія Виговъ нижней церкви, *low-church party*. Если вы, быть можетъ, думаете, что ирландцы приняли сторону Виговъ, какъ людей, болѣе отличающихся терпимостью, противъ Торіевъ-господъ, этихъ ультрамонтановъ протестантизма, въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь: Ирландцы, эти крайніе католики, соединились съ крайними англичанами противъ англичанцевъ умѣренныхъ.

Этотъ союзъ болѣе согласенъ съ самою логикою вещей, чѣмъ казалось бы съ перваго взгляда. Онъ во-первыхъ объясняется исторіею. Надо замѣтить, что англичанцы верхней церкви—въ сущности католики, сами того не зная, и что, еслибъ не было препятствій со стороны политики, которыя угадать не трудно, то высшая аристократія охотно обратилась бы снова къ католицизму. Последнія революціи Англій—и та, которая обезглавила Карла I, и та, которая изгна-

да Иакова II, — были направлены противъ католическаго и реакціонернаго элемента, противъ партіи этихъ значительныхъ землевладѣльцевъ, прямыхъ потомковъ англійскихъ властителей, овладѣвшихъ Ирландію, ограбившихъ ее и продолжавшихъ потомъ ее давить. Но эта партія была католическая, или, точнѣ говоря, склонная къ католицизму, а потому ирландцы приняли сторону Карла и преслѣдовались Бромвелемъ. Солдаты этого страшнаго пуританина не довольствовались тѣмъ, что, по примѣру дѣтей Израиля, разбивавшихъ Хананеевъ, — истребляли «города Гамалека», и «села Моабитовъ»; они каленнымъ желѣзомъ распаривали животъ беременнымъ женщинамъ.

Итакъ невѣжественный народъ Ирландіи не ошибся въ этомъ отношеніи, подобно многимъ ученымъ политикамъ и теологамъ. Истиннымъ врагомъ католицизма — не верхняя церковь, отличающаяся духомъ преслѣдованія, но кальвинизмъ, котораго нетерпимость не замѣтна, потому что эта секта вообще была гонима и до сихъ поръ не имѣла ни времени, ни средствъ, съ своей стороны, преслѣдовать другихъ.

Новѣйшая исторія Англійи начинается съ этой великой борьбы между Кавалерами и Круглоголовыми, между партизанами короля и приверженцами парламента. Когда вторично низвергнуты были Стюарты, рѣшительное сраженіе между этими двумя партіями дано было въ Ирландіи. Англичане сражались противъ ирландцевъ. Съ роковаго дня Бойнскаго сраженія начинается кровавая вражда между якобитами и оранцами. Тори явились преемниками полукатолическихъ кавалеровъ, превратившихся въ якобитовъ, а Виги наследовали кальвинистамъ, которые сдѣлались оранцами. Ирландія, вовлеченная въ эту распрю, приняла сторону аристократіи, сторону тѣхъ значительныхъ землевладѣльцевъ, которые опустошали ее по праву побѣды. Она пожертвовала своею національностью и своею местию въ пользу и для сохраненія католицизма. И вотъ какимъ образомъ въ продолженіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ католицизмъ находится у источника всѣхъ бѣдствій этой несчастной страны. И вотъ почему въ настоящую минуту ирландскіе революціонеры протягиваютъ свою правую руку иезуитамъ, а лѣвую протестантскимъ реакціонерамъ. Могло-ли когда либо существовать положеніе болѣе ложное, болѣе смѣшное и въ то же время болѣе отчаянное?

Ирландецъ—католикъ. Это его исключительная существенная черта. Довольно бѣдный для того, чтобъ быть отрѣшеннымъ отъ благъ мірскихъ, онъ, какъ только соберетъ картофель въ количествѣ, достаточномъ

для прокормленія своего семейства, не думаетъ о разведеніи другихъ растений, три четверти урожая которыхъ достались бы на долю его эксплуататора и врага, англичанина. Ирландскія дѣвушки очень цѣломудренны, а женщины еще болѣе. Поэтому для ирландца не можетъ быть и рѣчи о развратной жизни. Что-же ему остается дѣлать, если не пьянствовать, когда есть на то средства, или драться, когда представляется къ тому случай, съ товарищемъ или съ женою, и наконецъ исполнять свои религіозныя обязанности? Викарій дѣйствительный глава коммуны. Онъ неоспоримо пользуется диктаторскою властью надъ умами своихъ прихожанъ. Онъ произноситъ благословеніе или проклятiе при всякомъ удобномъ случаѣ и руководитъ всѣми предпріятіями земледѣльческими, торговыми и промышленными, если таковыя имѣются. Во всемъ, что говорится, что дѣлается или что предполагается дѣлать, онъ принимаетъ самое значительное участіе. Каждый католическій приходъ въ Ирландіи представляетъ въ миниатюрѣ теократическое государство, управляемое викаріемъ, какъ настоящимъ теократомъ. Будь онъ грубъ и невѣжественъ, это не бѣда: ему все-таки покланяются и все-таки находятъ прекраснымъ все, что онъ дѣлаетъ. Если у него одна любовница, или двѣ, и множество дѣтей, то это обстоятельство только увеличиваетъ его популярность. Если онъ пьянствуетъ, то онъ этимъ скрѣпляетъ узы братства, соединяющія его съ многочисленными пьяницами, которые поручены его руководству. Когда онъ бьетъ упрямыхъ, то всѣ смѣются, за исключеніемъ тѣхъ, кому приходится получать побой.

Папскія владѣнія и Ирландія—двѣ самыя католическія страны въ мірѣ, съ тою разницею, что въ Римѣ католицизмъ служитъ предметомъ глухихъ нападокъ со стороны людей мыслящихъ, а въ Ирландіи, онъ, при господствѣ англиканскаго закона, сумѣлъ принять видъ мученика и жертвы гоненій и этимъ возбудить къ себѣ сочувствіе всѣхъ благородныхъ сердецъ и всѣхъ умовъ, мало просвѣщенныхъ; ирландецъ же, какъ извѣстно, столько же великодушенъ, сколько и невѣжественъ. Онъ любитъ свою церковь до фанатизма, потому что ненавидитъ своего господина англичанина.

Народъ въ своихъ сужденіяхъ простъ; онъ не любитъ сложныхъ вещей. Поэтому ирландецъ вамъ скажетъ: «Если мы несчастливы, то виноваты въ этомъ англичане, а самая дурная сторона въ нихъ англиканская религія. Что касается насъ, то если мы еще существуемъ, какъ народъ, то единственно благодаря католической церкви, которая служитъ послѣднимъ убѣжищемъ для нашей національности.»

—Иностранцы, безпристрастные въ этомъ дѣлѣ, разсуждаютъ иначе. Они говорятъ, что католицизмъ вѣрнѣе составляютъ силу, чѣмъ слабость Ирландіи. Еслибъ она была протестантскою страной, подобно Шотландіи, то она, по ихъ мнѣнію, могла бы добровольно присоединиться къ своей сосѣдкѣ, которая такъ могущественна, что не можетъ допустить ея независимаго существованія рядомъ съ собою. Но будучи страной католическою, Ирландія страдаетъ отъ двойнаго неудобства: она, съ одной стороны, слишкомъ сильна, или, лучше сказать, слишкомъ самобытна для того, чтобы сродниться съ другимъ государствомъ, а съ другой стороны, она слишкомъ слаба для того, чтобы воспротивиться завоеванію. Подобно телкѣ, побѣжденной удавомъ, Ирландія не въ состояніи была защититься, но Англія до сихъ поръ не могла ее поглотить.

Конечно, мы не хотимъ освободить ни англичанъ, ни англичанцевъ отъ ихъ тяжелой отвѣтственности въ отношеніи къ покоренной странѣ; мы не имѣемъ права уничтожить приговора, произнесеннаго надъ ними общественнымъ мнѣніемъ; мы не желаемъ уменьшить ихъ позора и угрызений ихъ совѣсти, если только таковая на этотъ счетъ имѣется у нихъ въ наличности; но мы должны сознаться, что и ирландцы не безвинны въ своемъ несчастіи и что если они эксплуатируются и допускаютъ эксплуатацію, то въ этомъ они должны винить самихъ себя т. е. свой характеръ и свою приверженность къ застою.

Ирландцы хвастаются тѣмъ, что происходятъ отъ испанскихъ выходцевъ, высадившихся въ Валенціи, которая получила свое названіе въ честь испанскаго города, откуда пришли эти переселенцы. Несомнѣнно то, что они кажутся народомъ юга, попавшимъ, не извѣстно какимъ образомъ, въ одну изъ самыхъ сѣверныхъ частей Европы. Они отличаются высшими добродѣтелями, но лишены обыкновенныхъ качествъ ума и сердца; они въ этомъ отношеніи обладаютъ тѣмъ, что составляетъ предметъ роскоши, и въ то-же время терпятъ недостатокъ въ необходимомъ. У нихъ чутье вѣрное, но они дѣйствуютъ нелѣпо. Характеръ у нихъ энергическій, но они не имѣютъ настойчивости. Надѣленные блистательнымъ воображеніемъ въ дѣлѣ поэзіи и искусствъ, они не умѣютъ соображать и размышлять. Умъ ихъ способенъ къ воззрѣніямъ, но не удовлетворителенъ для производства обыкновенныхъ логическихъ выводовъ. Въ обиходной жизни ирландцы постоянно дѣлаютъ промахи, что даже вошло въ поговорку. Они говорятъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ;

языкъ ихъ отличается яркимъ колоритомъ, но ихъ прекраснымъ рассказамъ никогда не должно вѣрить. Ирландцы боятся точности. Говорятъ даже, что ложь до того имъ свойственна, что они лгутъ вслѣдствіе врожденной потребности, вслѣдствіе внутренней необходимости, которой они должны повиноваться, во что бы то ни стало, даже къ собственному своему вреду. Это сужденіе преувеличено. Можно просто сказать, что они, подобно дѣтямъ, постоянно увлекаются своимъ воображеніемъ, которое они не въ состояніи обуздать. Они способны къ геройскимъ жертвамъ, къ необыкновенной преданности, но не должно отъ нихъ требовать, чтобы они всегда исполняли свое обѣщаніе.

Удивительно-ли, что этотъ народъ, отличающійся своею артистическою натурою, сдѣлался жертвою эксплуатаціи и, что еще гораздо хуже, — предметомъ презрѣнія со стороны націи, состоящей изъ торгашей? Потому-ли, что англичанинъ болѣе ограниченъ умомъ, или потому, что онъ дѣйствительно болѣе добросовѣстенъ, только онъ наружнымъ образомъ и что касается буквального смысла слова, правдивъ до того, что этимъ колетъ глаза ирландцу. Когда сойдутся притѣснитель и его жертва, то первый выпрямляется во весь свой ростъ и съ невыразимою гордостью говоритъ: «Я твой потому что я говорю правду, а ты мой подчиненный, потому что господинъ, ты лжешь.»

Дѣйствительность, пренебрегаемая ирландцами, мститъ имъ за это пренебреженіе, дѣлая безплодными даже самыя высокія ихъ поэтическія дарованія. Этотъ народъ, надѣленный отъ природы способностями щедрѣе всякаго другаго, не произвелъ ничего, что было бы достойно его талантовъ. Есть у него въ отрывкахъ восхитительныя пѣсни и очаровательныя легенды, но для примѣненія ихъ къ дѣлу до сихъ поръ нашелся одинъ только Томасъ Муръ (Moore), котораго произведенія, подобно подслащеннымъ лепешкамъ, приготовленнымъ на прогорѣломъ маслѣ, наконецъ надоѣдаютъ до крайности, отличаясь приторною нѣжностью, пустовончествомъ, напыщенностью и искусственною игривостью. Изъ ирландскихъ живописцевъ, первое мѣсто занимаетъ Маклизъ (MacLise), у котораго есть и хорошій стиль, и вѣрность рисунка, и живой колоритъ, быть можетъ также и мысль, но который не произвелъ ничего великаго. Ирландцы признаютъ своимъ величайшимъ военнымъ гениемъ генерала Веллингтона, но они въ этомъ отношеніи неправы. Во-первыхъ, Веллингтонъ никогда не былъ великимъ человекомъ, а только весьма разумнымъ

господиномъ, который игралъ чрезвычайно важную роль, благодаря случаю. Во-вторыхъ, этотъ такъ называемый *Jon Duse*, желѣзный герцогу, нисколько не былъ похожъ на ирландца; онъ напротивъ, своимъ методическимъ, холоднымъ и рѣшительнымъ характеромъ представлялъ совершеннѣйшій образецъ вѣстаго англичанина. Ирландія отличается превосходными солдатами, которые составляютъ лучшую часть англійской арміи; но эти солдаты въ своихъ войнахъ, не смотря на свою неоспоримую храбрость и на повиновеніе хорошимъ офицерамъ, были поражаемы самымъ жалкимъ образомъ, благодаря отсутствію у нихъ дисциплины, существованію между ними мелкаго соперничества, ихъ неблагоразумію и переходамъ отъ отваги къ паническому страху. Этими недостатками объясняется, почему двояродные предки ирландцевъ, галлы, разбивались нѣсколькоми римскими легионами, находившимися подъ предводительствомъ Юлія Кесаря. — Такимъ образомъ, за Ирландією, изъ людей, принадлежащихъ по своимъ талантамъ къ высшему разряду, остаются только ораторы, къ числу которыхъ прежде всего должно отнести Курро (*Curo*) и О'Коннея, такъ какъ въ этихъ двухъ ея герояхъ воплощается геній ирландской націи, духъ, въ одно и то же время, пылкій и тонкій.

Объяснивъ такимъ образомъ вліяніе національнаго характера ирландцевъ на ихъ социальное положеніе, мы должны замѣтить, что католическая религія ихъ воспитательница нисколько не содѣйствовала къ развитію ихъ добрыхъ качествъ, а только увеличила ихъ недостатки.

Начать съ того, что въ дѣлѣ народнаго образованія католическое духовенство всѣми своими силами воспротивилось учрежденію новыхъ народныхъ школъ. Такъ называемыя *national-schools*, учрежденныя по превосходному плану, имѣвшему въ виду независимость учителей отъ духовенства какъ англиканскаго, такъ и католическаго (ибо молитвы и другія религіозныя упражненія редижированы были смѣшанною комиссією, составленною изъ священниковъ того и другаго вѣроисповѣданія, въ числѣ которыхъ своею дѣятельностью особенно отличался Уейтли, человекъ честный и замѣчательный) — эти *national-schools* не представляютъ тѣхъ результатовъ, какіе отъ нихъ ожидалось. Въ нихъ теперь сдѣлана брешь священниками обоихъ вѣроисповѣданій, въ особенности католическими, и друзья этихъ учреждений съ грустью признаются, что этотъ великій опытъ до сихъ поръ имѣлъ только проблематическій успѣхъ. Мѣстное духовенство не желаетъ суще-

ствованія заведеній, которыя, по ихъ мнѣнію, могутъ послужить къ уменьшенію ихъ власти, и изъ теократовъ, неограниченно господствующихъ надъ невѣжественнымъ населеніемъ, превратить ихъ въ простыхъ гражданъ, въ людей съ вѣсомъ или даже безъ вѣса. Любовь въ юношахъ и честолюбіе въ людяхъ зрѣлыхъ, безъ сомнѣнія, суть сильныя страсти, но духъ господства въ кастѣ, осужденной на безбрачіе, еще сильнѣе: онъ доводитъ свои жертвы до сумасбродства, до настоящаго изступленія и заставляетъ ихъ пренебрегать себѣ, даже самими собой. Притомъ католическіе аббаты, не бывъ признаны государствомъ и живя только случайными доходами, опасаются, чтобъ эти доходы не уменьшились вслѣдствіе успѣховъ народнаго образованія, которое, по ихъ мнѣнію, сдѣлаетъ часть народа равнодушною къ духовенству, а слѣдовательно и подорветъ его интересы.

Поэтому ирландскіе клерикалы сопротивляются умственной эмансипации своего народа, которая можетъ быть достигнута путемъ свѣтскаго образованія. Вообще говоря, римско-католическая религія не слишкомъ содѣйствуетъ къ развитію нравственности. Народы, которые она воспитываетъ, не отличаются избыткомъ совѣсти. Исповѣдь, въ томъ видѣ, какъ она производится въ нашихъ западныхъ странахъ служитъ не слишкомъ хорошею школою стыдливости для нашихъ дѣвушекъ и женщинъ.

Еще разъ замѣтимъ, что мы не намѣрены оправдывать ни англиканскую церковь, ни англійскихъ землевладѣльцевъ, ни англійское правительство. Мы указали на несправедливости, совершенныя и тою. и другою стороною, упомянули, что, начиная съ Роберта Пяля, дѣлались постоянныя попытки къ улучшенію несчастнаго состоянія Ирландіи. Но когда несправедливость опустошила страну, когда съ одной стороны заговорила тиранія, а съ другой ей отвѣчала ненависть, когда умирающіе, при послѣднемъ своемъ издыханіи, провозносили проклятія противъ своихъ побѣдителей, и когда ихъ кости еще трепещутъ въ могилахъ отъ безсильнаго гнѣва, тогда недостаточно либерализма нѣсколькихъ молодыхъ государственныхъ секретарей для того, чтобы излечить раны людей оставшихся въ живыхъ, и заставить ихъ забыть прошедшее. Это было бы ужъ черезъ-чуръ удобно. Несчастіе всякаго несправедливаго поступка въ томъ именно и заключается, что послѣдствія его продолжительны. Раззорившихся землевладѣльцевъ замѣнили землевладѣльцы, имѣвшіе деньги, но крестьянинъ все еще остался раззореннымъ; онъ платитъ

дурному землевладѣльцу только подѣ страхомъ быть изгнаннымъ; что касается до землевладѣльцевъ сострадательныхъ, то имъ не разъ приходилось сожалѣть о своей добротѣ; не разъ случалось, что человекъ, считавшій себя благодѣтелемъ своихъ фермеровъ, палъ отъ пули, пушенной въ него изъ-за какого нибудь куста. Всѣ жители села знали убійцу, имя его переходило изъ устъ въ уста, онъ былъ задержанъ служителями правосудія, производилось слѣдствіе, и что же? Сотня людей, одинъ за другимъ, ложно присягали въ пользу убійцы! Въ Лондонѣ, одинъ ирландскій пэръ, библиоманъ и человекъ либеральный, недавно умершій, показывалъ мнѣ одежду изъ буйволочной шерсти: «Эту одежду не въ состояніи пробить пуля,» говорилъ онъ мнѣ съ торжествомъ: — «это мой дорожный костюмъ; я его надѣваю, когда иду осматривать свои владѣнія».

На всѣ попытки Англій къ примиренію Ирландія отвѣчаетъ и будетъ еще долго отвѣчать недовѣріемъ. Вице-короли, опредѣляемые Вигами, смѣнялись одинъ другимъ, одинъ за другимъ тащовали съ прелестными дублинскими дамами, изгоняли ихъ свверныхъ супруговъ и ласкали значительныхъ землевладѣльцевъ, а между тѣмъ бѣдный народъ все еще не примирился съ своимъ положеніемъ.

Ничто не можетъ быть нелѣпѣе идеи возстанія Ирландіи противъ Англій. Попытка, сдѣланная въ этомъ отношеніи Мегеромъ и О'Бриеномъ, которой дано было шутовское названіе *возстаніе въ огородѣ, засѣянномъ капустой*, эта попытка возбудила сильный смѣхъ въ Шотландіи, въ Англій и въ графствѣ Уейльскомъ. И однакожъ значительная часть ирландцевъ постоянно участвуютъ въ какомъ нибудь заговорѣ противъ лондонскаго правительства. Послѣ заговора такъ называемыхъ white boys возникъ другой, подѣ названіемъ gibbonism, а теперь явились такъ называемые feenians. Тайственные пароли постоянно переходятъ изъ устъ въ уста, въ особенности чрезъ посредство странствующихъ наставниковъ, такъ называемыхъ hedge school masters. Мѣсяца два тому назадъ въ Revue Germanique напечатана была формула пріема въ одно изъ такихъ обществъ, учрежденныхъ для всеобщаго истребленія протестантовъ. Недавно означенные выше feenians составили публичное собраніе, въ которомъ ораторы ихъ ругали Англію и ея тиранію въ присутствіи констэблей, важно расхаживавшихъ посреди толпы для сохраненія цорядка, а на другой день ихъ рѣчи цѣликомъ напечатаны были въ журналахъ. Конечно, правительство должно чувствовать себя весьма сильнымъ, чтобы не обращать вниманія на своихъ враговъ и смотрѣть на нихъ

съ такою великодушною безпечною. Впрочемъ и то сказать, оно немного рискуетъ, поступая такъ великодушно. Ирландскіе патриоты находятся въ самой нелѣпой, безвыходномъ положеніи, какое только можно себя представить. Народонаселеніе Ирландіи съ каждымъ днемъ уменьшается въ значительной пропорціи и шансы на возстаніе со стороны ирландцевъ также убываютъ съ каждымъ судомъ, переправляющимъ за Атлантическій океанъ цѣбтъ ирландскаго юношества. Ирландія въ нѣкоторомъ смыслѣ исчезаетъ, и если это будетъ такъ продолжаться, то для ирландскихъ патриотовъ наконецъ не будетъ отечества. Къ тому-же эти патриоты не имѣютъ никакой поддержки на континентѣ; здѣсь они могли бы найти себѣ союзниковъ, но противъ нихъ они возбуждены своими добрыми друзьями іезуитами по той весьма простой причинѣ, что лучшіе люди Европы враждуютъ съ католицизмомъ. Самъ Гарибальди — онъ-то въ особенности — не удостоился благосклонности ирландскихъ патриотовъ. Мы видѣли, какъ два года тому назадъ, во время смутъ, происходившихъ въ Гайдъ-паркѣ, въ Лондонѣ, ирландскіе переселенцы бросались на присутствующихъ, крича: «Да здравствуетъ папа! Да погибнетъ Гарибальди! Да погибнуть итальянцы! Да здравствуетъ Ирландія!» Въ Ливерпулѣ они поступили еще хуже: они жестоко избивали нѣсколькихъ итальянцевъ; въ Биркенгедѣ они опустошили дома, все крича: «Да погибнетъ Гарибальди!» Друзей его эти добрые Паиди весьма естественно смѣшиваютъ съ людоедами и другими подобнаго рода ужасами. Неудивительно, что ультрамонтанская реакція нѣкоторое время желѣла мысль вербовать между ними солдатъ для папы. Ламорисьеръ нѣсколько сотенъ изъ нихъ одѣлъ зуавами. Это былъ сбродъ разныхъ негодяевъ. Полагали, что они будутъ творить чудеса; но вскорѣ оказалось нужнымъ распустить ихъ, послѣ того, какъ сдѣланы были тщетныя попытки водворить между ними дисциплину. Ихъ нелѣпно возвратили въ Ирландію. Это однакожъ не помѣшало духовенству встрѣтить ихъ торжественно съ звуками трубъ и съ пѣснями побѣды, которыя должны были заглушить шумъ Кастельфидардо. Въ то-же время Пій, епископъ города Поатъе, произнесъ знаменитую апофеозу въ честь Гигели, естественнаго плута, который при этомъ случаѣ превращенъ былъ въ кавалера Мадонны.

Этимъ несчастнымъ ирландцамъ не доставало только вѣстѣ съ папою и католическимъ духовенствомъ принять сторону рабовладельцевъ юга противъ аболіціонистовъ сѣвера. Къ этому ихъ сильно

подстрекала ревность къ соотечественникамъ, переселившимся въ Соединенные Штаты, и которые для добыванія пшеничнаго хлѣба соперничаютъ съ невольниками въ однихъ и тѣхъ-же работахъ.

И вотъ валь цѣлая нація, состоящая изъ нѣсколькихъ милліоновъ людей, которая вопіетъ противъ несправедливости, намѣрена встать противъ угнетенія и требуетъ для себя свободы и независимости, а между тѣмъ объявляетъ себя врагомъ свободы французской и независимости итальянской. Она хочетъ принять сторону нантаторовъ юга, требующихъ уже возстановленія торговли бѣлыми невольниками и рабства ирландцевъ, переселившихся въ Люизиану, Виргинію и на Каролинскіе острова. Боже ты мой! Можно-ли такъ заблуждаться ереси бѣлаго дня XIX столѣтія! Сдѣлаться кармелитскимъ монахомъ, отцомъ камушиномъ, полицейскимъ шпиономъ, іезуитомъ,—это весьма понятно: тутъ всегда что нибудь да выиграешь. Но надо быть совершеннымъ невольникомъ, какъ ирландецъ, чтобы добровольно, въ качествѣ инсургента, мятежника и бунтовщика, вступить на службу господъ Мерода и Виземана и принять сторону партіи, геніями-руководителями которой служатъ Тюамъ, докторъ Кулленъ и Доново Кортесъ, а государственными людьми—гг. Кожиль, аббатъ Штрель и редакторы журналовъ Index, Tablet и старой Gazette de France!

Еще одинъ вопросъ: какова будетъ будущность Ирландіи? Угадать это весьма трудно. Одно только должно замѣтить, что ирландцы выказываютъ рѣшительное отвращеніе къ современному прогрессу, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется имъ ихъ врагами, англичанамъ, и передъ которыми они исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезали краснокожіе индѣйцы передъ англо-саксами. Ирландцы однакожь увеличиваются въ числѣ; они производятъ на свѣтъ множество дѣтей, которыя, бывъ воспитаны на овсяной крупѣ и картофелѣ, дѣлаются превосходными мальчанами и прекрасными дѣвушками. Но съ тѣхъ поръ, какъ голодъ похитилъ до 600,000 жителей, ежегодно до ста тысячъ человѣкъ покидаютъ свое любимое отечество, которое имъ должно назаться проклятымъ. Ихъ мѣста занимаютъ англичанами и шотландцами. Эмигранты отправляются въ колоніи Австраліи и Канады, и въ особенности въ Соединенные Штаты, которые сдѣлались ихъ приемнымъ отечествомъ и гдѣ они плодятся и умножаются, какъ на своей первобытной родинѣ, такъ что въ настоящее время въ американской Униі болѣе находится ирландцевъ, чѣмъ въ Европѣ. За недостаткомъ образованія эти эмигранты большею,

частью нанимаются въ работники и занимають только низкія мѣста въ обществѣ. Но ихъ дѣти, преобразованные воспитаніемъ, какое дается въ республикахъ сѣвера, самымъ полнымъ и самымъ разумнымъ изъ всѣхъ, по наступленіи совершеннолѣтія, начинаютъ заниматься дѣлами, вступаютъ въ гражданскія и разныя другія должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтають почетъ. Само собою разумѣется, что когда какой нибудь племянникъ изъ Америки посѣщаетъ своихъ дядей и двоюродныхъ братьевъ въ Ирландіи, то можно замѣтить значительную разницу между тѣмъ, чѣмъ сдѣлался одинъ, и тѣмъ, чѣмъ остались другіе.

Каковы бы ни были недостатки ирландцевъ, они въ самой высокой степени отличаются любовью къ роднымъ. Первые деньги, добываемыя эмигрантами, посылаются ими на родину, чтобы доставить ихъ родственникамъ и друзьямъ средства переправиться черезъ океанъ. Съ этою цѣлью ежегодно отправляется въ Ирландію тридцать милліоновъ.

Съ перваго раза казалось бы, что Англія должна радоваться этому двойному явленію: уходу изъ Ирландіи ненавистныхъ туземцевъ и замѣнѣ ихъ переселенцами, преданными англійскому правительству. Еще никакъ нельзя предвидѣть моментъ, когда прекратится эта замѣна однихъ другими. Уже расчитываютъ эпоху, когда въ Ирландіи не будетъ болѣе ни одного ирландца, когда эта страна превратится въ обширный лугъ, откуда будутъ добываться масло и мясо для англичанъ, въ огромную ферму, принадлежащую Англіи, и которою будутъ завѣдывать нѣсколько шотландцевъ. «Вотъ видите,» воскликнуть тогда нѣкоторые близорукіе политики, — «къ чему нибудь да пригодилась несправедливость!»

Ничто не пропадаетъ: таковъ законъ въ мірѣ физическомъ, таковъ же законъ и въ мірѣ нравственномъ. Ирландія, не существующая болѣе въ самой Ирландіи, возстановляется въ Америкѣ, правда, не какъ независимое государство, но какъ присоединившійся народъ, состоящій изъ враговъ Англіи, противъ которой ирландцы, превратившись въ гражданъ Сондиенныхъ Штатовъ, постоянно возбуждаютъ свое новое отечество. Недавно еще, когда возникъ вопросъ о войнѣ между этими двумя націями, ирландцы по ту и другую сторону океана пришли въ неописанный восторгъ и предложили построить цѣлый флотъ корсарскихъ судовъ. Уже разсуждали о томъ, какой можно имѣть успѣхъ, если высадить армію волонтеровъ въ Коркъ, Лайприкъ или Валенціи. Конечно, было бы весьма рискованно предсказывать успѣхъ этому предпріятію: минута возмездія еще не

наступила. Но все заставляет думать, что хромая Немезида наконец достигнет Великобританію и что эта страна, рано или поздно, должна будет заплатить Ирландіи свой долгъ съ процентами и подвергнуться униженію за притѣсненія, сдѣланныя ирландцамъ.

Въ Швейцаріи, какъ и въ Ирландіи, соперничество между католиками и протестантами даетъ включъ къ разъясненію всѣхъ политическихъ происшествій.

Читателямъ «Рус. Слова» уже нѣсколько извѣстна замѣчательная личность Фази, вождя радикальной партіи въ Женевѣ и, послѣ революціи 1846 года, полного диктатора въ женевскомъ кантонѣ. Благодаря ловкости этого человѣка, Женева перестала служить убѣжищемъ европейской реакціи и септаторскаго застоя кальвинистовъ. Фази нейтрализовалъ вліяніе старой аристократической партіи и далъ городу совершенно новый видъ. Народонаселеніе Женевы, подъ его управленіемъ, почти удвоилось, доходы увеличились, промышленность разцвѣла и притокъ эмигрантовъ — людей способныхъ и образованныхъ, внесъ новые элементы въ общественную дѣятельность женецевъ. Но эти реформы, разумѣется, не могли не коснуться оригинальности стараго кальвинистскаго города, надо было уничтожить нетерпимость католическаго населенія и открыть свободный доступъ всѣмъ выходцамъ, желавшимъ поселиться подъ покровительствомъ республики, и въ особенности савойцамъ; надо было не только ослабить, но совершенно разрушить прежнюю систему управленія, почти триста лѣтъ сосредоточенную въ рукахъ нѣсколькихъ привилегированныхъ семей, которыя считали себя законными собственниками женевского кантона. Взаимная ненависть, накопившаяся съ годами, и постоянная вражда этихъ семей помогли перевороту Фази и дали ему возможность совершить его руками самихъ враговъ этого переворота.

Такимъ образомъ старая консервативная партія, обремененная всевозможными злодѣяніями феодальнаго времени, принуждена была смолкнуть. Она, гордая и суровая, увидѣла себя у ногъ молодого *авантюриста*, г. Фази; она скрежетала зубами, чувствуя, что ея древнія права и привилегіи исчезали съ каждымъ днемъ; она находила себя слишкомъ слабой, чтобы сопротивляться новому порядку, и слишкомъ гордой, чтобы подчиняться ему безусловно. Вотъ почему, нынѣшнія выборы дали ей случай прибѣгнуть къ слѣдующему ма

неверу. Важнѣйше реакціонеры, подъ маской *независимыхъ*, объявили себя на сторонѣ радикаловъ, защитниками реформъ, но недовольными управленіемъ Фази, какъ представителя республики.

Этимъ маневромъ они хотѣли низложить вождя враждебной имъ партіи и такимъ образомъ, овладѣвъ управленіемъ, сбросить маску и провозгласить старый порядокъ вещей. Нѣтъ сомнѣнія, что съ удаленіемъ Фази имъ посчастливилось бы одержать рѣшительную побѣду. Съ этою цѣлю они предложили въ президенты государственнаго совѣта вмѣсто Фази г. Шеневьеръ. При подачѣ голосовъ кандидатъ *независимыхъ* имѣлъ за себя большинство 300 голосовъ. Слѣдовательно успѣхъ реакціонеровъ былъ блестятельный. Но когда дѣло дошло до повѣрки самыхъ голосовъ, то партія радикаловъ, не предвидѣвшая такого пораженія, ухватилась за этотъ простой и чисто-формальный случай, чтобы уничтожить авторитетъ выборовъ. И онъ дѣйствительно былъ уничтоженъ. *Независимые*, видя, что побѣда вырывается у нихъ прямо изъ зубовъ, составляютъ процессію и торжественно провозглашаютъ г. Шеневьера. Но этого имъ мало; они осаждаютъ городскую ратушу и зная, что исполнительная власть вообще состоитъ изъ приверженцевъ Джемса Фази, изъ людей вооруженныхъ, запираютъ на ключъ государственный совѣтъ и объявляютъ его своимъ плѣннымъ. Такой грубый и насильственный поступокъ былъ сигналомъ къ возстанію. Радикалы бросились къ арсеналу, овладѣли оружіемъ, напали на толпу г. Шеневьера, шедшую по улицѣ du Mont Blanc, и расстрѣляли ее выстрѣлами. Были убитые и раненые. Партія реакціонеровъ, выслала парламентаровъ, но радикалы не хотѣли положить оружія до тѣхъ поръ, пока не получатъ приказанія государственнаго совѣта.

Обѣ партіи разошлись въ отчаяніи, но вдругъ два баталіона вдуазской милиціи прибыли въ Женеву. Федеральныи совѣтъ послалъ новыя подкрѣпленія (3000 солдатъ) и принялъ верховный судъ надъ этимъ дѣломъ; онъ утвердилъ авторитетъ выборовъ, назначеніе г. Шеневьера, арестовалъ десять гражданъ, принадлежавшихъ обѣимъ партіямъ. Джемсъ Фази, приглашенный къ суду, предпочелъ бѣжать въ Швейцію, оправдываясь тѣмъ, что волненіе горда угрожало его жизни. Это малодушіе вождя партіи есть политическое самоубійство для него; оно уронило Фази въ глазахъ не только враговъ, но друзей его, оно лишило его довѣрія въ глазахъ всего женевского кантона.

Женевское побоище дѣлается менѣе печальнымъ въ виду того успѣха, которымъ увѣнчалась ассоціація, основанная г. Гаври Дюна-

номъ. Эта филантропическая ассоціація имѣеть цѣлю покровительство раненныхъ на полѣ битвы. Предварительная конвенція была подписана депутатами Англїи, Франціи, Бельгїи, Испанїи, Португалїи, Италїи, Швейцарїи, Нидерландовъ, Данїи, Пруссїи, Виртемберга, Бадена и Гессена. Ассоціація этихъ государствъ постановила, чтобы раненные и медики, на основанїи международного права, признавались лицами нейтральными и неприкосновенными. Мы радуемся этому гуманному союзу народовъ, но въ то же время анаемъ, какъ непрочно эти дипломатическіе договоры, часто нарушаемые прежде, чѣмъ успѣють высохнуть чернила, которыми они пишутся. Гдѣ же, кромѣ нравственной гарантіи, болѣе твердое ручательство за то, что безумная игра силы, проявляющейся въ войнахъ, подчинится требованїямъ конвенціи? Кто будетъ судить, напримѣръ, Францію, если она послѣ побѣды надъ австрїйцами не станетъ церемониться съ ихъ ранеными и докторами? Какими уставами международного права можно смягчить взаимное озлобленіе воюющихъ націй и свѣрѣпость солдатъ, обязанныхъ истреблять своего противника безъ всякой пощады? Гуманныя мечты, создаваемые на международномъ правѣ, всегда оставались не болѣе, какъ прїятными мечтами.

Останавливаясь на Италїи и на той мучительной агонїи, которую испытываетъ Римская область, мы не можемъ не пожелать Пію IX побольше силы, но поменьше лютоги его кардиналамъ. Кажется, они такъ укрѣпили себя противъ ядовитаго вліянія духа времени, общественнаго мнѣнія, что могутъ съ спокойной совѣстью совершать все, что имъ благоугодно. Дѣло впрочемъ идетъ о бездѣлицѣ, о сынѣ бѣднаго еврея. Нѣкто Мишель и Фортуната имѣли одиннадцатилѣтняго сына, отданнаго въ ученіе сапожнику. Одинъ аббатъ, испущенный прѣкрасными глазами, умной физиономїей и кротостью мальчика, рѣшился спасти эту отроческую душу отъ ереси и обратить ее на путь истинный. Планъ аббата былъ очень простъ. Онъ отдалъ починить свои сандаліи, попросивъ мальчика принести ихъ къ нему на домъ. Черезъ нѣсколько часовъ мальчикъ явился съ починенными сандаліями и встрѣтилъ аббата выходящимъ изъ дверей. Священникъ предложилъ мальчику великолѣпную прогулку, и когда тотъ согласился, онъ посадилъ его въ карету и отправился съ нимъ прямо въ одну изъ католическихъ базиликъ. Вошедъ въ нее, онъ приказалъ запереть двери и насильственно окрестилъ его, не смотря на крики и слезы несчастнаго отрока. Ни просьбы отца и мате-

ри, ни протестъ самыхъ богатыхъ евреевъ Рима, ни виѣшательство могущественнаго посланника Люи Наполеона—ничто не помогло спасти мальчика. Всѣмъ давался одинъ отвѣтъ: *non possumus, non possumus*. Такимъ образомъ маленькаго еврея сдѣлали христіаниномъ насильно, посредствомъ обмана и похищенія. Это третіе или четвертое повтореніе исторіи Мортары.

Въ Туринѣ наконецъ пало вялое, много говорившее и ничего недѣлавшее министерство. Въ головѣ новаго министерства становится Ламармора, съ которымъ мы познакоимъ нашихъ читателей въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Вопросъ о перенесеніи столицы итальянскаго королевства въ Римъ почти рѣшенъ; правительство и народъ смотрять на это событіе, какъ на послѣднее усиліе Италіи освободиться отъ ненавистной иностранной опеки.

Нынѣшній августъ, — вообще одинъ изъ самыхъ спокойнѣйшихъ мѣсяцевъ во Франціи, — только и отличался тѣмъ, что отпраздновалъ не въ примѣръ другимъ августамъ свой обычный праздникъ въ честь св. Наполеона.

Города и цѣлыя провинціи состязались въ этомъ торжествѣ, какъ древніе греки на олимпійскихъ играхъ. Такъ, огни и ракеты Парижа ничего не значили въ сравненіи съ огнями Лимажа. Честь этого несчастнаго города сгорѣла съ честью возлюбленнаго императора. Сгорѣлъ цѣлый кварталъ и множество улицъ; вѣтеръ разнесъ дымъ и запахъ пожара до берега моря, т. е. на 150 километровъ разстоянія, и только послѣ 18 часовыхъ, отчаянныхъ усилій, удалось остановить огонь. Официальныя газеты приглашаютъ насъ удивляться энергіи, искусству, хладнокровію и рѣдкому присутствію духа дивизионнаго генерала, префекта, мера, генеральнаго секретаря, президента, императорскаго прокурора, помщниковъ мера, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ.

Въ С. Этьеннѣ герцогъ Персинья произнесъ весьма длинную рѣчь, въ которой старался доказать, что нигдѣ нѣтъ столько свободы, какъ во Франціи императорской и демократической. Заключение этой рѣчи дѣйствительно замѣчательно. «Съ этихъ поръ мы можемъ смѣло утверждать, что наши учрежденія имѣютъ основаніемъ одинъ изъ самыхъ практически-либеральныхъ вопросовъ, какіе только существовали на свѣтѣ;— мы можемъ смѣло утверждать, что отдѣливъ правительственную власть отъ свободы, для того, чтобы сдѣлать ихъ независимыми другъ отъ друга. Позволивъ свободѣ развиваться свободно, не нарушая

значенія власти,—конституція совершила величайшее благодѣаніе, какое только можетъ быть оказано народу.

«Европа, бывшая изумленною свидѣтельницею всего величія настоящаго царствованія, свидѣтельницею соединенія славы оружія съ внутреннимъ благосостояніемъ,—начинаетъ уже смотрѣть съ такимъ-же изумленіемъ на нашу свободу. Она не можетъ не удивляться этому порядку, этой безопасности, въ одно и то же время такъ чудно обеспеченнымъ нашею государственною организаціею и такъ блистательно облагороженнымъ нашими общественными обсужденіями дѣла.»

«Что касается до нашей страны, то она, счастливая тѣмъ, что вышла наконецъ на свою естественную дорогу, гордая сознаніемъ, что ея свобода выше всѣхъ свободъ міра,—съ довѣріемъ полагается на силу своихъ государственныхъ учрежденій.»

«Она понимаетъ теперь, что ей суждено увидѣть осуществленіе прекрасной мысли Монтескье, что великіе люди производятъ великія учрежденія, а великія учрежденія, въ свою очередь, производятъ великихъ людей.»

«Поэтому имѣю честь предложить вамъ тостъ: за императора Наполеона III! За основателя свободы во Франціи!» Второй тостъ, конечно, былъ за великихъ людей, подобныхъ гг. Морни съ братіей.

Это говорилось при началѣ *процесса тринадцати*. Въ томъ самомъ номерѣ *Монитера*, гдѣ появились эти замѣчательныя слова, было объявлено о запрещеніи нѣсколькихъ либеральныхъ газетъ, особенно провинціальныхъ. Планъ скорого похода противъ большихъ парижскихъ журналовъ еще не окончательно рѣшенъ; но между тѣмъ такъ называемой маленькой прессы приходится выдерживать весьма опасныя нападенія. Мѣра, которою правительство сильно хвалится, состоитъ въ учрежденіи маленькаго *Вечернаго Монитера*, по одному су за номеръ; чтобы продолжить эту прекрасную выдумку, оно хочетъ основать еще одну оффиціальную, еженедѣльную газету. Такимъ образомъ, во Франціи будетъ четыре Монитера: *Оффиціальныи Монитеръ французской имперіи*, *Монитеръ Коммуны*, *Вечерній Монитеръ* и, наконецъ имѣющій скоро появиться — *Монитеръ Воскресный*. Такимъ образомъ съ этихъ поръ Франція можетъ называться не только императорско-демократическою и апостолически-католическою, но и журнально-патріотическою, что все вмѣстѣ будетъ значить: первая свободная страна въ мірѣ.

За неимѣніемъ особенно важныхъ новостей, всѣ въ прошедшемъ мѣсяцѣ были больше всего заняты убійствомъ, совершеннымъ на

югъ Франціи. Старый свряга, котораго считали непошрно богатымъ, жилъ въ одномъ замкѣ съ тремя слугами. Вдругъ замѣтили, что разбойники пробрались въ его домъ, ограбили его, и вскорѣ было найдено четыре трупа. Подробности этого преступленія ужасны. Подозрѣніе пало на одного уличнаго комедьянта, который ходилъ съ ярмарки на ярмарку и давалъ разнохарактерныя представленія. Схватили также нѣкоего Латура, отчаяннаго негодяя, который, какъ говорятъ, натравилъ на скрагу этого свирѣпаго гладіатора. Судъ приговорилъ комедьянта къ вѣчной каторжной работѣ, а Латура — къ смертной казни.

Узнавъ объ этомъ приговорѣ, Латуръ громко закричалъ: Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императоръ! и еще разъ, да здравствуетъ императоръ!

— Обвиненный — сказалъ президентъ — вы имѣете три дня сроку для апелляціи.

— Идите, стройте висѣлицу, — отвѣчалъ Латуръ.

Надѣялись, что обвиненные будутъ апеллировать, что дѣло будетъ переислѣдовано. что при новомъ слѣдствіи оно болѣе уяснится; хотя никто не сомнѣвается, что эти два чедовѣка — убійцы, но прямыхъ доказательствъ нѣтъ. Однакожъ осужденный на смерть укрѣпляетъ, что приговоръ, произнесенный надъ нимъ, ничто иное какъ *стратегическая хитрость*, употребленная для того, чтобы заставить его сознаться въ томъ, чего онъ не знаетъ, а комедьянтъ продолжаетъ говорить: «Мнѣ хотѣлось бы быть участникомъ этого преступленія, чтобы имѣть возможность рассказать о немъ что нибудь.»

Какъ жалко, что внимательная публика, неусыпно слѣдящая за каждымъ волоскомъ въ бородѣ Наполеона III, не замѣчаетъ, что дружба между императоромъ французомъ и лордомъ Пальмерстономъ снова возстановилась, — но въ официальныхъ газетахъ Франція и Испанія много толковали о союзѣ, будто бы заключенномъ наконецъ между политикою французскою и политикою испанскою, — подтѣнами, такъ сильно запутавшими мексиканскую экспедицію. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ открытія сѣверо-испанской желѣзной дороги, мужъ королевы, донъ Франциско д' Ассия въ Парижѣ, чтобы въ свою очередь поклониться императору Бонапарту. Въ Сенъ-Клу происходилъ торжественный приемъ. На другой день, на основаніи программы празднествъ, были «интимные разговоры между двумя величествами». На третій — опять приемъ, на который сбѣжались мальтійскіе кавалеры въ своихъ красныхъ мундирахъ, кавалеры Санъ-

съ вышитою краснымъ шелкомъ на груди большою шпагою правосудія, кавалеры Алвантары въ своихъ длиннѣйшихъ бѣлыхъ плащахъ, кавалеры Калатравы, кавалеры Монтезы, кавалеры ордена башни и меча для истребленія евреевъ, мавровъ и невѣрныхъ. Всѣ ордена католическаго христіанства сошлись сюда. Еврейскіе банкиры также блистали въ этомъ собраніи. Многіе изъ костюмовъ, носившихся нѣкогда великими инквизиторами, снова появились въ 4 вечеръ празднествъ, при парадномъ представленіи въ оперѣ. — На пятый день — большой смотръ; войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ предъ ихъ величествами. Злые языки рассказывали, что хотя донъ-Францискъ и облеченъ званіемъ главнокомандующаго испанскими войсками, но всѣ доблести его заключаются только въ его супружескихъ несчастіяхъ; рассказывали также, что онъ умѣетъ ѣздить только на одной лошади, и что эту лошадь нарочно привезли изъ Мадрида въ Парижъ, для того, чтобы всадникъ могъ съ честью присутствовать на этомъ смотрѣ. — Везеромъ пятаго дня — *интимный балъ*. На шестой день — празднество въ Версали, новый парадный спектакль, потомъ фейерверкъ, блистательнѣйшій и почти волшебный.

Такъ какъ этимъ фейерверкомъ, очевидно, ратификовался союзъ между двумя монархами, то послѣ него оставалось только разстаться. Бѣлые, черные, красные и еніе плащи, ботфорты и большія шпаги правосудія, — все это было уложено въ ящики и чемоданы, и кавалеры, банкиры и дипломаты пропѣли знаменитый куплетъ:

Retirez-vous gens de la noce,
Retirez-vous chacun chez vous,
Notre fille est mariée и т. д.

Въ Германіи не происходило ничего особенно замѣчательнаго. Сеймъ, второстепенныя государства и великія державы все еще по прежнему обмѣниваются депешами, которыя какъ будто пропитаны уксусомъ; это все та же зависть, то же негодованіе и наконецъ та же неизвѣстность, которыя господствовали и прежде. Впрочемъ, происходило одно дѣло, въ pendant къ ренсбургскому. Сеймъ, чтобы отмстить, буде возможно, за оскорбленіе, нанесенное ему принцемъ Карломъ, отдалъ особыя приказанія страдательному герою Ренебурга, фонъ-Гакке. Вслѣдствіе этого, генералиссимусъ германскаго союза,

ставъ во главѣ ганноверскихъ войскъ, съ шумомъ вступилъ въ открытые и совершенно беззащитные города Рацбургъ и Мелленъ.

Этотъ поступокъ возбудилъ беспокойство въ Вѣнѣ и негодованіе въ Берлинѣ. За то въ Дрезденѣ, Карлсруэ и Штуттгартѣ раздавались крики торжества. Лордъ Пальмерстонъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія, императоръ Бонапартъ повторилъ еще разъ «inertia-sarientia», а датчане засмѣялись громко, но какимъ-то болѣзненнымъ смѣхомъ. Берлинскіе журналы все еще обвиняютъ Бейста въ подстрекательствѣ ганноверскаго правительства къ завоеванію Лауенбурга, который одно время принадлежалъ къ Ганноверу; органы, преданные политикѣ г. Бисмарка, видятъ въ этомъ поступкѣ оскорбленіе, нанесенное съ намѣреніемъ обѣимъ великимъ державамъ. Они спрашиваютъ, почему федеральныя войска заняли Лауенбургъ въ ту самую минуту, когда Данія уступала его Пруссіи и Австріи, которыя хотѣли вступить въ него въ силу законнаго документа? Полуофициальный берлинскій журналъ. *Zeidler Correspondenz* объявляетъ категорически: «Право обѣихъ великихъ германскихъ державъ ясно и опредѣленно; имъ однимъ принадлежатъ герцогства и Лауенбургское, и Шлезвигъ-Голштинское, и притомъ по праву завоеванія и вслѣдствіе уступки, сдѣланной королемъ Даніи.»

Все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что Пруссія, не смѣя еще требовать для себя всего Шлезвига и всей Голштиніи, сильно домогалась Лауенбурга и охотно приняла бы его въ вознагражденіе за военныя издержки, которыя она благоволила сдѣлать въ интересахъ Германіи. Ясно, что занятіе одной части этой страны федеральными войсками сильно мѣшаетъ осуществленію плановъ г. Бисмарка. Но за чѣмъ первую заботою этого дальновиднаго государственнаго мужа не было наводненіе Лауенбурга прусскими солдатами? Кто желаетъ достигнуть цѣли, тотъ не долженъ пренебрегать средствами.

Къ несчастію для Пруссіи, она не сумѣла сдѣлаться популярною ни въ Лауенбургѣ, ни въ герцогствѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ, гдѣ теперь нѣтъ и рѣчи о благодарности освободителямъ, которые все болѣе и болѣе становятся ненавистными. Туземные жители негодуютъ, что съ ними обращаются, какъ съ побѣжденными или какъ съ военноплѣнными, а не какъ съ братьями, дѣтьми одного и того же великаго германскаго союза. Они недовольны союзомъ прусскаго правительства съ мѣстными дворянами и высшимъ духовенствомъ. Феодальная администрація одинаково ненавистна, какъ для Пруссіи, такъ и для Шлезвигъ-Голштинскаго герцогства. Даже

«Фленсбургская Газета» объявляет, что мѣстные жители въ крайнемъ случаѣ готовы прибѣгнуть къ народному возстанію для изгнанія пруссаковъ, если берлинскій кабинетъ вздумаетъ навязать имъ временное правительство, не испрашивая ихъ согласія, и уничтожить ихъ хартію. Страна эта требуетъ восстановленія той конституціи, которая ей была дана въ 1848 году и которую претендентъ, Фридрихъ Аугустенбургскій, поспѣшилъ признать. Передъ носомъ самихъ пруссаковъ собираются народныя собранія, съ тѣмъ, чтобы протестовать противъ присоединенія къ Пруссіи и провозгласить права принца Аугустенбургскаго и восстановленіе конституціи. Вотъ какимъ образомъ Пруссія успѣла въ герцогствахъ и въ остальной части Германіи заставить полюбить пруссицизмъ, *das spezifische Preussenthum*. Даже въ Вѣнѣ, у союзниковъ, недавно пріобрѣтенныхъ, оказалось необходимымъ непосредственное вмѣшательство министра для того, чтобы воспрепятствовать появленію статей противъ прусскаго правительства по крайней мѣрѣ на время пребыванія въ Австріи короля Вильгельма. Въ Мекленбургѣ работники съ ножами нападаютъ на своихъ же товарищей изъ пруссаковъ. Въ Ганноверѣ пруссаковъ бьютъ дубинами. Въ тавернахъ саксонскихъ и виртембергскихъ также происходятъ драки между германцами съ одной стороны, и пруссаками съ другой. Въ самой Пруссіи образуются вооруженныя группы, нападающія на тѣхъ, кто сочувствуетъ прусскимъ интересамъ въ герцогствахъ. Такое явленіе было въ Эльберфельдѣ, въ Трептовѣ на Рейнѣ и въ Велаяу. Впрочемъ, жители этого послѣдняго города оправдываются, говоря, что они только мстили за нападеніе уланскихъ офицеровъ, которые во главѣ своихъ солдатъ побили и жестоко ранили офицеровъ ландвера, нехотѣвшихъ имъ отдать чести. Все это одказываетъ негодованіе и волненіе умовъ и всеобщее болѣзненное состояніе. Суматоха увеличивается съ каждымъ днемъ. Если такое положеніе дѣлъ еще будетъ развиваться въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то за войною датскою можетъ послѣдовать война гражданская.

Какъ бы то ни было, чѣмъ болѣе запутываются дѣла Германіи, тѣмъ болѣе нѣмцы гордятся своими блистательными внѣшними успѣхами: пораженіемъ Даніи — униженіемъ Англіи — ужасомъ, внушеннымъ великой Синей Бородѣ, Людовику Наполеону Бонапарту. Если нѣмцы ссорятся при раздѣлѣ добычи, то потому, что всякій приписываетъ себѣ побѣду: и Австрія, и Пруссія, и Саксонія, и Ганно-

веръ, и либералы, и феодалы, и сеймъ, и радикалы, и партіи военныхъ. Надо видѣть этихъ нѣмецкихъ либераловъ, съ какимъ они смиреніемъ краснѣютъ, когда имъ говорятъ о побѣдахъ при Альсенѣ, Дюпелѣ и Миссундѣ, которыя составляютъ торжество ихъ врага, Бисмарка; надо послушать ихъ рѣчи; что это за рѣчи!

Комментаріемъ этихъ рѣчей, между прочимъ, можетъ служить баррикатура, появившаяся отъ 23 августа въ берлинской газетѣ Tribune.

Представленъ двуглавый австрійскій орелъ, летающій надъ Атлантическимъ океаномъ. Одна изъ головъ этого гордаго пернатого украшена большою императорскою короною Мексики, а другая покрыта простою шляпою. Но одна изъ колоссальныхъ лапъ орла протягивается къ берегу, чтобы захватить корону Бразиліи, усыпанную алмазами и другими драгоценными камнями. Подъ этимъ рисункомъ написано: «Ein deutscher Zugvogel, der nach America auswandert», что по-русски означаетъ: нѣмецкая птица, улетающая въ Америку.

— Въ чемъ же заключается смыслъ этой загадки?

— Felix Austria nube, счастлива Австрія въ облакахъ. Говорятъ, что затѣвается бракосочетаніе эрцгерцога Виктора, брата Франца Юсефа австрійскаго и Максимилиана мексиканскаго, съ наследницею Бразиліи. Увѣряютъ, что императрица Софья взволнована и даже смущена открывающеюся передъ ней перспективою быть матерью трехъ императоровъ, въ одно и то же время царствующихъ надъ тремя огромными державами, — участь, которой до сихъ поръ, быть можетъ, не удостоивалась ни одна женщина въ мірѣ. Говорятъ также, что переговоры объ этомъ бракѣ значительно подвинулись впередъ, но что самый бракъ еще не заключенъ, потому что и въ Вѣнѣ, и въ Рио-Жанейрѣ хотятъ напередъ знать, какой исходъ будетъ имѣть опасная экспедиція, предпринятая въ Мексику. Такая предосторожность намъ кажется естественною.

Соединенные Штаты находятся теперь въ полномъ пароксизмѣ избирательной лихорадки. Воздухъ оглашается разными именами, криками и выдумками, и изъ этого сумбура телеграфу предоставляется выбирать для себя все, что ему вздумается. Народный голосъ произнесетъ свой приговоръ только 5 ноября. До тѣхъ поръ всякій распространитель ложныхъ извѣстій можетъ дать полный просторъ своему воображенію. Онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, увѣрять, что

президентъ Линкольнъ намѣренъ умолять о мирѣ начальника рабовладѣльцевъ, запертаго въ Ричмондѣ; онъ можетъ также утверждать, что въ западныхъ штатахъ земледѣльцы, утомленные войною, требуютъ ея окончанія даже цѣною національной чести. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, предшествующихъ выбору президента, распространяются всякаго рода клеветы, и мы можемъ надѣяться встрѣтить ихъ во всѣхъ депешахъ, во всѣхъ оффиціозныхъ корреспонденціяхъ.

Избранъ ли Макъ-Клееланъ въ кандидаты демократической партіи народнымъ собраніемъ въ Чикаго? Телеграфъ насъ объ этомъ еще не извѣщаетъ. *Молодой Наполеонъ* въ одно и то же время представляется и человекомъ мира, и генераломъ арміи, который лучше плотника Линкольна сдумаетъ продолжать войну. Его дыханіе въ одно и то же время и холодно, и горячо, какъ у сатира, въ баснѣ, и онъ изъ благоразумной предосторожности хранить молчаніе. Во всякомъ случаѣ, ему не безъизвѣстно, что миръ въ настоящее время совершенно невозможенъ. Онъ знаетъ, что мятежники отвергнуть всякое предложеніе не только о мирѣ, но даже о перемиріи, если имъ въ то же время не возвратятъ западную Виргинію, Кентукки, Теннесси, Миссури, Арканзасъ, нижнее теченіе Миссиссипи, берега Каролинъ, Пенсаколу, Новый Орлеанъ, Броунсвилль, потому что безъ этихъ земель и городовъ они не могутъ существовать. Можно ли хотя одну минуту думать, что Макъ-Клееланъ, еслибъ его избрали въ президенты американской республики, рѣшился бы въ самомъ началѣ своего правленія уступить рабовладѣльцамъ завоеванія, купленные столь дорогою цѣною въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ? Итакъ ему оставалось бы только продолжать войну, продолжать ее неумышленно до окончательнаго покоренія возмущившихся штатовъ. Но въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой причины его избрать. Линкольнъ уже довершаетъ дѣло, которое бы постарался довершить его соперникъ. Притомъ онъ нисколько не угрожаетъ американской свободѣ, существованіе которой Молодой Наполеонъ, наслѣдникъ шотландскаго перства, быть можетъ, подвергнулъ бы опасности. Впрочемъ, вѣроятно, Линкольнъ будетъ имѣть на своей сторонѣ около двухъ третей всѣхъ голосовъ. Онъ самъ говорилъ, что «лошадей должно мѣнять не во время самого бѣга».

Такъ какъ исходъ выборовъ въ значительной степени зависитъ отъ результата походовъ, предпринятыхъ въ Виргинію и Георгію, то въ настоящую минуту солдаты Уніи весьма кстати подвигаются впередъ на непріятельской территоріи. Грентъ одержалъ цѣлый рядъ

побѣдъ на сѣверѣ отъ рѣки Джемса, въ Дипботтомѣ, въ Дѣтшъ-Ге-пѣ: на югѣ Питерсбурга онъ послѣ кроваваго сраженія овладѣлъ желѣзною дорогою Вельдона, посредствомъ которой Виргинія сообщается съ сѣвѣрною Каролиною, а теперь его кавалерія съ успѣхомъ дѣйствуетъ на желѣзной дорогѣ Данвилля, соединяющей Ричмондъ со всѣми штатами юга. Если Грентъ окончательно уничтожить эту дорогу, то Ричмондъ со всѣхъ сторонъ окруженъ будетъ владѣніями Уніи. Уже теперь этотъ городъ можетъ считаться обложеннымъ, и рано или поздно онъ долженъ будетъ пасть въ силу самыхъ обстоятельствъ. Въ Георгіи, Шерманъ съ такимъ же успѣхомъ совершилъ подобную же операцію, какъ и Грентъ: онъ овладѣлъ желѣзною дорогою Месона, которая позволяла гарнизону Атланты получать съѣстные припасы и подрѣпленія изъ внутреннихъ частей этого штата. Наконецъ адмиралъ Фаррагутъ въ одинъ прекрасный день геройски занялъ бухту Мобилья.

Этотъ великій успѣхъ федеральнаго флота не уступаетъ, по важности своей, побѣдѣ, одержанной на Миссиссиппскихъ водахъ соединенными эскадрами Портера и Фаррагута. Овладѣвъ лиманомъ, въ который втекаетъ рѣка Мобиль, адмиралъ Уніи заперъ главные выходы, откуда конфедерация отпускала свой хлопокъ и гдѣ она принимала военные припасы. Онъ конфисковалъ или разрушилъ суда флотилии, которая мало по малу могла сдѣлаться весьма опасною. Онъ освободилъ свою собственную эскадру отъ утомительной блокадной службы, и теперь можетъ пятнадцатью судами увеличить флотъ, дѣйствующій передъ Чарльстономъ и Вильмингтономъ. Наконецъ, онъ далъ возможность сухопутной арміи идти на Мобиль и принудилъ Джефферсона Девиса уменьшить гарнизоны Ричмонда и Атланты, съ тѣмъ, чтобы доставить помощь угрожаемому городу. Впрочемъ, завоевана не одна бухта: два форта изъ трехъ, защищавшихъ два входа въ заливъ, также подпали власти уніонистовъ, а третій фортъ, совершенно уединенный, не можетъ долго держаться и долженъ въ свою очередь сдѣлаться федеральною цитаделюю.

Однакожь, прочтите лондонскій Таймсъ. Онъ вамъ скажетъ, что эти факты гораздо менѣе важны, чѣмъ клевета, сочиненная въ какомъ нибудь кабинетѣ пасторами и капиталистами.

Жакъ Лоренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Почему русскому лѣтописцу трудно быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ. — Доказательство нашей безтолковщины посредствомъ статистическихъ данныхъ. — Случайный характеръ дѣятельности русскаго человѣка. — Смертные случаи отъ пьянства и, какъ утверждаютъ наши статистики, отъ меланхоли. — Особенности смертныхъ случаевъ, упоминаемыхъ въ официальныхъ отчетахъ. — Семейныя драмы. — Пожары. — Увеличеніе числа ихъ со времени расширенія дѣятельности Страховыхъ отъ огня Обществъ. — Неудовлетворительная организація этихъ обществъ.

Кетле, посвятившій всю свою жизнь на собраніе и приведеніе въ порядокъ статистическихъ данныхъ въ различныхъ странахъ, еще въ тридцатыхъ годахъ доказательно высказалъ то положеніе, что всѣ дѣйствія человѣческія суть слѣдствія общихъ причинъ, порождающихъ извѣстныя послѣдствія помимо воли отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ общество. Рядомъ доказательствъ, извлеченныхъ изъ массы статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ въ разныхъ странахъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ цивилизаціи, имѣющихъ различныя законы, различный образъ мыслей, различныя понятія о нравственности и обычай, онъ доказалъ, что преступленія человѣка суть результаты не столько пороковъ отдѣльнаго лица, сколько ненормальнаго состоянія общества, въ которомъ живетъ преступникъ. «Опытъ съ совершенною ясностію, — говоритъ онъ, — подтверждаетъ то мнѣніе, которое съ перваго взгляда могло бы показаться пара-

доксомъ: *общество подготавливает преступленіе, а преступникъ есть только орудіе его совершенія*. Изъ всѣхъ преступленій убійство самое, по видимому, произвольное и неправильное, такъ что въ этомъ случаѣ трудно отыскать какой нибудь постоянный законъ, но опытъ показываетъ, что цифры убійствъ въ различныхъ государствахъ повторяются съ такимъ постоянствомъ и правильностью, что не только число убійствъ ежегодно почти одно и то же, но и орудія, служащія къ ихъ совершенію, являются изъ одной и той же среды... Все это очевиднымъ образомъ убѣждаетъ въ справедливости той мысли, что всѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ суть продуктъ всего состоянія общества въ данный періодъ.

Это положеніе, служащее основаніемъ исторіи, въ послѣдствіи повторилъ Бёкль, который рядомъ статистическихъ данныхъ доказалъ, что даже самыя прихотливыя человѣческія дѣйствія, по видимому исключительно зависящія отъ личнаго произвола человѣка, какъ напр. самоубійство, также подчиняются одному общественному закону человѣческаго развитія. Въ этомъ случаѣ общій законъ тотъ, что при данномъ состояніи общества, извѣстное число лицъ должно непременно наложить на себя руку. Въ различныхъ странахъ изъ году въ годъ мы встрѣчаемъ одну и ту же пропорцію лицъ, лишающихъ себя жизни, такъ что можемъ почти вѣрно предсказать число произвольныхъ смертей на каждый будущій періодъ, предполагая при этомъ, что въ общественныхъ условіяхъ не произойдетъ значительной перемѣны. Вотъ почему всѣ усилія законодателей, думавшихъ своими мѣрами уменьшить число самоубійствъ, оказывались постоянно несостоятельными; такъ осталось безплоднымъ вниманіе англійскаго правительства въ Бенаресѣ—воспрепятствовать топиться въ рѣкѣ; а въ самой Англійи усилія правительства парализируются присяжными, которые, не колеблясь, нарушаютъ присягу, объявляя покусавшихся на самоубійство невиновными.

Не только преступленія поражаютъ правильностью своего повторенія, говоритъ Бекль; даже число браковъ, ежегодно совершающихся опредѣляется не характеромъ и желаніями частныхъ лицъ, а общими фактами, надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Опытномъ послѣдняго столѣтія доказано, что число браковъ не имѣетъ никакого отношенія къ личнымъ чувствамъ, а опредѣляется уровнемъ заработной платы и цѣною на съѣстные припасы. Даже такой случай, какъ забывчивость, отличается общими

характеромъ необходимаго и неизмѣннаго порядка. Парижскій и Лондонскій почтамты обнародовали свои отчеты за нѣсколько лѣтъ о числѣ писемъ, на которыхъ писавшіе забыли выставить свой адресъ: число этихъ писемъ почти одно и то же ежегодно. Такимъ образомъ ежегодно одно и то же число лицъ забываетъ эту простую формальность, такъ что за каждый извѣстный періодъ можно предсказать приблизительно, у сколькихъ человѣкъ не достанетъ памяти въ этомъ пустомъ и по видимому случайномъ обстоятельстве.

Такимъ образомъ, если сумма всѣхъ человѣческихъ дѣйствій есть продуктъ состоянія общества въ данной періодъ, то, зная извѣстнымъ образомъ опредѣлившееся общественное состояніе, можно предсказать всѣ тѣ частные случаи человѣческой дѣятельности, которые необходимо должны быть вызваны на свѣтъ этимъ общественнымъ состояніемъ. Кетле говоритъ, что ежегодно мы находимъ почти то же самое число убійствъ, самоубійствъ и проч. не только въ общихъ цифрахъ, но по поламъ, возрастамъ, даже по орудіямъ преступленія. Цифры одного года до того вѣрно воспроизводятъ цифры предыдущаго, что можно предсказать цифры послѣдующаго.

Отсюда съ перваго взгляда современному лѣтописцу, которому не должны быть чужды факты изъ современной жизни русскаго человѣка, предстоитъ пріятная возможность сдѣлаться пророкомъ въ своемъ любезномъ отечествѣ. Зная напр., что въ настоящемъ году столько-то воровъ и грабителей было сослано въ Сибирь, современный лѣтописецъ можетъ предсказать, что и въ будущемъ году то же самое число воровъ и грабителей будетъ сослано въ Сибирь... Словомъ, принявши основное положеніе Кетле и Бекля, что всѣ факты человѣческой дѣятельности суть необходимые продукты состоянія общества въ данный періодъ, современный русскій лѣтописецъ можетъ изучать факты изъ современной русской жизни и, на основаніи ихъ, предсказывать будущее и пророчествовать, сколько душъ угодно.

Но эта возможность для русскаго лѣтописца быть пророкомъ въ своемъ любезномъ отечествѣ представляется возможностью только съ перваго взгляда. Не говоря уже о томъ, что роль пророка вообще роль рискованная и нелишенная многихъ непріятностей, дѣло въ томъ, что тѣ статистическія данныя, на основаніи которыхъ предстоитъ возможность предсказывать будущее русскаго человѣка, большею частію такого свойства, что изъ нихъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ и соображеній. Въ этомъ отношеніи наши статис-

тики изолгались самымъ непозволительнымъ образомъ и не только сочиняють и перевирають цифры, но даже иногда сочиняють чуть не цѣлые города. Недавно какой-то Александръ Петровъ, живущій въ Рѣжицѣ, городѣ витебской губерніи, жаловался, что въ памятной книжкѣ витебской губерніи, изданной статистическимъ комитетомъ, сказано, что въ Рѣжицѣ двѣ православныя церкви, между тѣмъ какъ тамъ существуетъ только одна; сказано, что церковь окружена бульваромъ, тогда какъ никакого бульвара нѣтъ во всемъ городѣ; лавки и присутственныя мѣста показаны въ такомъ мѣстѣ, въ какомъ они никогда не существовали; сказано, что въ городѣ есть публичный садъ, котораго въ немъ также никогда не было и проч. Прошу покорно вѣрить подобнымъ статистикамъ и, на основаніи сообщаемыхъ ими свѣденій дѣлать серьезно какія-бы то ни было соображенія...

Остается руководствоваться одними оффиціальными дапными и цифрами, которыя отъ времени до времени печатаются въ «Сѣверной Почтѣ» для всеобщаго свѣденія. Разсматривая цифры смертности, браковъ, убійствъ, грабежей и проч., вы вовсе не замѣчаете той правдивости и послѣдовательности, которыя указывали бы на то, что появленіе и характеръ этихъ фактовъ обусловливаются постоянными и правильными причинами. Тутъ, напротивъ, все выходитъ какъ-то случайно, а слѣдовательно и самыя причины, вызывающія факты подобнаго характера, также случайны. Несомнѣнно, что съ одной стороны этотъ случайный характеръ нашей дѣятельности обусловливается низкимъ уровнемъ общаго развитія русскаго народа, вслѣдствіе чего онъ болѣе подвергается вліянію всякаго рода случайностей, чѣмъ народы сравнительно болѣе образованные. «Изъ отличительныхъ чертъ прогрессивнаго экономическаго движенія образованныхъ народовъ», говоритъ Милль, «прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, по связи съ явленіями производства, постоянное и безграничное возрастаніе власти человѣка надъ природою. Наши познанія о свойствахъ естественныхъ предметовъ возрастаютъ быстрѣе и заразъ въ болѣе числѣ теперь направлений, чѣмъ въ какую либо предшествующую эпоху, и постоянно открываются просвѣты на невоздѣланныя еще поля, такъ что если гнетъ случайностей еще и силенъ, то онъ уменьшается съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ. А это уменьшеніе случайностей, помимо другихъ серьезныхъ послѣдствій, есть

одна изъ главнѣйшихъ причинъ улучшенія въ физическихъ условіяхъ жизни человѣка».

— Все это, взятое вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, даетъ особенный складъ жизни русскаго человѣка и особенный характеръ его дѣятельности. И какъ у насъ ни бѣденъ запасъ статистическихъ данныхъ, характеризующихъ эту жизнь и эти дѣянья, тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого права обходить ихъ величественнымъ молчаніемъ, потому что въ нихъ все-таки болѣе или менѣе обрисовывается жизнь русскаго человѣка.

Особенная безтолковость замѣчается въ тѣхъ крайнихъ выходахъ, въ которыхъ прибѣгаетъ русскій человѣкъ, когда ему жизнь насолить не въ мѣру. Живетъ онъ въ-проголодь десятки лѣтъ, и вдругъ порѣшаетъ съ собой, по видимому, безъ всякой достаточной причины. И отправляетъ онъ себя на тотъ свѣтъ какъ-то особенно просто, безъ всякой рисовки и той тонкой романтической борьбы, какую ухитряются при этомъ непременно находить наши отечественные романтики. Только изрѣдка какойнибудь грамотный оставитъ записку, что ему сдѣлался постылымъ бѣлый свѣтъ, и онъ рѣшился *умертвить себя чрезъ мокрую могилу* т. е. утопиться; а то большею частію просто безъ всякихъ разговоровъ сплететъ себѣ петлю изъ собственной пеньки и повѣсится, или подрѣжетъ себѣ жилы на горлѣ *ножемъ, сдѣланнымъ изъ серпа*. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ самоубійства поражаютъ васъ почти геройскимъ хладнокровіемъ. Такъ въ Полтавѣ 29 февраля зарѣзался Гавріилъ Мещеряковъ. «По дознанію оказалось, что Мещеряковъ въ три часа по-полудни, послѣ обѣда, пошелъ въ свою комнату, а жена его, въ ожиданіи приглашенныхъ на вечеръ гостей, легла отдохнуть. Когда гости пріѣхали, то квартировавшій у Мещерякова чиновникъ, Сидоренко, хотѣлъ пройти въ свою комнату, общую съ Мещеряковымъ; но нашелъ дверь въ нее запертою на крючокъ. Выйдя же на дворъ, онъ увидѣлъ въ окно, что Мещеряковъ рѣзалъ бритвою по горлу и кровь лилась ручьемъ, тогда Сидоренко сталъ кричать, чтобъ Мещеряковъ отворилъ дверь. Дверь ему отворилъ самъ Мещеряковъ, но тутъ же, подойдя къ кровати, схватилъ бритву, съ особенною силою рѣзнулъ себя по шеѣ и повалился на полъ». Этотъ медленный мучительный процессъ самоубійства поражаетъ своимъ тупымъ геройствомъ, свойственнымъ нашимъ Муціямъ Сцеволамъ.

По обнаруженнымъ «Сѣверною Почтою» свѣденіямъ, всѣхъ слу-

чаевъ самоубійства въ сорока восьми губерніяхъ за два мѣсяца (февраль и мартъ) было 184; слѣдовательно въ теченіи цѣлаго года 1104 или по 23 случая самоубійства на каждую губернію. Цифра самоубійствъ относится къ общей цифрѣ ненормальныхъ смертныхъ случаевъ отъ убійства, побоевъ, пьянства и проч., какъ 5 къ 100. Послѣднихъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ было всего: 1991; въ томъ числѣ женщинъ: 261, дѣтей 273; остальные $\frac{3}{4}$ всѣхъ смертныхъ случаевъ выпали на долю взрослыхъ мужчинъ.

Высказанное нами прежде положеніе, что жизнь русскаго человѣка сравнительно болѣе подвергается вліянію самыхъ нелѣпныхъ случайностей, оправдывается совершенно при разсматриваніи отдѣльно смертныхъ случаевъ по губерніямъ. Отыскать правильную зависимость этихъ смертныхъ случаевъ отъ вліянія постоянного общаго закона положительно невозможно; невозможно даже сдѣлать классификаціи этихъ случаевъ по родамъ смерти. Каждый умираетъ по своему, самостоятельно, оригинально, умираетъ отъ какойнибудь нелѣпѣйшей случайности. То упадетъ съ воза и убьется до смерти, то дереву упадетъ, земля обвалится и задушитъ, то на какомънибудь завод-колесомъ голову свернетъ или на винокурни упадетъ въ заторный чанъ и тамъ задохнется. Въ баню пойдетъ и угоритъ до смерти, въ печь попарится подѣзетъ и запарится до смерти, черезъ ледъ вздумаетъ пройти и въ прорубь попадетъ. Въ харьковской губерніи напр., одна дѣвочка *была съедена свиньями*; тотъ же случай повторился близъ Петербурга, въ окрестностяхъ Гатчины. Въ могилевской — крестьянка умерла, проглотивши блинъ, въ Керчь-Еникалѣ крестьянинъ Константинъ Волошинъ во время обѣда *удавился кускомъ вареной говядины* и умеръ; вынутый кусокъ говядины былъ *въ два дюйма длины и ширины...* А въ городѣ Мглинѣ, черниговской губерніи, мѣщанинъ въ пьяномъ видѣ, идя по улицѣ, *упалъ лицомъ въ лужу и, не имѣвши силъ встать, утонулъ.*

Вообще отъ пьянства, или «отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ», какъ выражаются оффиціальныя отчеты, умираетъ самый значительный процентъ. Всего въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, умерло отъ пьянства 491, т. е. на сто случаевъ ненормальной смерти умираетъ отъ пьянства 14. Процентъ слишкомъ громадный, но онъ будетъ понятенъ, если при этомъ мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что какъ прежде оффиціальныя изслѣдователи причинъ смертнаго случая, — какъ скоро таковое изслѣдованіе не представляло

особеннаго интереса, было невыгодно, неудобно, или просто надо было *замять тѣло*—охотнѣ всего объясняли смертный случай апоплексическимъ ударомъ и предписывали предать тѣло землѣ по христіанскому обряду; такъ точно теперь всѣ подобныя смертныя случаи весьма удобно сваливаются на дешевку. Умеръ, дескать, отъ пьянства, а потому предать тѣло землѣ по христіанскому обычаю. По крайней мѣрѣ въ послѣднихъ отчетахъ мы встрѣчаемъ множество подобныхъ смертныхъ случаевъ, неудовлетворительно объясняемыхъ пьянствомъ и заставляющихъ предполагать иныя, болѣе достаточныя причины. Такъ между прочимъ въ отчетѣ о замѣчательныхъ случаяхъ въ пермской губерніи, мы находимъ записаннымъ слѣдующій странный казусъ:

«Въ городѣ Кунгурѣ, мѣщанинъ Василій Шерстневъ, являсь *въ нетрезвомъ видѣ* (sic) во 2-ю полицейскую часть, *по неимѣнію при себѣ теплоі одежды* (?), просилъ позволенія проспаться въ арестантской камерѣ, гдѣ онъ удавился на привязанной имъ за полатный брусъ веревкѣ. Наблюденія ночью за Шерстневымъ не было,» прибавляетъ въ видѣ извиненія подобнаго казуса мѣстная полиція, «такъ какъ онъ не былъ арестованъ, а искалъ только себѣ ночлега». (Сѣв. Почта № 172).

Случай чрезвычайно странный. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ обстоятельстве, что на Руси, богатой и обильной, нашелся такой голый бѣднякъ, который, не имѣя ночлега, попросилъ погрѣться во 2-ю кунгурскую полицейскую часть. Но страннымъ кажется то, что человекъ, рѣшившійся на самоубійство, захотѣлъ вдругъ погрѣться во 2-й полицейской части и тамъ рѣшился повѣситься, тогда какъ онъ имѣлъ для этого тысячи болѣе удобныхъ мѣстъ; между тѣмъ какъ въ арестантской камерѣ, хотя за нимъ и не надзирали, но легко могли хоть случайно надзирать и помѣшать удавиться?..

Подобныхъ неудовлетворительныхъ объясненій смертныхъ случаевъ пьянствомъ множество, и уже одно это должно сократить процентъ умершихъ отъ пьянства болѣе чѣмъ на половину. Такъ напр., въ камышовскомъ уѣздѣ, жена крестьянина, въ отсутствіи домашнихъ, заперлась въ содержимой мужемъ ея питейной лавочкѣ, зажгла имущество мужа, выпустила изъ боченка вино, а сама удавилась на сплетенной изъ нитокъ петлѣ. *Причину самоубійства относятъ къ пьянству.* Почему къ пьянству? За чѣмъ поэтому жечь имущество мужа и выливать вино? За чѣмъ вѣшаться, когда было гораздо

проще и совершенно въ характерѣ пьяницы выпить вино, а не разливать его? Тутъ ужъ выходитъ нѣчто слишкомъ геройское для пьяницы...

Умираеть отъ пьянства, разумѣется, больше всего мужчинъ, но умирають отъ этого грѣха и женщины. Умирають мужики, умирають отъ пьянства и лица привилегированныхъ сословій, и всѣ эти лица названы въ отчетахъ даже по званію, имени, отчеству и фамиліи, тогда какъ о мужикахъ просто, глухо заявляется: умерло отъ пьянства столько-то. Въ спискѣ умершихъ отъ пьянства есть имена чиновниковъ, нѣсколько капитановъ, и даже два или три полковника. Есть въ этомъ числѣ и барышни: такъ въ Перми умерла отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ дьяконская дочь, дѣвица Евпраксія Шилова; а въ Вологодской губерніи умеръ отъ пьянства «*іеромонахъ Діонисіо-лужичкаго монастыря Аристокмій*». (Св. Почта № 190).

Случаевъ насильственной смерти въ теченіи двухъ мѣсяцевъ было всего: 233. Въ этомъ числѣ самый значительный процентъ выпалъ на долю дѣтей, убитыхъ своими матерями. Нѣтъ ни одной губерніи, въ которой бы не было нѣсколькихъ случаевъ дѣтубійства, совершенныхъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Въ отчетахъ на каждомъ шагу попадаются подобнаго рода извѣстія:

«Въ виленской губерніи солдатская вдова, Гаевская, родила младенца женскаго пола и зарыла его въ землю живаго (!), а рѣшицаго уѣзда крестьянская дѣвица, родивъ младенца, умышленно раздавила ему голову.

«Во Владимірѣ въ Рождественскомъ валу найденъ мертвымъ младенецъ съ расшибленнымъ черепомъ, разорваннымъ ртомъ и по локоть оторвавною лѣвою рукою; внутренность живота выглевана и растаскана птицей.

«Въ волынской губерніи найдено пять мервыхъ тѣлъ дѣтей; изъ которыхъ одно найдено съ разбитымъ черепомъ и разодранною щекою, другое съ придушеннымъ тряпкою ртомъ, третье съ разбитою головою и съ объденными собаками ногою, обѣими руками и брюхомъ; четвертое отнято отъ собакъ, а пятое найдено въ навозѣ...»

При описаніи подобныхъ случаевъ почти всегда прибавляется, что мать рѣшилась задушить своего ребенка, закопать въ навозъ живымъ или бросить на съѣденіе собакамъ изъ чувствъ страха и стыда. Но помимо этого страха и стыда, въ этомъ случаѣ конечно ру-

ководили несчастной матерью и другія соображенія—крайнее неудобство для женщины незамужней быть матерью, невозможность прокормить себя вмѣстѣ съ ребенкомъ, доставить себѣ хоть какое нѣбудь мѣсто въ такъ называемыхъ порядочныхъ домахъ. Этимъ же объясняется и слишкомъ значительная цифра подкидышей: въ одной напр. тверской губерніи, въ теченіи одного мѣсяца было подкинуто болѣе 40 младенцевъ. Всего въ теченіи двухъ мѣсяцевъ было брошено матерями младенцевъ въ церквахъ, сараяхъ, конюшняхъ и проч. 233.

Причину многихъ убійствъ составляютъ семейные раздоры, ревность, вражда между мужемъ и женой, которая разрѣшается часто самымъ трагическимъ образомъ. Менѣе рѣшительные не прибѣгаютъ къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ убійство, а подвергаютъ своихъ постылыхъ женъ самымъ жестокимъ испытаніямъ и увѣщаньямъ: зазвать жену въ баню и тамъ ошиарить кипяткомъ, обольеть ей лицо купороснымъ масломъ, или постоянными цинками да попреками довести несчастную до того, что она сама наложитъ на себя руки. А статистическіе отчеты и объявляютъ потомъ, что такая-то крестьянка *«повѣсилась въ припадкѣ меланхоліи»*. Такъ мы читаемъ въ отчетѣ, что «дочь государственнаго крестьянина, находящаяся въ замужествѣ, на сырной недѣлѣ пріѣхала съ своимъ мужемъ къ роднымъ проститься по обряду, а послѣ отъѣзда мужа домой, оставшись у отца, утромъ ушла тайно изъ избы въ конюшню, гдѣ перѣзала себѣ горло ножомъ, *сдѣланнымъ изъ косы*. По дознанію оказалось, что она со дня бракосочетанія своего постоянно скучала, а рѣшилась на самоубійство въ припадкѣ меланхоліи...»

И множество семейныхъ драмъ разыгрывается въ жизни крестьянина по поводу неудавшагося супружества, семейнаго раздора и проч. Большинство этихъ драмъ было подготовлено тѣми нелѣпыми условіями крѣпостнаго быта, которыя слутывали и уродовали самую простыя и естественныя отношенія крестьянскаго быта. Результаты подобныхъ условій очевидны и до сихъ поръ даютъ себя тяжело чувствовать крестьянину въ его домашней жизни. Множество домашнихъ драмъ разыгрывается по этому поводу, и почти всегда роль жертвы выпадаетъ на долю женщины. Развѣ иногда ужъ очень не въ терпежъ станетъ бѣдной женщинѣ переносить постоянныя оскорбленія и побои, и она разомъ захочетъ отмстить своему постылому мучителю. Такъ между прочимъ въ отчетѣ находится свѣденіе, что крестья-

янинъ Трофимъ Ивановъ, отправившись сушить принадлежащій ему овинъ, для сушки уложилъ приготовленную имъ солому около ямы. Жена его зажгла эту солому съ тою цѣлью, чтобы сгорѣлъ ея мужъ. «Преступленіе это она сдѣлала *по молодости*», пренаивно прибавлено въ отчетѣ.

Нѣкоторые изъ подобныхъ случаевъ поражаютъ своею хладнокровною жестокостію. Такъ напр. въ курской губерніи найдена была мертвою, съ признаками насильственной смерти, жена рекрута, Воскобойникова, 25 лѣтъ. При дознаніи мужъ убитой сознался, что, замѣтивъ ее въ блудной связи съ дворяниномъ З, онъ вывелъ ее за слободу и билъ плетью, и когда она ослабѣла, то, взявъ салазки въ одномъ изъ ближайшихъ дворовъ, положилъ на нихъ еще живую жену и повезъ въ квартиру, но замѣтивъ, что она уже умерла, оставилъ ее на дорогѣ...

Подобный же случай возмутительной жестокости былъ недавно, и не въ полѣ, за глухою деревенькою совершился судъ, а въ уѣздномъ городѣ Ш. петербургской губерніи. Случай этотъ разсказанъ въ Сѣв. Почтѣ. Героюмъ является и мужикъ, и образованный дворянинъ, и засѣдатель уѣднаго суда Б. Жена его нѣсколько разъ жаловалась исправнику, что мужъ постоянно бьетъ ее и дѣтей. Исправникъ, очевидно, ничего не нашелся сказать противъ этого кромѣ того, что мужъ дескать глава жены, которой она и обязана побаваться. Однажды 5 марта Б. позвалъ къ себѣ жену для примиренія, и когда она подошла къ кровати, онъ обнялъ ее одною рукою, а другою доставши ремень, надѣлъ ей на шею и сталъ давить, придерживая въ то же время дверь спальни ногою. На крикъ несчастной женщины прибѣжалъ домовладѣлецъ и спасъ ее отъ неминуемой смерти. «При произведенномъ дознаніи, самъ Б. никакого отвѣта не далъ, *ругалъ надзирателя, дворянскаго засѣдателя и понятыхъ, и выгналъ ихъ изъ квартиры*. Домовладѣлецъ же показалъ, что, услышавши крикъ въ комнатѣ Б., немедленно отправился туда и, вошедши, увидѣлъ самого Б. стоящимъ близь дверей, а жену его окровавленную. *Для охраненія личности Б. отъ пльнстаа* (!?) въ квартиру его поставлены полицейскіе служители. Въ приведенномъ нами выше случаѣ, жестокость крестьянина по крайней мѣрѣ хоть понятна: человекъ ослабленъ ревностію, мыслію, что жена его находится въ любовной связи съ дворяниномъ; а варварская жестокость засѣдателя ш. уѣднаго суда просто непонятна

А сколько подобныхъ сценъ совершается въ тихомолку, гдѣ нибудь далеко, въ такихъ уголкахъ, куда даже не проникаетъ бдительное око полиціи, а если и проникаетъ, то вся ея забота ограничивается только огражденіемъ личности преступника отъ пьянства...

Причиною многихъ преступленій и даже убійствъ служить также любовь. Приводимъ два случая:

1) Въ Липецкѣ отставной подпоручикъ Орловъ выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ родственницу свою, дѣвицу Аполлинарію Соколову, которая черезъ четыре дня и умерла. Произведеннымъ дознаніемъ открыто, что Орловъ и Соколовъ были влюблены другъ въ друга, но не имѣя возможности вслѣдствіе родственныхъ связей вступить въ бракъ, Соколова сама просила Орлова лишить ее жизни, что онъ въ отчаяньи и исполнилъ.

2) Рядовой Никифоръ Жуковъ, имѣвшій любовную связь съ проживающею въ одной съ нимъ квартирѣ Сычковой, возвратился домой въ пьяномъ видѣ, и когда недовольная имъ Сычкова начала просить хозяйку квартиры отказать Жукову въ квартирѣ, то послѣдній упрашивалъ Сычкову помириться и еще пожить съ нимъ, но когда Сычкова не согласилась на это и рѣшительно сказала Жукову: «Ты мнѣ не нуженъ, и поди, куда хочешь», то Жуковъ поклонился ей въ ноги и упросилъ ее такимъ образомъ проститься съ нимъ; для этого сѣлъ возлѣ Сычковой на лавку, обнялъ ее и уговаривая поцѣловаться, *вдругъ вмѣсто поцѣлуя откусилъ ей конецъ носа...*

За всѣмъ этимъ самое незначительное число убійствъ совершенно было съ цѣлю грабежа. Не смотря на то, что общая цифра кражъ и грабежей доходитъ до громадныхъ размѣровъ, въ большинствѣ случаевъ грабители дѣйствовали очень миролюбиво и прибѣгали къ насилію только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Были случаи грабежей, когда грабители дѣйствовали очень откровенно, составляли организованныя партіи подѣ начальствомъ оффиціального предводителя. Такъ въ г. Фатежѣ квартирующие нижніе чины резервнаго эскадрона драгунскаго полка болѣе 10 человекъ, *подѣ командою (!) вѣхмистра Дементьева*, папавъ на чиновниковъ, ограбили у нихъ все верхнее платье, часы и денегъ 2000 руб. сер.

А нѣкоторые случаи кражъ просто поразительны своею ловкостію и даже остроуміемъ. Такъ напр. въ оренбургской губерніи *украденъ въ церквѣ колоколъ (?), весомъ одинадцать пудовъ, 8 фунтовъ*. Какъ преступники, такъ и самый колоколъ не были отысканы.

Какъ мы уже выше замѣтили, всѣ эти многочисленные случаи кражъ и грабежей большею частію имѣли довольно миролюбивый исходъ, рѣдко сопровождались насиліемъ и жестокостями, а случаевъ убійствъ съ цѣлью грабежа представлено въ отчетѣ только два. Около Нижняго Новгорода крестьянинъ ѣхалъ съ своей дочерью, въ лѣсу, на него напали неизвѣстные люди, стали требовать денегъ, и получивши отвѣтъ, что онъ денегъ не имѣетъ, «вытащали его изъ саней и забили до смерти, нанесли побои его дочери, потомъ сняли съ нихъ всю одежду, оставивъ на дочери одну рубаху и балахонъ, *привязали ее веревкою къ трупу отца* и на лошади ихъ скрылись...» Въ трокскомъ уѣздѣ 12 неизвѣстныхъ лицъ, напавъ на застѣнокъ Одынцово, *изнасиловали 16-тилтѣтнюю двѣдушку, жгли раскаленнымъ жемъзомъ хозяина дома и его жену*, вынуждая сознаться, гдѣ хранятся деньги и, забравши слишкомъ 200 руб. и нагрузивши цѣлый возъ вещей, ушли...»

На этомъ пока мы можемъ остановиться. Картина, составленная нами по официальнымъ свѣденіямъ, далеко не привлекательнаго свойства. Эти свѣденія убѣждаютъ насъ, что безтолковщина нашей жизни, соединенная съ экономическими неудобствами, порождаетъ такія явленія, которыя ни подъ какиа мѣрки здраваго смысла нельзя подвести. И умираетъ русскій человѣкъ отъ этой бѣдности и безтолковщины. Привилегированные классы жалуются на общее безденежье, упадокъ кредита: почти каждый день приходится читать въ газетахъ о банкротствахъ, отъ которыхъ ловкіе практики отдѣлываются только разными мошенническими сдѣлками. По единодушнымъ отзывамъ корреспондентовъ нижегородской ярмарки, торговля сдѣлалась какимъ-то организованнымъ плутовствомъ. Помѣщики жалуются на невозможность вести хозяйство по причинѣ страшной дороговизны рабочихъ рукъ: а рабочіе мрутъ съ голоду отъ низкаго уровня заработной платы. Разверните любой номеръ губернскихъ вѣдомостей, и вы непременно найдете нѣсколько подобныхъ нерадостныхъ разсказцевъ, что вотъ дескать жилъ такой-то человѣкъ, жилъ правда очень бѣдно, да потомъ въ одно прекрасное утро взялъ, да и повѣсился. И за чѣмъ вѣшаться? Вѣшаться грѣшно: вѣрно человѣкъ въ припадкѣ *меланхолии* находился...

На эту меланхолію охотиѣ всего сваливаютъ всѣ случаи самоубійствъ, какъ официальные отчеты, такъ и официальные сочинители. Такъ въ Орловскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ пишутъ, что

въ г. Орлѣ застрѣлился столопочальникъ орловской гражданской палаты, Мальчуковский. Весь день предъ этимъ онъ былъ очень скученъ, и когда служанка попросила у него на покупку хлѣба денегъ, онъ послѣ долгихъ поисковъ далъ ей 3 коп., и она отправилась въ лавку, а когда возвратилась, то увидѣла Мальчуковскаго на полу, посреди комнаты, въ крови; подлѣ него лежалъ штуцеръ, которымъ онъ застрѣлился. На стулѣ, у ногъ трупа найдена записка такого содержанія: *«изъ палаты вынами. родные меня бросили, болелъ, денегъ нѣтъ, служить не могу, просить милостыни стыдно: вотъ причина моей смерти.»* Такимъ образомъ причина, побудившая Мальчуковскаго на самоубійство, совершенно ясна: нищета, *«служить не могу»*; но слѣдственная комиссія и тутъ ухитрилась объяснить все дѣло *«меланхоліею.»* *«Чиновники говорятъ, сказано въ дознаніи, что Мальчуковский страдалъ въ сильной степени меланхоліею; по анотомическому изслѣдованію и врачъ заключилъ, что причиною его самоубійства было болѣзненное состояніе умственныхъ способностей, выразившееся въ сильной степени меланхоліи...»*

Впрочемъ мы не думаемъ отвергать и того явленія, что *меланхолія* составляетъ одинъ изъ болѣзненныхъ симптомовъ нашего времени. Судя по оффиціальнымъ отчетамъ, число сумасшедшихъ и помѣшанныхъ возрастаетъ. Такъ въ Петербургѣ для этого рода больныхъ нѣтъ помѣщеній въ больницахъ, и ихъ отправляютъ въ сѣзжіе дома, гдѣ они содержатся вмѣстѣ съ мелкими воришками и тому подобнымъ сбродомъ. Увеличеніе числа сумасшедшихъ и страдающихъ чисто-психическими болѣзнями можно было бы объяснить только сильнымъ внутреннимъ переворотомъ, происходящимъ въ общественномъ организмѣ; но такое объясненіе будетъ неудовлетворительно. Никакого особеннаго переворота нѣтъ. Слѣдовательно ближайшія причины нервно-психическихъ разстройствъ, замѣчаемыхъ въ послѣднее время, надо искать въ той же безтолковщинѣ, которая господствуетъ по всѣмъ направленіямъ нашей жизни. Еслибъ мы понимали свои дѣйствительные интересы, свое настоящее положеніе, еслибъ мы умѣли употребить на дѣло свое время и силы, то, нѣтъ сомнѣнія, мы страдали бы во сто разъ меньше не только припадками сумасшествія, но и вообще всякими другими недугами.

Когда такъ часто печатаются извѣстія о пожарахъ, опустошающихъ цѣлые города и лѣса, мы очень довольны, что напали на брошюру *)

*) Страховые отъ огня общества въ Россіи съ 1828—1864 г. Н. Перовіо. С. Пб.

г. Перозіо—этого Демосфена всевозможныхъ акціонерныхъ компаній и биржевыхъ спекуляцій. На этотъ разъ г. Перозіо адвокатствуетъ за «Страховыя отъ огня Общества», доказывая, что взаимное страхованіе никуда негодится по сравненію съ тѣмъ благодѣтельнымъ охраненіемъ нашей священной собственности, какое оказываютъ намъ Страховыя Общества. Оставляя въ сторонѣ эту интимную часть въ брошюрѣ г. Перозіо, мы можемъ позанмствоваться у него голыми фактами, которые онъ приводитъ на основаніи отчетовъ пяти Страховыхъ отъ огня Обществъ, существующихъ въ Россіи. Изъ этихъ отчетовъ оказывается, что съ 1848 года, именно съ того времени, какъ стала развиваться дѣятельность страховыхъ компаній, число пожаровъ значительно увеличилось. Такъ въ 1828 году на 1 миллионъ застрахованныхъ имуществъ было понесено убытковъ 1,415 р. 80 к., а въ 1862 году въ той же пропорціи страховые убытки возрасли до 7,308 р.; слѣдовательно число пожаровъ возросло болѣе, чѣмъ въ пять разъ. Въ этомъ отношеніи особенно послѣдніе два года замѣчательны огромными истребленіями отъ огня. Выгораютъ до тла цѣлыя села, посады, города. отъ которыхъ едва остается слѣдъ ихъ прежняго существованія. При деревянныхъ постройкахъ, составляющихъ главную и повсемѣстную архитектурную фizioномію внутренней Россіи, при безобразнѣйшемъ, какое только можетъ быть, устройствѣ и расположеніи крестьянскихъ жилищъ, уѣздныхъ и губернскихъ зданій, при отсутствіи пожарныхъ снарядовъ не только въ деревняхъ, но и въ большей части уѣздныхъ городовъ, при всеобщемъ пьянствѣ и разгильдяйничествѣ нашей богатырской природы, при той жалкой организаціи, какая дана страховымъ компаніямъ, наконецъ при томъ особенномъ настроеніи народнаго чувства, которое избираетъ оружіемъ мести преимущественно огонь,—желаніе *пустить красного птуха*,—при всемъ этомъ такіе опустошительные пожары вовсе не удивительны. «Число умысленныхъ пожаровъ, говоритъ г. Перозіо, у насъ весьма значительно, а такъ какъ большую часть умысленныхъ поджигателей составляютъ у насъ содержатели лавокъ и складовъ, гдѣ весьма трудно послѣ пожара узнать настоящую цѣнность вещей, то умысленное поджигательство, въ соединеніи съ неудовлетворительностью оцѣнки имуществъ и убытковъ. дѣйствуетъ весьма спльно на пониженіе прибыли въ страховыхъ обществахъ». (стр. 3). Поэтому при дурномъ устройствѣ страховыхъ компаній развитіе ихъ дѣятельности всегда бу-

дѣть увеличивать число пожаровъ. Если допускается неправильная оцѣнка имѣній, принимаемыхъ на страхъ, то это одно обстоятельство можетъ послужить величайшимъ источникомъ общественныхъ бѣдствій. Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ уровнѣ общественнаго образованія и добросовѣстности, на которомъ мы стоимъ, не мало найдется такихъ спекуляторовъ, особенно во время денежныхъ затрудненій и постоянныхъ банкротствъ, которые воспользуются страхованіемъ, какъ поживой, какъ своего рода благовиднымъ воровствомъ и взяткой. Купцу или мѣщанину, застраховавшему свой домъ или лавку вдвое дороже, чѣмъ они стоятъ, очень естественно можетъ представиться самый удобный случай сжечь ихъ и нажить отъ страховаго общества двойное состояніе. Но поджигая свой домъ, купецъ, конечно, не станетъ разводить умомъ-разумомъ, пострадаетъ ли его сосѣдъ или нѣтъ, сгоритъ его домъ одинъ или цѣлый городъ. Тѣмъ соблазнительнѣе можетъ показаться такое искушеніе, когда наши судебныя безконечныя проволочки помогутъ поджигателю выйти изъ огня съ цѣлыми полями. Г. Перозіо приводитъ слѣдующій фактъ, случившійся въ нынѣшнемъ году въ Ковно:

«Въ апрѣлѣ нынѣшняго года въ Ковно сгорѣла лавка одного купца еврея; по освидѣтельствованіи, сдѣланномъ мѣстными подлежащими властями, агентомъ и уполномоченнымъ страховаго общества и нѣсколькими понятными, оказалось, что пожаръ произошелъ отъ умышленнаго поджога хозяина лавки. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ и актъ объ освидѣтельствованіи. Мы читали этотъ актъ, и обстоятельства, приводимыя въ немъ, какъ доказательства поджога, такъ убѣдительно говорятъ въ пользу этого мнѣнія, что сомнѣваться невозможно. Такъ напр. обыкновенно лавка заперлась прикащикомъ, а въ этотъ вечеръ хозяинъ самъ заперъ ее, и притомъ, какъ показали два свидѣтеля, разбилъ стекло во вторыхъ дверяхъ, очевидно для того, чтобы вѣтеръ могъ входить въ лавку и усиливать огонь; вовторыхъ, когда прикащикъ этой лавки, у котораго въ томъ домѣ, гдѣ произошелъ пожаръ, находится водочный заводъ, увидѣлъ выходявшій изъ дверей лавки дымъ и сказалъ о томъ хозяину, то этотъ послѣдній сказалъ, что ему до этого нѣтъ никакого дѣла; въ 3-хъ, когда по обнаруженіи пожара, выломали дверь лавки, то оказалось, что горѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ подъ прилавками; въ 4-хъ, на полкахъ между товаромъ были найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ спички, а въ кускахъ сукна ящики деревянные и бумажные, набитые соломой. Въ актѣ приведены еще другія интересныя обстоятельства, но мы не останавливаемся на нихъ, полагая, что и приведенныхъ фактовъ достаточно. Казалося бы, что тутъ и разсуждать нечего для постановленія рѣшенія;—между тѣмъ, по смыслу нашихъ законовъ о

страхованія, и это совершенно ясное дѣло можетъ тянуться цѣлые годы и пожалуй проигратъ страховою компаніею, потому что въ требуемыхъ закономъ двухъ свидѣтелей поджога. Какая же, послѣ этого, гарантія можетъ существовать для страховыхъ обществъ?

Такихъ случаевъ, конечно, не мало, а потому пожары можно считать самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ Россіи.

За нынѣшній годъ мы имѣемъ официальные, свѣденія о количествѣ пожаровъ и причиненныхъ ими убытковъ пока еще только за два мѣсяца: февраль и мартъ. Эти два мѣсяца, когда начинается таять снѣгъ, вскрываются рѣки и идутъ постоянные дожди наименѣе благоприятны для пожаровъ; но не смотря на то, цифра пожаровъ и убытка отъ нихъ въ эти два мѣсяца доходить до громадныхъ размѣровъ. Всѣхъ пожаровъ въ 48 губерніяхъ за февраль и мартъ мѣсяцы было:

Въ городахъ.	190	
Понесено убытку	334,401 руб. 80	коп.
Не показано убытку по	41	пожару
Пожаровъ въ селахъ.	1,308	
Понесено убытку	837,156 руб. 8 ³ / ₄	коп.
Не показано убытку на	230	пожар.
Всѣхъ вообще пожаровъ.	1,498	
Всего убытку понесено.	1,171,557 руб. 88 ³ / ₄	коп.

Слѣдовательно, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, менѣе другихъ благоприятствующихъ пожарамъ, приходится на каждую губернію по 31 пожару и по 24,407 руб. убытку. Цифра громадная; но едва ли она даетъ даже хоть приблизительное понятіе о дѣйствительныхъ потеряхъ. Не говоря о томъ, что въ этомъ числѣ не показано убытку по 271 случаю пожара, самая показанная цифра слишкомъ сомнительна, потому что составляется большею частію безъ всякаго разбора, такъ, на-обумъ. Въ этомъ убѣждаетъ даже ужъ слишкомъ обстоятельная точность: напр. въ таврической губерніи показано убытку 2484 руб. и 34 *съ половиною коп.* Какъ ужъ могли считать эти 34 и эту половину копѣйки понять мудрено. Въ нѣкоторыхъ отчетахъ цифра убытка самымъ очевиднымъ образомъ показана во сто разъ меньше дѣйствительной: такъ въ курляндской губерніи сгорѣло 411 крестьянскихъ домовъ, а убытку показано всего 885 руб. Слѣдовательно каждый крестьянскій домъ оцѣненъ

въ 2 руб. 15 коп. Но очевидно, что какъ ни жали тѣ избенки, въ которыхъ обитаютъ русскіе мужики, стоимость этихъ избенокъ во всякомъ случаѣ должна быть хоть въ 50 разъ больше. —

Каждый новый номеръ газетъ приноситъ извѣстіе о новыхъ пожарахъ. Недавно нѣсколько дней къ ряду горѣлъ городъ Оренбургъ: сгорѣло всего 660 дворовъ и на нихъ домовъ съ флигелями 1,700. Предположивши даже самую низкую стоимость каждаго дома, общая потеря должна доходить до весьма значительныхъ размѣровъ, и потеря эта должна быть тѣмъ болѣе ощутительною, что сгорѣла собственно та часть города, гдѣ жило бѣднѣйшее населеніе Оренбурга. Тобольскія Губернскія Вѣдомости сообщаютъ о двухъ страшныхъ пожарахъ, истребившихъ большую часть города Тюмени. Первый пожаръ въ нѣсколько часовъ истребилъ лучшій кварталъ въ городѣ, за тѣмъ черезъ нѣсколько дней другой пожаръ истребилъ всю затюменскую часть города и цѣлыя сотни семействъ остались безъ крова и безъ куска хлѣба.

Въ костромской губерніи горятъ лѣса, горятъ цѣлыя деревни, какъ напр. сгорѣло богатое село Баки. Былъ также страшный пожаръ въ г. Ворнавинѣ, который распространился въ громадныхъ размѣрахъ, благодаря небрежности мѣстной администраціи. Въ Костромскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что «помощи отъ городскихъ пожарныхъ инструментовъ не было никакой, обыватели не тушили, *голова былъ найденъ въ одномъ изъ дворовъ въ такомъ пріятномъ настроеніи духа, что ему рѣшительно ни до чего не было дѣла.*»

Въ такой же небрежности упрекаетъ харьковскую администрацію корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», описавшій харьковский пожаръ. «Рядомъ съ пожаромъ», говоритъ онъ, «находится дворъ Черныхова, амбары котораго примыкали къ строенію, уже охваченному огнемъ. Когда пламя начало приближаться къ амбарамъ, жители во дворѣ Черныхова, требовали воды и кто-то уже везъ бочку пожарной команды во дворъ, какъ не тутъ-то было: амбаръ Черныхова сгорѣлъ съ 390 кул. муки, принадлежащей купцу Баркову и съ имуществомъ домохозяина. Мука и не сгорѣла бы, ее бы успѣли вывезти на имѣвшихся уже подводахъ, но не пустившіе бочки съ водою *не позволили вытаскивать и кулей съ мукою и даже били извозчиковъ, явившихся за погибавшемъ товаромъ.*»

Но самый страшный, самый разорительный пожаръ былъ въ Симбирскѣ отъ 12 до 22 августа. Пожаръ этотъ далъ тему для самыхъ

равнообразныхъ толковъ и легендъ. Городъ Симбирскъ въ настоящее время положительно не существуетъ. Соборъ, домъ дворянскаго собранія, женскій монастырь, присутственные мѣста, карамзинская библіотека, городская дума, полиція, гимназія, семинарія, елизаветинское училище, комиссаріатъ, хлѣбные и соляные амбары; однимъ словомъ весь городъ сдѣлался жертвою пламени. Сдѣлать одѣлку убытковъ въ настоящее время невозможно; потому что всѣ имущества, вынесенныя на городскія площади сгорѣли; но вѣроятно цифра всѣхъ потерь превзойдетъ 4 милліона. Много лицъ схвачено обывателями по подозрѣнію въ поджигательствѣ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Туманная, сырая осень охватила городъ. Небо, словно, спитъ изъ сѣраго сукна и грѣетъ насъ столько же, сколько это самое сукно, въ время холода. Вмѣсто тучъ на немъ какіе-то вологна тумана и дыма и можно предполагать что наше финское небо выдѣлываютъ кухарки, готовятъ его въ печахъ и въ видѣ гари и копыти выпускаютъ на свободу изъ трубъ городскихъ квартиръ и зданій. Солнце, всегда комфортабельное, совѣстится взглянуть на такую обстановку и отвернулось къ намъ затылкомъ. Монотонно и жестко стучитъ дождь по желѣзнымъ крышамъ, точно невидимые костянные пальцы по металлическимъ клавишамъ, а сточныя трубы домовъ поютъ и скрипятъ, на зло всѣмъ разслабленнымъ нервамъ.... Ровными линіями тянутся каменные стѣны улицъ и словно хотятъ для развлеченія изогнуться въ калризную линію переулковъ Москвы и Константинополя, а стекла ихъ оконъ, увлажненные сыростью, плачутъ крупными холодными каплями... Громоотводы, воздвигнутые на нѣкоторыхъ зданіяхъ, гордо задираютъ къ верху свой острый носъ съ чувствомъ негодованія на эту сферу, которая вмѣсто бурь и громовъ родитъ только одни дождевые пузыри и мокрицы. На пышной улицѣ возвышается огромный, великолѣпный домъ. Его каріатиды, поднявши руки къ верху, сложили свои губы въ презрительныя гримасы, сердясь на искусство, которое раздѣло ихъ до нога и заставило терпѣть всѣ мерзости петербургской осени. Они съ завистью глядятъ на жирнаго швейцара у подъѣзда, согрѣваемого своимъ собственнымъ величіемъ и пышною лавреей.

Такъ думалъ я, проходя передъ театральной площадкой, а между тѣмъ вокругъ меня скакала и бѣжала уличная толпа. Официальныя бакенбарды, буржуазныя бороды, зрѣтческія усы, сладострастныя лысины, чопорныя криволины, пышныя коляски, поджарыя влячи, фравты, шерманщпки, все это смѣшалось въ одну общую картину осенняго петербургскаго утра. Созерцаніе этой картины навело меня на такого рода размышленіе: ну, что если бы я шелъ теперь по улицамъ со всѣми нашими извѣстными поэтами и если бы каждый изъ нихъ пожелалъ воспроизвести „петербургское утро“, то вышелъ бы рядъ любопытныхъ пѣсень на одну тему, пѣсень, въ которыхъ выразилась бы характерная сторона таланта каждаго изъ этихъ пѣвцовъ. Жаль, что наши поэты никогда не сочиняютъ стихотвореній на одну и ту же тему. Мысль эта мнѣ такъ полюбилась, что я рѣшился до извѣстной степени помочь горю и сдѣлаю теперь опытъ импровизаціи, принимая на себя поочередно фizioномію разныхъ стихотворцевъ и распѣвая ихъ собственнымъ голосомъ. Какъ опытный пѣвецъ, я не робѣю передъ такой задачей и смѣло спюю съ чужаго голоса какую угодно пѣсню. Темою я избираю: „Петербургское утро“.

И такъ, господа; я перестану хмуриться (видите-ли какъ скоро) и прошу васъ вообразить, что вы переноситесь въ партеръ театра передъ закрытымъ занавѣсомъ.

Занавѣсъ поднимается; слѣдуетъ импровизація.

ОСЕННЕЕ ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО.

Въ VI пѣснѣхъ на одну тему.

I.

(по Некрасову.)

Ночь зловѣщую, гнойную, сѣрую.
 Гонить утро... За дѣло пога!
 День пошелся обычною шрою,
 Дышетъ язвой сибирской, холерою
 Воздухъ города... Злость и хандра!..
 Лишь едва человекъ просыпается
 И глаза, раскрывая, ідятъ,
 Ужь въ груди его желчь разливается
 И безсильная злоба кипитъ.
 Слышны въ вѣтрѣ глухія рыданія

И тягучій, пронзительный свистъ.
 Надъ трубою огромнаго зданія,
 Точно дьяволъ, торчитъ трубочистъ.
 На дворъ съ кѣмъ-то дворникъ ругается
 И метлой вычищаетъ крыльцо...
 Вонъ, напротивъ окно открывается—
 Молодое мелькнуло лицо,
 Бѣлый чепчикъ и кофта узорная...
 Послѣ сна дышетъ грудь горячо...
 И коса удивительно черная
 Опустилась змѣей на плечо.
 А на улицѣ жизнь начинается,
 Будни шумнаго, тусклаго дня...
 Вонъ съ коввоемъ чуть-чуть подвигается
 Дюжій паренъ, цѣлыми звѣня;
 Вонъ модистка промчалась съ картошкой;
 Вонъ въ кварталъ забудыгу ведутъ
 На веревкѣ съ какой-то бабенкою,
 Вонъ извозчикъ, надъ потной кляченкою
 Обновляетъ вновь купленный кнутъ.
 Завернувшись угрюмо шинелями,
 По панелямъ, гдѣ лужи стоятъ,
 Торопливо съ своими портфелями
 Тамъ плетутся служаки въ Севать;
 Вонъ мальчишка со спичками шведскими,
 Съ цѣлою кипой газетъ почтальонъ,
 Вонъ подъ мышкою съ книжками дѣтскими
 Два ребенка бѣгутъ въ пансіонъ,
 Вонъ лакей у воротъ съ комплиментами
 Передъ толстой служанкой стоитъ,
 Съ редикулемъ большимъ, съ инструментами
 Повивальная бабка бѣжитъ.
 Въ этомъ городѣ смерти, калѣчества,
 Гдѣ недуги и бѣдность сильны,
 Чтобъ плодилось вновь человѣчество
 Повивальныя бабки нужны,

II

(по Плещееву.)

Ахъ, одерни занавѣску—
 Мнѣ несносна эта тѣнь.
 Ужъ врывается въ окошко
 День веселый, ясный день.

Ахъ, отдерни занавѣску,
 Темный ставень отвори:
 Ужь игла Адмиралтейства
 Вся горитъ въ лучахъ зори.
 Утро ясно.—въ сердцѣ праздникъ,
 Тянетъ въ городъ улицъ шумъ...
 Отчего жъ мнѣ нѣтъ покою
 Отъ моихъ упорныхъ думъ?
 Оттого, что въ это утро
 Гдѣ нибудь,— а гдѣ ихъ нѣтъ?—
 Много бѣдныхъ и голодныхъ
 Проваливаютъ черствый свѣтъ.
 Оттого, что въ это утро
 Тянутъ жизнь средь чердаковъ
 Столько сирыхъ и бездомныхъ,
 Столько горькихъ бѣдняковъ.

III.

(по Фету)

1.

Мы сидѣли на балконѣ.
 Утро къ намъ несетъ любовь,
 До ланитъ возбѣгаетъ кровь
 И рука горитъ въ ладони.
 Вспыхнулъ заревомъ востокъ,
 Яркимъ свѣтомъ городъ залить
 И лучами солнце жалить.
 Кожу нѣжныхъ дѣтскихъ щекъ.
 Другъ мой! страсть намъ вновь знакома,
 Въ насъ любви проснулася блажь...
 Шепчешь ты: пойдемъ въ пассажъ;
 Я жъ шепчу: останься дома!...

2.

Посмотри кругомъ, малютка:
 Пышный городъ всталъ отъ сна,
 Таесть въ утреннемъ туманѣ
 Блѣдно-лицая луна.
 Посмотри—при свѣтѣ солнца
 Все сіяетъ и блеститъ—
 Эти улицы и зданья,

Мостовая и гранитъ.
 Въ магазинахъ брилліанты.
 Брилліанты въ брошкахъ дамъ,
 Въ брилліантахъ старцы, франты,
 Брилліанты здѣсь и тамъ.
 И теперь, о другъ мой мелкій,
 Недоволенъ я судьбой
 Оттого, что брилліанты
 Заложили мы съ тобой.

IV.

(по Полонскому.)

Я хандры не могу превозмочь,
 Если финская бѣлая ночь
 Надъ столицей невской пронесется...
 Ночи блѣдный и дѣвственный ликъ!
 Я къ нему, какъ къ страданью, привыкъ,
 Ночью легче тоска переносится,
 Но чужда и дика для меня
 Ты, красавица невскаго дня!
 Не люблю твою лѣсню унылую
 И напѣвы зловѣщіе тѣ
 О нуждѣ, о мірской нищетѣ,
 О слезахъ надъ убогой могилою.
 Для чего на меня ты глядишь
 И страданье мое бередить?
 Пусть вокругъ погибаетъ вселенная,
 Пусть нужда развращаетъ людей,—
 Я поэтъ—не изъ сонма судей,
 Для небесъ моя пѣснь вдохновенная.
 О красавица дня! поспѣши
 Потеряться въ полночной тиши..
 Выплывай же ты ночь ароматная,
 И мой духъ воспаритъ въ облака
 И пройдетъ роковая тоска
 По ночамъ, для меня непонятная...

V.

(по Тютчеву.)

Надъ Невою погребенной
 День сіяющій встаетъ,

Солнце—стражъ земли безсонный
 Надъ планетою влюбленной—
 Совершаетъ свой обходъ.
 Небеса поють и тактъ,
 Слышенъ гулъ издалека,
 Птицы весело порхаютъ,
 Грезы міра улетаютъ
 Вмѣстѣ съ ночью въ облака.
 Постоянно дни смѣняютъ
 Ночи трепетную тѣнь,
 Имъ и люди подражаютъ:
 Ежедневно умираютъ
 И рождаются каждый день

VI.

(по Майкову.)

Да, ты хорошъ, великій Римъ:
 Твои священные останки
 Я посещалъ, какъ пилигримъ.
 Тамъ сладострастные вакханки
 Нерѣдко мой смущали сонъ,
 Тамъ передъ образомъ мадонны,
 Съ благоговѣньемъ капуцина
 Я былъ въ молитву погруженъ,
 Подъ тѣнью кедра и жасмина.
 И Колизей съ семьей аркадъ
 И остовъ арки триумфальной
 Я видѣлъ, трепетомъ объять...
 Мнѣ пѣлъ фонтанъ струей печальной
 Напѣвы грустные Няядъ.
 А лара милая?... О, Боже!
 Могу-ль забыть великій Римъ?..
 Но я на родинѣ... и что же?—
 Мнѣ этотъ тусклый день дороже
 Съ осеннимъ холодомъ своимъ.
 Онъ дорогъ мнѣ подъ сѣнью мрака,
 Безъ итальянской синевы,
 Мнѣ дорогъ плескъ родной Невы
 И яркій куполъ Исаака.
 Бродя по Риму въ поздній часъ,
 Меня манила та картина,
 И на отчизну каждый разъ
 Просилось сердце славянина.

VII.

(по Бенедиктову.)

День осенній надъ столицей,
 Солнце въ тучи прорвалось
 И глядитъ, какъ предъ дѣвницей;
 Вспрянулъ сѣверный колоссъ,
 Разодвинулъ быстро пологъ
 И орломъ глядитъ кругомъ:
 Сонъ его всегда недологъ,
 Долгій отдыхъ незнакомъ.
 Просыпается Петрополь
 И бѣжить туда—сюда!
 Что же это? не Европа-ль
 Передъ нами, господа?
 Дождь или грязь—ему нѣтъ дѣла:
 Шумъ, ѣзда—и здѣсь и тутъ,
 Мостовая загудѣла
 И летитъ подъ градомъ смѣло
 Петербурга бодрый людъ.
 И толкутся люди эти,
 Точно лѣтніе шмели,
 То въ коляскѣ, то въ каретѣ,
 Въ щегольскомъ кабріолетѣ,
 На извозчикѣ въ пыли;
 Ихъ преслѣдуютъ горячки,
 Имъ дантисты зубы рвутъ,
 А они—и не мигнуть,
 Имъ не дѣлаютъ потачки,
 И хотъ стануть на корачки,
 А дневной окончатъ трудъ.
 Поговорка есть у янки:
 «Время—деньги»—свищеть онъ.
 Здѣсь твердятъ со всѣхъ сторонъ
 Горожане, горожанки:
 «Часъ одинъ—есть миллионъ».
 Мы въ расходахъ знаемъ—минусъ,
 Въ барышахъ повсюду—плюсъ,
 И съ дешовкою «на выпись»
 Легокъ намъ гражданства грузъ...
 Слышень грохотъ барабана,
 Визгъ шарманки, гулъ колесъ;
 Здѣсь оглоблю шарабана
 Бѣдняку вкусить пришлось,

Тамъ—онъ станетъ подь копытомъ
 Городскаго рысакъ,
 Но до битаго небитымъ
 (Вѣдь бѣда не велика!)
 Дѣла нѣтъ.... Въ лучахъ Авроры
 Оживь городъ. Блещуть шпоры,
 Взоры, дамскія уборы,
 Каски, канты, козырки,
 На панеляхъ—полотеры,
 Букнисты, куафёры,
 Дѣти, дамы, старики.
 Въ бѣготнѣ, въ всеобщей скачкѣ
 Мчится людъ во всѣ концы—
 Почтальоны, денди, прачка,
 Омнибусы, дрожки, тачки
 И курьеры и купцы.
 Все кружится, все пускаетъ
 Въ дѣло силу и талантъ,
 Пишетъ, судитъ, распекаетъ,
 И работу начинается
 Грозный стѣверный гигантъ.

Импровизація смолкаетъ. Разумѣется, раздаются рукоплесканія и—занавѣсъ падаетъ.

Читатель, понявшій, въ чемъ состоитъ букетъ этихъ стихотвореній, смѣется, я самъ смѣюсь, но смѣюсь совершенно другому. И увѣренъ, что если бы всѣ эти стихотворенія, которымъ я не придаю никакого значенія (я могу писать ихъ по сотни въ день) были отданы безъ всякихъ объясненій разнымъ присяжнымъ эстетическимъ критикамъ и редакторамъ, то они помѣстили бы ихъ въ своихъ журналахъ, какъ *серьезныя* пѣсни, какъ настоящія лирическія стихотворенія. Въ этомъ я увѣренъ по опыту, и вотъ почему и смѣюсь...

И такъ, въ Петербургѣ—осень, осенній сезонъ.

Какія же новости пришли къ намъ вмѣстѣ съ осеннимъ сезономъ? Этотъ самый вопросъ предложилъ я недавно одному газетному фельетонисту, который, благодаря своей дѣятельности, обратился въ какую-то ходячую рекламу.

Фельетонистъ хитро улыбнулся, какъ будто у него дѣйствительно былъ огромный запасъ новостей.

— Есть-таки кое-что новое...

— Напримѣръ...

— Блондень будетъ...

— Знаю, знаю... Дальше?

Назначенъ бенефисъ Шумскаго. Пойдетъ новая драма: „Таня“.

— Это мнѣ извѣстно изъ афишъ. Нѣтъ-ли чего свѣжѣе?..

— Вчера случилось трагическое происшествіе: рысаки барона Z...

— Кого нибудь раздавили на улицѣ? Далѣе, далѣе...

На лбу бѣднаго фельетониста отъ напряженія образовалась буква: у! но онъ однако продолжалъ:

— Знаете-ли вы, сколько человѣкъ въ продолженіи прошлой недѣли умерло отъ пьянства?

— Знаю, знаю даже, какая мораль выходитъ изъ этихъ цифръ, когда, дескать, процвѣтаетъ откупъ и смертности отъ пьянства было меньше... не такъ-ли?

— Намъ, фельетонистамъ, до выводовъ, нѣтъ дѣла, намъ факты, одни только нужны... на васъ вѣдь никогда не угодишь.

Онъ обидился и ушелъ.

Вотъ каковы наши новости. Пусть же знаетъ мой читатель, что въ смыслѣ сборщика разныхъ фактовъ изъ общественной петербургской жизни, я никогда не былъ фельетонистомъ. Темный человѣкъ просто пишетъ свой *дневникъ*, безъ всякой претензіи на общественную лѣтопись. Я никогда не былъ журнальнымъ иноходцемъ. Я поэтъ, милостивые государи, въ дурномъ и хорошемъ смыслѣ этого слова: хочется мнѣ писать—пишу, а напала лѣнь или нѣтъ мотивовъ, я молчу, какъ молчалъ въ прошломъ мѣсяцѣ.

Я по своему отношусь къ разнымъ новостямъ городской жизни. Приѣхалъ въ Петербургъ знаменитый Блонденъ, и его представленія вызвали бы у иного лѣтописца нѣсколько столбцовъ описательной и даже глубокомысленной прозы, а я—я откликнулся на него слѣдующей вѣсенкой:

БЛОНДЕНЪ НА КАНАТЬ!..

Блонденъ, Блонденъ на канать!..
 Всѣ разобраны мѣста,
 Въ ложахъ группы невской знати,
 Червню площадь залита.
 Онъ идетъ подъ общій говоръ
 На ужасной вышинѣ,
 То съ яичницей, какъ поварь,
 То съ германцемъ на спинѣ.

Блондень, Блондень на канатъ!..
 Гуль по площади ростеть:
 — Что за смѣлость въ акробатъ.
 — Точно по полу и деть
 — Вышина—тринадцать саженъ...
 — Деньги собралъ, значить... радъ...
 — Ну, и этотъ, что посаженъ
 На спитъ—не трусовать.
 Блондень, Блондень на канатъ!
 Ходить смѣло и легко
 Къ изумленью невской знати
 Въ свѣтло-розовомъ трико.
 Говорить аристократка,
 Опуская свой дорнетъ:
 —О, шон Диеу, какъ это гадко—
 Опъ совсемъ почти раздѣтъ.
 Блондень, Блондень на канатъ!
 Смотрить старый ветеранъ:
 Что за диво въ этомъ хватъ?
 Видѣлъ я и обезьянъ,
 Тѣ—почуще-съ отхватали,
 Здѣсь же—не на что взглянуть,
 А ему еще медали
 Почавъсь на грудь.
 Блондень, Блондень на канатъ!
 —Миѣ онъ дастъ материалъ...
 Наше лѣто на утратъ—
 Тутъ въ тушикъ бы каждый сталь,
 А теперь я строчекъ триста
 Напишу—куда нейдетъ!—
 Такъ въ умѣ фельетониста
 Совершается расчетъ.
 Блондень, Блондень на канатъ!
 Женскій голосъ прошепталъ:
 —Право, очень было бѣ кстати,
 Еслибъ Блондень вдругъ упалъ.
 У меня хотъ нервы слабы
 Стали съ самаго вѣнца,
 Но свались онъ—я могла бы
 Досидѣть и до конца.

Скучающій, тоскующій Петербургъ былъ очень заинтересованъ прїѣздомъ Блондеца и сходился тысячами на представленія «укротителя Ниагары», какъ называютъ его рекламы. Героизмъ

и искусство Блондена намъ въ диковинку. Герои наши совершенно въ другомъ родѣ: они изъ художества и изъ славянской удали готъ вы на рискъ очень опасный безъ всякой корыстной цѣли. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ одинъ изъ такихъ героев въ Кронштадтѣ отличился на славу. Случай очень знаменательный. Въ одномъ кронштадтскомъ „Заведеніи“ гечеромъ собралась толпа: среди толпы нашлись два таланта. Одинъ талантъ — искусно лаялъ по собачьи, а другой—вылъ волкомъ. Начали они показывать свои дарованія къ общему удовольствію публики. Разгоряченные успѣхомъ (о, слава, это ты!) они ради потѣхи бросились бороться другъ съ другомъ. Человѣкъ-волкъ во время *потѣшной* борьбы вцѣпилъ зубами въ лицо противника и *откусилъ ему носъ*. Ихъ растащили. На допросѣ они оба показали, что они друзья, драться вовсе не желали, а только—*шрали*. А носъ? За носомъ послали въ „Заведеніе“, но онъ оказался неудобнымъ для исправленія своей постоянной обязанности, потому что былъ растоптанъ ногами убѣжавшихъ зрителей...

Вотъ наши домашнія Олимпийскія игры!..

Кого же тутъ винить? У нашего простаго народа нѣтъ никакихъ развлеченій. Нѣтъ у насъ книгъ для народа, нѣтъ грамотности. Въ театрѣ угощаютъ его французской мелодрамою, представленіемъ пьесъ Дьяченки съ братіей. Полуграмотному бѣдному населенію остаются для развлеченій танцклассы всѣхъ родовъ и дешовка всѣхъ сортовъ... А тутъ только одинъ шагъ до потери носа...

Сейчасъ только я получилъ отъ почтеннѣйшаго моего сотоварища Михаила Бурбонова, уже знакомаго читателямъ „Русскаго Слова“, письмо, которое онъ изъ скромности называетъ *сырымъ матеріаломъ* для моего дневника. Не желая портить колорита и своеобразности таланта этого писателя, я счелъ болѣе приличнымъ статейку М. Бурбонова привести здѣсь цѣликомъ, слово въ слово. Вотъ она:

„Извѣстно вамъ, милостивый государь мой, что я воспитывался на мѣдныхъ деньгахъ и въ глубь разныхъ наукъ не погружался. Я, какъ говорить одинъ сочинитель, „натура непосредственная.“ Но съ другой стороны, заинтересованный современными вопросами, стараюсь по возможности слѣдить за ними. Ученыхъ людей я всегда считалъ за растрѣльщикова, коимъ суждено первымъ истреблять всеобщаго неприятели нашего—невѣжество.

„Поэтому вы поймете, что я съ особеннымъ любопытствомъ принялся за чтеніе книжки Т. Н. Шилля, подъ названіемъ: *заклю-*

читаемая лекція по политической экономіи. Я надѣялся встрѣтить въ этой книжкѣ послѣдніе выводы этой науки, мнѣ весьма мало известной. Читаю—и изумляюсь цвѣтамъ краснорѣчія, благоухающимъ Кіевской бурсой времянь Патра Могилы. Тутъ все есть, что угодно, но только о политической экономіи ни слова.

„Начинаетъ Шилль съ объясненія, что такое истина. „Истина, говоритъ, свѣтъ, безъ котораго человекъ вѣчно блуждаетъ, какъ во тьмѣ, безъ котораго человекъ не понимаетъ, что онъ человекъ и не постигаетъ, что значитъ быть человекомъ и чѣмъ долженъ быть человекъ“... Чрезвѣрное употребленіе слова: человекъ—служить вмѣсто всякаго точнаго опредѣленія. Въ формѣ стиховъ это принимаетъ такой видъ:

Говорю вамъ истинно:
 Человѣку нужна истина
 Человѣчно-человѣчная,
 Человѣчески-открытая,
 Въ человекѣ-безконечная,
 Человѣкомъ не забытая.

За тѣмъ ученый лирикъ переходитъ совершенно неожиданно къ самому себѣ, и я открываю въ г. Шилль въ нѣкоторомъ родѣ своего сослуживца по военной службѣ.

Не знаю, на сколько это связано съ политической экономіей, но для меня было весьма любопытно узнать отъ г. Шилля о его служебной дѣятельности.

Извѣщая своихъ слушателей, что онъ былъ „простымъ ратникомъ, простымъ солдатомъ“, ученый ратникъ замѣчаетъ, что ему, „можетъ быть, суждено и въ будущемъ сдѣлаться простымъ солдатомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова.“ Далѣе г. Шилль весьма похвально разсуждаетъ: „я служилъ не для того, чтобъ *удобно* (курсивъ подлинника) начальству, а для того, чтобъ по мѣрѣ силъ и средствъ, оправдать честное довѣріе его ко мнѣ...“

Увлекаясь, г. Шилль даже похваливаетъ себя, восклицая: „я честно держалъ и несъ родное знамя благой науки, я честно сослужилъ свою службу, не осквернялъ руки своей незаслуженнымъ жалованьемъ и оказалъ услугу милому, дорогому отечеству, а черезъ него и всей Божьей общечеловѣческой семьѣ“...

Человѣчество должно быть очень благодарно за все это г. Шиллю, но... но гдѣ же все-таки лекція о политической экономіи?

«Я не великій, не знаменитый дѣятель“ продолжаетъ г. Шилль, начиная скромничать и забывая, что онъ оказалъ услугу человѣ-

честву, и я не промѣню свое дѣло на завидное призваніе народнаго поэта... (стр. 6.)

„Я былъ своего рода юнкеръ», (страниц. 9.) Все это назидательно. Но все-таки, какъ крайне любознательный ученикъ, я не въ силахъ былъ понять, какое же соотношеніе между политической экономіей и жалованьемъ, которое получалъ г. Шилль; что есть общаго между этой наукой и тѣми услугами, которыми обязана вселенная г. Шиллю? Робвю передъ этими вопросамъ, но разрѣшить его не берусь.

Буду слушать далѣе г. Шилля.

„Послѣ похвальнаго слова самому себѣ, г. Шилль дѣлаетъ лирической, неожиданный переходъ къ русской молодежи, которая, по его словамъ,“ еще очень недавно, позволяла себѣ выходки, простительныя только уличнымъ мальчишкамъ»...

«Новый лирическій прыжокъ отъ „мальчишекъ»:

„Кто вѣруеть въ человѣчество, тотъ, рано или поздно, увѣруеть въ начало всѣхъ началъ»... Далѣе г. Шилль очень ловко сравниваетъ себя съ Наполеономъ 1. Имѣя въ виду предыдущія слова г. Шилля о своихъ заслугахъ передъ человѣчествомъ, мы должны обратить наше вниманіе на его отношеніе къ Наполеону 1. „Прилежный юнкеръ Наполеонъ Бонапарте, говоритъ онъ (о юнкерѣ зри выше), *искренне скорбя объ участи человечества* (кто, Наполеонъ-то?) оказалъ услугу отечеству, а черезъ него и всему человечеству». И такъ, съ одной стороны человѣчеству удружилъ г. Шилль, а съ другой Наполеонъ Бонапарте.

Барды! въ струны пріударьте,
Въ струны вашихъ сладкихъ ляръ:
Русскій Шилль я Бонапарте
Разъ спасли въ своемъ азартѣ
Человѣчество и мѣръ.

Можетъ быть, не всѣ историки согласятся съ г. Шиллемъ на счетъ того, что Наполеонъ 1 „искренне скорбѣлъ объ участи человечества», но этихъ историковъ г. Шилль тоже отдѣлываетъ и вотъ какими образомъ: «эти *непризванные* историки, любящіе бить и костить, но не любящіе, по известной причинѣ (?) военныхъ вообще, особенно генераловъ, не понимая смысла дѣлъ и помысловъ Петра В., не могутъ напр. простить ему того, что онъ былъ между прочимъ *солдатомъ барабанщикомъ*». (стр. 19.)

Не слыжалъ я о такихъ историкахъ. Странные должны быть... эти историки... Очень благодаренъ я г. Шиллю за это указаніе, но до политической экономіи все-таки, не могу добраться.

Прочелъ я наконецъ всю книжку г. Шилля, а о политической экономіи хоть бы пол-слова. За то много очень лирическихъ мѣстъ, которыя Борисъ Федоровъ удобно могъ бы переложить въ стихи.

— Что такое жизнь? восклицаетъ Г. Шилль, и самъ отвѣчаетъ:
„Жизнь—стонъ; жизнь — безвыходное страданіе, жизнь — невыразимая мука; жизнь—постоянная пытка; жизнь—счастье, жизнь невыразимое блаженство: жизнь... горѣніе. . . оиміама, жизнь—невольная, невыразимо сладостная молитва за жизнь.“ (стр. 48.)
Наговоривъ въ такомъ родѣ о жизни страницъ пять, г. Шилль признается откровенно, что онъ не понимаетъ жизни. «Я не довольно уменъ, разуменъ, мудръ, свѣдущъ, говоритъ онъ, чтобъ... чтобъ (позволяю прибавить отъ себя) поучать юношей политической экономіи и разсуждать о теоріи финансовъ или предлагать проекты государственныхъ банковъ.

Одна литературная шалость г. Федора Берга заставляетъ меня невольно обратиться къ русскимъ стихотворцамъ и начать свое обращеніе прямо съ похвалы. Кромѣ шутокъ, они достойны похвалы и вотъ въ какомъ отношеніи.

Русскій стихотворецъ съ того самаго дня, когда у него прорѣзываются зубы вдохновенія (зубы мудрости бываютъ въ извѣстномъ возрастѣ только у прозаиковъ), тотчасъ начинаетъ создавать, не имѣя никакой охоты дѣлать переводы изъ иностранныхъ поэтовъ.

— Отчего вы ничего не переводите? спросилъ я однажды у одного такого стихотворца, который въ Россіи всегда восхвалялъ Римъ, а въ Римскомъ Коллизеѣ плакалъ о Садовой улицѣ.

Стихотворецъ встряхнулъ волосами и отвѣчалъ:

— Къ переводамъ я рѣшительно неспособенъ. Начну писать, хочу уловить образъ и мысль поэта, а у меня въ это время рождаются свои образы и свои мысли. Пишу — и что же выходитъ? Выходитъ мое собственное стихотвореніе.

Можетъ быть, все это справедливо; можетъ быть, вмѣсто образовъ Байрона или Гейне русскій стихотворецъ придумаетъ собственные *самые лучшіе* образы, но дѣло не въ томъ. Наши самобитные творцы поступаютъ, по моему мнѣнію, очень умно и только инымъ образомъ выражаютъ свою мысль. Они очень хорошо поняли, что имъ не по плечу такіе поэты, какъ Байронъ или Гейне, а потому они избрали благую часть — плакать въ Садовой улицѣ о Римѣ или предаваться ботаническому, тепличному лиризму „на выносъ“. Такъ напр. Муза г. Фета, пѣвшая постоянно о мотылькахъ и о треляхъ соловья, вывернула себя

обѣ ноги, вздумавши перетаскивать на русскій языкъ Горациа и Байрона.

Точно также стихи Я. Полонскаго были сносны до тѣхъ поръ, пока онъ не выходилъ изъ міра собственныхъ вымысловъ; когда же онъ принялся изъ газетныхъ корреспонденцій сшивать поэмы, то дошелъ до разлада съ своимъ крошечнымъ дарованіемъ и написалъ „Разладъ“.

А г. Розенгеймъ? Что и кого можетъ переводить этотъ этакно-эротическій куплетистъ? Какой чужой поэтъ можетъ вдохновить его?

И за все это мы должны быть чрезвычайно благодарны нашимъ російскимъ куплетистамъ, благодарны за то, что у нихъ достало такта не обезобразивать, не уродовать своими переводами иностранныхъ поэтовъ. Честь и хвала имъ за это. Они поняли, что мы терпѣливо можемъ смотрѣть, если г. Пронскій ломается въ какомъ нибудь фарсѣ—водевилѣ, и въ то же время съ нами сдѣляется въ театрѣ припадокъ морской болѣзни, если тотъ же самый г. Пронскій явится передъ нами въ роли шекспировскаго Гамлета.

Но къ сожалѣнію не всѣ русскіе куплетисты такъ осмотрительны и осторожны. Они часто переводятъ, много переводятъ,—да простятъ ихъ Музы, какъ они переводятъ! Больше всѣхъ отъ нихъ досталось Гейне. Гейне, принимавшій часто близко къ сердцу ругательства нѣмецкихъ критиковъ—филистеровъ, вторично бы умеръ, если бы могъ знать, что дѣлаютъ съ ними русскіе переводчики.

Кромѣ того у этихъ господъ придумана особенная манера дѣлать переводы съ переводовъ. Эту манеру я объяснилъ уже нагляднымъ образомъ въ декабр. книжкѣ „Русскаго Слова“ за прошлый годъ.

Г. Ф. Бергъ снова возвращаетъ меня къ той же темѣ.

Г. Ф. Бергъ помѣстилъ въ Отечествен. Запискахъ переводы изъ *Romanero* Генриха Гейне съ замѣчаніемъ, что *вновь сдѣланные* переводы обозначены звѣздочками. Хорошо-съ. Переводъ *Филлипуцци* отмѣченъ звѣздочками, слѣдовательно онъ *новый* переводъ. Такъ ли, г. Дудышкинъ? Г. Дудышкинъ соглашается, а мы нѣтъ, потому что въ немъ почти цѣлый печатный листъ, а именно 504 стиха принадлежатъ Мею, а г. Ф. Бергъ, ради новизны, подвизалъ къ нимъ только 80 строчекъ собственного издѣлія. Ф. Бергъ даже и эти строчки не счелъ вѣроятно нужнымъ переводить изъ Гейне, а для скорости перевелъ прямо изъ

Мея. Что ж! вѣдь поэтъ этотъ теперь тамъ, откуда никто не приходитъ; слѣдовательно, чего же бояться?

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ взглянуть сперва вотъ на этотъ отрывокъ изъ меевскаго перевода:

На вѣтвяхъ большія птицы—
 Перья съ радужнымъ отливомъ.
 Важно — длинные носы
 Изогнулись; глазами,
 Какъ очки въ оправѣ черной,
 Внизъ глядятъ онѣ, качаясь,
 И молчатъ; но вдругъ крикливо
 Начинаютъ лепетать,
 Словно кумушки всѣ вмѣстѣ.

Г. Ф. Бергъ переделалъ это мѣсто такимъ образомъ:

Здѣсь качаются на вѣткахъ
 Все большія птицы; перья
 Ихъ блестяще—ярки; длинны
 Ихъ изогнутые клювы;
 И глаза въ оправѣ черной,
 Какъ очки,—то молчаливо
 Смотрятъ внизъ,—то зашебечуть,
 Словно кумушки всѣ разомъ.

Согласитесь, что есть своего рода самоотверженіе — изъ хорошихъ стиховъ дѣлать дурные!

Смѣлость г. Берга заходитъ еще дальше. Перепечатавъ „Помара“ Гейне въ переводѣ Мея, г. Бергъ *исправляетъ* его стихи такимъ образомъ. У Л. А. Мея сказано:

За кусокъ вчера она
 Грязь мѣсить была должна;

а Ф. Бергъ *исправляетъ* такъ, забывая даже и размѣръ стиха:

За черствый хлѣбъ вчера она

Стихи Л. А. Мея, несомнѣнно одного изъ немногихъ даровитыхъ русскихъ переводчиковъ *исправляетъ* Ф. Бергъ! Странно!..

Съ стихами сладить не умѣя,
 Бергъ «исправляетъ» ихъ у Мея,

Вотъ что иногда у насъ дѣлается... Можно ли послѣ того не пожалѣть, что г. Бергъ позабылъ о своихъ играхъ съ зайчиками, промѣнявъ ихъ на болѣе опасную игру. Вотъ — другое дѣло, если бы пришлось исправлять переводы Н. Грекова изъ Гейне, то у меня у перваго не дрогнула бы рука передъ такой передѣлкой. Такую работу я даже считаю хорошимъ подвигомъ.

Отчего бы, напр., не передѣлать слѣдующаго перевода г. Грекова:

Міръ, ты два молодая,
Вѣдьма брокенская ты:
Но зависать отъ воззрѣнья
И очковъ твоихъ черты.

—
Съ телескопомъ астронома
Ты другой имѣешь видъ:
Ты ни дѣва, ни мужчина, —
Ты тогда—гермофродитъ.

Н. Грековъ, вѣроятно, будетъ мнѣ очень благодаренъ, когда я его стихи переодѣну въ такіе куплеты:

Міръ, твой видъ разнообразенъ:
Милъ—внимъ, внимъ же—гадокъ;
Міръ для Гейне—безобразенъ,
А для Грекова ты сладокъ.

—
Ты,—твой абрисъ очень тонокъ,—
Не мушкетеръ и не дама,
Ты, скажу тебѣ я прямо:
Боборыкина: „Ребенокъ“

—
Кромѣ разныхъ диковинокъ, которыми такъ богата русская журналистика, въ ней съ нѣкоторыхъ поръ открылось еще новое странное явленіе, а именно „система отпирательства“. „Русскій Вѣстникъ“, какъ и всегда и во всемъ, первый показалъ этому примѣръ и сталъ открыто отпираться отъ всего, что говорилъ прежде.

Потомъ на сцену выступили „Отечественныя Записки“, объявившія въ прошломъ году, что г. Громека *никогда* не участвовалъ въ этомъ органѣ. Мы повѣрили. Отчего же было и не повѣрить? Мы рѣшили, что Громека — вѣроятно есть только псевдонимъ Андрея Александровича. Но вдругъ совершенно неожиданно въ нынѣшнемъ году „Отечествен. Записки“ сами проговорились въ своемъ отпирательствѣ, съ помощью своего сотрудника—автора статьи: „Начало конца“.

Изъ этой статьи мы не только узнали, что г. Громека — не мифъ, не псевдонимъ, но что онъ избавилъ все наше отечество отъ язвы нигилизма и что его перо, напоенное лядисомъ, выжгло эти заразительныя раны. Г. Громека послалъ на нигилистовъ литературный потопъ и его хроники были—ковчегомъ, въ кото-

ромъ онъ прислалъ въ журнальному Арарату, т. е. въ „Отечественнымъ Запискамъ“... Чудная, грандіозная картина!.. Пусть эту картину воспроизведетъ какой нибудь художникъ и назоветъ ее:

„Рука Громеки отечество спасла!“

И такъ, отпирательство „Отечественныхъ записокъ“ — открылось и слава г. Громеки перейдетъ въ вѣка.

„Библіотека для Чтенія“ тоже отпирается.

„Нѣтъ, это не она!“ „Библи. для Чтенія“ увѣряетъ насъ, что „это не она!“ Библіотека взволнована тѣмъ обличеніемъ, что въ романѣ „Некуда“ изображена въ каррикатурѣ писательница, которая постоянно пишетъ въ томъ же журналѣ, и въ испугъ восклицаетъ: „нѣтъ это не она, ей-богу, не она, господа“...

О, милое изданіе! мы вѣримъ тебѣ и г. Боборыкину. Мы повѣрили бы даже его словамъ, если бы онъ сталъ насъ увѣрять въ томъ, что Библіотека для Чтенія — вовсе не „Библіотека для..... Чтенія.“... И такъ:

Публика клеветъ

Слушать не должна;

Понялъ цѣлый свѣтъ:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ —

Это — не она...

Вотъ еще одинъ примѣръ самоотрѣченія. На дняхъ вышло объявленіе отъ типографіи Э. Метцга, гласившее о томъ, что „продается *оптомъ* (?) слѣдующая книга: „Избранные поэты Англіи и Америки.“ Хотя имени переводчика въ объявленіи не было означено, но я былъ увѣренъ, что тутъ скрывается какая нибудь знаменитость. Вѣдь произведенія челоѣка неизвѣстнаго не станутъ продавать *оптомъ*! Досталъ я эту книжку съ переводами изъ Лонгфелло, Елизаветы Барретъ-Броунигъ и Томаса Гуда. Имена переводчиковъ скрыты подъ такими подписями: А. Н-скій, В. К-въ, В. Д-цака.

Начинаю читать и, благодаря своей памяти, припоминаю, что всѣ эти переводы я встрѣчалъ уже въ журналахъ съ подписью полной фамиліи *Всеволода Костомарова*. Такъ, напр. „Мостъ Вздоховъ“ (Гуда) помѣщенъ въ Современникѣ за 1861 г. „Сонъ Невольника“ (Лонгфелло) во „Времени“ 1861 г. и пр. и пр.

Что же это такое значить? Почему Всев. Костомаровъ раздробилъ свое имя на три псевдонима, на три отдѣленія?

Самые же переводы Вс. Костомарова были-бы посредственны, если бы онъ побольше отдѣлывалъ ихъ. Тогда бы у него не встрѣтились выраженія въ родѣ „склизкаго чела.“

Какъ-то, мѣсяца два тому назадъ, въ своемъ „дневникѣ“ я разсказалъ одинъ случай изъ быта одной московской газеты, не называя ее по имени: она была просто названа мною „*Мизерной газеткой*.“ Вдругъ нашлась одна газета въ Москвѣ, которая названіе *мизерной* приняла на свой собственный счетъ.

Издается въ Москвѣ журналъ „Развлеченіе“. Редакторъ этого органа г. О. Миллеръ почему-то сильно оскорбился моею замѣткой и написалъ на нее отвѣтъ. Хотя въ своемъ отвѣтѣ онъ и замѣчаетъ: „мало-ли въ Москвѣ газеты!“, но въ то же время прибавляетъ: „мы съ своей стороны вполне увѣрены, что *ни одна* московская редакція неспособна на такой поступокъ!“

Полно такъ-ли, г. Миллеръ! Какъ это вы отвѣчаете *за всѣ* московскія изданія... Вотъ что значить моск.вскій патриотизмъ...

Но, позвольте: г. Миллеръ только хитритъ. Г. Миллеру видимо нѣтъ никакого дѣла до другихъ редакцій, онъ только заступается за свою редакцію. Онъ пишетъ: „Такъ какъ обвиненіе, внесенное на одну изъ московскихъ газетъ *можетъ пасть и на насъ* (вотъ что!), то мы требуемъ (ужь непремѣнно и требуемъ!) отъ темнаго человѣка, чтобъ онъ прямо назвать лицо, сообщившее ему этотъ фактъ, а также и газету, поступившую такъ безчестно.“

Вотъ что я отвѣчу вамъ, г. Миллеръ. Мнѣ дѣйствительно извѣстно лицо, сообщившее извѣстный вамъ фактъ; мнѣ извѣстно его имя, иначе бы я не далъ вѣры его корреспонденціи.. Но вы сами говорите: „мало-ли въ Москвѣ газеты!“ и я, не смотря на ваше *требованіе* только замѣчу:

Изъ-за чего волнуетесь вы столько?..

Неужели *чужая* вина васъ такъ гнѣвитъ? Я же, съ своей стороны, не могу каждой московской газетѣ разсказывать именъ своихъ корресп. одентовъ. Дѣло не въ ихъ именахъ, а въ самомъ фактѣ. Вольно же вамъ было принимать его на собственный счетъ; если же это такъ случилось, то вините не меня, а вашу редакторскую подозрительность.

Мнѣ случилось однажды въ видѣ пародіи написать въ формѣ небольшой сцены продолженіе къ роману г. Скавронскаго: „*Бѣглецы въ Новороссіи*“. Что-жъ многіе подумали, что сцена эта была обличительнаго свѣдѣнія. Я ихъ и не разувѣрялъ, зная, что г. Скавронскій не будетъ такъ перетолковывать моей сцены...

Напрасно же редакція „Развлеченія“ ставитъ себя въ такое комическое положеніе, принимая мою замѣтку на свой собственный счетъ. Певельно вспомнишь одну изъ Эпиграммъ Пушкина...

Я сейчас хотѣлъ разсказать одинъ случай изъ петербургской жизни или вѣрнѣе изъ жизни петербургскихъ „мужей“, но, вспоминая о подозрительности г. Миллера, подумалъ: а, что, если всѣ мужья подумаютъ, что я обличаю каждаго изъ нихъ? Чего добраго!.. Опасаюсь я этого сильно, но... но все-таки разскажу одинъ анекдотъ. Недавно въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ на нѣсколькихъ столахъ играли въ карты. За однимъ столомъ шла интересная игра и партнеры засидѣлись долго. Всѣ они замѣтили, что съ самаго начала вечера у ихъ стола сидѣть и слѣдить за игрой одинъ господинъ, никому изъ играющихъ незнакомый. Сначала на это не обратили вниманія. Но вотъ прошло два часа, раздался условный звонокъ, послѣ котораго присутствующіе въ клубѣ должны платить штрафъ. Такъ какъ игра затянулась, то игроки остались окончить пулюку. Незвѣстный господинъ тоже остался и сидѣть вмѣстѣ съ ними.

• Наконецъ игра кончена.

— Сколько съ насъ слѣдуетъ штрафу? спрашивали партнеры.

— По пяти руб. двадцати пяти коп. с.,—отвѣчаютъ имъ.

Они отдали деньги. Странный незнакомецъ тоже вынимаетъ деньги и отдаетъ штрафъ.

Гости стали уходить. Всѣхъ ихъ заинтересовалъ господинъ, который просидѣлъ съ ними до поздней ночи и, не играя, заплатилъ штрафъ. Къ нему обратились съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота даромъ сидѣть и платить за это деньги?

— Вамъ это странно, господа, — отвѣчалъ откровенный и наивный незнакомецъ, — странно, потому что вы не знаете.. Я вѣдь человекъ семейный, женатый: домой идти не хочется, ну и си-дишь и оттягиваешь время. Эхъ, вы, господа, не знаете...

Онъ махнулъ рукой и вышелъ вмѣстѣ съ другими.

Въ этомъ наивномъ отвѣтѣ, право, есть много трагическаго....

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

къ № 8-му.

1. На Каргашинскую станцію г. Е. Березовскому. По жалобѣ вашей на недоставку книжекъ „Рус. Слова“, исполненной столько же рѣзкихъ, сколько и неосновательныхъ упрековъ противъ Редакціи, была сдѣлана немедленная справка въ Почтовомъ Вѣдомствѣ, которое отвѣчало Редакціи, что журналъ „Рус. Слово“ посылается на ст. Коргашино, на имя г. Елеазара Березовскаго; за мартъ отправлена книжка 23 апрѣля въ тую же на Владиміръ, за май—іюля 2-го тоже въ тую же на Владиміръ и, какъ изъ возвращенной описи видно, почтъ-пакетъ въ Коргашино полученъ во Владиміръ 8 іюля, посему о сдѣланіи распоряженія къ розысканію журнала представлено С.-Петербургскому Почтамту. Не смотря на этотъ отзывъ, Редакція, не желая получать отъ васъ вновь незаслуженно неприличнаго письма послала вамъ *исторично* неполученныя вами книжки. *)

2. Въ Великіе Луки Г. Харинскому. На жалобу вашу, что книжки журнала получаютъ вами *въ деревнѣ* весьма поздно, Редакція имѣетъ честь отвѣчать, что ова приметъ зависящія отъ нея мѣры къ полнѣйшему удовлетворенію васъ.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «РУССКАГО СЛОВА.»

*) Главная контора «Русскаго Слова» уже нѣсколько разъ доводила до свѣденія своихъ подписчиковъ, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ принимать на себя отвѣтственность за распоряженія Почтоваго Вѣдомства. Въ прямыхъ интересахъ издателя журнала — доставлять свое изданіе гг. подписчикамъ съ возможно большею исправностію, и для того Главная Контора принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры. Каждую вновь вышедшую книжку она немедленно сдаетъ въ газетную экспедицію, подъ росписку особаго чиновника, въ надлежащемъ числѣ экземпляровъ, въ заклеенныхъ пакетахъ, подъ бандеролью, и послѣ этой сдачи уже не можетъ слѣдить за правильностію самой доставки по назначенію адресовъ. Будетъ ли доставлена книжка, своевременно, исправно и въ цѣлости — это нисколько не зависитъ отъ Конторы журнала. Кромѣ того, что всякая неисправность въ этомъ отношеніи прямо вредитъ изданію,

каждая редакция обременяется еще хлопотами и почтовыми расходами по письменнымъ отвѣтамъ на жалобы подписчиковъ, по непрерывному и часто утомительному сношенію съ самимъ Почтовымъ Вѣдомствомъ по справкамъ и разнымъ запросамъ, на которые иногда ожидается отвѣтъ по нѣсколькимъ недѣлямъ и даже мѣсяцевъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ Главная Контора «Русскаго Слова» предпочитаетъ высылать книжки *сторично*, желая лучше понести убытокъ, чѣмъ оставить своего подписчика безъ удовлетворенія. И за всѣмъ тѣмъ остается еще много непоправимыхъ недостатковъ по исправной разсылкѣ журнала. Съ будущаго 1865 года Главная Контора «Русскаго Слова» рѣшилась устроиться на новыхъ основаніяхъ, чтобы употребить всѣ возможныя и послѣднія средства для лучшаго удовлетворенія своихъ подписчиковъ со стороны исправной и своевременной разсылки журнала.

О ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ «РУССКАГО СЛОВА ОТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ.

- Отъ г. Кирьева, изъ г. Ливно 7 р. за 2 полугодіе.
 - г. Сивцаго, изъ Витебска 4 „ за послѣднюю треть.
 - г. Лавреньева, изъ м. м. Клавы 9 „ остальные за годъ
 - г. Медвѣдева изъ Астрахани . . . 7 „ за первое полугодіе
 - г. Нордена изъ Саратова 7 „ за 2 полугодіе.
-

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

Д-ра А. Брема

Директора Зоологическаго сада въ Гамбургѣ.

(Отъ издателя нѣмецкаго оригинала).

«Въ наше время стараются доставить естествознанію право гражданства въ народномъ образованіи, намъ стараются наглядно представить всѣ процессы внутренности земнаго шара, изучаютъ силы, двигающія міромъ, прислушиваются къ дыханію растений и къ круговороту крови, но въ то же время совершенно забываютъ царство болѣе совершенно организованныхъ созданій, которые ближе всего стоятъ къ человѣку и дѣлать съ нимъ господство надъ землею; цѣль нашей книги пополнить этотъ пробѣлъ.

Указавъ цѣль, мы можемъ представить программу ея выполненія.

Сочиненіе носить заглавіе «*жизнь животныхъ*», потому что разсматриваетъ животныхъ въ ихъ естественныхъ отношеніяхъ, а не съ точки зрѣнія точной науки; наша книга разсматриваетъ животное не на диссекціонномъ столѣ анатома, не въ клѣткѣ звѣринца или зоологическаго сада, но среди его родины, въ его отношеніяхъ, въ его семейной и общественной жизни, изучаетъ его способности и нравы, его умъ и характеръ, короче сказать, его свободное существованіе и указываетъ его мѣсто въ ряду созданій съ широкой, космической точки зрѣнія.

Порядокъ изложенія систематиченъ, указана анатомія семейства, на сколько она необходима для характеристики; признаки животнаго приведены вкратцѣ, за то жизнь его описана подробно и конкретно съ исключеніемъ всего баснословнаго и вымышленнаго и вѣдь всякаго преувеличенія и всякой сантиментальности, которая распространяются теперь вслѣдствіе опаснаго диллетантизма.

Все сочиненіе обнимаетъ предварительно только *млекопитающихъ и птицъ*; первый отдѣлъ состоитъ изъ двухъ томовъ, болѣе 40 листовъ каждый и съ 600 рисунковъ; отдѣлъ этотъ уже появился въ оригиналѣ, и издатель приступаетъ ко второму отдѣлу, т. е. къ птицамъ.

Приступая къ изданію на русскомъ языкѣ такого громаднаго по своему объему сочиненія, какъ «*Жизнь животныхъ*» Брема, возбуждавшаго съ прошлаго года такой живой интересъ во всей читающей иностранной публикѣ, желая по возможности передать его русскимъ читателямъ точно въ такомъ же видѣ, какъ оно предлагается иностраннымъ, въ особенности по чрезвычайной отчетливости и живости рисунковъ, издатель вошелъ въ сношеніе съ *библіографическимъ институтомъ въ Гильдбургаузенъ* для полученія права на переводъ и поставки рисунковъ.

Г. Мейеръ, завѣдывающій дѣлами библіографическаго института, изъявилъ желаніе оказать полное содѣйствіе русскому изданію, такъ что можно надѣяться, что русское изданіе по роскоши и отчетливости исполненія нисколько не уступитъ иностранному, при чемъ большіе рисунки, приложенные въ каждому иностранному выпуску, *Библиографическій институтъ* отпечатаетъ на мѣстѣ, а со всѣхъ прочихъ доставитъ мѣдныя клише.

Будутъ употреблены всѣ мѣры, чтобъ переводъ вполнѣ передалъ простой и чрезвычайно занимательный рассказъ автора, при чемъ общую редакцію перевода въ литературномъ отношеніи принялъ на себя *В. А. Зайцевъ*.

Желая по возможности скорѣе доставить русской публикѣ хотя начало сочиненія Брема, издатель надѣется выпустить въ непродолжительномъ времени первый выпускъ, въ который войдутъ 4 $\frac{1}{2}$ нѣмецкихъ выпусковъ, обнимающіе *Обезьянъ и Рукокрылыхъ*.

Цѣна будетъ назначена по возможности умѣренная.

В. Мовалевскій.